Русский
Вѣстникъ.
1890. №=6.

21 к.

Вышелъ 1-го іюня.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ ВОСЬМОЙ.

1890.

ІЮНЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДЕРЖАВЪ ВЪ ПРЕЖНЕМЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ. (Окончаніе). **В. А. Теплова.**

II. СТАРИНА И МОЕ ДѢТСТВО. Гл. IX—XIV. (Продолженіе). **Я. П. Полонскаго.**

III. ВЪ ЛѢСУ. Повѣсть. III—VII. (Окончаніе). **Н. И. Северина.**

IV. ЗАПИСКИ ГРЯЗЕВА, сподвижника Суворова въ итальянскомъ походѣ. 1779. (Продолженіе).

V. ВЕЧЕРНІЙ ЗВОНЪ. Стихотв. **Я. П. Полонскаго.**

VI. ПОДЛИННОЕ ДѢЛО О СМЕРТИ ГРИБОѢДОВА. **А. П. Мальшинскаго.**

VII. ТАМАРА БЕНДАВИДЪ. Романъ. Главы XXXVI—XXXIX **Вс. В. Крестовскаго.**

VIII. ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ ВЗЯТІЯ ТАШКЕНТА (1865—1890 гг.). **А. Н. М.**

IX. „ПРЕДЪУТРЕННИМЪ ПАХНУЛО ХОЛОДКОМЪ“. Стихотвореніе **М. К.**

X. НѢМЦЫ-ИНСТРУКТОРЫ ВЪ КИТАЙСКОЙ АРМІИ. **А. Я. Максимова.**

XI. „ВЪ ПУТЬ НЕ ОДИНЪ Я ИДУ“... Стихотв. **Н. П—во.**

XII. О РОМАНАХЪ ГР. Л. Н. ТОЛСТАГО. **К. Н. Леонтьева.**

XIII. НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ. **Русской:** I. Н. Страховъ. Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ. Историческіе и критическіе очерки. Книжка вторая. Изд. 2-е. Спб. 1890. **К. Н. Бестужева-Рюмина.**—II. Русскія Юридическія Древности. Томъ I. Территорія и населеніе. Профессора В. И. Сергѣевича. — III. Ѳ. И. Булгаковъ. Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства. Т. I. Съ изобрѣтенія книгопечатанія по XVIII вѣкъ включительно. Спб. Изд. А. Суворина. 1890.—IV. Программа для собиранія народныхъ юри-

дическихъ обычаевъ. Спб. 1890.—**Иностранной:** I. Russia Japhet, or the Muscovite, the Cossack and the Mongol. A detailed identification of the Power whose Doom is foretold in Ezeekiel XXXVIII, by Oxonian. Lond. 1890.—II. Quellen zur Geschichte der Deutschen Kaiserpolitik Oesterreichs während der französischen Revolutionskriege (1790—1801). Herausg. von Alfred Ritter von Vivenot, fortgesetzt von der Kaiserl Akademie der Wissenschaften durch Dr. Heinrich v. Zeissberg V Band. Wien. 1890.—III. Friedrich Paulsen, System der Ethik mit einem Umriss der Staatsund Gesselschaftslehre. Berlin. 1889.

XIV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Наша внѣшняя торговля въ 1889 г.—Ликвидація дѣлъ общества взаимнаго поземельнаго кредита.—Итоги преобразованія пятипроцентнаго государственнаго долга.—Отмѣна почтовой автономіи Финляндіи.

XV. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Тейфенбахъ въ Штиріи, 20-го мая (1-го іюня) 1890 г. **С. С. Татищева.**

XVI. СООБЩЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ. **Неудачная защита.** (Сообщ. **М. И. Сухомлиновымъ**).

XVII. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I.

ПАРІЯ.

Романъ въ шести частяхъ. Часть первая.

Ф. Анстн.

II.

ДВА БРАТА.

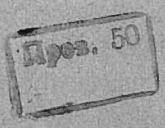
Историч. романъ **Р. Л. Стивенсона.**

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ ВОСЬМОЙ.

1890.

Іюнь.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., № 39.
1890.

Представители европейскихъ державъ въ прежнемъ Константинополѣ [1].

(*Окончаніе*).

Получивъ свои торжественныя аудіенціи, представители европейскихъ державъ обыкновенно не могли болѣе видѣть ни султана, ни великаго визиря, исключая тѣхъ случаевъ, когда имъ приходилось представлять новыя вѣрительныя грамоты, либо извѣстительныя письма, либо, наконецъ, свои отзывныя грамоты.

При отозваніи своемъ посолъ получалъ отъ султана аудіенцію, во время которой ему вручали отвѣтныя грамоты на кредитивы, представленные его преемникомъ.

Если посолъ отправлялся во временный отпускъ, то онъ откланивался лишь у великаго визиря.

Не имѣя возможности во время пребыванія своего въ Константинополѣ лично видѣться съ главою правительства—великимъ визиремъ, посолъ вынужденъ былъ всѣ дѣла вести въ Портѣ чрезъ посредство своихъ драгомановъ, переводчиковъ, которые набирались изъ мѣстныхъ левантинскихъ семействъ и которые, въ качествѣ единственныхъ неизбѣжныхъ посредниковъ между иностранными дипломатами и турецкимъ правительствомъ, не замедлили пріобрѣсти выдающееся значеніе.

Въ былое время, представители иностранныхъ державъ, отправляясь къ великому визирю, обязаны были каждый разъ дѣлать подарки какъ ему, такъ и прочимъ министрамъ и ихъ помощникамъ. Подарки эти состояли изъ нѣсколькихъ аршинъ парчи, атласа или сукна. Подарки дѣлались также обязательно два раза въ годъ на праздники Байрама и Курбанъ-байрама, а затѣмъ при всякомъ новомъ назначеніи великаго визиря и

[1]) См. „Русск. Вѣстн.“. Май, стр. 1.

министра иностранныхъ дѣлъ. Этотъ разорительный обычай былъ уничтоженъ послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія существовалъ еще другой обычай. Когда султану доводилось посѣщать училище пажей въ Галата-Сераѣ или когда онъ лѣтомъ проводилъ нѣсколько часовъ близъ Буюкдере (деревушка на Босфорѣ, гдѣ помѣщается лѣтняя резиденція русскаго посольства), то было принято, чтобы иностранные посланники посылали ему, въ видѣ подарка, варенье и разныя сладости въ хрустальныхъ или фарфоровыхъ вазахъ. Подношеніе это доставлялось драгоманомъ каждой миссіи и передавалось Кызларъ-агѣ (начальнику черныхъ евнуховъ и вообще всего султанскаго гарема), который за то выдавалъ имъ, отъ имени султана, въ подарокъ свертокъ въ сто піастровъ (около ста франковъ по тогдашнему курсу).

Званіе посла и присвоенныя ему по международнымъ правиламъ преимущества рѣдко уважались турками и ни мало не защищали личность самого посла, въ особенности при разрывѣ съ тѣмъ государствомъ, которое онъ представлялъ. При этомъ турки зачастую забывали основныя положенія, утвержденныя самимъ мусульманскимъ правомъ — „эльчійе зеваль іокдыръ“ (никакое несчастіе не должно постигать пословъ) и „ве ма алеръ ресуль иллель белагъ“ (посолъ исполняетъ лишь порученіе пославшаго его). А Солиманъ Великолѣпный возвелъ даже какъ бы въ законъ, что „послы отвѣтственны за слово, даваемое ихъ государями и, въ своемъ качествѣ заложниковъ, должны быть наказываемы въ случаѣ нарушенія этого слова“.

Въ трактатахъ, заключенныхъ Турціею съ Австріею въ XVI и въ началѣ XVII вѣка, постоянно встрѣчается статья, гласящая, что высокія договаривающіяся стороны будутъ въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ поступать гуманно (humaniter procedatur) и что болѣе не будутъ заключать подъ стражу пословъ, повѣренныхъ въ дѣлахъ, агентовъ и лицъ ихъ свиты „даже въ томъ случаѣ, если миръ будетъ нарушенъ“.

Несмотря на это по обыкновенно соблюдавшемуся правилу, при объявленіи войны какой-либо державѣ, ея представитель въ Константинополѣ немедленно же заключался въ Семибашенный замокъ. Иностранные посланники были такъ пріучены къ подобному порядку вещей, что отправлялись въ свое зато-

ченіе съ такою же легкостью, какъ еслибы они отправлялись на аудіенцію къ государю, при которомъ они были аккредитованы.

Чтобы избѣгнуть такого заключенія, венеціанскій байль, передавшій въ 1684 году объявленіе войны Венеціанскою республикою Портѣ, сбрилъ себѣ бороду, остригъ волоса на головѣ и тайкомъ бѣжалъ изъ Константинополя, сначала въ простой лодкѣ, а потомъ на хіосскомъ суднѣ.

Но кромѣ этого, такъ сказать, обыденнаго порядка, общаго для всѣхъ представителей европейскихъ державъ, бывали иногда случаи, когда заточеніе сопровождалось для этихъ послѣднихъ еще особо грубымъ съ ними обращеніемъ, нерѣдко связаннымъ съ истязаніями; особенно доставалось венеціанскимъ байлямъ и австрійскимъ посланникамъ. При объявленіи войны Венеціанской республикѣ, турки сажали байля въ тѣсную темницу, а по улицамъ глашатаи возвѣщали съ трубнымъ звукомъ, что всѣмъ разрѣшается убивать или обращать въ рабство венеціанскихъ подданныхъ, какіе только попадутся подъ руку [1]).

Австрійскихъ посланниковъ, при объявленіи войны, сначала засаживали въ казаматы Семибашеннаго замка, а затѣмъ нѣкоторыхъ изъ нихъ возили или, вѣрнѣе, таскали за войскомъ, причемъ они должны были терпѣть множество лишеній, ежеминутно ожидая, что ихъ казнятъ.

Но и въ мирное время иностранные дипломаты въ Константинополѣ не были застрахованы отъ весьма существенныхъ непріятностей.

Въ 1658 г. венеціанскій байль, Капелло, былъ такъ избитъ, что съ горя хотѣлъ лишить себя жизни, хотя ему и помѣшали привести это намѣреніе въ исполненіе, тѣмъ не менѣе происшествіе это такъ потрясло его, что онъ сошелъ съ ума; просидѣвъ семь лѣтъ въ темницѣ въ Адріанополѣ, онъ тамъ и окончилъ свою жизнь.

Съ посломъ Фердинанда Австрійскаго, барономъ Бузбекомъ, обращались скорѣе какъ съ государственнымъ преступникомъ, чѣмъ какъ съ иностраннымъ дипломатомъ. Его же послу, поляку Іерониму Лясскому (Lasczky), палатину Сирадійскому, Солиманъ чуть не отрѣзалъ ушей и носа. Лишь

---

[1]) Histoire de l'empire ottoman, par Mignot. III. 72.

съ помощью крупныхъ взятокъ Лясскому удалось избѣжать увѣчья.

Въ 1566 году германскій императоръ прислалъ въ Константинополь своимъ резидентомъ нѣкоего Альберта де-Виса (de Vüs) для переговоровъ по заключенію съ султаномъ мирнаго трактата, но переговоры эти были прерваны вслѣдствіе грубаго оскорбленія, нанесеннаго австрійскому посланнику на улицѣ и среди бѣлаго дня. Въ то время, когда де-Висъ, прогуливаясь, проѣзжалъ верхомъ по одной изъ константинопольскихъ улицъ, онъ повстрѣчался съ шейхъ-уль-исламомъ, котораго сопровождала огромная свита. Одинъ изъ приспѣшниковъ шейхъ-уль-ислама закричалъ австрійскому резиденту, чтобы онъ немедленно слѣзъ съ лошади предъ главою мусульманскаго духовенства. Де-Висъ, который не былъ знакомъ съ мѣстными обычаями и слишкомъ уповалъ на важность дипломатическаго званія, коимъ онъ былъ облеченъ, отказался исполнить предъявленное ему требованіе. Тотчасъ же послѣ этого, янычары, сопровождавшіе шейхъ-уль-ислама, и всѣ случившіеся тутъ же мусульмане напали на свиту посланника, самого же его стащили съ лощади и избили жесточайшимъ образомъ.

Напрасно де-Висъ жаловался Портѣ на подобное нарушеніе международнаго права; сознавая невозможность отомстить за столь тяжкое оскорбленіе и добиться удовлетворенія, де-Висъ отъ огорченія вскорѣ умеръ. Императоръ въ то время не былъ достаточно могущественъ и предпочелъ лучше игнорировать оскорбленіе, чѣмъ искать удовлетворенія безъ надежды на успѣхъ.

Когда австрійскій посолъ, баронъ Прейнеръ, отказался дать великому визирю въ подарокъ болѣе 3.000 червонцевъ, то тогдашній великій визирь, Синанъ-паша, пригрозилъ, что выставитъ его у позорнаго столба и что отъ этого послѣдняго онъ не отойдетъ живымъ. Другаго же императорскаго посла, Джурковича, Синанъ-паша на первой же аудіенціи обозвалъ „собакою“ и приказалъ сломать его саблю.

Шведскій посланникъ, Функъ, былъ посаженъ въ 1712 г. въ тюрьму лишь за то, что передалъ великому визирю просьбу Карла XII о присылкѣ ему субсидіи въ тысячу кошельковъ.

Въ 1585 году посолъ Рудольфа Австрійскаго былъ посаженъ въ тюрьму, какъ мы видѣли выше, лишь за то, что не привезъ подарковъ султану Мураду III.

Въ 1593 году австрійскаго посла, барона Креквица, силою увезли изъ посольскаго дома, его бумаги были захвачены, самого его заковали въ цѣпи и потащили сперва въ лагерь великаго визиря, а затѣмъ въ Бѣлградъ, гдѣ онъ и скончался отъ перенесенныхъ мученій. Изъ тридцати лицъ, составлявшихъ его свиту, нѣкоторые провели цѣлые года въ тюрьмахъ, другіе же на галерахъ.

Одинъ изъ великихъ визирей, Али-паша, бывшій капуданъ-паша, прислалъ разъ оффиціальную бумагу англійскому послу Гэрбону, въ которой турецкій сановникъ угрожалъ этому дипломату палочнымъ угощеніемъ, австрійскаго же интернунція, Старцера, великій визирь грозился повѣсить или выдрать плетьми „какъ осла“.

Въ 1634 году совершенно произвольно Порта наложила контрибуцію на всѣхъ негоціантовъ-франковъ, а чтобы они не вздумали сопротивляться, приказала всѣхъ обезоружить. Розыски оружія, въ противность трактатовъ, были сдѣланы даже въ посольскихъ дворцахъ, а отъ англійскаго посла, сэра Peter Wych, отняли шпагу, ту самую, которою англійскій король посвятилъ его въ рыцари.

Въ 1755 году, когда англійскій посолъ, Портеръ, въ торжественной аудіенціи передавалъ поздравленія короля Георга II султану по случаю его воцаренія, турецкій реисъ-эфенди (министръ иностранныхъ дѣлъ) Абди прижалъ ко лбу Портера отвѣтное письмо султана, въ то же время люди реиса-эфенди, схвативъ посла за голову, старались заставить его поцѣловать султанскую подпись.

На прощальной же аудіенціи, Абди распорядился вытащить изъ-подъ посла табуретъ, такъ что Портеръ вынужденъ былъ стоять предъ сидѣвшимъ на диванѣ великимъ визиремъ.

Взаимное соперничество и мѣстничество между иноземными послами крайне вредили имъ самимъ въ глазахъ турокъ. Такъ напр. соперничавшія въ Константинополѣ державы не останавливались ни предъ чѣмъ, чтобы умалить въ Портѣ столь ненавистное имъ преобладающее вліяніе, пріобрѣтенное Франціею. Дабы разсердить турокъ, онѣ всячески раздували случай съ французскимъ посломъ де-Ноайлемъ, указывая на то, что лишь непомѣрная-де его гордость заставила его нарушить стародавній обычай, требовавшій, чтобы во время аудіенціи у султана посолъ кланялся падишаху до земли. Сами же представители враждебныхъ Франціи державъ — послы англійскій и голланд-

скій — унизились до того, что, какъ рабы, пали предъ султаномъ ницъ и поцѣловали коверъ у подножія султанскаго трона.

Въ 1639 году англійскій посолъ предпочелъ уплатить 15 кошельковъ золота за предоставленіе ему старшинства предъ австрійскимъ интернунціемъ, барономъ Кинскимъ.

Два англійскихъ посла, сэръ Бендишъ (Thomas Bendish)— представитель парламента—и сэръ Саквиль (Sakville Crow)— представитель короля — долго спорили между собою, каждый изъ нихъ называлъ себя единственно настоящимъ посломъ. Пререканія были прекращены, благодаря вмѣшательству въ дѣло придворнаго астролога, Хусейна, который, получивъ крупную взятку съ Бендиша, уговорилъ султана признавать полномочнымъ представителемъ британскаго правительства именно сэра Томаса Бендиша, принятаго вскорѣ затѣмъ на аудіенціи султаномъ.

У помянутаго выше сэра Саквиля было еще ранѣе того непріятное столкновеніе съ англійскою компаніею торговли съ Левантомъ, причемъ обѣ стороны приносили жалобы другъ на друга въ Порту. Такъ какъ расположеніе этой послѣдней пріобрѣталось и зависѣло лишь отъ величины подносимой взятки, то обѣ тяжущіяся стороны другъ предъ другомъ набивали цѣну этой взятки, — такъ когда посолъ предлагалъ 60.000 монетъ по 8 аспровъ — компанія предлагала 200.000. Эти прискорбныя препирательства прекратились лишь съ отозваніемъ Саквиля.

Въ 1652 году капуданъ-паша Гюрджи Мехмедъ, сдѣланный великимъ визиремъ, вызвалъ къ себѣ въ адмиралтейство англійскаго и французскаго пословъ.

Англійскій посолъ, сэръ Бендишъ, явился первымъ и занялъ первое мѣсто—французскій посолъ, де-ла-Гэ (de la Haye) пріѣхалъ нѣсколько спустя и прежде чѣмъ войдти въ залу Дивана былъ кѣмъ-то предупрежденъ, что первое мѣсто уже занято. Чтобы избѣгнуть открытаго столкновенія, де-ла-Гэ счелъ нужнымъ отправиться въ другую сосѣднюю залу и дождался тамъ великаго визиря, чтобы пожаловаться на поступокъ англійскаго посла. Де-ла-Гэ высказалъ, какъ опрометчиво поступилъ Бендишъ, захвативъ не принадлежащее ему почетное мѣсто въ Диванѣ, искони присвоенное по капитуляціямъ представителю Франціи, и что лишь уваженіе къ великому визирю и къ мѣсту, въ которомъ они находятся, помѣшали ему самому

расправиться съ англійскимъ посломъ. Гюрджи Мехмедъ отвѣтилъ ему, нисколько не волнуясь, что онъ самъ знаетъ, кому какое мѣсто принадлежитъ и что онъ вполнѣ располагаетъ средствами, дабы возвратить французскому послу то мѣсто, которое ему слѣдуетъ по праву.

Такимъ образомъ, де-ла-Гэ вошелъ въ залу Дивана уже вмѣстѣ съ великимъ визиремъ и въ то время какъ Бендишъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, чтобы привѣтствовать Гюрджи Мехмеда, французскій посолъ, ни мало не медля, усѣлся на первомъ мѣстѣ и заявилъ, что оно принадлежитъ ему. Англійскій посолъ собирался-было это оспаривать, но великій визирь тотчасъ же вскочилъ съ своего мѣста, схватилъ посла за шиворотъ и ударомъ кулака вышвырнулъ его изъ залы, обозвавъ его въ добавокъ „предателемъ“, упрекъ тѣмъ болѣе для него обидный, что Бендишъ былъ присланъ мятежнымъ парламентомъ, только-что казнившимъ своего короля—Карла I.

Замѣчательно, что, разсказывая объ этомъ происшествіи, историкъ находитъ нужнымъ лишь прибавить хладнокровно, что оно стоило англійскому послу огромныхъ денегъ, чтобы помириться и возобновить прежнія отношенія съ турецкими министрами.

Вообще къ посламъ относились крайне подозрительно. За ними зорко слѣдили, пытались даже воспретить имъ писать шифромъ, имъ препятствовали даже сноситься между собою. „Когда вернетесь въ христіанскія земли, то можете говорить другъ съ другомъ сколько угодно“, говорилъ имъ великій визирь Соколи. Въ виду этого, послы обыкновенно видѣлись между собою только тайно, ночью. Посламъ воспрещалось даже возить по улицамъ своихъ женъ; разъ хотѣли запретить имъ пить вино; вопросъ о томъ обсуждался въ одномъ изъ засѣданій Дивана, причемъ посламъ стоило большихъ усилій, чтобы добиться разрѣшенія получать вина изъ порта, но только ночью.

Въ 1582 году, во время ослѣпительныхъ по своей роскоши празднествъ по случаю обрѣзанія сына султана Мурада III, Магомета, на историческомъ гипподромѣ было устроено зрѣлище, имѣвшее цѣлью наивящее посрамленіе европейскихъ представителей предъ многотысячною толпою мусульманъ.

На площади, напротивъ султанской трибуны, было построено два замка: самый большой изъ нихъ, украшенный красными и желтыми флагами, представлялъ изъ себя мусульманскую

крѣпость, другой съ флагами, покрытыми изображеніями красныхъ и синихъ крестовъ,— христіанскую. Послѣ оживленной пушечной перестрѣлки между обѣими крѣпостями, гарнизонъ мусульманскаго замка сдѣлалъ вылазку и лишь только приблизился съ артиллеріей къ непріятельской крѣпости, какъ стѣны ея моментально разрушились, и изъ нихъ выскочили четыре свиньи—тонкій намекъ на четыре христіанскія державы, послы которыхъ присутствовали тутъ же въ особыхъ трибунахъ.

Чтобы еще болѣе прибавить занимательности этой, по мнѣнію турокъ, остроумной шуткѣ, пятая свинья, которую нарочно привели изъ австрійскаго посольскаго дворца, была вслѣдъ затѣмъ отдана на растерзаніе тремъ львамъ.

Не лишне прибавить, что русскій посолъ не присутствовалъ при этомъ представленіи.

Семейства пословъ въ 1617 году были внесены въ окладные листы, и даже сами послы были вынуждены въ продолженіи нѣкотораго времени платить хараджъ (подушную подать).

Въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, великій визирь Дженъ Али паша, считая европейскихъ посланниковъ опреимущественными шпіонами, задумалъ было содержать этихъ безпокойныхъ гостей въ отдаленіи отъ столицы, назначивъ имъ пребываніе на островѣ, за девять миль отъ Константинополя.

Недалѣе какъ наканунѣ французской революціи въ 1788 г., какъ о томъ пишетъ одинъ изъ французскихъ дипломатовъ, „даже почетный караулъ, стоящій у зданія французскаго посольства, не встаетъ, когда посолъ проходитъ мимо него, и послѣдній янычаръ на улицѣ, встрѣчаясь съ посломъ, не даетъ ему дороги, желая какъ бы показать, что послѣдній мусульманинъ лучше перваго гяура“.

Но самыя крупныя столкновенія между Портою и иностранными представителями были по отношенію къ французскимъ посламъ, невзирая на вѣковую дружбу, соединявшую оба правительства, и на то, что турки считали французовъ своими лучшими друзьями. Доказательствомъ тому служитъ обращеніе турецкаго правительства съ шестью французскими послами.

Уже въ царствованіе Мурада III, французскій посолъ, Ланкомъ (Lancôsme) былъ посаженъ въ тюрьму, и великій визирь написалъ Генриху IV письмо, наполненное горькими жалобами на его представителя въ Константинополѣ, котораго глава ту-

рецкаго правительства обвинялъ въ вѣроломствѣ и увѣрялъ, что онъ давно бы казнилъ Ланкома за шпіонство его въ пользу Испаніи, еслибы не священный характеръ званія, которымъ онъ былъ облеченъ, и еслибы не препятствовали тому чувства уваженія, питаемыя султаномъ къ французскому королю.

Въ 1618 году Порта арестовала барона Санси (Sancy de la Môle), посла Людовика XIII, а въ 1634 г. велѣла схватить французскаго посла графа Маршвиля (de Marcheville) и, посадивъ на судно, выгнать изъ Константинополя.

Затѣмъ, три посла Людовика XIV были одинъ за другимъ посажены въ тюрьму — де-ла-Гэ (de la Haye) въ 1658 г., де Вантелэ (de Vantelee) въ 1666 г. и Гильерагъ (Guilleragues) въ 1681 году.

Нѣкій князь Корецкій, а по нѣкоторымъ источникамъ воевода Конецпольскій, захваченный во время войны въ Молдавіи, за невозможностью уплатить требуемый за него Портою очень большой выкупъ, посаженъ былъ въ Семибашенный замокъ. Французскій посолъ, баронъ Санси, въ качествѣ естественнаго покровителя всѣхъ католиковъ, обитающихъ въ Константинополѣ, свободныхъ или рабовъ — нѣсколько разъ посылалъ въ 1618 г. своего секретаря Мартэна (Martin) къ князю Корецкому, чтобы утѣшать его и помогать въ нуждѣ.

Мартэнъ изыскивалъ всевозможныя средства, чтобы доставить свободу узнику и, не предупредивъ самого посла, переслалъ князю веревочную лѣстницу — передать ее удалось въ пирогѣ, запеченномъ въ кухнѣ французскаго посольства и какъ кушанье пропущенномъ довѣрчивою турецкою стражею. Благодаря этой лѣстницѣ, князь Корецкій спустился чрезъ окно темницы и счастливо скрылся. При обыскѣ тюрьмы, между прочимъ, были найдены письма Мартэна, доказывавшія его соучастіе въ дѣлѣ бѣгства скрывшагося плѣнника.

Узнавъ о томъ, великій визирь распорядился арестованіемъ какъ секретаря Мартэна, такъ и драгомана французскаго посольства, которые были въ добавокъ схвачены турками въ самомъ зданіи посольства и подвергнуты пыткѣ.

Баронъ Санси, негодуя на нанесенное оскорбленіе, бросился къ великому визирю, чтобы жаловаться и требовать обратной выдачи своихъ подчиненныхъ. Но, вмѣсто удовлетворенія, великій визирь осыпалъ его бранью, велѣлъ заключить его самого въ тюрьму, добавивъ, что съ нимъ будетъ поступлено точно также, какъ съ его секретаремъ и драгоманомъ, если

только онъ не откроетъ убѣжища, гдѣ скрывался князь Корецкій; въ заключеніе великій визирь сказалъ: „ты не первый посолъ, котораго сажаютъ въ наши тюрьмы, но ты будешь первымъ, кого мы отправимъ въ геенну огненную“ [1]), (обычное, по мнѣнію мусульманъ, мѣстопребываніе христіанскихъ душъ). Ни протесты французскаго посла, ни ссылки его на международное право, ни, наконецъ, угрозы именемъ французскаго короля не могли поколебать рѣшенія великаго визиря, который передалъ барона Санси чаушамъ. Эти послѣдніе въ утѣшеніе говорили ему, что пыткѣ его подвергнутъ лишь на другой день.

Убѣдившись, что и званіе не спасетъ его отъ пытки, французскій посолъ долженъ былъ изыскать другіе пути къ спасенію. Подъ предлогомъ необходимости разыскать князя Корецкаго, баронъ Санси послалъ своихъ людей въ французское посольство забрать всѣ деньги, какія только тамъ имѣлись, и такъ какъ онъ былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ шейхъ-уль-исламомъ, то послалъ ему богатый подарокъ съ просьбою заступиться за него предъ великимъ визиремъ. Дѣйствительно, шейхъ-уль-исламъ написалъ великому визирю письмо въ желаемомъ смыслѣ, угрожая, въ случаѣ отказа, издать противъ него фетву. Письмо это, подкрѣпленное крупною суммою денегъ, которую французскій посолъ, съ своей стороны, одновременно съ тѣмъ доставилъ въ видѣ взятки великому визирю, возъимѣло свое дѣйствіе, и баронъ Санси былъ выпущенъ на свободу, просидѣвъ въ заключеніи четыре мѣсяца, подчиненные же его еще долѣе, такъ какъ они оставались заложниками до полной уплаты выкупа за посла, опредѣленнаго великимъ визиремъ въ 15.000 піастровъ. Въ то же время великій визирь счелъ удобнымъ придраться и ко всѣмъ остальнымъ европейскимъ посламъ: онъ велѣлъ имъ сидѣть по своимъ домамъ, а по улицамъ велѣлъ объявить чрезъ глашатаевъ, что каждый мусульманинъ, встрѣтившій какого-либо европейскаго представителя за предѣлами Перы, обязанъ тащить его немедленно въ тюрьму.

Тѣмъ временемъ султанъ Мустафа былъ низложенъ и замѣненъ Османомъ II.

Чрезвычайный французскій посолъ короля Людовика XIII, de Ho (Mr. de Naus) прибылъ въ Константинополь жаловаться

[1]) Histoire de l'empire ottoman, par Lavallée. 292.

на оскорбленіе, нанесенное французскому народу въ лицѣ его представителя барона Санси. Такъ какъ лицамъ, находившимся тогда во главѣ турецкаго правительства, было выгодно порицать все то, что было сдѣлано при правительствѣ предшествовавшемъ, то французы безъ труда добились должнаго удовлетворенія. Вина за происшедшее была возложена на низведеннаго султана, и было условлено, что во Францію будетъ посланъ особый чрезвычайный посолъ, который отъ имени султана выразитъ сожалѣніе объ ошибкѣ, сдѣланной его предшественникомъ, и передастъ королю письмо, въ которомъ султанъ увѣритъ Людовика XIII, что на будущее время французскій посолъ будетъ почитаемъ и уважаемъ въ Портѣ, какъ то приличествуетъ высокому его званію и какъ то должно было бы постоянно имѣть мѣсто.

Однако, несмотря на всѣ эти увѣренія, новыя столкновенія не замедлили произойти въ самомъ непродолжительномъ времени.

Преемникъ барона Санси, графъ Сези (de Cesy) жаловался Портѣ на вымогательства одного еврея, взявшаго на откупъ Константинопольскую таможню и сильно притѣснявшаго торговцевъ европейскими товарами. Великій визирь, убѣдившись, что откупщикъ дѣйствительно взыскивалъ съ торговцевъ больше пошлинъ, чѣмъ самъ показывалъ въ своихъ отчетахъ Портѣ, повѣсилъ его какъ лихоимца.

На мѣсто его, французскій посолъ и торговцы разныхъ націй рекомендовали другаго откупщика изъ армянскихъ торговцевъ, котораго и назначили въ 1628 году завѣдующимъ таможнею; онъ строго держался размѣра пошлинъ, установленныхъ закономъ. Въ это время великій визирь отправился на войну противъ персіанъ, намѣстникъ же его и мелкіе турецкіе чиновники, полагающіе, что, беря взятки съ христіанъ, они только отбираютъ свое собственное добро, стали всячески притѣснять армянина, вымогая отъ него все новые и новые себѣ подарки, такъ что въ концѣ концовъ, несмотря на всю свою честность, армянинъ этотъ вынужденъ былъ объявить себя по отношенію къ турецкой казнѣ несостоятельнымъ должникомъ. Тогда лицами отвѣтственными за причиненный тѣмъ турецкой казнѣ убытокъ были объявлены поручители за неисправнаго откупщика—нѣкоторые европейскіе негоціанты и самъ французскій посолъ.

Между тѣмъ, король Людовикъ XIII нашелъ нужнымъ отозвать графа Сези, пробывшаго въ Константинополѣ 17 лѣтъ

въ качествѣ французскаго посла, и замѣнить его въ 1634 году графомъ Маршвилемъ. Этотъ послѣдній, направляясь на военномъ суднѣ въ Константинополь, повстрѣчалъ близъ Хіоса турецкую эскадру, бывшую подъ начальствомъ самого капудана-паши, совершавшаго свои разъѣзды по морю особенно часто съ того времени, какъ казаки стали въ своихъ набѣгахъ доходить до Дарданеллъ. Капуданъ-паша велѣлъ французскому судну спустить флагъ, когда же узналъ отъ командира корабля, что у него на борту французскій посолъ, то приказалъ графу Маршвилю немедленно явиться на адмиральскій корабль для привѣтствія генералъ-адмирала турецкаго флота и поднесенія ему подарковъ. Графъ Маршвиль велѣлъ тотчасъ же салютовать пятью пушечными выстрѣлами, согласно обычаю, но только велѣлъ стрѣлять при этомъ не холостыми зарядами, а ядрами и, въ добавокъ, кричалъ изъ всѣхъ силъ своимъ пушкарямъ, чтобы они цѣлили прямо въ капудана-пашу, котораго онъ различалъ на палубѣ адмиральскаго корабля по богатству его одѣянія. Къ счастію, нѣкоторые турки и французы болѣе благоразумные, чѣмъ посолъ и капуданъ-паша, воспрепятствовали этому неравному бою, и графъ Маршвиль вынужденъ былъ, помимо своей воли, явиться на адмиральскій корабль. Единственное привѣтствіе, сказанное имъ капудану-пашѣ, заключалось въ томъ, что онъ будетъ требовать его головы на первой же аудіенціи у султана Мурада, и если не добьется ея, то именемъ своего государя объявитъ Портѣ войну.

Не дерзая дать волю своему гнѣву, капуданъ-паша сдержался и оставилъ выходку эту безъ отвѣта, но внутренно поклялся отмстить за нее жестоко.

Оскорбленіе, нанесенное Франціи капуданомъ-пашей, было тяжкое, и Маршвиль могъ бы добиться блистательнаго удовлетворенія, еслибы послушался совѣтовъ болѣе опытнаго дипломата, своего предшественника, графа Сези, но на первой же аудіенціи новый посолъ сталъ говорить великому визирю обо всемъ происшедшемъ съ такою надменностью, угрожалъ ему гнѣвомъ французскаго короля въ такихъ высокомѣрныхъ выраженіяхъ, что на половинѣ его рѣчи великій визирь приказалъ замолчать драгоману, переводившему слова французскаго посла.

Графъ Маршвиль вышелъ отъ великаго визиря взбѣшеннымъ, и все свое неудовольствіе нашелъ нужнымъ обратить на ни въ чемъ неповиннаго графа Сези.

Какъ мы видѣли выше, бывшій французскій посолъ былъ

поручителемъ за неисправнаго откупщика таможни, или вѣрнѣе поручился за негоціантовъ, бравшихъ на себя поруки за рекомендованнаго ими армянина. Когда этотъ послѣдній оказался несостоятельнымъ, Порта издала повелѣніе, которымъ, въ противность всѣмъ принципамъ международнаго права, налагалось запрещеніе на графа Сези, на его семейство и имущество, съ тѣмъ, что онъ не будетъ выпущенъ изъ Константинополя впредь до того времени, пока не будутъ уплачены всѣ долги, за которые онъ поручился.

Въ этомъ непріятномъ дѣлѣ обязанностью графа Маршвиля было бы сглаживать всѣ недоразумѣнія и устранять къ нимъ поводы,—онъ же, наоборотъ, ослѣпленный своею ненавистью, возбуждалъ новыя затрудненія и принялъ подъ свою защиту всѣхъ тѣхъ недобросовѣстныхъ негоціантовъ, которые отказывались отъ уплаты долга, сдѣланнаго бывшимъ посломъ исключительно для ихъ собственныхъ же выгодъ.

Изыскивая всевозможные способы, чтобы отравить существованіе своего предшественника, графъ Маршвиль велъ себя и относительно Порты такъ, что взаимныя отношенія ихъ обострялись изо дня въ день. Однажды онъ далъ въ посольствѣ убѣжище бѣглымъ невольникамъ-ренегатамъ, намѣреваясь тайно выпроводить ихъ изъ Константинополя. Напрасно каймакамъ (замѣститель великаго визиря) настаивалъ на ихъ выдачѣ: при этомъ погибъ и одинъ совершенно невинный человѣкъ. Несчастный драгоманъ французскаго посольства, Бальтазаръ Мотто, армянинъ родомъ, былъ повѣшенъ за то, что, по приказанію посла, утверждалъ предъ каймакамомъ, что бѣглецы не были спрятаны въ французскомъ посольствѣ, а между тѣмъ начальникъ полиціи представилъ каймакаму доказательства противнаго.

Въ другой разъ, французскій посолъ, во главѣ нѣсколькихъ своихъ подчиненныхъ, напалъ со шпагою въ рукѣ на небольшую толпу безоружныхъ янычаръ за то, что они на улицѣ недостаточно скоро посторонились. Эта неосторожная выходка имѣла послѣдствіемъ султанское повелѣніе объ обезоруженіи всѣхъ франковъ, а также всѣхъ служащихъ при французскомъ посольствѣ. Самъ графъ Маршвиль заперся въ посольствѣ, не смѣя показаться на улицѣ, такъ какъ было приказано отобрать шпагу и у него. Право носить оружіе было сохранено за однимъ лишь графомъ Сези.

Капуданъ-паша, все время сторожившій случай, когда бы

отомстить графу Маршвилю за старую обиду, былъ тогда назначенъ каймакамомъ, т. е. въ качествѣ намѣстника управлялъ государствомъ, за отсутствіемъ султана и великаго визиря, отправившихся въ походъ противъ Персіи.

Нѣсколько дней спустя послѣ его назначенія, въ константинопольскій портъ прибыли изъ Прованса суда съ большимъ количествомъ товаровъ, принадлежавшихъ тѣмъ именно негоціантамъ, за которыхъ ручался графъ Сези и недобросовѣстность которыхъ была причиною того, что французскій посолъ, и по окончаніи своей миссіи, былъ заарестованъ въ Константинополѣ.

Графъ Сези, которому было извѣстно объ ожидаемомъ прибытіи означенныхъ товаровъ, имѣлъ осторожность заручиться опредѣленіемъ французскаго королевскаго совѣта, а также опредѣленіемъ турецкаго Дивана, на основаніи которыхъ онъ могъ наложить секвестръ на всякое имущество своихъ неисправныхъ должниковъ.

Въ силу этихъ документовъ, графъ Сези и наложилъ секвестръ на провансальскія суда. Графъ Маршвиль, изъ чувства вражды къ своему предшественнику, захотѣлъ защитить помянутыхъ купцовъ и настаивалъ на снятіи секвестра подъ тѣмъ предлогомъ, что находившіеся на судахъ товары были предметами первой необходимости.

Одинъ лишь каймакамъ могъ истолковать, слѣдовало ли примѣнять къ настоящему случаю опредѣленіе Дивана въ пользу графа Сези. Легко догадаться, что у каймакама—капудана паши, не было никакого желанія дать толкованіе благопріятное для домогательствъ графа Маршвиля, а потому онъ и отказался снять наложенный секвестръ до тѣхъ поръ, пока ему не доставятъ формальное на то согласіе графа Сези.

Многіе европейцы, прямо или косвенно заинтересованные въ продажѣ засеквестрованныхъ товаровъ, упорно добивались, чтобы французскій посолъ поддержалъ ихъ притязанія въ желаемомъ ими направленіи, и онъ по опрометчивости разрѣшилъ французскимъ купцамъ, ихъ друзьямъ и вообще всѣмъ замѣшаннымъ въ это дѣло, отправиться всею толпою къ графу Сези требовать отъ него необходимаго для турецкихъ чиновниковъ согласія на снятіе секвестра и добиться отъ него такого согласія или добровольнаго или даже вынужденнаго силою.

Весь этотъ сбродъ накинулся на маленькій домикъ, занимаемый бывшимъ французскимъ посломъ. Графъ Сези съ своею

женою и малолѣтнимъ сыномъ едва успѣлъ спастись въ надежномъ мѣстѣ.

Какъ только каймакаму дали знать о происходившемъ безчинствѣ, причина котораго была ему уже ранѣе извѣстна, онъ тотчасъ же послалъ полицейскихъ, чтобы усмирить бунтъ и заковать въ кандалы столько франковъ, сколько будетъ можно. Въ то же время онъ послалъ въ султанскій лагерь въ Скутари чауша, чтобы представить султану точный докладъ обо всемъ происшествіи. По возвращеніи посланца, каймакамъ вызвалъ къ себѣ графа Маршвиля и приказалъ ему сію же минуту убираться изъ Константинополя, не давъ ему даже времени захватить съ собою необходимыя вещи. Въ простомъ каикѣ посла доставили на большое французское судно, которое немедленно подняло якорь, а двумъ турецкимъ галерамъ было приказано сопровождать это судно на далекое разстояніе отъ константинопольскаго порта.

Послѣ этого, каймакамъ созвалъ къ себѣ представителей всѣхъ европейскихъ державъ и графа Сези и объявилъ этому собранію, что буйное и неистовое поведеніе графа Маршвиля вынудило султана выгнать его изъ своихъ владѣній и что султанъ требуетъ, чтобы графъ Сези принялъ на себя вновь обязанности французскаго посла впредь до того, когда его королю будетъ угодно назначить въ Константинополь другаго представителя. Графъ Сези возразилъ на это, что лишь государь, аккредитовывающій посла, имѣетъ право назначать то лицо, которое представляло бы его особу,—что, безъ новыхъ приказаній отъ своего короля, онъ не можетъ исполнять прежнія обязанности, снятыя съ него съ прибытіемъ оффиціальнаго его преемника,—напрасно предлагалъ онъ возложить временное исправленіе посольскихъ обязанностей на уполномоченнаго, присланнаго французскимъ правительствомъ для окончанія дѣла по поручительству. Каймакамъ снова прочелъ вслухъ султанскій хаттишерифъ (собственноручное повелѣніе) и заставилъ графа Сези повиноваться, принудивъ его тотчасъ же переселиться съ семействомъ во дворецъ французскаго посольства.

Подобный образъ дѣйствій турецкаго правительства и вытекавшее изъ него послѣдствіе въ видѣ иностраннаго посла, отправляющаго свои обязанности въ силу распоряженія одной территоріальной власти и помимо своего собственнаго государя,—примѣръ едва-ли не единственный въ исторіи дипломати-

ческихъ сношеній. Впослѣдствіи король Людовикъ XIII утвердилъ выборъ Порты, и графъ Сези вновь исполнялъ посольскія обязанности съ 1634 года до октября 1639 года, когда прибылъ его замѣститель, де-ла-Гэ.

Причины ссоры между французскимъ посломъ де-ла-Гэ (de la Haye) и Портою восходятъ къ самому времени назначенія Магомета Кёпрюлю великимъ визиремъ. Будучи свидѣтелемъ крайне частой тогда смѣны великихъ визирей, де-ла-Гэ предполагалъ, что и Кёпрюлю не удержаться долго на своемъ мѣстѣ, а потому не спѣшилъ дѣлать ему обычные подарки, которые европейскими представителями подносились каждому новому великому визирю при вступленіи его въ должность. Когда же онъ убѣдился, что ошибся въ разсчетѣ и поднесъ Магомету Кёпрюлю свои подарки, то было уже поздно, и великій визирь лишь выжидалъ случая, чтобы отплатить за нанесенную ему, по его мнѣнію, обиду.

Случай не замедлилъ представиться.

Французскій посолъ, которому Людовикъ XIV поручилъ предложить свои услуги къ скорѣйшему заключенію мира между Турціею и венеціанцами, находился по необходимости въ прямыхъ сношеніяхъ съ венеціанскою республикою. Всѣ депеши посла, также какъ и присылаемые изъ Венеціи отвѣты, были писаны условленною цыфирью. Одинъ изъ такихъ пакетовъ былъ украденъ французскимъ ренегатомъ Вертамономъ и пересланъ въ Адріанополь. Лишь только великій визирь увидалъ непонятныя для него цифры, онъ заподозрилъ де-ла-Гэ въ сообщеніи республикѣ свѣдѣній о планахъ Порты и приказалъ французскому послу немедленно прибыть въ Адріанополь.

Де-ла-Гэ былъ уже старъ и, страдая каменною болѣзнью и подагрой, лежалъ въ кровати. Чтобы избавиться отъ зимняго и безпокойнаго пути, онъ послалъ вмѣсто себя въ Адріанополь сына своего, де Вантелэ (de Vantelet), въ сопровожденіи секретаря посольства.

По прибытіи въ Адріанополь, де-Вантелэ былъ приведенъ къ великому визирю, который, показавъ депешу французскаго посла къ венеціанцамъ, потребовалъ, чтобы онъ тотчасъ же ее расшифровалъ. Де-Вантелэ отвѣтилъ, что ему никто не можетъ давать приказаній, за исключеніемъ его государя,—что приказаній отъ турецкаго министра получать онъ не намѣренъ и что, наконецъ, тайны французскаго короля должны быть соблюдены.

Такъ какъ великій визирь продолжалъ настаивать, то, чтобы увернуться, де-Вантелэ сослался на то, что съ нимъ не было ключа отъ этой цыфири. Тогда великій визирь велѣлъ ввести перваго секретаря посольства. Какъ только де-Вантелэ увидѣлъ этого послѣдняго, онъ громко запретилъ ему дѣлать то, что отъ него потребуютъ турки. Узнавъ отъ переводчика смыслъ приказанія, отданнаго сыномъ французскаго посла, Кёпрюлю разсвирѣпѣлъ; крикнувъ: „бейте эту собаку“, „пришелъ въ „великое ожесточеніе и приказалъ капиджи-башѣ ударить его „въ щеку, который, будучи человѣкъ грубый, исполнилъ сіе „повелѣніе съ такою точностью и внутреннею злостью, что, „ударя его по щекѣ сильно, вышибъ у него два зуба; потомъ „бросили его въ такое скверное и смрадное мѣсто, гдѣ часто „дурные пары загашали свѣчу, то же бы учинено было и послу, „еслибы онъ самъ на то время тутъ случился“ [1]).

Послѣ того посланъ былъ въ Константинополь указъ великаго визиря, чтобы привезть въ Адріанополь самого французскаго посла. Немедленно, по прибытіи, де-ла-Гэ былъ посаженъ въ тюрьму, но уже не съ такою жестокостью, какъ поступлено было съ его сыномъ, такъ какъ запальчивость великаго визиря имѣла уже время успокоиться: тѣмъ не менѣе, его держали въ тюрьмѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ, и лишь съ помощью золота удалось ему, вмѣстѣ съ сыномъ, выйдти оттуда. Едва успѣлъ де-ла-Гэ вернуться въ Константинополь, какъ его вторично посадили въ Семибашенный замокъ, по причинѣ того, что одинъ французскій корабль, нагруженный турецкими товарами, успѣлъ тайно уйдти изъ константинопольскаго порта. Изъ этой тюрьмы онъ также едва освободился посредствомъ немалой суммы денегъ.

Русскій разсказчикъ объ этомъ злоключеніи французскаго посла постоянно называетъ этого послѣдняго Гайсомъ.

Удивительна легкость, съ которою въ прежнее время перепначивались русскими собственныя имена, почему-либо казавшіяся имъ трудными для произношенія: de la Haye обращался въ Гайса, Генуя — въ Зѣновію, — знаменитый защитникъ Византіи въ день окончательнаго ея штурма турками, 29-го мая 1453 года, — Джіустиніани въ Зустунѣя [2]). Еще въ началѣ

[1]) Цареградскія письма, 66—68.

[2]) Повѣсть о Царьградѣ по рукописи Троицко-Сергіевой лавры (Памятн. древней письменности и искусства. 1888 г.).

прошлаго столѣтія имя прусскаго посланника, фонъ-Кейзерлинга, никакъ не давалось нашимъ неученымъ дипломатамъ. Долго писали его такъ: Θонкѣй Зерлингъ, и не разъ попадаются фразы, въ родѣ слѣдующихъ: „и сказано ему, Θонкѣю", „и на сіе отвѣчалъ Θонкѣй" и т. п. [1]).

Де-ла-Гэ донесъ королю о полученномъ оскорбленіи. Людовикъ XIV, который не могъ допустить, чтобы столь ужасныя истязанія его представителя въ Константинополѣ могли быть совершены турками безъ какой-либо важной вины самого де-ла-Гэ или его сына, прислалъ въ Константинополь своего посланника въ Берлинѣ, Блонделя, съ цѣлью разслѣдовать происшествіе на мѣстѣ и потребовать должнаго удовлетворенія за обиду.

Великій визирь принялъ Блонделя крайне презрительно; несмотря на всѣ доводы Блонделя, что еслибы даже допустить, что де-ла-Гэ былъ неправъ, то не Портѣ его наказывать, и единственное, что она могла сдѣлать, это—настоять на отозваніи французскаго посла. Блонделю было даже отказано въ аудіенціи подъ тѣмъ предлогомъ, что султану могутъ представляться лишь послы, аккредитованные при его особѣ.

Блондель донесъ обо всемъ этомъ Версальскому кабинету, который отозвалъ, въ 1661 году, де-ла-Гэ, и завѣдываніе французскими дѣлами поручилъ простому французскому купцу, Роболи.

Война съ Турціей казалась неизбѣжною: къ ней подстрекали Францію другія державы, намѣренно преувеличивая и безъ того тяжкія оскорбленія, нанесенныя французскому представителю, но Мазаринъ нашелъ, что такая война не принесла бы Франціи ничего, кромѣ убытковъ, и повела бы къ утратѣ выгоднаго положенія, пріобрѣтеннаго Франціею на Востокѣ, и которое поспѣшили бы занять ея политическіе противники, а потому онъ предпочелъ лишь грозить войною и ограничился тайными посылками подкрѣпленій венеціанцамъ, воевавшимъ тогда съ Портою. Преемникъ Мазарина, Кольберъ, совершенно раздѣлялъ его мысли о необходимости избѣгать, во что бы то ни стало войны съ Турціей, вслѣдствіе чего и побудилъ Людовика XIV отправить въ Константинополь двухъ секретарей посольства, чтобы запросить Порту, согласна ли она принять

[1]) Вопросъ о прусскомъ союзѣ въ первую половину великой сѣверной войны, Путяты (Сборникъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. I. 116).

съ честью новаго французскаго посла въ лицѣ де-Вантелэ, сына де-ла-Гэ, который, какъ мы только-что видѣли, былъ такъ жестоко избитъ по приказанію великаго визиря. Такимъ назначеніемъ какъ бы давалось призрачное удовлетвореніе версальскому кабинету за предшествовавшія оскорбленія его представителя. Порта согласилась, и де-Вантелэ прибылъ въ Константинополь въ 1666 году.

Что турки не особенно страшились французскаго короля, это видно изъ того, что на первой же аудіенціи у великаго визиря де-Вантелэ былъ принятъ крайне сухо, а на второй аудіенціи съ нимъ обошлись еще того хуже: великій визирь обозвалъ его жидомъ, а капиджи-баши спихнулъ его съ табурета и сталъ наносить побои. Когда же де-Вантелэ вознамѣрился прибѣгнуть къ своей шпагѣ, то чаушъ далъ ему пощечину, а затѣмъ посолъ былъ посаженъ на три дня въ тюрьму. Наконецъ, послѣ долгихъ совѣщаній съ шейхъ-уль-исламомъ и капуданомъ-пашой, великій визирь рѣшилъ, что не слѣдуетъ ссориться съ Франціей и что послу ея будетъ дана новая аудіенція, которая и будетъ считаться первою. При первой встрѣчѣ съ де-Вантелэ, великій визирь сказалъ ему, иронически улыбаясь, что все кончено, что слѣдуетъ забыть прошлое и что впредь они будутъ добрыми друзьями.

Несмотря на все это, де-Вантелэ былъ, по требованію Кёпрюлю, отозванъ. Этому предшествовало особое турецкое посольство, посланное въ Версаль.

Понимая, что было бы неполитично ссориться окончательно съ Франціей, заклятымъ врагомъ Австріи, съ которою Турціи приходилось такъ часто вести войны, великій визирь рѣшился послать во Францію чауша съ званіемъ посланника для передачи писемъ какъ отъ султана, такъ и отъ великаго визиря, въ которыхъ, вспоминая старинную дружбу, существовавшую между обоими дворами, они свидѣтельствовали о своемъ искреннемъ желаніи жить съ Франціею въ мирѣ, но въ то же время повторяли свои жалобы на де-ла-Гэ и на де-Вантелэ и просили о назначеніи новаго посла.

Турецкій посланникъ, Сулейманъ, былъ принятъ совершенно такъ, какъ Блонделя въ свое время принимали въ Адріанополѣ—ему не пришлось видѣть короля, министръ иностранныхъ дѣлъ, де-Ліоннь (de Lionne), предложилъ ему только табуретъ, а самъ сидѣлъ противъ него въ креслѣ. Султанскій посланецъ старался доказать, что великій визирь былъ въ

прошедшемъ невиновенъ, что де-ла-Гэ напрягалъ всѣ усилія, чтобы возбудить итальянскія государства противъ Порты, что нѣсколько дурное обращеніе, которому подвергся де-Вантелэ, было вызвано имъ самимъ, какъ достойная награда за дерзкія рѣчи, какія онъ держалъ по отношенію къ главѣ турецкаго правительства. Наконецъ, турецкій посланникъ далъ понять, что въ настоящемъ дѣлѣ одна изъ сторонъ является въ то же время и судьею и что невозможно было бы добиться, чтобы виновный Кёпрюлю былъ наказанъ тѣмъ же самымъ Кёпрюлю, въ лицѣ котораго, какъ великаго визиря, воплощалась вся власть оттоманской имперіи.

Людовику XIV тогда было не до того, чтобы затѣвать войну съ турками, тому противились также и общія соображенія его политики: онъ не желалъ оставлять торговли съ Левантомъ и отдавалъ себѣ ясный отчетъ, насколько была бы въ свою очередь ему выгодна турецкая диверсія въ сторону Венгріи, когда Франція вынуждена будетъ сама воевать съ Австріей. Однимъ словомъ, интересы политики французскаго короля требовали, чтобы его константинопольскій посолъ былъ признанъ виновнымъ. Такъ и поступилъ Людовикъ XIV, отозвавъ де-Вантелэ.

Новымъ французскимъ посломъ былъ назначенъ въ 1677 году маркизъ Нуантель (de Nointel), имѣвшій съ Портою такія же непріятности, какъ и его предшественники. Войдя къ великому визирю, Кара Мустафѣ, онъ замѣтилъ, что приготовленный для него табуретъ ниже дивана, на которомъ долженъ былъ сидѣть Кара Мустафа и приказалъ своему секретарю переставить табуретъ на самый диванъ. Великій визирь, бывшій еще въ сосѣдней комнатѣ, прислалъ сказать, что аудіенціи не будетъ дано до тѣхъ поръ, пока табуретъ не будетъ поставленъ на прежнее мѣсто. Тѣмъ не менѣе усѣвшійся уже маркизъ Нуантель упорно отказывался перемѣнить мѣсто, а потому вошедшій въ залу чаушъ-баши набросился на посла съ крикомъ „пошелъ, пошелъ“, а два чауша сбросили посла съ дивана, приговаривая: „хайде, калкъ гяуръ“ („вонъ отсюда, гяуръ“). Посолъ тогда собралъ принесенные имъ для великаго визиря подарки и хотѣлъ удалиться въ свой загородный дворецъ, но ему было приказано сидѣть подъ арестомъ въ посольскомъ домѣ въ Перѣ.

Преемникъ маркиза Нуантеля, маркизъ де Гильерагъ (de Guillerагues) точно также былъ арестованъ въ 1681 году за

то, что не хотѣлъ сѣсть на табуретъ, поставленный ниже визирскаго дивана и предпочелъ имѣть у Кара Мустафы аудіенцію стоя. Лишь въ 1684 году, когда несчастный исходъ осады Вѣны заставилъ турокъ искать сближенія съ Франціею, лишь тогда французскому послу, первому изъ всѣхъ европейскихъ представителей, было предоставлено право сидѣть на табуретѣ совершенно одинаковой вышины съ диваномъ великаго визиря.

Послѣднимъ изъ представителей европейскихъ державъ, потерпѣвшимъ отъ турокъ заушенія и оплеванія, хотя и исключительно по своей собственной винѣ, былъ австрійскій интернунцій Броньяръ (Brognard).

Въ 1769 году, при началѣ войны съ Россіею, было развернуто священное знамя пророка—Санджаки-шерифъ—величайшая святыня мусульманъ,—распускаемое лишь въ исключительныхъ случаяхъ, и обычнымъ торжественнымъ порядкомъ отправлено въ армію.

У пророка Магомета было нѣсколько знаменъ, но главнѣйшимъ считалось черное знамя изъ верблюжей шерсти и которое собственно говоря было ничто иное, какъ прежняя завѣса, закрывавшая входъ въ покои Айши, любимой жены пророка. Самъ Магометъ называлъ его Эукабомъ, по имени, какъ полагаютъ, одной птицы, опережающей, благодаря быстротѣ своего полета, всѣхъ остальныхъ извѣстныхъ въ природѣ птицъ. Это-то знамя, названное впослѣдствіи Санджаки-шерифъ (священное знамя), переходило послѣдовательно къ четыремъ первымъ халифамъ; отъ нихъ досталось ихъ наслѣдникамъ—Омайядамъ, а отъ нихъ, изъ Дамаска, перешло къ халифамъ Абасспдамъ, сначала въ Багдадъ, а потомъ въ Каиръ и, наконецъ, къ оттоманскимъ султанамъ при покореніи Египта Селимомъ I въ 1517 году въ то время, когда послѣдній Абасспдскій халифъ, Магометъ XII, уступилъ всѣ свои первосвященническія права, а также и всѣ реликвіи халифата турецкому султану. Санджаки-шерифъ обвернутъ другимъ знаменемъ,—употреблявшимся въ особенности халифомъ Омаромъ,—и заключенъ въ сорока шелковыхъ оболочкахъ,—все же это вложено въ особое влагалище изъ зеленаго сукна. Между оболочками вложены еще: коранъ, написанный собственноручно Омаромъ, и серебряный ключъ отъ храма Каабы, тотъ самый, который былъ поднесенъ Меккскимъ шерифомъ Селиму I въ знакъ подчиненія его права на халифатъ. Все знамя длиною около 12 футовъ и оканчивается

серебрянымъ четырехъугольнымъ яблокомъ, внутри котораго лежитъ коранъ, малаго формата, тоже собственноручно переписанный халифомъ Османомъ. Сначала оно хранилось въ Дамаскѣ и лишь въ 1595 году, при Мурадѣ III, перенесено въ Европу и стало храниться въ Сералѣ, откуда его выносили въ армію лишь тогда, когда эту послѣднюю велъ въ бой съ врагами или самъ султанъ или, по крайней мѣрѣ, его великій визирь. Въ такихъ случаяхъ для Санджаки-шерифъ устраивался великолѣпный шатеръ, самое же знамя прикрѣплялось серебряными кольцами къ древку изъ чернаго дерева, которое прямо втыкалось въ землю. Въ концѣ каждаго похода, когда армія расходилась по зимнимъ квартирамъ, знамя обыкновенно снимали съ древка и прятали въ богато убранный ларецъ, подобный тому, въ какомъ хранится оно въ султанскомъ Сералѣ. Такое укладываніе знамени въ ларецъ совершалось съ большою церемоніею, при чемъ читались молитвы, а въ курильницахъ дымились драгоцѣнные ароматы изъ дерева алоэ [1]).

Такъ какъ Санджаки-шерифъ показывался народу лишь во время войны, то видъ его производилъ на мусульманъ крайне возбуждающее дѣйствіе — благоговѣніе, обыкновенно питаемое правовѣрными ко всему, что напомнаетъ имъ о пророкѣ, смѣнялось тутъ энтузіазмомъ. Всѣ тогда стремились стать подъ сѣнь священнаго знамени и идти сражаться противъ враговъ вѣры и отечества. И дѣйствительно, благодаря фанатизму, разжигаемому въ народѣ сознаніемъ присутствія знамени Санджаки-шерифъ, турецкія войска не разъ оказывали истинныя чудеса храбрости.

Возвратимся, однако, къ прерванному разсказу.

Хотя Броньяръ очень хорошо зналъ, что христіанамъ запрещается лицезрѣть знамя пророка и что, потому, они не смѣютъ показываться на тѣхъ улицахъ, по которымъ проходитъ торжественное шествіе, интернунцій тѣмъ не менѣе, изъ чувства простаго любопытства, отправился 27 марта 1769 года вмѣстѣ съ женою и четырьмя дочерьми смотрѣть на шествіе, изъ-за рѣшетокъ лавки одного цирульника, въ кварталѣ Топъ-Капу. Присутствіе ихъ было открыто, и толпа, нафанатизированная воплями эмировъ и улемовъ, кричавшихъ: „убивайте гяуровъ, иначе лица ваши потемнѣютъ въ день Страш-

1) Tableau général de l'empire ottoman, par d'Ohsson. I. 264.

наго суда"—бросилась и на домъ, въ которомъ скрывался интернунцій, и вообще на всѣ христіанскіе дома того околодка. Лавки были разграблены, болѣе сотни людей убито, до тысячи человѣкъ ранено, интернунцій и его семейство были вытащены на улицу: одежды ихъ были изорваны, жену и дочерей его волочили за волосы и всѣхъ ихъ избили до полусмерти. Съ страшными усиліями полиціи удалось, наконецъ, вырвать Броньяра и его семью изъ рукъ толпы и подъ конвоемъ отправить ихъ въ Перу.

Чрезъ два дня Броньяръ имѣлъ прощальную аудіенцію у великаго визиря и не запнулся о полученномъ имъ оскорбленіи. Тронутая этимъ Порта прислала ему въ подарокъ соболью шубу стоимостью въ 2.000 піастровъ и такой же стоимости драгоцѣнное украшеніе для его жены [1]).

Если, какъ мы видѣли, турецкое правительство не особенно стѣснялось въ своемъ обращеніи съ иностранными послами, которые все-таки являлись представителями европейскихъ государствъ, легко себѣ вообразить, какъ поступали турки по отношенію къ драгоманамъ иностранныхъ посольствъ, избираемыхъ по тогдашнему обычаю, державшемуся, впрочемъ, почти до нашихъ дней,—изъ среды мѣстныхъ жителей.

Дѣйствительно, лѣтописи турецкія наполнены разсказами о всяческихъ истязаніяхъ этихъ драгомановъ. Турецкіе чиновники то избивали ихъ, то наказывали плетьми, то сажали на колъ, то обезглавливали—простыя заушенія и тюремное заключеніе почти-что и не считались оскорбленіями.

Въ 1515 г., въ царствованіе Мурада III, венеціанскій драгоманъ былъ палками выгнанъ изъ залы засѣданій Дивана, а драгоманъ французскаго посольства, Жанъ Баптистъ, спасеніемъ своей жизни обязанъ лишь тому, что перешелъ въ мусульманство.

Во время войны Турціи съ Венеціанскою республикою въ 1649 году, венеціанскій первый драгоманъ, Грилло, былъ повѣшенъ въ своемъ оффиціальномъ одѣяніи.

При Мурадѣ IV, французскій драгоманъ, Бальтазаръ, былъ въ 1632 г. живымъ посаженъ на колъ, въ присутствіи самого султана. Другіе два драгомана французскаго посольства были преданы казни—одинъ, Пьеръ, умерщвленъ въ 1617 г., другой

---

[1]) Hammer. XVI. 203.

повѣшенъ, въ своей собольей драгоманской шапкѣ на головѣ, въ 1634 г., какъ мы видѣли выше, во время ссоры Порты съ графомъ Маршвилемъ.

Еще въ 1715 году, первый драгоманъ венеціанскаго посольства, Навонъ (Jean Navon), былъ повѣшенъ лишь за то, что въ частномъ письмѣ, перехваченномъ турками, позволилъ себѣ коснуться политики [1]).

Меркантильныя, торгашескія цѣли, которыя преслѣдовала западная Европа въ своихъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Портою и ради которыхъ послы просвѣщенныхъ государствъ терпѣли всевозможныя униженія, даже побои, весьма естественно увеличивали презрѣніе турокъ къ христіанамъ.

Представители европейскихъ державъ, какъ мы говорили уже, то прибѣгали къ посредничеству шейхъ-уль-ислама или придворнаго астролога, то самой Порты, какъ напримѣръ Савари де Бревъ,—преемникъ и двоюродный братъ Ланкома: назначенный Генрихомъ IV посломъ въ Константинополь, онъ по прибытіи въ этотъ городъ не могъ вступить въ исправленіе своихъ обязанностей вслѣдствіе открытаго сопротивленія своего предшественника; онъ наконецъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ обратиться къ содѣйствію турецкаго правительства, которое тотчасъ же распорядилось схватить Ланкома силою и засадило этого дипломата въ Семибашенный замокъ [2]). Иногда же иностранные послы въ Константинополѣ изыскивали какія нибудь особыя средства, чтобы добиться благопріятнаго результата въ своихъ домогательствахъ передъ Портою.

Одно изъ такихъ средствъ настолько было своеобразно, что позволю себѣ разсказать о немъ нѣсколько подробнѣе.

Во время войны съ венеціанцами, султанъ Ибрагимъ огорчался преимущественно тѣмъ, что эта война крайне затрудняла проходъ чрезъ Дарданеллы судовъ, привозившихъ изъ Европы богатыя матеріи, безъ которыхъ не могъ жить роскошный султанскій гаремъ.

Пророкъ Магометъ имѣлъ обыкновеніе говорить, что всю свою радость и удовольствіе Богъ вложилъ въ три вещи—молитву, благоуханія и женщинъ. Одинъ поэтъ, истолковывая

---

[1]) Constantinopol's und der Bosporos, Hammer. II 158—160. Его же Histoire de l'Empire ottoman. III. 453. IX. 280. XIII. 291.

[2]) Memoires sur l'Ambassade de France en Turquie, par le comte de Saint-Priest, 201.

эти слова основателя Ислама, выразился, что точно также, какъ молитва и благоуханія поднимаются къ небу, такъ и женщины, живущія между благоуханіями и молитвой, подобно благочестивымъ созданіямъ, окутаннымъ въ сладостныя облака ароматовъ, возносятъ людей въ небесное жилище. Султанъ Ибрагимъ помышлялъ почти одинаково съ пророкомъ—выше всего на свѣтѣ любилъ онъ женщинъ, ароматы и мѣха.

Для скорѣйшаго полученія драгоцѣнныхъ тканей и духовъ посылали обыкновенно изъ Константинополя на встрѣчу означеннымъ судамъ легкіе бригантины съ евнухами, которые, забравъ всѣ нужные для гарема товары, торопились возвратиться въ Стамбулъ. Но такъ какъ при этомъ, спѣшившіе угодить султаншамъ евнухи не уплачивали за забираемые товары, откладывая уплату до прихода самихъ европейскихъ судовъ въ Константинопольскій портъ, то на практикѣ возникали частыя недоразумѣнія, и судовщики, отдавшіе свои товары ранѣе, не могли добиться полученія должныхъ имъ денегъ. Особенно страдали отъ этого порядка вещей англійскіе купцы.

Видя, что всѣ жалобы по этому поводу турецкимъ министрамъ остаются безъ послѣдствій, англійскій посолъ, сэръ Томасъ Бендишъ, сговорившись предварительно съ послами французскимъ и голландскимъ, рѣшился искать справедливости у самого султана.

На востокѣ, у раба, желающаго обратить на себя вниманіе султана и заставить его выслушать жалобу на притѣсненія, испытываемыя отъ чиновниковъ, было лишь два способа: или выждавъ минуту, когда султанъ выходитъ изъ дворца, явиться передъ нимъ въ кафтанѣ изъ бумаги—что означало, что еслибы исписать своими жалобами всю бумагу, изъ которой сдѣланъ кафтанъ, то и ея не хватило бы,—или же, при проѣздѣ падишаха стоять съ горящимъ свѣтильникомъ на головѣ, что на символическомъ языкѣ восточныхъ народовъ означаетъ вздохи, исторгнутые страданіемъ и поднимающіеся къ небу, вопія объ отмщеніи.

Англійскій посолъ избралъ это послѣднее средство для выраженія своего неудовольствія, и вотъ всѣ парусныя европейскія суда, какія только находились въ Константинопольскомъ портѣ и число которыхъ доходило до сорока, пустились вдоль стѣнъ султанскаго дворца, бывшаго, какъ извѣстно, на самомъ берегу Босфора,—причемъ на гротъ-мачтѣ каждаго

судна были поставлены плошки съ горящею смолою и саломъ. Всѣ бывшіе на судахъ матросы испускали громкіе вопли, призывая султана и крича, что прежде чѣмъ обратиться къ начальству они хотѣли искать правосудія у самого султана.

Средство это удалось: купцовъ выслушали, и всѣ должныя имъ деньги были уплачены, послѣ чего суда и возвратились обратно въ Золотой Рогъ.

Даже и въ настоящемъ столѣтіи иностраннымъ дипломатамъ приходилось прибѣгать иногда къ уловкамъ чтобы выполнить свое порученіе предъ турками. Такъ напримѣръ, когда нужно было сообщить Портѣ объ іюльской революціи въ Парижѣ, дѣло представлялось далеко не легкимъ. Сначала, нѣкоторые недруги Франціи нашли умѣстнымъ поздравить султана относительно того, что въ свое время его правительство было послѣднимъ признавшимъ Наполеона Бонапарта французскимъ императоромъ. Затѣмъ, льстецы постарались втолковать султану, что онъ имѣетъ дѣйствительное значеніе въ дѣлѣ распредѣленія царскихъ коронъ въ Европѣ. Съ другой стороны, русскій посланникъ, Рибопьеръ, узнавъ, что наше правительство еще не разрѣшало показываться въ нашихъ портахъ французскимъ судамъ подъ трехцвѣтнымъ флагомъ, тайнымъ образомъ старался подѣйствовать на Порту, чтобы и она послѣдовала примѣру нашего правительства.

Чтобы преодолѣть препятствія, французскому послу необходимо было дѣйствовать твердо и энергично.

Тогдашній посолъ, генералъ Гильемино (Guilleminot) послалъ соотвѣтственную ноту, чрезъ своего драгомана, турецкому министру иностранныхъ дѣлъ — тутъ-то и произошла сцена, вполнѣ достойная мѣстныхъ нравовъ.

Какъ только министръ узналъ, въ чемъ заключается содержаніе этого дипломатическаго документа, онъ отказался его принять. Искушенный уже долгимъ опытомъ, драгоманъ, нисколько не смущаясь, положилъ ноту на коверъ предъ реисомъ-эфенди (министромъ иностранныхъ дѣлъ), говоря, что было бы противъ обычая отвергать ноту, даже не прочитавъ её и что, наконецъ, Порта вольна отвѣтить на нее въ томъ смыслѣ, въ какомъ ей заблагоразсудится. Сказавъ это, онъ быстро удалился, но едва успѣлъ онъ войти въ свой домъ, какъ одинъ изъ служителей реиса-эфенди, бѣжавшій по пятамъ за драгоманомъ, постучалъ въ дверь, лишь только она была ему отворена, бросилъ злополучную ноту въ передней

драгоманскаго жилища и тотчасъ же убѣжалъ со всѣхъ ногъ.

Когда посолъ узналъ о случившемся, то объявилъ, что не намѣренъ дѣлать по этому вопросу какихъ-либо новыхъ настояній, а что самъ подниметъ трехцвѣтный флагъ и если этому послѣднему не отнесутся съ должнымъ уваженіемъ, то онъ немедленно покинетъ Константинополь.

Услыхавъ такое заявленіе генерала Гильемино, Порта тотчасъ же измѣнила свой образъ дѣйствій, извинилась во всемъ происшедшемъ, сославшись на то, что она дескать совсѣмъ не поняла, что именно хотѣлъ сказать драгоманъ французскаго посольства [1]).

Рѣдко, рѣдко въ исторіи былаго представительства Европейскихъ державъ въ Константинополѣ попадаются, среди общаго приниженія, примѣры иностранныхъ дипломатовъ, которые, не взирая ни на что, умѣли и держаться съ достоинствомъ и, при случаѣ, защищать своихъ подданныхъ.

Прибывшій въ Константинополь въ 1572 году французскій посолъ де-Ноайль (François de Noailles) потребовалъ себѣ аудіенціи у султана Селима II. Великій визирь, узнавъ, что посолъ не привезъ съ собою подарковъ, по обычаю подносимыхъ султану, отказалъ сначала ему въ аудіенціи. Когда же де-Ноайль пригрозилъ, что уѣдетъ обратно во Францію, если ему не окажутъ почестей, слѣдующихъ государю, особу котораго онъ представляетъ,—великій визирь, Мехмедъ, предложилъ самъ доставить ему подарки, которые онъ затѣмъ поднесъ бы султану.

На это предложеніе посолъ отвѣтилъ, что не изъ-за низкаго чувства скупости французскій король отказываетъ султану въ подаркахъ, но потому, что во Франціи освѣдомились, что на эти подарки султанъ смотритъ какъ на дань, подносимую ему низшею иностранною державою. Будучи же во всемъ равнымъ султану, французскій король не желаетъ, чтобы дѣйствія его были истолкованы въ такомъ неблагопріятномъ для его обаянія смыслѣ, и потому не согласенъ подчиниться обычаю, который можетъ быть понятъ какъ признакъ подчиненія Франціи Оттоманской Портѣ.

Такъ какъ въ то время дѣло о разграниченіи въ Далмаціи

---

1) Voyage en Orient, par Fontanier. p. 44

не было еще закончено, великій визирь, желавшій мира, нашелъ нужнымъ воздержаться отъ оскорбленія единственной христіанской державы, на которую онъ смотрѣлъ какъ на истиннаго друга Турціи.

Де-Ноайль былъ принятъ, вслѣдствіе того, султаномъ въ торжественной аудіенціи и во все время своего пребыванія въ Константинополѣ пользовался особымъ почетомъ.

Въ царствованіе султана Магомета III, посолъ французскаго короля Генриха IV де-Бревъ (de Brèves) сумѣлъ защитить своихъ подданныхъ и заставить Порту исполнить ихъ справедливыя требованія.

На основаніи трактатовъ, заключенныхъ между Франціею и Турціею, французскій флагъ долженъ былъ уважаться во всѣхъ турецкихъ гаваняхъ даже державами, находившимися въ войнѣ съ Франціею, такъ какъ въ турецкихъ водахъ французскія суда плавали подъ охраною султана.

Несмотря на это преимущество, англійскіе каперы напали у береговъ Алжира и Туниса на французскія торговыя суда, разграбили ихъ и добычу подѣлили съ турецкими чиновниками.

Де-Бревъ горячо жаловался на такое правонарушеніе и, не получая никакого отвѣта отъ Порты, объявилъ великому визирю, что онъ удаляется въ Венгрію, но предварительно отъѣзда, запретитъ именемъ короля привозъ въ Константинополь какихъ бы то ни было товаровъ подъ французскимъ флагомъ.

Турки, впутавшіеся въ то время въ войну съ Венгріей, сильно опасались возстановить противъ себя еще новаго врага, въ особенности такого, какъ французскій король. Въ виду этого, призы были возвращены французамъ, а имущество каперовъ засеквестровано впредь до полнаго возмѣщенія нанесенныхъ ими убытковъ.

Де-Бревъ удачно защитилъ также и католическіе интересы. Мѣстопребываніемъ франковъ, поселившихся въ Константинополѣ, была въ то время Галата. Тамъ было три церкви, которыя, согласно капитуляціямъ, посѣщались католиками открыто. Три раскаявшихся ренегата—вернувшіеся изъ мусульманства обратно въ христіанство,—бѣжали отъ турокъ и спрятались въ одной изъ Галатскихъ церквей. Въ такихъ случаяхъ законъ Магомета ясенъ и неумолимо наказываетъ смертью всякаго, кто отъ него отступится. Самъ шейхъ-уль-исламъ явился въ Галату, трое несчастныхъ были вытащены изъ ихъ убѣжища и тотчасъ же посажены на колъ. Но, не довольствуясь

этимъ, ревнители ислама задумали за-одно разрушить и самыя церкви и сдѣлали къ тому всѣ приготовленія.

Де-Бревъ собралъ тогда всѣхъ французовъ и католиковъ другихъ націй и объявилъ, что онъ твердо рѣшился защищать, даже съ опасностью жизни, свою религію и право публичнаго ея исповѣданія, предоставленное католикамъ существующими трактатами; если же онъ будетъ убитъ, то тогда уже отъ французскаго короля будетъ зависѣть отомстить за оскорбленіе, нанесенное и Богу, и ему лично.

Твердость посла произвела такое впечатлѣніе на шейхъ-уль-ислама и на янычаръ, собравшихся уже во множествѣ, для того, чтобы сжечь и разрушить христіанскія церкви, что они разошлись, не приведя своего намѣренія въ исполненіе.

Принимая въ 1590 году австрійскаго посла, Пеццена, великій визирь, Синанъ-паша, грубо спросилъ его о причинахъ, почему Австрія такъ замедлила уплатою своей дани—она обязана была, начиная съ 1568 года, платить Турціи дань ежегодно по 30.000 червонцевъ, не считая слѣдующихъ суммъ, уплачивавшихся тоже ежегодно: великому визирю 2.000 червонцевъ, прочимъ министрамъ — 2.666 червонцевъ, янычарскому агѣ — 2.000 червонцевъ, высшимъ военнымъ сановникамъ — 1.000 червонцевъ, драгоманамъ — 1.200 червонцевъ, Офенскому пашѣ — 2.000 червонцевъ, его приближеннымъ— 400 червонцевъ, Гранскому бею — 200 червонцевъ [1]). Пецценъ отозвался-было незнаніемъ и обѣщалъ написать о томъ въ Вѣну, но Синанъ-паша тѣмъ же тономъ перебилъ его словами: „кто далъ австрійскому королю власть обратить какого-то жалкаго писца въ послы“. Ничуть не смущаясь, Пецценъ возразилъ: „императоръ имѣетъ такое же право сдѣлать посла изъ писца, какъ султанъ возвести въ санъ визиря—свинопаса“— намекъ на то, что въ дѣтствѣ своемъ Синанъ-паша пасъ въ Албаніи свиней. Великій визирь не только не разсердился на эти слова, но, смѣясь, замѣтилъ окружавшимъ его: „невѣрный хорошо отплатилъ мнѣ тою же монетою“.

Турецкій лѣтописецъ Наима разсказываетъ также о большихъ затрудненіяхъ, причиненныхъ Оттоманской Портѣ въ 1649 году англійскимъ посломъ въ Константинополѣ, который постоянными и смѣлыми настояніями своими добился, наконецъ, смѣщенія шейхъ-уль-ислама, оскорбившаго не только англій-

[1]) Hammer VII. 408.

скаго консула въ Смирнѣ, но и избившаго самого посла, выгнавшаго его изъ залы совѣта и посадившаго его, въ добавокъ, подъ арестъ въ конюшню. Говоря съ нескрываемымъ раздраженіемъ объ этой уступкѣ британскимъ требованіямъ, столь оскорбительной для мусульманской гордости, Наима обзываетъ англійскихъ дипломатовъ „проклятыми, долгоносыми людьми, исполненными грубости и не желающими ни за что отказаться хотя бы отъ одного слога своихъ словъ, даже и тогда, когда они знаютъ, что это упорство можетъ стоить имъ головы".

Такимъ образомъ, за крайне рѣдкими исключеніями, роль представителей европейскихъ державъ въ прежнемъ Константинополѣ была крайне тяжелая и, зачастую, полная униженій всякаго рода: ссорясь другъ съ другомъ, стремясь всѣми силами и средствами подорвать въ глазахъ Порты прочихъ своихъ сотоварищей, они чаще всего достигали лишь того, что все болѣе роняли свое званіе, падали все ниже во мнѣніи турокъ и, наконецъ, хладнокровно выносили, съ терпѣніемъ достойнымъ лучшаго дѣла, даже побои, за которые имъ же приходилось еще откупаться и зная, что, въ большинствѣ случаевъ, ихъ собственныя правительства изъ-за выгодъ торговыхъ или политическихъ выдадутъ ихъ головою туркамъ и не отомстятъ за нанесенныя имъ оскорбленія.

При такихъ условіяхъ и при такой погонѣ за исключительно личными, своекорыстными выгодами, понятно, не могло быть и рѣчи о заступничествѣ представителей христіанскихъ державъ за христіанскихъ подданныхъ султана—несчастную, угнетенную райю.

Совершенно справедливо замѣчаетъ г. Мартенсъ, что „разсматривая содержаніе трактатовъ, заключенныхъ съ Турціей западно-европейскими государствами, нельзя не замѣтить одной характеристической черты: всѣ они касаются защиты иностранцевъ, подданныхъ этихъ державъ, и умалчиваютъ о покровительствѣ турецкимъ подданнымъ христіанскаго исповѣданія"[1]).

Совсѣмъ инымъ характеромъ отличались сношенія Россіи съ Портою.

Наказъ, данный первому нашему послу въ Царьградѣ, стольнику Плещееву, прямо говоритъ: „первое пришедши, поклонъ править стоя, *а на колѣни не садиться*: Іоаннъ, Божіею

---

[1]) Современное международное право цивилизованныхъ народовъ, Ф. Мартенса. II. 117.

милостью Царь всея Русіи и великій князь, велѣлъ тебѣ поклониться. А послѣ поклона поминки (подарки) явить, а послѣ поминковъ, если велитъ сѣсти, то посидѣвъ немного и потомъ вставъ, рѣчи говорить, а велитъ сидя рѣчь говорить, то говорить сидя". Въ то же время наказывалось ему „если будутъ у турецкаго султана отъ иныхъ государей послы, ему ни подъ которымъ посломъ не садиться; самому султану рѣчи говорить, а пашамъ отнюдь рѣчей не говорить".

Конечно, какъ мы видѣли выше, Плещеевъ, быть можетъ, нѣсколько пересолилъ въ своей требовательности и въ стремленіи не умалить достоинства пославшаго его государя, тѣмъ не менѣе для чести русскаго имени лучше было въ Константинополѣ пересолить въ этомъ направленіи, чѣмъ въ направленіи противоположномъ.

Въ сущности и самъ султанъ оцѣнилъ по достоинству прямоту Плещеева и, будучи недоволенъ его молодостью и его поведеніемъ, онъ не только не жалуется царю на московскаго посла, но, напротивъ того, въ своихъ отвѣтныхъ грамотахъ называетъ его „чистымъ, добрымъ человѣкомъ", заявляетъ о немъ, какъ о persona grata, и лишь косвеннымъ путемъ, въ письмахъ къ Менгли-Гирею, изливаетъ свое неудовольствіе.

Какъ бы то ни было, мы видимъ, что и первымъ русскимъ посламъ не приходилось претерпѣвать ничего подобнаго тому, что испытывали, какъ разсказано выше, послы западно-европейскіе. Имъ предоставлялось право самимъ вручать полномочія и говорить „рѣчи" султану, а не великому визирю или другимъ пашамъ; они заручились правомъ не становиться на колѣна предъ султаномъ и не цѣловать пола.

Почетное и исключительное положеніе первыхъ посланцевъ русскаго царя продолжалось и при слѣдующихъ московскихъ посольствахъ, несмотря на то, что посламъ нашимъ были даваемы тѣ же инструкціи, какъ и Плещееву, и что они съ такою же щепетильностью относились и къ соблюденію мелочей, которыя на востокѣ имѣютъ до сихъ поръ столь большое значеніе.

Здѣсь не лишне упомянуть, что наказы, даваемые московскимъ посламъ, отправлявшимся въ былое время въ восточныя страны, старались предусмотрѣть всѣ возможныя случайности, дабы заранѣе и съ точностью опредѣлить, какъ долженъ былъ вести себя посолъ въ томъ или иномъ случаѣ. Вотъ выписка изъ одного изъ подобныхъ наказовъ: „на случай еслибы пред-

ложены были такіе вопросы, о которыхъ въ наказѣ не писано, то, смотря по дѣлу, отвѣтъ на нихъ давать остерегательно, чтобы государеву имени было къ чести и къ повышенію, а московскому государству ко всякому добру. Вообще всегда и во всемъ государево имя и честь остерегать и выславлять и искать имъ повышенія и въ такомъ смыслѣ и говорить, а словъ простыхъ, которыя государскому имени не къ чести, не говорить, и остерегать, чтобы въ чемъ государеву имени не къ чести и всякому дѣлу помѣшки не было" [1]).

Султаны все также благосклонно принимали московскія посольства, и въ 1514 году мы видимъ въ Москвѣ отвѣтное турецкое посольство Ѳеодорита Комама, затѣмъ неоднократныя посольства Скиндера, князя Мангупскаго и т. д. вплоть до перваго разрыва съ Портою.

Не считая, конечно, обычнаго заключенія, при началѣ войнъ съ Россіею, нашихъ посланниковъ въ Семибашенный замокъ—Толстаго, Шафирова, Шереметева, Обрескова, Булгакова, составлявшаго, по моему мнѣнію, скорѣе простую мѣру предосторожности, вызываемую опасеніемъ, какъ бы посолъ не передалъ своему правительству о военныхъ распоряженіяхъ Порты, принятыхъ въ послѣднюю минуту—Гаммеръ приводитъ лишь одинъ примѣръ худаго обращенія турокъ съ русскимъ посломъ, а именно когда въ 1668 году посолъ не захотѣлъ подчиниться обычаю, по которому капиджіи, во время аудіенціи у султана, насильно наклоняли голову посламъ, чтобы заставить этихъ послѣднихъ дѣлать поклонъ пониже—тогда капиджіи свалили царскаго посла на полъ, лицомъ къ низу, а султанъ приказалъ выгнать посольство. Замѣнявшій великаго визиря, каймакамъ Кара-Мустафа (извѣстный впослѣдствіи своею неудачною осадою Вѣны) собственноручно сталъ бить какъ посла, такъ и его секретаря и переводчика, которые и были изгнаны съ позоромъ изъ султанскаго дворца. Впрочемъ, по словамъ австрійскаго историка Оттоманской имперіи, это не повліяло на успѣхъ самого посольства, такъ какъ султанъ далъ дружественный отвѣтъ царю Алексѣю Михайловичу [2]).

Въ виду исключительности подобнаго случая, идущаго въ разрѣзъ съ обычаями, искони соблюдавшимися по отношенію

---

[1]) Сношенія Россіи съ Среднею Азіею и Индіею въ XVI—XVII вв. Уляницкаго. 30.

[2]) Hammer. XI, 255.

къ русскимъ посланцамъ въ Царьградѣ, я постарался провѣрить вышеприведенный разсказъ Гаммера по подлиннымъ архивнымъ документамъ бывшаго посольскаго приказа, и вотъ что по нимъ оказалось.

Русскіе послы къ турецкому султану стольникъ Аѳанасій Нестеровъ и дьякъ Иванъ Вахрамѣевъ прибыли въ Константинополь 7 ноября 1667 года. 22 декабря имъ велѣно было ѣхать въ Адріанополь, гдѣ въ то время находился султанъ. Въ Адріанополь они уѣхали 6 января, а 14 были приняты султаномъ. О какихъ-либо побояхъ, нанесенныхъ имъ въ это время, они ничего не пишутъ въ своемъ статейномъ спискѣ. Напротивъ того, они здѣсь сообщаютъ факты противоположнаго свойства: когда они прибыли и, послѣ обычнаго угощенія у великаго визиря различными яствами, пошли къ султану, то на нихъ надѣли золотые кафтаны. Ихъ встрѣчали торжественно и, по ихъ собственнымъ словамъ, „повели въ полату чесно“. Но аудіенція продолжалась недолго, потому что султану, по словамъ великаго визиря, было „истомно и недоволь“. Провожали ихъ также торжественно, какъ и встрѣчали.

На отпускѣ послы были приняты султаномъ 9 апрѣля. Описывая его подробно, они опять ни слова не говорятъ о побояхъ. Султанъ на отпускѣ, между прочимъ, говорилъ, чтобы они „извѣстили царя, какъ онъ ихъ здѣсь жаловалъ и какова честь вамъ была“.

Статейный списокъословъ хранится въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ числѣ турецкихъ статейныхъ списковъ подъ № 10.

Трудно допустить, чтобы русскіе послы, такъ ревниво охранявшіе свое достоинство и честь пославшаго ихъ Государя, умышленно умолчали о тяжкомъ оскорбленіи, нанесенномъ имъ, по словамъ Гаммера, тѣмъ болѣе, что Нестеровъ не скрылъ, какому оскорбительному обращенію подвергся онъ на обратномъ пути изъ Константинополя со стороны Азовскаго паши. Вообще Азовскіе паши, какъ болѣе близкіе сосѣди съ русскими владѣніями, чаще всѣхъ имѣли поводы къ обоюднымъ столкновеніямъ и нерѣдко чинили русскимъ горькія обиды. Такъ и на этотъ разъ, вслѣдствіе неудовольствій у паши съ казаками, паша не хотѣлъ отпускать Нестерова въ Москву. Посольство потерпѣло не только великое безчестье отъ татаръ, якобы непослушныхъ пашѣ, но и отъ самого паши. Для поѣздки на свиданіе съ пашею, посламъ приведены были

худыя клячи въ худыхъ сѣдлахъ, испачканныхъ грязью, на которыя въ посольскомъ платьѣ и сѣсть было бы стыдно. Сверхъ того, янычары и азовскіе татары, прибѣжавъ къ лодкамъ, въ которыхъ сидѣли послы, „учали безчестить ихъ словами и вскоча на судно къ дьяку Ивану Вахрамѣеву, его, Ивана, зашибли и платье драть было стали и съ судна спихнули въ воду; да переводчика и двухъ толмачей зашибли жъ,— у одного толмача шапку сняли, да одного трубника покололи кинжаломъ въ голову легко".

Съ другой стороны, подобное оскорбленіе нашего посла въ Константинополѣ не только является исключеніемъ въ исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Турціей, но и не вяжется вообще съ заключеніемъ разсказа Гаммера о томъ, что все это происшествіе не повліяло на успѣхъ самого посольства и что султанъ далъ дружественный отвѣтъ царю Алексѣю Михайловичу.

Разсматривая всѣ эти обстоятельства въ ихъ совокупности, дозволительно, какъ мнѣ кажется, предположить, что разсказъ Гаммера объ оскорбленіяхъ, которымъ будто бы подвергся русскій посолъ въ Царьградѣ въ 1668 году, не согласенъ съ истиною.

При сношеніяхъ нашихъ съ Портою, соображенія политическія или экономическія не шли у насъ въ ущербъ человѣческому достоинству пословъ, и скоро явились заботы чистодуховныя — сначала объ участи святой православной Церкви на Востокѣ, а затѣмъ объ участи единовѣрцевъ нашихъ въ предѣлахъ Оттоманской имперіи. Лишь только нѣсколько окрѣпли ея силы, Россія открыто приняла на себя роль защитницы православныхъ христіанъ въ Турціи, безъ различія ихъ народностей, что̀ и послужило причиной цѣлаго ряда вооруженныхъ столкновеній съ оттоманскою имперіею, завершившихся освободительными войнами настоящаго столѣтія.

Еще задолго до возникновенія восточнаго вопроса, венеціанскій байль при Портѣ, Соранцо, писалъ въ 1576 г. Сенату: „Москвитяне внушаютъ опасеніе султану по той еще причинѣ, что великій князь принадлежитъ къ тому же греческому исповѣданію, что и народы Болгаріи, Сербіи, Босніи, Мореи и Греціи. Народы эти, по этой причинѣ, весьма преданы его имени, будутъ всегда расположены взяться за оружіе и возстать, чтобы

сбросить турецкое иго и подчиниться власти московскаго князя".

То же повторяетъ въ письмѣ своемъ къ папѣ Клименту VIII Піетро Чедолини, епископъ Лезины: „вслѣдствіе сходства языковъ иллирійскаго и славянскаго, а также общности вѣроисповѣданія, москвитяне пользуются преданностью бо̀льшей части европейскихъ и нѣкоторыхъ азіятскихъ народовъ, подчиненныхъ султану".

Послѣдующій ходъ историческихъ событій на Балканскомъ полуостровѣ доказалъ, что дальновидный венеціанскій дипломатъ былъ истиннымъ пророкомъ, хотя нѣсколько и погрѣшившимъ въ конечномъ выводѣ своего предсказанія.

В. ТЕПЛОВЪ.

Старина и мое дѣтство [1]).

(*Продолженіе*).

IX.

Въ наши дни, когда какіе-нибудь жонглеры посѣщаютъ провинціальный городъ, о днѣ и мѣстѣ ихъ представленія афиши разносятъ по домамъ почтальоны или нанятые посыльные; въ дни моего дѣтства афиши эти развозились и разбрасывались по городу самими жонглерами.

Помню, разъ лѣтомъ, мы сидѣли за обѣдомъ, какъ вдругъ на улицѣ зазвучали трубы и послышался топотъ коней. Я бросился къ окну, и никогда не забуду того впечатлѣнія, которое вынесъ я при видѣ какихъ-то фантастическихъ рыцарей въ шлемахъ, съ развѣвающимися перьями и гордо ѣдущихъ на статныхъ лошадяхъ съ побрякивающими уздечками, красивыхъ женщинъ въ трико тѣлеснаго цвѣта, въ одеждѣ какихъ-то богинь, съ вѣнчиками на головахъ, и амура съ колчаномъ и подвязанными крыльями на маленькой лошадкѣ. Передо мной тихимъ шагомъ верхомъ и на дамскихъ сѣдлахъ ѣхали не то люди, не то полубоги. Едва-ли я могу передать вамъ то чувство, нынѣ мнѣ уже непонятное, съ какимъ я глядѣлъ на это зрѣлище. Такъ какъ звуки трубы или рога заставляли дворовыхъ выбѣгать за ворота, то клоунъ въ колпакѣ съ погремушками подъѣзжалъ къ воротамъ, протягивалъ руку и переда-

[1]) См. „Русскій Вѣстникъ“, февраль 1890 г., стр. 110.

валъ афишку кому-нибудь изъ дворовыхъ. Сопровождаемые мальчишками, заѣзжіе гости проѣзжали и заворачивали въ другую улицу. Афишки переходили отъ людей къ господамъ, разглядывались, прочитывались и, если на нихъ были оттиснуты какіе-нибудь лубочные рисунки, нерѣдко судьба предназначала имъ красоваться на крышкѣ внутри какого-нибудь сундука крѣпостнаго рядомъ съ узорнымъ кружкомъ отъ помадной банки.

Такія появленія жонглеровъ, конечно, были не часты. Мнѣ кажется, въ дѣтствѣ не болѣе двухъ разъ я видѣлъ ихъ. Затѣмъ они исчезли. Я слышалъ, что появленія ихъ на улицахъ, по жалобѣ какого-то архіерея, было запрещено въ началѣ царствованія Николая и, вѣроятно, было запрещено по причинѣ якобы соблазна и дурнаго вліянія на народъ. Но русскій народъ искони привыкъ наряжаться на святкахъ, и появленіе ряженныхъ едва-ли могло смущать его; даже наши суевѣрныя старухи смотрѣли на это, какъ на обычай заѣзжихъ скомороховъ, смотрѣли не крестясь отъ діавольскаго навожденія и не отплевываясь. А на дѣтей, ничего не видавшихъ, кромѣ физіономіи дворовыхъ съ прорванными локтями, кромѣ полупьяныхъ приказныхъ во фризовыхъ шинеляхъ, да кромѣ пузатыхъ кучеровъ,—такое зрѣлище, несомнѣнно, было первымъ толчкомъ къ развитію эстетическаго чувства.

Забѣгу немного впередъ, чтобъ не возвращаться къ жонглерамъ. Я уже былъ нѣсколько старше, когда меня привели на какой-то дворъ, уставленный скамьями и стульями передъ ареной, загороженной досками, и увидалъ я скачку на лошадяхъ, прыжки черезъ обручи, пляску на канатѣ подъ музыку (полковую), лазанье на шесты и богатырскую игру съ чугунными пудовыми гирями. Мѣрная, самоувѣренная, въ высшей степени пластически-красивая пляска на натянутомъ канатѣ, похожая на полетъ, на подъемъ, и легкое прикосновеніе къ канату мускульнаго и въ то же время какъ бы воздушнаго тѣла — производили во мнѣ невыразимо радостное удивленіе. Какъ ребенокъ, я даже и вообразить себѣ не могъ, что эти женщины, эти мужчины и этотъ ребенокъ были такіе же люди, какъ и мы. Всѣ они, думалъ я, появились изъ какихъ то невѣдомыхъ мнѣ прекрасныхъ странъ и, въ доказательство, въ какой степени было сильно мое впечатлѣніе, я скажу одно: я до сихъ поръ помню, какъ звали того, кто плясалъ на канатѣ— фамилія его была „Дункель“. Мало того, когда, годъ спустя,

я услыхалъ, что Дункеля и его семью гдѣ-то на дорогѣ ограбили и чуть-ли не убили, я такъ сокрушался, какъ будто это были мнѣ родные, близкіе люди!..

Прозаической, закулисной, часто неприглядной стороны всѣхъ этихъ представленій я, конечно, даже и не подозрѣвалъ. Замѣчу здѣсь только одно (я не помню, чтобъ кто-нибудь сдѣлалъ такое наблюденіе) послѣ всякаго появленія такихъ жонглеровъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, въ дѣтяхъ усиливается страсть къ гимнастическимъ упражненіямъ и иногда до такой степени, что это становится опаснымъ. Былъ и такой случай, что, наглядѣвшись на ловкость жонглеровъ, одинъ ребенокъ вздумалъ пройтись по баллюстрадѣ лѣстницы, упалъ и разбился... Лично на меня жонглеры произвели такое же впечатлѣніе: въ саду между деревьями протянулась веревка, черезъ которую я сталъ кувыркаться; только попытка ходить на рукахъ, помню, не удавалась мнѣ. А въ простомъ народѣ я замѣчалъ иногда то, чего положительно я теперь уже не вижу. Это необыкновенно ловкое умѣнье послѣ пляски въ присядку вылетать изъ комнаты колесомъ, т. е., разставивъ руки и ноги, бокомъ перекувыркиваться въ воздухѣ, быстро опираясь въ полъ то пятками, то ладонями.

Такую пляску и такое вылетанье изъ комнаты колесомъ я видѣлъ на свадьбѣ старшей дочери хозяина нашей второй (памятной мнѣ) квартиры въ домѣ купца Гардѣева. На этой свадьбѣ я былъ вмѣстѣ съ матерью. (Мы жили тогда на Воскресенской улицѣ; наша семья въ деревянномъ домѣ, хозяева въ каменномъ, двухъ-этажномъ флигелѣ съ лѣстницею на дворъ). Я съ матерью сидѣлъ за парадным круглымъ столомъ, рядомъ съ невѣстой. Столъ былъ накрытъ скатертью и уставленъ всевозможными сластями, намъ подавали чай, медъ и обсахаренные крендели. У дверей толпа женщинъ орала свадебныя пѣсни; изъ передней, подъ звукъ балалайки, вылетали парни и дѣвки; полъ трещалъ подъ каблуками плясуна, который билъ ими дробь, точно въ барабанъ стучалъ, вертѣлся и присѣдалъ и подъ конецъ укатывался колесомъ въ переднюю. Эту свадьбу я не забываю по двумъ причинамъ. Хозяйскій сынъ, можетъ быть, годомъ или двумя меня старше, увелъ меня въ другую комнату и показалъ мнѣ лубочное изображеніе какого-то страшнаго людоѣда; этотъ людоѣдъ не скоро вышелъ у меня изъ головы—такъ онъ напугалъ меня. Свадьба же была нарушена быстро пробѣжавшимъ слухомъ, что гдѣ-то пожаръ. Все пришло

въ волненіе. Всѣ выскочили на крыльцо. Я тоже съ матерью очутился на ступенькахъ лѣстницы. Помню холодноватую ночь и блескъ зарева: на Симеоновскомъ рынкѣ, близъ церкви Симеона Столпника, горѣла какая-то лавчонка. Звукъ набатнаго колокола доносился до нашего слуха. Церковь была недалеко и стояла на небольшомъ возвышеніи. Что было дальше — не помню.

X.

Домикъ Гардѣева, куда мы переѣхали, былъ не великъ. Я помню только переднюю въ видѣ корридорчика съ дверью налѣво въ дѣвичью, направо — въ дѣтскую окнами на дворъ и затѣмъ въ другую дѣтскую окнами на улицу; прямо дверь въ гостиную, изъ которой налѣво шла спальня моей матери, сообщающаяся съ дѣвичьей, — вотъ и все. Насъ, дѣтей, уже было четверо; на этой квартирѣ, если не ошибаюсь, родилось еще двое: Александра и Николай.

Полагаю, что на этой квартирѣ мы жили не менѣе четырехъ лѣтъ. Сначала я помню въ ней моего отца и тѣ большіе листы, которые онъ по циркулю разлиневывалъ и, потомъ, въ клѣтки что-то вписывалъ своимъ красивымъ мелкимъ почеркомъ; это была служебная работа и производилась въ гостиной на ломберномъ раскрытомъ столѣ.

При отцѣ, помню, спалъ я у себя въ дѣтской въ откидной шифоньеркѣ. Моя кровать была похожа на шкапъ, который на ночь отпирался сверху и превращался въ откидную постель на двухъ разгибающихся ножкахъ. Съ этой постели помню я разъ стоны и надтреснутый голосъ моего заболѣвшаго брата Александра; помню, какъ онъ бредилъ, какъ прикладывали къ икрамъ его табачные листы, намазанные медомъ, и какъ я за него молился. Мнѣ уже былъ седьмой или восьмой годъ, и я зналъ наизусть кой-какія молитвы. Съ этой же постели, помню, я не разъ вслушивался въ шумъ проливнаго дождя и при блескѣ молніи боялся всемірнаго потопа. Няня Матрена сказывала мнѣ, что я не разъ сонный садился на кровать, размахивалъ руками и бормоталъ: то „Отче нашъ“, то „Богородицу“, то съ кѣмъ-то разговаривалъ. Если я и не былъ лунатикомъ, то весьма возможно, что полнолуніе оказывало на меня нѣкоторое вліяніе. Впрочемъ, я такой былъ нервный ребенокъ, что

могъ сонный привставать и сидѣть на кровати и безъ всякаго полнолунія.

Братъ Александръ, любимый мой братъ, на этотъ разъ выздоровѣлъ; самый же меньшой, Николай, умеръ. Я помню его бѣлое съ черными бровками младенческое личико съ закрытыми глазами и пятнышками на опущенныхъ мертвыхъ вѣкахъ съ черными рѣсницами. Помню, какъ мнѣ было жаль его и жаль его кормилицы, которую я выучилъ читать „Отче нашъ“ и „Вѣрую“. Какимъ способомъ удалось мнѣ это—не понимаю. Думаю, что деревенская безграмотная баба заучивала въ день не болѣе двухъ-трехъ словъ, и что ученье продолжалось цѣлые мѣсяцы, не столько по моей, сколько по ея собственной охотѣ. Я же въ этотъ блаженный періодъ моей жизни самъ въ молитвахъ многаго не понималъ; такъ, напримѣръ, слово „чаю“ постоянно вводило меня въ искушеніе; что такое „*чаю*“? какой тутъ можетъ быть „*чай*“?! Въ послѣдній годъ нашего житья у Гардѣева я уже не помню присутствія моего отца. Послѣ турецкой войны онъ получилъ мѣсто въ интендантствѣ и уѣхалъ въ Динабургъ. Помню же я это потому, что спалъ уже не въ своей откидной шифоньеркѣ, а рядомъ съ матерью на ея широкой двухспальной кровати изъ краснаго дерева съ столбиками и точеными шариками по угламъ.

Тутъ я помню, какъ въ зимніе долгіе вечера, я, лежа, дожидался своей матери, уѣхавшей къ сестрамъ, т. е. въ домъ къ моей бабушкѣ, какъ прислушивался, не скрипятъ ли полозья, не отворяютъ ли воротъ. Помню, какъ мать моя, по обыкновенію, долго не спала и при свѣтѣ одной сальной свѣчи на постели читала романы изъ библіотеки моего дяди. Разъ я упросилъ ее читать вслухъ и выслушалъ съ большимъ вниманіемъ какое-то приключеніе въ замкѣ съ подземельями у какихъ-то рыцарей. Мозгъ мой долго потомъ работалъ, и образы не давали мнѣ спать.

Тутъ я долженъ вспомнить и одинъ мой дурной, некрасивый поступокъ, который я, конечно, могъ бы и скрыть, еслибы не рѣшился ничего не скрывать изъ того, что я вспомню.

Разъ передъ какими-то праздниками, можетъ быть, передъ Рождествомъ, я легъ спать. Мнѣ не спалось; мать лежала рядомъ и читала... Вдругъ за дверью я услыхалъ голоса нашей женской прислуги, а въ ихъ числѣ и голосъ моей няньки, плескъ льющейся воды и, вообще, что-то не совсѣмъ обычное. Несомнѣнно, что наша дѣвичья, съ позволенія моей матери,

въ этотъ вечеръ была превращена въ баню (тамъ же была и печь, а можетъ быть и котелъ съ горячею водою). Я смутно вообразилъ себѣ, что тамъ купаются; меня взяло любопытство. Я попросился у матери выйти въ корридоръ и босикомъ черезъ гостиную прошелъ въ переднюю. Затѣмъ я быстро растворилъ дверь въ дѣвичью и увидѣлъ залитой водою полъ... Няньки подняли крикъ... Я поглядѣлъ на нихъ, засмѣялся и пошелъ обратно черезъ гостиную въ спальную...

Помню, какъ это непріятно подѣйствовало на мать мою. Она сдѣлала мнѣ выговоръ, но не сердилась. Я чувствовалъ только, что я чѣмъ-то огорчилъ ее, но признаться сказать, мнѣ вовсе не было стыдно. Я былъ такъ еще невиненъ въ глубинѣ души своей, что это смѣшное зрѣлище не имѣло для меня никакого вліянія. Въ эти года я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, о чемъ грезятъ взрослые отроки или безъусые юноши, наслушавшіеся всего отъ своихъ школьныхъ товарищей. Я въ этомъ поступкѣ своемъ видѣлъ только поводъ для себя дразнить мою Матрену и Дуню, няньку моего брата Мити, дразнить тѣмъ, что я видѣлъ ихъ... и я дразнилъ ихъ, и онѣ меня стыдили и въ то же время фыркали отъ смѣха.

Не знаю, было ли бы лучше, еслибы за это дѣтское озорничество меня прибили или высѣкли. Я бы тогда, конечно, вообразилъ себѣ, что я совершилъ какое-то великое преступленіе, и сталъ бы допытываться, ломать себѣ голову — въ чемъ же состоитъ это преступленіе? почему няньки могутъ насъ раздѣвать и мыть насъ въ банѣ, а мы не можемъ смотрѣть, какъ онѣ сами моются? Думаю, что мать моя поступила очень хорошо, удовлетворившись легкимъ выговоромъ и ничѣмъ не смутивъ моей совѣсти. Она глубоко вѣрила моей невинности, а, стало быть, и поступокъ мой приписала только неумѣстному дѣтскому любопытству.

Едва-ли это былъ не единственный исключительный случай. Да и зачѣмъ это было нужно, когда въ Рязани я не помню ни одной квартиры безъ саду и бани. Не произошло ли это оттого, что баня была уже кѣмъ-нибудь занята, или оттого, что у насъ не хватило дровъ натопить ее?

XI.

Не могу забыть и не могу не смѣяться, что даже въ тѣ младенческіе годы всякая женская красота или даже миловидность производила на меня особенное впечатлѣніе, какъ бы влекла къ себѣ. Конечно, это не была любовь,—это было только инстинктивное, измѣнчивое и неустойчивое влеченіе... Маша, меньшая дочка нашего хозяина, наивная дѣвочка лѣтъ 9, невольно привлекала меня своей рѣзвой и шаловливой миловидностью. Я бѣгалъ съ ней по саду и только при ней позволялъ себѣ ходить на верхнюю дорожку, гдѣ намъ, жильцамъ, по условію съ хозяиномъ, гулять не позволялось. Дорожка эта для дѣтей была очень соблазнительна: тамъ густо росли малина, вишни и красная смородина. Все лѣто одна ягода замѣняла другую и, чтобъ не рвать ихъ мимоходомъ, нужна была большая сдержанность... Всѣ здоровыя дѣти, большіе сластёны, но не всѣ такъ влюбчивы или привязчивы. Въ хозяйскій садъ мы могли проходить не иначе, какъ черезъ сарай съ сквозными воротами. Въ затворенныхъ воротахъ, идущихъ въ садъ, была калитка съ очень высокимъ порогомъ. Въ сараѣ стояли хозяйскіе и наши экипажи — дрожки и пошевни; тамъ пахло сбруей, навозомъ и сѣномъ, и было лѣтомъ прохладно и пасмурно. До сихъ поръ помню, какъ я вдругъ какъ-то затихъ и съежился, когда маленькая Маша перелѣзла черезъ порогъ калитки, влѣзла ко мнѣ въ пошевни и нѣжилась на сѣнѣ. Няньки смотрѣли на насъ, какъ на дѣтей, и мы не боялись ихъ; но тятенька этой милой дѣвочки былъ строгъ и еслибъ увидалъ ее у насъ въ сараѣ, ей бы непремѣнно досталось.

Въ то наивно-блаженное время, ни одна мечта моя не заходила дальше того, что видѣли глаза, а глаза видѣли блѣдное личико, какъ ленъ свѣтлорусую косу, сѣрые невинные глаза и улыбку съ ямочками на подбородкѣ.

Росъ я не по годамъ, а по часамъ, но часто хворалъ; въ особенности мучительны были головныя боли. Иногда на ночь мнѣ повязывали голову платкомъ съ мятымъ мякишемъ ржаного хлѣба, слегка смоченнаго мятнымъ квасомъ; иногда давали мнѣ въ водѣ какія-то *росныя капли*. Случались и перемежающіяся лихорадки. Тогда еще не было придумано аптеками

никакихъ облатокъ для хинина и прочихъ гадостей, никакихъ капсюлей, и мнѣ не разъ хотѣлось оттолкнуть и разлить, по часамъ предлагаемую мнѣ, горечь. При этомъ соблюдалась особенная діэта: не позволялось ѣсть ничего соленаго, ничего копченаго и ничего молочнаго, что еще больше располагало къ худобѣ, и я былъ худъ, какъ щепка.

Однажды, больной, днемъ, лежалъ я на постели моей матери. Мать сидѣла у окна и что-то шила; за высокой спинкой кровати мнѣ было не видать ее. Я закрылъ глаза и услыхалъ, что изъ дѣвичьей въ спальню прошла какая-то чужая старуха и, вѣроятно, вообразивши, что я сплю, стала полушепотомъ говорить моей матери: „Охъ, матушка! не хочется васъ огорчать, а не жилецъ *онъ* у васъ, не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ!.. не долго ему остается на бѣломъ свѣтѣ жить!..“

Я тотчасъ же понялъ, что рѣчь идетъ обо мнѣ, и сердце мое болѣзненно сжалось.

Когда незнакомая мнѣ старушка ушла, я не вытерпѣлъ, повернулся и застоналъ, не отъ боли, а отъ прилива страха за жизнь свою.

Подошла мать; тотчасъ же смекнула, что я слышалъ весь разговоръ, и что это меня встревожило. Не помню, что она говорила, вѣроятно старалась утѣшить, тогда какъ я прощался съ ней и повторялъ: знаю, что я скоро умру... знаю, знаю!

Этотъ случай укоренилъ во мнѣ мою трусливую мнительность. Я сталъ преувеличивать свои недуги и иногда по цѣлымъ часамъ находился въ меланхолическомъ настроеніи. Помню, мнѣ не хотѣлось думать о смерти, и я всячески старался чѣмъ-нибудь развлекать себя.

Разъ у бабушки въ домѣ, лѣтнимъ вечеромъ я вышелъ на переднее крыльцо, увидалъ лакеевъ и сидящаго на ступенькахъ стараго парикмахера Логина, страстнаго охотника читать старые романы и готоваго черезъ каждые два-три мѣсяца вновь перечитывать читанное, такъ какъ все имъ читанное совершенно вылетало изъ головы его.

Увидалъ я этого Логина и говорю ему: положи на ступеньку пальцы—я покажу тебѣ фокусъ. Онъ мнѣ повѣрилъ и протянулъ два пальца. Я вдругъ одной ногой наступилъ на нихъ и перескочилъ съ крыльца на дворъ. Дворовые захохотали. Мнѣ тоже сдѣлалось нѣсколько веселѣе, и я сталъ прыгать и бѣгать по двору. Думалъ ли кто-нибудь въ эту минуту, что я своимъ озорничествомъ лѣчилъ себя отъ мысли, что я

чахну и что смерть у меня за спиной... Дескать, какая же тутъ смерть, когда я еще способенъ на такія глупыя и рѣзвыя выходки! Но или Логинъ былъ терпѣливъ или я былъ довольно легокъ—не помню, чтобъ онъ жаловался, что я отдавилъ ему пальцы. Помнится мнѣ даже, что онъ самъ смѣялся.—Ишь, дескать, молокососъ, какъ онъ меня надулъ—какую штуку выкинулъ! А подкладка этой штуки, повторяю, была мысль о смерти и желаніе ей на зло подурачиться.

Единственный сынишка нашего хозяина—тотъ, который на свадьбѣ сестры своей пугалъ меня изображеніемъ людоѣда, былъ по части мнительности діаметрально мнѣ противоположенъ. Я боялся проглотить дробинку, попадающуюся въ застрѣленной и поданой на столъ дичи; а онъ ѣлъ все, что ему попадалось подъ руку: незрѣлыя яблоки, мѣлъ, грифель; разъ при мнѣ откусилъ кусочекъ отъ плитки акварельной зеленой краски и сталъ грызть его, какъ бы презирая мои предостереженія на счетъ ядовитости яри или зеленаго цвѣта. Этотъ мальчикъ скоро умеръ—оттого ли, что все ѣлъ, или просто оттого, что былъ чахоточный. Его хоронили, когда я былъ уже гимназистомъ и жилъ въ другой части города.

XII.

Когда мнѣ перевалило за семь лѣтъ, я уже умѣлъ читать и писать, и читалъ все, что попадалось мнѣ подъ руку. А попадались мнѣ подъ руку все старыя, иногда очень старыя книги, въ кожаныхъ переплетахъ—съ высохшими клопами между страницъ. Изданія временъ Екатерины—комедіи Плавильщикова и особенно памятна „Русалка“—волшебное представленіе съ превращеніями и куплетами. Вотъ, если не ошибаюсь начало одного куплета:

Мужчины на свѣтѣ
Какъ мухи къ намъ льнутъ,
Имѣя въ предметѣ,
Чтобъ насъ обмануть.

Иногда попадались и новыя, по тому времени, изданія, въ родѣ „Достопамятностей Россіи“ (съ картинками) и тогдашнее „Живописное Обозрѣніе“. Первые, прочитанные мною, стихи, уже побуждали меня подражать имъ. Чаще всего въ тогдаш-

нихъ изданіяхъ попадались стихи Карамзина и князя Долгорукова.

На стихи память у меня была отличная, 8—9 лѣтъ я зналъ уже наизусть лучшія басни Крылова, всѣ сказки Дмитріева, монологи изъ комедій Княжнина и кое-что изъ трагедій Озерова. Читалъ я стихи вслухъ, и кому же? моей нянькѣ и всей безграмотной дворнѣ, которая, какъ мнѣ тогда казалось, слушала меня съ большимъ удовольствіемъ, даже ахала отъ удовольствія! Одна только богомольная няня моей матери, старуха лѣтъ 80—Константиновна, была такъ сурова, что не внимала мнѣ.

Семилѣтній мальчикъ, я конечно долженъ былъ говѣть, такъ какъ уже миновалъ оффиціальный срокъ моего младенчества.

Говѣнье происходило въ домѣ Кафтыревыхъ. Тамъ совершались всѣ службы, кромѣ обѣденъ. Мать моя рано утромъ ѣздила къ своимъ сестрамъ слушать часы и меня брала съ собой. Однажды почему-то ей не захотѣлось будить меня, и она уѣхала одна. Когда я проснулся и узналъ, что мать моя уже уѣхала, я плакалъ отъ такой обиды и долго не могъ утѣшиться.

Но что читалъ дьячекъ, въ церкви ли, въ залѣ ли у бабушки—я ничего не понималъ, кромѣ „Господи помилуй!“ Это непониманіе нисколько не мѣшало моему религіозному настроенію, а это настроеніе не мѣшало лѣни стоять и ждать, скоро ли все кончится и скоро ли въ гостиной я заберусь на диванъ съ ногами или пойду въ кабинетъ къ дядѣ и буду смотрѣть, какъ онъ высѣкаетъ огонь и закуриваетъ свою большую пѣнковую трубку съ волосянымъ чубукомъ, который гнется.

Когда я шелъ на исповѣдь, мнѣ подсказывали грѣхи мои, такъ какъ я никакъ бы не могъ сообразить, въ чемъ именно я особенно грѣшенъ. Не помню, ѣздила ли моя бабушка причащаться въ приходскую церковь (къ Николѣ Дворянскому), или причащалась она дома, какъ старуха, которой было уже около 80-ти лѣтъ отъ роду.

Тогда казалось мнѣ, что все всегда такъ было и всегда такъ будетъ, и въ голову не приходило, что бабушка моя скоро,—прежде, чѣмъ мы переѣдемъ на другую квартиру, переселится въ вѣчность, что я буду держать свѣчу на похоронахъ ея, и что когда ее поднимутъ въ тяжеломъ гробу и

понесутъ изъ залы, между дворовыми, столпившимися у дверей передней, поднимется такой вой и плачъ, что я поблѣднѣю и съ ужасомъ убѣгу въ пустую комнату моихъ тетокъ, вмѣсто того, чтобъ участвовать въ шествіи за погребальной колесницей.

Припоминаю, что о смерти моей бабушки Александры Богдановны было какъ бы нѣкое предсказаніе.

Съ Кафтыревыми, а равно и съ моей матерью была очень дружна одна старушка, какая-то Екатерина Ивановна Гашевская, очень почтенная и добродѣтельная особа. Я не знаю о ея происхожденіи. Знаю только, что жила она одна на антресоляхъ, въ домѣ воскресенскаго діакона или священника. Въ деревянномъ домѣ, гдѣ жила она, лѣтомъ у открытаго окошка постоянно сидѣлъ кто-то въ рясѣ и чай пилъ. Чтобъ зайти къ Гашевской, надо было изъ сѣней (или изъ передней) подняться по очень узенькой и темной лѣстницѣ и, мимо сундуковъ и развѣшанныхъ на стѣнѣ салоповъ и капотовъ, пройти къ ней въ комнату, и когда, послѣ обѣдни, мы заходили къ ней, она угощала насъ кофеемъ, моимъ любимымъ тогда напиткомъ, до такой степени любимымъ, что кума моя Дарья, зная мою слабость, иногда, подмигивая, заводила меня въ свой чуланъ и тамъ на сундукѣ поила меня кофеемъ... Но я боюсь увлечься въ сторону и позабуду сказать, что эта самая Гашевская, незадолго до смерти моей бабушки, видѣла во снѣ, будто-бы она стоитъ въ церкви на панихидѣ и слышитъ, какъ діаконъ съ амвона за упокой поминаетъ имя новопреставленной боярыни Александры, потомъ—имя Екатерины и затѣмъ третье имя, котораго она не хотѣла сказать ни моимъ теткамъ, ни моей матери. Сонъ этотъ дѣйствительно, оказался, пророческимъ: за смертью бабушки моей, Александры, послѣдовала смерть самой Гашевской, Екатерины, и затѣмъ смерть моей матери, Натальи. Вотъ то третье имя, которое никому не хотѣла открыть Гашевская.

XIII.

На похоронахъ моей бабушки были и новыя для меня лица. Низенькая, кругленькая, черноглазая старушка Анна Васильевна Клементьева, жена только-что прибывшаго въ Рязань новаго почтмейстера, и ея племянница Анна Николаевна

(фамиліи не помню), молодая вдова, блондинка, веселая, милая и всегда къ лицу одѣтая дамочка.

Еще при жизни бабушки, Клементьевы раза два или три были у моихъ тетокъ и затѣмъ стали пріѣзжать къ нимъ каждую недѣлю. Обѣ онѣ, и старушка Клементьева, и ея племянница были такія простыя и сердечныя, что сойтись съ ними было не мудрено. Онѣ же и не аристократничали, какъ другія рязанскія дамы, и не были такими чудачками, какъ напримѣръ, генеральша Анцыферова, у которой карета была похожа на Ноевъ ковчегъ, а лошади были такими заморенными клячами, что жалко было смотрѣть на нихъ, когда она въ большіе праздники ѣздила по рязанской мостовой съ визитами.

Я помню, какъ-то разъ старушка Клементьева пріѣхала къ моимъ теткамъ въ особенно веселомъ настроеніи духа. Она была въ восторгѣ отъ своего старика.

— Вообразите, говорила она, потребовалъ, чтобъ ему подали Евангеліе! вообразите!! Чтобъ понять радость старухи, надо замѣтить, что старикъ Клементьевъ почему-то считался вольтеріанцемъ и что жена его постоянно сокрушалась при мысли, что мужъ ея безбожникъ. Въ то время достаточно было носить въ умѣ своемъ сотую долю того, что носитъ теперешняя молодежь, чтобъ прослыть человѣкомъ погибшимъ, т. е. безбожникомъ.

Когда я говорю: „я помню“, это не значитъ, что это случилось или говорилось непремѣнно при мнѣ; это просто значитъ, что такое составилось мнѣніе и, такъ какъ я былъ любопытенъ, дошло до моего слуха и произвело такое впечатлѣніе, которое почему-то осталось... Припоминая о чемъ-либо, мнѣ легко спутать говоренное при мнѣ или выслушанное отъ другихъ.

Когда я бывалъ у Клементьевыхъ и когда изъ задней двери въ залу выходилъ къ намъ высокій, сутулый, похожій на Державина, старикъ въ длиннополомъ сюртукѣ или въ чемъ-то похожемъ на халатъ, я глядѣлъ на него, какъ на человѣка, котораго сатана непремѣнно утащитъ въ адъ, если онъ не покается. Суровъ и несловоохотливъ былъ этотъ Клементьевъ. Его побаивались и жена и племянница; одна только внучка его, дочь Анны Николаевны, хорошенькая девятилѣтняя дѣвочка, его любимица и баловница, не боялась его, и когда по вечерамъ сидѣлъ онъ, обложенный книгами, смѣло входила въ его комнату. Эту дѣвочку звали Наденькой, и эта дѣвочка

была моимъ идеаломъ. На сколько можетъ быть влюбленъ ребенокъ, на столько я былъ влюбленъ въ нее. И если я умѣлъ въ юности моей танцовать,—я ей обязанъ этимъ умѣньемъ. Только она да зависть, что меньшой братъ мой и другія дѣти съ ней танцуютъ, а я—нѣтъ, заставили меня преодолѣть мое упорное намѣренье никогда не заниматься такими бѣсовскими дѣлами, какъ танцы...

Когда въ назначенные дни мать моя брала меня и брата къ Клементьевымъ (жили они во 2-мъ этажѣ надъ почтой въ казенной, почтамской квартирѣ), и тамъ, подъ звуки скрипки, какая-то мадамъ, несомнѣнно пожилая, отставная танцовщица, начинала ставить дѣтей сначала въ позицію, потомъ учила разнымъ па, потомъ экосесу и вальсу, я сидѣлъ въ углу и только смотрѣлъ изъ-подлобья на такія упражненія.

Но если любовь когда-то погубила Трою, то что же мудренаго, если она мало-по-малу сломила мое упрямство.

Я тоже сталъ танцовать, только ради того, чтобъ имѣть право рукой своей прикасаться къ рукѣ этого воплощеннаго херувима съ голубыми глазами и съ золотистыми локонами.

Послѣ смерти моей бабушки, мы какими-то судьбами очутились на другой квартирѣ, хозяиномъ которой былъ булочникъ, бывшій крѣпостной моей бабушки, отпущенный ею на волю. У этого булочника (кажется, его звали Абрамомъ) были два дома: одинъ каменный, двухъэтажный, съ лавкой внизу, на углу Астраханской и Введенской улицы, другой же деревянный и одноэтажный, котораго фасадъ и крылечко, съ лѣсенкой направо и съ лѣсенкой налѣво, выходилъ на Введенскую улицу. Заднія окна этого дома изъ спальной глядѣли въ садъ, а изъ нашей дѣтской на дворъ, на кухню и на задній фасадъ того дома, гдѣ обиталъ старый булочникъ съ женой, съ сыновьями и съ дочерью Любой.

Въ этой квартирѣ помню я себя сидящимъ и рисующимъ пылающее сердце, пронзенное стрѣлой. Рисую я на квадратномъ кусочкѣ какой-то плотной бумаги, держу кисть и беру краску съ бумажки, густо, въ видѣ овальнаго кружка покрытой лоснящимся слоемъ бакана (такія бумажки тогда продавались и при ихъ помощи можно было и рисовать сердца, и румяниться). Кончивъ свой рисунокъ, несомнѣнно заимствованный изъ какого-нибудь стариннаго альбома съ шарадами, я понесъ его въ спальную матери, гдѣ сидѣла Анна Николаевна, маменька Наденьки.

Пылающее сердце было тщательно завернуто въ маленькій пакетикъ и передано гостьѣ съ тѣмъ, чтобы она отвезла его своей хорошенькой дочкѣ.

— Передайте Надѣ, сказалъ я и вышелъ.

Затѣмъ я услыхалъ ихъ сдержанный хохотъ... Это меня нѣсколько покоробило... Я смекнулъ, что пакетикъ былъ развернутъ, и сокровенное чувство мое обнаружено. Было ли передано мое оригинальное посланіе—не знаю, я объ этомъ ужь ни у кого не спрашивалъ, да полагаю, что и спрашивать было конфузно.

И не этотъ ли конфузъ удержалъ въ моей памяти такое, въ высшей степени пустое и неинтересное событіе. Но если тутъ и былъ какой-нибудь конфузъ, онъ ничего не значитъ передъ тѣмъ конфузомъ, который выпалъ мнѣ на долю въ 40 верстахъ отъ Рязани у нашихъ двоюродныхъ Плюсковыхъ, въ ихъ деревнѣ „Острая Лука“.

Лѣтомъ, въ разгарѣ самаго лѣта, Плюсковы—Тимоѳей Петровичъ и Евлампія Яковлевна, прислали за нами свою крытую шестимѣстную коляску, запряженную четверней. Лошади переночевали на дворѣ у Кафтыревыхъ, и на другой день мы поѣхали: двѣ тетки, моя мать, я и—что могло быть радостнѣе и прекраснѣе!—Наденька и ея мать. Цѣлый день высочайшаго эстетическаго наслажденія, цѣлый день сладкой тревоги и боязни какимъ-нибудь глупымъ словцомъ или рѣзкимъ движеніемъ оскорбить или обезпокоить мое маленькое божество, такое свѣжее, милое и нарядно-воздушное!! Я былъ на седьмомъ небѣ.

Не доказываетъ ли дѣтская любовь, что можно любить, не имѣя ни малѣйшаго ни о чемъ понятія? Дѣти, которыя рано все знаютъ, такъ же, какъ и развращенные старики, любить не могутъ—это мое личное наблюденіе. Воистину платонически любить могутъ только или дѣти или безпомощные старики наканунѣ смерти. Ихъ потухающій взглядъ иногда съ упоеніемъ созерцаетъ молодую красоту и боится потерять ее изъ виду, хотя они и знаютъ, что красота эта никогда имъ не принадлежала и никогда уже принадлежать не можетъ. Въ жизни ихъ пѣсенка спѣта, но въ душѣ ихъ еще звучитъ проснувшееся эхо младенческой чистой любви. Но у этой младенческой любви бываютъ и смѣшныя стороны.

Пріѣхавши къ Плюсковымъ, я тотчасъ же на цѣлый вечеръ

побѣжалъ въ садъ съ моими кузёнами, кузинами и Надей. Значитъ, всѣ мы порядочно набѣгались и рано полегли спать. Мальчиковъ уложили на антресоляхъ въ комнатѣ съ балкономъ въ садъ и двумя окнами; уложили на полу, постлавши кому матрасъ, кому перину, и всѣхъ снабдивши подушками и одѣялами. Этого добра у старыхъ помѣщиковъ было такое изобиліе, что и полдюжины гостей, внезапно наѣхавшихъ на усадьбу и оставшихся ночевать, не сконфузили бы хозяевъ— у всѣхъ бы нашлись и подушки и одѣяла.

На другой день утромъ никто не разбудилъ меня, всѣ ушли внизъ чай пить, а я все еще спалъ, какъ убитый.

Вдругъ я очнулся и вскинулъ голову. Въ комнату вбѣжали мои кузины, тоже еще очень маленькія дѣвочки, и вмѣстѣ съ ними Наденька.

Можете вообразить мой ужасъ, когда онѣ стали надо мной смѣяться, а *она*, мало того, что звонко захохотала, ухватилась за мое одѣяло и стала его стаскивать. Я тоже за него уцѣпился, не давалъ съ себя стащить его и кричалъ: убирайтесь, убирайтесь! Боже мой, какъ мнѣ было стыдно, и въ какомъ я былъ отчаяніи!

Онѣ убѣжали; я вскочилъ, заперъ на щеколду дверь на лѣстницу и сталъ на-скоро обуваться и одѣваться...

XIV.

Не имѣю ни малѣйшаго намѣренія изъ моей ребяческой любви сдѣлать идиллію или разсказъ, прикрашенный фантазіей. Задача моихъ воспоминаній слишкомъ далека отъ того, чтобъ пускаться въ сочинительство, и если все, что пишу я, по желанію немногихъ, многимъ кажется неинтересно или незанимательно, то ничто не мѣшаетъ имъ закрыть эти страницы и поискать другихъ. Мнѣ же иногда и самому совѣстно, что мое личное, интимное, мнѣ одному дорогое, я навязываю другимъ, какъ будто у каждаго нѣтъ точно такихъ же воспоминаній или какъ будто дѣтство мое достойно особеннаго вниманія. Чтобъ загладить невольную вину мою, остается одно: какъ можно проще и искреннѣе относиться къ самому себѣ, не стараться поэтизировать то, что кажется поэтическимъ только по летучести милыхъ воспоминаній и подогрѣтаго старческаго воображенія.

Чѣмъ кончилась первая младенческая любовь моя—скажу позднѣе, тѣмъ болѣе, что чувство мое было съ перерывами—то исчезало, то снова выплывало и выносило меня на высоту какого то восторженно-благоговѣйнаго созерцанія, дѣлало меня нѣмымъ и робкимъ въ присутствіи веселой и беззаботной дѣвочки, въ отсутствіи же заставляло меня мечтать о ней такъ, какъ дѣвочки пяти лѣтъ мечтаютъ о красивой куклѣ, видѣнной ими въ магазинѣ, и мысленно цѣлуютъ ее, какъ живую. Куклу можно купить и подарить, и мечты превратить въ дѣйствительность; но отъ моихъ мечтаній дѣйствительность была дальше облаковъ, дальше чѣмъ звѣзды небесныя.

Но каковы бы ни были эти первоначальныя наивныя мечты, иныя воспоминанія безпрестанно отъ меня заслоняютъ ихъ.

Разъ, въ присутствіи Наденьки, въ домѣ нашемъ совершилось ужасное приключеніе. Я уже говорилъ, что племянница Клементьева, молодая вдовушка, была очень живая и веселая дама. Не мудрено, что ей пришло въ голову на святкахъ уговорить мать мою нарядиться, надѣть маску и поѣхать интриговать Кафтыревыхъ, т. е. сестеръ моей матери. Тогдашніе вечера начинались рано (не позднѣе 5—6 часовъ, т. е. къ вечернему чаю). Мать моя и Анна Николаевна отправились наряженными и, вѣроятно, не изъ нашего дома, такъ какъ я не видалъ ни Анны Николаевны, въ мужскомъ нарядѣ, ни матери моей, въ костюмѣ отшельника. Появленіе ихъ у Кафтыревыхъ произвело нѣкоторое забавное впечатлѣніе—сначала ихъ не узнали, такъ какъ въ этомъ святочномъ маскарадѣ, вѣроятно, участвовали и другіе знакомые, и даже многіе изъ числа дворовыхъ. Затѣмъ, часу въ девятомъ вечера мать моя вернулась домой вмѣстѣ съ Анной Николаевной, которая уже въ собственномъ своемъ костюмѣ заѣхала къ намъ за своей дочерью. Обѣ онѣ прошли въ спальную. Мать моя сняла съ себя льняную бороду и широкій съ широкими рукавами, темный костюмъ отшельника и велѣла своей горничной куда-нибудь прибрать его. Горничная на время положила его въ дѣтской на одну изъ нашихъ кроватей и ушла.

Въ дѣтской не было никого изъ прислуги—мы были одни, а съ нами и Наденька. Мы играли. Вдругъ братъ мой Григорій нашелъ бороду и коленкоровый костюмъ отшельника. Не прошло и десяти минутъ, какъ мы уже видѣли его съ подвязанной бородой, подъ капишономъ и въ широкомъ одѣяніи, которое тащилось за нимъ, какъ хвостъ, такъ какъ было ему

не по росту. Мы прыгали и смѣялись... Вдругъ братъ мой Гриша подошелъ къ низенькому столику, на которомъ горѣла свѣча. Въ одно мгновеніе льняная борода его вспыхнула... Не успѣли мы ахнуть, какъ онъ уже катался по полу, охваченный пламенемъ. Наденька спряталась куда то въ уголъ, я закричалъ и такъ страшно закричалъ, что, несмотря на двойныя рамы, въ кухнѣ со двора услыхали мой крикъ. Изъ гостиной прибѣжала мать и ея гостья. Всѣ бросились тушить и обрывать пылающій костюмъ, капишонъ и крѣпко привязанную бороду. Я видѣлъ только клубъ дыма и искры. Къ счастью, недалеко была вода въ кувшинѣ—огонь погасили, брата подняли и понесли. Еще слава Богу, что ни у кого изъ женщинъ, бросившихся руками тушить огонь, не загорѣлось платье! Это было бы великое несчастье... Бѣднаго Гришу отнесли въ спальную на кровать матери, его раздѣли и послали за докторомъ. Ожоги были значительны на лицѣ, на шеѣ и на рукахъ, но не смертельны. Мѣсяца черезъ два братъ мой такъ поправился, что уже всталъ съ постели. Только слѣды отъ ожоговъ долго еще не сходили съ лица его. Мать моя все это время неотлучно была при немъ, мало спала, много молилась. Она была убѣждена, что Богъ наказалъ ее за непозволительную вѣтренность.

Все это было въ отсутствіе моего отца,—но турецкая кампанія кончилась, и онъ вернулся. Кто не знаетъ, какъ много значитъ въ дѣтствѣ лишній годъ, какъ длинно кажется время и какъ легко отвыкаютъ дѣти отъ тѣхъ, которые на нѣсколько лѣтъ покидаютъ ихъ? Разъ, проснувшись утромъ, я узналъ, что папа мой пріѣхалъ. Это извѣстіе меня болѣе поразило, чѣмъ обрадовало. Когда, одѣвшись, я вошелъ въ спальную къ матери и увидалъ его еще въ постели, мнѣ показался онъ чернымъ отъ загара и худымъ. Мать моя, напротивъ, казалась моложе и наряднѣе: несмотря на раннее утро, на ней была уже какая-то шаль, и волосы были тщательно причесаны. Эта кокетливая перемѣна въ костюмѣ моей матери и даже румянецъ на ея щекахъ не укрылись отъ дѣтскихъ глазъ моихъ. Гдѣ служилъ и былъ отецъ мой и какіе онъ привезъ намъ подарки—объ этомъ уже было сказано, добавлю только, что Трофимъ, слуга, который былъ съ нимъ въ походахъ, хвастался, что онъ былъ въ Мандавалахіи—въ Мандавалахской губерни. Хорошая губерня! Много табаку и тоже виноградъ растетъ... Только какъ была чума, то всѣ наши вещи были

сожжены въ карантинѣ, много добра пропало... Онъ такъ смѣшно произносилъ слово „Мандавалахія“ что мы не разъ заставляли повторить его. Этотъ Трофимъ былъ уже женатъ на горничной Улитѣ, и у него былъ сынъ Николка, и двѣ дѣвчонки. Помню, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ вернулся, уже не няньки мыли насъ въ банѣ, а онъ—Трофимъ. Матрена же по-прежнему провожала меня по утрамъ къ мадамъ Тюрбертъ, у которой я учился по-французски.

Я. ПОЛОНСКІЙ.

ВЪ ЛѢСУ[1].

ПОВѢСТЬ.

(*Окончаніе*).

III.

Рязановъ пробылъ у ксендза минутъ двадцать, не больше.

— Оставлялъ завтракать и посылалъ ужь за тобой, да я сказалъ, что намъ надо добраться до мѣста засвѣтло, а то чего добраго тѣ мерзавцы, что на Марыхну напали, и насъ ограбятъ. Ну, испугался и самъ сталъ торопить, говорилъ Павелъ Матвѣевичъ, усаживаясь въ телѣжку и принимая изъ рукъ сына возжи.

— Куда же ты, отецъ? спросилъ Сергѣй, когда вмѣсто того, чтобъ ѣхать по улицѣ, ведущей къ полю, Рязановъ повернулъ лошадь въ противуположную сторону.

— Надо въ контору заглянуть. Ксендзъ сказалъ, что Ласкій со вчерашняго дня здѣсь.

Они молча доѣхали до одноэтажнаго дома, нанятаго подъ контору, съ помѣщеніемъ для главнаго управляющаго на случай его пріѣздовъ сюда.

У подъѣзда стояла коляска уѣзднаго предводителя, большаго пріятеля пана Ласкія.

Свиданіе съ дядей не улыбалось Сергѣю; ему хотѣлось бы лучше скорѣе выѣхать въ лѣсъ съ отцомъ и услышать отъ него объясненіе намековъ, которыми онъ такъ смутилъ его при разставаньи съ Тримпельманами, да и вообще, въ томъ расположеніи духа, въ которомъ онъ находился, ему было тяжело видѣться съ посторонними, но оставаться на улицѣ въ телѣжкѣ,

[1]) См. „Русск. Вѣстн.“. Май, 1890 г.

какъ онъ это сдѣлалъ сейчасъ передъ заборомъ ксендза, было здѣсь неудобно. Домъ былъ одноэтажный, его могли увидѣть въ растворенныя окна, да и отецъ не скроетъ, что онъ съ нимъ вмѣстѣ пріѣхалъ, все равно позовутъ, ужь лучше самому пойти.

— Мы тамъ недолго пробудемъ, сказалъ Рязановъ, замѣчая, какъ неохотно сынъ его слѣзаетъ съ телѣжки и слѣдуетъ за нимъ въ прихожую, а оттуда въ длинную залу, уставленную высокими стульями и столами, обитыми клеенкой, за которыми скрипѣли перьями съ полдюжины писцовъ.

Изъ двери, полуотворенной въ сосѣднюю комнату, служившую кабинетомъ старшему управляющему, слышался громкій говоръ, веселый смѣхъ, и доносился запахъ табачнаго дыма, тонкихъ винъ и кушанья.

Панъ Ласкій завтракалъ со своими пріятелями.

— Вызови его лучше сюда, отецъ, и переговори съ нимъ здѣсь, произнесъ умоляющимъ шепотомъ Сергѣй, дергая отца за пальто и пятясь назадъ въ прихожую. —Мы съ тобой оба такіе грязные, а тамъ у него сидятъ франты, вѣрно.

Но было уже поздно отступать, дверь съ шумомъ растворилась, и въ ней появился панъ Ласкій съ салфеткой въ рукахъ, въ костюмѣ изъ чечунчи, безукоризненнаго покроя, съ гладко выбритымъ подбородкомъ, тщательно расчесанными бакенбардами, свѣжій, душистый и добродушный, какъ всегда.

— А, Павлусъ! Какими судьбами? весело вскричалъ онъ, протягивая пріѣзжимъ съ обычною привѣтливостью выхоленную бѣлую руку, украшенную драгоцѣнными перстнями.

У него ихъ было множество, все дорогіе и красивые, подарки довѣрителей въ знакъ признательности за оказанныя услуги. Была у него также замѣчательная коллекція булавокъ и запонокъ, но въ тотъ день, по случаю жары, онъ не надѣлъ галстука и между туго накрахмаленными краями разстегнутой рубашки виднѣлась жирная шея и часть обросшей волосами, широкой груди.

Не взирая на замѣтно выдающееся брюшко, большую лысину и толщину, онъ казался много моложе своихъ лѣтъ, нравился женщинамъ и слылъ за волокиту большой руки. Про похожденія его много говорили и здѣсь, и въ Варшавѣ. Разсказывали, между прочимъ, какъ онъ, однимъ своимъ умѣніемъ обращаться съ прекраснымъ поломъ и не истративъ на это ни одного гроша, отбилъ любовницу у одного изъ своихъ довѣрите-

лей, красивенькаго двадцатилѣтняго гвардейца. И сдѣлалъ онъ это—(вѣдь эдакій добрый!) для того только, чтобы спасти юношу отъ разоренія; дама была изъ прожорливыхъ, и въ какой-нибудь годъ времени ясновельможный птенецъ успѣлъ просадить на нее около ста тысячъ.

— И Сергусъ съ тобой? Отлично! Выдержалъ экзаменъ? продолжалъ панъ Ласкій, привѣтливо обращаясь къ племяннику и пытливо заглядывая ему въ глаза.

Эта привычка заглядывать людямъ въ глаза, разговаривая съ ними, многимъ не нравилась въ панѣ Ласкіи; Сергѣй же, которому было всегда неловко въ присутствіи дяди, даже и тогда, когда онъ не обращалъ на него вниманія, никогда не могъ безъ смущенія и волненія отвѣчать на его вопросы, когда онъ чувствовалъ на себѣ его пристальный и до дерзости проницательный взглядъ.

— Выдержалъ, чуть слышно проговорилъ онъ, краснѣя до ушей и отводя глаза въ сторону.

— Молодецъ! Хорошо, что заѣхалъ, Павлусъ, я ужь самъ хотѣлъ къ вамъ махнуть. Пойдемте... Завтракали? Да? Ну, такъ посидите въ нашей компаніи. Выпьете по стаканчику вина, да и въ путь. У меня винцо доброе.

Слова эти панъ Ласкій отрывисто кидалъ на ходу, повертываясь къ двери въ кабинетъ и приглашая Рязановыхъ любезнымъ жестомъ руки слѣдовать за собою.

— Да у тебя гости, попытался-было отговариваться Павелъ Матвѣевичъ, оглядывая со смущеніемъ свой перемятый и перепачканный костюмъ.

— Какіе тамъ гости! Все свои, ты ихъ знаешь, полковникъ, надзиратель, Дембинскій, Лудвигъ.

При послѣднемъ имени Сергѣй тревожно глянулъ на отца, а Павелъ Матвѣевичъ насупился и сталъ поправлять сумку съ бумагами, висѣвшую у него черезъ плечо.

— Пойдемте, пойдемте, не стѣсняйтесь, свои люди, съ оживленіемъ продолжалъ Ласкій, не обращая вниманія на замѣшательство своихъ спутниковъ. — Вы кстати пріѣхали, мы толковали про Марыхну, ты намъ разскажешь, какъ было дѣло, полковникъ очень заинтересованъ этимъ приключеніемъ, не правда ли, полковникъ?

— Какже, какже, пробасилъ толстякъ съ синимъ носомъ, въ бѣломъ кителѣ съ погонами.

Онъ ужь былъ пьянъ немного и дрожащей рукой наливалъ

вино въ стаканъ со льдомъ. На столѣ стояло много бутылокъ, завтракъ еще не былъ съѣденъ, до блюда съ отбивными котлетами никто еще не дотрогивался, но нѣкоторыя бутылки были уже пусты.

— Приключеніе интересное, прибавилъ онъ, отвѣчая небрежнымъ кивкомъ на поклонъ Рязановыхъ.

Длинный человѣкъ съ блѣднымъ, желчнымъ лицомъ, акцизный надзиратель, а также сосѣдъ его, маленькій, юркій брюнетъ, панъ Дембинскій, тоже отнеслись къ нимъ довольно пренебрежительно, но за то съ какою торопливостью привѣтствовалъ ихъ кудрявый, черноволосый молодой человѣкъ, сидѣвшій рядомъ съ хозяиномъ!

Онъ для этого вскочилъ съ мѣста, обошелъ столъ и пожималъ имъ обоимъ руки такъ крѣпко и съ такими проявленіями радости и любви, что насмѣшливая улыбка наблюдавшаго за нимъ Ласкія широко расплылась по всему его лицу и отразилась лукавымъ блескомъ въ прищуренныхъ глазахъ.

— Вотъ намъ Павлусъ разскажетъ, какъ было дѣло, сказалъ онъ, усаживаясь на диванъ и принимаясь за недоѣденный кусокъ ветчины.

— Садись сюда, указалъ онъ Рязанову на мѣсто, покинутое Лудвигомъ, — вѣдь ты оттуда, конечно?

— Нѣтъ, я изъ дому, отвѣчалъ Рязановъ.

И нерѣшительно опустившись на указанное ему мѣсто, онъ началъ крутить попавшую подъ руку салфетку.

Отвѣтъ его вызвалъ гримасу разочарованія на всѣхъ лицахъ, за исключеніемъ пана Лудвига и Сергѣя. Этимъ двоимъ было не до того, чтобъ принимать участіе въ общемъ разговорѣ.

Молодой Рязановъ, отказавшись самымъ рѣшительнымъ образомъ отъ ѣды и питья, удалился въ противоположный уголъ комнаты, къ окну, и сталъ смотрѣть изъ него на улицу. Панъ Лудвигъ послѣдовалъ за нимъ.

Прислонившись плечомъ къ косяку, онъ всячески пытался втянуть его въ бесѣду съ собой, но ему это не удавалось. Сергѣй самымъ упорнымъ образомъ отвертывался отъ него, на вопросы отвѣчалъ молчаніемъ или отрывистыми „да“ и „нѣтъ“, и чтобъ не встрѣчаться съ нимъ взглядомъ, совсѣмъ погрузился въ созерцаніе голубей, прохаживающихся подъ окномъ.

И тамъ тоже, за столомъ, между собутыльниками пана Ла-

скія, разговоръ пересталъ клеиться съ появленіемъ новаго лица. Всѣмъ стало скучно и неловко, какъ всегда бываетъ, когда въ тѣсный кружокъ коротко знакомыхъ между собой людей, понимающихъ другъ друга на полусловѣ, нечаянно попадетъ чужой человѣкъ.

— Какъ же это ты, братецъ, не догадался къ Марыхнѣ-то заѣхать? съ добродушной укоризной замѣтилъ своему родственнику Ласкій, для того больше, чтобъ сказать что-нибудь и нарушить непріятное молчаніе, воцарившееся въ комнатѣ.

— Да, это очень жаль, что вы туда не заѣхали, глубокомысленно протянулъ полковникъ.—Интересно было бы провѣрить донесеніе посланнаго туда слѣдователя. Совсѣмъ еще юноша этотъ слѣдователь и куда его ни пошлютъ, кромѣ глупостей ничего не дѣлаетъ.

— Но вѣдь онъ еще тамъ, замѣтилъ Рязановъ.

— Когда онъ вернется, тогда уже поздно будетъ поправлять его дѣйствія, пане, строго наставительнымъ тономъ возразилъ толстякъ въ китель.

И пожавъ плечами съ оттѣнкомъ презрѣнія, онъ оглянулся на окружающихъ, приглашая ихъ этимъ взглядомъ раздѣлить его неудовольствіе на глупый отвѣтъ лѣсничаго.

Ему отвѣчали сочувственными ужимками, и Дембинскій, и надзиратель, но Рязановъ этого не замѣчалъ. Онъ мысленно проклиналъ себя за то, что самъ нарвался на непріятную встрѣчу. Знай онъ только, что Лудвигъ здѣсь, ни за что не заѣхалъ бы онъ сюда.

Это былъ тотъ самый Лудвигъ, котораго онъ двадцать лѣтъ тому назадъ встрѣтилъ на хуторѣ у Ласкія, когда пріѣхалъ къ нему послѣ реквизиціи и увидѣлъ въ первый разъ свою жену. Многое перемѣнилось съ тѣхъ поръ. Изъ болѣзненнаго, тщедушнаго ребенка вышелъ красивый, стройный джентльменъ, надменный и сдержанный съ низшими, очаровательно любезный съ равными и въ мѣру почтительный и искательный передъ высшими.

Фамилія, которую онъ носилъ, единственное наслѣдство, оставленное ему отцомъ, была одна изъ извѣстнѣйшихъ въ краѣ, но всѣ здѣсь продолжали называть его просто Лудвигъ, такъ онъ былъ популяренъ, много популярнѣе кузеновъ своихъ, графовъ Р—хъ, воспитывавшихся заграницей и проживавшихъ теперь большею частью въ Петербургѣ, гдѣ они служили въ гвардейскихъ полкахъ. Онъ же и родился и выросъ

здѣсь, у всѣхъ на глазахъ. Изъ гимназіи въ ближайшемъ губернскомъ городѣ, куда опредѣлилъ его панъ Ласкій, онъ на ваканціи пріѣзжалъ къ нему сюда же, больше дѣться ему было некуда; богатые и знатные родственники начали интересоваться имъ тогда только, когда позорившій ихъ фамилію отецъ его умеръ. Впрочемъ, и тогда интересъ ихъ къ осиротѣвшему кузену проявлялся только платоническимъ образомъ и ограничивался тѣмъ, что при свиданіи съ старшимъ управляющимъ они спрашивали у него, какъ ведетъ себя Лудвигъ и можно ли разсчитывать на то, что изъ него не выйдетъ такой негодяй, какъ его отецъ. Но впослѣдствіи обстоятельства перемѣнились. Пронесся вдругъ слухъ, что этотъ жалкій блѣдный мальчикъ, къ которому такъ добръ панъ Ласкій, будетъ со временемъ милліонеръ. Милліоны должны были достаться ему по наслѣдству отъ двухъ лицъ: отъ тетки, у которой въ одинъ и тотъ же годъ умерли двѣ дочери-дѣвицы, и отъ дѣда, стараго чудака, жившаго постоянно въ Лондонѣ.

Перспектива этихъ двухъ наслѣдствъ внезапно превратила Лудвига въ „особу“ и поставила его въ фальшивое положеніе человѣка, существующаго однѣми только надеждами на будущее и ничѣмъ больше. Настоящее же его было болѣе чѣмъ печально, онъ жилъ одними долгами. Правда, у него былъ небольшой участокъ земли, врѣзавшійся клиномъ въ лѣсныя дачи Р—хъ, но доходъ съ этого участка едва покрывалъ издержки на его жизнь и ученіе, пока онъ былъ въ гимназіи. Болѣзненный и слабоумный, онъ плохо учился, ни въ одинъ изъ русскихъ университетовъ поступить не могъ и остался бы совсѣмъ безъ образованія, еслибъ пану Ласкію не пришла счастливая мысль отправить его заграницу, въ одно польское семейство, избравшее себѣ мѣстопребываніемъ Ниццу. Для этого пришлось заложить участокъ Лудвига въ поземельный банкъ, и онъ утратилъ этимъ всякую цѣнность, такъ какъ вся плата, получаемая за него съ жида-арендатора, уходила на проценты за полученную изъ банка ссуду.

Но пятилѣтнее пребываніе заграницей принесло блестящіе результаты. Лудвигъ вернулся оттуда совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Здоровье его поправилось, онъ окрѣпъ, возмужалъ, похорошѣлъ и развился умственно на столько, что никому теперь и въ голову не приходило считать его дуракомъ. Набрался онъ тамъ и великосвѣтскихъ манеръ и привычекъ людей высшаго круга.

Панъ Ласкій могъ по всей справедливости гордиться своимъ бывшимъ воспитанникомъ.

Впрочемъ, онъ не переставалъ руководить имъ и теперь. Эту мысль поселиться на хуторѣ и заняться хозяйствомъ онъ ему подалъ. Онъ же поощрялъ и всѣ затѣи его по этой части. Для этого онъ давалъ ему деньги взаймы, по увѣренію многихъ, большими суммами.

Впрочемъ, не на одно хозяйство ссужалъ панъ Ласкій своего молодаго пріятеля деньгами; въ ожиданіи будущихъ благъ, Лудвигъ кутилъ на-пропалую и надѣлалъ столько долговъ въ Варшавѣ, что опекунъ его долженъ былъ пустить въ ходъ свою ловкость и кредитъ, чтобъ выпутать его изъ цѣпкихъ лапъ кредиторовъ.

Съ семействомъ Рязановыхъ онъ былъ близокъ съ ранняго дѣтства, но какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, замѣтилъ красоту Ельжуни и влюбился въ нее всего только два года тому назадъ, когда увидѣлъ ее на балѣ въ Варшавѣ у тетки ея, банкирши, и услышалъ расточаемыя ей со всѣхъ сторонъ восторженныя похвалы.

Въ тотъ годъ панъ Лудвигъ ѣздилъ и въ Петербургъ, и въ другіе города, всюду встрѣчалъ онъ хорошенькихъ женщинъ, но оставался вѣренъ дочери лѣсничаго и такъ компрометтировалъ ее своимъ ухаживаніемъ, что по околодку начинали уже ходить нехорошіе слухи.

— Сколько тебѣ еще остается до окончанія курса въ гимназіи? приставалъ панъ Лудвигъ съ разспросами къ Сергѣю.

Между ними никогда не было дружбы, а послѣднее время холодность Сергѣя къ возлюбленному Ельжуни начинала ужь переходить въ чувство близкое къ ненависти. Лудвигъ зналъ это какъ нельзя лучше, но онъ притворялся, что ничего не замѣчаетъ, и продолжалъ съ нимъ быть на ты и фамильярничать, какъ въ дѣтствѣ, когда они вмѣстѣ играли, шалили, лазили по деревьямъ и дразнили Ельжуню съ Ядзей.

— Годъ, отрывисто и не оборачиваясь, отвѣчалъ Сергѣй.

— Такъ значитъ, будущей весной ты поступишь въ университетъ? Да? настаивалъ Лудвигъ.

И не дождавшись отвѣта, онъ продолжалъ, помолчавъ немного:—напрасно ты такъ отдаляешься отъ дѣдушки съ бабушкой, они тебѣ могутъ быть полезны. Ты знаешь, я недавно у нихъ былъ въ Варшавѣ, они мнѣ жаловались на тебя. Мы,

говорятъ, приглашали его къ себѣ на праздникъ, не удостоилъ даже отвѣтомъ.

Сергѣй и на это промолчалъ.

— Почему ты имъ не написалъ, не поздравилъ ихъ съ праздникомъ? Вѣдь это бы тебѣ ничего не стоило, а старикамъ было бы пріятно. Почему ты этого не сдѣлалъ?

— „Отвяжись, тебѣ что за-дѣло!“ чуть было не вырвалось у Сергѣя. Но онъ сдержался и только еще дальше высунулся въ окно, чтобъ слѣдить за перипетіями драки, поднявшейся на пыльной улицѣ между воробьями. Но не воробьи занимали его въ эту минуту. Припоминались обидныя выраженія, которыми изобиловало письмо бабушки съ приглашеніемъ провести у нихъ праздники. Она это дѣлала въ первый разъ, потому, что раньше боялась за его поведеніе въ ихъ чинномъ, опрятномъ, благоустроенномъ домѣ. „Но теперь ты ужь большой мальчикъ...“ Слава Богу! восемнадцать лѣтъ минуло!.. Мальчикъ... хорошъ мальчикъ!.. „Мы съ дѣдушкой надѣемся, что ты отвыкъ отъ своихъ мужицкихъ манеръ...“ А дальше: „надо брать примѣръ съ сестеръ и съ пана Лудвига...“ Съ пана Лудвига... Съ пана Лудвига! Старая, выжившая изъ ума ворона! выругался мысленно непочтительный внукъ.

Прошло болѣе трехъ мѣсяцевъ, какъ письмо это было имъ получено, но онъ до сихъ поръ не могъ равнодушно вспоминать про него.

Отъ приглашенія онъ отказался, разумѣется. Ему и дома было всегда нестерпимо тяжело въ присутствіи бабушки съ дѣдушкой, а тамъ, у нихъ, будетъ еще хуже. Онъ отлично зналъ, что его тамъ ждетъ: на каждомъ шагу глупая мораль и наставленія въ родѣ тѣхъ, что въ письмѣ, намеки на грубость и нелюдимость отца, на то, что съ такимъ мужемъ мать его мученица и что съ такимъ родителемъ ужь, конечно, бѣднымъ дѣвочкамъ, Ельжунѣ съ Ядзей, труднѣе чѣмъ другимъ пристроиться!

И все это со вздохами, слезами и зловѣщими покачиваніями головой; а при постороннихъ—съ язвительными усмѣшечками, полусловечками и недомолвками, но тѣмъ не менѣе на столько ясно, что всѣ понимали, въ чемъ дѣло.

Сестры къ этому привыкли, и когда Сергѣй, внѣ себя отъ негодованія, спрашивалъ у нихъ: какъ могутъ онѣ позволять, чтобъ въ ихъ присутствіи такъ нападали на отца, онѣ всегда отвѣчали ему однимъ и тѣмъ же: имъ очень непріятно, папа

такой добрый, и онѣ его очень любятъ, но что жъ имъ дѣлать? Дѣдушку съ бабушкой тоже надо любить и уважать, это имъ и мама постоянно твердитъ, и ксендзъ. Да и что стали бы онѣ дѣлать безъ бабушки съ дѣдушкой, вѣдь у нихъ только и можно повеселиться, людей посмотрѣть, себя показать.

Ельжуню же тянуло въ Варшаву еще и по другимъ причинамъ.

Отецъ правду сказалъ, что она таетъ какъ свѣчкаотъ любви къ противному Лудвигу; ей такъ скучно и тоскливо, когда она его не видитъ, что она по цѣлымъ ночамъ плачетъ, а днемъ ходитъ, какъ потерянная, не понимаетъ, что ей говорятъ, безпрестанно задумывается. Такъ было въ прошломъ году, а въ нынѣшнемъ навѣрное еще хуже, послѣ того какъ она цѣлую почти зиму провела въ Варшавѣ. Тамъ ей гораздо удобнѣе видѣться со своимъ возлюбленнымъ, чѣмъ дома, гдѣ ужь одно присутствіе отца ихъ стѣсняетъ. Мать съ сестрой ей сочувствуютъ. Лудвигъ не можетъ не нравиться пани Рязановой, такой онъ изящный, красивый и любезный. Прельщаетъ также шляхтенку, воспитанную на благоговѣйномъ уваженіи къ знати и титуламъ, то обстоятельство, что со временемъ онъ будетъ маркизомъ. Ея Ельжуня—маркиза! маркиза и родственница графовъ Р—хъ, съ которыми отецъ ея говоритъ не иначе какъ въ почтительной позѣ и прибавляя „ясновельможный“ къ каждому слову! Было съ чего помѣшаться отъ радости.

Въ порывѣ восторга тщеславная пани не могла воздержаться отъ наслажденія хвастнуть передъ своими многочисленными варшавскими пріятельницами, а также передъ здѣшними обитательницами, о великомъ счастьѣ, ожидавшемъ ея дочь, и ей проходу не давали разспросами: сдѣлалъ ли панъ Лудвигъ формальное предложеніе и когда свадьба? Уклоняться отъ объясненій на этотъ счетъ становилось къ каждымъ днемъ затруднительнѣе, и положеніе дѣлалось невыносимо. Да что жъ онъ медлитъ, наконецъ? Вопросъ этотъ былъ теперь на всѣхъ устахъ, и многіе совѣтовали поступить рѣшительно: припереть молодца къ стѣнѣ вопросомъ: какія у него намѣренія на счетъ Ельжуни?

Но противъ этого со слезами, отчаянно, возставала сама Ельжуня. При одной мысли причинить непріятность ея милому Лудвигу съ нею дѣлалась истерика, и она на колѣняхъ умоляла оставить ихъ въ покоѣ.—Пусть онъ самъ... я не хочу, чтобъ его мучили... онъ перестанетъ тогда меня любить... О!

пожалуйста, оставьте мнѣ его любовь. Я умру, если онъ меня разлюбитъ! повторяла она прерывающимся отъ рыданій голосомъ. Надо было имѣть каменное сердце, чтобъ не сжалиться надъ ея страданіями и не исполнить ея просьбу.

Всѣ терялись въ этой исторіи, никто не зналъ, какъ поступать, что совѣтовать, кого осуждать, кого жалѣть.

Время отъ времени, старая Скворчикъ производила грозное нашествіе на мызу своей дочери Рязановой, со спеціальною цѣлью разнести безхарактерную Зосю за то, что она не умѣетъ какъ слѣдуетъ вести своихъ дѣтей, и тогда слезы, брань и попреки много часовъ сряду не умолкали ни на минуту въ домѣ, но всегда кончалось тѣмъ, что, накричавшись до-сыта, старушка мало по малу успокоивалась, сознавалась въ безвыходности положенія, жалѣла дочь, утѣшала внучку и пріискивала всевозможныя извиненія Лудвигу. Все же онъ имъ былъ свой, изъ семьи, передъ которой Скворчики всю свою жизнь привыкли пресмыкаться, и ужь одно то, что особа изъ такой знатной фамиліи и съ такими блестящими авантажами въ будущемъ, отдаетъ преферансъ ихъ Ельжунѣ передъ другими дѣвицами, завоевывало ему симпатію и старыхъ и молодыхъ въ этой средѣ.

Но такъ какъ вину во всей этой исторіи все-таки надо было на кого-нибудь свалить, то въ концѣ концовъ козломъ отпущенія явился, и тутъ какъ и вездѣ, пришлецъ въ эту семью, Рязановъ. Будь у Ельжуни другой отецъ, человѣкъ умѣющій говорить, обращаться съ людьми и съ вѣсомъ въ обществѣ, котораго боялись бы и уважали, развѣ нѣчто подобно могло случиться? Никогда. Лудвигъ бѣдный молодой человѣкъ! Надо и въ его положеніе войти. Съ такимъ знатнымъ родствомъ, съ такими надеждами, какія у него (два наслѣдства по милліону каждое и титулъ маркиза!) жениться на дочери простаго лѣсничаго, да еще русскаго въ добавокъ, не легко ему рѣшиться на такой шагъ, очень не легко, повторяла пани Скворчикъ, раздумчиво покачивая головой.

— Вы знаете, я съ нимъ говорила объ этомъ. Онъ такой почтительный, ласковый съ нами, точно сынъ родной, право! Онъ приходитъ къ намъ запросто обѣдать или завтракать, шутитъ, смѣется, зоветъ меня бабушкой и играетъ въ пикетъ съ Скворчикомъ. Спросишь его: неужто жъ вамъ, пане, не скучно съ старыми людьми, когда есть такъ много красавицъ въ городѣ, съ которыми вамъ можно весело провести время? А онъ

вздохнетъ, бѣдный птенчикъ, и такъ чувствительно скажетъ:— не говорите мнѣ про женщинъ, пани, вы знаете, что для меня одна только красавица и есть на свѣтѣ, и никогда другой не будетъ.

— О! Я знаю, что онъ меня любитъ! повторяла со слезами Ельжуня.

— Любить-то онъ любитъ, но вѣдь надо и объ томъ подумать, чѣмъ вы будете жить, возражала бабушка. — Еслибъ у васъ былъ такой отецъ, какъ у другихъ, который пріумножилъ бы состояніе, взятое за женой, ну тогда!..

А вернувшись домой, старая пани принималась вдвоемъ съ мужемъ нападать на зятя и оплакивать судьбу Зоси и ея дѣтей.

— Я этого противнаго Рязанова просто видѣть не могу!

Восклицаніемъ этимъ почти всегда оканчивались іереміады старухи. Лудвига же старики продолжали ласкать и жалѣть. Конечно, хлопецъ могъ быть порѣшительнѣе и назвать Ельжуню своей невѣстой, если онъ такъ ее полюбилъ, что отстать отъ нея не можетъ, этимъ онъ, по крайней мѣрѣ, заткнулъ бы глотку злымъ людямъ, но что жъ дѣлать, если у него такой характеръ, и если онъ въ такомъ положеніи, что поступать энергично ему опасно и невыгодно.

И снова начиналась безконечная сказка про бѣлаго бычка.

Во всей этой семейной драмѣ одинъ только панъ Ласкій оставался вѣренъ самому себѣ и сохранялъ самообладаніе. Все также благоволилъ онъ къ Лудвигу и держалъ сторону Ельжуни, когда она увѣряла, что торопливостью можно все испортить, а на жалобы, обращенныя прямо къ нему, отвѣчалъ добродушными шутками, совѣтовалъ не волноваться и терпѣливо ждать развязки отъ времени.

Все вышесказанное происходило еще въ прошломъ году, но положеніе съ тѣхъ поръ не измѣнилось, все также влюбленъ и нерѣшителенъ Лудвигъ, плачетъ Ельжуня, убивается мать, и молча терзается отецъ, все также, если не больше, судачатъ люди, волнуется бабушка и съ злорадствомъ любопытствомъ ждетъ развязки дѣдъ.

Но когда же, наконецъ, наступитъ эта развязка?

Само собою разумѣется, что при каждой встрѣчѣ съ главнымъ героемъ этого запутаннаго романа, вопросъ этотъ навертывался на умъ не только близко прикосновенныхъ къ нему лицъ, какъ Павелъ Матвѣевичъ съ сыномъ, но также и посторонникъ. Можно было чѣмъ угодно поручиться, что всѣ гости

пана Ласкія замѣтили смущеніе голубоглазаго красавца при появленіи Рязановыхъ и подумали при этомъ: женится онъ когда-нибудь на дочери лѣсничаго или нѣтъ?

Въ душѣ же Павла Матвѣевича и Сергѣя встрѣча эта подняла цѣлый рядъ такихъ непріятныхъ ощущеній, что оба они объ одномъ только и думали — уйти скорѣе отсюда.

Понималъ это, должно быть, какъ нельзя лучше, и панъ Ласкій, если судить потому, какъ поспѣшно согласился онъ съ тѣмъ, что Рязановымъ пора ѣхать домой, когда они стали сбираться въ путь.

— Да, да, поѣзжайте, до хутора добрыхъ тридцать верстъ, и все лѣсомъ, тамъ вскачь не поѣдешь.

— Надо еще прежде къ Марыхнѣ заѣхать.

— Непремѣнно, непремѣнно. Эхъ, братецъ, прибавилъ онъ съ досадой, напрасно ты тутъ время терялъ, давно тебѣ надо тамъ быть.

— Да видишь, мнѣ надо съ тобой объ одномъ дѣльцѣ перетолковать, нерѣшительно началъ Рязановъ, замедляя шагъ у дверей залы и пропуская Сергѣя впередъ, чтобъ остаться наединѣ съ вышедшимъ ихъ провожать управляющимъ.

— Что такое? спросилъ Ласкій, оглянувшись на писарей, которые при его появленіи заскрипѣли перьями быстрѣе прежняго.

— Да все насчетъ того, чтобъ какъ-нибудь скорѣе всю эту канитель кончить съ Ельжуней. Не хорошо, знаешь, по всему околодку сплетничаютъ, всѣ спрашиваютъ, и не знаешь, что отвѣчать, ну, ты тамъ какъ-нибудь... вѣдь все же... ты столько для него сдѣлалъ... онъ долженъ тебя послушать, путался все больше и больше несчастный Рязановъ подъ разсѣянно надменнымъ и недоумѣвающимъ взглядомъ своего слушателя. И вдругъ, онъ смолкъ на полусловѣ: возлѣ нихъ стоялъ Лудвигъ.

— Что такое? Съ кѣмъ я долженъ переговорить? О чемъ у васъ тамъ сплетничаютъ? Я не понимаю, проговорилъ Ласкій тѣмъ отрывистымъ тономъ, которымъ онъ всегда говорилъ, когда ему хотѣлось показать, что онъ не желаетъ слушать того, что ему сообщаютъ. — И охота тебѣ, дружище, обращать вниманіе на сплетни, это только бабамъ прилично, прибавилъ онъ уже мягче и съ улыбкой, обнимая пана Лудвига за стройный станъ съ тѣмъ покровительственнымъ дружелюбіемъ, съ которымъ онъ всегда обращался къ своему молодому пріятелю.—Ну, что у васъ тамъ еще?

*

Рязановъ въ смущеніи потупился.—Нѣтъ ужь, я какъ-нибудь въ другой разъ тебѣ скажу; теперь некогда, пробормоталъ онъ несвязно.

Лицо Ласкія прояснилось.

— Какъ хочешь. Мы скоро увидимся. Я къ вамъ собираюсь на дняхъ. Скажи Зосѣ и дѣвочкамъ, что я привезу имъ подарки отъ тетки.

И не замѣчая, что Рязановъ отвертывается въ сторону, чтобъ не встрѣчаться взглядомъ съ Лудвигомъ, онъ прибавилъ, кивая на этого послѣдняго: — Вотъ съ нимъ вмѣстѣ пріѣдемъ, завтра или послѣ завтра. Скажи своимъ, дѣвочки рады будутъ.

Но его уже не слушали; понуривъ голову и не обертываясь, зашагалъ поспѣшно Рязановъ къ телѣжкѣ, на которой уже сидѣлъ Сергѣй; ни на кого не глядя, взлѣзъ въ нее, приподнялъ фуражку, снова нахлобучилъ ее себѣ на глаза и пустился въ путь.

А сынъ его совсѣмъ забылъ попрощаться съ дядей и не отвѣтилъ на поклонъ Лудвига.

— Вотъ они всегда такъ со мною, вымолвилъ печально будущій маркизъ и милліонеръ, оставшись на крыльцѣ вдвоемъ со своимъ покровителемъ и провожая взглядомъ удалявшуюся телѣжку. — И за что только ненавидятъ они меня, не понимаю! И Сергусъ тоже. А ужь, кажется, я имъ всячески стараюсь доказать мое расположеніе.

— Э! стоитъ обращать вниманіе, небрежно прервалъ его Ласкій, привычнымъ, презрительнымъ жестомъ передергивая плечами.

И помолчавъ немного: — Ельжуня славная дѣвочка, и еслибъ только дѣдъ согласился разстаться со своимъ капиталомъ... Ну, да можетъ дѣло и устроиться, не надо отчаяваться, продолжалъ онъ, направляясь назадъ къ своимъ гостямъ, такъ поспѣшно, что молодой человѣкъ едва поспѣвалъ за нимъ.

Надзиратель толковалъ съ полковникомъ о пивоваренномъ заводѣ, который одинъ изъ сосѣднихъ помѣщиковъ намѣревался открыть у себя въ имѣніи. Дембинскій молча покуривалъ сигару и не принималъ участія въ бесѣдѣ.

Стоявшія передъ нимъ бутылки были обѣ пусты и по пристальному, безсмысленному взгляду его осовѣвшихъ глазъ видно было, что онъ хватилъ лишнее и не понимаетъ хорошенько, гдѣ именно онъ находится, хотя и покачивалъ утвер-

дительно головой, когда не менѣе его подгулявшіе собесѣдники, въ пылу спора, обращались къ нему съ какимъ-нибудь вопросомъ.

— Вотъ что Ласкій скажетъ... Ласкій, что думаете вы о затѣѣ Минкевича? Онъ, вы слышали, пивоваренный заводъ собирается строить, обратился одинъ изъ спорящихъ къ вошедшему хозяину.—Я говорю, что ничего изъ этого не выйдетъ.

— А я говорю, что мысль геніальная, подхватилъ другой.

Ласкій опустился на свое мѣсто и прежде чѣмъ отвѣтить, выпилъ стаканъ вина. Не спускавшій съ него глазъ Лудвигъ замѣтилъ, какимъ страннымъ блескомъ загорѣлись у него вдругъ глаза, въ то время какъ онъ, повидимому совершенно холодно и спокойно, проговорилъ, закуривая сигару: — эту мечту о пивоваренномъ заводѣ вы ему подали, пане?

Акцизный надзиратель отвѣчалъ утвердительно.

— Напрасно, продолжалъ все тѣмъ же спокойнымъ тономъ Ласкій, но огоньки, бѣгающіе въ его глазахъ, разгорались все ярче и ярче.—Онъ долженъ будетъ бросить эту мечту.

— Но почему же? настаивалъ надзиратель. — Здѣсь самое удобное мѣсто, до города хлѣбъ возить далеко, жиды притѣсняютъ, крестьяне съ радостью будутъ продавать весь свой урожай на заводъ. У Минкевича есть свободныя деньги, тысячъ двадцать; мнѣ кажется, что лучшаго употребленія этимъ деньгамъ трудно найти, посмотрите, какъ разбогатѣлъ Едельзонъ.

— Пивоваренный заводъ построимъ здѣсь мы, объявилъ Ласкій, напирая на послѣднее слово.

И наливъ себѣ остатки вина изъ бутылки, онъ принялся раскупоривать другую.

Наступило молчаніе. Присутствующіе переглянулись. Заявленіе Ласкія было такъ неожиданно, что протрезвило даже Дембинскаго. Онъ встрепенулся и вопросительно посмотрѣлъ на хозяина мигающими, испуганными глазами.

— Это рѣшено? спросилъ надзиратель.

Ласкій, не выпуская изъ зубовъ сигары, утвердительно кивнулъ.

— У васъ ужь и мѣсто найдено? полюбопытствовалъ надзиратель.

Ласкій вынулъ сигару изо рта, положилъ ее въ пепельницу, отпилъ глотокъ изъ стакана, откинулся на спинку дивана и заговорилъ дѣловитымъ тономъ, потягивая лѣвой рукой бакен-

барды, а правой похлопывая себя по жирному колѣну, точно выбивая тактъ какой-то музыки, которая одному только ему слышалась въ воздухѣ: — Мѣсто у насъ давно назначено, еще въ прошлый пріѣздъ сюда графа Бронислава, мы ѣздили съ нимъ смотрѣть это мѣсто и рѣшили—быть тутъ пивоваренному заводу. Помнишь, Лудвигъ?

Молодой человѣкъ поспѣшилъ отвѣчать утвердительно. Онъ не понималъ еще, въ чемъ дѣло, но по веселому блеску, вспыхивавшему въ глазахъ Ласкія каждый разъ, когда они обращались въ его сторону, догадывался, что дѣло касается его, и касается самымъ пріятнымъ образомъ. Изобрѣтательность пана Ласкія ему была хорошо извѣстна, вѣрилъ онъ ему какъ Богу и заранѣе радовался задуманному предпріятію.

А Ласкій, между тѣмъ, продолжалъ распространяться о предполагаемой постройкѣ новаго завода и такимъ авторитетнымъ, увѣреннымъ тономъ, что никому изъ его слушателей и въ голову не приходило догадаться, что слышанное ими есть ничто иное, какъ блестящая импровизація подвыпившаго управляющаго, и что мысль о заводѣ блеснула въ его изобрѣтательномъ мозгу только сію минуту, послѣ того какъ онъ осушилъ третью бутылку вина.

— Мызу Рязанову знаете? Ну, вотъ, тамъ и будетъ заводъ. Тамъ всѣ приспособленія есть для этого. Вѣдь это я строилъ мызу, а у меня ужь и тогда бродили въ головѣ мысли о заводѣ, понимаете? Нагнать только рабочихъ десятка два, и въ одну недѣлю все будетъ готово. У насъ ужь и пивоваръ найденъ, пріятель мой, саксонецъ. Такъ варить пиво, какъ онъ, на рѣдкость, даже и тамъ, вотъ увидите. Условіе подписалъ на пять лѣтъ. Мы хотѣли на десять, да не согласился, нѣмецъ хитрый.

— А сколько онъ вамъ будетъ стоить, этотъ пивоваръ? рѣшился освѣдомиться одинъ изъ собесѣдниковъ.

Панъ Ласкій сосредоточенно сдвинувъ брови, выпятилъ нижнюю губу.—Пффф! Не дешево, конечно. Ну, да въ убыткѣ не будемъ. Такъ ли я говорю, Лудвигъ?

Взоры внезапно протрезвившихся гостей обратились къ Лудвигу, который улыбался скромной, сдержанной улыбкой человѣка, не желающаго высказывать всего того, что онъ знаетъ.

— Полно скромничать, сынъ мой, мы съ друзьями, нечего намъ секретничать! засмѣялся добродушнымъ смѣхомъ управляющій.—Я вамъ его тайну открою; господа, продолжалъ онъ,

рѣзко отчеканивая одно слово за другимъ, какъ будто для того, чтобы лучше запечатлѣть ихъ въ памяти слушателей:—Заводъ мы строимъ въ компаніи вотъ съ нимъ, кивнулъ онъ на Лудвига.—Онъ кладетъ на это сто тысячъ, и графъ Брониславъ столько же, итого двѣсти тысячъ. Меньше нельзя, ужь дѣлать дѣло, такъ дѣлать, а то и пачкаться не стоитъ, срамъ одинъ выйдетъ.

И раскупоривъ новую бутылку, онъ долилъ стаканы своихъ гостей, съ веселой улыбкой чокнулся съ ними и вскричалъ такъ громко, что даже писцы въ сосѣдней комнатѣ вздрогнули и навострили уши: — За успѣхъ нашего предпріятія, господа!

Тостъ этотъ былъ встрѣченъ съ большимъ радушіемъ; всѣ съ поздравленіями и пожеланіями поспѣшили осушить стаканы, а затѣмъ, сильно заинтересованные загадкой, закинутой имъ хозяиномъ, гости распростились съ нимъ и отправились восвояси.

— А хотѣлось бы имъ знать, откуда у тебя, вдругъ, оказалось сто тысячъ, захохоталъ панъ Ласкій имъ вслѣдъ.

— Да и меня это интересуетъ, пане, со смущенной улыбкой вымолвилъ Лудвигъ.

Но замѣчаніе это прошло незамѣченнымъ. Ласкій продолжалъ хохотать и такъ искренно и громко, что все его тучное тѣло сотрясалось отъ этого смѣха.

— Нѣтъ, у надзирателя-то, у надзирателя-то какъ вытянулась морда!.. Да и полковникъ призадумался... Сегодня же вечеромъ объ этой новости заговоритъ весь городъ, ха, ха, ха! А тамъ по всему околодку разнесется, что ты съ графомъ Брониславомъ заводъ строишь, ха, ха, ха! Надо скорѣе написать въ Питеръ, предупредить его, чтобъ онъ зналъ, что отвѣчать, когда у него будутъ спрашивать.

— А вы въ самомъ дѣлѣ думаете строить заводъ? Это не мистификація? нерѣшительно освѣдомился нареченный компаньонъ графа Р—го.

— Мистификація? Какая тамъ мистификація! Съ ума я развѣ сошелъ, чтобъ говорить такія вещи на вѣтеръ? Надо съѣздить въ Варшаву къ Скворчику. Давно ужь подъѣзжаю я къ нему, чтобъ онъ раскошелился для Ельжунки, но старая обезьяна такъ ненавидитъ ея отца, что, пока этотъ Рязановъ торчитъ у него какъ бѣльмо на глазу, ничего съ старикомъ не подѣлаешь.

Панъ Ласкій всталъ и въ раздумьи прошелся по комнатѣ.

— И что бы тебѣ, мой кохане, въ дочку Ванды лучше влюбиться, безъ хлопотъ бы тогда, проговорилъ онъ съ усмѣшкой.

— Ну, ну, не огорчайся, я пошутилъ, сердце не мальчикъ, ему не прикажешь, поспѣшилъ онъ прибавить, замѣтивъ густую краску, вспыхнувшую на лицѣ молодаго человѣка—къ тому же, Ельжуня такая красавица, что даже нашъ ясновельможный засмотрѣлся на нее намедни въ костелѣ. Выговаривалъ потомъ Викторинкѣ за то, что она не познакомила его съ племянницей.

— О! Я знаю, панна Ельжуня могла бы выбрать себѣ мужа въ гораздо болѣе авантажномъ положеніи, чѣмъ я, прошепталъ со вздохомъ Лудвигъ.

— Кого бы она могла выбрать, этого мы не знаемъ, а что вы другъ друга любите, и что надо васъ скорѣе обвѣнчать, это также ясно, какъ и то, что для этого надо тебѣ добыть сто тысячъ и въ компаніи съ ясновельможнымъ кузеномъ открыть пивоваренный заводъ. Это геніальная идея, сынъ мой, и хотя я былъ ужь порядочно пьянъ, когда она мнѣ пришла въ голову, тѣмъ не менѣе я опять скажу: это геніальная мысль, повторилъ онъ, похлопывая Лудвига по плечу,— геніальная мысль...

Онъ дѣлался все болтливѣе и болтливѣе, по мѣрѣ того какъ хмѣлѣлъ.

— Лучше этого и придумать ничего невозможно. Старика дѣда мы обойдемъ, непремѣнно обойдемъ... Прежде всего пустимъ ему пыль въ глаза компаніей съ графомъ, ну, а потомъ... можно будетъ ему намекнуть и на Рязанова... когда этому дураку нечего будетъ дѣлать на мызѣ, онъ, конечно, уѣдетъ оттуда, смекаешь? А старикамъ только этого и нужно...

— А куда же Рязановъ дѣнется? спросилъ Лудвигъ.

Ласкій сдвинулъ брови.

— А чортъ съ нимъ совсѣмъ! куда хочетъ, туда пусть и ѣдетъ, произнесъ онъ отрывисто, совсѣмъ другимъ тономъ, чѣмъ тотъ, которымъ онъ говорилъ до сихъ поръ. — Не ко двору онъ намъ пришелся. Ужь я его ладилъ, ладилъ къ дому, ни на что не способенъ. Ферму испакостилъ, народъ въ лѣсу весь перепортилъ, всѣмъ кругомъ долженъ, ни съ кѣмъ изъ нужныхъ людей не сумѣлъ сойтись, всѣ его презираютъ, смѣются надъ нимъ, ненавидятъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже, надоѣлъ!

— А Сергусъ еще хуже будетъ, замѣтилъ Лудвигъ.

— Ну, этотъ волченокъ меня ужь совсѣмъ не интересуетъ. Со старымъ все-таки кое-что да связывало, учились вмѣстѣ. Надо также сознаться, услугу онъ намъ большую оказалъ, женившись на Зосѣ. Такое время тогда было, во что бы то ни стало надо было породниться съ москалемъ... Но мы же и отплатили ему за это, вѣдь онъ у насъ тутъ двадцать лѣтъ, какъ сыръ въ маслѣ катался. Такимъ комфортомъ и довольствомъ у нихъ тамъ, въ Россіи, даже и богатые помѣщики не пользуются, продолжалъ распространяться Ласкій.

Но его ужь не слушали. Недоумѣвая передъ внезапной фортуной, Лудвигъ спрашивалъ себя: не во снѣ ли ему все это грезится? Давно ли раздумывалъ онъ надъ роковымъ вопросомъ: не прибѣгнуть ли къ какимъ-нибудь рѣшительнымъ мѣрамъ, обыграть кого-нибудь навѣрняка или совершить что-нибудь въ этомъ родѣ, чтобъ имѣть возможность похитить Ельжуню и хоть годикъ пожуировать съ нею гдѣ-нибудь заграницей? И вдругъ, ему представляется возможность не только на ней жениться, но еще получить въ придачу стотысячную часть въ крупномъ и сулящемъ огромные барыши предпріятіи? И все это черезъ старика, котораго онъ привыкъ видѣть въ роли смѣшнаго, пресмыкающагося субъекта, млѣющаго отъ восторга и разсыпающагося въ увѣреніяхъ преданности передъ ясновельможными покровителями, третировавшими его, какъ слугу. Поцѣловать милостиво протянутую руку, приложиться къ плечику такихъ особъ, онъ считалъ за особенную честь. И зная его такимъ робкимъ, приниженнымъ и заискивающимъ, Лудвигу трудно было освоиться съ мыслью, что отъ этого ничтожнаго человѣка зависитъ его счастье, что онъ можетъ сдѣлать его богатымъ, независимымъ, можетъ доставить ему возможность занять въ обществѣ то положеніе, которымъ пользуются его родственники, графы Р—е, и на которое, по рожденію своему, онъ имѣетъ полное право.

— Неужели старый Скворчикъ такъ богатъ, что ему ничего не стоитъ ссудить мнѣ сто тысячъ? спросилъ онъ.

Ласкій расхохотался.

— Ого! А вѣдь этому трудно повѣрить, не правда ли? Старый волкъ такъ ловко сумѣлъ схоронить добычу, что никто, даже жена, не знаетъ навѣрное, сколько у него денегъ размѣщено по разнымъ банкамъ. Когда шесть лѣтъ тому назадъ его зятю, банкиру, грозило банкротство, Ванда наколѣняхъ умо-

ляла отца имъ помочь. Куда тебѣ! Расхныкался старый дьяволъ, въ грудь себя билъ кулаками, руки вздымалъ къ небу, всѣхъ святыхъ въ свидѣтели призывалъ, что у него ничего нѣтъ. Іезусъ! Марія! Откуда ему взять денегъ? Все, до послѣдней копѣйки, роздалъ онъ дочерямъ. Домъ принадлежитъ женѣ, верхній этажъ отдаютъ въ наймы и на это живутъ. Такъ и отвильнулъ. Едельвейсы выпутались изъ бѣды благодаря чужимъ людямъ. Они и до сихъ поръ увѣрены, что у бѣднаго папочки ничего нѣтъ. Да и я только случайно узналъ его тайну и тутъ же рѣшилъ, что надо его деньгами наши дѣлишки съ тобой поправить...

Хмѣль разбиралъ его все сильнѣе и сильнѣе.

— Оно и справедливо будетъ, продолжалъ онъ заплетающимся языкомъ и нѣжно обнимая своего питомца,—вѣдь деньги-то у твоихъ родичей награблены у графовъ Р—хъ, ну, пусть и вернутся въ фамилію...

Панъ Ласкій очень любилъ Людвига и довѣрялъ ему вполнѣ, но врядъ-ли высказалъ бы онъ эту мысль вслухъ, даже и при немъ, еслибъ не былъ совсѣмъ пьянъ.

IV.

Добрый часъ, до самаго лѣса, Павелъ Матвѣевичъ съ сыномъ ѣхали молча.

— Вотъ что, заговорилъ, наконецъ, Рязановъ, когда они съ большой дороги свернули въ лѣсъ и очутились въ прохладной тѣни тихаго, зеленаго царства.—Я былъ у твоего крестнаго въ Вильнѣ. Мы съ нимъ долго толковали про тебя. Онъ, знаешь, въ тебѣ принимаетъ участіе, такъ вотъ я и того... все же человѣкъ добрый и не безъ связей, знаешь.

Онъ говорилъ отрывисто, съ длинными перерывами между каждымъ словомъ. Сергѣй давно привыкъ къ манерѣ выражаться отца, но сегодня нервы его были такъ болѣзненно возбуждены, что онъ съ трудомъ сдерживалъ раздраженіе.

— Что жъ тебѣ крестный сказалъ? спросилъ онъ, прерывая молчаніе, грозившее затянуться надолго.

— Онъ сказалъ: пусть хоть сейчасъ поступаетъ ко мнѣ на службу, я ему дѣло найду, съ усиліемъ проговорилъ отецъ, продолжая смотрѣть вдаль пристальнымъ, внимательнымъ

взглядомъ, точно ему что-то необычайное виднѣлось промежъ спутанныхъ вѣтвей.

Сергѣй промолчалъ. Что тутъ было возражать? Смыслъ этихъ недомолвокъ ему теперь былъ слишкомъ ясенъ. Если отецъ заботится о томъ, чтобъ пристроить его на службу, это значитъ, что нечѣмъ платить за него въ гимназію.

— Онъ тебѣ съ перваго же мѣсяца жалованье положитъ. Другіе ждутъ прикомандированными, по два, по три года трудятся даромъ, продолжалъ, смущенный молчаніемъ сына, Рязановъ.

„Такъ вотъ почему онъ такъ насупился, когда Тримпельманъ заикнулся объ университетѣ!“ думалъ юноша, погружаясь все глубже и глубже въ безотрадный смыслъ отцовской рѣчи. „Прощай, значитъ, мечты“!

Грудь его точно тисками сжималась отъ боли, во рту ощущалась горечь, и слезы подступали къ горлу.

А Павелъ Матвѣевичъ, не глядя на него, продолжалъ все чего-то искать блуждающимъ взглядомъ въ изумрудныхъ переливахъ зелени, сверкавшей подъ лучами спускавшагося къ западу солнца. По мѣрѣ того, какъ оба они уходили все дальше въ свои думы, шорохи и шелесты вокругъ становились явственнѣе. Рязановъ совсѣмъ выпустилъ изъ рукъ возжи. Сгорбившись, съ безпомощно покачивающейся сѣдой головой, онъ казался совсѣмъ старымъ и даже дряхлымъ. Пѣгашка везла ихъ мѣрнымъ, увѣреннымъ шагомъ, поворачивая тамъ, гдѣ надо. Она такъ часто возила своего господина по этой дорогѣ, что ошибиться не могла, каждое дерево, каждый кустикъ ей былъ извѣстенъ. Вотъ сейчасъ, за этимъ дубомъ будетъ спускъ къ оврагу съ ручьемъ, а тамъ надо будетъ подниматься къ полянкѣ, за которой потянется тотъ участокъ, что проданъ на срубъ и гдѣ ужь съ зимы работаютъ, сваливаютъ деревья одно за другимъ. Тамъ и хижина Марыхны.

— Мнѣ, стало быть, и гимназію нельзя будетъ кончить? спросилъ Сергѣй послѣ долгаго молчанія.

И не успѣли слова эти сорваться съ его языка, какъ онъ раскаялся въ нихъ, такъ исказилось лицо отца при этомъ вопросѣ.

— Да видишь, въ домѣ совсѣмъ денегъ нѣтъ, ужь я не знаю, право... Зимой онѣ прожили дольше обыкновеннаго въ Варшавѣ, накупили тамъ нарядовъ къ лѣту, нельзя безъ

этого, вѣдь Ельжуня-то почти невѣста... А тутъ еще другіе подоспѣли расходы, все непредвидѣнные... На сто рублей Мошка надулъ... Вѣчно меня эти проклятые жиды надуваютъ, никакъ не могу приноровиться къ ихъ плутнямъ, глухо вымолвилъ Рязановъ, привычнымъ жестомъ почесывая у себя въ затылкѣ.

Сергѣй подумалъ, что отецъ ни къ чему здѣсь не умѣетъ приноровиться, но, искоса глянувъ на него, онъ былъ такъ пораженъ страдальческимъ выраженіемъ его лица, что безотчетная досада, поднимавшаяся со дна его души, внезапно стихла и замѣнилась жалостью.

— Что жъ, поступимъ на службу, если нельзя иначе, проговорилъ онъ со вздохомъ, выдавливая улыбку на дрожавшихъ отъ внутренняго волненія губахъ.

— Мать хочетъ просить у Ласкія денегъ взаймы на наемъ квартиры въ Варшавѣ, продолжалъ отецъ,—она тамъ хочетъ прожить всю зиму съ дѣвочками... Оно, конечно, если разсчитать, что стоятъ переѣзды... но съ другой стороны... Во всякомъ случаѣ, этотъ долгъ Ласкію выплачивать будетъ трудно...

— Но зачѣмъ же мамѣ жить въ Варшавѣ? Неужели этотъ подлецъ Лудвигъ и въ нынѣшнемъ году не женится на Ельжунѣ? прервалъ его съ раздраженіемъ Сергѣй.

Онъ былъ радъ сорвать на комъ-нибудь душившія его отчаянье и злобу.—Этого нельзя допустить... ты ему долженъ сказать наконецъ... что жъ это онъ въ самомъ дѣлѣ... за кого насъ считаетъ... водитъ, водитъ, точно мы хуже другихъ... Какъ онъ смѣетъ! Это издѣвательство какое-то низкое, это безчестно, подло съ его стороны... за это бьютъ, да, бьютъ...

Голосъ его дрогнулъ и оборвался, и онъ изо всѣхъ силъ стиснулъ губы, чтобъ не разрыдаться.

— Ласкій говоритъ, что надо ждать, попытался успокоить его отецъ, но Сергѣй былъ такъ возбужденъ, что слова эти только подлили масла въ огонь.

— Что Ласкій! Дядя Ласкій всегда будетъ стоять за Лудвига, онъ всѣхъ готовъ промѣнять на него, всѣхъ, маму, сестеръ... Я ужь не говорю про себя съ тобой, насъ считать нечего, мы здѣсь совсѣмъ чужіе!

Въ первый разъ въ жизни высказывалъ онъ это вслухъ. До сихъ поръ мысль эта безотчетно роилась въ глубинѣ его души, до сихъ поръ даже наединѣ съ самимъ собой боялся онъ останавливаться на ней, но когда, наконецъ, въ порывѣ

отчаянья она вырвалась у него наружу, онъ вдругъ понялъ весь ея неумолимый смыслъ и ужь вполнѣ сознательно, не съ юношескою запальчивостью, а съ горечью вполнѣ созрѣвшаго человѣка, повторилъ:

— Да, отецъ, мы здѣсь совсѣмъ чужіе.

Восклицаніе это осталось безъ отвѣта. Рязановъ еще ниже опустилъ голову, и съ минуту молчаніе между ними не нарушалось. Очень можетъ быть, что Павелъ Матвѣевичъ и не слышалъ замѣчаніе сына. Онъ былъ такъ погруженъ въ свои думы, что не замѣчалъ, какъ отвертывается въ сторону Сергѣй, чтобъ скрыть слезы, струившіяся у него по щекамъ. Думы эти были невеселыя.

— Что меня всего больше печалитъ, началъ онъ, наконецъ, когда они стали подъѣзжать къ вырубленному участку,—это то, что Ласкій упрекаетъ меня въ безхарактерности. Я не спорю, можетъ быть, и дѣйствительно мнѣ слѣдовало съ первыхъ дней иначе себя поставить въ домѣ, выказать больше энергіи, не всегда уступать, во вѣдь я былъ одинъ противъ всѣхъ, одному бороться очень трудно... Да вотъ, напримѣръ, на счетъ того, что мать твоя слишкомъ много тратитъ денегъ... Ты думаешь, я никогда не говорилъ съ нею объ этомъ? Говорилъ, и не разъ, но у нея свои разсчеты... можетъ, и не совсѣмъ вѣрные, но вѣдь все, что на мызѣ, принадлежитъ ей, и скотъ, и все. Не могу же я ей, въ самомъ дѣлѣ, запретить распоряжаться ея собственностью, да она и не послушаетъ... И какое имѣю я право? У меня, когда я женился, ничего не было.

— У дяди Ласкія тоже ничего не было, когда онъ женился, процѣдилъ сквозь зубы Сергѣй.

— Да, но за то онъ впослѣдствіи сумѣлъ нажить себѣ состояніе, а я... нѣтъ, братецъ, я на это не гожусь, самъ вижу, что не гожусь, что тутъ толковать...

Онъ безнадежно махнулъ рукой.

— Ты просто здѣсь чужой, вотъ что, съ горечью замѣтилъ Сергѣй.

— Можетъ быть и отъ этого, очень можетъ быть, закивалъ утвердительно Рязановъ,—но во всякомъ случаѣ... это такая штука, чѣмъ больше объ ней думаешь, тѣмъ хуже, и ни къ чему не ведетъ, право, ни къ чему. Ужь я и такъ и эдакъ прикидывалъ, ничего не выходитъ, братецъ ты мой, ничего.

Онъ помолчалъ.—Мать твоя вотъ что придумала...

— Что она придумала?

— Чтобъ Ельжуня съ Лудвигомъ жили послѣ свадьбы на мызѣ. У насъ все-таки и мебель есть, и все прочее, а вѣдь у него ничего нѣтъ въ домѣ, совсѣмъ пусто, и жиды къ тому же за стѣной, большое семейство, дѣти пищатъ, ну, совсѣмъ невозможно, понимаешь? Вотъ мать и рѣшила отдать имъ нашу спальню и мой кабинетъ...

— А самъ-то ты гдѣ же будешь?

— Я гдѣ-нибудь, все равно, во флигелѣ или наверху, не въ томъ дѣло... вотъ вернемся, увидимъ, куда они насъ съ тобой устроили, прибавилъ онъ съ усмѣшкой.—Дѣло не въ томъ, а вотъ деньги на все это нужно, на новую мебель тамъ, на драпировки, вотъ въ чемъ бѣда-то.

— Да еще женится ли онъ! проворчалъ Сергѣй.

— Не знаю, какъ тебѣ сказать. Ласкій, кажется, увѣренъ, что этимъ должно кончиться. Дай-то Богъ, прибавилъ онъ со вздохомъ,—дѣвочка совсѣмъ извелась, смотрѣть жалко.

— И мамаша воображаетъ, что Лудвигъ уживется на мызѣ? усмѣхнулся Сергѣй.

— Да вѣдь что же дѣлать, когда больше дѣваться некуда. Оно, конечно, скучновато будетъ...

— Ни за что не уживется, съ возрастающимъ раздраженіемъ прервалъ его сынъ.

Они въѣзжали на залитое солнцемъ пространство, усѣянное торчавшими пнями и срубленными деревьями. Въ концѣ чернѣлась хижина Марыхны, ветхое строеніе, подпертое со всѣхъ сторонъ кольями, съ бросавшейся въ глаза заплатой изъ новаго лѣса на крышѣ. Передъ покосившимся крылечкомъ съ поломанными ступеньками, былъ обгороженный плетнемъ огородъ, въ которомъ овощи росли вперемежку съ цвѣтами, махровыми мальвами, бархатками, левкоями. Ароматъ этихъ цвѣтовъ, сливаясь съ острымъ запахомъ мяты, укропа и лука, привлекалъ сюда такое множество мухъ, шмелей и пчелъ, что жужжаніе ихъ слышалось издалека.

Окна хижины и дверь въ нее были отворены настежь, когда телѣжка Рязановыхъ подкатила къ крылечку, и на встрѣчу къ нимъ вышелъ старый Габрысъ, отставной русскій солдатъ, съ сморщеннымъ, какъ печеное яблоко, лицомъ, обросшимъ по самые глаза сѣдыми, жосткими волосами, колючими, какъ иглы ежа. Одѣтъ онъ былъ въ какой-то фантастическій костюмъ изъ подачекъ и обносковъ; обтрепанный камзолъ, обшитый галуномъ, носилъ нѣкогда берейторъ одного изъ графовъ, шапку

пожертвовалъ ему какой-то жидъ, а клочекъ теплаго шарфа, обмотаннаго вокругъ его шеи, былъ ему подаренъ на мызѣ Рязанова. На одну ногу онъ сильно прихрамывалъ, но это не мѣшало ему проворно ходить.

— Здорово, Гаврило, привѣтствовалъ его Павелъ Матвѣевичъ, слѣзая съ телѣжки.

— Здравія желаю, ваше б-діе.

— Что старуха? жива еще?

— Сейчасъ про ваше б-діе спрашивала, прошамкалъ беззубымъ ртомъ старикъ, при чемъ по старой привычкѣ выпрямился, насколько могъ, передъ начальствомъ.

Это величаніе „ваше благородіе“, произносимое всегда явственно и какъ-то радостно старымъ солдатомъ, производило такое пріятное впечатлѣніе. на Рязанова, что онъ съ особеннымъ удовольствіемъ разговаривалъ съ Габрысемъ. Тѣшила его слухъ и ломаная русская рѣчь старика, хотя онъ примѣшивалъ въ нее столько польскихъ словъ, что трудно было рѣшить, кто онъ такой: обрусѣвшій ли полякъ, или ополячившійся русскій.

— Такъ она еще жива? переспросилъ Рязановъ.

— Была какъ мертвая, ваше б-діе, а какъ уѣхалъ слѣдователь, заговорила, отрапортовалъ старикъ.

— А слѣдователь уѣхалъ?

— Точно такъ-съ, ваше б-діе?

— Составилъ протоколъ?

— Писалъ что-то въ книжечку, ваше б-діе. А письмоводитель тѣмъ временемъ въ лѣсъ отпросился, двухъ куропатокъ застрѣлилъ. Старуха при нихъ лежала какъ мертвая, а какъ ушли—заговорила, повторилъ онъ.

Обстоятельству этому онъ, повидимому, придавалъ особенное значеніе. Рязановъ это замѣтилъ.

— Что жъ это она, нарочно, ты думаешь, притворялась?

— Не могу знать, ваше б-діе, можетъ, и нарочно. Человѣкъ старый, все равно помирать скоро надоть, подводить людей подъ отвѣтъ за то, что хлобыснули ее, вѣдь тоже не похвалятъ тамъ за это. Ну, кабы молода была, тогда дѣйствительно, а то вѣдь много ли ей и жить-то оставалось...

— Что ты за глупости говоришь, прервалъ его Рязановъ.

— Никакъ нѣтъ съ, ваше б-діе.

— Вотъ у нихъ какая философія, братецъ, задумчиво про-

говорилъ Павелъ Матвѣевичъ, обращаясь къ сыну.—Удивительные люди.

И снова обернувшись къ старику, который отвелъ къ плетню лошадь съ телѣжкой, онъ спросилъ у него, кого еще допрашивалъ слѣдователь?

Габрысъ въ недоумѣніи вытаращилъ подслѣповатыя, слезящіяся щелки, служившія ему глазами.

— Кого же здѣсь допрашивать, ваше б-діе? Вотъ уже десятый годъ, какъ старуха живетъ одна.

— И слѣдовъ никакихъ разбойники не оставили?

— Оставили только, чего захватить не смогли, ваше б-діе. Извѣстное дѣло, затѣмъ пришли, чего же тутъ оставлять. Деньжонки какія были, одежонку получше, все это забрали, отвѣчалъ Габрысъ, понявъ вопросъ по-своему.

И поднимаясь за посѣтителями по дрожащимъ ступенькамъ крылечка, онъ прибавилъ, таинственно понижая голосъ:—и на что только старому человѣку деньги? Искушеніе одно. Сколько разъ я ей говорилъ: эй Марыхна, загубятъ тебя деньги! помоему и вышло. Зачѣмъ смущать народъ, продолжалъ онъ ворчать про себя, проникая за лѣсничимъ и за сыномъ его въ единственную комнату хижины и останавливаясь почтительно у двери, въ то время какъ Рязановъ отдергивалъ старую ситцевую занавѣску, за которой стонала старуха.

— Зачѣмъ ей были нужны деньги? Это и въ писаніи сказано: не вводи въ искушеніе. Такъ-то, не надо вводить народъ въ искушеніе.

— Да полно! чего разворчался, и безъ тебя тошно, сердитымъ шопотомъ замѣтилъ ему Сергѣй, которому дѣйствительно становилось не по себѣ въ душной комнатѣ, насквозь пропитанной одуряющимъ запахомъ всюду развѣшанныхъ для сушки лѣкарственныхъ травъ.

— Что, Марыхна, какъ ты себя чувствуешь? Не полегчало тебѣ отъ лѣкарства? спросилъ Павелъ Матвѣевичъ, пригибаясь къ умирающей и протягивая ей привѣтливо руку, которую она поспѣшно поднесла къ губамъ.

— Ахъ, пане мой! Солнышко ясное! Благодѣтель! Смерть моя пришла, застонала старуха.

— Вѣстимо, смерть, проворчалъ Габрысъ.

— И какже я ждала тебя, благодѣтель! какъ ждала! Объ одномъ только и молилась: Іезусъ! Марія! не дай мнѣ помереть, не повидавшись съ паномъ лѣсничимъ! Сними съ души

грѣхъ! Ни доктора, ни ксендза мнѣ не надо, одного только тебя, пане, одного только тебя!

— Что жъ тебѣ отъ меня нужно? спросилъ Рязановъ.

— А нужно мнѣ передъ смертью тайну одну повѣрить, пане, великую тайну...

— У, старая! Тайну, ну, какія у тебя могутъ быть тайны? По-пустому только безпокоишь ихъ б-діе, продолжалъ ворчать Габрысъ.—Ну что въ послѣдній часъ раскудахталась, какъ курица на насѣстѣ? Смерть твоя пришла, а ты господъ безпокоишь...

— Молчи, Гаврило, сказалъ Рязановъ.

Но онъ не унимался.

— Да, что, ваше б-діе, напрасно только изволите безпокоиться, нѣшто можно бабу слушать? Вонъ она, даже и помирать по-людски не умѣетъ, смерть на носу, а сама какъ сорока трещитъ.

— Ты трещишь, какъ сорока, а не она, отстань, и выйди вонъ отсюда, возвысилъ голосъ лѣсничій.

— Знаю, что смерть моя близко, знаю, потому все и выскажу, продолжала вопить старуха.

— Да чего ты скажешь-то? Тьфу ты, дура какая! Осмѣлюсь доложить вашему б-дію, что сказать ей нечего, потому она вотъ ужь вторыя сутки вродѣ, какъ въ безуміи, и сама не знаетъ, что говоритъ... потому, значитъ, что все больше по головѣ ее били, и мозги, значитъ, въ кашу смѣшались и всячески...

— Уйдешь ли ты, Гаврило, вѣдь это несносно наконецъ!..

— Она и раньше-то, ваше б-діе, если такъ разсудить, окромя ничтожества, чего отъ ейнаго пола ждать? Ничего нельзя ждать, потому, если такъ разсудить, хоша она и колдунья, а все же баба...

— Ой! Не колдунья я, пане! Не колдунья! Это Генрикова колдунья, а я только травы...

— Что ты, что Генрикова, все едино, обѣихъ васъ черти...

Ему не дали договорить. Выведенный изъ терпѣнія Рязановъ приказалъ сыну вывести его вонъ изъ хижины.

— И до тѣхъ поръ не смѣй возвращаться, пока я не позову, закричалъ онъ имъ вслѣдъ.

Но Габрысъ такъ разошелся, что и на крыльцѣ продолжалъ ворчать на Марыхну.

— Ну, пришибли, извѣстно помирать надоть, сама должна

знать, не молоденькая, поди чай скоро сто лѣтъ стукнетъ, а все деньги копила, охъ, дуй те горой! бывало на четвертку табаку не выпросишь, вотъ какая была скупущая. Ну и прослышали ребята, и пришибли, что жъ тутъ подѣлаешь, ничего не подѣлаешь, нечего, значитъ и господъ безпокоить, а она... то-то баба!..

Подъ окнами, на грядѣ съ высоко поднявшейся морковью, лежалъ камень, такой огромный, что десяти человѣкамъ не сдвинуть его съ мѣста. Габрысъ взгромоздился на этотъ камень, примостился на немъ, высѣкъ изъ кремня огонь, запалилъ глиняную трубочку и сталъ попыхивать изъ нея, не переставая бурчать себѣ подъ носъ, прислушиваясь къ стонамъ умирающей старухи.

— Пане мой ласковый, вопила Марыхна, не выпуская руку Павла Матвѣевича изъ своихъ крючковатыхъ, горячихъ пальцевъ,—виновата я передъ Богомъ и передъ тобой, по грѣхамъ покаралъ меня Господь, окаянную!.. Прости ты меня, Христа ради, скажи и пани твоей, чтобъ простила меня, и Ельжуню... Охъ, боюсь, что поздно спокаялась я, боюсь, что поздно!

— Успокойся, старуха, всѣ тебя простятъ, и молиться за тебя будутъ, успокойся, повторялъ Рязановъ.

Онъ ждалъ, что она сообщитъ ему что-нибудь относительно напавшихъ на нее злодѣевъ, и когда она упомянула имя его дочери, ему показалось, что она бредитъ. А Марыхна между тѣмъ продолжала, съ длинными перерывами между словами, съ глубокими вздохами и кряхтя отъ боли:

— Давно ужь она у васъ, голубка, слезы проливаетъ... знаю я все, все знаю... повадно имъ было у меня тутъ въ садочкѣ встрѣчаться... Его-то хуторъ отсюда рукой подать... ну, вотъ они... Охъ, Іезусъ! Марія! помилуй мя грѣшную!.. Тропиночка такая есть въ лѣсу... вотъ они, какъ голубки... слетятся сюда и воркуютъ... а я, этта, отойду въ сторонку, чтобъ не мѣшать... Прости ты меня, Христа ради!.. Все лѣто и осень они такъ-то у меня на глазахъ любились...

Рязановъ начиналъ понимать безсвязную рѣчь старухи, и холодный потъ выступилъ у него на лбу.

— А какъ пришла весна, опять слетѣлись мои голубочки... Радовалась я на нихъ, старая дура, радовалась... Думала, свадьбой все прикроется, а какъ стряслась бѣда.

— Какая бѣда? Что случилось? спросилъ задыхающимся голосомъ Рязановъ.

— Охъ! Припусти огонь къ соломѣ, все равно, что парня къ дѣвкѣ, охъ! Приходила намеднись Ельжуня, плачетъ, дай, говоритъ, снадобья... боюсь, всѣ мой стыдъ узнаютъ... въ рѣку, говоритъ, брошусь, если не дашь...

— И ты дала? глухо прошепталъ Рязановъ.

— Дала, пане мой ласковый, дала, благодѣтель! завопила пуще прежняго старуха,—попуталъ нечистый, дала! Въ пузыречкѣ такомъ махонькомъ... Да она, можетъ, еще не потребила его, ты у нея отбери... отбери, Христа ради! . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Выходя изъ хижины, Сергѣй хотѣлъ идти въ лѣсъ, куда-нибудь подальше, чтобъ быть совсѣмъ одному, но отъ всего пережитаго въ этотъ день онъ такъ утомился, что ноги отказывались ему служить. Слабость какая-то противная сковывала его члены, голова слегка кружилась. На свѣжемъ воздухѣ ему стало полегче, и тошнота прошла, но на сердцѣ было все также жутко и тоскливо. Опустившись на ступеньки, онъ уперся локтями на колѣни, подперъ ладонями щеки и безцѣльно упершись взглядомъ вдаль, глубоко задумался. Нежданная напасть, черной тучей надвинувшаяся на него, свинцовымъ гнетомъ давила ему мозгъ, и чѣмъ больше вдумывался онъ въ то, что ожидало его, тѣмъ нестерпимѣе всасывалась злая тоска въ его душу. Вмѣсто университета—служба писцомъ въ душной, смрадной канцеляріи, вмѣсто свѣтлой, широкой, интересной дѣятельности, тьма безпросвѣтная, работа не по сердцу, прозябаніе въ грязи невылазной, въ невѣжествѣ, и впереди—ничего, ничего, кромѣ еще бо́льшаго отвращенія и пошлости! Проводить дни и ночи за книгами, преодолѣвать трудности гимназическаго курса цѣлыхъ восемь лѣтъ, напрягаться умственно до горячки (у него въ прошломъ году сдѣлалось воспаленіе мозга послѣ экзаменовъ), замирать отъ восторга при одной мысли о томъ, что цѣль будетъ скоро достигнута и, вдругъ, удариться о неожиданное препятствіе именно въ ту минуту, когда начинаешь относиться сознательно ко всѣмъ преимуществамъ этой цѣли, ну, развѣ это не жестоко? Вѣдь онъ ужъ не ребенокъ, ему ни за что не забыть всего, къ чему онъ сталъ рваться всей душой съ тѣхъ поръ, какъ началъ понимать и жизнь, и самого себя, и ужъ одно воспомнинаніе объ утраченныхъ мечтахъ будетъ до самой смерти отравлять ему жизнь. А жить-то остается еще долго, долго...

Наступилъ вечеръ. Павелъ Матвѣевичъ все еще не выходилъ изъ хижины. Солнце закатилось за чернѣвшій вдали высокій лѣсъ, но лучи его кое-гдѣ еще пробивались между стволами и багровымъ блескомъ, напоминавшимъ зарево пожара, неровными кровавыми пятнами догарали на изрытой почвѣ вырубленнаго участка, на пняхъ и срубленныхъ деревьяхъ. При этомъ фантастическомъ освѣщеніи, ряды распростертыхъ на землѣ великановъ съ отрубленными вѣтвями производили впечатлѣніе цѣлой роты богатырей, скошенной чудовищнымъ снарядомъ, и, глядя на нихъ, Сергѣй думалъ, какъ было бы хорошо, еслибъ и онъ былъ мертвъ, какъ они, ничего бы не чувствовалъ, не помнилъ и не желалъ.

Сумерки сгущались быстро, и когда Павелъ Матвѣевичъ кликнулъ Габрыся, чтобъ сказать ему, что они сейчасъ ѣдутъ, и чтобъ онъ замѣнилъ его у постели умирающей, совсѣмъ стемнѣло.

— Куда же мы теперь? спросилъ Сергѣй, медленно поднимаясь съ мѣста и направляясь къ телѣжкѣ.

— Домой, отрывисто отвѣчалъ отецъ.

Еслибъ было свѣтлѣе, да еслибъ Сергѣй былъ менѣе разстроенъ своимъ собственнымъ горемъ, онъ замѣтилъ бы, какъ отецъ его блѣденъ и какъ голосъ его дрожитъ отъ волненія, но ему было не до того. Его даже не удивило и то, что Павелъ Матвѣевичъ раздумалъ переночевать на пути, въ сторожкѣ Габрыся, и рѣшилъ ѣхать прямо на мызу, не взирая на позднюю пору и на опасенія, выраженныя нѣсколько часовъ тому назадъ, на счетъ разбойниковъ.

V.

На мызѣ царило обычное оживленіе и веселье. Съѣхалось пропасть гостей: семейство Дженковецкихъ со всѣми чадами и домочадцами, жена доктора Мелентовича съ дочерью, молодежь изъ Варшавы всевозможныхъ вольныхъ профессій, адвокатъ панъ Джентховскій, нотаріусъ панъ Залевскій, извѣстный пьянистъ панъ Михалковскій, все пріятели Лудвига и, наконецъ, самъ Лудвигъ. Дядя Ласкій прислалъ съ нимъ Зосѣ съ дочерьми поклонъ и просилъ передать, что отбылъ на недѣльку по важному, не терпящему отлагательствъ дѣлу, въ Варшаву.

Лѣтомъ на мызѣ Рязановыхъ можно было размѣстить сколько

угодно гостей. Никогда еще не случалось, чтобы кому-нибудь не хватило мѣста. Подругъ своихъ Ельжуня съ Ядзей помѣщали въ своихъ комнатахъ, матерей ихъ хозяйка устраивала съ большимъ комфортомъ въ своей спальнѣ, а кавалеры располагались спать на террасѣ, въ бесѣдкѣ, гдѣ ни попало. Послѣ верховой ѣзды, катанья на лодкѣ, бѣготни по лѣсу и по саду за хорошенькими паненками, послѣ музыки, пѣнія, хохота и танцевъ до упаду, всевозможныхъ игръ, вкусной и обильной ѣды и питья, вездѣ спалось сладко, и въ комнатахъ съ опущенными сторами, и на свѣжемъ воздухѣ, на душистомъ сѣнѣ вмѣсто перинъ и тюфяковъ.

Въ тотъ день, какъ всегда, раньше всѣхъ поднялась заботливая хозяйка. Тихо ступая по мягкому ковру, покрывавшему полъ въ ея спальнѣ, пани Рязанова, въ туфелькахъ на босую ногу и въ капотѣ, накинутомъ на голыя плечи, осторожно пробралась между спящими пани, Джонзовской и Меленто-вичъ, и прошла длиннымъ корридоромъ въ кухню, гдѣ стряпня была уже въ полномъ разгарѣ.

Мимоходомъ она узнала отъ попавшейся ей навстрѣчу горничной, что мужъ ея съ сыномъ еще не пріѣхали, и извѣстіе это повергло ее въ уныніе.

— Что жъ мы будемъ съ кремомъ дѣлать, Ксаверка? спросила она у кухарки, вынимавшей изъ печки желѣзный листъ съ сдобными булочками и крендельками къ утреннему кофе.— Вѣдь клею у насъ ни листочка не осталось?

— Не единой крошки, пани. А развѣ баринъ забылъ привезти клею?

— Баринъ еще не пріѣхалъ.

— Не пріѣхалъ? Іезусъ, Марія! Да какъ же это? Панъ Людвигъ сказалъ, что онъ выѣхалъ съ Сергусемъ изъ города пятью часами раньше его. Ужь не случилось ли чего? прибавила она боязливо.

— Чему тамъ случиться! Просто замѣшкался у кого-нибудь по пути. А мы тутъ сиди безъ провизіи. Вѣчно съ нимъ одна и та же исторія, замѣтила съ досадой Зося.

— А вы знаете, пани, вѣдь онъ хотѣлъ къ Марыхнѣ заѣхать, проговорила, таинственно понижая голосъ, старая кухарка.

— Такъ что жъ изъ этого?

— Да вѣдь Марыхну-то чуть не до смерти разбойники убили.

— Ну?

— Значитъ, тамъ есть разбойники.

— Что-за вздоръ! Тѣхъ разбойниковъ, что напали на бѣдную Марыхну, давно тамъ нѣтъ. Чѣмъ пугать меня, да разныя глупости придумывать, пораскинь-ка лучше умомъ, чѣмъ мы будемъ сегодня гостей угощать, если Рязановъ еще долго не пріѣдетъ. А это очень можетъ быть, онъ такой рохля. Клею нѣтъ, ванили нѣтъ, тонкихъ макаронъ нѣтъ, прованскаго масла нѣтъ, чѣмъ приправимъ мы салатъ и рыбу, что положимъ въ пудингъ, какъ сдѣлаемъ кремъ?

Правда, было надъ чѣмъ голову поломать. Совѣщаніе о томъ, что сдѣлать къ первому завтраку, ко второму, къ обѣду, полднику, ужину, длилось долго. Когда хозяйка вернулась въ уборную и принялась за свой туалетъ, по всѣмъ комнатамъ раздавались ужь шаги, и слышались голоса. Гостямъ разносили кофе. Кушали они его въ постели, а затѣмъ спѣшили воспользоваться утренней прохладой, чтобы идти гулять. Къ двѣнадцати часамъ, на звонокъ, возвѣщавшій о завтракѣ, всѣ сошлись въ столовой съ набранными въ лѣсу ягодами, грибами, цвѣтами, и разсказы, смѣхъ и шутки безостановочно лились изо всѣхъ устъ.

Кофе пить отправились на террасу. Гулять больше никому не хотѣлось, слишкомъ было жарко. На всѣхъ окнахъ спустили сторы, и общество расположилось группами въ прохладныхъ, тѣнистыхъ уголкахъ. Пани Дженковецкая, Мелентовичъ и Рязанова, въ покойныхъ креслахъ и качалкахъ, между цвѣтущими олеандрами, лимонными и другими деревьями, украшавшими террасу, обтянутую красивымъ, полосатымъ тикомъ, вдыхая въ себя ароматъ левкоевъ и резеды изъ сада, сплетничали всласть съ работой въ рукахъ, а дѣвицы сдержанно хихикали и перешептывались съ увивающимися за ними кавалерами. По временамъ кто-нибудь подходилъ къ роялю и искусно исполненное morceau de salon или бойко пропѣтый романсъ приводилъ все общество въ пріятное возбужденіе.

Всѣ здѣсь обожали музыку, и каждый болѣе или менѣе хорошо умѣлъ играть на фортепіано; что же касается до пана Михалковскаго, не даромъ слылъ онъ артистомъ даже въ Варшавѣ, слушать его было истинное наслажденіе.

Именно въ ту минуту, когда онъ исполнялъ, съ обычнымъ бріо, одно изъ прелестнѣйшихъ произведеній Шумана, дверь

изъ прихожей растворилась, и на порогѣ появился Павелъ Матвѣевичъ съ сыномъ.

Ядзя первая ихъ увидѣла и выпорхнула на террасу.

— Папа и Сергусъ пріѣхали, шепнула она на ухо матери.

Пани Рязанова смутилась, торопливо поднялась съ мѣста и легкой, граціозной походкой перешла черезъ гостиную къ двери, въ которой остановились въ нерѣшительности ея мужъ и сынъ.

Въ свѣтломъ, муслиновомъ платьѣ, съ заколотымъ на груди маленькимъ букетомъ изъ душистаго горошка и резеды, съ золотистой косой, приподнятой изящнымъ узломъ на затылкѣ двумя длинными, золотыми булавками, она была такъ свѣжа и моложава, что казалась не матерью, а старшей сестрой своихъ дочерей и могла, безъ зазрѣнія совѣсти, выставлять на показъ и стройный, не лишенный пріятной полноты, станъ, и бѣлыя, красивыя руки изъ-подъ модныхъ, короткихъ рукавовъ.

— Ахъ, Боже мой! Зачѣмъ это они прямо сюда ввалились! Грязные такіе, въ пыли... хоть бы умылись прежде, сказала она вполголоса слѣдовавшей за нею Ядзѣ, которая тоже не безъ тревоги оглядывалась по сторонамъ, въ страхѣ, чтобъ кто-нибудь изъ группы, окружавшей рояль, не обернулся въ ихъ сторону.

Но опасенія эти были напрасны, никто не обратилъ вниманія на пріѣзжихъ.

— Мы только утромъ могли вырваться изъ участка Мартенса, всю ночь не спали, должны были караулить, началъ было объяснять причину поздняго своего пріѣзда Рязановъ, но ему не дали договорить.

— Что жъ это вы такъ, прямо сюда. Вамъ надо умыться, одѣться... Хотите завтракать? Идите туда, вамъ подадутъ, я сейчасъ распоряжусь, торопливо проговорила пани Рязанова, прикасаясь слегка своими надушенными губками къ впхристой, всклокоченной головѣ сына, въ то время какъ онъ цѣловалъ ея руку. Она хотѣла обнять его, но отъ него такъ пахло сыростью, дегтемъ и травой, онъ былъ такой грязный, что она благоразумно воздержалась отъ этого порыва материнской нѣжности.

— Да куда же намъ идти, Зося? угрюмо спросилъ ея мужъ. —Кабинетъ занятъ вещами Ласкія.

— Да, да, мы его ждали вчера, но онъ прислалъ сказать съ Людвигомъ, что его за чѣмъ-то вызвали въ Варшаву и что

раньше будущей недѣли онъ не пріѣдетъ. Вамъ я приготовила комнату на верху. Всѣ твои вещи ужъ туда снесли, Павлусъ, объясняла она, тихонько выталкивая ихъ назадъ въ прихожую.

Панъ Михалковскій кончалъ свой ноктюрнъ и могъ каждую минуту обернуться въ ихъ сторону. Онъ былъ здѣсь въ первый разъ, изъ семьи зналъ однѣхъ только дамъ, съ которыми встрѣчался въ Варшавѣ у Ванды, и Зосѣ вовсе не хотѣлось показывать ему мужа и сына въ такомъ неавантажномъ видѣ.

— Отчего вы такъ поздно? недовольнымъ тономъ спросила она, провожая ихъ по корридору къ лѣстницѣ, ведущей на верхъ.—Черезъ часъ обѣдъ, а у насъ нѣтъ ни клею, ни ванили, ни прованскаго масла...

— Да вѣдь я же тебѣ сказалъ, насъ задержали у Мартенса, мы должны были за него караулить, пока онъ отвозилъ мошенника въ село. Въ лѣсу не на шутку пошаливать стали, вонъ, Марыхну-то бѣдную какъ отдѣлали! И всюду порубки. Одного изъ этихъ негодяевъ Мартенсу удалось изловить, это очень важно, знаешь, черезъ него можно будетъ напасть на слѣдъ и остальныхъ...

— Но все-таки вы могли бы раньше пріѣхать...

— Нѣтъ, не могли, довольно рѣзко возразилъ Рязановъ.

— Такъ прислали бы по крайней мѣрѣ покупки съ кѣмъ-нибудь.

— Съ кѣмъ же?

— Ну, съ кѣмъ-нибудь, продолжала стоять на своемъ Зося.—Вамъ все равно, вы тамъ съ разными мошенниками возитесь, а у насъ тутъ гости, пришлось вмѣсто крема сливки взбивать... Ты привезъ клей?

— Все привезъ по запискѣ.

— Надо посмотрѣть. Можетъ быть, Ксаверка успѣетъ сдѣлать кремъ. У насъ пани Мелентовичъ съ дочерью. Да и передъ Дженковецкими нельзя срамиться, они насъ мороженымъ угощали, когда мы у нихъ были въ послѣдній разъ.

Она поспѣшно, почти бѣгомъ, повернула въ кухню, а Павелъ Матвѣевичъ съ сыномъ поднялись въ мезонинъ.

Въ тотъ самый мезонинъ, куда помѣстили Рязанова, когда онъ двадцать лѣтъ тому назадъ пріѣхалъ сюда послѣ реквизиціи, съ Ласкіемъ. Вотъ и окно, изъ котораго онъ въ первый разъ увидѣлъ возвращавшуюся съ прогулки верхомъ Зосю.

Теперь, изъ этого самаго окна, когда онъ подошелъ къ нему, чтобъ опустить стору, Рязановъ увидѣлъ Ельжуню съ

Лудвигомъ. Они прохаживались взадъ и впередъ вдоль живой изгороди, подъ акаціями, и онъ такъ на нихъ засмотрѣлся, что забылъ, для чего сюда пришелъ.

Какъ всѣ влюбленные, Ельжуня съ Лудвигомъ пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ побыть наединѣ. Такой случай представлялся имъ сегодня въ первый разъ; мать занялась въ кухнѣ разборкой покупокъ, привезенныхъ изъ города, отецъ съ братомъ были заняты переодѣваніемъ къ обѣду, а гости наслаждались игрой Михалковскаго, никому и въ голову не придетъ выйти въ садъ.

Ельжуня, тонкая, стройная и граціозная, какъ мать въ день ея первой встрѣчи съ отцомъ, шла, опустивъ голову и вертя въ рукахъ длинную вѣтку сирени, съ которой она порывисто и нервно срывала цвѣты и бросала ихъ на землю.

Что говорилъ ей Лудвигъ, Павелъ Матвѣевичъ слышать не могъ, но по тому, какимъ густымъ румянцемъ залились ея щеки, какъ прерывисто она дышала и какъ радостно улыбалась, слушая его рѣчи, можно было догадаться, что это за рѣчи! И вдругъ онъ отошелъ отъ нея, нагнулся къ розовому кусту, который тутъ цвѣлъ неподалеку, сорвалъ съ него пышно распустившійся цвѣтокъ и, поцѣловавъ его нѣсколько разъ, подалъ ей, а когда и она тоже, исподлобья глянувъ на него съ кокетливой улыбкой, прикоснулась губами къ цвѣтку, Лудвигъ порывисто ее обнялъ, и губы ихъ слились въ долгомъ поцѣлуѣ.

— Что жъ ты не одѣваешься, насъ сейчасъ позовутъ къ обѣду, сказалъ Сергѣй, подходя къ отцу и дотрогиваясь до его плеча.

— Да, надо скорѣе это кончить, прошепталъ Павелъ Матвѣевичъ, отходя отъ окна.

И замѣтивъ, съ какимъ удивленіемъ смотритъ на него сынъ, онъ прибавилъ съ усмѣшкой:—Измучился я совсѣмъ, братецъ, за эту ночь, да и вчера тяжелый денекъ выдался для насъ обоихъ. Надо скорѣе одѣться и сойти внизъ...

И чтобъ окончательно отвлечься отъ давившихъ ему мозгъ мыслей, онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и сталъ подтрунивать надъ смѣшной фигурой Сергѣя. Въ прошлогодней парусинной блузѣ, которую юноша насилу на себя напялилъ,—такъ она была ему узка и коротка,—Сергѣй былъ очень уродливъ и смѣшонъ.

— И франты же мы съ тобой, Сережка, нечего сказать!

А Ласкій меня еще въ расточительности упрекаетъ, продолжалъ онъ, отыскивая, въ грудѣ безпорядочно сваленныхъ вещей, пиджакъ почище и покрѣпче прочихъ. — Расточительность! Комикъ онъ, право, комикъ. Да я съ тѣхъ поръ, какъ женился, и ста рублей на себя не истратилъ, честное слово! И самъ знаю, что давно пора костюмъ обновить, чтобъ за нищаго не принимали, да столько у насъ другихъ нуждъ и издержекъ, что жаль на себя лишнюю копѣйку истратить. Эхъ! съ долгами бы скорѣе раздѣлаться, вздохнулъ онъ тяжелымъ вздохомъ.—Да вотъ Ельжуню бы скорѣе пристроить, прибавилъ онъ, вспомнивъ другую свою заботу, мучившую его еще больше первой.

И вдругъ, взглянувъ на сына, онъ прочелъ въ его глазахъ такую глубокую печаль, что ему стало стыдно за то, что онъ даже на минуту забылъ про него, и сердце его сжалось нестерпимою болью.

— Ну, что дѣлать, братецъ, что дѣлать! Знаю, что и тебѣ не легко... Да ты не отчаявайся, вотъ я съ Ласкіемъ переговорю, онъ, можетъ, придумаетъ что-нибудь.

— Дядя Ласкій ничего для меня не сдѣлаетъ, прошепталъ юноша, глотая слезы.

— Ты думаешь? Ну, знаешь, мнѣ и самому кажется... потому-то я до сихъ поръ и не заикался ему объ этомъ. Не любитъ онъ насъ съ тобой, братецъ, ужь давно я сталъ замѣчать, что онъ насъ не любитъ, прибавилъ онъ съ вымученной улыбкой.

Передъ обѣдомъ, улучивъ удобную минуту, Рязановъ отозвалъ въ сторону свою старшую дочь и сказалъ ей, что ему надо съ нею переговорить на-единѣ.

— Приди передъ вечеромъ на полчасика въ сырную, тамъ намъ никто не помѣшаетъ.

Дѣвушка вскинула на него полный недоумѣнія взглядъ.

— Хорошо, папа, но только какже... вѣдь у насъ гости?

— Съ гостями побудетъ мать и сестра.

— А если мама...

— Скажи мамѣ, что я велѣлъ тебѣ туда придти, что мнѣ надо съ тобой говорить, прервалъ онъ ее, съ несвойственною ему строгостью, напирая на слово „велѣлъ“.

Никогда не видѣла Ельжуня отца такимъ сердитымъ, и избалованная дѣвушка струсила немножко. Дѣло въ томъ, что Павла Матвѣевича начинало уже разбирать нетерпѣніе. Да и

было отчего ему раздражаться. Всю ночь, ожидая въ лѣсу возвращенія Мартенса изъ села, онъ продумалъ о томъ, что высказала ему умирающая старуха, и про объясненіе, которое у него должно быть по этому поводу съ дочерью. Изъ-за этого онъ торопился вернуться домой, бѣсился на непредвидѣнную задержку въ лѣсу, а тутъ гости мѣшаютъ ему услышать отъ дочери разъясненіе терзавшаго его вопроса. Онъ былъ такъ озабоченъ этимъ, что казался угрюмѣе обыкновеннаго и однимъ своимъ присутствіемъ всѣхъ стѣснялъ.

Да и Сергѣй велъ себя не лучше отца; на ласки и разспросы сестеръ онъ отвѣчалъ брюзгливо и вообще былъ такъ скученъ и задумчивъ, что мать недовольнымъ тономъ посовѣтовала ему идти спать, если онъ чувствуетъ себя нездоровымъ.

Спать Сергѣй не легъ, а пошелъ въ лѣсъ и пробродилъ тамъ въ полнѣйшемъ уединеніи вплоть до вечера. Отецъ же его, посидѣвъ съ полчаса на террасѣ, взялъ первую попавшуюся подъ руку книгу и ушелъ въ сырную. Въ домѣ ему рѣшительно некуда было приткнуться, во всѣхъ комнатахъ пѣли, играли и весело разговаривали между собою чужіе люди, съ которыми у него ровно ничего не было общаго, и одинъ видъ которыхъ производилъ на него сегодня удручающее впечатлѣніе. Много разъ пытался заговорить съ нимъ панъ Лудвигъ, но изъ этого ровно ничего не выходило, а Ельжуня, замѣчая, съ какимъ недружелюбіемъ отвертывается отъ ея возлюбленнаго отецъ, съ тоскою спрашивала себя: для чего приказалъ онъ ей придти въ сырную, и что такое онъ ей тамъ скажетъ? Наконецъ, она не вытерпѣла и рѣшилась прибѣгнуть къ защитѣ матери.

— Мама, ты не знаешь, за что папа сердится?

— Не знаю, дитя мое. А развѣ онъ сердится?

— Ахъ, мама! Неужели ты не замѣчаешь? Онъ ни съ кѣмъ не хочетъ говорить, за обѣдомъ ничего не ѣлъ...

— Испортилъ, вѣрно, апетитъ дорогой, наѣлся какой-нибудь дряни у лѣсничаго, а молчитъ онъ всегда при гостяхъ, замѣтила равнодушно пани Рязанова, укладывая на вазы фрукты.

Разговоръ происходилъ въ столовой, передъ отъѣздомъ на прогулку въ довольно отдаленную мѣстность, славящуюся красотой мѣстоположенія. Вернувшись, всѣ будутъ голодны, надо тотчасъ же подавать ужинъ, и заботливая хозяйка занималась украшеніемъ стола. Она позвала дочерей ей помочь,

пока гости въ отведенныхъ для нихъ комнатахъ одѣвались — кто въ амазонки, кто въ костюмы для гулянья.

— Нѣтъ, мама, что-то такое случилось съ папà, вмѣшалась въ разговоръ Ядзя, опуская въ большія фарфоровыя вазы букеты цвѣтовъ, нарванныхъ вмѣстѣ съ подругами и кавалерами въ саду для украшенія стола.— А какой Сергусъ сталъ грубый! Съ нимъ ни объ чемъ говорить нельзя. Я замѣтила ему, что онъ невѣжливъ съ Лудвигомъ, а онъ назвалъ меня глупой дѣвчонкой.

— Ты знаешь, мама, папа велѣлъ мнѣ придти передъ вечеромъ въ сырную, онъ хочетъ со мной о чемъ-то говорить, протянула жалобнымъ тономъ Ельжуня.

— Въ сырную? Говорить? о чемъ говорить? удивилась мать.— У насъ гости, вы никуда не можете отлучаться, это будетъ невѣжливо, они обидятся...

— Я ему такъ и сказала, мама, но онъ разсердился. Что жъ мнѣ дѣлать?

Пани Рязанова пожала плечами.—Странная фантазія. Но, разумѣется, ты должна сдѣлать то, что онъ хочетъ. Только вернись, пожалуйста, скорѣе, сейчасъ выведутъ лошадей, а ты еще не одѣта.

— Хочешь, я пойду съ тобой? предложила Ядзя.

Она была прелюбопытная, и требованіе отца, никогда не предъявлявшаго къ нимъ никакихъ требованій, заинтриговало ее до чрезвычайности.

— Нѣтъ ужь лучше я съ нею пойду, а ты побудь съ гостями, рѣшила послѣ небольшаго размышленія мать.

Чѣмъ больше думала она о глупомъ капризѣ мужа, тѣмъ страннѣе казался ей этотъ капризъ. Что ему нужно отъ Ельжуни? И почему не обратится онъ лучше къ ней? Дѣвочки такъ воспитаны, что у нихъ нѣтъ тайнъ отъ матери. Чистыя, невинныя, какъ младенцы, она читаетъ въ сердцахъ ихъ, какъ въ открытой книгѣ, у нихъ нѣтъ даже ни единой мысли, которой бы она не знала, не даромъ же слыветъ она примѣрною матерью, и даже старшая сестра ея Ванда, которая не знаетъ, какъ сладить съ своей своенравной и порочной дѣвченкой, часто спрашиваетъ у нея совѣта, какъ поступить съ дѣтьми. Но за то и слѣдитъ же она за ними! Даже разговоры свои съ подругами онѣ должны ей передавать. Мужъ это знаетъ. Что-за глупое требованіе говорить съ Ельжуней наединѣ? Но оставить это требованіе безъ вниманія у Зоси не хватало смѣлости.

Какъ ни странно это покажется, но блестящая, умная, всѣми восхваляемая, какъ примѣрная мать и хозяйка, пани Рязанова побаивалась своего ничтожнаго супруга. Панъ Ласкій такъ часто повторялъ ей: „ты его не знаешь, съ нимъ шутить нельзя, эти русскіе способны вдругъ сдѣлать то, чего никто отъ нихъ не ждетъ“, что ей становилось жутко за себя и за дочерей каждый разъ, когда этотъ молчаливый, опустившійся физически и нравственно человѣкъ пытался вдругъ проявлять свои, никѣмъ не признаваемыя права. Случалось это рѣдко, правда, но, памятуя предостереженіе своего родственника, Зося не рѣшалась открыто дразнить своего медвѣдя.

Такъ поступила она и теперь.

Сырная находилась довольно далеко отъ дома, на опушкѣ лѣса, за полянкой, засѣянной клеверомъ. Это было низкое зданіе съ черепичной крышей, выстроенное въ то время, когда вошло здѣсь въ моду заниматься сыроваренiемъ, а затѣмъ, когда отъ затѣи этой отказались, въ погребахъ, вырытыхъ подъ этимъ строеніемъ, стали ставить молоко на сметану и масло, складывать овощи на зиму, а горницу обратили въ кладовую для яблоковъ, грушъ и проч.

Теперь она была пуста, эта горница, съ выбѣленными стѣнами, низкимъ потолкомъ и окнами, выходившими въ лѣсъ. У одного изъ нихъ сидѣлъ Рязановъ. Облокотившись на подоконникъ и подперевъ руками свою крупную, всклокоченную голову, онъ смотрѣлъ на лежавшую передъ нимъ открытую книгу, хрестоматію какую-то, думая о другомъ и поджидая съ замирающимъ сердцемъ дочь.

Заслышавъ легкіе шаги въ сѣняхъ и шуршаніе юбокъ, онъ обернулся, привсталъ и спросилъ:—это ты, Ельжуня?

— Да, папа, и мама со мной, съ напускною развязностью, отвѣчала дѣвушка.

— Мама? Зачѣмъ же ты, Зося?.. впрочемъ, это хорошо, что ты пришла... Я хотѣлъ прежде поразспросить Ельжуню, а ужь потомъ поговорить съ тобой, но если ты пришла, все равно...

Онъ поднялся съ мѣста и съ обычною своею неловкостью сталъ искать, на что посадить посѣтительницъ. Въ горницѣ другой мебели кромѣ длинныхъ, тяжелыхъ лавокъ вдоль стѣнъ, ничего не было.

— Что тебѣ отъ нея надо, Павлусъ? спросила его жена, съ трудомъ сдерживая раздраженіе.

Его суетливое волненіе и тщетныя попытки сдвинуть съ мѣста скамью отъ стѣны, выводили ее изъ терпѣнія. Онъ, кажется, намѣревается задержать ихъ здѣсь на долго? Этого еще недоставало!

— Не суетись, пожалуйста, намъ нельзя тутъ долго оставаться, проговорила она отрывисто.—Я пришла съ Ельжуней, чтобъ ты ее на задерживалъ. Что тебѣ нужно отъ нея? Говори, пожалуйста, скорѣе.

Говорить скорѣе, а онъ даже не зналъ, съ чего начать, какъ приступить къ щекотливому допросу, такъ непривычна была ему роль слѣдователя и судьи, которую онъ въ первый разъ въ жизни долженъ былъ принять на себя.

Жена и дочь стояли передъ нимъ въ своихъ нарядныхъ лѣтнихъ платьяхъ, красивыя, изящныя и душистыя, какъ тѣ цвѣты, что красовались въ пышныхъ локонахъ ихъ золотистыхъ волосъ, а Ельжуня, кромѣ того, держала въ тонкихъ пальчикахъ крупную сентифольную розу, граціозно покачивающуюся на тонкомъ стебелькѣ. По временамъ она подносила ее къ губамъ, чтобъ освѣжиться ея ароматомъ, вѣроятно, а можетъ быть она искала на ней поцѣлуй своего возлюбленнаго? Цвѣтокъ этотъ напомнилъ Рязанову сцену, подсмотрѣнную имъ изъ окна, нѣсколько часовъ тому назадъ, и воспоминаніе это придало ему рѣшимости.

— Это очень серьезно... то, что я хочу вамъ сказать, началъ онъ, запинаясь отъ волненія передъ каждымъ словомъ и отвертываясь въ сторону, чтобъ не встрѣчаться съ ними взглядомъ, — дѣло идетъ о твоей судьбѣ, Ельжуня... Ты увѣрена, что Лудвигъ на ней женится, Зося?

Ельжуня измѣнилась въ лицѣ. Тяжелое предчувствіе, угнетавшее ее съ утра, овладѣвало ею все сильнѣе и сильнѣе; лихорадочная дрожь пробѣгала по тѣлу, сердце замирало отъ страха. Широко раскрытыми глазами смотрѣла она на мать, точно умоляла ее о защитѣ.

Пани Рязанова поняла этотъ взглядъ по-своему.

— Ну, зачѣмъ конфузишь ты дѣвочку, Павлусъ! Если ты только за этимъ насъ сюда позвалъ, позволь тебѣ замѣтить, что это даже глупо съ твоей стороны, у насъ полонъ домъ гостей, неужели нельзя было выбрать другое время?

— Другое время? Да пойми же ты, что я измучился! вскричалъ онъ вдругъ съ возрастающимъ волненіемъ, — съ той минуты, какъ старуха мнѣ сказала...

— Какая старуха?

— Марыхна. Она мнѣ во всемъ созналась... Мы и безъ того слишкомъ долго ждали, Зося, мы этимъ погубили ее...

— Кого мы погубили? Что ты бредишь?

— Ее, вотъ кого, крикнулъ онъ, указывая на дочь.—Была ты на прошлой недѣлѣ у Марыхны? Взяла ты у нее снадобье? Говори правду... Ну! она мнѣ во всемъ созналась!...

Онъ хотѣлъ еще что-то прибавить, но Ельжуня такъ поблѣднѣла и затряслась, что онъ въ испугѣ смолкъ на полусловѣ. Пани Рязанова, ничего еще не понимая, потребовала объясненій.

Что такое? Что хочетъ онъ сказать? Дѣвочки часто бѣгаютъ къ Марыхнѣ, она ихъ забавляетъ сказками и гаданьемъ, что жъ изъ этого? Про какое снадобье онъ говоритъ? Зимой Марыхна давала какое-то питье изъ травъ пастуху отъ запоя, а прошлой осенью лѣчила у нихъ корову, но и въ этомъ пани Рязанова ничего не видѣла предосудительнаго. Разумѣется, лучше было бы обратиться къ доктору для пастуха и къ ветеринару для коровы, но Марыхнѣ народъ больше вѣритъ...

„Да полно ты, безумная, взгляни только на дѣвочку, и ты все поймешь!“ хотѣлъ прервать ее мужъ. Но слова не выговаривались. А Ельжуня, простоявъ передъ нимъ съ минуту въ оцѣпенѣніи, блѣдная, какъ полотно, и трепещущая, какъ птичка, пойманная въ западню, съ умоляющимъ выраженіемъ въ глазахъ и съ признаніемъ, готовымъ сорваться съ дрожащихъ губъ, закрыла вдругъ лицо руками и громко, истерически, зарыдала.

Мать къ ней кинулась и, осыпая ее ласками, обернула пылающее гнѣвомъ лицо къ мужу.

— Вотъ какъ вы ее напугали вашими глупостями! У нея порокъ сердца... докторъ еще недавно сказалъ, что ее надо беречь, а вы... вы ее убить хотите!

— Ельжуня, признайся во всемъ матери, скажи ей правду, вымолвилъ умоляюще Рязановъ.

— Мама... мама... рыдала Ельжуня пуще прежняго, прижимаясь къ матери и пряча лицо на ея груди.

— Успокойся, моя ласточка! Успокойся! Онъ самъ не знаетъ, что говоритъ, успокойся!.. Всѣ пользуются снадобьями Марыхны, не мы одни, и никому отъ того вреда не было, шептала ей мать.

Но слова ея не дѣйствовали, и Ельжуня продолжала рыдать, судорожно вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

— Никому вреда не было? вскричалъ внѣ себя Рязановъ,— да ты вспомни про внучку пчельника, она на тотъ свѣтъ отправилась отъ снадобья старухи...

— Внучка пчельника?!

Пани Рязанова побѣлѣла.

— Внучка пчельника? глухо повторила она.

Ельжуня крѣпче прежняго прижалась къ ней, еще жалобнѣе застонала: мама! мама! и испуганная мать, подавивъ въ себѣ внезапно вспыхнувшее подозрѣніе, съ яростью тигрицы, защищающей дѣтеныша, накинулась на мужа.

— Какъ вы смѣете подозрѣвать вашу дочь въ такомъ гнусномъ преступленіи! Какъ вы смѣете ставить ее на одну доску съ потерянной дѣвкой! Какая это низость! Какая это подлость съ вашей стороны. Вамъ мало того, что вы загубили всю нашу жизнь, вы еще опозорить насъ хотите!

И не помня себя отъ гнѣва, у нея вырвалось, наконецъ, наружу все то, что накипало въ душѣ ея цѣлыхъ двадцать лѣтъ совмѣстной съ нимъ жизни, всю свою ненависть, презрѣніе и отвращеніе къ нему, какъ къ русскому, все это излила она въ потокѣ упрековъ и ругательствъ.

Сначала, не понимая еще хорошенько значеніе ея словъ и приписывая оскорбленному материнскому чувству этотъ порывъ негодованія, онъ пытался оправдываться.

— Да ты сама у нея спроси, она тебѣ скажетъ, спроси у нея, повторялъ онъ безсвязно, смущаясь ея отчаяньемъ и упрекая себя въ томъ, что онъ не сумѣлъ, какъ слѣдуетъ, объясниться.

Но когда она стала съ неумолимою жестокостью заклятаго племеннаго врага кидать ему въ лицо такими упреками и такими признаніями, смыслъ которыхъ съ каждымъ ея словомъ становился ему все яснѣе и яснѣе, тогда онъ понялъ, что теперь только слышитъ отъ нея правду, и смолкъ. Да, только теперь съ нимъ вполнѣ откровенны; до сихъ поръ, цѣлыхъ двадцать лѣтъ, передъ нимъ лгали и притворялись.

Никогда не могъ онъ себѣ представить, чтобъ его такъ глубоко ненавидѣли и презирали. За что? И неужели дочери тоже терпѣть его не могутъ? спрашивалъ онъ себя съ тоской. Неужели и имъ тоже, какъ и матери ихъ, все въ немъ противно, его ласки, каждое его слово и движеніе, неужели и имъ тоже самое присутствіе его въ тягость? И неужели всѣ здѣсь

такъ превратно, злобно и несправедливо, какъ жена его, истолковываютъ каждый его поступокъ, каждое движеніе души?

— Изъ-за васъ мы въ нуждѣ... изъ-за васъ мы бѣдствуемъ, изъ-за васъ моя бѣдная Ельжуня гибнетъ... Давно бы Лудвигъ женился на ней, еслибъ у нея не было такого отца... Идіотъ! Злой, упрямый идіотъ! продолжала, между тѣмъ, свою страстную, обвинительную рѣчь Зося.—Вы всѣхъ возстановили противъ себя, всѣхъ! Родныхъ, знакомыхъ, даже бабушку съ дѣдушкой! Давно дали бы они приданое Ельжунѣ, еслибъ она не была дочь ненавистнаго имъ человѣка! Имени вашего никто равнодушно не можетъ слышать въ семьѣ! Вы насъ всѣхъ срамите! Проклятъ тотъ день, когда меня заставили пожертвовать собой!

Она зарыдала. Ельжуня, блѣдная, съ горѣвшими глазами, смотрѣла на него съ такимъ нѣмымъ упрекомъ, что ему жутко стало. О, да! И эта тоже терпѣть его не могла! И эта тоже обвиняетъ его во всѣхъ своихъ горестяхъ и неудачахъ!

— Ни съ кѣмъ не сумѣли вы здѣсь сойтись, всѣ васъ ненавидятъ, продолжала пани Рязанова прерывающимся отъ рыданій голосомъ.—Лудвигъ переносить васъ не можетъ, онъ не захочетъ жить съ вами въ одномъ домѣ, ни за что не захочетъ, ужь онъ сказалъ, вы насъ связали по рукамъ и по ногамъ, вы хуже тѣхъ цѣпей, которыми въ вашей Сибири сковываютъ каторжниковъ... Вся моя жизнь съ вами была каторгой! Да, каторгой, повторяла она съ искаженнымъ лицомъ, сквозь стиснутые отъ злобы зубы, взвизгивая отъ ярости и отчаянья.

Павелъ Матвѣевичъ машинально поднялся съ мѣста и пошелъ къ двери, но, услышавъ имя сына, онъ остановился, какъ вкопанный на порогѣ.

— Вы и Сергѣя испортили... онъ выросъ подъ вашимъ вліяніемъ и что жъ изъ него вышло? Такой грубый и непріятный волченокъ, что мнѣ стыдно называться его матерью... онъ насъ срамитъ, его нельзя пускать въ порядочное общество, сегодня онъ такъ обошелся съ Лудвигомъ...

— У него сегодня такое горе, что ему простительно быть угрюмымъ, вымолвилъ съ усиліемъ Рязановъ.—Будьте же хоть къ нему справедливѣе, вѣдь онъ мечталъ объ университетѣ, а ему даже и гимназію нельзя кончить. Вся его жизнь разбита.

— Кто жъ въ этомъ виноватъ? злобно подхватила жена.

Мужъ пристально посмотрѣлъ на нее.

— Я виноватъ, никто больше, произнесъ онъ твердо,—но только не тебѣ бы упрекать меня въ этомъ, Зося.

И обращаясь къ дочери:—а тебѣ, Ельжуня, я опять совѣтую во всемъ сознаться матери, она проститъ. Легко прощать, когда любишь, прибавилъ онъ со вздохомъ, выходя изъ сырной.

VI.

На другой день Рязановъ отвезъ сына въ тотъ городъ, гдѣ Сергѣй долженъ былъ поступить на службу въ акцизное управленіе.

Во время ихъ отсутствія прибыли изъ Варшавы дѣдушка съ бабушкой и панъ Ласкій. Послѣдній такъ и сіялъ восторгомъ. Ему удалось довести до блистательнаго конца задуманное въ пьяномъ видѣ намѣреніе, и въ одно и то же время устроить благосостояніе своего воспитанника и счастье племянницы. Дѣдъ соглашался дать сто тысячъ, подъ извѣстными условіями, на устройство пивоваренаго завода; на семейномъ совѣтѣ, длившемся далеко за полночь, всѣ вышеозначенныя условія были обговорены и Лудвига съ Ельжуней провозгласили женихомъ и невѣстой.

Оставалось только сообщить о всемъ этомъ Рязанову, за что и взялся съ обычною своею услужливостью, панъ Ласкій.

— Да, мой кохане, все отлично устроилось, говорилъ онъ своему шурину, когда этотъ послѣдній, оставивъ сына въ городѣ, вернулся на мызу. — Даже и представить себѣ нельзя было, что такъ устроится. Лудвигъ женится на Ельжунѣ. Ты этому радъ, конечно, тебѣ извѣстно, какъ они любятъ другъ друга, а кромѣ того, это блестящая партія для нашей дѣвочки. Вѣдь какъ тамъ ни говори, а онъ нашимъ графамъ двоюроднымъ братомъ приходится. Но у хлопца пока еще ничего нѣтъ, и вотъ мы что для нихъ устроили: дѣдъ даетъ молодымъ сто тысячъ на то, чтобъ въ компаніи съ графомъ Брониславомъ построить пивоваренный заводъ. Самое подходящее мѣсто для этого здѣсь, продолжалъ онъ, обводя рукой разстилавшуюся передъ ними мѣстность, со всѣхъ сторонъ окаймленную густымъ высокимъ лѣсомъ.—Ферма такъ мало приноситъ доходу, что возиться съ нею положительно не стоитъ, мы рѣшили продать скотъ и прочее пани Мелентовичъ; она заводитъ у себя молочное хозяйство и съ удовольствіемъ дастъ за все это 15

тысячъ злотыхъ. Ну, эти деньги, ты самъ знаешь, составляютъ неприкосновенную собственность Зоси, родители дали ей ихъ въ приданое, пусть она и пользуется процентами съ нихъ. Я тоже, при первой возможности, положилъ 15 тысячъ злотыхъ на имя моей Викторинки въ банкъ, чтобъ знала, что я не изъза денегъ на ней женился. Въ принципѣ дѣло облажено, значитъ, остается только обсудить нѣкоторыя подробности...

Онъ говорилъ торопливо, какъ бы спѣша выложить скорѣе все, что у него на умѣ и по временамъ взглядывая мелькомъ на своего слушателя, чтобъ угадать, какое впечатлѣніе производитъ на него эта рѣчь, но на угрюмомъ лицѣ Павла Матвѣевича трудно было что-либо прочесть; глаза онъ держалъ упорно опущенными въ землю и только легкими кивками давалъ понять, что слова его собесѣдника не пропадали для него даромъ.

О, да! Онъ слышалъ эти слова и понималъ какъ нельзя лучше ихъ смыслъ. Это было подтвержденіе того, что высказала ему въ припадкѣ гнѣва жена нѣсколько дней тому назадъ: онъ здѣсь совсѣмъ, совсѣмъ лишній, всѣмъ въ тягость, всѣмъ мѣшаетъ, и рѣшено его выбросить вонъ изъ семьи, какъ старую ненужную тряпку, какъ выжатый лимонъ. Вызвавшись объявить ему это рѣшеніе, Ласкій, надо ему отдать справедливость, очень ловко, деликатно и мягко, справился съ щекотливой задачей. Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ цѣли, тѣмъ добродушнѣе становился, тѣмъ искреннѣе и дружелюбнѣе звучала его рѣчь.

— Да, остается только обсудить нѣкоторыя подробности и, вотъ, надо съ тобою посовѣтоваться... да и вообще хотѣлось бы, знаешь, такъ устроить, чтобъ всѣ вы были счастливы и довольны, это главное. Здѣсь необходимо сдѣлать кой-какія пристройки. Этимъ вызывается завѣдывать старикъ. Онъ имѣетъ на это полное право, понимаешь, вѣдь деньги-то его, и не дозволить ему здѣсь жить, когда онъ этого желаетъ, было бы крайне неделикатно, не правда ли? Молодые уступаютъ ему мезонинъ, а сами займутъ низъ. Тѣсновато немножко для будущаго милліонера и маркиза, но за то для пивовара вполнѣ прилично, засмѣялся онъ натянутымъ смѣхомъ, немного смущенный молчаніемъ своего слушателя.

— Надѣюсь, ты ничего противъ этого не имѣешь?

— Что жъ могу я имѣть противъ этого? отвѣчалъ, не поднимая глазъ, Рязановъ.

*

— Ну да, вѣдь ты же понимаешь, что все это дѣлается для блага дѣтей, я такъ и сказалъ Зосѣ.

— Разумѣется, понимаю, машинально подтвердилъ Рязановъ.

А панъ Ласкій между тѣмъ, ободренный его хладнокровіемъ, дѣлался все смѣлѣе и смѣлѣе, и наконецъ совсѣмъ уже развязно приступилъ къ самой сути дѣла.—Бабушка предлагаетъ твоей женѣ и младшей дочери поселиться у нея въ Варшавѣ. Мнѣ кажется, онѣ должны принять это предложеніе, какъ ты думаешь? Вѣдь здѣсь вамъ все равно нельзя будетъ оставаться. Ельжуня выйдетъ замужъ. Молодымъ мѣшать первое время не слѣдуетъ, да и тѣсно будетъ, когда дѣдушка займетъ мезонинъ. Ужь тебѣ, значитъ, дружище, придется гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ приткнуться. Не поможетъ ли тебѣ въ этомъ Гусевъ, а, какъ ты думаешь?

— Не безпокойся обо мнѣ, я пристроюсь, глухо отвѣчалъ Рязановъ.—Я пристроюсь, прибавилъ онъ еще тише, какъ бы про себя.

— Да? Такъ у тебя уже есть что-нибудь въ виду? Отлично! А я хотѣлъ тебѣ предложить, у меня, ты знаешь, есть друзья въ Харьковѣ, а также въ Черниговѣ и наконецъ, въ случаѣ надобности, мужъ Ванды не откажется дать тебѣ занятіе у себя въ конторѣ...

Онъ смолкъ въ ожиданіи отвѣта, но Павелъ Матвѣевичъ повидимому пересталъ его слушать. Онъ разсѣянно смотрѣлъ вдаль въ глубокую чащу деревьевъ, тихо покачивающихся своими зелеными верхушками, на прозрачной синевѣ яснаго лѣтняго неба.

Они ходили взадъ и впередъ вдоль опушки лѣса, за мостикомъ, въ виду мызы. Тамъ знали, для чего Ласкій вызвалъ Рязанова, и не безъ тревоги ожидали конца совѣщанія. Особенно волновалась Зося. Но, вернувшись домой, Ласкій объявилъ, что все улажено, и она успокоилась.

— Я перетолковалъ съ твоимъ мужемъ, и онъ на все согласенъ. Ему, кажется, все равно, гдѣ ни жить, прибавилъ онъ съ усмѣшкой.

— О! Я это давно, давно знаю! вскричала Зося.

— Нѣтъ, они оба за что-то сердятся, подхватила Ядзя.— Передъ отъѣздомъ Сергуся, когда я стала упрекать его за то, что онъ даже и недѣльки не хочетъ съ нами прожить, знаешь,

что онъ мнѣ отвѣтилъ? Онъ сказалъ, что имъ съ отцомъ здѣсь не мѣсто, что они здѣсь чужіе, вотъ что онъ сказалъ.

— Что жъ это значитъ? спросилъ недовольнымъ тономъ Ласкій.—Напрасно ты мнѣ этого раньше не сказала, я бы постарался узнать причину его неудовольствія и, можетъ быть, успѣлъ бы въ этомъ.

— Сергѣю досадно, что ему не дали кончить гимназію и поступить въ университетъ, нерѣшительно замѣтила Ельжуня.

— Да, да, Павлусъ попрекнулъ меня и этимъ, вставила мать, вспыхивая при воспоминаніи о сценѣ въ сырной.

— Гм. Оно конечно... Мнѣ, признаться сказать, и самому показалось страннымъ такое рѣшеніе со стороны Павлуся, раздумчиво проговорилъ Ласкій. — Мальчикъ учился порядочно, и ему всего только годъ оставалось пробыть въ гимназіи.

— Да, но вѣдь на тѣ деньги, что были отложены для него, мама намъ сдѣлала лѣтніе костюмы, и папа тогда еще сказалъ, что въ гимназію платить нечѣмъ будетъ, вставила опрометчиво Ядзя.

— Что жъ это доказываетъ? Развѣ это причина всѣмъ грубить, дуться и уѣхать ни съ кѣмъ не простившись? поспѣшила заявить пани Рязанова.

На этомъ разговоръ про Сергѣя и кончился. Подали обѣдать. Горничная, которую послали разыскивать Павла Матвѣевича, вернулась съ извѣстіемъ, что его на мызѣ нѣтъ. Пастухъ ей сказалъ, что съ полчаса тому назадъ онъ видѣлъ его идущимъ по направленію къ участку Габрыся.

Всѣ собрались въ столовой, супъ былъ на столѣ. Старый Скворчикъ ужь усѣлся на свое обычное мѣсто и, заткнувъ за галстухъ салфетку, готовилъ подливку къ рыбѣ. Всѣ были голодны, и ждать никому не хотѣлось.

— Павлусъ вѣрно въ участокъ Марыхны пошелъ, объявилъ Ласкій, усаживаясь за столъ рядомъ со своимъ тестемъ и принимаясь за редисы съ масломъ.—Я ему какъ-то сказалъ, что надо составить опись вещамъ, оставшимся послѣ старухи, ну вотъ, онъ туда и отправился вѣроятно.

— Могъ бы предупредить по крайней мѣрѣ, замѣтила Зося. И принялась разливать супъ.

Обѣдъ прошелъ весело, но вечеромъ, когда Павелъ Матвѣевичъ и къ ужину не явился, пани Рязанова опять забезпокоилась и опять стала упрекать мужа въ неуваженіи къ семьѣ.—Это онъ нарочно, чтобъ показать, что ему непріятно

присутствіе бабушки съ дѣдушкой, жаловалась она дочерямъ и Ласкію.

Этотъ послѣдній старался, по обыкновенію, обращать въ шутку ея подозрѣнія и безпокойство, но когда и ночью Рязановъ не вернулся, онъ рано утромъ самъ пошелъ его отыскивать и на полпути встрѣтился съ Габрысемъ, который сообщилъ ему роковую вѣсть.

Рязанова нашли мертвымъ въ хижинѣ Марыхны.

Пріятель Ласкія докторъ, за которымъ послали въ городъ, чтобъ освидѣтельствовать трупъ, далъ письменное удостовѣреніе въ томъ, что старшій лѣсничій умеръ скоропостижно отъ удара и посовѣтовалъ какъ можно скорѣе похоронить его. Время было жаркое, и онъ опасался заразы.

Поднялись было по околотку толки о томъ, будто въ этой внезапной смерти кроется нѣчто таинственное, поговаривали о нападеніи разбойниковъ и о самоубійствѣ, но слухи эти держались не долго, во-первыхъ, они ничѣмъ не подтверждались, а во-вторыхъ, покойникъ самъ по себѣ былъ такъ мало здѣсь популяренъ, что смертью его никто долго интересоваться не могъ. Близкіе къ нему люди, жена, дочери и прочіе родные разсказывали, что наканунѣ роковаго дня онъ былъ какъ всегда сосредоточенъ и молчаливъ, но задумчивость его всѣ приписывали разлукѣ съ сыномъ.

VII.

Развязка эта была для всѣхъ такою неожиданностью, что на мызѣ долго не могли придти въ себя и повѣрить случившемуся.

Прошло много времени послѣ того, какъ Павла Матвѣевича похоронили на маленькомъ кладбищѣ сосѣдняго села, а Ельжунѣ съ Ядзей все еще чудились его тяжелые шаги по лѣстницѣ, а по ночамъ, когда подымалась буря, имъ слышался его голосъ въ воѣ вѣтра, ломавшаго деревья въ лѣсу.

Часто сидя передъ столомъ съ зажженной лампой въ ожиданіи дѣда и Лудвига съ завода, сестры вздрагивали при каждомъ неожиданномъ шумѣ, переглядывались съ нѣмымъ ужасомъ и въ то время, какъ Ельжуня набожно крестилась, Ядзя тихо шептала:—Іезусъ, Марія! Мнѣ показалось, что это папа идетъ.

Мать ихъ этого не говорила и не крестилась, но блѣднѣла и низко опускала голову надъ работой, чтобъ дѣти не угадали мучившихъ ее мыслей по выраженію ея лица. Вообще печалью своей по мужѣ Зося приводила въ недоумѣніе всѣхъ окружающихъ. Она такъ измѣнилась, такъ постарѣла, что ее нельзя было узнать.

— И съ чего это она такъ убивается? Развѣ ей не лучше безъ него и развѣ онъ ей не былъ въ тягость? спрашивали себя и тѣ люди, что были къ ней близки, и тѣ, что только по наслышкѣ знали объ ея отношеніяхъ къ покойному Рязанову.

Ельжуня вышла замужъ за Лудвига недѣли три послѣ смерти отца. По многимъ причинамъ рѣшено было не дожидаться окончанія траура, между прочимъ потому, что Лудвигъ долженъ былъ поселиться на хуторѣ, чтобъ заняться новымъ заводомъ. Къ тому же бабушка съ дѣдушкой были уже здѣсь, и имъ не надо было во второй разъ пріѣзжать изъ Варшавы, чтобъ благословить внучку.

— А Сергусь? Вы его и на похороны отца не вызвали, неужели онъ и на свадьбѣ сестры не будетъ? спросила Ядзя.

Съ тѣхъ поръ какъ братъ уѣхалъ, она часто вспоминала про него;—первое время, чтобъ бранить его и всѣмъ жаловаться на его обиды, а потомъ, когда отца не стало, у Ядзи появилась большая нѣжность къ брату, она часто выражала желаніе его видѣть и спрашивала, когда же наконецъ ему напишутъ, чтобъ онъ къ нимъ пріѣхалъ?

— Да, да, надо, чтобъ Сергусь былъ на нашей свадьбѣ, объявила Ельжуня.

— Твоему жениху это будетъ непріятно, замѣтила мать, онъ знаетъ, что Сергусь его терпѣть не можетъ.

— Ну, это вздоръ вмѣшался въ разговоръ Ласкій,—за что Сергусю ненавидѣть Лудвига? Ему нельзя сюда пріѣхать совсѣмъ по другимъ причинамъ, а Лудвигъ тутъ ни при чемъ.

И пригнувшись къ Зосѣ, онъ продолжалъ, понижая голосъ, чтобъ быть услышаннымъ одною только ею:—Мальчикъ все тоскуетъ. Намеднись я видѣлся съ Гусевымъ, возьмите его отъ насъ, говоритъ, мы боимся, что онъ съ ума сойдетъ. Занятіе не по немъ, ни съ кѣмъ изъ сослуживцевъ сойтись не можетъ, да и что-за карьера! Нигдѣ курса не кончилъ, вѣдь дальше письмоводителя онъ у нихъ пойти не можетъ.

— Я все боюсь, какъ бы онъ не узналъ... Это будетъ ужасно,

если онъ узнаетъ! тихо прошептала пани Рязанова, вскидывая на своего зятя тревожный взглядъ.

— Ну, откуда же?.. Здѣсь одинъ только Габрысь могъ бы ему сказать, да и тотъ побоится, ему извѣстно, что я шутить не люблю... Но разумѣется, было бы лучше продержать его подольше далеко отсюда, проговорилъ раздумчиво Ласкій. И помолчавъ немного, онъ спросилъ:—Я хочу его въ университетъ отдать, какъ ты думаешь?

— Какъ хочешь, Владекъ, покорно отвѣчала пани Рязанова,—тебѣ лучше знать.

И вынувъ платокъ изъ кармана, она отерла слезы, выступившія у нея на глазахъ.

— Ну, не плачь, вѣдь ты же не виновата, что Павлусь не захотѣлъ жить, ласково проговорилъ Ласкій.—А мальчика мы отправимъ въ университетъ и сдѣлаемъ изъ него дѣльнаго и ученаго малаго, пусть не поминаетъ насъ лихомъ.

— Теперь все это можно, весело прибавилъ онъ, лукаво прищуриваясь.

Почему теперь? Панъ Ласкій затруднился бы отвѣчать на этотъ вопросъ, еслибъ ему предложили его, но дѣло въ томъ, что такъ или иначе, а онъ былъ правъ: съ тѣхъ поръ, какъ Рязановъ умеръ, все здѣсь шло отлично. Дѣдъ далъ сто тысячъ на заводъ, графъ Брониславъ разрѣшилъ взять изъ его капитала столько же, и самъ пріѣхалъ въ Варшаву, чтобъ подписать условіе съ новымъ компаньономъ, а оттуда онъ любезно принялъ приглашеніе пожаловать на мызу, гдѣ всѣхъ очаровалъ простотою обращенія и тѣмъ, что Лудвига звалъ кузеномъ, а Ельжуню кузиной, шутилъ съ Ядзей и приглашалъ ее въ Петербургъ посмотрѣть на тамошнихъ жениховъ, терпѣливо выслушивалъ болтовню стараго Скворчика и, расцѣловавъ на прощаніе ручки у дамъ, просилъ позволеніе пріѣхать сюда на будущій годъ на все лѣто. Послѣ его отъѣзда постройка завода пошла еще успѣшнѣе, и уже всѣ, даже скептики, подтрунивавшіе надъ претензіей Ласкія выстроить въ такое короткое время пивоваренный заводъ, должны были сознаться, что напрасно обвиняли его въ пустомъ хвастовствѣ; зима еще не наступила, а все ужь было готово, строеніе окончено, рабочіе наняты, хлѣбъ закупленъ, машины, выписанныя изъ-заграницы, разставлены по мѣстамъ, ждали только мастера, чтобъ пустить ихъ въ ходъ. Пивоваръ изъ

Саксоніи долженъ былъ пріѣхать на-дняхъ. Для него уже приготовили помѣщеніе въ сырной.

Дѣдъ Скворчикъ, прекомфортабельно устроившійся въ мезонинѣ, былъ вполнѣ доволенъ выпавшей на его долю дѣятельностью и всѣхъ приводилъ въ изумленіе искусствомъ торговаться съ подрядчиками и слѣдить за рабочими.

На мѣсто Павла Матвѣевича Ласкій опредѣлилъ сына одного изъ своихъ пріятелей, молодаго человѣка, недавно кончившаго курсъ въ технологическомъ институтѣ. Юркій, ловкій панъ Езебіушъ, былъ положительно на всѣ руки; онъ и на фортепьянахъ игралъ съ пани Лудвиговой, и на рапирахъ дрался съ ея мужемъ, и за Ядзей весьма осторожно ухаживалъ и преуморительно анекдоты разсказывалъ пану Ласкію, съ нимъ никогда нельзя было соскучиться. Говорили, что онъ перекрестъ изъ евреевъ, но такъ какъ это нисколько не мѣшало ему ладить съ жидами и даже при случаѣ, когда того требовалъ интересъ его довѣрителей, прижимать ихъ, то понятно, что относиться критически къ его происхожденію никому и въ голову не приходило.

Осень въ томъ году выдалась дождливая; съ октября зачастили ненастные дни, и Ельжуня такъ разнемоглась отъ беременности, такъ скучала отъ частыхъ отлучекъ мужа, что мать даже на одинъ день не рѣшалась ее покинуть и придралась къ этому случаю, чтобы отложить на неопредѣленное время свой отъѣздъ изъ хутора.

Рѣшено было отправить Ядзю одну въ Варшаву и поручить ее тамъ попеченіямъ бабушки и тетокъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Ласкій увлекся новымъ заводомъ, жена его тоже почти постоянно жила въ Варшавѣ, гдѣ у нея была прелестная квартира. Она любила веселиться не менѣе своей матери и сестеръ, дочерей у нея не было и вывозить въ свѣтъ хорошенькую племянницу было для нея наслажденіемъ.

Самъ же Ласкій, между тѣмъ, пристрастился къ пивоваренному дѣлу и по цѣлымъ недѣлямъ гащивалъ на мызѣ. Онъ любилъ повторять, что чувствуетъ себя здѣсь лучше, чѣмъ гдѣ-либо, что Лудвигъ съ Ельжуней его дѣти, что только для нихъ теперь онъ и живетъ, и работаетъ. Здѣсь онъ и раньше былъ желанный гость, а послѣ смерти Рязанова, когда семья, освободившись отъ чужаго, пришлаго элемента, отравлявшаго ея существованіе, сплотилась еще тѣснѣе и любовнѣе прож-

няго, Ласкій особенно нѣжно прильнулъ душой къ вдовѣ Павла Матвѣевича и къ ея дѣтямъ и взялъ ихъ подъ свое особенное покровительство. Участіе его простиралось и на Сергѣя, онъ часто поговаривалъ о необходимости дать ему скорѣе возможность поступить въ университетъ и искренно досадовалъ на то, что хлопоты по заводу и частыя отлучки Лудвига до сихъ поръ мѣшаютъ ему серьезно заняться судьбою племянника.

Во время пріѣздовъ своихъ на мызу онъ занималъ кабинетъ покойнаго Рязанова. Въ эту комнату, которая отдѣлялась отъ гостиной и спальни молодыхъ длинной столовой, перевезли мало по малу множество принадлежавшихъ ему вещей изъ города: его любимое кресло, письменный столъ, пропасть книгъ, нѣсколько картинъ и гравюръ, цѣлый арсеналъ всевозможнаго оружія, а изъ окна, выходившаго въ садъ для большаго удобства, прорубили дверь, черезъ которую съ ранняго утра приходилъ къ нему разный грязный людъ по дѣламъ, подрядчики, рабочіе, лѣсные сторожа, въ тяжелыхъ смазныхъ сапогахъ, обитыхъ гвоздями, въ вонючихъ тулупахъ.

Вечеромъ, когда работа кончалась, Ласкій обыкновенно запиралъ эту дверь на ключъ и приходилъ въ гостиную. Съ газетой въ рукахъ примащивался онъ къ большому круглому столу, за которымъ Зося съ дочерью работали надъ приданымъ для ожидаемаго ребенка, а дѣдъ игралъ въ пикетъ съ Лудвигомъ и, поболтавши съ ними часокъ другой, отправлялся назадъ въ кабинетъ. Но въ началѣ ноября Лудвига вытребовали депешей въ Петербургъ, дѣдъ уѣхалъ на недѣльку въ Варшаву, а у Ласкія накоплялось столько работы за день, что онъ вплоть до ужина просиживалъ у себя за письменнымъ столомъ, и Зося съ Ельжуней, волей неволей, должны были коротать длинные, темные вечера вдвоемъ.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, когда пани Рязанова была особенно молчалива и скучна, а дочь ея капризнѣе и раздражительнѣе обыкновеннаго, разговоръ между ними послѣ двухъ-трехъ незначительныхъ фразъ, черезъ силу вымолвленныхъ, совершенно смолкъ, и мертвая тишина, царившая въ домѣ, долгое время нарушалась однимъ только однообразнымъ стукомъ дождевыхъ капель о стекла. Ожидаемаго утромъ письма отъ мужа Ельжуня не получила, и представленія одно другаго мрачнѣе одолѣвали ее. Въ болѣзненно разстроенномъ воображеніи мелькали крушенія поѣздовъ, бѣснующіяся лошади, внезапное заболѣваніе, смертельныя увѣчья и тому подобные ужа-

сы, отъ которыхъ, увы, ни одинъ изъ смертныхъ не застрахованъ, а стало быть также и ея милый Лудвигъ. Къ тому же, она и сама чувствовала себя сегодня хуже обыкновеннаго, боль въ спинѣ, истома во всемъ тѣлѣ и тяжесть ноши, увеличивающейся съ каждымъ днемъ, постоянно напоминали о томъ, что такъ хотѣлось забыть: неминуемую развязку съ страшными муками, ожидавшую ее въ скоромъ времени.

И всегда-то Ельжуня большимъ запасомъ гражданскаго мужества и благоразумія не обладала, но сегодня ей было какъ-то особенно жутко и тоскливо. Вліяла погода вѣроятно. Она была преотвратительная; весь день безъ передышки шелъ дождь; ни разу не пыталось солнышко проглянуть сквозь грязно-сѣрыя облака, густыми клочьями обволакивающія небо, а подъ вечеръ поднялась буря и до сихъ поръ не унималась. Вой вѣтра и трескъ ломающихся отъ него деревьевъ въ лѣсу навѣвалъ отчаяніе и тоску на душу, мрачныя предчувствія до боли щемили сердце, и слезы подступали къ горлу.

— Когда же, наконецъ, этотъ противный графъ перестанетъ вызывать Лудвига въ Петербургъ! протянула Ельжуня плаксиво, бросая недошитый дѣтскій чепчикъ на столъ и откидываясь на спинку кресла.

Пани Рязанова оторвалась отъ своихъ думъ, чтобъ остановить долгій и внимательный взглядъ на дочери.

Лицо Ельжуни показалось ей страшно измѣнившимся. Губы и носъ вспухли, глаза ввалились, и подъ ними кожа принимала синеватый оттѣнокъ. Она дышала тяжело и прерывисто, точно задыхаясь отъ усталости, и станъ ея такъ безобразно вздувался, что мать ея невольно подумала:—„неужели ей еще не скоро родить?“

Не успѣлъ вопросъ этотъ промелькнуть въ ея головѣ, какъ за нимъ явился другой, и не отдавая себѣ отчета, для чего именно ей нужно это знать, пани Рязанова стала мысленно высчитывать, сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ у нея была та непріятная сцена съ мужемъ въ сырной за то, что онъ позволилъ себѣ клеветать на дочь.

— Я, право, не понимаю, что со мною дѣлается, мама, продолжала между тѣмъ жаловаться Ельжуня,—мнѣ такъ грустно, такъ грустно, каждую минуту плакать хочется.

— Это нервы, дитя мое, отрывисто замѣтила мать, досадуя слегка на то, что прервали нить ея мыслей.

Сцена въ сырной произошла въ половинѣ іюня, продол-

жала она припоминать, не переставая дѣятельно съ лихорадочнымъ рвеніемъ работать иголкой надъ кусками скроеннаго полотна и батиста. Да, въ половинѣ іюня... Ей это было очень памятно, у нихъ тогда гостила пани Мелентовичъ съ дочерью и тотъ молодой человѣкъ изъ Варшавы, который такъ мастерски играетъ Шумана... А теперь ноябрь, стало быть съ тѣхъ поръ прошло пять мѣсяцевъ. Только пять мѣсяцевъ...

Она опять глянула на дочь и еще больше убѣдилась въ томъ, что Ельжуня должна родить много раньше, чѣмъ предполагаютъ. Но въ такомъ случаѣ, значитъ, покойный ея мужъ былъ правъ, значитъ, у ея дочери была причина прибѣгать къ Марыхнѣ за снадобьемъ? спрашивала она себя съ горькимъ недоумѣніемъ.

А у Ельжуни нервный припадокъ, готовившійся съ утра, разразился не на шутку; съ истерическимъ рыданіемъ вскричала она въ отвѣтъ на замѣчаніе матери:

— Ахъ, мама, ты все свое—нервы! Да развѣ мнѣ отъ этого легче? Еслибъ ты только знала, какъ я страдаю! У меня все, все болитъ! Я увѣрена, что не перенесу родовъ, увѣрена! увѣрена! повторяла она, заливаясь слезами.—Вотъ почему мнѣ такъ не хотѣлось отпускать Лудвига! Зачѣмъ вы ему позволили уѣхать? Это просто жестоко, это безчеловѣчно съ вашей стороны, я безъ него умру... онъ пріѣдетъ и застанетъ меня мертвой, въ гробу! Да, да, въ гробу, вотъ увидите, что именно такъ и будетъ!

— Лудвигъ пріѣдетъ черезъ двѣ недѣли, а тебѣ еще не скоро родить, замѣтила мать.

Но Ельжуня стояла на своемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я знаю, что умру безъ него, знаю, знаю, у меня предчувствіе, повторяла она прерывающимся отъ рыданій голосомъ.

Пани Рязанова поднялась съ мѣста и принесла изъ сосѣдней комнаты капли, прописанныя докторомъ для подобныхъ случаевъ, налила ихъ въ стаканъ съ водой и заставила дочь выпить нѣсколько глотковъ. Капли эти всегда отлично на нее дѣйствовали, да и отъ пролитыхъ слезъ она уже чувствовала облегченіе и мало по малу стала успокоиваться.

— А все-таки не мѣшаетъ завтра послать за акушеркой, сказала она, улыбаясь сквозь слезы. Я, право, боюсь, мнѣ все кажется, что ужь скоро...

Страшное слово не выговаривалось, и она окончила начатую фразу легкимъ вздохомъ.

Въ другое время пани Рязанова поспѣшила бы разогнать мрачныя мысли дочери, обращая ея вниманіе на болѣе пріятные предметы, напомнила бы ей о ребенкѣ, который долженъ былъ появиться на свѣтъ, о нѣжно-любимомъ мужѣ, о предполагаемой поѣздкѣ въ Варшаву на праздникахъ, но сегодня она сама была слишкомъ удручена нравственно, чтобъ притворяться спокойной и веселой. Ухаживанье за дочерью на одну только минуту отвлекло ее отъ неотвязно преслѣдовавшаго ее вопроса, и по мѣрѣ того, какъ Ельжуня успокоивалась, пани Рязанова становилась озабоченнѣе и печальнѣе.

— Дитя мое, спросила она вдругъ,—скажи мнѣ пожалуйста, пользовалась ты снадобьемъ, взятымъ у Марыхны или нѣтъ?

Она низко пригнулась къ работѣ, произнося эти слова, чтобъ скрыть свое собственное волненіе и не видѣть смущенія дочери. Но предосторожность эта была излишняя, на лицѣ Ельжуни не выразилось ни смущенія, ни гнѣва, она только удивилась немножко и не вдругъ поняла предложенный вопросъ, а поняви его, разсмѣялась.

— Это ты про ту гадость вспомнила, что Марыхна мнѣ дала? наивно переспросила она.—Да вѣдь это было давно, я тогда еще не знала навѣрное, чѣмъ у насъ кончится съ Лудвигомъ, и на меня, по временамъ, находило такое отчаяніе, что я даже топиться хотѣла, ей-Богу!

Какъ далеко было отъ нея теперь то время! Такъ далеко, что она даже безъ смѣха не могла вспомнить про него.

Да и понятно, съ тѣхъ поръ ей выпало на долю столько пріятныхъ ощущеній, она была такъ счастлива любовью мужа и баловствомъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, будущее сулило ей столько прекраснаго, что прошлое, со всѣми своими печалями, давнымъ давно перестало существовать для нея.

А мать ея, напротивъ того, никакъ не могла оторваться отъ этого прошлаго. Ярко и живо воскресало оно въ ея памяти, съ такими подробностями, которымъ она раньше не придавала ни малѣйшаго значенія, мимо которыхъ проходила съ затуманенными предразсудкомъ глазами, равнодушная и холодная, а теперь изъ всѣхъ этихъ мелочей образовалась такая подавляющая масса безпощадныхъ уликъ и неопровержимыхъ доказательствъ, что она изнемогала подъ ними и съ тоской

себя спрашивала: какъ могла она быть такъ легкомысленна, жестока и несправедлива въ своемъ слѣпомъ фанатизмѣ?

Ни разу въ двадцать лѣтъ совмѣстной жизни съ человѣкомъ, виновнымъ передъ нею однимъ только тѣмъ, что онъ былъ русскій и любилъ ее слишкомъ нѣжно, не отрѣшилась она ни на одно мгновеніе отъ предвзятыхъ идей, навинченныхъ ей съ дѣтства окружающей средой, ни разу не переставала быть полькой! Для этого она систематически заглушала въ себѣ всѣ человѣческіе инстинкты, стыдилась проявить малѣйшій порывъ любви, благодарности, жалости къ мужу. Онъ такъ и умеръ, не примирившись съ нею, умеръ съ чувствомъ горькой обиды въ сердцѣ, съ убѣжденіемъ, что тѣ, кого онъ возлюбилъ больше жизни, къ нему жестоки, несправедливы и останутся такими до конца, никогда не захотятъ его понять и что жить ему не для чего. Это она довела его до самоубійства, она! Онъ даже не оставилъ послѣ себя записки, объясняющей причину его отчаянія, такъ мало разсчитывалъ онъ на милосердіе окружавшей его семьи, такъ былъ онъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что даже и послѣ смерти не захотятъ его понять и каждое его слово истолкуютъ превратно. Но онъ ошибался, она теперь поняла его, ей его жалко, она его любитъ... Ей даже порой кажется, что мертвый онъ ей дороже всѣхъ живыхъ...

Она охладѣла къ дочерямъ съ тѣхъ поръ, какъ его нѣтъ, къ обществу, ко всему, что ей было такъ дорого прежде, безъ чего она жить не могла, ей теперь одно только нужно—оставаться одной, думать о немъ, терзаться раскаяніемъ... Да, ей ничего теперь больше не остается, какъ терзаться раскаяніемъ. Мертвые не воскресаютъ.

Тишина, воцарившаяся въ домѣ, становилась все глубже и глубже, и ничто не мѣшало ей думать и припоминать. Въ столовой часы давно пробили двѣнадцать, и всѣ обитатели мызы спали глубокимъ сномъ. Ни въ одномъ окнѣ, кромѣ той комнаты, гдѣ она сидѣла съ дочерью, да кабинета, гдѣ работалъ Ласкій, не видно было огня.

Вѣтеръ унялся; буря, затихая, унеслась куда-то далеко, и только дождь продолжалъ стучать въ стекла.

Ельжуня отъ легкой дозы опіума, примѣшанной къ принятому лѣкарству, давно заснула въ своемъ креслѣ, сладкимъ мирнымъ сномъ наплакавшагося ребенка, и мать уже подумывала о томъ, что пора ееразбудить и уложить въ постель, какъ вдругъ, какой-то

странный шумъ, внезапно поднявшійся въ противуположномъ концѣ дома, заставилъ пани Рязанову вздрогнуть и прислушаться. Точно кто-то силой врывался въ домъ. Залаялъ короткимъ лаемъ, спущенный съ цѣпи на ночь, сторожевой песъ и почти тотчасъ же смолкъ. Но возня продолжалась, что-то тяжелое съ глухимъ грохотомъ свалилось на полъ, и вдругъ раздался выстрѣлъ.

Въ испугѣ сорвалась она съ мѣста и, пробѣжавъ въ одно мгновеніе темную, длинную столовую, очутилась у стѣны, отдѣлявшей эту комнату отъ кабинета. Тутъ она остановилась и стала прислушиваться. Вторгаться въ комнату зятя, не узнавши, въ чемъ дѣло и какого рода опасность ему грозитъ, ей казалось неудобнымъ. Можетъ быть, слышанный ею шумъ былъ ничто иное, какъ дѣйствіе ея воображенія. Гдѣ-нибудь распахнулась рама отъ вѣтра, и она приняла это за выстрѣлъ. Однако, продолжая прислушиваться, она стала довольно явственно различать голоса за стѣной. Ласкій былъ не одинъ въ кабинетѣ, онъ съ кѣмъ-то разговаривалъ. Впрочемъ, голоса не возвышались, и никто на помощь не звалъ, стало быть, ничего особенно страшнаго не произошло, а просто кто-нибудь, вѣроятно, изъ служащихъ на заводѣ, пришелъ къ управляющему по дѣлу или за лѣкарствомъ для внезапно заболѣвшаго рабочаго, а можетъ быть конторщикъ, отправлявшійся рано утромъ въ городъ на почту, зашелъ за письмами?

И чего она такъ испугалась? Никакого выстрѣла не было, да и быть не могло. Послѣ выстрѣла Ласкій не разговаривалъ бы такъ спокойно, даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ онъ остался цѣлъ и невредимъ.

Все это она повторяла себѣ на тысячу ладовъ, но сердце продолжало такъ биться, какъ будто оно хотѣло выскочить изъ груди, духъ захватывало отъ волненія, и идти къ себѣ въ комнату, не узнавши, съ кѣмъ Ласкій говоритъ, она была положительно не въ силахъ.

Ужь не гонецъ ли это съ депешей изъ Варшавы? Не случилось ли чего съ стариками или какой-нибудь бѣды съ Ядзей? А можетъ быть съ Людвигомъ?

Дольше терзаться неизвѣстностью было слишкомъ мучительно, и она прошла въ корридоръ, гдѣ находилась дверь въ кабинетъ.

Дверь была плотно приперта, но изъ-подъ нея пронизывалась яркая полоса свѣта отъ зажженой лампы на письменномъ

столѣ, и говоръ оттуда доносился сюда не глухимъ гуломъ, какъ въ столовой, а совсѣмъ явственно. Будь Зося менѣе взволнована, она могла бы даже понять, о чемъ идетъ рѣчь между паномъ Ласкіемъ и его таинственнымъ посѣтителемъ, но она была объята такимъ смятеніемъ, столько разнообразныхъ чувствъ волновали ей душу, что у нея звенѣло въ ушахъ, ноги подкашивались, и едва хватило силы отворить дверь и переступить порогъ.

Тутъ она остановилась, какъ вкопанная. Среди комнаты, противъ окна, передѣланнаго въ дверь, стоялъ Ласкій, безъ сюртука, въ окровавленной рубашкѣ, съ протянутой рукой, которую ему перевязывалъ полотенцемъ повыше локтя ея мужъ...

Да, мужъ. Не такой, какимъ онъ умеръ, опустившійся и раньше времени состарившійся, съ потухшимъ, блуждающимъ взоромъ и робкой, печальной улыбкой, а молодой, съ ясными влюбленными глазами и густыми русыми кудрями, такой, однимъ словомъ, какимъ онъ предсталъ передъ нею двадцать лѣтъ тому назадъ.

Но это была одна только иллюзія, мертвые не воскресаютъ, и того, что прошло, не воротишь. Зося очнулась и узнала сына.

На полу лежало опрокинутое кресло, брошенное ружье и, свалившаяся съ этажерки во время борьбы, куча книгъ.

Дверь въ садъ была растворена настежь, и въ нее врывался холодный сырой воздухъ, но, повидимому, ни Ласкій, ни Сергѣй не чувствовали холода. Оба были блѣдны, у юноши пальцы, затягивавшіе импровизированный бинтъ, замѣтно дрожали, а въ голосѣ дяди слышалась необычная хрипота, но вотъ и все, никакихъ другихъ признаковъ гнѣва или испуга, ни тотъ, ни другой не проявлялъ.

Было, можетъ быть, нѣчто подобное раньше, когда Зося услышала изъ гостиной шумъ и выстрѣлъ, но теперь Ласкій казался совершенно спокойнымъ и даже усмѣхался своей обычной ироническій усмѣшкой, а Сергѣй слушалъ его, сдвинувъ брови и устремивъ задумчивый взглядъ въ пространство.

Эту привычку пристально всматриваться вдаль, въ минуты сильнаго душевнаго смятенія и борьбы, онъ тоже унаслѣдовалъ отъ отца.

— Это ты, Зося? спросилъ Ласкій, оборачиваясь къ двери.

— Услышала, вѣрно, шумъ и забезпокоилась? Вотъ, и объ

этомъ тебѣ бы слѣдовало подумать, мой кохане, обратился онъ съ ласковымъ упрекомъ къ Сергѣю, который при появленіи матери вспыхнулъ и потупился.

— Ну, войди ужь, если пришла, продолжалъ Ласкій.—Мы хотѣли было отъ тебя скрыть... я ему обѣщалъ... но ты насъ застала въ такомъ видѣ... Спасибо, милѣйшій, отлично ты мнѣ сдѣлалъ перевязку, какъ настоящій фельдшеръ, право!.. Теперь ужь надо тебѣ все сказать, Зося. Онъ, видишь, прибѣжалъ сюда какъ съумасшедшій, съ тѣмъ, чтобъ меня убить. Ты не вѣришь? Честное слово! Да вотъ спроси у него, онъ самъ тебѣ скажетъ, не правда ли, мой кохане? обращался онъ съ усмѣшкой то къ Сергѣю, то къ его матери.

И не дождавшись отвѣта, прибавилъ все тѣмъ же шутливымъ, беззаботнымъ тономъ. — Ему, видишь, этотъ старый шутъ Габрысъ проболтался, что нашъ бѣдный Павлусъ не ударомъ умеръ, а застрѣлился. И будто бы это случилось вслѣдствіе какого-то непріятнаго разговора со мною... Ну, мальчикъ и осатанѣлъ, конечно, я это понимаю. Онъ былъ не въ своемъ умѣ, когда вбѣжалъ сюда, точно бѣшеный съ цѣпи сорвался, и съ заряженнымъ ружьемъ... Хорошо, что промахнулся. Одну только мякоть задѣло, у меня тутъ жиру много, ха, ха, ха! Мнѣ смѣшно, что онъ больше меня испугался. Самъ напроказилъ и самъ же испугался...

Пани Рязанова слушала его молча и съ широко раскрытыми отъ ужаса глазами. И вдругъ, отъ наплыва чувствъ у нея точно порвалось что-то въ груди, слезы градомъ полились изъ глазъ, и она съ распростертыми объятіями кинулась къ сыну.

— Это я, я одна во всемъ виновата! Прости меня, не проклинай! Мальчикъ мой дорогой, не проклинай меня, шептала она безсвязно, прижимая его къ своей груди.—Тебѣ я не дамъ умереть, тебя я буду любить!..

Сергѣй зашатался, грохнулся передъ нею на колѣни и громко зарыдалъ, покрывая ея руки поцѣлуями.

Они были одни. Ласкій, накинувъ на себя халатъ, тихонько вышелъ изъ комнаты и притворилъ за собою дверь. Со свойственнымъ ему тактомъ, онъ тотчасъ же сообразилъ, что послѣ подобнаго вступленія, бесѣда между Зосей и сыномъ продолжится долго и что мѣшать имъ не слѣдуетъ.

На слѣдующее утро вѣсть о случившемся на мызѣ Ряза-

новой разнеслась по всему околодку. Разсказывали съ большими подробностями, какъ панъ Ласкій, перевѣшивая заряженное ружье съ одного мѣста на другое, уронилъ его и ранилъ себя въ руку, и какъ кстати подоспѣлъ къ этому времени, пріѣхавшій изъ города, молодой Рязановъ. Весь домъ спалъ мертвымъ сномъ, и панъ Ласкій потерялъ бы вдвое больше крови, еслибъ племянникъ не поспѣшилъ забинтовать ему руку и не предупредилъ воспаленіе компрессами холодной воды, которые онъ всю ночь прикладывалъ ему къ ранѣ.

Н. СЕВЕРИНЪ.

ЗАПИСКИ ГРЯЗЕВА,[1]

сподвижника Суворова въ итальянскомъ походѣ.

(*Продолженіе*).

1799.

Апрѣль 1.—Форсированный маршъ до города *Колиньяно*. 10 миль; переходъ слишкомъ тяжелый и утомительный, продолжавшійся безъ отдыха 36 часовъ; къ тому же ненастная погода и трудная дорога или каменистая, или топкая, еще болѣе ослабили силы наши такъ, что на другой день едва человѣкъ сто изо всего полку до назначеннаго мѣста придти могли, прочіе же въ разныхъ мѣстахъ по пути растянулись и оставались отъ изнеможенія и недостатка въ обуви; ибо курносые и неспособные для такихъ маршей башмаки развалились, и многіе принуждены были идти босикомъ. То же самое послѣдовало и во всѣхъ полкахъ нашего корпуса. Здѣсь почувствовали мы духъ Суворова.

2.—Отдохновеніе, по причинѣ сбора людей, которые однако же не такъ поспѣшно собирались. Полкъ стоялъ въ одной холодной казармѣ безъ постилки, а пища наша состояла въ однихъ сухаряхъ, имѣя оныхъ трехдневную пропорцію на себя.

3.—Форсированный маршъ до города *Кастельфранко*, 7 миль, куда весьма поздно прибыли, и опять большая часть людей осталась на пути. Полкъ помѣщенъ былъ также въ одной холодной казармѣ и совсѣмъ безъ пищи; и положенная пропорція провіанта вышла, а въ заготовленіи на семъ мѣстѣ онаго не было по той причинѣ, что австрійскіе коммисары не успѣвали предварять ходъ нашъ, а сверхъ того и не знали, когда и гдѣ именно заготовить оный должно.—Это прямо по словамъ Суворова: „*голова хвоста не ждетъ, и солдатъ не объѣдается*“.

[1]) См. „Русскій Вѣстникъ“ 1890 г., книга 2.

4. — Форсированный маршъ чрезъ городъ *Бассано*, до города *Виченцы*, 8 миль. Переходъ также весьма трудный; поелику силы наши день ото дня и при такихъ недостаткахъ приходили въ изнеможеніе, сдѣлавши сряду столько длинныхъ и форсированныхъ маршей; но недостатокъ въ обуви, казалось, удручалъ людей болѣе, нежели недостатокъ въ пищѣ, такъ что отъ одного нашего полка болѣе 500 человѣкъ не въ состояніи были идти, но везлись на большихъ дрогахъ, запряженныхъ парами воловъ. Ту же самую участь имѣли и всѣ полки нашего корпуса.

Весьма пріятно пользоваться справедливою довѣренностію и предпочтеніемъ начальника, но случаются минуты, когда сіи преимущества бываютъ болѣе отяготительны, нежели пріятны. Эта истина совершилась надо мною. Почтенный нашъ старецъ и шефъ полка, генералъ отъ инфантеріи Розенбергъ, сопровождавшій подъ единственнымъ своимъ начальствомъ весь заграничный корпусъ, по прибытіи въ армію фельдмаршала Суворова, лишился званія главнокомандующаго и принялъ въ свое начальство одно половинное отдѣленіе нашего корпуса. Когда же форсированные марши ощутительно разстроили порядочный ходъ войска и изъ одного нашего полку, какъ я уже сказалъ, осталось на пути болѣе 500 человѣкъ, то генералъ Розенбергъ, по отличной своей ко мнѣ довѣренности препоручаетъ мнѣ ихъ собрать и немедленно присоединить къ полку.

Въ военной службѣ отговорокъ нѣтъ; я бы могъ сказать, что это дѣло штабъ-офицера, что я имѣю роту, которою обязанъ заняться наиболѣе въ такомъ критическомъ положеніи и прочее, но должно было повиноваться. Я отправляюсь назадъ; отовсюду, гдѣ только было возможно, и всякими образами, достаю я дрогъ съ волами, собираю разсѣянныхъ людей и на длинномъ разстояніи, усаживаю несчастныхъ босыхъ, изнуренныхъ усталостію, томимыхъ голодомъ; представляю имъ минутные труды, по требованію обстоятельствъ встрѣтившіеся; что за сими ожидаетъ ихъ слава и изобиліе всякаго рода; что русскимъ не прилично ослабѣвать въ духѣ, и особенно въ землѣ чуждой, гдѣ взоры всѣхъ устремлены на нихъ, какъ на исполиновъ мужества, какъ на своихъ избавителей; что безтрепетный Суворовъ ожидаетъ ихъ впереди съ приготовленными побѣдами; что признательный монархъ наградитъ ихъ за всѣ понесенные ими труды и прочее. Но на всѣхъ ли безъ изъятія могли подѣйствовать мои убѣжденія? Я не имѣлъ возможности

разсадить всѣхъ на повозки, хотя гренадеры кучами на нихъ валились, и могучіе волы едва двигались отъ тягости, но большая часть поперемѣнно тащилась пѣшкомъ съ босыми ногами по топямъ и острымъ каменьямъ, проклиная и славу и нечестивыхъ французовъ, извлекшихъ ихъ изъ своего мирнаго, благословеннаго отечества, и ропотъ усилился до того, что я не въ силахъ былъ укротить его ни строгостію, ни убѣжденіями. Такое мучительное положеніе поставило меня въ подобное состояніе. Я бы лучше согласился обнажить грудь свою противъ тысячи враговъ и умереть на полѣ чести, нежели сражаться со стихіями, устраивать и укрощать 500 огорченныхъ душъ, которыхъ каждый шагъ запечатлѣнъ и кровію и проклятіемъ; и я долженъ былъ все это слышать, все чувствовать, и быть свидѣтелемъ и участникомъ сихъ ужасовъ безчеловѣчія и страдать подъ игомъ самовластія и чуждаго честолюбія. Вотъ чего стоитъ часто слава одного лица! Если счастіе улыбается для него, тогда всѣ его превозносятъ, и слава льется на него рѣкою, и награды сыплятся въ изобиліи; но когда бы знали они жертвы, коими все сіе пріобрѣтено, тогда бы ихъ восторги превратились въ состраданіе и укоризну.—Вѣроятно и Суворовъ зналъ все это, но онъ не хотѣлъ знать, и предпріимчивый его геній парилъ орломъ надъ супостатами и почиталъ уже ихъ своею вѣрною добычею. Наконецъ 5-го поутру, прихожу я въ городъ Виченцу, гдѣ находилась главная квартира, и даю отчетъ въ исполненіи порученной мнѣ операціи. Здѣсь увидѣлъ я опять свѣтъ, успокоился и освѣжился. Человѣкъ! минута радости—и ты забываешь все... Городъ Виченца не обширный, но прекрасный въ Италіи; жителей всякаго состоянія довольно; торговля и промышленность значительны. Здѣсь есть шелковыя мануфактуры, приводимыя въ дѣйствіе водою; Олимпійскій театръ, построенный славнымъ въ древности архитекторомъ Палладіемъ и въ древнемъ греческомъ вкусѣ, коего внутреннее украшеніе своею выпуклою работою представляетъ городскія палаты съ ихъ портиками. Жители сего прекраснаго города были столько нашимъ пребываніемъ обрадованы, что угощали войска съ такою роскошію, какъ бы мы и ожидать не могли и какъ будто бы въ награду за всѣ наши претерпѣнія и горести. Сей день провели мы здѣсь сколько для отдохновенія и для сбора людей, еще оставшихся на пути, столько и для того, чтобы дать время пройти водамъ, разлив-

шимся по дорогамъ отъ безпрерывныхъ и сильныхъ дождей, а потомъ и исправиться нѣсколько обувью.

6.—Форсированный маршъ до города *Вероны*, 6 миль. Воины наши, отдохнувшіе, подкрѣпившіеся хорошею пищею и нѣсколько исправившіеся обувью въ Виченцѣ, пришли сюда безъ большаго затрудненія, а притомъ и ненастная погода измѣнилась на благопріятную. Верона есть весьма древній, большой и наипрекраснѣйшій городъ въ Италіи. Я доселѣ еще никакимъ иностраннымъ городомъ не былъ столько восхищенъ, какъ Вероною. Надобно его представить въ самомъ лучшемъ видѣ въ разсужденіи всѣхъ частей, его составляющихъ, какъ-то правильнаго его расположенія, великолѣпныхъ зданій и прелестнаго положенія мѣста. Большая рѣка Адижъ служитъ ему украшеніемъ. Соборная церковь на площади, въ готическомъ вкусѣ; три площади, изъ коихъ одна весьма обширная, называвшаяся въ древнія времена народною и гдѣ видны еще остатки также древняго амфитеатра, построеннаго въ полуцыркулѣ еще при Неронѣ, императорѣ римскомъ, вмѣщавшаго въ себѣ до 20.000 человѣкъ; ибо сей городъ былъ для него самымъ любезнѣйшимъ на счетъ веселостей, коимъ онъ совершенно былъ преданъ. Здѣшніе жители и понынѣ сохраняютъ обычай къ открытой и независимой жизни. Театръ довольно обширный, и все, его составляющее, превосходно, la prima Donna есть изъ лучшихъ пѣвицъ въ Италіи. Торговля весьма въ хорошемъ состояніи, наиболѣе шелковыми произведеніями своихъ мануфактуръ. Художниковъ всякаго рода здѣсь такое изобиліе, что нижніе этажи домовъ всего города представляютъ изъ себя плѣнительную картину, составленную изъ различныхъ лавокъ и работающихъ художниковъ, и все это такъ смѣшанно, такъ разнообразно, что утомленный взоръ не рѣшается, на чемъ бы ему для отдыха остановиться. Здѣсь ткутся шелковые чулки, и стальной станокъ, приводимый въ движеніе художникомъ, звенитъ какъ сто колокольчиковъ различнаго тона; рядомъ съ нимъ сидитъ сапожникъ, занимающійся своимъ мастерствомъ, и его лавка полна всякаго рода прекрасною обувью; тутъ ваятель и рѣщикъ трудится надъ какою-нибудь группою, и желаемые предметы родятся отъ рѣзца его; тамъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, обложенный кругомъ блестящими вещами, додѣлываетъ послѣднее колечко къ той цѣпи, которою какая-нибудь прелестница будетъ оковывать своихъ плѣнниковъ; здѣсь веселый бочаръ, напѣвая свою лю-

бимую пѣсенку, прилаживаетъ обручъ на бочку, и гулъ, отъ нея происходящій, вторитъ ему; тамъ часовщикъ предписываетъ законы времени; тамъ музыкантъ и виртуозъ—но это будетъ безконечно: солдатъ не долженъ развлекать себя такими нѣжностями. Ахъ, нѣтъ! признаюсь, видѣть что-нибудь новое, что-нибудь хорошее составляетъ мое удовольствіе. Здѣсь мы совершенно исправились всякаго рода обувью, не только необходимою, но и запасною. Вотъ примѣръ художественности и изобилія сего города! Вся дорога, идущая отъ Виченцы къ Веронѣ, есть безпрерывный садъ, изобилующій виноградомъ и многими другими плодовитыми деревьями.

7.—Маршъ до города Вильденфранко, 2 мили. Здѣсь соединился весь нашъ корпусъ, и отъ того были очень утѣснены въ квартирахъ.

8.—Маршъ до мѣстечка Монтечаро, 3 мили, при которомъ и расположились первымъ лагеремъ. Сего числа во всемъ нашемъ корпусѣ уменьшены обозы для составленія вагенбурга въ городѣ Веронѣ.

9.—Отдохновеніе. Наконецъ, бѣлые намёты соединили насъ въ одну массу, и мы составили одно семейство; но близкіе по сердцу собирались исключительно между собою и разсуждали о быстромъ и тягостномъ переходѣ нашего корпуса, совершившаго въ семь дней отъ города Виллаха до Вероны 51 милю или 360 верстъ, равнымъ образомъ и о предстоящихъ намъ подвигахъ, ибо непріятель находился отъ насъ весьма уже въ близкомъ разстояніи. Но, съ надеждою въ душѣ, ожидали сей рѣшительной минуты, когда нашъ безтрепетный вождь поведетъ насъ пожинать новые лавры, дабы доказать цѣлому свѣту, что мужество русскихъ неодолимо.

10.—Снявшись съ лагеря, пошли соединенно съ частью австрійскаго войска къ городу и крѣпости Бресчіи, гдѣ укрѣпились французы въ числѣ 3.100 человѣкъ, съ значительнымъ числомъ орудій.

Нашъ авангардъ, подъ начальствомъ полковника князя Петра Ивановича Багратіона, открылъ дѣйствіе. Слабое сопротивленіе непріятеля, соотвѣтствующее слабымъ его силамъ, увеличило мужество нашихъ героевъ, и авангардъ, овладѣвъ городомъ, заставилъ непріятеля ретироваться, кромѣ 1.300 человѣкъ съ орудіями, кои, укрѣпясь въ цитадели, намѣрены были защищаться. Такое малое число непріятеля не обратило на себя нашего вниманія, и осада цитадели была остановлена.

Посредствомъ парламентеровъ, непріятелю предложены были условія, и онъ рѣшился сдаться безъ сопротивленія военноплѣнными со всѣмъ своимъ начальствомъ и 30 орудіями артиллеріи съ ихъ принадлежностями и прочею аммуниціею и запаснымъ провіантомъ. Вотъ—наше первое дѣло! счастливый успѣхъ увѣнчалъ его, и тѣмъ пріятнѣе, что безъ пролитія съ обѣихъ сторонъ одной капли крови. Плѣнныхъ и крѣпость съ орудіями и со всѣми принадлежностями сдали въ вѣдомство своихъ союзниковъ-австрійцевъ, а сами, отступя на удобное мѣсто, расположились лагеремъ. Вліяніе, произведенное симъ успѣхомъ въ нашемъ войскѣ, столь ощутительно обнаружилось, что оно даже требовало, чтобы его вели къ новымъ побѣдамъ.

За одиннадцать дней передъ симъ, австрійскіе генералы Край и Беллегардъ одержали здѣсь знаменитую надъ французами побѣду, подъ начальствомъ ихъ генерала Шерера, въ ихъ войскѣ считающагося отличнѣйшимъ.

Суворову извѣстно было, что французы находились здѣсь въ большомъ количествѣ, почему онъ и спѣшилъ форсированными маршами, чтобы присоединиться къ корпусу австрійцевъ и общими силами, ударивъ на непріятеля, раздѣлить съ ними сію славу; но непріятель самъ предварилъ его намѣреніе, атаковалъ австрійскаго генерала Края и, проигравъ сраженіе, отступилъ къ городу Лекко, оставивъ въ Бресчіи небольшое прикрытіе своей ретирады.

Я догадываюсь, не подѣйствовало ли на непріятеля одно наше приближеніе, о коемъ онъ, безъ сомнѣнія, извѣстился, что, ослабивъ духъ его, произвело столь невыгодныя для него послѣдствія. Надо всегда такъ думать русскимъ, находясь подъ начальствомъ искуснаго и счастливаго полководца.

11.—Отдохновеніе. Въ ночь снялись съ лагеря и слѣдовали по пути къ деревнѣ Парацоло вслѣдъ за отступающимъ непріятелемъ, куда 12-го въ восемь часовъ утра прибыли. Здѣсь французы вознамѣрились утвердиться или, по крайней мѣрѣ, учинить остановку нашему быстрому ходу; но полевая наша артиллерія начала дѣйствовать и принудила замолчать ихъ батарею; пѣхотѣ же и казакамъ дѣйствовать было невозможно, ибо ретирующійся непріятель разломалъ на рѣкѣ мостъ, который, однако жъ, къ слѣдующему дню былъ исправленъ.

13.—Поутру заняли мы деревню Парацоло, изъ которой непріятель, по маломъ сопротивленіи, отступилъ въ безпорядкѣ

къ городу Бергамо, до котораго наши казаки его преслѣдовали, множество побили и въ плѣнъ взяли съ 14-ю орудіями. Къ вечеру очистили отъ непріятеля городъ Бергамо, заняли оный и, найдя здѣсь большой запасъ французскихъ бѣлыхъ сухарей, раздѣлили оный для употребленія въ пищу и тутъ спокойно провели ночь.

14.—Съ разсвѣтомъ дня, имѣя уже открытый и свободный путь, слѣдовали мы къ городу Лекко, гдѣ укрѣпился непріятель въ большомъ количествѣ; сюда же присоединились и отступившіе изъ Бресчіи и Бергамо, всего же по извѣстіямъ составилось у него до 8.000 человѣкъ, но съ великимъ недостаткомъ въ артиллеріи.

Положеніе города Лекко есть чрезвычайное: онъ лежитъ на берегу озера Комо и рѣки, изъ онаго выходящей, на противоположной ея сторонѣ. Къ городу ведетъ узкое дефиле, состоящее изъ междугорія и продолжающееся около четырехъ верстъ; въ разсужденіи чего и наша артиллерія пройдти никакъ не могла; съ прочихъ сторонъ городъ окруженъ неприступными горами, которыхъ обойдти было невозможно также, какъ и глубокаго озера, защищаемаго ружейнымъ непріятельскимъ огнемъ. Хотя казаки наши и покушались перейдти оное или переплыть на лошадяхъ, но всѣ ихъ усилія были тщетны, а потому и оставался къ приступу одинъ пунктъ со стороны дефиле.

Но для русскаго нѣтъ ничего невозможнаго. Австрійскихъ войскъ совсѣмъ здѣсь не было. Авангардъ князя Багратіона, состоящій изъ одного егерскаго его полка и двухъ сводныхъ баталіоновъ гренадеръ, открылъ дѣйствіе. Форштадтъ города, находящійся по эту сторону рѣки, занятъ былъ авангардомъ безъ важнѣйшаго сопротивленія, который мы, сикурсируя нашимъ полкомъ, также заняли, равно и овладѣли и прочими окружностями предмѣстья, нанося пораженія непріятелю въ разныхъ мѣстахъ небольшими частями и даже въ улицахъ, но мостомъ, защищеннымъ батареею, поставленною противъ онаго въ самомъ городѣ на другой сторонѣ рѣки и на одинъ пунктъ устремленною, никакъ овладѣть не могли, хотя нѣсколько разъ бросались на оный со штыками, но силою картечъ были всегда опрокидываемы съ урономъ изъ отважнѣйшихъ. Оставалось одно средство, чтобы не давать имъ усиливаться и овладѣть нашею стороною, почему и поставили мы изъ легкихъ полевыхъ орудій, съ большою трудностью сквозь дефилею пере-

правленныхъ, свою батарею и продолжали перестрѣлку до самаго вечера, которая только съ совершенною темнотою съ обѣихъ сторонъ прекратилась.

Между тѣмъ, дѣйствующія въ окружности нашей стороны имѣли достаточный успѣхъ и получили въ добычу нѣсколько плѣнныхъ.

Въ продолженіи ночи, когда общее спокойствіе возстановилось, поставлены были съ нашей стороны, въ приличныхъ мѣстахъ, пикеты для наблюденія, однако же ничего не произошло, хотя другъ отъ друга были въ близкомъ разстояніи, т. е. только за рѣкой. Непріятель развелъ огни по ту сторону города у подошвы примыкающей къ нему горы и намъ было видно безпрерывное его движеніе.

Догадки наши не обманули насъ, ибо съ разсвѣтомъ дня увидѣли мы, что непріятель, пользуясь темнотою ночи, оставилъ городъ и всѣ занимаемыя имъ мѣста и отступилъ далѣе, къ деревнѣ Верде.

Здѣсь начальствующій надъ французскими войсками былъ генералъ Моро. Число потери нашей: убито офицеровъ 5, ранено 8, нижнихъ чиновъ убито 110, ранено 200. Потеря непріятеля была совершенно неизвѣстна, но должно полагать въ четверо, ибо наши сражались какъ львы, бросались всюду, не взирая ни на какія опасности и неудобства, и еслибы мѣстное положеніе не ограничивало сего великаго духа, то ни одна бы французская душа не избѣгла бы всепоражающей и ожесточенной руки россіянина.

Въ доказательство критическаго мѣстоположенія города Лекко, я приведу здѣсь примѣръ, основанный на событіи: когда, въ первую кампанію германцевъ съ французами, занималъ его австрійскій генералъ-патріотъ графъ Вурмсеръ, тогда самъ пресловутый Бонапарте, желая овладѣть симъ мѣстомъ, потерялъ тутъ 17.000 человѣкъ и безъ успѣха отступилъ назадъ. Но, когда его золото, но не сила и его геній, подѣйствовали на вѣнскій военный совѣтъ, когда графъ Вурмсеръ былъ отозванъ и начальство было вручено другому, тогда французы заняли Лекко, какъ ключъ, отверзающій имъ путь къ границамъ Австріи,—но мы идемъ далѣе.

15.—На разсвѣтѣ выступили мы по тому же пути, переправляясь черезъ рѣку Адо по понтонному мосту, тутъ взяли роздыхъ, а подъ вечеръ продолжали свой маршъ къ городу Милану.

16.—Суворовъ, оставя насъ какъ бы въ сикурсѣ, перелетѣлъ къ австрійской арміи, занимающей свою позицію впереди насъ; онъ повелъ ее противъ непріятеля, расположеннаго при деревнѣ Верде, гдѣ присоединился уже и корпусъ ихъ, отступившій отъ Лекко. Сраженіе началось съ полудня и продолжалось до самаго вечера съ великимъ съ обѣихъ сторонъ упорствомъ; но присутствіе Суворова и искусныя его распоряженія преклонили побѣду на сторону австрійцевъ, и французы положили оружіе. Вѣроятно нѣмцы никогда такъ отчаянно не сражались, какъ въ сей разъ, и вотъ доказательство, сколько можетъ дѣйствовать довѣренность къ начальнику. Болѣе всѣхъ отличалась венгерская пѣхота и гусары. Главнокомандующій надъ французами былъ генералъ Серюрье, и какъ онъ, такъ и еще два генерала, значительное число офицеровъ и 4.500 рядовыхъ взяты въ плѣнъ съ 30-ю орудіями и со всѣми принадлежащими къ нимъ снарядами.

Мы къ сему дѣлу не подоспѣли и остановились ночевать въ полѣ, сожалѣя однако жъ, что слава не подѣлилась съ нами.

17.—На семъ же мѣстѣ отдохновеніе.

18.—Маршъ чрезъ изрядный городокъ Мунцо, коего жители съ радостью насъ встрѣтили и угощали полки виномъ, хлѣбомъ и солью, для чего мы на нѣсколько времени здѣсь и остановились. Потомъ продолжали нашъ путь до города Милана и по близости онаго расположились лагеремъ. Жители сего обширнаго города принудили занимающихъ его французовъ оставить, которые, занявъ цитадель, укрѣпились въ оной. Между тѣмъ, по предписанію Суворова, австрійская армія овладѣла двумя важными укрѣпленными мѣстами Кассана и Пескіера, вытѣснивъ изъ оныхъ французовъ и получивъ притомъ знатную добычу.

19.—Отдохновеніе.—Я былъ въ городѣ Миланѣ, въ сей величественной и обширной столицѣ Медіолана. Онъ лежитъ въ равнинѣ между рѣками Аддою и Тычино: построенъ галлами за 500 лѣтъ до Рождества Христова. Онъ обнесенъ весь каменною стѣною и глубокимъ рвомъ; устроенъ правильно и огромныхъ зданій множество, между коими отличается великолѣпная соборная церковь, какъ снаружи, такъ и внутри вся изъ бѣлаго и дикаго полированнаго мрамора сооруженная, который размѣщенъ по приличію, и стоющая многихъ милліоновъ: въ ней помѣщено около 4.000 марморныхъ статуй; тѣло святаго Карла Барромея, епископа медіоланскаго, преставив-

шагося въ 1854 году въ неоцѣненной ракѣ изъ горнаго хрусталя и серебра. Огромный гофспиталь, призирающій болѣе 1.500 человѣкъ, безъ различія вѣръ и нѣсколько тысячъ дѣтей природы. Два театра, одинъ больше другаго, въ коихъ декораціи, музыка и представленіе,—все въ совершенствѣ. Лавокъ съ различными товарами множество; ибо здѣсь находятся многія мануфактуры и заведенія. Можно бы много чего замѣтить, многимъ восхищаться, но время и обстоятельства противополагали моему желанію предѣлы.

20.—Поутру снялись съ лагеря и шли около самаго города со внѣшней его стороны. Проходили черезъ мѣстечко Вигевано, а предъ вечеромъ, пришедъ къ мѣстечку Сент-Анжелла, расположились при оном лагеремъ, гдѣ присоединился почти и весь нашъ корпусъ.—Въ сей день французы, утвердившіеся въ городѣ и крѣпости Павіи, числомъ до 1.000 человѣкъ, по предложенію Суворова, сдались военноплѣнными съ 13-ю орудіями и множествомъ снарядовъ, коихъ находился здѣсь большой запасъ.

21.—Въ четыре часа утра снялись съ лагеря, проходили чрезъ мѣстечко Сент-Коломбано и, остановясь при мѣстечкѣ Піевепортоморо, расположились тутъ лагеремъ.—Французы, находившіеся въ Миланскомъ укрѣпленіи до 1.200 человѣкъ, со всѣмъ своимъ начальствомъ сдались на капитуляцію съ возвращеніемъ ихъ въ свое отечество и при нихъ взято 15 орудій съ снарядами.—Кажется, идетъ быстро и хорошо, то-есть, не по-нѣмецки, а по-русски, или лучше сказать, по-Суворовски.

22.—На семъ же мѣстѣ отдохновеніе.

23.—Повечеру снялись съ лагеря и продолжали маршъ во всю ночь.

24.—Поутру пришли къ городу Павіи и возлѣ онаго расположились лагеремъ. Здѣсь находился нашъ лазаретъ, въ коемъ пользовались больные и раненые. Отсюда откомандированы нашъ первый баталіонъ и второй Низовскаго полка для подкрѣпленія авангарда, посылаемаго въ особое отдѣленіе.—Былъ я въ городѣ Павіи; прекрасной и правильно расположенной, лежитъ онъ при рѣкѣ Тычино. Въ оном находится знаменитый университетъ, основанный еще Карломъ Великимъ, богатый произведеніемъ искусныхъ мужей въ физикѣ и медицинѣ; обширный и великолѣпный театръ, на коемъ играли оперу Арлекинъ, за входъ въ партеры платили по 15 коп.

Павія производитъ также нарочитую торговлю и наиболѣе шелковыми произведеніями.

25.—Снялись съ лагеря, проходили черезъ весь городъ, переправлялись черезъ рѣку Тычино по понтонному мосту и слѣдовали далѣе. Здѣсь былъ и каменный мостъ, но его есть одни только остатки; ибо въ первую кампанію австрійцевъ съ французами, они его подорвали, желая тѣмъ пресѣчь путь къ преслѣдованію: но симъ средствомъ нимало не остановили своихъ непріятелей, а только доказали свою трусость.

26.—На разсвѣтѣ пришли къ мѣстечку Дурло и при ономъ расположились лагеремъ.

27.—На семъ же мѣстѣ. Прибылъ изъ С.-Петербурга въ армію великій князь Константинъ Павловичъ и былъ въ нашемъ лагерѣ.

Съ нимъ въ свитѣ были: генералъ отъ кавалеріи Дерфельденъ и полковники Комаровскій и графъ Тизенгаузенъ.

28.—Въ полдень снялись съ лагеря и продолжали свой маршъ до поздняго вечера, остановились лагеремъ при мѣстечкѣ *Люмелло*. Въ ономъ примѣчанія достойна церковь съ подземными ходами, коей отъ построенія считаютъ около 1.300 лѣтъ.

29.—Отдохновеніе.

30.—Послѣ обѣда снялись съ лагеря, шли чрезъ мѣстечко *Піеведикадоре* и, пройдя деревню Камбіо, расположились лагеремъ на самомъ берегу рѣки *По*, которой ширина простирается до 400 саженъ, что жъ принадлежитъ до ея быстроты, то я не видывалъ еще подобныхъ ей рѣкъ, съ какою ужасною силою и шумомъ протекаютъ ея крутящіяся съ пѣною воды, что должно происходить какъ отъ ея источника, имѣющаго свое начало изъ среды гигантскихъ Альпійскихъ горъ, такъ и отъ каменистаго ея дна.

Направо лежала крѣпость *Тортона*, блокируемая въ сіе время, но безъ всякаго успѣха австрійцами, и нашъ Суворовъ находился при ихъ корпусѣ, дѣйствуя своими распоряженіями повсемѣстно; прямо видима была знаменитая крѣпость *Александрія* съ городомъ, а налѣво городъ *Валенція*, гдѣ также происходили дѣйствія съ нѣкоторыми изъ нашихъ отдѣленій.— Сего же дня около полуночи снялись мы съ лагеря и, прошедъ нѣсколько верстъ, остановились при мѣстечкѣ *Гарбонаро*, лежащемъ при берегахъ рѣки *По*. Сегодня шелъ градъ величиною съ воложской орѣхъ, несмотря что день былъ ясный

и жаркій, или лучше сказать, знойной; но такіе феномены въ полуденныхъ странахъ весьма обыкновенны.

Май. 1.—Въ полдень снялись съ лагеря и поспѣшно переправлялись чрезъ рѣку По, на одномъ небольшомъ паромѣ по канату, на которомъ помѣщалась цѣлая рота и такимъ образомъ, частями отъ деревни Бургофранко поспѣшали на помогу къ своимъ сражающимся при мѣстечкахъ *Бассиньянъ* и *Пичетто*, гдѣ укрѣпились французы въ числѣ 4.000 человѣкъ подъ начальствомъ генерала *Перренъ*. Сраженіе открыли по волѣ великаго князя Константина, въ одиннадцать часовъ утра полкъ егерей генерала Чубарова и одинъ сводный гренадерскій баталіонъ, съ которыми юный герой, переправясь чрезъ рѣку По, повелъ ихъ самъ къ атакѣ на непріятеля. Сначала счастіе польстило имъ такъ, что сей небольшой отрядъ принудилъ непріятеля оставить занятую имъ позицію и ретироваться далѣе за самое мѣстечко. Ободренные столь пылкимъ успѣхомъ съ своимъ неопытнымъ героемъ, они ослабили свою осторожность и нѣсколько разстроились, чему главною причиною было раздѣленіе силъ на части. Непріятель, примѣтя такое ихъ положеніе, мгновенно воспользовался онымъ; онъ остановилъ свою ретираду и, обратя всѣ свои силы, ударилъ стремительно на отрядъ нашъ; храбрѣйшіе легли на полѣ чести, а слабѣйшіе, не имѣя духу держаться, отступали. Въ сіе -то самое время прибылъ къ намъ на помощь баталіонъ нашего полка, только-что ротами чрезъ рѣку По переправившійся. Мы заняли мѣсто на лѣвомъ флангѣ, гдѣ былъ сильнѣе непріятель; отступающіе егери и гренадеры къ намъ присоединились и составили нашъ правый флангъ. Непріятель, почувствовавъ наше подкрѣпленіе, остановился и старался тѣснить насъ отъ берега; мы предусмотрѣли его намѣреніе и, принявъ еще болѣе влѣво, вели наступательную перестрѣлку столь сильно и удачно, что непріятель вторично долженъ былъ отступить. Но и наше торжество было непродолжительно: мы получили еще подкрѣпленіе, только изъ двухъ ротъ состоящее, а непріятель—10.000 съ храбрымъ своимъ генераломъ Моро. Можно себѣ представить, какой сильный перевѣсъ оказался на сторонѣ непріятеля: онъ ударилъ сильно въ оба наши фланга; густая его колонна опрокинула нашъ центръ, конница его старалась объѣхать нашъ тылъ, и совершенно бы въ томъ успѣла, еслибы хотя и слабое сопротивленіе нашихъ ка-

заковъ отъ того насъ не предохранило. Между тѣмъ будучи тѣснимы со всѣхъ сторонъ болѣе и болѣе непріятельской многочисленностью, мы начинали ослабѣвать и силами и духомъ и наконецъ совершенно разстроились, смѣшались и въ безпорядкѣ, мало сказать, что ретировались, но бѣжали, и чрезъ то только уклонились отъ совершеннаго пораженія, что брали всегда передъ у слабой непріятельской конницы; со всѣмъ тѣмъ въ ретирадѣ своей мы много потеряли людей и два орудія главной артиллеріи съ снарядами оставили на мѣстѣ; ибо тогда никакая власть, никакая сила, не могла наши баталіоны ни устроить, ни удержать отъ постыднаго бѣгства. Я не могу безъ ужаса вспомнить о семъ горестномъ для насъ происшествіи, котораго я, по несчастію, самъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ. Маіоръ Филисовъ и я, надѣясь на довѣренность и преданность къ намъ нижнихъ чиновъ, не однократно покушались остановить ихъ бѣгство собою, то возбуждая ихъ честолюбіе, то укоряя ихъ въ нарушеніи своего долга, или угрожая смертію или же упрашивая: но все было тщетно, безпорядокъ съ каждою минутою увеличивался. Мало того, что непріятель дѣйствовалъ на насъ изъ своихъ орудій картечами и вырывалъ изъ толпы бѣгущихъ по нѣскольку человѣкъ, но когда мы въ такомъ положеніи проходили чрезъ деревню Бургофранко, то жители оной, сіи вѣроломные италіанцы, стрѣляли по насъ изъ своихъ домовъ и причиняли намъ немаловажный вредъ. Наконецъ вечерняя темнота скрыла стыдъ нашъ и насъ самихъ отъ дальнѣйшаго преслѣдованія непріятеля. Но сіе ни мало не облегчило нашей участи: намъ предложили новыя опасности, сама природа вооружилась на насъ; мы должны были переправляться черезъ пять рукавовъ рѣки По, индѣ по поясъ, иднѣ по горло, или совсѣмъ переплывать оные, ибо мы на то мѣсто, гдѣ былъ паромъ, насъ перевозившій, уже не попали; но Всевышній возрѣлъ еще окомъ милосердія на чадъ своихъ, какъ на невинную жертву безразсудности, вовлекшей насъ въ таковую погибель и посрамленіе. Съ великими усиліями и потерею въ людяхъ, мы побѣдили всѣ сіи опасности и остановились на самомъ берегу рѣки По, гдѣ нашли свою полевую артиллерію, переправленную за нами съ той стороны рѣки и прикрываемую баталіономъ пѣхотнаго Низовскаго полка подъ начальствомъ маіора Мейбаума. Сей осторожный чиновникъ, предусмотрѣвъ непріятныя послѣдствія нашей опрометчивости, не повелъ сіе небольшое отдѣленіе къ сраженію,

тогда какъ мы въ другой уже разъ поколебались въ нашей позиціи, но, устроившись на семъ мѣстѣ, рѣшился прикрывать нашу ретираду. Сей благоразумный поступокъ дѣйствительно послужилъ къ нашему спасенію; или по крайней мѣрѣ возвратилъ намъ спокойствіе нашего духа. Онъ, пропустя за себя все бѣгущее наше войско, открылъ батарею съ весьма сильнымъ и вмѣстѣ ружейнымъ огнемъ и произвелъ страхъ на непріятеля, въ темнотѣ и въ близкомъ разстояніи еще насъ преслѣдующаго, и тѣмъ совершенно остановилъ его. Какая ужасная картина! Вечерняя тишина, слившаяся съ темнотою ночи, и разлитіе обширныхъ водъ придавали грому орудій большую силу и имѣли большое вліяніе на чувства. Мы, разстроенные въ духѣ, изнуренные въ силахъ, мокры, до послѣдней нитки, на свѣжемъ ночномъ воздухѣ, прохлаждаемомъ еще болѣе водами, дрожали ужасно и не имѣли средствъ ни обогрѣться, ни обсушиться и въ семъ положеніи должны были провести цѣлую ночь. Любящіе свою жизнь, болѣе нежели должно, слабые въ духѣ, но рѣшительные въ боязни, бросались и въ самую рѣку По, въ намѣреніи переплыть оную, но они не достигали берега и погибли въ быстрыхъ и крутящихся водахъ ея. Донскіе наши казаки, приспособленные ко всякимъ случаямъ жизни, безъ страха повергались съ своихъ лошадей въ воду и держась за ихъ хвосты, переплывали, такимъ образомъ на другую сторону. Другихъ средствъ къ переправѣ чрезъ рѣку не было: паромъ, насъ перевозившій, не существовалъ уже болѣе, и если вѣрить слухамъ, то самимъ перевозщикомъ, коварнымъ итальянцемъ, былъ перерубленъ канатъ, по которому онъ имѣлъ свое направленіе, и въ то самое время, когда великій князь Константинъ съ двумя своими адъютантами, оставивъ несчастное поле сраженія, переправлялся на ономъ на другую сторону; но что будто бы итальянецъ, за таковый злонамѣренный поступокъ, заплатилъ своею жизнью, будучи сброшенъ въ рѣку. Паромъ, получивъ свободу, понесся по быстрому теченію рѣки, но къ счастію находившаяся при ономъ небольшая лодка спасла и героя, и его сподвижниковъ; они бросились въ оную и вмѣсто веселъ, управляя своими шляпами, благополучно достигли противоположнаго берега.

Сіе непріятное во всѣхъ отношеніяхъ происшествіе совершилось надъ нами чудеснымъ образомъ, какъ бы въ ознаменованіе, что гдѣ нѣтъ основаніемъ ни здраваго разсудка, ни опытности, тамъ всегда происходятъ подобныя ему послѣдствія. И

въ самой вещи оно совершилось случайно, неожидаемо; поелику не находилось и въ планѣ Суворова, чтобы нашему отдѣленію, столько въ силахъ ограниченному, дѣйствовать на той сторонѣ рѣки По, гдѣ сблизилась вся непріятельская сила между собою.

Предназначеніе наше состояло только въ томъ, чтобы назидать противоположный берегъ, не допустить непріятеля къ переправѣ, раздѣлить его силы, растянуть его и занять собою. Но пылкой по свойству, не опытный по молодости, рѣшительный по высокости своего духа и сана, по имени Константинъ, отрынувъ съ презрительною дерзостью совѣты или нѣкоторыя напоминанія о подчиненности состарѣвшихся въ военномъ поприщѣ мужей, каковы были при насъ генералы отъ инфантеріи Розенбергъ и Повало-Швейковскій, и даже съ угрозою повелѣвалъ имъ переправляться и слѣдовать къ мѣсту сраженія; они вынуждены были повиноваться—но они не исполнили всего того, что налагали на нихъ званіе и опытность; ибо оставили насъ собственному своему распоряженію дѣйствовать частями, кто куда послѣ своей переправы присоединиться захотѣлъ. Слѣдовательно, не было ни гармоніи, ни повелительнаго духа, который бы управлялъ дѣйствіями цѣлаго. Вотъ главное обстоятельство, нанесшее намъ столь гибельный ударъ, въ послѣдствіи сего сраженія, котораго начало польстило неопытнаго героя, но потомъ, когда при первомъ нашемъ отступленіи, сцена перемѣнилась,—онъ оставилъ насъ на произволъ нашей участи и переправился, какъ выше сказано, обратно за рѣку По.—Слава и честь генералу Чубарову, не оставлявшему насъ до послѣдней минуты нашего несчастнаго сраженія; хотя сильная контузія, полученная имъ въ грудь, и могла бы извинить его отсутствіе, но онъ пребылъ съ нами въ самой крайности отступленія и раздѣлялъ сію горестную ночь, проведенную нами на берегу рѣки По, когда маіоръ Мейбаумъ благоразумною своею предусмотрительностью остановилъ стремленіе преслѣдующаго насъ непріятеля и спасъ насъ отъ конечной гибели и посрамленія, столь несвойственнаго русскимъ.—Ахъ! сколько встрѣтимъ мы людей въ самомъ среднемъ состояніи, достойныхъ быть великими, и въ великомъ—ничтожными! Но что же останавливаетъ ходъ первыхъ и возноситъ послѣднихъ?—Деспотизмъ!.. Какъ бы то ни было, но дѣло совершено, и его послѣдствія огорчили духъ и честолюбіе нашего великаго полководца, никогда непобѣждаемаго Су-

ворова. Я умалчиваю о сценѣ, происходившей потомъ съ виновниками сего самовольнаго и несчастнаго сраженія: такіе эпизоды не приличны цѣли моихъ дневныхъ записокъ. Предадимъ лучше сіе происшествіе вѣчному забвенію и пожелаемъ, да не постигнетъ насъ когда-нибудь подобное зло [1]).

Въ сей же незабвенный день лишился я своего вѣрнаго человѣка Степана, о коемъ пролилъ я слезу сожалѣнія не какъ о предметѣ, составлявшемъ мою собственность, но какъ о преданномъ мнѣ существѣ: свирѣпая рѣка По поглотила его въ водахъ своихъ во время общаго отступленія, когда онъ на моей верховой лошади рѣшился, подобно другимъ, переправиться на другую сторону; но въ семъ случаѣ, онъ не могъ поступить по примѣру казаковъ, ибо лошадь моя была англизированная, онъ долженъ былъ держаться на сѣдлѣ, но когда она, переплывая, выбивалась изъ быстрины, онъ потерявъ равновѣсіе, упалъ и учинился жертвою всепоглощающей стихіи; лошадь же спаслась и была возвращена мнѣ.

2. — Паромъ чрезъ рѣку По былъ опять исправленъ, и мы, переправясь всѣ на другую сторону, еще поутру, тутъ же на берегу остановились и провели ночь. — Я не долженъ умолчать о пріятнѣйшей картинѣ, усладившей нѣсколько наши горестныя чувствованія. Когда еще мы, до обратной нашей переправы, стояли на мѣстѣ нашего пораженія, когда, послѣ ужасной

---

[1]) По разсказу Грязева, отвѣтственность за неудачное дѣло 1-го мая падаетъ на великаго князя Константина Павловича. По оффиціальной перепискѣ фельдмаршалъ Суворовъ призналъ виновнымъ генерала Розенберга и 2-го мая отправилъ ему слѣдующее приказаніе:

„Его с—во графъ Суворовъ Рымникскій удивляется безпрочному вашему сраженію и что вы, имѣя повелѣніе присоединиться къ корпусу, бывшему при Тортонѣ, не взирая на сіе, переправились черезъ р. По. Теперь извольте, какъ можно скорѣе, идти къ Торре-ди-Гарофолло, что́ близъ Тортоны, и по прибытіи рапортовать".

Затѣмъ слѣдовала собственноручная приписка Суворова:

„Не теряя ни минуты, немедленно сіе исполнить, *или подъ военный судъ*".

4-го мая великій князь явился къ фельдмаршалу. Суворовъ просилъ его высочество войти въ кабинетъ и заперъ за собою дверь на замокъ. Черезъ полчаса великій князь вышелъ съ разстроеннымъ лицомъ и въ слезахъ. Суворовъ провожалъ его съ низкими поклонами, касаясь рукою до пола; но войдя въ ту комнату, гдѣ ожидала свита его высочества, сердито обратился къ адъютантамъ великаго князя: „а вы, мальчишки! вы будете мнѣ отвѣчать за его высочество. Если вы пустите его дѣлать то, что онъ теперь сдѣлалъ, то я васъ отправлю къ Государю". Затѣмъ Суворовъ опять провожалъ великаго князя до крыльца, съ самыми низкими поклонами.

Разсказъ этотъ записанъ Михайловскимъ-Данилевскимъ со словъ очевидца, князя Александра Ивановича Горчакова, и воспроизведенъ Д. А. Милютинымъ въ „Исторіи войны 1799 г." (т. 1-й стр. 379).

Н. Ш.

ночи, съ радостію встрѣчали мы восходящее солнце, долженствующее насъ обогрѣть и осушить, не говоря уже объ опасностяхъ, могущихъ съ нами послѣдовать, и въ такомъ критическомъ положеніи, мы усматриваемъ вдали равнины съ непріятельской стороны идущее войско; но какъ оно было немногочисленно и подходило къ намъ безъ всякаго дѣйствія, то первые наши страхи миновались; но когда оно стало подходить ближе и мы услышали голосъ трубы, раздающейся въ долинѣ, голосъ, предвозвѣщающій мирнаго вѣстника, тогда сердца наши успокоились; но когда уже мы могли распознать въ рядахъ идущихъ воиновъ нашихъ товарищей во вчерашнемъ несчастномъ сраженіи, въ добычу непріятелю доставшихся, тогда восхищеніе наше превзошло мѣры. Мы летимъ на встрѣчу радостному вѣстнику, и французскій чиновникъ, адресуясь къ генералу Чубарову, исполняетъ приказаніе своего начальника, что генералъ его Перренъ, уважая достоинство и храбрость русскихъ воиновъ, возвращаетъ ихъ къ своему войску съ тѣмъ, чтобы сей поступокъ непріятеля остался навсегда въ ихъ памяти, и чтобы они впредь, учинившись благоразумнѣе, старались лучше защищать свою свободу и имя великой націи, и потомъ—удалился.

Такой великодушной и вмѣстѣ съ ироническою нравственностью смѣшанной, поступокъ французскаго генерала позабавилъ того, кто могъ понимать его сущность, но вообще для всѣхъ принесъ удовольствіе.

3.—Слѣдовали обратно до деревни *Камбіо*, гдѣ и расположились лагеремъ. По пути, при мѣстечкѣ Піеведикадоре, останавливались для варенія пищи и отправленія своихъ раненыхъ въ городъ Павію; ибо сіе несчастное сраженіе отвлекло отъ насъ многихъ товарищей; полковникъ и полковой командиръ нашего полку Пассекъ былъ раненъ, также нѣсколько капитановъ и офицеровъ. Мѣсто Пассека заступилъ старшій штабъ-офицеръ Яфимовичъ.

4.—Слѣдовали за деревню Камбіо къ рѣкѣ По, гдѣ 30-го апрѣля стояли, и гдѣ нынѣ устроили новую черезъ рѣку переправу. Полкъ егерей и три роты нашего баталіона успѣли переправиться, а моя и 10-я принуждены были остаться на семъ берегу, по причинѣ большаго прилива воды, ибо къ баркѣ, посредствомъ коей происходила сія переправа, подойти было уже невозможно, какъ то дѣлали первые въ бродъ, а лодокъ не было, почему мы и остались на семъ мѣстѣ ночевать.

*

5.—Вечеромъ сошли мы съ сего мѣста и, слѣдуя опять чрезъ мѣстечко Гарбонаро, прибыли къ деревнѣ Бадея и провели ночь въ полѣ.

6.—Маршъ чрезъ деревню *Кастельадодижаржіо*, гдѣ стоялъ нашъ подвижной вагенбургъ, и перешедъ мѣстечко *Кандіа*, расположились лагеремъ при рѣкѣ *Сезіо*, вытекающей изъ рѣки По.—Сего числа нашъ авангардъ и нашего полку первый баталіонъ, подъ начальствомъ князя Багратіона, одержалъ надъ непріятелемъ знаменитую побѣду при мѣстечкѣ *Мареңго*, гдѣ однихъ плѣнныхъ взято 1.000 человѣкъ.—Такое успѣшное дѣйствіе ободрило наше уныніе и принесло неизъяснимую радость, тѣмъ болѣе, что сіе самое урочище прославилось въ первую австрійскую съ французами кампанію, гдѣ Наполеонъ Буонапарте одержалъ надъ германцами знаменитую побѣду, а нынѣ французы, на семъ же самомъ мѣстѣ, заплатили такую же дань русскимъ.

7.—Отдохновеніе.

8.—Прибыли къ намъ отдѣлившіяся 4-го числа нашего баталіона три роты.

9, 10 и 11.—Отдохновеніе.

12.—Въ полдень снялись съ лагеря и, переправясь чрезъ рѣку *Сезіо* по понтонному мосту, слѣдовали чрезъ городъ *Казало* и всю ночь.

13.—А предъ зарею остановились лагеремъ при мѣстечкѣ *Трисеро*. На семъ пути соединились мы съ первымъ баталіономъ своего полку.—Въ полдень снявшись съ лагеря, слѣдовали чрезъ мѣстечко *Біанзе* до мѣстечка *Ливорно*, гдѣ и остановились.

14.—Въ полдень снялись съ лагеря, переправлялись по мосту чрезъ рѣку *Монтенаро* и продолжали маршъ во всю ночь, а 15—пройдя мѣстечко Лаино и прибывъ въ полдень къ мѣстечку Казелло, расположились лагеремъ.—Вечеромъ снялись опять съ лагеря, проходили чрезъ увеселительное мѣсто короля Сардинскаго, называемое Валерія, гдѣ находится огромный замокъ, обширный садъ и звѣринецъ; потомъ далѣе чрезъ мѣстечко Абсей, коего мѣстное положеніе на рѣкѣ есть наипрекраснѣйшее, и пройдя его, далече расположились въ полѣ, гдѣ и провели ночь, въ продолженіи которой, особенно же на разсвѣтѣ, слышна была сильная канонада, производимая подъ начальствомъ австрійскаго генерала Вукасовича на Туринскую цитадель, въ коей укрѣпились французы, и къ нимъ же присоединилось до 3.000 вольнодумцевъ сея земли. Планъ великаго

Суворова былъ тотъ, чтобы сію небольшую часть принудить, безъ всякихъ дальнѣйшихъ ея занятій, къ сдачѣ и очистить крѣпость, но французы на сіе не рѣшились и пребыли тверды въ своемъ намѣреніи защищаться. Туринъ оставался отъ нашего лагеря влѣво, не болѣе четырехъ верстъ разстояніемъ, а направо вдали лежали высокія Альпійскія горы, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ.

16.—Около полудня сошли мы съ сего мѣста и, повернувъ направо по Туринской дорогѣ, надѣялись пресѣчь путь ретирующемуся въ небольшомъ количествѣ непріятелю, однако онаго здѣсь не встрѣтили и расположились въ междугоріи лагеремъ при мѣстечкѣ Риволи, знаменитомъ въ Италіи своими ландшафтными окружностями.

17.—Отдохновеніе. Какое картинное здѣсь мѣстоположеніе! Кажется, при каждомъ поворотѣ глазъ виды измѣняются, имъ представляется другой плѣнительнѣйшій перваго и такъ далѣе. Или разнообразныя горы съ висящими утесами, съ плодовитыми отлогостями, гдѣ разсѣяны дома жителей и пасущійся скотъ; или извивающаяся рѣка по равнинѣ и междугорію, или водопадъ, низвергающійся съ высоты горы и исчезающій въ воздухѣ прежде, нежели касается границъ своего паденія; словомъ: плѣнительныя и безконечныя разнообразности развлекаютъ и взоры и воображеніе, не могущіе остановиться ни на одномъ предметѣ; сверхъ сего безпрерывныя наши движенія и занятія похищали у меня сладостнѣйшее время для бесѣдованія съ самимъ съ собою и съ природою.

18.—Перемѣнили мѣсто лагеря изъ междугорія и стали на хребтѣ горы, которая была покрыта кустарниками, на оной наканунѣ вырубали и расчищали мѣсто на потребную дистанцію, однако всего сдѣлать не успѣли.

19.—Сошли опять съ сего мѣста и, подвинувшись впередъ съ отлогости горы, расположились на лугахъ.

20.—Въ полдень снялись съ лагеря, слѣдовали обратно черезъ мѣстечко Риволи къ городу Турину и, не дошедъ до онаго версты за три, свернули съ дороги влѣво и стали лагеремъ при рѣкѣ *Дорѣ*. Здѣсь по равнинѣ и виноградникамъ нашли мы нѣсколько разсѣянныхъ небольшихъ домиковъ, оставленныхъ впустѣ ихъ жителями по случаю военныхъ дѣйствій; и потому раздѣлясь, какъ обыкновенно, по партіямъ, заняли ихъ безъ всякаго нарушенія своей обязанности, потому что сіи домики находились посреди самаго лагернаго мѣста,

къ тому же и погода была самая неблагопріятная и сырая, отъ коей сіи домики насъ лучше защищали, нежели наши парусинные наметы. Блокада Туринской цитадели еще продолжается, но слабо.

21.—Отдохновеніе. Я ѣздилъ въ городъ Туринъ; по большой дорогѣ ѣхать къ нему было не возможно потому, что она вела къ самой цитадели, въ которой, какъ стало извѣстно, заперлись до 4.000 человѣкъ французскаго гарнизона, смѣшаннаго съ вольнодумцами сея земли, и при оныхъ до 400 орудій разнаго калибра; начальствующій надъ ними былъ генералъ Флоріани, родомъ цезальпинецъ. Туринъ, столица всего Сардинскаго королевства и Италіи, и резиденція короля, есть древній, обширный и прекрасно устроенный городъ, имѣющій весьма пріятное мѣстоположеніе при рѣкѣ По—твердыя укрѣпленія и цитадель, нѣсколько отдѣляющуюся отъ города, въ которой находился тогда французскій гарнизонъ. Огромныхъ зданій и домовъ, простирающихся до шести этажей въ высоту, множество, а особливо strada granda, идущая къ рѣкѣ По, чрезъ которую имѣется каменный мостъ, вида великолѣпнѣйшаго; прочія же улицы, въ соразмѣрности къ высотѣ домовъ, нѣсколько узки, а потому и темны. Обширный и великолѣпный королевскій дворецъ на площади и другой дюка Дуски, его брата; но прекраснѣйшій изъ всѣхъ есть домъ принца *Кориньяно*, брата же королевскаго, который, оставя все свое достояніе, присоединился къ бѣснующимся французамъ и уѣхалъ съ ними въ Парижъ, гдѣ въ то время и находился. Церквей и монастырей древней и новой архитектуры считается здѣсь до осьмидесяти, въ томъ числѣ послѣднихъ до тридцати обоего пола и различныхъ орденовъ. Здѣсь находится университетъ, разныя академіи, монетный дворъ, арсеналъ, въ коемъ, сверхъ забранныхъ французами орудій, оставалось еще до 400, которыя намѣревались они также перевезти въ цитадель, но сдѣлать того не успѣли по причинѣ вступленія въ городъ нашихъ и австрійскихъ войскъ.

Сверхъ сего находится въ городѣ великолѣпный Іоанновъ гофспиталь, оперный домъ и многія другія прекраснѣйшія зданія.

Насчетъ художественныхъ заведеній есть множество различныхъ шелковыхъ мануфактуръ, изъ коихъ чулочныя есть знаменитѣйшія во всей Европѣ, фарфоровыхъ и другихъ заводовъ; торговля его находится въ значительномъ обращеніи и

наиболѣе своими шелковыми произведеніями; лавокъ и магазиновъ множество, кои всѣ наполнены товарами, но оные слишкомъ дороги по причинѣ курса денегъ.—Обходя городъ и удовлетворяя сколько возможно своему любопытству, я рѣшился идти къ цитадели, чтобы увидѣть все ее составляющее, и былъ не болѣе ста шаговъ отъ вала, которой не высокъ и обтянутъ живою цѣпью, на каждомъ бастіонѣ пикетъ и развивающееся знамя вольности. Они ставятъ во время ночи и внѣшніе караулы, наблюдая великую осторожность, такъ и со стороны свободнаго его положенія. Гарнизонъ имѣетъ свое продовольствіе, какъ отъ запасовъ, такъ и изъ города; ибо у него очень много друзей. Въ городѣ содержали караулъ австрійцы, гдѣ находился нашъ Суворовъ и весь союзный генералитетъ.

22. — Былъ опять въ городѣ. Это было воскресеніе; всѣ лавки были заперты, и многолюдство было видимо на улицахъ. Поутру, такъ какъ въ церквахъ происходило служеніе, я ходилъ по знаменитѣйшимъ; былъ въ соборной, которая значительна своею огромностію, но предъ мраморною Миланскою ничто въ великолѣпіи; но въ одной приходской церкви я нашелъ неоцѣненныя сокровища, не столько въ разсужденіи богатства, сколько отличнаго художества, вкуса и изобрѣтательнаго человѣческаго ума. Все переднее мѣсто храма, что мы называемъ иконостасомъ, по образу римскаго исповѣданія и самый алтарь украшены превосходнѣйшею мозаическою работою, изображающею всѣ принадлежащіе до сего священнаго мѣста предметы, и въ томъ числѣ находятся драгоцѣнные камни, то есть, не алмазы и бриліанты; ибо они къ работѣ сего рода не принадлежатъ, но изумруды, яшмы, яхонты, аматисты и тому подобные. Но взявши все это въ цѣломъ, находишь что-то чудесное, вливающее въ чувства какой-то восторгъ и особое умиленіе къ сему мѣсту, гдѣ приносятся безкровныя жертвы Господу силъ. Мозаическою же работою отдѣлана пріемная комната во дворцѣ роскошнаго принца Кариньяно, но всякое сравненіе здѣсь не у мѣста, гдѣ также и полъ мозаической работы, но самой крупной.

Переходя такимъ образомъ изъ мѣста въ мѣсто, познакомился я нечаянно съ здѣшними именитыми купцами Енгельфредомъ и Феррари, имѣющими здѣсь свой богатый магазинъ различныхъ товаровъ; оба молодые и ловкіе люди, они пригласили меня съ моимъ товарищемъ прежде на шоколадъ, а потомъ убѣдили насъ и отобѣдать вмѣстѣ съ ними въ ихъ домѣ,

и мы въ томъ не раскаявались; ибо они живутъ изобильно и угостили насъ по своему обыкновенію самымъ прекраснѣйшимъ образомъ. Желая доставить намъ въ сей день полное удовольствіе, они предложили намъ знакомство съ баронессою Мартенъ, дочь коей почитается въ Туринѣ первѣйшей красавицею. Можно ли было спрашивать, хотимъ ли мы видѣть образцовое произведеніе природы и при томъ еще въ лицѣ женщины? Отвѣтъ несомнителенъ—и мы отправились съ нашими вожатыми. Насъ приняли какъ иностранцевъ со всѣми возможными вѣжливостями и ласками; любопытство съ обѣихъ сторонъ, кажется, было самою побудительною причиною нашего сближенія, и каждый изъ насъ, въ свою очередь, удовлетворялъ его въ сей пріятной бесѣдѣ. Но что я скажу о первой туринской красавицѣ? Безъ сомнѣнія, что вкусы каждаго народа и почти каждаго лица различны, но скажу безпристрастно, что моя Антонина далеко превышала ее своими прелестями и всѣмъ тѣмъ, что составляетъ истинную красоту женщины. Антонина могла бы почесться красавицею у всѣхъ народовъ, подъ солнцемъ обитающихъ, но баронесса Мартенъ есть красавица во вкусѣ италіанки, или лучше сказать, римлянки. Опишемъ ее: средній ея ростъ не придавалъ ей ничего величественнаго, поражающаго при первомъ на нее воззрѣніи; правильное расположеніе ея тѣла и живость во всѣхъ движеніяхъ, это правда, могутъ поколебать, очаровать всякаго мужчину; но юность лѣтъ, пылкость сложенія, свѣжесть всѣхъ членовъ, не будетъ ли главнымъ къ тому предлогомъ? Но если время лишитъ ее сихъ достоинствъ, она не будетъ болѣе казаться красавицею. Почему же есть женщины, которыя оспариваютъ и самый законъ природы и всеразрушающее время и остаются образцовыми красавицами до самыхъ невозможностей? Разсмотримъ теперь черты лица ея: продолговатое и нѣсколько смуглое лицо, коего живая тѣнь и играющія на щекахъ розы составляютъ главныя его прелести, алыя, смѣющіяся уста и открывающія иногда правильность бѣлыхъ ея зубовъ, кажется, манятъ къ себѣ всякаго, чтобы напечатлѣть на нихъ пламень своего чувствованія; черные глаза ея— тутъ всякое выраженіе будетъ недостаточно, чтобы описать быстроту ихъ и тотъ огонь, который бросаютъ они изъ-за своихъ долгихъ рѣсницъ; но прежде надобно приблизиться къ ея сердцу, надобно имѣть какое-то особое чувство, чтобы ощущать истинную ихъ привлекательность и пламень ихъ наполняющій. Глаза наши есть вывѣска души, въ

полномъ значеніи сего слова, есть мѣра нашихъ страстей; и потому, мое первое объ нихъ заключеніе будетъ согласно съ симъ послѣднимъ. Черные, блестящіе ея волосы, искусствомъ и съ тонкою разборчивостію расположенные, составляли главное украшеніе ея головы.—Вотъ ея наружность! Кажется, я все сказалъ, какъ натуралистъ, какъ живописецъ! Время и обстоятельства не могли мнѣ дать никакого понятія о ея прочихъ совершенствахъ. Таланты ея въ музыкѣ превосходны: она играла на фортопіано съ бѣглою, выразительною живостію и частію присоединяла къ тому свой высокій, искусствомъ утонченный голосъ; но грудь ея не отвѣчала выраженіямъ, требующимъ очаровательнаго, плѣняющаго вдохновенія. Справедливо, что безъ соучастія сердечнаго и самыя совершенства не имѣютъ сильнаго вліянія на чувства наши и не потрясаютъ нашей природы. Но когда запѣлъ Кристіани, славнѣйшій артистъ пѣнія и музыки въ Туринѣ, который по счастію тутъ же находился, тогда прощай вся утонченная игра баронессы! Природа одарила сего пѣвца и получеловѣка какою-то неизъяснимою свободою въ выраженіяхъ своего пріятнаго голоса, какою-то возвышенностію духа и увѣренностію, съ каковыми онъ переливалъ свое пѣніе въ души слушателей. Словомъ: таланты его въ семъ родѣ представляли нѣчто божественное и доказывающее, что человѣкъ можетъ быть совершенъ.

Проведя такимъ образомъ большую часть дня въ пріятнѣйшихъ наслажденіяхъ, мы простились съ привѣтливыми хозяевами и вмѣстѣ съ новыми своими знакомыми и отправились въ театръ; играли оперу, которой содержаніе не помню да и мудрено понять, потому что италіанскія оперы, кромѣ музыки и пѣнія, не содержатъ въ себѣ занимательныхъ происшествій, а при томъ есть и такія, которыя разыгрываются въ теченіе цѣлой недѣли. На счетъ туринскаго театра можно сказать, что онъ былъ лучшій, какіе только случалось мнѣ видѣть доселѣ въ роскошной и поющей Италіи. По окончаніи оперы мы разстались съ своими знакомцами и отправились въ свой однообразный, воинскій станъ, въ свою смиренную хижину. Здѣсь, никакія дальнія размышленія не колебали меня; прелестнѣйшіе предметы, видѣнные мною въ сей день, не имѣли никакого сверхъестественнаго вліянія на чувства мои, и я съ безпристрастіемъ кладу на бумагу только то, чѣмъ могло удовлетво-

рить меня мое допустительное любопытство, моя ограниченная свобода и—засыпаю спокойно.

23,24 и 25.—На семъ же мѣстѣ безъ всякаго движенія. Я бывалъ въ городѣ, видался съ своими знакомыми, но къ баронессамъ—ни ногою. Прочія разсѣянности увлекли меня однѣ за другими, но страсти были въ глубокомъ усыпленіи.

Послѣдняго числа купилъ я верховую гнѣдую лошадь послѣ капитана Панова.

Здѣсь сдѣлалъ я любопытное открытіе супружескихъ таинствъ сего прелестнаго края. Таинства сіи состоятъ въ томъ, что супружество пользуется здѣсь полною свободою, не ограничивая себя догматическими истинами, служащими основаніемъ сей обязанности. Супруги живутъ между собою въ большомъ согласіи, несмотря на то, что всякій изъ нихъ имѣетъ свой любимый предметъ, которому посвящаетъ всѣ минуты своего времяпровожденія внѣ дома. Супругъ провожаетъ избранную его сердцемъ или какою случайностію всюду, гдѣ бываютъ общественныя веселости, собранія, въ театръ, на гулянье и даже въ церковь, имѣя на своемъ попеченіи ея шали, ридикюли, зонтикъ и молитвенныя ея книжки, но въ домѣ открытымъ образомъ никогда не бываетъ, и это называется быть Cavaliere Servanti. Точно такимъ же образомъ поступаютъ и съ его супругою, если онъ имѣетъ ее, потому что въ сіи кавалеры допускаются и безбрачные, кромѣ женоподобныхъ пѣвцовъ. Мнѣ случалось видѣть, что настоящіе супруги, раздѣленные такимъ образомъ своими прибавленіями, встрѣчаясь между собою, не показываютъ другъ другу ни малѣйшаго знака неудовольствія и разстаются друзьями, каковыми и дома всегда пребываютъ. Такое открытіе и обществомъ принятое средство избавляетъ ихъ отъ нареканія, ревности, разводовъ, разъѣздовъ и прочихъ непріятныхъ послѣдствій, бываемыхъ отъ нарушенія святости брачныхъ союзовъ, хотя бы оное и дѣйствительно подъ сею благовидною личиною въ него вкралось. Сверхъ сего должно замѣтить, что сіи кавалеры-услужники не есть тѣ постоянныя вещи, которыя бы занимали ихъ дамъ чрезъ долгое время, напротивъ: они мѣняются столь же часто, какъ ихъ вкусы, моды и капризы, и со всѣмъ тѣмъ никто не въ претензіи, и никогда не слышно никакихъ приключеній соперничества.—Я хотѣлъ еще болѣе распространяться о семъ предметѣ, хотѣлъ коснуться важнѣйшихъ сокровенностей и отнести ихъ къ сравненію обычаевъ моего отечества,

какъ приносятъ мнѣ нарядъ, коимъ назначаюсь я съ двумя ротами на отводный наблюдательный пикетъ къ туринской цитадели; я бросаю перо и прощай всѣ мои планы!

26. — Съ вечера отправился я съ двумя ротами къ назначенному мнѣ посту, гдѣ потребна была крайняя осторожность; однако же ночь протекла безъ всякихъ происшествій.

27. — На семъ же посту во весь день, въ продолженіи котораго французы, находящіеся въ цитадели, видя приготовленія, дѣлаемыя нами къ строенію осадныхъ батарей, производили пушечную пальбу, и сдѣлано всего 150 выстрѣловъ, но безъ всякаго для насъ вреда. Въ ночи опять было все спокойно со стороны цитадели, но не для меня собственно; ибо я долженъ былъ сопровождать двухъ австрійскихъ инженеровъ къ самому валу цитадели и главному ея бастіону, дабы точнѣе опредѣлить мѣсто для устройства послѣдней параллели.

Темнота ночи способствовала сему отважному и опасному предпріятію, но каждое неосторожное движеніе могло насъ открыть и погубить невозвратно, ибо мы проходили за самую непріятельскую цѣпь, вокругъ цитадели на ночное время разставляемую. Измѣривъ все, что нужно, шагами мы кончили благополучно сію операцію и возвратились къ своему мѣсту.

28. — Поутру смѣнился я съ своего поста другими двумя ротами и возвратился въ лагерь. Въ ночь ходили со всѣмъ полкомъ подъ туринскую цитадель для дѣланія батареевъ и траншеевъ, со всѣми къ тому принадлежностями, однако жъ, не окончивъ сей работы, на разсвѣтѣ возвратились въ лагерь.

29. — На семъ же мѣстѣ.

30. — Поутру снявшись съ лагеря, шли около Турина къ той сторонѣ, гдѣ протекаетъ рѣка По, которую перешедъ по мосту, потянулись по берегу оной въ верхъ по теченію; проходили черезъ увеселительное мѣсто короля сардинскаго, называемое Монкалье, гдѣ есть огромный замокъ и обширный садъ, все въ прекраснѣйшемъ и великолѣпномъ видѣ устроенное; потомъ слѣдовали далѣе чрезъ мѣстечко Пуйрели и пришедъ вечеромъ къ мѣстечку *Вилланово*, остановились тутъ для отдохновенія.

31. — На утренней зарѣ сошли мы съ сего мѣста и продолжали свой маршъ. Въ полдень пришли къ городу и крѣпости Астіи, не очень обширной, но хорошо устроенной. Городъ лежитъ при рѣкѣ Тонарѣ и въ самой плодоносной части сей страны. Здѣсь расположились мы лагеремъ.—Такимъ обра-

зомъ, переходя изъ мѣста въ мѣсто, мы искали вездѣ блуждающаго непріятеля, но нигдѣ не находили его, ибо онъ всегда уклонялся отъ генеральнаго сраженія съ нами. Намъ не извѣстенъ былъ планъ нашего великаго полководца, но войско горѣло желаніемъ сразиться въ полной увѣренности на побѣду.

Іюнь. 1.—На утренней зарѣ снявшись съ лагеря, слѣдовали мы къ городу и крѣпости Александріи, куда и прибыли около вечера.

Въ крѣпости находился значительный французскій гарнизонъ, который производилъ по насъ выстрѣлы изъ тяжелыхъ своихъ орудій, когда проходили мы на мѣсто своего лагеря, однако, вреда никакого не учинено. – Нѣкоторыя изъ нашихъ отдѣленій содержали уже здѣсь блокаду, и сегодня происходило небольшое движеніе между нашими и непріятельскими отводными пикетами.

2.—Въ полдень снявшись съ лагеря, слѣдовали обратно по тому же пути, что къ Астіи, и остановились ночевать при мѣстечкѣ Гамбетта, чрезъ которое и туда проходили.

3.— Въ полдень сошли съ сего мѣста и слѣдовали обратно по тому же пути къ Александріи, и на томъ же самомъ мѣстѣ провели ночь.

4.—Вечеромъ снявшись съ мѣста уже всѣмъ отдѣленіемъ, при Александріи находящимся, продолжали нашъ путь до самой полуночи и остановились въ полѣ для отдохновенія.

5.—На утренней зарѣ поднялись и слѣдовали далѣе по назначенному намъ пути. По утру еще переправлялись по понтоннымъ мостамъ чрезъ большія рѣки Тонаръ и Дора и шли цѣлый день и всю ночь нѣсколько форсированно съ небольшими роздыхами. Мы почувствовали, что насъ ведутъ къ дѣламъ, и всѣ съ восхищеніемъ и неутомительностію страшились встрѣтиться съ непріятелемъ.

6.—По утру пришли къ мѣстечку Кастеджіо, гдѣ, остановясь для сваренія пищи, подкрѣпили себя оною и немедля продолжали свой маршъ, чрезъ мѣстечко Страделло, къ селенію Сентжовано, гдѣ нашъ авангардъ, подъ начальствомъ князя Багратіона, вспомоществуемый австрійскими гренадерскими и гусарскими полками, вступилъ съ французскимъ авангардомъ въ дѣло.—Быстрою нашей диспозиціею и сильнымъ натискомъ какъ пѣхоты, въ особенности же конницы, коею предводилъ нашъ мужественный герой, великій князь

Константинъ, непріятель въ короткое время былъ опрокинутъ и преслѣдованъ. Намъ досталось въ добычу около 800 плѣнныхъ всякаго чина; уронъ былъ и съ нашей стороны, но весьма незначителенъ. Мы, съ своимъ отдѣленіемъ къ сему дѣлу не подоспѣли, а застали только его окончаніе, дабы сдѣлаться участниками торжества нашихъ сотрудниковъ въ пріобрѣтенной ими побѣдѣ. Здѣсь соединенно съ авангардомъ провели мы ночь въ полѣ.

7.—Около полудня, мы всѣмъ своимъ корпусомъ, здѣсь сосредоточеннымъ, двинулись въ порядкѣ и устройствѣ воинственномъ и, пройдя такимъ образомъ небольшое разстояніе, встрѣтили непріятеля при рѣкѣ Тидонѣ, уже готоваго насъ принять.

Построясь немедленно въ боевой порядокъ, какого требовало генеральное сраженіе, повели мы фронтомъ атаку на лѣвый непріятельскій флангъ, между тѣмъ какъ на правый ихъ такимъ же образомъ дѣйствовалъ нашъ авангардъ, вспомоществуемый частію союзнаго австрійскаго войска, состоящаго наиболѣе въ конницѣ. Французы встрѣтили насъ мужественно; картечи и пули посыпались съ обѣихъ сторонъ градомъ; но мы, превышая своего непріятеля отважностію, не стали болѣе выдерживать губительнаго огня, но соединенными силами и устройствомъ ударили на него прямо съ мѣста въ штыки столь сильно и стремительно, что онъ, будучи не въ состояніи ни выдержать, ни отразить нашего удара, поколебался въ своей позиціи и отступилъ. Сіе только и было нужно, чтобы главную его твердость привести въ движеніе, а тѣмъ самымъ и разстроить его въ духѣ. Мы воспользовались сею благопріятною минутою и какъ вихри налетѣли на враговъ своихъ, врѣзались въ самую ихъ средину, разстроили ихъ душу, поражали какъ отчаянные и обратили ихъ въ совершенное бѣгство. Они ретировались частями за рѣку *Требіо*, при которомъ случаѣ отрѣзали мы у нихъ цѣлую бригаду, изъ 2.500 человѣкъ состоящую со всѣми ея чинами и артиллеріею. Сраженіе продолжалось до самой темноты, которою непріятель воспользовался и отретировался еще далѣе вправо. Но дабы отнять у него способы къ каковому-либо изъ своихъ соединеній, откомандированы были того же вечера два баталіона гренадеръ, въ томъ числѣ находился и я съ своею ротою и съ нимъ же почтенный нашъ шефъ, генералъ-отъ-инфантеріи Розенбергъ. Мудрено было отгадать его стремительность къ такому подвигу,

которой могъ принадлежать одному штабъ-офицеру; но не раскрывая тайны интригъ нашихъ главныхъ начальниковъ, положили, что онъ не хотѣлъ оставить насъ, какъ свой полкъ, въ такой критической операціи, и мы, пройдя ночью въ бродъ рѣку Требіо, слѣдовали далѣе, въ такомъ предположеніи, что если не совсѣмъ въ своемъ намѣреніи успѣемъ, то по крайней мѣрѣ отрѣжемъ у него какую-нибудь часть, или смѣшаемъ его въ планахъ своихъ, въ чемъ и дѣйствительно при деревнѣ Сатимѣ успѣли. Въ полночь вступили мы тихо въ сіе селеніе, отстоящее отъ нашего корпуса не менѣе пяти верстъ, гдѣ и узнали отъ жителей, что французскій арріергардъ расположенъ здѣсь неподалеку въ полѣ.

Сердца наши затрепетали отъ радости, что не тщетно наше пожертвованіе и что оно увѣнчается достойною наградою. Не зная однако жъ, въ какомъ числѣ находился непріятель, мы взяли всѣ нужныя мѣры и рѣшились напасть на него. Темнота ночи скрывала не только наше намѣреніе, но и насъ самихъ; ибо, какъ арріергардъ главнаго корпуса, находился онъ за нимъ, какъ за оградою, и въ крайней безпечности расположенъ былъ на одной квадратной лужайкѣ. Приблизившись тихо къ нимъ, обозрѣли мы ихъ при свѣтѣ слабаго огня, едва между ими мелькающаго, что они были погружены въ глубокомъ снѣ, такъ что не имѣли вокругъ себя ни цѣпи и одного часоваго, но всѣ безъ изъятія сложивъ съ себя муницію и составивъ ружья въ козлы, спали въ повалку. Мы обогнули нѣсколько наши фланги и сдѣлали по нихъ ружейный залпъ и другой картечами изъ двухъ орудій, при насъ находившихся, и въ то же мгновеніе бросились на нихъ въ средину, окружили и всѣхъ подняли на штыки, развѣ малая ихъ часть спаслась въ темнотѣ. Все ихъ оружіе, муниція, ранцы и прочее содѣлалось нашею добычею, но мы не воспользовались ею, все переломали и привели въ ничтожное положеніе. Но всего драгоцѣннѣе было то, что мы освободили своихъ плѣнныхъ разныхъ полковъ, которые въ продолженіи дневнаго сраженія, бывъ увлечены своею отважностію, были захвачены непріятелемъ и отданы на сохраненіе сего арріергарда. И при самой темнотѣ ночной мы распознали ихъ по радостнымъ восклицаніямъ, когда они спѣшили соединиться съ нами. Число ихъ состояло въ одномъ полковникѣ Кащенкѣ, нѣсколькихъ офицерахъ и 60 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Отъ нихъ узнали мы, что французскій арріергардъ со-

стоялъ изъ двухъ баталіоновъ пѣхоты, что самое доказывало и оставшееся послѣ ихъ оружіе и вся муниція; что наши плѣнные находились всѣ вмѣстѣ подъ карауломъ и запертыми въ одной сельской винницѣ; но, услышавъ выстрѣлы, догадались, что это должно быть русскимъ; караулъ ихъ разбѣжался; они выломали двери и устремились къ соединенію съ нами. Мы не видали болѣе непріятеля и поздравляли другъ друга съ счастливымъ успѣхомъ. Почтенный нашъ начальникъ, генералъ Розенбергъ проливалъ слезы радости и вмѣстѣ состраданія о несчастныхъ, учинившихся жертвою сего ночнаго пораженія, коихъ число почти равнялось нашему. Онъ приказалъ намъ сойти съ сего убійственнаго мѣста; мы перешли на другую лужайку, обрытую каналами и обсаженную въ квадратѣ деревьями.

Поелику ночная темнота еще продолжалась, то генералъ приказалъ намъ устроиться, дабы не подпасть равному жребію.

Мы составили изъ себя четвероугольное каре, окружили оное позади каналовъ цѣпью и поставили на углахъ отводные пикеты, располагая пробыть здѣсь только до разсвѣта. Генералъ Розенбергъ, спросилъ себѣ плащъ, завернулся въ него и легъ между нами въ срединѣ. Въ такомъ положеніи провели мы спокойно остатокъ ночи.

8.—Дневной свѣтъ начиналъ уже разливаться, какъ нѣсколько жителей того селенія съ великою поспѣшностію прибѣгаютъ къ намъ и извѣщаютъ насъ, что многія французскія колонны къ намъ приближаются. Не должно было медлить; ибо самъ разсудокъ предлагалъ намъ, чтобы, не дожидаясь прибытія непріятеля, столько въ силахъ насъ превосходящаго, уклониться отъ неравнаго съ нимъ сраженія; почему, снявъ свои пикеты и цѣпь, съ поспѣшностію направили свой маршъ обратно по тому же пути для соединенія съ своимъ корпусомъ, котораго безъ всякихъ препятствій еще рано поутру со всѣми своими трофеями достигли, нашедши его на другой сторонѣ рѣки Требіо отдыхающимъ вокругъ огней, гдѣ варилась наша походная солдатская кашица. Непріятель былъ расположенъ на противоположномъ берегу, откуда мы съ своимъ отдѣленіемъ возвращались, и по временамъ бросалъ ядра изъ своихъ орудій, разставленныхъ по берегу рѣки; колонны его мелькали вдалекѣ, одни только передовые посты находились въ виду. Въ такомъ положеніи нашли мы своихъ товарищей, которые уже

отчаялись насъ видѣть и скорѣе полагали погибшими. Мы разсказывали имъ свое ночное происшествіе; они содрагались отъ ужаса, и почти никто не хотѣлъ намъ вѣрить, еслибы возвращенные нами изъ плѣна не подтверждали сей истины. И подлинно, еслибы непріятель не перемѣнилъ въ ночь своего плана и позиціи, мы погибли бы неизбѣжно; пусть сражались бы мы, какъ отчаянные, но что можетъ одинъ противъ пятидесяти? Какъ бы то ни было, мы укрѣпили здѣсь себя хорошею пищею и достаточно краснымъ итальянскимъ виномъ, и готовы уже были къ новымъ пораженіямъ, чтобы опять идти атаковать непріятеля, какъ французы сами въ томъ насъ предупредили. Они, оставляя въ виду нашемъ свои передовые посты и нѣкоторыя части войскъ, обошли насъ въ правый нашъ флангъ, гдѣ мы съ своимъ полкомъ находились, тогда какъ нашъ авангардъ неизвѣстно для чего оставилъ свое мѣсто, и французы открыли огонь прежде, нежели мы ожидать того могли. Хотя число непріятеля далеко превосходило нашу часть, состоящую только въ 6.000 человѣкъ пѣхоты, а непріятеля полагали съ конницею въ 30.000; но мы, оскорбленные такимъ неожидаемымъ его нападеніемъ, съ пламенною быстротою, подобно молніи, ударили на него съ мѣста въ штыки, и въ одну минуту не только его отразили, но опрокинули и разрушили все его намѣреніе, истребляя ужаснѣйшимъ образомъ въ преслѣдованіи ретирующихся. Побѣжденные два дня сряду, они чувствовали тягость руки, ихъ поражающей, познали одно заблужденіе въ своей опрометчивости, что русскіе столь же страшны, какъ левъ по своемъ пробужденіи, и хотѣли еще противостоять съ превосходствомъ числа своего, но мы замѣнили то своимъ мужествомъ и опрокинули его снова и въ особенности лѣвый его флангъ, усиленный имъ по способности мѣстнаго положенія. Авангардъ его, состоящій изъ польскихъ легіоновъ, подъ начальствомъ генерала Домбровскаго, ударившій на нашъ правый флангъ, какъ я выше сказалъ, при самомъ началѣ сраженія, почти совсѣмъ истребили, а остальныхъ смѣшали, разстроили и принудили въ безпорядкѣ ретироваться за рѣку Требіо. Но какъ мы удерживали только свою позицію и выгодное мѣстоположеніе, то по симъ и другимъ обстоятельствамъ дальнѣйшее преслѣдованіе съ нашей стороны было остановлено. Сраженіе продолжалось до самаго поздняго вечера, когда разлившаяся темнота прекратила наши дѣйствія и разлучила насъ съ непріятелемъ.

Сія побѣда была тѣмъ для насъ славнѣе, что исторгнута изъ рукъ сильнаго непріятеля благоразумнымъ распоряженіемъ нашего великаго полководца, безсмертнаго Суворова, и нашимъ собственнымъ мужествомъ.

Уронъ непріятеля въ сей день убитыми и плѣнными состоялъ въ 3.000 человѣкъ съ потерею орудій и знаменъ; довольно погибло и съ нашей стороны, но болѣе раненыхъ.

Такимъ образомъ, удержавъ за собою свое мѣсто, мы не отчаявались встрѣтиться опять со своими врагами; хотя такія упорныя и кровопролитныя генеральныя сраженія умалили нашу силу во всѣхъ чинахъ ее составляющихъ, но они не лишили насъ того мужества, той бодрости духа и самонадѣянности, съ каковыми мы всегда были готовы противостоять нашему врагу. Одна только бездѣйственность умерщвляетъ сей великій духъ, но опытность возвышаетъ его.

9.—Сего дня присоединились къ нашему корпусу наши авангардъ и два полка донскихъ казаковъ. Сіе подкрѣпленіе воспламенило насъ новыми желаніями сразиться съ непріятелемъ. Предпріимчивый и рѣшительный нашъ полководецъ повелѣваетъ — и баталіоны свертываются въ густыя колонны, идутъ—идутъ быстро, съ надеждою въ душѣ, съ пламеннымъ нетерпѣніемъ въ сердцѣ еще поражать нечестивую пропаганду—слова Суворова.

Разлившаяся рѣка Требіо, въ которую открыты были всѣ шлюзы изъ каналовъ, какъ хитрость непріятельская, не удерживаетъ нашего стремленія; мы переходимъ ее въ бродъ индѣ по плечи, сберегая сколько возможно свои ружья и патроны, неся оные на головахъ съ сумою, ихъ вмѣщающею.

Переправясь на другую сторону рѣки и свернувшись опять въ колонны, идемъ далѣе, чтобы сыскать непріятеля; но узнаемъ, что онъ, оставя свою позицію и со всѣми своими силами, поспѣшаетъ ретироваться, дабы уклониться отъ всякаго дѣйствія. Немедленно устроились мы къ преслѣдованію и, взявъ кратчайшій къ тому путь, достигли своей цѣли, принудили его остановиться при рѣкѣ Тонарѣ и дать рѣшительное сраженіе, въ продолженіи котораго храбрость нашего войска, одобреннаго столь блестящими успѣхами, была неизъяснима. Безъ всякія пощады поражали мы все намъ сопротивляющееся или брали въ плѣнъ большими частями. Словомъ: кто только имѣлъ духъ, достойный россіянина, тотъ имѣлъ случай оказать его въ полномъ своемъ блескѣ при семъ достопамятномъ сраже-

ніи; и дѣйствительно, многіе чиновники отличались въ сей день необыкновенною и чудесною неустрашимостью. Но для чего же не сказать мнѣ и о себѣ той истины, которая извѣстна всему корпусу и всѣмъ начальникамъ моимъ? Во время преслѣдованія непріятеля, я, съ малымъ числомъ охотниковъ, изъ 60 человѣкъ нашего полка состоящимъ, примкнулъ сначала къ правому флангу нашего авангарда, на коемъ находился Егерскій полкъ генерала Чубарова, дѣйствующій разсыпною линіею и различно по содержанію мѣстнаго положенія и движеній непріятельскихъ. Быстрота, съ которою производили мы наше преслѣдованіе, завлекла меня потомъ за черту умѣренности, и я, съ своими охотниками, очутился впереди всѣхъ нашихъ войскъ, какія только были здѣсь въ дѣйствіи. Большое открытое мѣсто представило вдали глазамъ моимъ три французскія колонны, тихимъ шагомъ въ порядкѣ ретирующіяся. Направленіе колоннъ сихъ было различное: одна склонялась влѣво, другая шла прямо, а третья гораздо правѣе. Такая величественная картина остановила шаги мои вмѣстѣ съ воображеніемъ. Я оглядываюсь назадъ и никого болѣе не вижу кромѣ храбрыхъ моихъ товарищей, съ довѣренностію за мною слѣдующихъ.—„Товарищи! воскликнулъ я, видите ли вы подвигъ, намъ предстоящій, славу, насъ ожидающую? Чувствуете ли вы въ себѣ столько мужества и отважности, чтобы сразиться съ столь превосходною силою непріятеля?“—„Чувствуемъ, ваше благородіе, закричали они въ одинъ голосъ, ведите насъ, мы готовы.“—Но вопросъ: „на которую изъ колоннъ ударить намъ? Если на послѣднія двѣ, онѣ отдѣлятъ насъ далеко вправо отъ корпуса; ударимъ на лѣвую. Егери недалеко отъ насъ, они въ нужномъ случаѣ намъ помогутъ.“—„Слушаемъ, ваше благородіе!“ былъ ихъ отвѣтъ, потрясая штыками. — Немедленно устроилъ я свою команду въ разсыпную линію, дабы придать ей нѣсколько приличія къ такому отважному предпріятію и съ мѣста принялъ на штыки, восклицая „ура!“ Колонна мгновенно развернулась на заднюю ширингу и сдѣлала по насъ залпъ. Но прежде нежели оный совершился, я предузналъ намѣреніе непріятеля, по первому его движенію, велѣлъ пасть на землю и залпъ пролетѣлъ по воздуху. Колонна опять свернулась и продолжала свою медленную ретираду. Я бросился вторично на штыки, наполняя воздухъ громогласнымъ „ура!“ и сталъ ближе къ колоннѣ, когда она учинила опять движеніе, подобное первому. Но когда намѣревалась она сдѣлать третій

залпъ, я не допустилъ ее до того, чтобы развернуться, и съ стремленіемъ, свойственнымъ отчаянному, бросился на нее со всѣхъ сторонъ; она поколебалась, какъ нѣкая громада въ своемъ основаніи, и въ одинъ голосъ воскликнула пардонъ! И въ то же мгновеніе 900 ружей лежали въ одномъ кострѣ, изломанныя руками побѣжденныхъ. Сія поразительная картина, при всемъ моемъ изступленіи, заставила меня содрогнуться; но, пришедъ въ себя, я повелѣваю французской колоннѣ построиться и покориться закону войны. Въ минуту все это исполнилось; ибо я требовалъ сего на ихъ отечественномъ языкѣ—и я торжествую побѣду, въ духѣ своемъ раздѣляя мое восхищеніе съ своими храбрыми товарищами.—Это былъ 19-й французскій полкъ Овернье, при ономъ находилось два знамя, полковникъ *Гарисъ*, еще одинъ штабъ-офицеръ, 19 офицеровъ и 900 нижнихъ чиновъ. Я лечу на встрѣчу къ генералу Чубарову, бывшему очевиднымъ свидѣтелемъ сего отважнаго дѣйствія, котораго однако жъ не успѣлъ онъ быть участникомъ, поелику оно совершено съ быстротою молній; отношусь къ нему по долгу службы и лестное привѣтствіе излилося въ душу мою. Здѣсь остановился я, будучи окруженъ трофеями, какъ доказательствомъ пламенной ревности, съ каковою проходилъ я военное поприще. Вскорѣ прибыли сюда генералъ Розенбергъ и Швыйковскій, которые въ лестныхъ выраженіяхъ изъявили мнѣ свое привѣтствіе. За нами послѣдовали со всѣми своими свитами великій князь Константинъ и непобѣдимый нашъ вождь Суворовъ, провозглашающій своими устами торжественное „ура!“ и слезы радости текли по ланитамъ сего безсмертнаго героя. Я поднесъ ему свои трофеи; онъ принялъ ихъ; благодарилъ меня, какъ храбраго офицера, облобызалъ, какъ товарища; благословилъ, какъ сына, и тутъ же приказалъ князю Андрею Гарчакову записать мое имя въ книжку и представить къ особому награжденію, а между тѣмъ знамена отъ меня принять; но какое-то предчувствіе не допускало меня исполнить сего здѣсь на мѣстѣ, и я оставилъ ихъ при себѣ. Что и дѣйствительно совершилось надо мною: ибо первое приказаніе фельдмаршала исполнилось при мнѣ въ ту же минуту: мой чинъ и мое имя стояло па ряду съ отличившимися; но достойное награжденіе не достигло до меня: зависть и подлое льщеніе судь два изчадія Тартара, коимъ издавна раболѣпствуютъ низкія души; онѣ отклонили отъ меня заслуженное моею грудью, моею кровію. Но презримъ сихъ нече-

стивцевъ; совѣсть не обличитъ меня никогда въ нарушеніи моего долга къ отечеству, и признательность всѣхъ почтенныхъ начальниковъ, при лицѣ тысячи воиновъ мнѣ оказанная, и свидѣтельство моихъ храбрыхъ товарищей, составить мою главу: вотъ моя единственная награда! вотъ мое успокоеніе!

Симъ послѣднимъ и блестящимъ подвигомъ увѣнчались четырехдневные труды наши, въ продолженіи коихъ неутомимое мужество россійскаго воинства доказано было чудесными событіями; всѣ воинскія добродѣтели не оставляли ихъ ни на минуту; по мѣрѣ, какъ увеличивалась ихъ опасность, такъ увеличивались ихъ мужество и бодрость духа, коихъ сила при направленіи мудраго и опытнаго полководца не истощилась.

О! для чего нѣтъ въ станѣ нашемъ вдохновеннаго пѣвца, который бы, будучи очивиднымъ свидѣтелемъ, или паче участникомъ всѣхъ знаменитыхъ дѣяній своихъ соотечественниковъ, воспѣлъ ихъ языкомъ боговъ и передалъ бы ихъ позднѣйшему потомству съ именами героевъ, особенно отличившихся, дабы многіе познали предковъ своихъ по благородству души, по духу и неуклончивости ихъ предъ кумирами щастія; удивляясь, текли бы во слѣдъ имъ, но безъ собственныхъ достоинствъ не гордились бы ихъ доблестію, какъ слабымъ преимуществомъ для мудраго. Непріятельскую, дѣйствующую здѣсь армію, считали въ 45.000, а весь его уронъ, въ продолженіи четырехдневныхъ сраженій, кромѣ раненыхъ, одними убитыми и въ плѣнъ взятыми, полагали: генераловъ 4, штабъ и оберъ-офицеровъ болѣе 500 и до 18.000 нижнихъ чиновъ, а остальныхъ въ большомъ разстройствѣ, что и принудило ихъ уклониться отъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Главнѣйшіе французскіе генералы, въ сихъ сраженіяхъ предводительствующіе, были главнокомандующій Магдональдъ, за нимъ Моро, Руско, Шарпантье, Оливье, Викторъ, Сальмъ, Блондо, Гранжо, Камбре и Домбровскій со своими польскими легіонами, которыхъ отъ 2.000 едва-ли осталось до 300; ибо они составляли авангардъ дѣйствующей здѣсь арміи и были всегда употребляемы въ первый опаснѣйшій огонь, сколько по направленію французскаго начальства, столько и собственнаго своего духа, питая къ русскимъ непримиримую злобу. Сей польскій корпусъ пилигримовъ, предводительствуемый его начальникомъ Домбровскимъ, есть тотъ самый, который, послѣ пораженія своего подъ Вильною 31-го іюля 1794 года, оставилъ

свое отечество и присоединился къ бѣснующимся французамъ, что и значится въ запискахъ моихъ того года.

Потеря союзныхъ императорскихъ войскъ простирается въ нѣсколькихъ штабъ-и оберъ-офицеровъ, и болѣе раненыхъ; нижнихъ чиновъ убитыхъ и раненыхъ до 5.000.

Сія знаменитая побѣда, одержанная сряду въ четырехъ генеральныхъ сраженіяхъ надъ главнымъ и соединившимся отъ всюду французскимъ корпусомъ въ Италіи, въ планѣ коего положено было разстроить наши силы и нанести намъ рѣшительный ударъ, распространила между ихъ войсками ужасъ и боязнь, но возвеличила славу россіянъ и возбудила уснувшій воинственный духъ въ союзникахъ нашихъ, австрійцахъ; они также дѣйствовали и старались подражать намъ, но отличнѣйшіе изъ нихъ полки были венгерскіе гусары и ихъ гренадеры.

Сего же числа австрійцы одержали знаменитую побѣду надъ французами при городѣ Піаченцѣ, коимъ овладѣвъ, взяли тамъ въ плѣнъ раненыхъ четырехъ генераловъ, нѣсколько орудій и до 2.000 человѣкъ разныхъ чиновъ.—Мы остались отдыхать на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прекратили наши дѣйствія и которое останется навсегда памятнымъ славы россіянъ и пораженія французовъ.

10.—По утру сошли съ сего мѣста и слѣдовали къ мѣстечку Фіоренцолло, гдѣ и остановились корпусомъ по дорогѣ, ведущей къ Пармѣ.—Получено извѣстіе, что Туринская цитадель съ находящимся въ ней французскимъ гарнизономъ, сдалась на капитуляцію.

11.—На семъ же мѣстѣ отдохновеніе.—Въ сей день рѣшился я удержанныя при себѣ два французскія знамя отнести въ главную квартиру и представить ихъ фельдмаршалу; но озабоченность Суворова не допустила меня исполнить моего намѣренія такъ, какъ я предполагалъ. Я здалъ знамена чиновникамъ дежурства, получивъ въ замѣну увѣреніе, что мой подвигъ не останется безъ достойнаго награжденія.—Надежда! душа смертныхъ! ты услаждаешь и самаго горестнаго страдальца въ его бѣдствіяхъ; ты сопровождаешь насъ на поприщѣ нашей жизни и послѣдній нашъ вздохъ къ вѣчности тебѣ жъ одной принадлежитъ. Такъ и я съ робкимъ ожиданіемъ предаюсь тебѣ и волѣ самого Предопредѣлителя.

12.—Въ третьемъ часу по полуночи снялись мы съ мѣста и, прошедъ городъ Піаченцу, остановились лагеремъ. Городъ сей,

хотя не обширенъ, но довольно хорошъ. Въ ономъ достойны примѣчанія древніе монументы, воздвигнутые Анибалу и Сципіону, симъ великимъ мужамъ своего времени и поставленные одинъ противъ другаго. Они представлены въ натуральную величину, безъ всякихъ украшеній, въ однѣхъ тогахъ, сидящіе верхами на лошадяхъ, что все вылито изъ желтой мѣди и поставлено на не высокихъ мраморныхъ подножіяхъ; но въ разсужденіи работы, искусства въ отливкѣ и постановки не имѣютъ никакого сравненія съ нашимъ мастерскимъ монументомъ, воздвигнутымъ Императору Петру I въ С.-Петербургѣ.—Сей самый городъ и его окружная страна, или лучше сказать, тѣ самыя мѣста, при рѣкахъ Тидонѣ, Требіи, Тонарѣ и Нурѣ, гдѣ поразили мы нынѣ французовъ, были свидѣтелями и знаменитыхъ побѣдъ сихъ великихъ героевъ древности, которыя побѣды въ чертежѣ древнихъ лѣтописей извѣстны подъ именемъ Требуанскихъ, когда Аннибалъ Карѳагенскій одержалъ оныя надъ двумя знаменитыми Римскими полководцами Корнеліемъ-Сципіономъ и Семпроніемъ за 216 лѣтъ до Рождества Христова, и гдѣ побѣдители одни золотыя кольца, снятыя съ убитыхъ римлянъ, яко добычу, размѣривали между собою четвериками.—О чудесное направленіе Строителя вселенныя! Слишкомъ черезъ двадцать вѣковъ привело ты сюда чадъ холоднаго сѣвера, предводимыхъ своимъ Аннибаломъ, чтобы пожать здѣсь лавры неувядаемой славы и торжествовать побѣду надъ просвѣщеннымъ галломъ! Вотъ наша добыча, наше драгоцѣнное злато, которое раздѣляли мы между собою въ странѣ чуждой, на поляхъ прелестныя Италіи, гдѣ каждый шагъ ознаменованъ доблестію русскаго.

13.—Въ полдень снялись съ лагеря и, прошедъ мѣстечки Сентъ-Жовано и Страделло, остановились.

14. — На разсвѣтѣ продолжали маршъ чрезъ мѣстечко Кастаджіо и остановились отдыхать при небольшомъ городѣ Вогерѣ, гдѣ послѣ нашего отсюда удаленія была французская дивизія подъ начальствомъ генерала Моро, взяла контрибуцію и намѣрена была тутъ утвердиться, но, узнавъ о нашемъ приближеніи, удалилась; со всѣмъ тѣмъ наши казаки въ своемъ преслѣдованіи сихъ трусливыхъ героевъ немножко пощипали.—Потомъ продолжали мы путь свой чрезъ Кастельново-ди-Скривіо; прочія отдѣленія потянулись чрезъ рѣку Скривіо къ Салѣ, а нашъ полкъ Чубарова направилъ свой путь къ городу и крѣпости Тортонѣ, въ виду которой и остановились.

Здѣсь предлежалъ намъ новый подвигъ, достойный русскаго, о коемъ я намѣренъ разсказать подробно. Но гдѣ найду выраженія, соотвѣтственныя моему намѣренію и самому дѣйствію? О, природа! какъ ты скупа для меня! Для чего не вдохнула ты въ меня сего изящнаго таланта, посредствомъ бы коего я могъ перелить въ душу позднѣйшаго потомства тѣ же самыя доблести, которыя возвышали предковъ ихъ, какъ кремнистую скалу среди бурнаго моря, дабы, поражаясь примѣрами ихъ, текло оно во слѣдъ сего великаго духа, составляющаго славу русскаго племени. Тогда бы благодарное отечество поставило и мое имя на ряду съ мужами, учинившимися достойными блистать въ его лѣтописяхъ. Но предадимся безъ ропота опредѣленію и станемъ продолжать такъ, какъ ничтожныя способности мои внушаютъ мнѣ. Никто изъ чуждыхъ не услышитъ гласа моего, одни мои присные приближутся къ нему и наполнятъ слухъ свой повѣствованіемъ моимъ.

По вечеру явились въ лагерь нашъ депутаты города Тортоны, которые именемъ всѣхъ жителей приглашали насъ войти въ городъ съ такимъ предположеніемъ, что якобы французы, находящіеся въ крѣпости Тортоны, обѣщались сдать имъ и самую крѣпость, ежели они займутъ городъ. Такой лестный о насъ отзывъ непріятеля и приглашеніе жителей возбудили наше честолюбіе, наше тщеславіе покорить непобѣдимую однимъ своимъ приближеніемъ, безъ всякихъ условій, безъ пролитія капли крови.—Но какъ ввѣриться людямъ, совсѣмъ намъ не знаемымъ? Истинно ли ихъ убѣжденіе? Не скрывается ли тутъ воинскія хитрости непріятеля, дабы, заманивъ въ свои сѣти, погубить насъ? Какъ жертвовать столь значительнымъ отрядомъ, и въ ночное время неизвѣстности, одной мечтѣ, насъ плѣняющей, и безъ вѣдома военачальника?

Въ сихъ предположеніяхъ, въ сей нерѣшимости, генералъ Чубаровъ, начальствующій нашимъ отрядомъ, собираетъ всѣхъ его штабъ-и оберъ-офицеровъ, раскрываетъ намъ свои сомнѣнія на щотъ сего обстоятельства, въ противномъ случаѣ столь блестящаго и могущаго быть угоднымъ нашему повелителю, и рѣшается испытать его. Онъ предлагаетъ совершить сей отважный подвигъ одному изъ среды насъ желающему, который бы съ небольшимъ отрядомъ отправился вмѣстѣ съ депутатами въ городъ Тортону для изслѣдованія сего важнаго предложенія, и буде онъ окажется справедливымъ, то по занятіи города извѣстить его о послѣдствіи, и тогда уже онъ со всѣмъ своимъ

отрядомъ не замедлитъ соединиться для совершеннаго окончанія сего предположенія, или въ случаѣ обмана, когда не будетъ уже средствъ къ возвращенію, какъ герою — умереть, спасая жизнь и славу тысячѣ своихъ соотечественниковъ.— Робкія души молчатъ, и никто не вызывается; но побужденіе къ великому, необыкновенному, подвигло меня на сей неизвѣстный и опасный подвигъ — и я вызвался самъ совершить его. Генералъ Чубаровъ зналъ меня по многимъ дѣйствіямъ, онъ видѣлъ меня подъ Бассиньяномъ, видѣлъ на Требіи и съ радостію принялъ мое предложеніе. Въ полной увѣренности препоручилъ онъ мнѣ исполненіе сей критической операціи и предоставилъ все моему благоразумію. Нѣтъ сомнѣнія, что въ такомъ большомъ количествѣ чиновниковъ нашлось бы много подобныхъ мнѣ исполнителей; я не отнимаю ни у кого ихъ достоинствъ — въ военной службѣ отговариваться не возможно, особенно когда послѣдуетъ личное назначеніе — но вызваться самому тогда, какъ едва кончилось предложеніе, какъ всѣ молчали и, можетъ быть, ожидали назначенія— это есть нѣчто выше обыкновеннаго. Но дѣло рѣшено: я прочелъ на лицахъ всѣхъ моихъ товарищей полное удовольствіе и въ особенности на лицахъ моихъ недоброжелателей блистала совершенная радость. Я простился съ друзьями, какъ вподлинно идущій на вѣрную смерть; взялъ одну свою роту, преданную мнѣ до изступленія, которая состояла изъ одного офицера и осьмидесяти человѣкъ нижнихъ чиновъ, не забывъ при томъ и двухъ депутатовъ и пошелъ.

Глухая полночь прикрывала путь мой. До первыхъ воротъ города, называемыхъ Миланскими, должно было идти отъ лагернаго мѣста около полуторы версты. Я слѣдовалъ тихо по дорогѣ, оставляя за собою изъ числа моихъ гранадеръ на соразмѣрныхъ дистанціяхъ сигналы, дабы послѣдствія моей операціи съ сею воздушною почтою могли скорѣе достигнуть до генерала и его корпуса. Съ величайшею осторожностью, которой требовала безмолвная тишина ночи, вошелъ я въ городъ и поднялъ за собою подъемный мостъ; ибо весь городъ окруженъ былъ глубокимъ рвомъ и каменною невысокою, но толстою стѣною. Я прибралъ въ находящуюся при воротахъ караульню моихъ проводниковъ и заперъ ихъ тамъ на случай каковой-либо могущей произойти отъ нихъ измѣны и разослалъ надежные патрули для обозрѣнія города, какъ внутри, такъ и въ его окружности и къ сторонѣ цитадели, а самъ остался съ

малою частію у воротъ, окружа себя цѣпью. Не ближе какъ черезъ полтора часа, всѣ посланные мною дозоры и патрули возвратились, донося, что нигдѣ не нашли ничего подозрительнаго и во всѣхъ мѣстахъ видно одно спокойствіе, доставляемое тишиною ночи. Тогда уже отрядилъ я во всѣ нужныя мѣста приличные пикеты и въ особенности къ сторонѣ цитадели, скрывъ его между стѣнными зубцами, а между тѣмъ послалъ по воздуху сигналъ къ генералу Чубарову, что городъ благополучно мною занятъ, непріятелей въ немъ нѣтъ, и все спокойно, и что онъ со всѣмъ своимъ отрядомъ можетъ войти въ него безъ всякаго опасенія.

Занятіе мною города Тортоны, безъ всякихъ непріятныхъ послѣдствій, должно отнести одному счастливому случаю и моимъ предосторожностямъ, но не общему порядку вещей, ибо весьма легко могла тутъ скрываться хитрость непріятеля, производимая черезъ посредство вѣроломныхъ итальянцевъ, и могло бы совершиться надо мною весьма горестное событіе, или быть взяту въ плѣнъ, или въ случаѣ защищенія погибнуть всѣмъ невозвратно. Но я очень былъ увѣренъ, что послѣднее скорѣе бы исполнилось съ нами потому, что ни я и ни одинъ изъ моихъ гренадеръ не захотѣлъ бы понести на себѣ безславія, чтобы отдаться въ руки непріятеля безъ всякаго сопротивленія, и мною положенъ былъ пароль: „Слава и смерть“; почему всѣмъ разставленнымъ мною здѣсь карауламъ отдано было отъ меня приказаніе, по первому выстрѣлу, оставлять свои мѣста для соединенія со мною у воротъ, гдѣ я оставался, и тогда уже предпринимать то, что бы по содержанію обстоятельствъ потребовалось. Но какъ все было покойно, городъ занятъ, караулы разставлены и сигналъ полетѣлъ уже по воздуху, то и ожидалъ я съ нетерпѣніемъ прибытія всего отряда, единственно потому, чтобы предъ лицемъ его оправдалась довѣренность ко мнѣ начальника, чтобы снова облобызать друзей своихъ и восторжествовать надъ злоцѣями.

15.—Предъ зарею вступилъ нашъ корпусъ и съ орудіями при ономъ находящимися въ городъ и расположился на средней площади онаго. Разумѣется, что при встрѣчѣ моей съ начальникомъ я награжденъ былъ отъ него весьма лестнымъ привѣтствіемъ, равно и отъ моихъ товарищей—друзей; однѣ низкія души, подстрекаемыя завистію, питали свои злостныя чувствованія, но судьба въ свое время умѣетъ наказывать сихъ

преступниковъ спокойствія общественнаго, что̀ увидимъ впослѣдствіи.

Совершенный свѣтъ дня открылъ глазамъ нашимъ величественную картину Тортонской крѣпости, основанной на высокой горѣ, примыкающей своими отлогостями къ самому городу, въ видѣ равносторонняго четвероугольника. Колоссальная стѣна ея возвышается изъ гладкаго гранита, какъ бы изъ одного вещества сотворенная. Высота оныхъ отъ земной поверхности не менѣе десяти саженъ; обрыта весьма глубокимъ валомъ. Каждый фасъ снабженъ орудіями разнаго калибра въ три яруса, въ каждомъ изъ нихъ по 24, итого въ фасъ 72, а въ четырехъ 288 орудій, кромѣ бастіоновъ. Всѣ стѣны покрыты были движущимися французами, и знамя вольности развѣвалось между ими. Высота крѣпости повелѣваетъ не только городомъ, но и всѣми окружающими ее высотами. Она отдѣлена отъ города на ружейный выстрѣлъ.

Вступленіе всего корпуса въ городъ ознаменовано смертію одного штабъ-офицера нашего полка, подполковника Бѣшенцева. По вступленіи своемъ въ городъ, первое его дѣло было обревизовать всѣ посты, разставленные мною по занятіи города, не имѣя на то ни малѣйшаго права, ниже порученія отъ начальника и отъ полковаго командира, но единственно въ томъ намѣреніи, чтобы касательно меня найти что-нибудь удобное къ осужденію, и когда онъ приближался къ караулу, поставленному мною скрытно на городской стѣнѣ для наблюденій движеній непріятеля, находящагося въ цитадели, и хотѣлъ перевести его на другое мѣсто, по его мнѣнію удобнѣйшее, какъ роковая пуля, надобно полагать, пущенная изъ винтовки мѣткимъ стрѣлкомъ, поразила его наповалъ и прекратила незавидную жизнь его.

Это былъ единственный выстрѣлъ, сдѣланный непріятелемъ въ городъ изъ цитадели въ продолженіи цѣлыхъ сутокъ; ибо законъ войны весьма строго сіе запрещаетъ, какъ и всякое осадное дѣйствіе со стороны города. Мы предали землѣ тѣло сего чиновника въ самомъ городѣ и безъ всякихъ священныхъ отрядовъ, ибо левита при себѣ не имѣли; ни одна слеза сожалѣнія не канула на могилу его; она осталась вѣчнымъ памятникомъ для жителей Тортоны, что чада хладнаго сѣвера, безтрепетные россіяне, были здѣсь нѣкогда и съ хладнокровіемъ взирали на громы, вознесенные къ облакамъ ихъ гордынею.— Генералъ Чубаровъ, желая привести къ окончанію цѣль своего

вступленія въ городъ, немедленно послалъ съ трубачемъ въ крѣпость нашего маіора Буланина для объясненія съ начальствующимъ тамъ надъ французскимъ гарнизономъ. Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали мы возвращенія сего посольства, могущаго, по словамъ пригласившихъ насъ жителей, доставить намъ блестящую славу чрезъ такое покореніе знаменитѣйшей крѣпости въ Италіи. Но, съ возвращеніемъ къ намъ маіора Буланина, наше радостное ожиданіе превратилось въ сердечную скорбь. Онъ принесъ намъ отзывъ начальствующаго надъ гарнизономъ коменданта де-Васта, что онъ удивляется нашему легковѣрію, съ каковымъ мы вступили въ городъ, что онъ никогда не помышлялъ о столь постыдной для себя сдачѣ и будетъ защищать крѣпость до послѣдней крайности. Такой рѣшительный отказъ оставилъ всѣ наши предпріятія безъ успѣха, которыми мы столько обольщали себя, и потому рѣшились оставить опять городъ. Но, какъ онаго въ продолженіи дня сдѣлать было невозможно, то мы и пробыли здѣсь до самой полуночи, когда австрійскія войска прибыли къ намъ какъ будто бы на смѣну, или предполагая раздѣлить съ нами завоеваніе сей знаменитой крѣпости.

16.—Послѣ полуночи, снявъ всѣ свои посты, выступили мы изъ города Тортоны, слѣдовали опять чрезъ Кастельноводи-Скривіо, чрезъ рѣку Скривіо въ бродъ, чрезъ селеніе Сале и Сентъ-Жульяно къ городу Александріи, гдѣ и соединились съ главнымъ своимъ корпусомъ, расположеннымъ здѣсь блокадою.

Австрійскій корпусъ, состоящій изъ 7.000, подъ начальствомъ генерала Беллегарда, имѣлъ въ сихъ окружностяхъ съ 15.000-мъ французскимъ корпусомъ, 12 числа, сраженіе, которое склонилось въ пользу австрійцевъ; непріятель отступилъ и едва не встрѣтился съ нами, когда мы, 14 числа, подходили къ городу *Вогерп*, гдѣ онъ успѣлъ взять контрибуцію, что видно и въ запискахъ моихъ.

17, 18 и 19.—На семъ же мѣстѣ.

20.—Оставили свое первое мѣсто лагеря и подвинулись ближе къ городу съ правой его стороны.

21, 22 и 23.—Спокойствіе. Былъ въ городѣ Александріи. Онъ лежитъ при рѣкѣ *Тонарп*, вытекающей изъ рѣки *По*. Крѣпость его находится за рѣкой и занята французами. Городъ довольно обширенъ и хорошо устроенъ; изобилуетъ всякими произведеніями природы и промышленности, которая, не

взирая на огонь войны, всюду разлившійся, доставляетъ всякаго рода роскошь и изобильное продовольствіе жизни. Здѣсь есть оперный домъ, коего части довольно занимательны и служили нашимъ развлеченіемъ внѣ обязанности. Фельдмаршалъ Суворовъ находился здѣсь, такъ и прочій генералитетъ, коего подвѣдомственныя части составляли блокадную армію около Александріи.

24.—Было ученіе соединеннаго корпуса съ пальбой. Еслибы сіе ученіе не содержало въ себѣ богатой мысли фельдмаршала, то оно было бы излишнее въ такое время, когда сила и труды воиновъ нужны для важнѣйшихъ предназначеній; но онъ хотѣлъ показать непріятелю, въ крѣпости находящемуся, въ виду коей сіе ученіе происходило, что русское воинство неутомимо, что всякая бездѣйственность для него болѣе отяготительна, нежели самые труды, и что оно всегда готово на пораженіе своего супостата. Сверхъ того, была сему и другая причина: онъ хотѣлъ показать нашимъ союзникамъ-австрійцамъ, какъ должно сражаться на штыкахъ и преимущество ихъ предъ стрѣльбою. Онъ поручилъ даже князю Багратіону учить австрійцевъ правиламъ, какимъ образомъ надлежитъ дѣйствовать штыкомъ.

Всѣ остальные дни сего мѣсяца простояли мы на семъ мѣстѣ въ спокойствіи, безъ всякаго движенія. Мы бывали ежедневно въ городѣ, и всякій по своимъ склонностямъ находилъ для себя занятіе и разсѣяніе.

29.—Прибылъ въ корпусъ генералъ Миллеръ, вмѣсто генерала Чубарова, который вовсе оставилъ службу. Не извѣстны были истинныя причины, побудившія сего храбраго воина въ его званіи и въ такое блестящее время уклониться со сцены служенія; но надобно навѣрное полагать, что онъ чувствовалъ себя много обиженнымъ въ отличіяхъ и признательности главнокомандующаго; ибо Чубаровъ былъ человѣкъ характера твердаго, неискательнаго; онъ хотѣлъ все пріобрѣсть своею грудью и точнымъ исполненіемъ своего долга, возлагаемаго на него честью и званіемъ, но не низкимъ ласкательствомъ и угожденіями всѣмъ канцелярскимъ героямъ, кои и на мягкихъ своихъ ложахъ, среди роскоши и забавъ, употребляли во зло довѣренность своего начальника и милости своего монарха, пользовались всѣми преимуществами истинныхъ героевъ и были испещрены знаками отличія, тогда какъ звуки браннаго оружія едва касались до слуха ихъ, тогда какъ

истинный герой, предводительствуя ввѣреннымъ ему полкомъ, видѣлъ тысячи смертей, вокругъ его летающихъ, тысячи опасностей, въ кои повергался онъ, и раненый, и изнуренный въ силахъ никогда не оставлялъ со стыдомъ своего мѣста. Вотъ правило истинно-благороднаго и любящаго честь не подъ однимъ наружнымъ ея видомъ, но по свойству ея, составляющему украшеніе всякаго человѣка, кольми же паче воина. Но вотъ и участь ихъ, которая по страннымъ опредѣленіямъ судьбы есть всегдашнею и непреложною наградою добродѣтельныхъ и великихъ по своему духу, по своимъ свойствамъ и по дѣламъ. Основываясь на семъ послѣднемъ положеніи, скажу, что многіе, подобные Чубарову, испили и подобную ему чашу. Я не обвиняю въ томъ нашего великаго полководца; его озабоченность, его многосложныя занятія препятствовали ему все видѣть, все дознать самимъ собою; онъ ввѣрился людямъ, которые дѣлали все то, что хотѣли, къ чему направляли ихъ лесть, зависть и мщеніе; часто и самыя его приказанія не исполнялись; сверхъ сего онъ былъ недоступчивъ, и злоупотребленія, отъ окружающихъ его происходящія, оставались нераскрытыми, а честь и заслуги, кровію пріобрѣтаемыя, ненагражденными. Но кто же отмститъ за насъ, когда это есть опредѣленіе судьбы?—Молчаніе...

30.—По раздѣленіи нашей арміи на два корпуса, генералъ Розенбергъ принялъ начальство надъ вторымъ, а нашъ полкъ остался въ первомъ при фельдмаршалѣ Суворовѣ.

(*До слѣд. №*).

Вечерній звонъ.

Вечерній звонъ... не жди разсвѣта;
Но и въ туманахъ декабря,
Порой мнѣ шлетъ улыбку лѣта
Похолодѣвшая заря...

На всѣ призывы безъ отвѣта
Уходишь ты, мой сѣрый день!
Одинъ закатъ не безъ привѣта...
И не безъ смысла—эта тѣнь...

Вечерній звонъ—душа поэта,
Благослови ты этотъ звонъ...
Онъ не похожъ на крики свѣта,
Спугнувшаго мой лучшій сонъ.

Вечерній звонъ... И въ отдаленьи
Сквозь гулъ тревоги городской,
Ты мнѣ пророчишь вдохновенье
Или могилу и покой.

Но жизнь и смерти призракъ міру
О чемъ-то вѣчномъ говорятъ,

И какъ ни громко пой ты,—лиру
Колокола перезвонятъ.

Безъ нихъ, быть можетъ, даже геній
Людьми забудется какъ сонъ,—
И будетъ міръ иныхъ явленій,
Иныхъ торжествъ и похоронъ.

12 мая 1890 г. Я. ПОЛОНСКІЙ.

Подлинное дѣло о смерти Грибоѣдова.

Всѣ извѣстные намъ персидскіе лѣтописцы [1]) единодушно отрицаютъ прикосновенность правительства Ирана къ убійству 30 января 1829 года нашего посланника въ Тегеранѣ А. С. Грибоѣдова и ссылаются на уцѣлѣвшаго отъ неистовства черни секретаря посольства И. С. Мальцова, какъ на свидѣтеля вины самого Грибоѣдова въ постигшей его и весь личный составъ нашего посольства страшной участи. По словамъ Мирзы-Таки, спасенному Мальцову шахъ „оказалъ милость и ласку, и тотъ вполнѣ призналъ вину Грибоѣдова", а другой персидскій лѣтописецъ (Мухаммедъ-Хасанъ-ханъ) добавляетъ, что Мальцовъ „доложилъ объ этомъ (т. е. о винѣ Грибоѣдова) довѣреннымъ лицамъ Императорскаго двора, и самъ отправился въ Тифлисъ и объяснилъ Паскевичу все подробно; оттуда отправился въ Петербургъ и приложилъ стараніе къ устраненію замѣшательства". На пути въ Россію, въ Тавризѣ, по словамъ третьяго персидскаго лѣтописца, онъ то же самое подтвердилъ и Наибъ-султану (наслѣднику престола). Такимъ образомъ персидскіе лѣтописцы объѣляютъ свое правительство показаніемъ русскаго свидѣтеля, перваго секретаря посольства, слѣдовательно лица, по своему служебному положенію обязаннаго охранять достоинство дипломатическихъ представителей русской державы, и съ его словъ взваливаютъ

[1]) Риза-Кули-ханъ, Мирза-Таки и Мухаммедъ-Хасанъ-ханъ, въ переводахъ Берже, Мирзы-Каземъ-бека-Абединова и В. Жуковскаго (см. „Русск. Стар." авг. 1872 г., „Русск. Вѣстн." мартъ 1890 г. и „Новое Время" № 5068).

на погибшаго посланника всю отвѣтственность за вопіющее нарушеніе международнаго права.

Александръ Сергѣевичъ самъ признавалъ себя недостаточно подготовленнымъ къ исполненію возложенныхъ на него трудныхъ обязанностей. Въ ноябрѣ 1828 г. онъ писалъ изъ Тавриза бывшей воспитательницѣ своей жены, П. Н. Ахвердовой: „Мнѣ кажется, что я не вполнѣ на своемъ мѣстѣ; нужно бы побольше умѣнія [1]), побольше хладнокровія (il faudrait plus de savoir-faire, plus de sang-froid). Дѣла портятъ мой характеръ. Я дѣлаюсь угрюмымъ; иной разъ на меня нападаетъ охота остепениться (faire la fin), и тутъ уже я дѣйствительно глупѣю. Нѣтъ, я вовсе не гожусь для службы. Меня назначать не слѣдовало. Мнѣ кажется, что я неспособенъ выполнить какъ слѣдуетъ служебныя обязанности [2])". На 34-мъ году жизни рѣдко обладаютъ необходимою для посланника сдержанностію въ рѣчахъ и обращеніи. По собственному выраженію Грибоѣдова, еще на пути въ Тегеранъ ему было „тошно въ этой Персіи, съ этими Джафарханами", съ которыми онъ не желалъ сближаться и которые ждали отъ него угожденій и подарковъ [3]). Онъ писалъ въ декабрѣ 1828 г. къ состоявшему при Паскевичѣ чиновнику Миклашевичу: „Друзей не имѣю никого и не хочу: должны прежде всего бояться Россіи и исполнять то, что велитъ государь Николай Павловичъ, и я увѣряю васъ, что въ этомъ поступаю лучше, чѣмъ тѣ, которые затѣяли бы дѣйствовать мягко и втираться въ персидскую будущую дружбу. Всѣмъ я грозенъ кажусь и меня прозвали *сахтиръ*, coeur dur. Къ намъ перешло до 8.000 армянскихъ семействъ, и я теперь за оставшееся ихъ имущество не имѣю ни днемъ, ни ночью покоя, сохраняя ихъ достояніе и даже доходы; все кое-какъ дѣлается по моему слову". Грибоѣдову причиняла „неимовѣрныя заботы" ст. XIII Туркманчайскаго трактата, обязавшаго персіянъ освободить всѣхъ нашихъ плѣнныхъ подданныхъ. „Даже со-

[1]) Французское слово savoir-faire едва-ли можетъ быть переводимо выраженіемъ „житейскій тактъ", какъ это сдѣлано въ переводѣ писемъ къ Ахвердовой редакціей „Русск. Арх." (1881. III, стр. 189—190).

[2]) Здѣсь также не точно переведена французская фраза: „Je ne suis pas sûr de me bien tirer de toutes les affaires dont je suis chargé". Полн. собр. соч. Грибоѣдова подъ редакц. И. А. Шляпкина, т. I, стр. 307.

[3]) Англичане до пріѣзда Грибоѣдова потратили въ Персіи, со времени посольства Малькольма, *три милліона* фунтовъ стерлинговъ. Роспись этихъ расходовъ была секретно показана Грибоѣдову самимъ англійскимъ посланникомъ, г-мъ Макдональдомъ. Тамъ же, стр. 322.

дѣйствіе правительства (персидскаго), сообщалъ онъ вице-канцлеру графу Нессельроде,—почти недостаточно для того, чтобы отнять ихъ у ихъ настоящихъ владѣльцевъ. Только случайнымъ образомъ удается мнѣ открыть мѣста ихъ несправедливаго заключенія, и только тогда мое вмѣшательство имѣетъ успѣхъ". Тѣмъ не менѣе, въ виду еще неоконченной войны съ Турціей, Грибоѣдовъ рѣшительно высказывался противъ попытокъ „съ ненадежнымъ сосѣдомъ поступать круто и ссориться", строго соблюдалъ правила этикета и дѣятельно устранялъ малѣйшіе поводы къ справедливому неудовольствію персіянъ; такъ, наприм., онъ довелъ до свѣдѣнія Паскевича о „неприличномъ тонѣ" начальника русскаго оккупаціоннаго отряда, въ которомъ тотъ списывался съ Аббасомъ-мирзою, и настоялъ на прекращеніи непосредственной переписки пограничныхъ начальниковъ съ персидскимъ дворомъ [1]). Человѣкъ воспитанный и умный дипломатъ, Грибоѣдовъ, несмотря на свою молодость и пылкость, на то презрѣніе, какое питалъ онъ въ душѣ къ персидскимъ сановникамъ, никогда не позволилъ бы себѣ „поруганія духовенства", посягательства на „честь и доброе имя мусульманъ", никогда бы „не взялся за поступки безобразные", въ чемъ обвиняютъ его персидскіе лѣтописцы, ссылаясь на свидѣтельство ближайшаго къ нему по службѣ русскаго должностнаго лица, перваго секретаря посольства. Къ тому же Александръ Сергѣевичъ имѣлъ особую, личную и такъ сказать внутреннюю причину остерегаться персидской ненависти. Эта причина—его дѣятельное участіе въ славномъ для Россіи Туркманчайскомъ мирномъ договорѣ и въ томъ предчувствіи, которое тяготило его передъ отъѣздомъ въ Тегеранъ. „Прощай, братъ Степанъ! говорилъ онъ, разставаясь въ Тулѣ съ Бѣгичевымъ. Врядъ-ли мы еще съ тобой увидимся... Алаяръ-ханъ мой личный врагъ, онъ меня уходитъ! Не подаритъ онъ мнѣ заключеннаго съ персіянами мира. Старался я отдѣлаться отъ этого посольства! Министръ сначала предложилъ мнѣ ѣхать повѣреннымъ въ дѣлахъ; я отвѣчалъ, что Россіи нужно тамъ имѣть полномочнаго посла, чтобъ не уступать шагу англійскому послу. Министръ улыбнулся и замолчалъ, полагая, что я по честолюбію желаю имѣть титулъ посла. А я подумалъ, что туча прошла мимо и назначатъ кого-нибудь чиновнѣе меня, но черезъ нѣсколько дней министръ присылаетъ за мной и объявляетъ, что я по

[1]) Тамъ же, стр. 281, 292, 303, 305 и 330.

Высочайшей волѣ назначенъ полномочнымъ министромъ. Дѣлать было нечего! Отказаться отъ этого назначенія послѣ всѣхъ милостей государя [1]) было бы съ моей стороны черной неблагодарностью. Да и самое назначеніе меня полномочнымъ министромъ въ моемъ чинѣ я долженъ считать за милость, но предчувствую, что живой изъ Персіи не возвращусь [2]). Алаяръ-ханъ (или Аллах-Яръ-ханъ Асифъ-эд-доулэ) ненавидѣлъ Россію, былъ главнымъ зачинщикомъ предшествовавшей войны и явнымъ врагомъ Аббаса-мирзы, споривша го съ братьями изъза правъ престолонаслѣдія. Паскевичъ считалъ, что убійство Грибоѣдова „было обдуманнымъ послѣдствіемъ самаго вѣроломнаго коварства и что поводомъ къ тому есть намѣреніе вовлечь опять шаха и Аббасъ-мирзу въ войну съ нами, на тотъ конецъ, дабы истребить совершенно династію (собственно царствующую линію) Каджаровъ, или же (въ крайнемъ случаѣ) отдалить отъ наслѣдства персидскаго престола Аббасъ-мирзу въ пользу кого-либо изъ его братьевъ, партія коихъ подкрѣпляется Аллах-Яръ-ханомъ". Хорошо знакомый съ интригами персидскаго двора муджтехидъ [3]) Ага-Мир-Феттъ тоже полагалъ, и высказалъ свое мнѣніе Паскевичу, что это убійство „учинено съ умысломъ, дабы показать народу, что правительство персидское не такъ боится русскихъ, какъ полагаютъ" [4]). Но еще ранѣе, чѣмъ разъяснилось дѣло, именно 18-го марта 1829 г., графъ Нессельроде писалъ: „Его Величеству отрадна была бы увѣренность, что шахъ персидскій и наслѣдникъ престола чужды гнусному и безчеловѣчному умыслу, и что сіе происшествіе должно приписать опрометчивымъ порывамъ усердія покойнаго Грибоѣдова, несоображавшаго поведеніе свое съ грубыми обычаями и понятіями черни тегеранской, а съ другой стороны, извѣстному фанатизму и необузданности сей самой черни, которая одна вынудила шаха и въ 1826 г. начать съ нами войну" [5]). Хотѣли вѣрить оправданіямъ тегеранскаго двора, который ссылался на свидѣтельство Мальцова. И нѣтъ сомнѣ-

---

[1]) Александръ Сергѣевичъ за Туркманчайскій миръ былъ произведенъ изъ надворныхъ въ статскіе совѣтники, получилъ денежную награду и пожалованъ кавалеромъ ордена св. Анны 2-й степени, украшеннаго алмазами.

[2]) Полн. собр. соч., т. I, стр XLIII—XLIV.

[3]) Высшее духовное лицо въ шіитской іерархіи.

[4]) Берже въ „Русск. Стар." 1872 г., кн. VIII, стр. 189.

[5]) Тамъ же, стр. 194.

*

нія въ томъ, что Мальцовъ на вопросы персидскихъ сановниковъ и самого шаха отвѣчалъ совершенно въ духѣ вице-канцлерской депеши. Персидскіе лѣтописцы не лгутъ,—но Мальцовъ *лжесвидѣтельствовалъ*.

Въ нашемъ распоряженіи имѣется два собственноручныхъ донесенія и одно письмо Мальцова къ Паскевичу изъ Нахичевани. Донесенія отъ 21-го и 23-го марта 1829 г. за №№ 6 и 9, а письмо отъ того же 23-го марта. Всѣ эти три документа находятся въ архивѣ дипломатической канцеляріи главноуправляющаго Грузіею, но почему-то не попали подъ руку Берже и не вошли ни въ его статьи о смерти Грибоѣдова, ни въ изданные имъ акты кавказской археографической коммисіи. Берже напечаталъ въ „Русской Старинѣ“, а затѣмъ и въ „актахъ“, только первое показаніе Мальцова о тегеранской катастрофѣ, отправленное имъ къ Паскевичу 18-го марта (за № 4), немедленно по прибытіи въ Нахичевань. J'ai joué ruse pour ruse avec les Persans — самъ Мальцовъ сознается графу Эриванскому и объясняетъ, что̀ именно побудило его къ притворству передъ персидскими сановниками, принцами и самимъ шахомъ. Вотъ его дословное показаніе въ донесеніи за № 6-мъ.

„Я обязанъ чудеснымъ спасеніемъ своимъ какъ необыкновенному счастію, такъ и тому, что не потерялся среди ужасовъ, происходившихъ передъ глазами моими. Я жилъ рядомъ съ табризскимъ мехмендаремъ [1]) нашимъ Набаръ-Али-ханомъ Авшарскимъ, на самомъ первомъ дворѣ; кромѣ меня русскихъ тамъ не было, а жили еще приставленный отъ шаха мехмендарь Мирза-Абулъ-Гуссейнъ-ханъ и караульный султанъ. Когда народъ, съ крикомъ, волною хлынулъ мимо оконъ моихъ, я не зналъ, что думать, хотѣлъ броситься къ посланнику, и не успѣлъ дойти до дверей, какъ уже весь дворъ и крышки усыпаны были свирѣпствующею чернію. Я пошелъ въ балаханѐ [2]) свой, и не прошло пяти минутъ, какъ уже рѣзали кинжалами, передъ глазами моими, курьера нашего Хаджатура. Между тѣмъ народъ бросился на 2-й и 3-й дворъ: тамъ завя-

---

[1]) Въ переводѣ на языкъ посольскаго приказа, *мехмендарь* (или *михмандаръ*) означаетъ „пристава“, т. е. чиновника, посылаемаго на границу государства для встрѣчи и препровожденія чужестранныхъ посланниковъ и другихъ членовъ дипломатическаго корпуса. Обязанность его состоитъ въ наблюденіи за ихъ безопасностью и въ доставленіи имъ всевозможныхъ облегченій въ дорогѣ.

[2]) *Балаханѐ*—верхняя пристройка, мезонинъ.

залась драка, началась перестрѣлка. Увидѣвъ, что нѣкоторые изъ персіянъ не охотно совались впередъ, я далъ одному фарашу [1]) моему 200 червонцевъ и приказалъ ему раздать оные благонадежнымъ людямъ, ему извѣстнымъ, собрать ихъ къ дверямъ моимъ и говорить народу, что здѣсь квартира людей Назаръ-Али-хана. Я сидѣлъ такимъ образомъ болѣе трехъ часовъ въ ежеминутномъ ожиданіи жестокой смерти; видѣлъ какъ сарбазы [2]) и фараши шахскіе спокойно прогуливались среди неистовой черни и грабили находившіяся въ нижнихъ комнатахъ мои вещи. Неоднократно народъ бросался къ дверямъ, но, къ счастію, былъ удерживаемъ подкупленными мною людьми, которые защищали меня именемъ Назаръ-Али-хана. Потомъ, когда уже начало утихать неистовство, пришелъ сергенгъ [3]) и приставилъ караулъ къ дверямъ моимъ. Ночью повелъ онъ меня во дворецъ (переодѣтаго сарбазомъ).

„Зилли-султанъ [4]) (Али-шахъ) самъ находился въ назначенной мнѣ для житья комнатѣ. Онъ началъ описывать въ преувеличенныхъ выраженіяхъ свою горесть и отчаяніе; самъ сказалъ мнѣ, что онъ поѣхалъ было усмирять народъ, но, испугавшись ругательствъ черни, воротился съ поспѣшностію во дворецъ, велѣлъ запереть ворота, разставилъ сарбазовъ по стѣнамъ, чтобы разъяренная чернь не бросилась въ шахскій дворецъ. Я объявилъ ему желаніе ѣхать немедленно въ Россію, и мнѣ обѣщано, что отправятъ меня черезъ три дни. На другой день *тишкомъ* Зилли-султанъ пошелъ къ муштеиду [5]) Мирзѣ-Масси. Я тотчасъ послалъ за нимъ одного преданнаго мнѣ фараша подслушать, что будутъ говорить въ домѣ Шера. Посланецъ принесъ мнѣ весьма неутѣшительное извѣстіе. Муштеидъ совѣтовалъ шаху содержать меня хорошо въ Тегеранѣ, оказать всевозможныя почести, отправить и велѣть убить дорогою какъ опаснаго человѣка“.

Муджтехидъ тегеранскій, мулла Масси или Месихъ, былъ отъявленный изувѣръ и врагъ христіанъ, въ особенности русскихъ. Онъ-то и подлилъ масла въ огонь, когда вспыхнулъ

---

[1]) *Фарашъ* (или *феррашъ*)—ставщикъ палатокъ, шахскій стражникъ.

[2]) Солдаты.

[3]) Полковникъ.

[4]) Т. е. „тѣнь шаха“ — титулъ Али-шаха, сына царствовавшаго тогда Фетъ-Али-шаха. Въ то время названный персидскій принцъ былъ губернаторомъ Тегерана.

[5]) См. выше объясненіе подъ словомъ „муджтехидъ“.

народный мятежъ, и, по мнѣнію Берже, „однимъ сигналомъ *джехадъ* (священная война) погубилъ небольшую нашу колонію".

Далѣе Мальцовъ продолжаетъ:

„Шахъ прислалъ ко мнѣ всѣхъ визирей своихъ, и я имѣлъ честь увидѣть и тѣхъ высокопоставленныхъ особъ, которыя по чрезмѣрной спѣси не хотѣли удостоить посѣщенія своего покойнаго посланника. Всѣ они съ восточнымъ краснорѣчіемъ описывали отчаяніе шаха и собственную свою горесть. „Падишахъ заплатилъ 8 куруръ [1]) изъ казны своей за дружбу Россіи, говорили они, вотъ что сдѣлали муллы и народъ тегеранскій. Какой позоръ цѣлому Ирану, что скажетъ императоръ". Имъ хотѣлось вывѣдать мой образъ мыслей, но я, зная, что за малѣйшее слово несоотвѣтственное ихъ видамъ долженъ буду распроститься съ жизнію, притворился убѣжденнымъ ихъ рѣчами. „Надобно быть совершенно безсмысленнымъ человѣкомъ, сказалъ я, чтобы хотя одно мгновеніе подумать, что шахъ допустилъ бы сіе ужасное дѣло, еслибы былъ увѣдомленъ однимъ часомъ ранѣе о намѣреніи муллъ и народа. Я самъ былъ свидѣтелемъ отмѣнной благосклонности пади-шаха къ посланнику и безпримѣрныхъ почестей, оказанныхъ ему въ Тегеранѣ. Я самъ видѣлъ, что шахъ принялъ всевозможныя мѣры для усмиренія возмущенной черни; послалъ самого Зилли-султана, визиря, сарбазовъ, фарашей, но къ сожалѣнію они пришли уже слишкомъ поздно для охраненія посланника. Я самъ могу служить очевиднымъ доказательствомъ покровительства и отличнаго уваженія, которое персидское правительство не перестаетъ оказывать русскимъ, ибо вѣрно бы также погибъ, еслибы присланные шахомъ сарбазы не оградили меня отъ опасности. Хотя не могу сказать вамъ утвердительно, какъ это дѣло будетъ принято августѣйшимъ моимъ государемъ, ибо этого знать никто не можетъ, но полагаю, что Его Величество, узнавъ о почестяхъ, оказанныхъ въ Тегеранѣ посланнику, и о всѣхъ мѣрахъ, принятыхъ персидскимъ правительствомъ для отвращенія сего бѣдственнаго происшествія, сохранитъ къ пади-шаху ту же дружбу, которую всегда питалъ къ нему въ душѣ своей".

Съ какимъ нравственнымъ чувствомъ отнеслись визири къ такому лжесвидѣтельству — осталось неизвѣстнымъ, но имъ понравился отвѣтъ Мальцова, и они описали шаху уцѣлѣвшаго

---

[1]) Куруръ=2.000.000 рубл. сер.

секретаря нашего посольства какъ „здравомыслящаго и благонамѣреннаго человѣка“. Пади-шахъ приказалъ своему министру иностранныхъ дѣлъ, Мирзѣ-Абулъ-Гассанъ-хану, изъявить Мальцову свою отличную благосклонность и сказать, что онъ не понимаетъ, почему Мальцовъ спѣшитъ ѣхать въ Россію, ибо ему, какъ старшему секретарю посольства, послѣ смерти министра надлежитъ отправлять его должность, что шахъ имъ весьма доволенъ и будетъ просить Государя Императора о назначеніи его повѣреннымъ въ дѣлахъ при тегеранскомъ дворѣ. Мальцовъ отвѣчалъ, что должности теперь не имѣетъ и обязанъ явиться къ своему начальству въ Россію, но что сочтетъ за особенное счастье, если нашему министерству угодно будетъ отправить его ко двору великаго монарха, удостоивающаго его особенной своей благосклонности. Но осторожные визири, вѣроятно, находили искусъ, которому они подвергли „здравомыслящаго“ секретаря русскаго посольства, еще недостаточно продолжительнымъ, а слабохарактерный шахъ, не зная что̀ дѣлать съ этимъ „благонамѣреннымъ человѣкомъ“: удержать ли его, отравить или убить въ Персіи, или отпустить въ Россію,—просилъ совѣта у Аббаса-мирзы, проживавшаго въ Тавризѣ, гдѣ находилось и англійское посольство. Черезъ 17 дней пріѣхалъ въ Тегеранъ курьеръ отъ Аббаса-мирзы. Наибъ-султанъ (наслѣдникъ престола) писалъ, что должно Мальцова немедленно отправить въ отечество, а такъ какъ, добавляетъ Мальцовъ къ своему разсказу, „я между тѣмъ уже успѣлъ безпрерывнымъ притворствомъ, въ продолженіи трехъ недѣль, убѣдить приставленныхъ для наблюденія за мною персидскихъ чиновниковъ, что я буду сильнымъ адвокатомъ въ пользу шаха, то и рѣшено было наконецъ дѣло въ мою пользу“. Далѣе онъ продолжаетъ:

„Зилли-султанъ (почесть неслыханная), всѣ министры снова удостоили меня своего посѣщенія и объявили, что черезъ три дня я буду отправленъ въ Россію... Шахъ прислалъ мнѣ въ подарокъ двѣ шали и худую лошадь, которая конечно не стоитъ 10-ти червонцевъ. Я хотѣлъ было отказаться отъ щедрыхъ подарковъ его величества, но наконецъ принялъ оные по слѣдующей причинѣ: еслибы я отъ оныхъ отказался, то шахъ заключилъ бы, что я имѣю противъ него личную злобу, полагаю, что онъ самъ участвовалъ въ убіеніи посланника и слѣдовательно въ этомъ видѣ намѣренъ представить все дѣло моему правительству; тогда бы приносимый мнѣ къ ужину

пловъ приправили, безо всякаго сомнѣнія, такою пряностію, которая въ 24 часа отправила бы меня въ сообщество товарищей моихъ, погибшихъ въ Тегеранѣ."

На прощальной аудіенціи шахъ началъ говорить Мальцову о своей горести, разъ десять повторилъ, что дружба Россіи стоитъ ему 8 куруровъ, а потому онъ и не будетъ ее нарушать, и въ заключеніе своей рѣчи объявилъ желаніе примѣрно наказать виновныхъ, но теперь не смѣетъ этого сдѣлать, ибо боится гнѣва Мирзы-Масси. „Вотъ слова, достойныя славнаго *прибѣжища всего свѣта!*" — восклицаетъ Мальцовъ. Но и шахъ пожелалъ самъ услышать, что думаетъ о тегеранскомъ происшествіи его русскій свидѣтель. „Здѣсь, говоритъ Мальцовъ, болѣе чѣмъ когда-либо должно было мнѣ заливать въ душѣ своей пламя праведнаго негодованія холодною струею благоразумной осторожности. Я повторилъ шаху то, что̀ прежде говорилъ его визирямъ, и рѣчь свою унизалъ отборнымъ бисеромъ восточныхъ комплиментовъ".

Мальцовъ не зналъ ни персидскаго, ни татарскаго языка и могъ отличиться передъ шахомъ своимъ краснорѣчіемъ только съ помощію придворнаго толмача, такъ какъ переводчикъ нашего посольства, штабсъ-капитанъ Шахназаровъ, погибъ во время разгрома тегеранскою чернью посольскаго двора. Придворный толмачъ могъ записать его рѣчь, разукрасить и даже измѣнить ее ad libitum и такимъ образомъ оставить одну изъ рукописей, которыя послужили матеріаломъ для персидскихъ лѣтописцевъ, введенныхъ въ заблужденіе притворствомъ нашего посольскаго секретаря. Нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, что „холодная струя благоразумной осторожности" увлекла Мальцова въ присутствіи шаха до обвиненія Грибоѣдова въ излишнемъ усердіи.

Шахъ остался очень доволенъ ораторомъ, говорилъ, что грустно ему разставаться съ Мальцовымъ, но что надѣется въ скоромъ времени опять увидѣть его въ своей столицѣ. Вечеромъ шахъ прислалъ Мальцову ужинъ изъ своего андеруна [1]) и требовалъ непремѣнно, чтобы о сей великой почести нашъ посольскій секретарь не забылъ извѣстить свое правительство.

Мальцова отправили изъ Тегерана съ конвоемъ. Во всѣхъ попутныхъ городахъ „шахъ-зады" [2]) высылали ему на встрѣчу

---

[1]) *Андерунъ* (или эндерунъ)—внутренніе покои.

[2]) Принцы крови.

истегбалей [1]). Вездѣ онъ былъ принятъ хорошо, особенно же въ Тавризѣ.

Наслѣдникъ престола, Аббасъ-мирза, показался Мальцову истинно огорченнымъ всѣмъ случившимся въ Тегеранѣ, ибо зналъ, что по ту сторону Кафлан-ку, т. е. за предѣлами Адербайджана, всѣ его ненавидятъ и безъ помощи Россіи онъ никогда не можетъ быть шахомъ.

Онъ говорилъ:

„Я стараюсь всѣми мѣрами пріобрѣсть милостивое расположеніе Императора, а вотъ что теперь надѣлали въ столицѣ Фетъ-Али-шаха, и вся тяжесть гнѣва Россіи можетъ теперь пасть на главу мою. Я слуга Императора и покоренъ его волѣ; если Фетъ-Али-шахъ боится наказать убійцъ посланника, то я не боюсь, самъ поѣду въ Тегеранъ, казню нѣсколько сотъ виновныхъ“.

Мальцовъ отвѣчалъ:

„Я знаю, ваше высочество, что многіе злоумышленные люди, враги Россіи и еще болѣе Персіи, внушали вамъ, что Россія никогда не проститъ убіенія посланника своего и непремѣнно объявитъ вамъ войну; они совѣтовали вамъ воспользоваться теперешними обстоятельствами и учинить нападеніе въ (sic) наши границы. По неограниченной моей преданности и усердію къ вашему высочеству, мнѣ несказанно пріятно было видѣть, что вы не послушались сего вреднаго для васъ совѣта и испытываете всѣ способы исходатайствовать отъ Государя Императора всемилостивѣйшее прощеніе и сохранить прежнюю дружбу съ Россіею. Вамъ извѣстно, что Россія не ищетъ пріобрѣтенія земель отъ Турецкой имперіи, а объявила ей войну только за притѣсненія и обиды, дѣланныя нашимъ подданнымъ тамошнимъ правительствомъ; слѣдовательно, пути къ примиренію не далеки, и блестящіе успѣхи нашего оружія заставляютъ уже турокъ желать мира“.

— Точно мнѣ совѣтовали, возразилъ Аббасъ-мирза. Но я Императора почитаю отцомъ своимъ, осмѣлюсь ли когда-нибудь имѣть противъ Его Величества враждебные замыслы? Все долженъ ожидать я отъ его милости, у меня нѣтъ на свѣтѣ другой надежды.

Затѣмъ Аббасъ-мирза говорилъ, что готовъ объявить войну Турціи, если только это будетъ пріятно Императору, но, дабы

[1]) Тѣлохранителей.

объявить войну, онъ проситъ русское правительство подарить или даже продать ему 10 тысячъ ружей и нѣсколько пушекъ, ибо не имѣетъ вовсе оружія, лишившись онаго въ послѣднюю кампанію. Аббазъ-мирза черезъ Мальцова просилъ графа Эриванскаго извѣстить его, въ самомъ скоромъ времени, о томъ, что онъ долженъ предпринять, изъявляя заранѣе готовность на все, что отъ него потребуютъ [1]). Говорилъ еще, что теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, желаетъ ѣхать въ Петербургъ.

Слѣдующими словами заканчиваетъ титулярный совѣтникъ Иванъ Мальцовъ свое донесеніе отъ 21-го марта:

„Не смѣя, по неопытности моей, произнести какое-нибудь собственное заключеніе, я почелъ обязанностію своею донести Вашему Сіятельству о всемъ томъ, что̀ видѣлъ, слышалъ и говорилъ въ Персіи. Если я сдѣлалъ какія-либо ошибки, то надѣюсь, что Ваше Сіятельство, по снисходительности своей, извините меня, принявъ въ соображеніе неопытность мою и бѣдственное, почти отчаянное положеніе, въ которомъ находился я въ Тегеранѣ“.

Въ самомъ же началѣ этого донесенія, задаваясь разрѣшеніемъ вопроса: „былъ ли посланникъ предувѣдомленъ объ угрожавшей намъ опасности, или нѣтъ?“ Мальцовъ излагаетъ:

„Я не слышалъ отъ него ни слова; никто изъ насъ ничего не зналъ: вотъ почему не сдѣланы приготовленія къ оборонѣ. Казаки находились въ особенномъ занимаемомъ ими домѣ, гдѣ и были зарѣзаны, да и всѣ прочіе не могли защищаться, находясь врозь по своимъ квартирамъ, не имѣя при себѣ ни оружія, ни зарядовъ въ исправности.

„Нѣсколько дней послѣ убіенія посланника, Мирза-Мехти, человѣкъ очень умный и уважаемый покойнымъ г. Грибоѣдовымъ, увѣрялъ меня, что онъ за три дни (sic) увѣдомилъ его о томъ, что муллы возмущаютъ народъ противъ русскихъ, и что онъ будетъ находиться въ величайшей опасности, если не выдастъ немедленно мирзу Якуба [2]); но посланникъ, вѣроятно, почелъ этотъ совѣтъ одною хитростію, остраскою, которою хотѣли у него выманить мирзу Якуба, и потому оставилъ безъ вниманія, въ увѣренности, что правительство, послѣ столь до-

---

[1]) О намѣреніи Паскевича заставить Персію искупить убійство Грибоѣдова участіемъ въ турецкой войнѣ см. наше сообщеніе въ „Истор. Вѣстн.“, янв. 1890 г.

[2]) Мальцовъ называетъ его Ягубомъ.

рого купленнаго имъ мира съ Россіею, не осмѣлится оскорбить сію сильную державу въ лицѣ ея посланника. Не зная ни персидскаго, ни татарскаго языка, я могъ получить извѣстіе или отъ самого посланника, или отъ переводчика нашего Шахназарова, который, по увѣренію персіянъ, былъ подкупленъ мирзой Якубомъ, принялъ отъ него нѣкоторые подарки и взялъ сверхъ того обѣщаніе, что если онъ вывезетъ благополучно мирзу Якуба изъ Персіи, то получитъ отъ него за труды 500 червонныхъ [1]). Вотъ почему не допускалъ онъ до меня никакихъ слуховъ о томъ, что приготовлялось въ городѣ, ибо зналъ, что я немедленно бы увѣдомилъ посланника, который, усмотрѣвъ невозможность держать далѣе мирзу Якуба, можетъ быть выдалъ бы его, отъ чего и пропали бы обѣщанные имъ Шахназарову 500 червонныхъ.

„Изъ одной ноты къ мирзѣ Абулъ-Гассанъ-хану, которую посланникъ велѣлъ мнѣ написать вечеромъ, наканунѣ своего убіенія, я долженъ заключить, что точно онъ не почиталъ себя въ совершенной безопасности. Шахъ былъ очень сердитъ на посланника, говорилъ ему: „продолжайте, отнимите у меня всѣхъ женъ моихъ; шахъ будетъ здѣсь молчать, но Наибъ-султанъ ѣдетъ въ Петербургъ и будетъ лично на васъ жаловаться Императору“. Въ вышеупомянутой нотѣ въ сильныхъ выраженіяхъ были изложены поступки (т. е. объясненія поступковъ) г. Грибоѣдова, съ самаго пріѣзда въ Персію; она заключалась, между прочимъ, слѣдующими словами: „Ниже„подписавшійся, убѣдившись изъ недобросовѣстнаго поведе„нія персидскаго правительства, что россійскіе подданные не „могутъ пользоваться здѣсь не только должною пріязнію, но „даже и *личною безопасностью*, испроситъ у великаго Государя „своего всемилостивѣйшее позволеніе удалиться изъ Персіи въ „россійскіе предѣлы“.—На другой день утромъ ужаснымъ образомъ объяснились мнѣ эти слова“.

Извѣстно, что Грибоѣдовъ собирался ѣхать въ Тавризъ, гдѣ ожидала его совсѣмъ юная жена, едва вышедшая изъ отроческаго возраста [2]), и оставлялъ въ Тегеранѣ Мальцова для

---

[1]) По свидѣтельству Грибоѣдова, Шахназаровъ получалъ жалованья 300 червонцевъ въ годъ, былъ обремененъ семействомъ и долгами, при отъѣздѣ въ Персію сильно нуждался въ деньгахъ. Полн. собр. соч., т. I, стр. 276—277.

[2]) Нинѣ Александровнѣ едва исполнилось тогда 16 лѣтъ.

сношеній съ министерствомъ шаха; онъ уже имѣлъ прощальную аудіенцію у шаха; лошади и катера [1]) были готовы къ отъѣзду [2]). Не потому ли съ ранняго утра наше посольство очутилось осажденнымъ свирѣпою толпою черни? Не имѣла ли для катастрофы 30 января рѣшающаго значенія и грозная нота, написанная наканунѣ отъѣзжающимъ посланникомъ?

Во всякомъ случаѣ предстояло рѣшить вопросъ объ участіи въ этомъ звѣрскомъ дѣлѣ персидскаго правительства, чѣмъ и занялся Мальцовъ въ своемъ *секретномъ* донесеніи Паскевичу отъ 23 марта за № 9. Онъ пишетъ:

„Персидское правительство говоритъ, что оно нисколько не участвовало въ убіеніи нашего посланника, что оно даже *ничего не знало* о намѣреніи муллъ [3]) и народа; но стоитъ только побывать въ Персіи, чтобы убѣдиться въ нелѣпости сихъ словъ.—Многіе изъ персидскихъ чиновниковъ увѣряли меня, что они еще за три дня предувѣдомляли посланника объ угрожавшей намъ опасности.

„Въ Персіи секретныхъ дѣлъ почти нѣтъ: среди важныхъ преній о государственныхъ дѣлахъ, визири пьютъ кофе, чай, курятъ кальяны; ихъ многочисленные пишхадметы [4]) должны всегда находиться при нихъ въ комнатѣ; визири разсуждаютъ громогласно, при открытыхъ окнахъ—и толпы фарашей, стоящихъ на дворѣ, слышатъ слова ихъ и черезъ два часа разносятъ по базару. Какъ же могло персидское правительство не знать ни слова о дѣлѣ, въ которомъ участвовалъ цѣлый Тегеранъ? Муллы проповѣдовали гласно въ мечетяхъ; наканунѣ были они у шахзады Зилли-султана; наканунѣ велѣли запирать базаръ, и есть даже слухи, что во время убіенія посланника нашего муштеидъ Мирза-Масси сидѣлъ у шаха.

„Положимъ *даже*, что и не шахъ, а муллы послали народъ въ домъ нашей миссіи; но и тогда шахъ виноватъ: —зачѣмъ допустилъ онъ это?—Еслибы онъ рѣшительно не хотѣлъ, чтобы народъ вторгнулся въ нашъ домъ, то могъ бы приставить сильный караулъ, который остановилъ бы чернь пулями и штыками, могъ ночью перевести посланника и чиновниковъ во дворецъ, или, наконецъ, извѣстивъ г. Грибоѣдова о возмуще-

---

[1]) Лошаки.

[2]) Донесеніе Мальцова въ ст. Берже. „Русск. Стар.“, 1872 г., VIII, стр. 174.

[3]) Въ подлинникѣ: „мулловъ“.

[4]) Слуги.

ніи народномъ, просить его удалиться ночью, на короткое время, изъ Тегерана, въ какую-нибудь загородную дачу: но тогда бы уцѣлѣлъ Мирза-Якубъ, а этого-то именно и не желалъ Фетъ-Али-шахъ".

Ходжа-Мирза-Якубъ, родомъ эриванскій армянинъ, по свѣдѣніямъ Берже, изъ фамиліи Маркарьянъ [1]), пожелавшій возвратиться въ свое отечество и формально вытребованный у шаха Грибоѣдовымъ, былъ взятъ персіянами въ плѣнъ, оскопленъ, служилъ болѣе 15 лѣтъ евнухомъ при гаремѣ шахскомъ въ должности казначея и, конечно, зналъ всѣ тайны эндеруна. Весьма понятно, что шаху не хотѣлось дать волю такому слугѣ. Къ тому же, мусульманинъ Якубъ, оставивъ дворецъ, выказывалъ, въ лицѣ духовнаго суда, презрѣніе къ своей новой вѣрѣ и, по всей вѣроятности, возвратился бы въ лоно христіанства; онъ же доводилъ до свѣдѣнія нашего посланника и о желавшихъ возвратиться на родину нѣкоторыхъ грузинскихъ плѣнницахъ—женахъ знатныхъ лицъ, о чемъ, по своей придворной должности, могъ имѣть самыя точныя свѣдѣнія. Улемамъ, шаху и разнымъ персидскимъ сановникамъ, въ томъ числѣ и заклятому нашему врагу Алаяру-хану, по требованію Грибоѣдова лишившемуся двухъ женъ—караклисскихъ уроженокъ, важно было удержать этого человѣка или добыть его силою, хотя бы только для того, чтобы выместить на немъ свою злобу.

„Вотъ какъ, по моему мнѣнію, произошло все дѣло, доноситъ Мальцовъ. Шахъ испыталъ всѣ мѣры, чтобы удержать Мирзу-Якуба, сперва убѣжденіями, просьбами, потомъ ложными денежными претензіями [2]), наконецъ, гнѣвомъ и угрозами: ничто не удалось ему. Шаху надобно было истребить сего человѣка, знавшаго всю тайную исторію его домашней жизни, всѣ сплетни его гарема: пока посланникъ былъ живъ, этого сдѣлать никто не могъ. Послать сарбазовъ, которые отобрали бы силою мирзу Якуба и убили его, шахъ не смѣлъ, ибо это было бы явное нарушеніе съ его стороны мирнаго трактата, за который заплатилъ онъ 8 куруръ, ему сказали: „*народъ* вторгнется въ домъ посланника, убьетъ мирзу Якуба, а мы притво-

---

[1]) Ст. „Смерть А. С. Грибоѣдова" въ „Русск. Стар.", 1872 г. VШ, стр. 175.

[2]) На него сдѣлали совершенно произвольный начетъ казеннаго долга въ суммѣ до 200.000 р. сер. (50.000 тумановъ).

римся испуганными, велимъ запереть ворота дворца, пошлемъ Зилли-султана и визиря унимать чернь, пошлемъ сарбазовъ, безъ патроновъ, которымъ не велимъ никого трогать, и скажемъ, мы ничего не знали, это все сдѣлалъ проклятый народъ, мы тотчасъ послали вспомоществованіе, но, къ сожалѣнію, злодѣйство уже было совершено",—однимъ словомъ все то, что̀ шахъ говоритъ и пишетъ въ свое оправданіе. Шаху не оставалось другаго способа истребить мирзу Якуба, и потому прибѣгнулъ (онъ) къ оному, что надѣялся отдѣлаться отъ насъ своими обыкновенными отговорками".

Кажется, не предстоитъ надобности въ дальнѣйшемъ розыскѣ причинъ и виновниковъ нападенія тегеранской черни на наше посольство. Окончательное мнѣніе Паскевича, изложенное въ его отвѣтѣ вице-канцлеру отъ 30 марта и приводимое г. Берже въ цитированной выше статьѣ, цѣликомъ заимствовано графомъ Эриванскимъ изъ послѣдняго донесенія Мальцова, полученнаго въ главной квартирѣ, какъ видно изъ служебной помѣтки карандашемъ, 27 марта. Берже могъ бы и не дѣлать своихъ собственныхъ предположеній...

Окончивъ въ Нахичевани свою исповѣдь, мнимый „адвокатъ" шаха и мнимо-достовѣрный свидѣтель-очевидецъ, на котораго по явному недоразумѣнію ссылаются персидскіе лѣтописцы, самъ испугался своей откровенности. А что, подумалось ему, если меня снова пошлютъ въ Персію и даже навѣрно пошлютъ исправлять должность оставившаго Тавризъ генеральнаго консула Амбургера? Вѣдь если узнаютъ персіяне про мое притворство, то не сдобровать. И вотъ, охваченный ужасомъ при мысли о новой и не менѣе грозной опасности, чѣмъ та, которой ему удалось избѣгнуть цѣною 200 червонцевъ и столькихъ нравственныхъ мукъ, Мальцовъ къ оффиціальному донесенію прилагаетъ частное письмо, гдѣ молитъ графа Эриванскаго о заступничествѣ.

„Изъ донесеній моихъ, пишетъ онъ, ваше сіятельство усмотрѣть изволите, que j'ai joué ruse pour ruse avec les Persans— и этимъ только сохранилъ я жизнь свою. Теперь нахожусь я на почвѣ, осѣненной неизмѣримымъ крыломъ двуглаваго россійскаго орла, и говорю сущую правду своему начальству: этого персіяне мнѣ никогда не простятъ, и за все, что случится для нихъ непріятнаго, будутъ питать личную злобу на меня. Послѣ этого мнѣ невозможно воротиться въ Персію, ибо, по ту сторону Аракса, жизнь моя подвержена будетъ ежеминутной

опасности; мнѣ придется испить до дна горькую чашу ненависти и мщенія персіянъ.

„Смѣю прибѣгнуть подъ сильное покровительство вашего сіятельства, прося васъ убѣдительно сообщить сіе отъ себя г. вице-канцлеру и благоволить написать къ нему, что я въ Персію ни подъ какимъ видомъ воротиться не могу, чтобы онъ сдѣлалъ мнѣ милость отозвать меня въ С.-Петербургъ, гдѣ бы находился я при особѣ его сіятельства, доколѣ не представится для меня какое-нибудь секретарское мѣсто при одной изъ европейскихъ нашихъ миссій...

„Ежели вашему сіятельству не будетъ угодно сдѣлать какого-нибудь милостиваго обо мнѣ представленія, то я останусь безо всякаго вознагражденія за всѣ потерпѣнныя мною въ Персіи бѣдствія и попадусь опять въ когти персіянъ, отъ которыхъ такъ чудесно избавился. Крайность принудила меня прибѣгнуть къ вашему сіятельству съ убѣдительнѣйшею просьбою; я рѣшился на то въ полной увѣренности на правосудіе и милостивое ваше расположеніе“.

Мальцовъ напрасно тревожился: его тайна была сохранена не только дипломатическою канцеляріей, но и кавказскою археографическою коммисіей; можно подумать даже, что послѣдняя имѣла твердое намѣреніе *схоронить* эту тайну.

А. МАЛЬШИНСКІЙ.

ТАМАРА БЕНДАВИДЪ[1]

РОМАНЪ.

(Продолженіе романа „Тьма Египетская“).

ГЛАВА XXXVI.

На распутьи.

Напрасно прождавъ два дня отвѣта на свое письмо, Тамара — какъ ни претило ей это, но нечего дѣлать — рѣшилась отправиться сама въ „шписовскіе нумера“, чтобы отыскать тамъ Каржоля или узнать, по крайней мѣрѣ, причину его страннаго молчанія. Да и надо же было наконецъ объясниться съ нимъ положительнымъ образомъ, чтобы выяснить себѣ, во-первыхъ, цѣлый рядъ недоумѣній, невольно вызванныхъ въ ней его послѣднимъ письмомъ, полученнымъ ею въ Санъ-Стефано, а затѣмъ узнать отъ него что-либо опредѣленное и на счетъ ихъ предполагаемаго общаго будущаго. Послѣдняя задача въ особенности казалась ей непріятною, неловкою (точно бы она сама навязывается ему!), но Тамара надѣялась, что, вѣроятно, самъ графъ облегчитъ ей эту тяжелую задачу, заговоривъ первый о своихъ намѣреніяхъ и планахъ. Если свадьба, то когда же именно? Узнать относительно этого что-либо ясное и точное было ей необходимо, потому что хотя она и пользуется теперь гостепріимствомъ Общины, но оставаться въ такомъ неопредѣленномъ положеніи продолжительное время, жить какъ бы „на хлѣбахъ изъ милости“, не вступая въ штатъ общинныхъ сестеръ и тѣмъ, быть можетъ, отымая мѣсто у ка-

[1]) „Русск. Вѣстн.“, май 1890 г.

кой-нибудь другой кандидатки изъ числа ожидающихъ, какъ манны небесной, открытія штатной вакансіи, — казалось Тамарѣ не совсѣмъ-то удобнымъ и справедливымъ. Она еще въ Санъ-Стефано заявляла начальницѣ и нѣкоторымъ другимъ сестрамъ, что пребываніе ея въ общинномъ домѣ будетъ непродолжительно, лишь на первое время, пока она не устроится иначе. Поэтому, если свадьба не можетъ почему-либо состояться въ скорости, то ей надо немедленно же подумать, какъ именно устроиться въ ожиданіи дальнѣйшей перемѣны своей судьбы. Все это, думалось ей, можетъ быть рѣшено только послѣ объясненія съ графомъ, и потому послѣднее представлялось совершенно необходимымъ теперь же.

Въ „шписовскихъ нумерахъ“ прислуга ей сказала какъ разъ то, чему научилъ Каржоль хозяйку предъ своимъ отъѣздомъ. Впрочемъ, услышавъ изъ своей комнаты, что чей-то незнакомый, молодой женскій голосъ спрашиваетъ графа Каржоля, Fräulein Amalia не утерпѣла, чтобы тотчасъ же не выскочить въ корридоръ самой и не посмотрѣть изъ любопытства, а отчасти и изъ ревниваго чувства, кто спрашиваетъ и зачѣмъ?

Тамарѣ стало очень досадно, когда она узнала отъ самой Fräulein Schpies день и число отъѣзда графа, — досадно потому, что день этотъ совпалъ какъ разъ со днемъ и даже чуть не съ часомъ отправленія къ нему ея письма, — точно бы судьба нарочно устраиваетъ имъ игру въ прятки! Она сюда, онъ отсюда! Что-за странная случайность!.. Но ей было утѣшительно, по крайней мѣрѣ, узнать, что письмо ея, полученное въ „нумерахъ“ будто-бы на другой день утромъ послѣ его отъѣзда, было немедленно же отправлено къ нему въ Москву, какъ и всѣ вообще письма, получаемыя на его имя. Слава Богу, хоть не пропало, и теперь ей можно быть увѣренной, что оно дошло по назначенію,—стало быть, графъ не можетъ не отвѣтить, и отвѣтъ его, по всей вѣроятности, не замедлится: она получитъ его не сегодня-завтра. На вопросъ о времени возвращенія графа въ Петербургъ, Fräulein Amalia, согласно данной ей инструкціи, не отвѣтила ничего опредѣленнаго: можетъ быть скоро, а можетъ и нѣтъ, смотря по тому, какъ дѣла позволятъ, такъ какъ онъ сказывалъ-де, что уѣзжаетъ по очень важнымъ и экстреннымъ дѣламъ. Что же касается его московскаго адреса, то Тамарѣ показалось, что замявшаяся хозяйка какъ будто затрудняется или даже просто не хочетъ сообщать его,—зачѣмъ-де надо вамъ адресъ?

— Понятно, затѣмъ, чтобы писать къ нему.

— Aber alle Briefe kann man hier adressiren,—они всэ равно зайчасъ пересилайтъ nach Moskau, къ каспатинъ граафъ.

Такая уклончивость показалась Тамарѣ странною и даже нѣсколько подозрительною,—точно бы Каржоль отъ кого-то и зачѣмъ-то скрывается. Да не менѣе страннымъ показался и самый тонъ, какимъ говорила съ нею эта наштукатуренная и подрисованная особа со взбитою прической, — тонъ недовольный, подозрительный, двусмысленный какой-то, какъ будто она считаетъ ее Богъ знаетъ за кого, или даже ревнуетъ ее къ Каржолю, и это тѣмъ болѣе чувствовалось, что во все время разговора въ прихожей, Fräulein Schpies не переставала пытливо оглядывать Тамару довольно непріязненнымъ взглядомъ. Тѣмъ не менѣе, эта послѣдняя уже съ нѣкоторою настойчивостью „попросила“ сообщить ей адресъ Каржоля. Но та все-таки продолжала уклоняться подъ тѣмъ предлогомъ, что если графъ будетъ отвѣчать ей на письмо, то, конечно, самъ не преминетъ сообщить и свой адресъ, коль скоро найдетъ это нужнымъ. Это было совсѣмъ уже глупо, какъ и вообще все объясненіе съ нею Нѣмки, совершенно выходившее изъ рамокъ инструкціи, преподанной Каржолемъ; но Fräulein Amalia добросовѣстно вообразила себѣ, что она оберегаетъ этимъ его интересы и спокойствіе, такъ какъ онъ уѣзжая въ особенности внушалъ ей, что, быть можетъ, его будетъ спрашивать какая-то дама, и—почемъ знать,—ужь не отъ этой ли самой дамы онъ и уѣхалъ такъ поспѣшно и такой взволнованный? Можетъ быть, она его преслѣдуетъ и, можетъ, поэтому-то ей вовсе и не слѣдуетъ знать его адресъ? Между тѣмъ, такая странная скрытность квартирной хозяйки, женщины, казалось бы, совершенно посторонней графу, еще болѣе усилила подозрѣніе Тамары, что отъѣздъ его послѣдовалъ неспроста, что Каржоль дѣйствительно находитъ нужнымъ скрываться. Но отъ кого? отъ кредиторовъ? отъ Евреевъ? Этого не можетъ быть: по его словамъ, единственнымъ кредиторомъ его былъ ея дѣдъ, которому уже уплачено все сполна, какъ самъ же онъ писалъ ей, а съ Украинскими и „Товарищескими“ Евреями всѣ дѣла и счеты его тоже кончены, и опять-таки самъ же онъ, въ томъ письмѣ своемъ, сообщалъ ей, что теперь онъ свободенъ, что ему уже незачѣмъ насиловать себя и скрываться и что поэтому онъ пишетъ ей совершенно открыто. Вѣдь это же все его подлинныя слова, — такъ отъ кого же и зачѣмъ ему

прятаться? Ужь не отъ нея ли самой? Больше, казалось бы, не отъ кого, и въ особенности здѣсь, въ Петербургѣ. А можетъ быть, онъ и вовсе не уѣзжалъ отсюда?.. Можетъ, онъ здѣсь,— даже и въ эту самую минуту здѣсь, за стѣной, за этою вотъ дверью, и только заранѣе, на случай ея прихода, велѣлъ сказать ей—именно ей, что уѣхалъ?.. Можетъ, онъ почему-то не желаетъ видѣться съ нею? Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же ему было писать къ ней въ Санъ-Стефано!.. Или эта Нѣмка все вретъ сама отъ себя? Зачѣмъ, съ какой стати? Изъ ревности развѣ? Она смотритъ такъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ ревнуетъ ее къ Каржолю. Это еще что такое?!—И Тамара должна была сознаться самой себѣ, что изо всей этой путаницы ея собственныхъ предположеній, въ связи съ этимъ скрываньемъ адреса и вообще какимъ-то сторожкимъ по отношенію къ ней поведеніемъ этой разрисованной особы, выходитъ что-то странное, совсѣмъ непонятное.

— Развѣ это такой секретъ, его адресъ? съ удивленіемъ спросила она.—Или вамъ не приказано сообщать его?

— Нээтъ, эти не зекрэтъ, и графъ не приказиль, нишиво не приказиль... Aber warum brauchen sie das?.. Bitte, Mamsell, sind sie eine Verwandte des Herrn Grafen, oder etwas... такъ только?

Оставивъ послѣдній, довольно наглый, вопросъ безъ отвѣта, Тамара вынуждена была наконецъ высказать ей, что если графъ точно въ Москвѣ, то скрывать его адресъ болѣе чѣмъ странно и совершенно безцѣльно, такъ какъ ей достаточно послать запросъ о немъ открытымъ письмомъ въ московскій Адресный Столъ, чтобы черезъ день получить его оффиціально; но это будетъ только лишняя проволочка времени.

Однако умная Fräulein не вразумилась и этимъ аргументомъ. Не находя, что отвѣтить, она только оглядѣла еще разъ Тамару непріязненнымъ ревнивымъ взглядомъ и, величественно повернувшись къ ней спиной, удалилась, не дожидая ея ухода, въ свою комнату.

Не добившись никакого толку, Тамара ушла изъ „шпицовскихъ нумеровъ“ разстроенная, раздосадованная и въ полномъ недоумѣніи, что все это значитъ и что теперь ей дѣлать? Во всемъ поведеніи Каржоля относительно ея, казалось ей, было что-то загадочное. И въ самомъ дѣлѣ, это его молчаніе, длившееся чуть не годъ и неожиданно прерванное послѣднимъ письмомъ, эти странныя оправданія, какими оно напол-

нено, и теперь вотъ этотъ внезапный, совпадающій какъ разъ съ ея пріѣздомъ, отъѣздъ его въ Москву по какимъ-то „дѣламъ“ (и все-то у него „дѣла“, вездѣ „дѣла и дѣла“... Что̀ это за „дѣла“ такія?) это скрыванье своего адреса (Тамарѣ вспомнилось, что и въ послѣднемъ письмѣ своемъ онъ тоже не сообщалъ его) и, наконецъ, эта странная, двусмысленная какая-то, ex-красавица съ ея ревнивыми, наглыми взглядами, и неприличнымъ нахальнымъ тономъ, которая нашла умѣстнымъ быть какъ-то насторожѣ при объясненіи съ нею, точно бы это въ ея интересахъ скрывать, гдѣ графъ находится,—да что̀ жъ это такое?! Во всемъ этомъ чувствуется такая-то темная и, быть можетъ, не совсѣмъ-то хорошая подкладка. Люди съ чистыми дѣлами и чистой совѣстію едва-ли такъ поступаютъ. Уже въ письмѣ его чувствовалось ей что-то недоговоренное, какъ будто онъ что-то скрываетъ отъ нея, и теперь вотъ опять скрыванье чего-то и отъ кого-то. Зачѣмъ все это? И что̀ такое, наконецъ, этотъ графъ Каржоль, въ самомъ дѣлѣ? каковъ его нравственный обликъ?

Тамара даже сама смутилась отъ этого своего вопроса, еще впервые поставленнаго ею предъ собою такъ жестко, съ такою безпощадною наготой и прямолинейностью. Правда, явился онъ у нея въ минуту большаго огорченія своею неудачей и подъ вліяніемъ гнѣвной досады на графа и на всю непріятную, подлую сцену, какой она только-что подверглась въ „нумерахъ“, но тѣмъ не менѣе, *уже* явился—вотъ что̀ важно, въ перипетіяхъ ея чувства и отношеній къ Каржолю, — и графъ самъ довелъ ее до этого.—По крайней мѣрѣ, за самую возможность подобнаго вопроса, она не себя, а его упрекнула.

И вспомнился ей тутъ Владиміръ Атуринъ, въ минуту послѣдняго ихъ свиданія въ санстефанскомъ госпиталѣ, когда она сообщила ему о своемъ отъѣздѣ въ Петербургъ для предстоящей вскорѣ свадьбы; вспомнились его слова: „Да знаете ли вы, наконецъ, человѣка-то этого? хорошо ли знаете его?“— слова, горячо и невольно вырвавшіяся у него изъ сердца. Но увы!—она сама остановила его тогда, сказавъ, что если разъ уже рѣшилась на такой шагъ, то ничего больше знать ей не слѣдуетъ. Этими своими словами она сама отрѣзала себѣ отступленіе. А вѣдь Атуринъ, по всей вѣроятности, зналъ что-нибудь про графа такое, что̀ могло бы еще во̀-время остановить ее. И она не захотѣла этого, она предпочла отвергнуть собственное счастье съ дорогимъ любимымъ человѣкомъ, чтобы

„платить старый долгъ“ и, во имя этого долга и даннаго слова, изломать себя всю до корня и идти до конца на неизвѣстное. На кого же пенять теперь, какъ не на самоё себя!— И вотъ, это „неизвѣстное“ уже начинаетъ развертываться передъ нею, и она стоитъ предъ нимъ, точно бы на какомъ-то распутьи, въ темную ночь, не зная, куда идти, на что рѣшаться и что будетъ далѣе.

По возвращеніи ея въ общинный домъ, швейцаръ подалъ ей телеграмму, полученную въ ея отсутствіе. — Неужели отъ Каржоля? подумалось ей съ нѣсколько тревожнымъ чувствомъ въ душѣ, какъ словно бы она уже не ожидала отъ него для себя ничего хорошаго. Вскрывъ ее тутъ же на нижней площадкѣ лѣстницы, Тамара прежде всего взглянула на подпись,— тамъ стояло „Каржоль“.

„Радъ несказанно пріѣзду“, писалъ онъ.—„Какая досада, что лишенъ возможности сейчасъ же возвратиться въ Петербургъ. Крайне важныя, нетерпящія дѣла призываютъ немедлено въ Кохма-Богословскъ, потомъ во Владиміръ, Нижній, можетъ быть, Пермь. Отъ этого все зависитъ. Умоляю не безкоиться, ждать терпѣливо и вѣрить по-прежнему. Какъ только кончу, прилечу тотчасъ. До свиданія, дорогая“.

Извѣстіе это нѣсколько успокоило Тамару. — Стало быть, графъ дѣйствительно въ Москвѣ, и ей не солгали въ „нумерахъ“, утверждая то же самое. Это обстоятельство дало ей справедливый поводъ тутъ же упрекнуть себя за свою черезъчуръ уже подозрительную, мрачно настроенную мнительность. Изъ телеграммы видно, что онъ вовсе и не думаетъ скрываться, какъ вообразилось ей вдругъ съ чего-то!—напротивъ, поспѣшилъ откликнуться тотчасъ же, и такъ тепло, такъ обрадованно. Что жъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, выдалась такая случайность, что ему пришлось уѣхать какъ разъ наканунѣ, тѣмъ болѣе, что не могъ же онъ святымъ духомъ знать о ея пріѣздѣ! Судя по санстефанскому письму, онъ вѣдь разсчитывалъ на ея возвращеніе не раньше осени, вмѣстѣ съ другими сестрами. А дѣла,—что жъ, быть можетъ, и взаправду дѣла эти такъ важны, что ихъ невозможно бросить. Быть можетъ, отъ нихъ зависитъ все его будущее благосостояніе. Во всякомъ случаѣ, она слишкомъ поддалась впечатлѣніямъ своей досады и слишкомъ поспѣшила осудить его — можетъ быть, даже не заслуженно. А отчего? Не оттого ли, что уже не любитъ его больше по-прежнему и не прочь бы отдѣлаться отъ него? Это гадко. Въ этомъ

ей стыдно сознаться самой себѣ, но это такъ. И теперь, если заглянуть поглубже въ ея душу, — не рада ли она для этого придираться ко всякому подходящему случаю? не готова ли всякую свою досаду и неудачу, какъ и сегодня-вотъ, вымещать на Каржолѣ и выискивать въ немъ, ради своего собственнаго оправданія, всякія слабости, недостатки, пороки, упрекать и винить во всемъ его, и только его, тогда какъ, въ сущности, не сама ли она больше всѣхъ виновата? Нехорошая-то, выходитъ, она сама, потому что въ глубинѣ души ей хочется, вмѣсто Каржоля, видѣть своимъ мужемъ Атурина. Темная-то подкладка, вотъ она гдѣ! — не въ немъ, а въ ней самой, въ ея собственномъ, охладѣвшемъ къ нему, сердцѣ. А онъ, можетъ быть, все еще любитъ ее и вѣритъ въ нее по-прежнему, и бьется, какъ рыба объ ледъ, съ этими своими „дѣлами", изъза того только, чтобъ устроить ихъ же обоюдную будущую судьбу, чтобы для нея же, для „своей Тамары", доставить больше удобствъ и спокойствія въ обезпеченной жизни. А она? Всю дорогу отъ Санъ-Стефано до Петербурга, вспомнила ли она хоть разъ о немъ безъ затаенной горечи и желчи, безъ смутнаго страха за предстоящее свиданіе съ нимъ и за надвигающуюся все ближе и ближе развязку, въ видѣ неизбѣжной свадьбы, которую она была бы рада отдалить какъ можно больше? Нѣтъ, съ самой минуты разлуки и до сегодня она думала и скучала только объ Атуринѣ, только его образъ царилъ въ ея воспоминаніяхъ,—и это готовясь быть женою другаго!.. И послѣ этого она смѣетъ еще себя оправдывать! Нѣтъ, она не права, глубоко не права предъ Каржолемъ, и потому обязана искупить свою вину, еслибы и потребовалось для этого принести себя въ жертву. Что жъ дѣлать, когда обстоятельства, повидимому, слагаются такъ, что судьба ея — хочешь, не хочешь—должна быть связана съ этимъ человѣкомъ!.. Надо примѣняться,—этого требуетъ долгъ и честь ея и, наконецъ, по отношенію къ Каржолю — просто человѣческое чувство справедливости.

Такъ думала теперь Тамара послѣ телеграммы и разсчитывала, что эта телеграмма, вѣроятно, не будетъ послѣднею, что вслѣдъ за нею, конечно, придетъ подробное письмо, которое графъ не преминетъ написать ей при первой возможности и, наконецъ, что отсутствіе его не должно быть продолжительнымъ, особенно, когда онъ уже знаетъ, что она въ Петербургѣ. Поэтому Тамара положила себѣ послѣдовать совѣту и просьбѣ

самого же Каржоля и ждать спокойно его возвращенія, тѣмъ болѣе, что пристанище обезпечено ей пока въ домѣ Общины.

***

Но вотъ прошло уже около двухъ мѣсяцевъ. Сентябрь стоялъ на исходѣ, а между тѣмъ, о Каржолѣ, послѣ его телеграммы, — ни слуху, ни духу! Опять словно въ воду канулъ. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ сильнѣе становилось скрытое безпокойство Тамары предъ неизвѣстностью о своемъ будущемъ. Маленькая искорка чего-то въ родѣ вѣры въ Каржоля, вспыхнувшая-было въ ея душѣ послѣ его отклика изъ Москвы, опять понемногу угасла въ ней подъ наплывомъ сомнѣній, недовѣрія и даже злобы на этого человѣка, такъ безцеремонно играющаго ея судьбою. Да чортъ съ нимъ, наконецъ! Что она за дура такая, чтобы вѣчно убаюкиваться его сладкими словами и обѣщаніями и покорно ждать рѣдкихъ проявленій его вниманія, когда-то еще будетъ ему угодно оказать ей такую благосклонность!.. Да, права была сестра Степанида, когда совѣтовала „плюнуть“ на него и не думать больше объ этомъ бракѣ, въ которомъ, какъ видно, ничего путнаго не будетъ... Вотъ и опять пропалъ, опять упорно молчитъ, не пишетъ... Ужь не опять ли какіе-нибудь зимницкіе интенданты да Маріуцы причиной тому? — Вѣдь не даромъ же писали тогда въ газетахъ.—А она жди, какъ покорная овечка, пока соблаговолятъ о ней вспомнить! Нѣтъ, кончено! Пора взяться за умъ, пора самой самостоятельно подумать и позаботиться о своей судьбѣ. Изо всей этой канители, очевидно, ничего не выйдетъ. И позаботиться надо теперь же, не теряя ни одного дня, потому что въ Общинѣ получено уже оффиціальное извѣщеніе, что сестры, командированныя на Балканскій полуостровъ, должны прибыть сюда въ непродолжительномъ времени, и въ домѣ все уже приготовляется къ ихъ пріѣзду и встрѣчѣ. Тамарѣ, стало быть, придется уходить. Оставаться въ Общинѣ, памятуя интриги „партіи“ и придирки старшей сестры, ей не хотѣлось: въ этомъ отношеніи довольно съ нея и санстефанскихъ испытаній! Да и самолюбіе не позволяло оставаться.— Какъ! онѣ опять увидятъ ее здѣсь и не замужемъ, послѣ того, какъ она, предъ отъѣздомъ своимъ, объявила всѣмъ, что не остается въ сестрахъ, и разблаговѣстила объ ожидающей ее свадьбѣ? — Нѣтъ, это невозможно. Подумать только, сколько

предстоитъ ей встрѣтить язвительныхъ взглядовъ, улыбочекъ, удивленій и притворныхъ сожалѣній, сколько новыхъ сплетень и пересудовъ!.. Нѣтъ, этого она переносить не намѣрена и постарается уйдти ранѣе ихъ пріѣзда.

Но какъ и куда уйдти?—вотъ вопросъ. Къ кому обратиться за совѣтомъ и содѣйствіемъ?

Прежде всего ей вспомнилась высокая воспріемница ея отъ купели. Къ ней развѣ?—Чего же ближе, казалось бы, и тѣмъ болѣе, что она такъ добра и встрѣтитъ свою крестницу, конечно, благосклоннымъ образомъ. Но тутъ взяло Тамару нѣкоторое раздумье. Великая княгиня и безъ того уже сдѣлала для нея все, что было въ ея возможности: помогла ей средствами, одѣла, обула ее, устроила ей обезпеченную жизнь въ Общинѣ. Съ чѣмъ же придетъ Тамара къ ней теперь? съ какою просьбой? и что скажетъ на самый естественный вопросъ: почему вы не хотите оставаться въ Общинѣ? развѣ тамъ такъ нехорошо? — Ну, и что жъ отвѣчать на это? — Да, не хорошо, молъ, потому что тамъ завелись партіи, дрязги, сплетни, интриги, отравляющія все существованіе, — то-есть, другими словами, нажаловаться ей на Общину, на старшую сестру, на добрую старушку-начальницу. Да развѣ это благовидно! И развѣ ея высокая покровительница не въ правѣ будетъ посмотрѣть на нее самоё какъ на первую интригантку и каверзницу, которая поторопилась забѣжать къ ней ранѣе пріѣзда прочихъ? А если скрыть настоящую причину своего нежеланія оставаться въ Общинѣ, то чѣмъ же тогда объяснить его? Неспособностью къ дѣлу?—Объ этомъ и заикнуться странно было бы послѣ такого опыта въ теченіе цѣлой войны. Желаніемъ перемѣны мѣста и дѣятельности, желаніемъ большей свободы и самостоятельности? — Но вѣдь тогда великая княгиня, конечно, взглянетъ на это какъ на вздорный капризъ, не болѣе, и будетъ совершенно права со своей точки зрѣнія, потому что если живутъ въ подобномъ положеніи другія сестры—и сколько еще! — живутъ и не жалуются на свою участь, а дѣлаютъ добросовѣстно свое скромное дѣло, то чего же ей-то еще нужно!? Что она за феніксъ такой?!—Живи, какъ другія, благо тебя устроили, дали пріютъ и кусокъ хлѣба, и возможность честно работать, — чего жъ еще больше?.. И въ самомъ дѣлѣ, съ какой стати и съ какого права пойдетъ она обременять свою высокую воспріемницу лишними заботами о себѣ, когда у той и безъ нея довольно дѣла? Не слишкомъ ли это будетъ притя-

зательно и даже дерзко съ ея стороны?—Нѣтъ, и такъ и сякъ, это дѣло не подходящее. Надо искать другаго пути. Къ кому же? Къ отцу Александру, который крестилъ и наставлялъ ее въ вѣрѣ?—О, да! съ его стороны она несомнѣнно встрѣтитъ полное къ себѣ сочувствіе, онъ сумѣетъ раскрыть всю ея душу, вызвать ее на полную откровенность, и у него навѣрное найдется для нея живое, теплое слово утѣшенія и христіанской любви; все это такъ; но онъ—что же можетъ онъ сдѣлать для нея, кромѣ какъ только посовѣтовать смирить себя и оставаться въ Общинѣ! А въ Общинѣ она уже ни за что не останется,—нѣтъ, самолюбіе и гордость ея въ этомъ случаѣ сильнѣе. И если бы даже отцу Александру и удалось уговорить ее, то это будетъ лишь на время: жизнь возьметъ-таки рано или поздно свое! И что же тогда?—Интриги и мелкія дрязги пойдутъ своимъ чередомъ, а самолюбіе и гордость ея возопіютъ снова и, кромѣ новыхъ путъ и новыхъ нравственныхъ мученій для нея впослѣдствіи, изъ этого ничего не выйдетъ. Нѣтъ, оставаться въ Общинѣ нельзя, это уже рѣшено,—и надо, стало быть, искать исхода самостоятельно. У нея остается еще около сорока рублей изъ выданнаго ей въ Санъ-Стефано пособія; съ этими деньгами можно, пожалуй, перебраться, хоть на первое время, на частную квартиру, нанять себѣ за дешовую цѣну маленькую комнатку со столомъ въ какомъ-нибудь скромномъ семействѣ, на Выборгской или на Петербургской, и публиковаться въ газетахъ. Вѣдь у нея есть дипломъ объ окончаніи курса въ гимназіи первою ученицей, съ золотою медалью,—неужели съ такимъ вѣскимъ дипломомъ не найдется для нея гдѣ-нибудь мѣста домашней учительницы, гувернантки? Она можетъ, наконецъ, быть приходящею и давать уроки въ разныхъ домахъ, по часамъ, или заняться перепиской, корректурой, переводами,—вѣдь она такъ хорошо знаетъ языки,—стоитъ только обратиться въ редакціи, въ типографіи, въ конторы, въ банки, въ коммиссіонерства:—не тамъ, такъ тутъ навѣрное найдется что-нибудь подходящее.

* * *

Почти въ такомъ же положеніи, какъ Тамара, временно пребывала съ нею въ общинномъ домѣ и другая доброволица, Любушка Кучаева, поступившая въ „Красный Крестъ“ на время войны и работавшая вмѣстѣ съ Тамарой въ санстефан-

скомъ госпиталѣ. Она возвратилась въ Петербургъ тоже „на поправку“, вслѣдствіе перенесенной болѣзни, но пріѣхала нѣсколько позднѣе Тамары и была помѣщена пока, до пріисканія себѣ мѣста, въ одной съ нею комнатѣ. Кучаева не принадлежала къ „партіи“, и потому отношенія между обѣими сожительницами были добрыя, товарищескія. Общность нынѣшняго своего неопредѣленнаго положенія поневолѣ сдѣлала ихъ откровенными между собою и заставила сочувствовать другъ дружкѣ и дѣлиться своими предположеніями и планами на счетъ устройства собственной жизни. Скромные планы эти не выходили изъ тѣснаго круга заботъ о томъ, какъ бы и гдѣ бы получить подходящее мѣсто, которое давало бы маленькій кусочекъ хлѣба. Кучаева была вообще гораздо практичнѣе Тамары, въ нѣкоторомъ родѣ „кулакъ-дѣвка“, несравненно больше ея потерлась въ жизни, вкусивъ отъ древа познанія добра и зла и, какъ прирожденная петербуржанка изъ сословія разночинцевъ, хорошо знала условія здѣшней жизни и общее положеніе „мыслящаго пролетаріата“. Кромѣ того, она сумѣла сохранить еще отъ временъ своихъ „медицинскихъ курсовъ“ кое-какія отношенія и связи въ кругѣ профессоровъ и дамъ-патронессъ изъ разряда свободомыслящихъ.

Въ концѣ сентября, вернувшись однажды вечеромъ изъ „города“ и едва успѣвъ войти въ комнату, Любушка радостно объявила Тамарѣ:

— Ну, милочка, поздравьте меня, — мѣстомъ раздобылась!

— Да? пріятно удивилась та. — Поздравляю!.. Гдѣ же это и какое мѣсто?

— Въ Бабьёгонскомъ земствѣ; ѣду фельдшерицей въ уѣздъ... Триста въ годъ жалованья и казенное помѣщеніе при больницѣ. Отлично!

— Ну, слава Богу! Душевно рада за васъ! горячо пожала ей руку Тамара.

— Мерсишки!.. Если хотите, я и вамъ могу устроить? весело предложила Любушка.

— Да что вы говорите?! съ недовѣрчивымъ, но радостнымъ удивленіемъ отозвалась Тамара.

— Ей Богу!.. Да что же? Вѣдь, главное, себѣ-то самой уже обработала, а теперь и для другихъ, значитъ, можно. Отчего не помочь хорошей товаркѣ!.. Желаете?

— Еще бы!.. Но вѣдь вотъ бѣда только, — я не держала

экзаменъ на фельдшерицу, а безъ диплома не возьмутъ, пожалуй?

— Да я и не приглашаю васъ непремѣнно въ фельдшерицы, — имъ нужны и сельскія учительницы, а это вы вѣдь можете.

— Это-то могу; но разскажите, голубушка, толкомъ: какъ и въ чемъ дѣло?

И Любушка „толкомъ“ разсказала ей, что еще въ тѣ годы, какъ училась на медицинскихъ курсахъ, ее облюбовала и стала принимать въ ней особенное участіе нѣкая дама-филантропка, Агрипина (по просту Аграфена) Петровна Миропольцева, которая въ то время почему-то особенно спеціализировала себя по части курсовъ и курсистокъ. У этой Агрипины очень большой и крайне разнообразный кругъ знакомства, который она, при случаѣ, и эксплоатируетъ въ пользу „учащейся и нуждающейся молодежи“. Любушка, по старой памяти, отъявилась къ ней еще въ одинъ изъ первыхъ же дней по прибытіи своемъ въ Петербургъ,—прямо съ заявленіемъ, что очень-де нуждается въ мѣстѣ, и та обѣщала ей раздобыть что-нибудь подходящее. А теперь-вотъ пріѣхали въ Петербургъ Бабьёгонскій предводитель и предсѣдатель земской уѣздной управы, тоже знакомые Агрипины, и Агрипина сейчасъ же воспользовалась ими, чтобъ устроить Любушку,—ну, и устроила. А Любушка, видя, что дѣло ея уже слажено, закинула Агрипинѣ доброе словцо и за свою пріятельницу Тамару,—нельзя ли, молъ, за одно уже, и для нея что-нибудь у этихъ господъ наладить?—Агрипина поразспросила у нея, кто и что такое Тамара, при чемъ Любушка, конечно, дала о ней наилучшій отзывъ,— и та обѣщала похлопотать, но выразила желаніе напередъ лично познакомиться съ Тамарой.—Такъ вотъ, если желаете,—предложила въ заключеніе Любушка: — отправимтесь вмѣстѣ хоть завтра же, я васъ представлю.

Выслушавъ все это, обрадованная Тамара не знала, какъ и благодарить свою сожительницу и, конечно, ухватилась за ея предложеніе. Еслибы только это удалось, то лучшаго исхода, казалось ей, и желать пока невозможно.

На другой же день, къ тремъ часамъ пополудни, обѣ онѣ поѣхали къ г-жѣ Миропольцевой.

ГЛАВА XXXVII.

Свободомыслящая филантропка.

Роскошная квартира въ солидномъ казенномъ домѣ. Внизу — представительный швейцаръ въ оффиціальной ливреѣ „вѣдомства“; въ прихожей—пара серьезныхъ, прилично выбритыхъ, форменныхъ курьеровъ съ медалями на шеѣ. Пріемная въ строго выдержанномъ оффиціальномъ стилѣ, съ солидною меблировкой на счетъ казны—какъ и вся квартира, впрочемъ,—и съ надлежащими портретами въ массивныхъ золоченыхъ рамахъ. Изъ каждаго угла такъ и вѣетъ нагоняющею холодъ, министерскою атмосферой. Все это невольно нагнало холодъ и на Тамару, возбудивъ въ ея душѣ незнакомое ей доселѣ, жуткое чувство не то страха какого-то, не то сконфуженности предъ чѣмъ-то совершенно ей неизвѣстнымъ. Подъ подавляющимъ впечатлѣніемъ всей этой обстановки и по естественной аналогіи съ нею,—эта самая дама-патронесса вообразилась Тамарѣ особою неприступною, гордо величественною, которая непремѣнно должна обдавать холодомъ своего величія каждаго приходящаго къ ней, и потому дѣвушка уже заранѣе испытывала нѣкоторый страхъ передъ нею и опасеніе какъ за самоё себя, такъ и за предстоящую аудіенцію: каково-то сойдетъ эта аудіенція и понравится ли сама она столь важной дамѣ, ужь навѣрное „аристократкѣ“, какихъ она еще и не видывала. Но холодъ ощущеній отъ всей этой внушительно импонирующей обстановки нѣсколько смягчался для нея звуками рояля, доносившимися въ пріемную откуда-то изъ внутреннихъ комнатъ. Звуки эти все же вносили сюда отголосокъ какъ будто иной, болѣе живой и теплой жизни. Тамара обратилась-было къ ливрейному „министерскаго вида“ лакею, съ просьбой доложить о нихъ генеральшѣ. Но тотъ, очевидно, давно уже привыкнувъ къ подобнымъ посѣтительницамъ, не счелъ даже нужнымъ утруждать себя лишнимъ хожденіемъ къ барынѣ.

— Пожалуйте, барышни, просто! Къ нимъ и безъ доклада можно, — пригласилъ онъ ихъ съ фамильярно благодушною ухмылкой и открылъ дверь.

Любушка Кучаева, съ увѣреннымъ видомъ освоеннаго въ домѣ и привычнаго человѣка, бойко повела Тамару черезъ нѣсколько комнатъ прямо въ кабинетъ хозяйки.

— Очень рада познакомиться!—вставъ изъ-за рояля, преувеличенно ласково и съ дѣланною простотою протянула эта послѣдняя обѣ руки навстрѣчу Тамарѣ.—Э, да какая вы хорошенькая! воскликнула она вдругъ, весело вглядываясь въ черты лица дѣвушки.

Та невольно смутилась отъ неожиданности такого привѣтствія.

— Право! подтвердила, какъ бы ободряя ее, филантропка. Здравствуйте, Кучаева, садитесь. Хотите чаю?

И не дожидая отвѣта, она нажала пуговку электрическаго звонка и приказала вошедшему человѣку подать чайный приборъ и печенья.

Это была очень эффектная особа лѣтъ сорока, съ припудренными волосами и лицомъ, сохранившая еще свою красоту и эластичность формъ, очень живая, бойкая и одѣтая хотя и по-домашнему, но съ чисто парижскимъ шикомъ. Впрочемъ, наружность ея и манера держать себя напоминали скорѣе кокотку „de la haute volée“, чѣмъ петербургскую „сановницу“.

Кабинетъ ея тоже представлялъ смѣсь кокоточнаго изящества и роскоши съ претензіей на интеллигентную дѣловитость. Множество разныхъ „bijouteries“ и „petits riens“, иногда и съ немножко скабрезнымъ оттѣнкомъ, прелестно уютные, укрытые уголки, располагающіе къ грѣшнымъ помысламъ и сладострастной нѣгѣ, а съ другой стороны чисто департаментскія папки и картонные ящики, съ наклеенными на нихъ крупно печатными надписями, въ родѣ: „по переплетной артели“, „по дешевымъ столовымъ и ночлежнымъ пріютамъ“, „по обществу покровительства женскому труду“ и т. п. На изящныхъ книжныхъ полкахъ и кое-гдѣ по столамъ — весь перецъ современной французской порнографіи въ перемѣшку съ новѣйшимъ сокомъ россійской либеральной и радикальной эрудиціи,—по большей части, съ надписями отъ авторовъ. Тутъ красовались, какъ бы небрежно и невзначай, но не безъ тщеславнаго умысла, положенныя на видъ книжки и брошюры, съ бьющими въ носъ заглавіями, какъ напримѣръ: „Экономическое худосочіе“ г. Щелкунова, съ надписью „Хорошему человѣку, А. П. Миропольцевой, отъ автора“,— „По чужимъ альковамъ“, романъ Сержа Недопрыгина, съ надписью „Отъ автора-поклонника“, — „Соціологія въ связи съ біологіей и психологіей и ея методологическія особенности“ профессора Глагольцева, и тоже съ надписью: „Единомышленницѣ“,—

„Порабощеніе русской женщины“, и опять-таки съ какою-то авторскою надписью,—„Успѣхи женской самостоятельности“, „Руководство къ упражненіямъ на трупѣ“, „Оплодотвореніе и дробленіе животнаго яйца по современному состоянію науки“, „Проституція отъ древнѣйшихъ и до новѣйшихъ временъ“ и т. п., и все съ надписями болѣе или менѣе комплиментарнаго и лестнаго свойства. Въ сюжетахъ картинъ, висѣвшихъ по стѣнамъ, тоже выражалась двойственность направленія и симпатій хозяйки дома: съ одной стороны Леда, сладострастно замирающая подъ крыльями лебедя, и раздѣтая восточная одалиска въ гаремѣ, съ другой — какъ верхъ торжества россійскаго „художественнаго“ реализма, — Христосъ въ образѣ жидовина-заговорщика, „Отравившаяся курсистка“ и паршиво-плюгавый мужиченко, казнящій что-то на ногтѣ.

— Вы вѣдь Еврейка? обратилась вдругъ хозяйка къ Тамарѣ, усаживаясь противъ нея на свою излюбленную восточную кушетку.

— По происхожденію, да, — подтвердила дѣвушка, опять невольно смутившись отъ такого неожиданнаго и, въ глубинѣ души, не совсѣмъ-то пріятнаго ей вопроса.

— Ужасно люблю Евреевъ! заявила вдругъ филантропка, не безъ разсчета, вѣроятно, польстить этимъ Тамарѣ:—Чрезвычайно даровитая, талантливая нація!.. И притомъ въ выраженіи ихъ лицъ есть что-то одухотворенное, какая-то щемящая нотка затаеннаго внутренняго страданія и страсти. Ужасно мнѣ это нравится!.. У меня есть много друзей между Евреями,— да вотъ, хоть бы Шефтель. Вы знаете Шефтеля? — Онъ въ консерваторіи, ученикъ еще, но что-за талантъ!.. Я въ его пользу концертъ устраиваю, и знаете, чѣмъ я была занята передъ вашимъ приходомъ? обратилась она къ Кучаевой:— разбирала его „Marche funèbre“ на смерть Нечаева.

— Развѣ Нечаевъ умеръ? удивилась та.

— Нѣтъ, но это все равно. Прелестная вещь! Мнѣ даже больше нравится, чѣмъ его „Русская Марсельеза“. Вы не слыхали его „Марсельезу“? спросила она Тамару: — Нѣтъ?.. О, это пробѣлъ въ вашей жизни, большой пробѣлъ! Хотите, я вамъ сыграю? Vraiment, c'est une chose admirable! — Сколько блеску, силы, сколько этого entrain!.. Такъ и поджигаетъ васъ невольно!..

И вскочивъ съ кушетки, она живо пересѣла за рояль и бойко, съ экспрессіей разыграла жидовско-русскую марсельезу,

а затѣмъ, за одно уже, стѣны ея казенной квартиры огласились и звуками марша на будущую смерть Нечаева, съ которымъ она тоже сочла нужнымъ познакомить своихъ посѣтительницъ.

— И какая онъ прелесть!.. Я вамъ покажу его карточку.

И опять сорвавшись съ мѣста, Агрипина Петровна взяла съ заваленнаго разными кипсеками стола большой альбомъ и показала въ немъ Тамарѣ кабинетный портретъ молодаго жидочка съ откинутою назадъ и всклоченною гривой, который, позируя передъ фотографомъ, явно старался придать своей физіономіи артистически вдохновенное выраженіе.

— Quelle beauté! quelle expression poétique! n'est pas?.. Минутами я просто готова въ него влюбиться, въ особенности когда онъ играетъ... О! надо видѣть его, когда онъ играетъ! Это будущій Рубинштейнъ, наша гордость, наша слава, но только онъ гораздо развитѣй Рубинштейна, и я давно уже прошу моего друга Сквасова написать о немъ критическій этюдъ въ газетахъ.

— А вы обратите вниманіе на этотъ альбомъ,— перескочила она къ новой мысли, адресуясь къ Тамарѣ: — это замѣчательный альбомъ. Мнѣ, во-первыхъ, поднесли его въ знакъ признательности ученицы организованной мною переплетной артели, а во-вторыхъ, въ немъ собраны всѣ мои лучшіе друзья. Между ними вы найдете не мало знаменитостей — изъ людей порядочно мыслящихъ, разумѣется, — иныхъ я сюда не пускаю.

— Ахъ, кстати! — неожиданно повернулась филантропка къ Кучаевой: — вы, кажется, хотѣли видѣть карточку Вѣры Засуличъ, — могу вамъ показать ее, мнѣ вчера добыли изъ Третьяго Отдѣленія. Что вы такъ взглянули на меня? перекинула она вдругъ глаза на Тамару: — это что про Третье-то я упомянула? — О, у меня и тамъ есть знакомые!.. Это, знаете, не мѣшаетъ, а притомъ же, въ настоящее время и тамъ не безъ честно мыслящихъ людей,—это вѣдь не прежнія времена! Я даже мѣсто тамъ доставила одному молодому человѣку и тѣмъ спасла его отъ надзора полиціи.

— А вотъ, я покажу вамъ рѣдкость! — этимъ можно похвастаться! — порывисто кинулась вдругъ, ни съ того ни съ сего, Агрипина въ другую сторону, къ своему письменному столу, и сняла съ него синій бархатный альбомъ въ изящной бронзовой отдѣлкѣ: — Это книга автографовъ. Здѣсь у меня собраны des pensées, des maximes, des vers et des souscriptions

разныхъ политическихъ и литературныхъ знаменитостей, — вотъ, полюбуйтесь-ка!

Тамара изъ вѣжливости начала перелистывать альбомъ — и передъ ея глазами запестрила вереница самыхъ разнообразныхъ именъ, подобранныхъ болѣе или менѣе въ одномъ направленіи, впрочемъ, не безъ исключеній и въ пользу „противнаго лагеря“, если таковыми являлись дѣйствительныя, общепризнанныя знаменитости. Тутъ, въ перемѣшку между собою, самымъ неожиданнымъ, иногда просто курьёзнымъ, образомъ сталкивались имена Виктора Гюго и Сержа Недопрыгина, редактора-издателя Цюцюлевича и прусскаго министра Путкаммера, Поля Касаньяка и публициста Щелкунова. Далѣе слѣдовали сочетанія въ родѣ Тургенева съ Альфонсомъ Ротшильдомъ и придворнаго пастора Штеккера съ Сарой Бернаръ, или Гладстона съ извѣстною каскадною пѣвицей Терезой и съ начинающимъ еврейскимъ поэтикомъ Шкловскимъ, расчеркнувшимся подъ стишками:

„Вседержитель, Ты не правъ,
Ненавидя человѣка!“

Или вотъ имена Феликса Піа, Рошфора, Луи Блана и вдругъ епископа Дюпанлу, а затѣмъ, извѣстной Луизы Мишель подъ афоризмомъ „Ni Dieu, ni maître!“ и имя Поля Деруледа подъ экспромтомъ:

Pour combat à outrance—
Vive la Russie et la France!
En avant, tous les deux bras à bras!
Et mille fois Hourra!!!

А тамъ уже, далѣе, шли Сальвини, Клячко, Бебель и Либкнетъ, Верди, Леонъ Гамбетта, Понсонъ-дю-Терайль, Зорилья, Парнель, Менотти Гарибальди, „генералъ“ Клюзерѐ и проч. и проч. Было, между прочимъ, и нѣсколько именъ русскихъ эмигрантовъ, въ родѣ Драгоманова и Ткачева, подписавшихся подъ откровенною фразой: „И охота вамъ, право, напускать сюда столько буржуйной сволочи!“ Было и нѣсколько русскихъ „сановниковъ“, чиномъ не ниже тайнаго совѣтника, удостоенныхъ, впрочемъ, этой чести за свое строго либеральное направленіе, и только „Prince Gortchakoff“, подписавшійся подъ какимъ-то отмѣнно тонкимъ, дипломатически комплиментарнымъ максимомъ, явился оригинальнымъ исключеніемъ между ними. Хозяйка не безъ самодовольства поспѣшила заявить, что это все

ея „друзья“ и знакомые, и Тамарѣ стало понятно, что погоню за всѣми этими „именами“, выпрошенными, быть можетъ и не безъ назойливости, по большей части во время шатаній непосѣдливой Агриппины по разнымъ „заграницамъ“, она устраиваетъ только ради удовлетворенія своему собственному тщеславію,—дескать, и я, стало быть, тоже „знаменитость“ и, въ нѣкоторомъ родѣ, „политическая величина“, если дружна со столькими „célébrités“ цѣлой Европы!

— Ну, что? заговорила, между тѣмъ, филантропка съ Кучаевой:—вы, поди-ка, рады, что отдѣлались наконецъ отъ всѣхъ этихъ вашихъ больныхъ и раненыхъ?.. Ахъ, кстати, о раненыхъ! Вы знаете, на дняхъ мнѣ очень удалась подписка въ ихъ пользу,—ей-Богу!.. Навязали-было мнѣ ее изъ „Краснаго Креста“,—ну, отказаться неловко, конечно, а только ужь какая теперь подписка!—сами согласитесь, разъ война кончена, кому какое дѣло до раненыхъ?! Но вотъ тутъ-то и пришла мнѣ счастливая идея: въ прошлый вторникъ (это день, который я—нечего дѣлать!—отдаю непроизводительно моимъ свѣтскимъ знакомымъ) я объявила всѣмъ моимъ гостямъ, что выдѣляю голубую гостиную изъ числа остальныхъ комнатъ и открываю доступъ въ нее желающимъ только за особый налогъ въ пользу раненыхъ, по пяти рублей съ индивида или по десяти съ каждой пары, но за то съ правомъ вести тамъ безъ цензуры самые вольные разговоры, которые въ остальныхъ комнатахъ воспрещаются подъ страхомъ штрафа, тоже въ пять рублей. И что жъ бы вы себѣ думали?—въ одинъ вечеръ собрала со штрафами болѣе ста рублей!—Вотъ что значитъ остроумная идея!.. И знаете, я хочу отнынѣ постоянно примѣнять этотъ методъ и къ другимъ нашимъ сборамъ...

Тамара, между тѣмъ, покончивъ съ альбомомъ автографовъ и думая про-себя, когда-жъ-то наконецъ заговоритъ филантропка съ нею о дѣлѣ,—разсѣянно перевела глаза на висѣвшія противъ нея картины. Агриппина сейчасъ же это замѣтила.

— Ахъ, вы любуетесь на моихъ любимцевъ!? обратилась она къ ней, не докончивъ разсказъ о счастливомъ проектѣ будущихъ сборовъ:—это, можно сказать, шедэвры русской школы, и мой другъ Сквасовъ отъ нихъ въ восторгѣ. Это вотъ—Христосъ, работа нашего знаменитаго Фэ. Вглядитесь, какая могучая экспрессія и сколько глубокой, современной мысли въ сюжетѣ, сколько реализма при этомъ! Онъ, знаете, пропагандируетъ совершенно новую идею „Христа“ въ живо-

писи,—это геніально!.. А этого мужичка—это мнѣ подарилъ мой другъ Брюквинъ... Тоже вѣдь какая сочность кисти и какова смѣлость замысла! Мурильевскій „Мальчикъ съ собакой“ передъ этимъ, по-моему, ничего не стоитъ!.. А вотъ это—„Курсистка“, работы моего пріятеля Взъерошенко... Вообще, у меня и картины, и книги, и ноты, большею частію, все отъ самихъ авторовъ, и все съ ихъ подписями. Такую коллекцію, могу съ гордостью сказать, у насъ, въ матушкѣ-Россіи, въ этой „великой Ѳедорѣ“, какъ любитъ называть ее мой милѣйшій Благосвѣтловъ, вы не въ каждомъ домѣ встрѣтите.

Въ это время вошедшій человѣкъ доложилъ о пріѣздѣ какой-то свѣтской знакомой г-жи Миропольцевой.

— Проси!—Вотъ прескучная и препустѣйшая баба!—съ безнадежнымъ вздохомъ поднявъ глаза къ небу и какъ бы покоряясь печальной необходимости принимать эту „бабу“, отрекомендовала ее Агрипина своимъ посѣтительницамъ, хотя тѣмъ до нея было столько же дѣла, какъ до китайской императрицы. Вмѣстѣ съ этимъ она нѣсколько натянуто поднялась съ мѣста, давая понять имъ, что теперь онѣ могутъ удалиться.

— Мнѣ Кучаева говорила, что вы желали бы мѣста сельской учительницы? обратилась она уже на ходу къ Тамарѣ.—Я думаю, это можно будетъ устроить. Да вотъ что: пріѣзжайте послѣ завтра вечеромъ; я напишу къ нашимъ Бабьегонцамъ, чтобъ они тоже были, и сведу васъ. Это мы въ два слова обработаемъ.

Тамара едва успѣла поблагодарить, какъ Агрипина Петровна, уже не обращая на нее вниманія, съ пріятнѣйшею улыбкой и чуть не съ распростертыми объятіями бросилась навстрѣчу входившей гостьѣ.

* * *

— Ну, какъ она вамъ показалась? спросила Любушка, уже выйдя на улицу.

— Да какъ вамъ сказать!.. Странная какая-то. Толкомъ ни о чемъ не разспросила, а натрещала съ три короба, и все только о себѣ,—точно бы ей хотѣлось не столько со мной познакомиться, сколько себя показать,—на, молъ, смотри, какова я, и восторгайся!—Вотъ ужь никакъ не ожидала, что такія аристократки бываютъ!

— Э, милочка, какая жъ она аристократка!—просто дурында, которою нашему брату при случаѣ надо пользоваться. Вы думаете, она все это по убѣжденію?—Вовсе нѣтъ! Какія тамъ убѣжденія!—Игра въ бирюльки, и только.

И Любушка при семъ удобномъ случаѣ разсказала всю, такъ сказать, подноготную своей давнишней покровительницы.

Единственная дочь и наслѣдница воронежскаго прасола, либо разбогатѣвшаго на крупныхъ казенныхъ подрядахъ и потому возмечтавшаго, что и онъ тоже можетъ со своимъ суконнымъ рыломъ пролѣзть въ баре, Аграфена или Грушенька, обратившаяся тогда въ Agrippine, а впослѣдствіи въ Агрипину Петровну, получила „блестящее“, по тогдашнему времени, домашнее образованіе, а затѣмъ окончательно отшлифовалась уже въ Парижѣ. Тятенька мечталъ-было выдать ее не иначе, какъ за князя, или, по крайней мѣрѣ, за графа, а она, послѣ Парижа, будучи уже довольно зрѣлою дѣвой, предпочла по какимъ-то соображеніямъ выйдти просто за господина Мирольцева, человѣка уже пожилаго, но съ извѣстнымъ „вѣсомъ“ и „положеніемъ“ по службѣ. И господинъ Мирольцевъ оказался для нея самымъ удобнымъ мужемъ, потому что ни въ чемъ ее не стѣснялъ, и сама она нисколько имъ не стѣснялась. Всегдашнею и самою завѣтною мечтою Агрипины Петровны было попасть ко двору; но когда супругъ ея достигъ наконецъ такого служебнаго положенія, которое давало ей право быть туда представленною, то ко двору ее почему-то не приняли. Это ее крайне взбѣсило, огорчило и обозлило, такъ что съ досады она и ударилась въ „оппозицію“ и сразу сдѣлалась великою либералкой,—только поэтому. Да и время къ тому же было самое удобное для всяческаго либерализма. Отсюда и всѣ ея фрондерскія бравады, и все это покровительство „учащимся“ и „протестующимъ“. Она задалась цѣлью создать себѣ изъ этой игры въ оппозицію громкое общественное „имя“, не по служебному положенію мужа, а свое собственное, самостоятельно и независимо отъ его карьеры и—сколь ни дурашна сама по себѣ—до извѣстной степени добилась-таки этого. А допустить бы ее ко двору, все это фрондерство завтра же какъ рукой сняло бы, и она сдѣлалась бы „plus royaliste que le roi“,—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. И на сколько теперь ея пятимный кабинетъ служитъ резервуаромъ всякихъ придворныхъ сплетень, сенсаціонныхъ слуховъ и пикантныхъ анекдотовъ

на счетъ высшихъ сферъ, такъ этотъ же самый кабинетъ, при измѣнившихся обстоятельствахъ, могъ бы служить палладіумомъ для всякихъ проектовъ на счетъ „спасанія Россіи“ и охранительныхъ мѣропріятій,—ибо отъ одного только никакъ не могла бы отказаться Агрипина,—это отъ игранія выдающейся „политической“ роли въ томъ или другомъ направленіи. Это уже ея натура, темпераментъ, и ей непремѣнно надо во что-нибудь путаться, совать свой носъ и агитировать такъ или иначе. Дѣтей у нея нѣтъ и не было, а потому роль „общественной дѣятельницы“, при такомъ темпераментѣ, самая для нея подходящая, и она хлопотливо дѣлитъ ее въ своихъ досужихъ недосугахъ между попеченіями объ „учащихся“ и своихъ мопсикахъ. Супругъ Агрипины Петровны, въ чинѣ тайнаго совѣтника, занималъ очень важный постъ въ министерской іерархіи вѣдомства юстиціи и являлъ собою типъ совершенно высохшей кабинетной муміи, чиновника-доктринера, такъ сказать, обросшаго мохомъ либеральной благонамѣренности и заморозившагося на „священной неприкосновенности“ судебныхъ уставовъ 1864 года, въ редакціи коихъ онъ принималъ нѣкогда, какъ членъ коммиссіи, самое дѣятельное и „плодотворное“ участіе. Гости его супруги, по большей части, не были его гостями; о большинствѣ ея знакомыхъ онъ не имѣлъ даже понятія, кто они и что они?—даже по фамиліямъ не зналъ ихъ и потому почти никогда не выходилъ къ нимъ. Въ то время, какъ въ ея гостиной и столовой стоялъ шумъ, гамъ и дымъ коромысломъ отъ разныхъ педагогичекъ, фребеличекъ, „учащихся“ и „протестующихъ“, онъ уединенно сидѣлъ въ своемъ дѣловомъ кабинетѣ за „текущими“ бумагами, и если дѣлалъ когда исключенія, показываясь въ гостиной, то это только для „особъ первыхъ четырехъ классовъ“, посѣщавшихъ время отъ времени салонъ его супруги, да для хорошенькихъ женщинъ, которымъ поклонялся чисто платонически,—иначе, впрочемъ, онъ теперь и не могъ бы,—и это нисколько не возбуждало ревность его супруги. Напротивъ, она сама даже охотно заботилась о томъ, чтобы доставлять ему при случаѣ такое невинное развлеченіе. Будучи сама красивою женщиной, она—что очень рѣдко въ женщинахъ,—не завидовала красотѣ другихъ и не стѣснялась ею; она даже любила, чтобы ея гостиная блистала хорошенькими женщинами, если только онѣ не черезъ-чуръ уже „prudes et bigotes“, любятъ „поврать“ и позволяютъ за собою ухаживать.

ГЛАВА XXXVIII.

Среди „учащихся“ и „протестующихъ“.

Пріѣхавъ въ назначенный вечеръ къ Агрипинѣ Петровнѣ, Тамара застала ее въ столовой, во главѣ длиннаго, сервированнаго для чая, стола, за которымъ сидѣло нѣсколько, болѣе или менѣе случайныхъ и сбродныхъ, гостей, безъ нихъ же не обходилось у Агрипины ни одного вечера, если сама она оставалась дома. Нѣтъ-нѣтъ, да кто-нибудь и набѣжитъ „на огонекъ“. Отъ этого въ составѣ ея ежедневныхъ, незванныхъ и нежданныхъ гостей, за исключеніемъ только вторниковъ, всегда оказывалась довольно странная смѣсь, „одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній“, такъ что нерѣдко сама она не знала, какъ быть съ такими разнополюсными противоположностями, въ особенности, когда, въ качествѣ хозяйки дома, ей вдругъ представлялась необходимость оградить какого-нибудь почтеннаго тайнаго, хоть и либеральнаго, совѣтника, или какого-нибудь совершенно приличнаго свѣтскаго снобсика, изъ числа ея поклонниковъ, отъ безтактныхъ и грубо задирчивыхъ выходокъ кудластаго семинара Нерыдаева, назойливо язвительнаго технолога Подкаретнаго, или „непримиримой“ дѣвицы Цыбиковой.

Такую же „смѣсь одеждъ и лицъ“ застала здѣсь и Тамара, которую хозяйка представила всѣмъ своимъ гостямъ сразу, отрекомендовавъ ее „дѣвицею Бендавидъ, изъ нашихъ“. Эта послѣдняя прибавка нѣсколько смутила дѣвушку, такъ какъ она не знала, отнести ли ее къ своему еврейскому происхожденію, какъ ничѣмъ невызванную дерзость, или же къ ея предполагаемому свободомыслію, что было бы неправдой, рядя ее въ чужія перья. Замѣтивъ это смущеніе и домекнувшись по немъ о своемъ промахѣ, хозяйка, чтобы загладить его и ободрить свою гостью, поспѣшила оказать ей особое вниманіе и любезность, усадивъ ее подлѣ себя, на первое мѣсто.

Между гостями, въ свою очередь названными хозяйкою Тамарѣ, находилось нѣсколько „педагогичекъ“, „фребеличекъ“, „медичекъ“, напоминавшихъ скорѣе дохлыхъ семинаристовъ или мордастыхъ кантонистовъ въ юбкахъ, чѣмъ женщинъ, и тѣ же неизмѣнные „завсегдатели“ этого дома, Нерыдаевъ и Подкаретный,—оба въ красныхъ кумачовыхъ косовороткахъ,

сѣрыхъ „спинжакахъ“ и высокихъ сапожищахъ,—затѣмъ, жидокъ-піанистъ Шефтель, „знаменитый“ авторъ „Русской Марсельезы“, и стриженая, сивовласая и сизоносая дѣвица Цыбикова, лѣтъ уже подъ пятьдесятъ, которую Агрипина почему-то сочла нужнымъ познакомить съ Тамарою отдѣльно, прибавивъ, что „имя ея вамъ, конечно, извѣстно“, и лестно аттестовавъ ее при этомъ „нашею русскою Луизой Мишель“.

— А вы изъ какихъ будете?—тутъ же, съ мѣста, приступила эта „Луиза“ къ Тамарѣ:—изъ учащихся, или просто изъ протестующихъ?

— То-есть, какъ это?—немножко смѣшалась та:—Я, pardon, не совсѣмъ понимаю вопросъ?

— Дѣвица Бендавидъ—сестра милосердія, поспѣшила пояснить за нее сама хозяйка:—всю войну выдержала на Балканскомъ полуостровѣ, недавно только вернулась...

— Ахъ, это изъ сердоболокъ, значитъ! мотнула головой „непримиримая“ и, находя, что этимъ весь дальнѣйшій интересъ въ Тамарѣ для нея исчерпанъ, немедленно же повернулась въ другую сторону.

Тутъ же, въ числѣ гостей, находились еще какой-то министерски приличнаго вида тайный совѣтникъ „съ апломбомъ и съ вѣсомъ“ и приглашенные нарочно ради Тамары бабьёгонскіе земцы, — предводитель Коржиковъ и предсѣдатель управы Де-Казатисъ. Первый изъ земцевъ являлъ собою мягкую фигурку вѣчно улыбающагося, неопредѣленныхъ лѣтъ, человѣчка, похожаго на тушканчика или вообще на какого-то грызунка, изъ числа тѣхъ моложаво-безцвѣтныхъ бѣлобрысенькихъ людей, о которыхъ говорится, что маленькая собачка до старости щенокъ; второй же былъ сухощавый, но коренастый и нѣсколько сутуловатый старикъ, съ большими южными глазами и цѣлою копной сиво-курчавыхъ волосъ на большой головѣ, который говорилъ обо всемъ не иначе, какъ рѣзкимъ, крикливымъ голосомъ и съ рѣзкими энергическими жестами, въ совершенную противоположность тайному совѣтнику, приличныя манеры коего отличались замѣчательною сдержанностью, а тихій и ровный голосъ издавалъ отчетливые звуки съ нѣкоторымъ придыхательнымъ шипѣніемъ, точно бы онъ внутри ехидно злорадствуетъ чему-то. Двумъ бабьёгонскимъ земцамъ Тамара была представлена тоже отдѣльно, съ поясненіемъ, что это та самая дѣвица, съ которой Агрипина уже познакомила ихъ заочно. Оба поэтому отнеслись къ ней очень любезно.

Всѣ гости,—мужчины и женщины,—за исключеніемъ тайнаго совѣтника и Де-Казатиса, напропалую пыхтѣли нарочно поставленными для нихъ „хозяйскими“ папиросами, отъ чего надъ столомъ стояло уже цѣлое облако табачнаго дыма, и съ аппетитомъ кушали чай изъ стакановъ съ тартинками и филипповскими калачами. Съ этими послѣдними, въ особенности, технологъ Подкаретный распоряжался „оченно просто“, ломая надъ лоткомъ руками цѣльный калачъ, хотя это гораздо удобнѣй и опрятнѣй можно было бы сдѣлать ножемъ, и отправляя его къ себѣ за щеки большими кусками. Докончивъ свой стаканъ чая, онъ сейчасъ же принялся за сливки и сталъ хлебать ихъ прямо изъ молочника, дѣлая это, очевидно, нарочно: по-вашему, дескать, оно неприлично, а мнѣ „наплевать“!

Тамара застала продолженіе какого-то общаго разговора, прерваннаго на минуту ея появленіемъ.

— Вы говорите, Нѣмцы, — возобновилъ тотъ же разговоръ тайный совѣтникъ, обращаясь къ Де-Казатису. — Что жъ изъ того, что они намъ угрожаютъ?

— Какъ что?—горячился земецъ:—не успѣли кончить одну войну, какъ придется начинать другую?

— И прекрасно-съ, я очень радъ!

— Да что жъ тутъ прекраснаго?! Помилосердствуйте! — Отхватятъ отъ насъ Остзейскій край, Литву, Польшу, Украйну...

— И прекрасно-съ, пускай отхватятъ. Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

— Да я вовсе не желаю быть подъ Нѣмцемъ!

— Напрасно-съ. Подъ Нѣмцемъ, по крайней мѣрѣ, порядку больше будетъ, культуры больше, и общество получитъ извѣстныя правовыя гарантіи, которыя уравняютъ насъ наконецъ съ Европой.

— Да мы, молодое поколѣніе,—мы этихъ гарантій и сами добьемся.

— Н-ну-съ, это бабушка еще надвое говорила. Бисмаркъ вамъ дастъ ихъ скорѣй, чѣмъ Тимашевъ.

— Да вѣдь это же, однако, новое разоренье для народа, для платежныхъ силъ! Подумайте,—шутка сказать, война! И безъ того уже бѣдствуемъ! У насъ вонъ земство второй годъ зерно на обсѣмененіе полей покупаетъ!

— И прекрасно-съ, и прекрасно-съ!.. Пускай!.. По-моему,

чѣмъ хуже, тѣмъ лучше,—по крайней мѣрѣ, къ развязкѣ ближе.

Тайный совѣтникъ, щеголяя своимъ отмѣннымъ либерализмомъ, очевидно, желалъ полебезить предъ „молодымъ поколѣніемъ“, съ цѣлью понравиться наличнымъ его представителямъ.

— Это петербургскій взглядъ, возразилъ ему на послѣднюю фразу Де-Казатись.—Мы, земское молодое поколѣніе, желаемъ развязки, можетъ, не менѣе вашего, но думаемъ осуществить ее иначе,—во всякомъ случаѣ, безъ Нѣмцевъ.

— А вы, дѣдинька, тоже „молодое поколѣніе“? нагло бросилъ въ упоръ ему неожиданный вопросъ Подкаретный, явно издѣвающимся тономъ, хотя видѣлъ его всего во второй или въ третій разъ въ жизни.

— А вы какъ полагаете? не смущаясь, отвѣтилъ ему вопросомъ же ретивый земецъ, у котораго, дѣйствительно, была хроническая слабость причислять себя къ „молодому поколѣнію“, такъ что, при каждомъ удобномъ случаѣ, онъ непремѣнно вставлялъ въ свой разговоръ фразу „мы, молодое поколѣніе“, или „задачи наши, какъ молодаго поколѣнія“ и т. п.

— Да вамъ сколько годковъ-то? Зубки прорѣзались? Покажите зубки! приставалъ къ нему Подкаретный.

— Годковъ?.. А вы какъ полагаете? Ну-тка?

— Ха-ха-а!.. Поди-ка, уже подъ семьдесятъ, коли не подъ восемьдесятъ?—Песокъ, чай, сыплется!.. Ась?.. Песочкомъ-то подсыпаете?

— Годы тутъ ничего не значатъ, сударь! обиженно замѣтилъ вскипятившійся земецъ.—Васъ-то еще и въ проектѣ не было у папеньки съ маменькой, когда я уже былъ молодымъ поколѣніемъ! Я всю мою жизнь принадлежалъ къ молодому поколѣнію и всегда раздѣлялъ всѣ его лучшія стремленія!

— Ха-ха-а! Стремленія!.. Это въ своемъ-то земскомъ курятникѣ сидя?

— Въ курятникѣ мы больше дѣла дѣлаемъ и служимъ народу, чѣмъ иной недоучка-свистунъ въ Петербургѣ! съ достоинствомъ отрѣзалъ ему „дѣдинька“ и съ недовольнымъ видомъ круто отвернулся въ другую сторону.

— Та-акъ-съ! иронически ухмыльнулся срѣзанный технологъ и, какъ бы не считая нужнымъ спорить съ нимъ далѣе, обратился черезъ столъ къ хозяйкѣ:

— Аграфенъ Пятровна! Пляхните-ка мнѣ малость чайку въ стакашекъ!

Подкаретный зналъ, что она не любитъ, когда ее зовутъ Аграфеной, но потому-то именно и называлъ ее такъ, „чтобы позлить бабу“. Онъ сдѣлалъ себѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, спеціальность всѣхъ злить и всѣмъ говорить непріятныя вещи; тѣмъ не менѣе, въ данномъ кружкѣ всѣ терпѣли это, холопски побаиваясь его за языкъ и за совершенную беззастѣнчивость въ словахъ и поступкахъ, такъ какъ для него не существовало различія между позволительнымъ и невозможнымъ, честнымъ и безчестнымъ, даже съ кружковской точки зрѣнія. И Подкарятный зналъ, что его побаиваются, и это поддавало ему еще болѣе „форсу“.

Агрипина Петровна только поморщилась, но все же очень любезно налила ему чаю и, воспользовавшись благополучнымъ прекращеніемъ непріятнаго „incident“ между ея „завсегдателемъ“ и „дѣдинькой“, чтобы отвлечь мысли послѣдняго въ другую сторону, обратилась къ нему съ ласковымъ напоминаніемъ своей давичной просьбы на счетъ Тамары.

— Какъ же, какъ же! вѣдь вы уже говорили намъ, не забуду-съ! отозвался ей земецъ.

— Да, такъ вотъ—переговорите съ ней самой, предложила та, указавъ на дѣвушку.

— Что жъ, мы очень охотно! Вакансіи у насъ теперь есть, повернулся онъ къ Тамарѣ:—и если за васъ ходатайствуетъ сама Агрипина Петровна, то это выше всякаго диплома; лучшей рекомендаціи намъ и не надо. Мы, молодое поколѣніе, должны поддерживать другъ друга въ служеніи общему дѣлу,—это наша святая обязанность!

И вручивъ Тамарѣ свою визитную карточку съ адресомъ гостинницы, гдѣ остановился, онъ предложилъ ей зайдти къ нему завтра, около часу дня, чтобъ окончательно переговорить объ условіяхъ, подписать контрактъ и получить на проѣздъ подъемныя деньги. Все дѣло, какъ и предсказывала Агрипина, дѣйствительно, сладилось съ двухъ словъ, и дѣвушка была необычайно рада этому. Теперь она, по крайней мѣрѣ, можетъ быть спокойна за свое дальнѣйшее существованіе и уѣхать въ провинцію еще до возвращенія сестеръ съ Балканскаго полуострова.

ГЛАВА XXXIX.

Чего ни та, ни другая не ожидала.

Въ это время изъ кабинета г-на Миропольцева вышла въ столовую молодая дама, вся въ черномъ, на которую Тамара, занятая своими собственными мыслями, не обратила-было въ началѣ никакого вниманія, тѣмъ болѣе, что какъ разъ въ эту минуту „дѣдинька“ турчалъ ей подъ ухо что-то такое на счетъ священныхъ обязанностей молодаго поколѣнія, и она, глядя на него и думая о другомъ, машинально поддакивала ему только молчаливыми кивками.

— Ну, что, душечка, кончили? участливо обратилась Агрипина къ подошедшей къ ней дамѣ.—Что онъ вамъ посовѣтовалъ?

— Après! сдержанно отвѣтила гостья и опустилась подлѣ нея на свободный стулъ, рядомъ съ Тамарой.

— Ахъ, вотъ—позвольте васъ познакомить, представила ихъ другъ дружкѣ Агрипина:—дѣвица Бендавидъ,—графиня Каржоль де-Нотрекъ.

При этомъ имени, Тамара невольно вздрогнула и съ недоумѣвающимъ удивленіемъ подняла глаза на даму. Только теперь вглядѣлась она въ черты ея лица и узнала.

Передъ нею была Ольга.

— Господи!.. Тамара?!. Да неужели это ты?.. Я тебя совсѣмъ не узнала... Какъ ты перемѣнилась, однако, какъ возмужала,—совсѣмъ какъ-будто другія черты, другое выраженіе! говорила удивленная Ольга, протягивая ей руку и, вмѣстѣ съ этимъ, замявшись на мгновенье въ нерѣшительности, ограничиться ли ей однимъ пожатіемъ, или расцѣловаться. Но она тутъ же мигомъ сообразила, что послѣднее, на всякій случай, будетъ, пожалуй, лучше,—и потому немедленно расцѣловала ее, повидимому, самымъ непритворнымъ образомъ, какъ добрая, старая пріятельница.

— Э, да вы, оказывается, знакомы и даже дружны? удивилась въ свою очередь и хозяйка.

— Мы-то?—Еще бы!.. Мы съ нею семь лѣтъ на одной скамейкѣ въ гимназіи сидѣли!—какъ будто и въ самомъ дѣлѣ обрадованно, заявила ей Ольга.—Вотъ встрѣча-то!.. Ну, какъ и что ты? какими судьбами? разскажи пожалуйста,—я такъ рада!

— Постой,—вполголоса остановила ее поблѣднѣвшая дѣвушка, съ трудомъ пересиливая въ себѣ внутреннее волненіе:—если я не ослышалась, тебя мнѣ назвали... графиней...

— Каржоль де-Нотрекъ? подхватила Ольга.—Да, ты не ослышалась, я замужемъ.

— Какъ?! За графомъ Каржолемъ?.. За которымъ же это?

— Да за Валентиномъ,—за какимъ же еще?!

— За Валентиномъ? почти машинально повторила ошеломленная Тамара:—когда же это?

— О, уже скоро два года!—Вотъ, на дняхъ будетъ. Развѣ же ты не знала?

Тамара поблѣднѣла еще больше и только могла отрицательно покачать головою.

— Ну, полно! понизила и Ольга, въ свой чередъ, голосъ до той степени, чтобы посторонніе не могли слышать ихъ дальнѣйшую бесѣду.—Ужь будто бы не знала,—ты-то?

— Въ первый разъ слышу,—почти шепотомъ, черезъ силу проговорила Тамара, глядя какими-то странными, недоумѣвающими и удивленными глазами на свою старую подругу, точно бы вглядываясь въ нее какъ во что-то совсѣмъ новое, неизвѣстное. Ольга, со своей стороны, тоже окинула ее явно недовѣрчивымъ взглядомъ.

— Странно! улыбнулась она раздумчиво:—а я была увѣрена, что тебѣ-то это ближе всѣхъ должно быть извѣстно.

— Мнѣ?.. Почему такъ?

— О, моя милая, если ужь весь Украинскъ кричалъ о его намѣреніяхъ относительно тебя, то, согласись, какъ же тебѣ-то не знать ихъ? Съ кѣмъ же онъ могъ быть болѣе откровененъ, какъ не съ тобою?!

— Я тебя не понимаю,—недоумѣло проговорила Тамара:—въ чемъ дѣло?.. можешь объяснить мнѣ?

— Мм... здѣсь неудобно. Если хочешь, пойдемъ въ другую комнату. Pardon, chére! обратилась она къ Агрипинѣ, вставая изъ-за стола:—мы хотимъ немножко поговорить по душѣ со старою подругой.

И Ольга увлекла Тамару въ одинъ изъ уединенныхъ, таинственно уютныхъ уголковъ смежной гостиной, остававшейся пока совершенно свободною отъ посторонникъ свидѣтелей. Здѣсь, наединѣ, она могла говорить не стѣсняясь.

— Вѣдь ты же выходишь за него замужъ,—напрямикъ и

сразу высказалась она, слѣдя по лицу дѣвушки, какое впечатлѣніе произведетъ на нее эта, въ упоръ брошенная ей, правда.

— Да, онъ дѣлалъ мнѣ предложеніе... неоднократно даже возобновлялъ его, даже недавно,—и я обѣщала. Но я не знала, что онъ женатъ, я и не подозрѣвала этого!

— И ты это говоришь правду, Тамара? серьезно и строго спросила Ольга.

— Убей меня Богъ, если это ложь! перекрестилась дѣвушка.—Довольно съ тебя?

— О! какой же негодяй, однако! съ негодованіемъ воскликнула возмущенная Ольга.—Я думала, что онъ, по крайней мѣрѣ, отъ тебя-то не скрываетъ правды, что вы вмѣстѣ, съ обоюднаго согласія, идете къ своей цѣли, а выходитъ,—ты такая же жертва его обмановъ, какою была и я въ свое время. Но я за себя хоть отомстила: я заставила его жениться на себѣ, чтобы дать законное имя его же собственному ребенку.

— Ребенку? удивленно повторила за нею Тамара, у которой только теперь начинали раскрываться глаза на истинное положеніе дѣла:—у тебя отъ него ребенокъ?.. Такъ это, значитъ, правда была—все, что̀ болталось когда-то о вашихъ отношеніяхъ въ Украинскѣ?

— Къ несчастію,—вздохнула Ольга:—правда.

— И это все въ то самое время, когда онъ и меня увѣрялъ въ своей любви и вырывалъ изъ семьи?

— Въ то самое. Скажу даже болѣе: въ ту самую ночь, въ тотъ самый часъ, когда онъ уводилъ тебя къ Серафимѣ, я, не зная еще вашей исторіи, была въ его кабинетѣ, я пришла тогда сказать ему, что беременна.—Значитъ, клявшись тебѣ въ своей любви и ломая всю твою жизнь, онъ уже зналъ это.

— Господи! Да что̀ жъ это такое?! съ чувствомъ внутренняго омерзенія и ужаса всплеснула руками Тамара.

— Игра, мой другъ, азартная игра, не болѣе! горько усмѣхнулась Ольга:—вѣдь онъ игрокъ по натурѣ. Пока не было тебя, казалась ему и я выгодною партіей; явилась ты со своими милліонами,—меня по боку, за тебя принялся. Ему не мы, а наши деньги нужны, и только деньги, повѣрь мнѣ.

— Да совѣсть-то... совѣсть-то гдѣ же?!

— Э, моя милая, что̀-за наивность! Совѣсть!.. У такихъ людей это лишній грузъ, который они не задумываясь бросаютъ за бортъ. И неужели жъ, ты думаешь, онъ въ самомъ дѣлѣ любитъ или когда-нибудь любилъ тебя?

— О, что̀ до его любви,—махнула рукою Тамара:—я давно уже стала въ ней сомнѣваться! И если ты видишь меня здѣсь, то это потому, что онъ подорвалъ во мнѣ уже послѣднюю надежду и вѣру въ нее. Я рѣшилась лучше взять мѣсто сельской учительницы въ какомъ-то Бабьёгонскомъ уѣздѣ, чѣмъ еще далѣе тянуть всю эту глупую канитель.

— Вотъ, признаюсь, тонъ, какого я отъ тебя менѣе всего ожидала! удивилась Ольга:—ну, и скажи мнѣ откровенно, любишь ты его?

— Любила когда-то, но...

— Но послѣ сегодняшняго вечера больше не любишь? Такъ, что-ли? съ улыбкой подхватила Ольга, предполагая, что досказываетъ мысль своей подруги.

— О, нѣтъ!.. Сегодняшній вечеръ—это только послѣдняя капля, переполнившая чашу. Я смущена, это правда,—да и какъ не смутиться предъ такимъ сюрпризомъ!.. Но въ то же время я и рада,—вѣришь ли, счастлива даже, что все это кончается такимъ образомъ. Слава Богу! Теперь я, по крайней мѣрѣ, вольный казакъ, цѣпей нѣтъ на мнѣ больше!

И вызванная Ольгой на откровенность, Тамара въ короткихъ словахъ разсказала ей всю исторію своихъ отношеній къ Каржолю, начиная со встрѣчъ у Санковскихъ и кончая его послѣднею московскою телеграммой. Она не скрыла и того, что поведеніе Каржоля давно уже начало казаться ей нѣсколько страннымъ, и что его продолжительное молчаніе и безучастіе къ ней, въ связи съ газетными намеками на счетъ его вовсе не двусмысленныхъ отношеній къ какимъ-то акрисамъ, на много способствовали ея разочарованію въ немъ и даже постепенному охлажденію, тѣмъ болѣе, что въ это время встрѣтился ей другой человѣкъ, болѣе достойный, который полюбилъ ее, но которому она отказала, наперекоръ собственному сердцу, изъ нежеланія нарушить слово, данное Каржолю, пока не убѣдится окончательно, что онъ не стоитъ такой жертвы. И вотъ теперь, благодаря встрѣчѣ съ Ольгой, она убѣдилась въ этомъ. Теперь ей становится все понятно, все: и настоящая подкладка того письма его, что̀ было передано ей въ монастырѣ черезъ келейницу Наталью, гдѣ онъ предупреждалъ и умолялъ ее не вѣрить городскимъ сплетнямъ, приплетающимъ къ ея дѣлу одну изъ ея подругъ; понятно и отвѣтное письмо Сашеньки Санковской, полученное ею уже въ Петербургѣ, послѣ крещенія, которое еще тогда заронило въ ея душу первыя сомнѣнія

въ искренности Каржбля и въ томъ, что не играетъ ли онъ съ нею одну комедію, такъ какъ Сашенька сообщала, между прочимъ, о его интимныхъ отношеніяхъ къ Ольгѣ, и даже о томъ, что Ольга отъ него „въ интересномъ положеніи", чему, однако же, Тамара не хотѣла тогда повѣрить, имѣя въ виду его первое письмо и, любя его, старалась разсѣять въ себѣ эти сомнѣнія. Ей тогда казалось, что на него клевещутъ просто по людскому недоброжелательству или, еще скорѣе, изъ зависти къ ней. Вспомнила она теперь и свою первую, послѣ годовой разлуки, встрѣчу съ нимъ на войнѣ, въ зимницкомъ госпиталѣ, когда онъ, вмѣсто того, чтобъ обрадоваться ей, старался прежде всего вызнать, помирилась ли она съ родными, такъ какъ отъ этого-де зависитъ дѣдушкино наслѣдство. Это наслѣдство интересовало его болѣе, чѣмъ ея чувство! Вспомнила и нѣсколько странныхъ, загадочныхъ словъ, сказанныхъ имъ тогда же, по поводу письма Сашеньки, на счетъ Ольги, поведеніе которой въ эпизодѣ ухода Тамары въ монастырь онъ объяснялъ только ея эксцентричностью и психопатствомъ, желаніемъ приплести себя, ни съ того, ни съ сего, къ „интересной исторіи". А между тѣмъ, онъ въ это время былъ уже ея мужемъ, отцомъ ея ребенка, и все это скрылъ отъ Тамары. Теперь ей стала понятна и та изворотливость и недосказанность его оправдательнаго санстефанскаго письма, въ которомъ ей невольно чувствовалась какая то фальшь, полная умышленныхъ, обдуманныхъ умолчаній; понятно и все его странное молчаніе въ теченіе столькихъ мѣсяцевъ. Всѣ эти мелкія детали, изъ которыхъ каждая въ свое время, бывало, такъ и рѣзнетъ ее какимъ-то внутреннимъ диссонансомъ, но которыя затѣмъ болѣе или менѣе сглаживались въ послѣдствіи и забывались въ потокѣ его нѣжныхъ и „честныхъ" рѣчей и въ силѣ ея собственнаго чувства,—все это всплыло теперь въ ея памяти и освѣтилось истиннымъ, неподкрашеннымъ свѣтомъ. Совокупность всѣхъ этихъ, въ отдѣльности, можетъ быть, и мелочныхъ, обстоятельствъ ясно указала ей теперь, что главный интересъ графа по отношенію къ ней заключался не въ ней самой, а только въ ея состояніи, добиться котораго иначе какъ чрезъ женитьбу ему не было возможности. Вспомнилось ей, какъ эти ея деньги и наслѣдство интересовали его еще до ухода ея въ монастырь, какъ при ночномъ свиданіи съ нею въ дѣдовскомъ саду, онъ старался убѣдить ее, что никто, ни дѣдъ, ни кагалъ не имѣютъ права лишить ее отцовскаго наслѣдства, что напрасно она ду-

маетъ, будто кагалъ можетъ секвестровать его, что при помощи нашихъ знаменитыхъ адвокатовъ, дѣло ея безспорно и навѣрное будетъ выиграно ею. Да, эти разсчеты на ея деньги проскальзывали у него еще тогда, сколь ни старался онъ ихъ маскировать. Теперь все ясно, какъ ясно и то, что инсинуаціи одесской газеты на счетъ опереточныхъ француженокъ, зимнихъ интендантовъ и Маріуцы были правдой. А если такъ, то, значитъ, онъ никогда не любилъ ее, и всѣ его „пылкія“ фразы и чувства были однимъ лишь притворствомъ. Но только вотъ вопросъ: будучи уже женатымъ, на что онъ разсчитывалъ, увѣряя ее въ санстефанскомъ письмѣ, что свадьба ихъ состоится нынѣшней осенью? неужели на вторичный бракъ отъ живой жены?

— Нѣтъ, гораздо проще: на разводъ со мною, — пояснила ей Ольга и разсказала при этомъ, что, возвратясь на прошлой недѣлѣ изъ Парижа, она была крайне озадачена, получивъ третьяго-дня черезъ полицію консисторскую повѣстку по бракоразводному дѣлу. Не зная, какъ быть и что съ этимъ дѣлать, она сейчасъ же кинулась посовѣтоваться къ своему доброму другу Миропольцеву, какъ къ замѣчательному и опытному юристу, и тотъ далъ ей совѣтъ — прежде всего постараться самой повидаться съ графомъ и уговорить его не дѣлать этихъ глупостей, или узнать у него, по крайней мѣрѣ, на какихъ основаніяхъ ищетъ онъ развода? Вѣдь чтобъ обвинить ее, нужны чрезвычайно вѣскія юридическія данныя,— надо знать, что это за данныя такія? Узнать же это можно и изъ его прошенія, поданнаго въ консисторію. А тамъ уже, смотря по тому, что окажется, будетъ видно, какъ дѣйствовать ей далѣе. Послѣдовавъ этому совѣту, Ольга въ тотъ же день узнала адресъ графа и написала ему письмо, прося его пріѣхать къ себѣ объясниться по поводу затѣяннаго имъ дѣла, а вчера была сама въ консисторіи, гдѣ показали ей прошеніе; но прошеніе это самое ординарное, по обыкновенному шаблону, гдѣ онъ просто обвиняетъ ее въ супружеской невѣрности на основаніи достовѣрныхъ свидѣтельствъ, какія своевременно будутъ имъ представлены, въ дополненіе къ прошенію, а также проситъ о разводѣ и потому еще, что со дня ихъ брака она живетъ отдѣльно отъ него, по собственному своему желанію, что можетъ быть доказано и по документамъ. Такимъ образомъ, изъ прошенія нельзя было почерпнуть никакихъ данныхъ, и вся

надежда оставалась лишь на личное свиданіе съ графомъ. Сегодня утромъ онъ наконецъ былъ у нея.

— Такъ онъ здѣсь? перебила ее удивленная Тамара.—Это, значитъ, еще новая ложь! По московской телеграммѣ, я считала его или въ Нижнемъ, или въ Перми?

— Нѣтъ, онъ все время былъ въ Москвѣ, поджидая моего возвращенія, — подтвердила ей Ольга: — могу тебя увѣрить въ этомъ на основаніи его же собственныхъ словъ.

— Господи, и зачѣмъ эти вѣчныя враки, вѣчная путаница и заметанье своихъ слѣдовъ?! — съ чувствомъ брезгливаго сожалѣнія пожала плечами Тамара.

— Неужели не понятно? Просто, чтобъ избѣжать преждевременной встрѣчи съ тобой и лишнихъ объясненій въ письмахъ,—для меня это такъ ясно!

И Ольга далѣе разсказала ей, что сегодняшнее свиданіе съ графомъ прошло съ его стороны безъ всякихъ сценъ, даже въ очень сдержанной и вполнѣ приличной формѣ, но на всѣ ея доводы и просьбы не подымать такого скандальнаго дѣла онъ остался непреклоненъ, и когда наконецъ она объявила ему, что, по мнѣнію очень опытныхъ юристовъ, съ которыми она-де совѣтовалась, дѣло кончится ничѣмъ, такъ какъ у него нѣтъ и быть не можетъ никакихъ фактическихъ противъ нея доказательствъ, то онъ съ торжествующей ироніей возразилъ на это, что не угодно ли ей вспомнить про кое-какія свои письма, — не къ нему, разумѣется, а къ человѣку сердечно болѣе ей близкому.

— Письма? встрепенулась Тамара: — Кстати, ты получила прошлымъ лѣтомъ маленькую посылку изъ арміи?

— Изъ арміи? съ удивленіемъ переспросила Ольга.—Нѣтъ, ничего не получала.

— Какъ?!. Ничего?

— Рѣшительно ничего. А въ чемъ дѣло?

Тамара, съ невольнымъ движеніемъ внутренняго ужаса и досады на самоё себя, схватилась за голову и закрыла лицо руками.

— Боже мой!.. Что я надѣлала! что я надѣлала!.. Теперь все понимаю... Это моя вина.

И она разсказала ей весь плевненскій эпизодъ съ Аполлономъ Пупомъ, какъ онъ умеръ на ея рукахъ въ радишевскомъ госпиталѣ, какъ выразилъ ей свою предсмертную волю на счетъ Ольгина медальйона и бумажника съ ея письмами, и

какъ ловко успѣлъ Каржоль на его похоронахъ выманить у нея этотъ бумажникъ, прежде даже чѣмъ она успѣла развернуть его, и если онъ могъ сдѣлать тогда такую мерзость, то, нѣтъ сомнѣнія, что сегодняшній намекъ его относился именно къ этимъ самымъ письмамъ.

— Это было послѣднее наше свиданье, — прибавила Тамара: — и послѣ того я уже не видѣла его больше, и даже отъ переписки со мной онъ себя уволилъ.

Весь этотъ разсказъ глубоко поразилъ и до отчаянія взволновалъ Ольгу. Не говоря уже о томъ, насколько ей больно, что самыя завѣтныя ея письма попали вдругъ въ чужія руки— и въ какія, къ тому же! — но главное смутило ее то, что, заручившись такими фактическими доказательствами, графъ дѣйствительно можетъ разсчитывать на успѣхъ развода, и дѣло ея, стало быть, пропало!

— Нѣтъ! энергично возразила ей Тамара: — не пропало!.. Мой былъ промахъ, мнѣ и поправлять его. Письма эти должны быть возвращены тебѣ. Во что бы то ни стало! Я *должна* добиться этого, и добьюсь!

— Милая,—грустно усмѣхнулась Ольга:—неужели ты думаешь, онъ такъ легко разстанется съ ними, если на этомъ строятся всѣ его планы?

— Да, эти планы могли строиться, въ разсчетѣ на мои деньги и мою слѣпоту, согласилась Тамара:—но если я ему въ глаза рѣшительно и прямо объявлю, что никогда не буду его женой,—какой интересъ для него тогда въ этомъ разводѣ и на что ему письма?

— Какъ на что? — Не такъ, такъ иначе, онъ можетъ всю жизнь шантажировать меня имп.

— Нѣтъ, я заставлю его отдать! упрямо подтвердила ей возмущенная дѣвушка. — Можешь ты доставить мнѣ возможность видѣться съ нимъ?

— Возможность видѣться... Но гдѣ же и какъ?— въ затрудненіи пожала та плечами.

— У тебя, понятно, и въ твоемъ же присутствіи. Вѣдь если онъ согласился быть у тебя сегодня, то ты могла бы найдти предлогъ позвать его и завтра.

— Да, но захочетъ ли онъ пріѣхать?

— Напиши, что имѣешь сообщить ему нѣчто крайне важное и экстренное по его же дѣлу, заинтересуй его этимъ, и пріѣдетъ.

— Попытаюсь, — согласилась Ольга и прибавила, что, на всякій случай, все-таки зайдетъ сейчасъ еще разъ къ Мирополъцеву сообщить объ этихъ письмахъ,—можетъ, онъ ей что и посовѣтуетъ,—и затѣмъ онѣ условились, что завтра Тамара заѣдетъ къ ней отъ Де-Казатиса, около двухъ часовъ дня, и чтобы къ этому времени Ольга пригласила Каржоля. Если же онъ уклонится, то послѣ завтра—ужь такъ и быть!—онѣ сами отправятся вдвоемъ къ нему на квартиру, а только письма, такъ или иначе, должны быть выручены. Это теперь долгъ чести для Тамары, ея ближайшая задача.

ВС. КРЕСТОВСКІЙ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Двадцатипятилѣтіе взятія Ташкента.

(1865—1890 гг.)

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, 15 іюня 1866 года, генералъ Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ овладѣлъ Ташкентомъ, весьма важнымъ по своему положенію и по численности населенія городомъ, и тѣмъ положилъ прочное основаніе созданію нынѣшняго русскаго Туркестана. Съ легкой руки этого высоко-даровитаго генерала, распространеніе русской власти на югъ, до береговъ Аму-Дарьи, уже не прекращалось. Періоды мира и спокойствія на этихъ отдаленныхъ окраинахъ Россіи служили только какъ бы отдыхомъ для нашихъ отважныхъ и неутомимыхъ воиновъ; азіатскія твердыни падали одна за другой; городъ за городомъ, область за областью переходили въ ваше владѣніе; независимость Кокана была уничтожена вовсе, гордый когда-то бухарскій эмиръ, молившійся при вступленіи на престолъ надъ гробницею великаго Тамерлана, сдѣлался нашимъ покорнымъ данникомъ; еще въ болѣе ничтожное положеніе былъ низведенъ ханъ хивинскій; наконецъ, свободолюбивымъ и воинственнымъ текинцамъ былъ нанесенъ жестокій ударъ подъ Геокъ-Тепе, смирившій всѣ племена туркменъ, и теперь можно сказать, что героическій періодъ Туркестана сдѣлался достояніемъ исторіи. Въ краѣ утвердилась твердая власть, законность и уваженіе къ личной собственности. Народъ, такъ долго страдавшій отъ междоусобій, притѣсняемый своими грубыми и деспотическими правителями, отъ которыхъ не получалъ ни защиты, ни справедливости, отдыхаетъ теперь подъ могущественною рукою русскаго государя; мирный трудъ и торговля быстро развиваются, и съ проведеніемъ желѣзной дороги,

можно сказать съ увѣренностью, что Туркестанъ скоро сдѣлается одной изъ самыхъ цвѣтущихъ областей имперіи.

Съ военной точки зрѣнія, Туркестанъ былъ прекрасной боевой школой для войскъ. Тамъ, въ постоянной борьбѣ съ иррегулярнымъ непріятелемъ, какъ въ свое время на Кавказѣ, выдвинулся цѣлый рядъ талантливыхъ военачальниковъ, имена которыхъ стали извѣстны не только во всей Россіи, но и заграницей. Въ средѣ этихъ военачальниковъ народныя симпатіи особенно остановились на двухъ—на М. Г. Черняевѣ и на нынѣ покойномъ М. Д. Скобелевѣ. Въ лицѣ этихъ генераловъ рѣзко выразились всѣ тѣ черты, которыя такъ цѣнны въ предводителѣ: смѣлость, рѣшительность, умѣнье быстро приспособляться къ обстановкѣ и заботливость о солдатѣ. Къ этому надо прибавить еще одну черту, особенно рѣзко отличающую туркестанскаго генерала, это крайнее презрѣніе къ врагу. Не мудрено, что, обладая такими качествами, М. Г. Черняевъ, явившись первымъ въ Туркестанъ, въ весьма скорое время положилъ прочное основаніе завоеванію этого края. Покойный Скобелевъ продолжалъ въ Туркестанѣ начатое первымъ; ему принадлежитъ покореніе оставшейся независимой части Кокана и разгромъ туркменъ. Удары были наносимы въ самыя чувствительныя мѣста и тяжелою рукою. Этимъ всегда отличаются дѣянія людей выдающихся; слѣдъ отъ нихъ утверждается надолго и прочно.

Дѣйствуя такъ рѣшительно и грозно во время войны, наши генералы умѣли однако въ свое время быстро устанавливать мирныя и справедливыя отношенія къ мѣстному населенію, разъ оно чистосердечно признавало себя побѣжденнымъ. Недавніе враги, обращаясь въ нашихъ подданныхъ, тотчасъ же пріобрѣтали покровительство и всѣ выгоды, предоставляемыя русскими законами. Начало такимъ отношеніямъ къ населенію было положено М. Г. Черняевымъ.

Другая заслуга, принадлежащая исключительно ему, какъ первому завоевателю, заключается въ созданіи ядра туркестанскихъ войскъ, боевыя качества которыхъ достаточно извѣстны въ военномъ мірѣ. Подъ его начальствомъ небольшая горсть солдатъ, плохо вооруженныхъ и даже недостаточно дисциплинированныхъ, быстро воспиталась въ тѣхъ высокихъ чувствахъ, которыя одушевляли ихъ вождя и доказали неоднократно на дѣлѣ, что регулярная часть легко побѣждаетъ непріятеля вдесятеро сильнѣйшаго численностью, но

не проникнутаго дисциплиной и чувствомъ боеваго товарищества.

Такимъ образомъ, благодаря тому, что лучшіе русскіе генералы положили свои силы и способности на служеніе отечеству въ отдаленномъ Туркестанѣ, мы пріобрѣли въ какихъ-нибудь двадцать лѣтъ огромную провинцію, съ богатѣйшими оазисами земли и съ довольно многочисленнымъ населеніемъ. Въ настоящее время намъ принадлежитъ въ Средней Азіи около двадцати пяти тысячъ квадратныхъ миль территоріи при почти трехмилліонномъ населеніи. Бухарскій и хивинскій ханы сохранили только тѣнь своей независимости; а въ ихъ владѣніяхъ насчитывается тоже около трехъ милліоновъ населенія. Съ утвержденіемъ русской власти на Аму-Дарьѣ и въ туркменскихъ земляхъ создались новыя отношенія къ Персіи, Афганистану и къ Остъ-Индіи, военное значеніе которыхъ въ настоящее время еще и не можетъ быть оцѣнено достодолжно. Вновь проведенная желѣзная дорога отъ береговъ Каспія до Самарканда, древней столицы Средней Азіи, дала новый толчокъ развивающейся еще со временъ взятія Ташкента на новыхъ, культурныхъ началахъ, промышленности и торговлѣ края. Наши піонеры по этой части настолько двинули ее впередъ, что нынче весною въ Ташкентѣ открывается промышленная и хозяйственная выставка, въ память двадцатипятилѣтняго перехода этого города въ русское владѣніе.

Съ своей стороны, въ память этого знаменательнаго событія, мы посвящаемъ нѣсколько страницъ воспоминаніямъ о легендарныхъ походахъ Черняева, окончившихся паденіемъ Ташкента, служившаго долго оплотомъ кокандскаго могущества.

Наступательное движеніе на юго-востокъ, вызывавшееся необходимостью, постепенно надвигало нашу границу на берега Сыръ-Дарьи. Послѣ завоеванія нами Астраханскаго царства и Сибири, Россія вошла въ соприкосновеніе съ народами, кочевавшими въ степяхъ, которыя тянутся на востокъ отъ Каспійскаго моря и далѣе за Аральское море.

Въ то время, какъ сѣверная граница была обезпечена океаномъ и суровымъ климатомъ, южная, пролегая по среднеазіатскимъ степямъ, подвергалась постояннымъ набѣгамъ кочевниковъ. Набѣги эти дѣлались или самостоятельно киргизскими султанами или, что́ бывало чаще, по наущенію хан-

скихъ правительствъ, съ неудовольствіемъ и тревогою слѣдившихъ за новымъ, могущественнымъ сосѣдомъ.

Первый шагъ къ умиротворенію степей былъ сдѣланъ Петромъ Великимъ. Снаряженныя имъ единовременно двѣ экспедиціи, одна—со стороны Каспійскаго моря, а другая—изъ Западной Сибири (Бековича-Черкасскаго и Бухгольца), имѣли, кромѣ того, цѣлью установленіе сношеній съ средне-азіатскими государствами и изслѣдованіе Аму-Дарьи, по преданіямъ, впадавшей когда-то въ Каспійское море. Экспедиція Бековича кончилась неудачей; самъ онъ и весь его отрядъ были предательски истреблены въ Хивѣ. Что касается Бухгольца, то тотъ продвинулся до средняго Иртыша, гдѣ и былъ основанъ Омскъ, чѣмъ было положено начало степной линіи со стороны Сибири.

Въ началѣ XVIII-го вѣка киргизы неоднократно обращались къ русскому правительству съ просьбою о принятіи ихъ въ подданство и о защитѣ отъ притѣснявшихъ ихъ кокандцевъ и джунгаръ, но Россія не находила тогда возможности по разнымъ причинамъ исполнить ихъ просьбу.

Постепенное подчиненіе намъ киргизскихъ ордъ начинается съ 1730 г., т. е. съ основанія укрѣпленія Орска, чѣмъ положено начало Оренбургской степной линіи. Подчиненіе это сначала было чисто номинальное. Киргизскія племена и роды вели безпрерывную борьбу между собою, и наши поселенія и торговые караваны постоянно отъ этого страдали. Такое положеніе дѣла вынуждало насъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія постепенно, годъ за годомъ, продвигаться на югъ къ Аральскому морю и къ Сыръ-Дарьѣ, какъ со стороны Сибири, такъ и Оренбурга. Послѣдствіемъ такого движенія было основаніе цѣлаго ряда укрѣпленій, въ которыхъ содержались небольшіе гарнизоны. Укрѣпленія эти служили въ степи какъ бы оазисами, постоянно напоминавшими о русской власти. Наиболѣе важными событіями въ этихъ краяхъ, въ разсматриваемый періодъ времени, была экспедиція Перовскаго 1839 года въ Хиву. Экспедиція эта окончилась полною неудачею и гибелью большей части нашего отряда. Неуспѣхъ отразился крайне невыгодно на положеніи дѣла: вліяніе хановъ хивинскаго и кокандскаго на киргизовъ усилилось, и волненія среди послѣднихъ стали повторяться чаще. Мы принуждены были увеличить численность нашихъ войскъ и еще настойчивѣе наступать на югъ. Въ пятидесятыхъ годахъ мы утверждаемся окончательно

въ низовьяхъ Сыръ-Дарьи, устраиваемъ здѣсь три новыхъ форта и овладѣваемъ кокандской крѣпостью Акъ-Мечеть. Въ то же самое время наша западно-сибирская граница достигла озера Иссыкъ-Куль. На берегахъ рѣки Или былъ основанъ Алатавскій округъ, подчиненный генералъ-губернатору западной Сибири. Крайнимъ укрѣпленнымъ пунктомъ сибирской линіи былъ тогда Вѣрный. Киргизскія степи были охвачены съ двухъ сторонъ, но оставалось еще огромное пространство въ 900 верстъ, ничѣмъ не защищенное отъ набѣговъ кокандцевъ.

Партіи кокандской кавалеріи безпрепятственно могли проникать въ этотъ промежутокъ, грабить киргизскіе аулы, угонять скотъ и возбуждать населеніе противъ насъ.

Такое положеніе дѣлъ естественно заставляло насъ высылать время отъ времени отряды, какъ со стороны Вѣрнаго, такъ и со стороны форта Перовскаго. Такимъ образомъ, съ цѣлью обузданія кокандцевъ въ теченіе 1860—61 гг., были взяты и разрушены укрѣпленія Джулекъ, Яны-Курганъ, Токмакъ и Пишпекъ. Эти маленькія экспедиціи имѣли цѣлью не утвержденіе нашей власти въ занятыхъ пунктахъ, а только нанесеніе удара, послѣ чего отряды возвращались обратно. Такое отступленіе однако истолковывалось, какъ доказательство нашей слабости, и мало дѣйствовало на кокандцевъ. Напротивъ того, озлобленіе и дерзость кокандскаго правительства возростали; въ Ташкентѣ были собраны огромныя скопища, непріятельскіе эмиссары возмущали киргизъ. Пишпекъ былъ возстановленъ, кокандцы въ большомъ числѣ двинулись на Вѣрный, объявляя по пути хазаватъ. Движеніе это однако кончилось полной неудачей: близъ Узунъ-Агача подполковникъ Колпаковскій нанесъ имъ рѣшительное пораженіе. Тѣмъ не менѣе, постоянныя безпокойства на границѣ продолжались, указывая на то, что мѣры, принимаемыя до сихъ поръ, не ведутъ къ прочнымъ результатамъ, а только воспитываютъ непріятеля въ постоянной борьбѣ съ нами. Вслѣдствіе этого, въ 1863 г. въ Петербургѣ былъ выработанъ и Высочайше утвержденъ новый планъ дѣйствій, по которому было предположено связать обѣ степныя линіи между собою, какъ Оренбургскую, такъ и Сибирскую, постояннымъ занятіемъ нѣсколькихъ укрѣпленныхъ пунктовъ между ними. Для этой цѣли назначались два отряда: одинъ со стороны Оренбурга, подъ начальствомъ полковника Веревкина, другой—изъ Вѣрнаго, подъ командой Черняева.

До этого назначенія М. Г. Черняевъ уже служилъ нѣсколько лѣтъ въ Оренбургскомъ краѣ и поэтому былъ достаточно знакомъ какъ съ непріятелемъ и обстановкой, такъ и съ внутренними порядками въ нашихъ отдаленныхъ областяхъ, что у насъ играетъ немаловажную роль.

Послѣ Крымской кампаніи, въ которой Михаилъ Григорьевичъ принималъ дѣятельное участіе въ составѣ славнаго Севастопольскаго гарнизона, въ качествѣ офицера генеральнаго штаба, онъ въ чинѣ подполковника былъ назначенъ начальникомъ штаба 3-й пѣхотной дивизіи. Онъ однако искалъ болѣе широкой дѣятельности и былъ очень доволенъ, когда бывшій въ то время военнымъ министромъ князь Васильчиковъ назначилъ его въ распоряженіе Оренбургскаго генералъ-губернатора Катенина. Катенинъ въ свою очередь назначилъ его состоять при начальникѣ степной линіи, генералѣ Данзасѣ. Къ этому періоду относится устройство нѣсколькихъ новыхъ укрѣпленій на линіи, а также морская экспедиція Бутакова (1858 г.). Существовавшая уже въ то время, аральская флотилія состояла изъ нѣсколькихъ баржъ и небольшихъ плоскодонныхъ пароходовъ. Военный портъ былъ въ Казалинскѣ. Для образованія флотиліи, суда привозились въ Казалинскъ въ разборчатомъ видѣ. Предполагали устроить такіе пароходы, которые бы ходили и по морю, и по Аму-Дарьѣ, но на дѣлѣ они оказались малопригодными какъ для того, такъ и для другаго.

Знаменитая флотилія дѣлала въ сутки не болѣе 10 верстъ, потому что пароходы безпрестанно садились на мель, и солдатъ то и дѣло заставляли лазить въ воду и тащить судно на себѣ. „Такъ, напримѣръ, разсказывалъ намъ М. Г. Черняевъ, одну роту везли изъ Казалинска въ фортъ Перовскій цѣлый мѣсяцъ. На вопросъ товарищей — „хорошо ли, ребята, на пароходѣ прокатились“, солдаты отвѣчали: „спросите-ка лучше, какъ пароходъ на насъ прокатился“. — Экспедиція подъ начальствомъ капитана 1-го ранга Бутакова была предпринята съ цѣлью поддержать жителей Кунграда, возставшихъ противъ Хивинскаго хана. Флотилія состояла изъ одного парохода и двухъ баржъ, на которыхъ помѣщалось 120 чел. десанта подъ начальствомъ М. Г. Черняева. Сами участники называли въ шутку эту экспедицію — „гусарской“, такъ какъ она была недостаточно подготовлена: о берегахъ, гдѣ надо было дѣлать высадку, и о непріятелѣ не имѣлось никакихъ свѣдѣній. Близъ Кунграда фло-

тилія сѣла на мель, и хивинцы безнаказанно окружили предполагаемый десантъ.

Въ концѣ 1859 года Черняевъ вернулся въ Петербургъ, откуда вскорѣ былъ посланъ на Кавказъ въ распоряженіе графа Евдокимова, при которомъ и состоялъ въ должности оберъ-квартермейстера. Затѣмъ, въ 1862 г., онъ опять вернулся на службу въ Оренбургскій край, гдѣ бывшій тогда генералъ-губернаторъ Безакъ предложилъ ему мѣсто начальника штаба. Съ Безакомъ М. Г. Черняевъ не сошелся по разнымъ причинамъ, особенно по вопросу объ управленіи башкирами, и въ 1864 году опять возвратился въ Петербургъ, гдѣ былъ зачисленъ въ ученый комитетъ главнаго штаба. Не задолго передъ этимъ генералъ Игнатьевъ, управлявшій тогда азіатскимъ департаментомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, вслѣдствіе натянутыхъ отношеній нашихъ съ Англіей, возбудилъ вопросъ о необходимости произвести диверсію къ Индіи. Составленіе проекта было поручено Черняеву, но самый проектъ конечно не былъ осуществленъ.

Тѣмъ не менѣе пріѣздъ Черняева въ Петербургъ оказался для него кстати, такъ какъ въ это время другой проектъ, о соединеніи степныхъ линій, о которомъ мы упоминали выше, былъ уже утвержденъ. Михаилу Григорьевичу было поручено командованіе Западно-Сибирскимъ отрядомъ. Этому назначенію много способствовалъ Н. П. Игнатьевъ, имѣвшій возможность лично оцѣнить способности молодаго полковника [1]).

Получивъ назначеніе, Черняевъ отправился въ Омскъ, откуда часть войскъ, по распоряженію генералъ-губернатора Западной Сибири, Дюгамеля, направлялась въ Вѣрное, гдѣ долженъ былъ формироваться отрядъ. Вѣрное былъ въ то время главнымъ административнымъ пунктомъ въ Алатавскомъ округѣ, начальникомъ котораго былъ полковникъ Колпаковскій. Хотя Колпаковскій по службѣ былъ и старше Черняева, но отнесся къ послѣднему весьма внимательно и быстро и умѣло исполнилъ все то, что возлагалось на него по вопросу снабженія и снаряженія отряда. Тѣмъ не менѣе, съ самаго же начала встрѣтилось серьезное затрудненіе, вслѣдствіе недостатка суммъ, потребныхъ для экспедиціи. По экономическимъ разсчетамъ, военный министръ, генералъ Милютинъ, рѣшилъ предпринять эту экспедицію на остатокъ интендант-

[1]) М. Г. Черняеву было тогда 34 года.

скихъ суммъ Западно-Сибирскаго округа. По смѣтамъ остатокъ этотъ равнялся 200 тысячамъ рублей, но на самомъ дѣлѣ въ наличности оказалось только 150 тысячъ. Милютинъ былъ крайне озабоченъ этимъ обстоятельствомъ, но Черняевъ заявилъ, что экспедиція возможна и съ этими средствами, но при условіи свободнаго расходованія этихъ суммъ не по статьямъ, а по усмотрѣнію начальника отряда; кромѣ того, онъ просилъ разрѣшенія измѣнять по своему усмотрѣнію составъ отряда; и то и другое было ему разрѣшено.

Ближайшею цѣлью дѣйствія для отряда Черняева было занятіе Ауліэта. Что же касается Оренбургскаго отряда, двигавшагося подъ начальствомъ полковника Веревкина, то на него было возложено овладѣніе г. Туркестаномъ. Оба эти отряда двигались навстрѣчу другъ къ другу, но были совершенно независимы одинъ отъ другаго, чѣмъ нарушался прежде всего, весьма важный на войнѣ, принципъ единства командованія. Въ составъ Западно-Сибирскаго отряда вошло 8 ротъ, 10 орудій, изъ нихъ 2 горныхъ, и 400 сибирскихъ казаковъ, изъ коихъ Черняевъ, однако, для сокращенія расходовъ, взялъ только 200 человѣкъ [1]). Обозъ отряда состоялъ изъ 400 телѣгъ, которыя везли на волахъ. Провіантъ былъ взятъ на мѣсяцъ, а затѣмъ подвозъ долженъ былъ производиться при содѣйствіи начальника Алатавскаго округа. Боевыхъ припасовъ имѣлось въ изобиліи: 4 комплекта пушечныхъ зарядовъ и по 400 патроновъ на винтовку, не считая 60, которые солдаты имѣли въ сумахъ, при себѣ.

По свидѣтельству Михаила Григорьевича, какъ самыя войска по нѣкоторымъ своимъ качествамъ, такъ и вооруженіе, заставляли во многомъ желать лучшаго. Пѣхота была вооружена нарѣзными, заряжаемыми съ дула, ружьями, передѣланными изъ гладкихъ; эти ружья еще болѣе или менѣе годились для дѣла. Что же касается до матеріальной части артиллеріи, то она находилась въ самомъ плачевномъ состояніи. Въ отрядѣ имѣлось 4 орудія, 12-ти фунтовыхъ и 4 ор. 6-ти фунт. конныхъ, и тѣ и другія переданныя въ сибирскія войска еще послѣ Отечественной войны; горныя же пушки, которыми начальствовалъ поручикъ Абрамовъ, впослѣдствіи тоже извѣстный генералъ, были совершенно непригодны: лафеты

[1]) Всего, вмѣстѣ съ киргизской милиціей и съ нестроевыми, около 2.500 человѣкъ.

постоянно разрушались отъ стрѣльбы; въ каналѣ орудій образовались большія выбоины. Что касается личнаго состава, то Черняевъ нашелъ сибирскіе линейные баталіоны въ крайне распущенномъ состояніи. „Передъ выступленіемъ,—разсказывалъ Михаилъ Григорьевичъ,—полковникъ Колпаковскій меня предупреждалъ, что всѣ будутъ пьяны и чтобы я поэтому не безпокоился... И дѣйствительно: на первомъ же переходѣ дошла до ночлега одна десятая отряда, остальныя девять десятыхъ легли на дорогѣ. Потомъ я ихъ скоро подтянулъ“...

Впрочемъ боевыя качества пѣхоты были прекрасны; нѣкоторые баталіоны не задолго передъ этимъ принимали участіе подъ начальствомъ Колпаковскаго въ дѣлѣ подъ Узунъ-Агачемъ, гдѣ кокандцы были разбиты на голову. „Что же касается сибирскихъ казаковъ, то они первое время не обладали совершенно и боевою стойкостью и не могли состязаться съ прекрасною иррегулярною конницей Алимкула; ихъ даже приходилось укрывать за пѣхоту; вошедшіе впослѣдствіи въ составъ отряда уральскіе и оренбургскіе казаки оказались вполнѣ пригодными“.

Назначенные по плану пункты были заняты почти единовременно: 6 іюня Черняевъ взялъ Ауліэта, а 12 іюня Веревкинъ, послѣ непродолжительной осады, овладѣлъ Туркестаномъ, первымъ городомъ, въ которомъ жили сарты, т. е. осѣдлое населеніе. Занятіе Ауліэта обошлось безъ потерь, тогда какъ осада Туркестана стоила намъ нѣсколькихъ убитыхъ и раненыхъ. М. Г. Черняевъ вообще держался мнѣнія, что среднеазіатскія крѣпости, которыя онъ называлъ „глиняными горшками“, слѣдуетъ не осаждать, а брать штурмомъ. При Ауліэта ему благопріятствовала дождливая погода. Сообразивъ, что во время дождя защитникамъ будетъ трудно стрѣлять изъ фитильныхъ ружей, Черняевъ рѣшился овладѣть крѣпостью, открытой силой. Оставивъ, во избѣжаніе грабежа, казаковъ и киргизъ въ лагерѣ и никому не открывая своего дѣйствительнаго намѣренія, онъ повелъ пѣхоту со стороны незадѣланнаго въ стѣнѣ пролома и неожиданно ворвался въ городъ.

Такимъ образомъ часть плана, составленнаго въ Петербургѣ, была выполнена, но, какъ показали обстоятельства, тотчасъ же явилась потребность въ нѣкоторыхъ отступленіяхъ отъ этого плана. По занятіи назначенныхъ пунктовъ, оба начальника должны были войти между собою въ связь, что на мѣстѣ это было исполнить весьма трудно, такъ какъ

между Туркестаномъ и Ауліэта оставалось еще пространство болѣе чѣмъ въ 250 верстъ, прикрываемое, кромѣ того, кокандской крѣпостью Чемкентомъ; на всемъ этомъ разстояніи, вслѣдствіе имѣвшихся передъ тѣмъ ошибочныхъ свѣдѣній, не предполагалось устраивать промежуточныхъ опорныхъ пунктовъ; полагали, что Ауліэта и Туркестанъ ближе другъ къ другу, чѣмъ это оказалось въ дѣйствительности. Черняевъ былъ особенно озабоченъ обезпеченіемъ своей длинной коммуникаціонной линіи на Вѣрное (около 600 верстъ), подвергавшейся на всемъ своемъ протяженіи набѣгамъ непріятельскихъ партизановъ. Поэтому онъ по пути построилъ укрѣпленіе на рѣкѣ Чу, у горнаго прохода, близъ урочища Токмакъ; для другаго опорнаго пункта была избрана имъ бывшая кокандская крѣпосца Мерке, лежавшая въ мѣстности, гдѣ находилось очень много киргизскихъ кочёвьевъ. Для занятія перваго опорнаго пункта полковникъ Колпаковскій прислалъ изъ Вѣрнаго 1 роту при 4 орудіяхъ, а въ гарнизонъ Мерке Черняевъ долженъ былъ выдѣлить тоже 1 роту изъ своего отряда, которой были приданы 4 запасныхъ орудія.

Вскорѣ послѣ занятія г. Туркестана, кокандцы подняли зеленое знамя пророка и объявили хазаватъ.

До того времени, бухарскій эмиръ почти ежегодно дѣлалъ набѣги на кокандцевъ и грабилъ поселенія близъ занимаемой нами линіи; на этотъ же разъ, въ виду священной войны, онъ прекратилъ свои грабежи, что еще болѣе развязало руки кокандцамъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ, въ Чемкентъ начали стягиваться главныя непріятельскія силы, подъ предводительствомъ отважнаго муллы-Алимкула, управлявшаго за малолѣтствомъ Худаяра-хана Коканомъ. Жители г. Туркестана и приходившіе туда купцы обманывали Веревкина, и онъ до послѣдняго времени не зналъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ. Генералъ-маіоръ Черняевъ поспѣшно выступилъ съ отрядомъ въ 1.300 чел., извѣстилъ вмѣстѣ съ тѣмъ Веревкина черезъ нарочныхъ, что въ Чемкентѣ собирается въ большихъ силахъ непріятель, и просилъ его двинуться немедля къ этому пункту, для совмѣстнаго овладѣнія крѣпостью. Веревкинъ отвѣчалъ, что, по его свѣдѣніямъ, въ Чемкентѣ всего только 600 чел.

гарнизона; кромѣ того, безъ приказанія изъ Оренбурга онъ не считалъ возможнымъ предпринять такое далекое движеніе, но даже и въ случаѣ полученія такого приказанія, предполагалъ вовсе отказаться отъ командованія отрядомъ.

Черняевъ остался, конечно, очень недоволенъ такимъ отвѣтомъ и въ первыя минуты раздраженія хотѣлъ вернуться и оставить Веревкина на произволъ судьбы. Однако чувство долга и природная отвага пересилили неудовольствіе, и Черняевъ рѣшился продолжать наступленіе одинъ съ своимъ отрядомъ. Между тѣмъ, Веревкинъ, не давъ ничего знать о томъ Черняеву, выслалъ съ своей стороны небольшую колонну, подъ начальствомъ капитана генеральнаго штаба Мейера, состоявшую изъ 300 чел. пѣхоты при 3 орудіяхъ и 20 казаковъ. Колонна Мейера шла, очертя голову, большими переходами и остановилась верстахъ въ 12 отъ Чемкента. Самъ Мейеръ донесъ Черняеву о своемъ движеніи, только послѣ втораго перехода. Черняевъ въ это время, не дойдя съ своей стороны до Чемкента верстъ 30, остановился и приказалъ отряду окопаться, рѣшивъ выйти кокандцамъ въ тылъ, если они пойдутъ на г. Туркестанъ. Получивъ донесенія Мейера и имѣя болѣе точныя свѣдѣнія о численности непріятеля, Черняевъ сразу понялъ то отчаянное положеніе, въ которомъ находился Мейеръ, и, поднявъ немедленно отрядъ ночью, двинулся къ нему на соединеніе. Движеніе это производилось и днемъ и ночью безъ привала. Въ это время колонна Мейера уже была атакована подъ Акъ-Булакомъ скопищами муллы-Алимкула; кокандцы заняли кругомъ небольшой горсти нашихъ солдатъ командующія высоты и со всѣхъ сторонъ осыпали ихъ огнемъ. Въ то же время, отрядъ Черняева, напрягая послѣднія усилія, спѣшилъ на выручку. Когда наконецъ съ мѣста боя стала доноситься пушечная пальба, Черняевъ приказалъ артиллеріи тоже стрѣлять, чтобы выстрѣлами дать знать о своемъ приближеніи, и затѣмъ выслалъ впередъ сибирскихъ казаковъ съ 2 орудіями; казакамъ было приказано на маршѣ пылить, на сколько возможно, чтобы движеніе ихъ было замѣчено издали. Скоро однако пришлось выручать самихъ казаковъ; отъѣхавъ верстъ десять, они были атакованы кавалеріей Алимкула. Взобравшись поспѣшно на одинъ изъ холмовъ, казаки спѣшились и едва успѣвали отстрѣливаться. Услыхавъ выстрѣлы уже вблизи, Черняевъ самъ поѣхалъ вслѣдъ за казаками, захвативъ съ собой киргизскую милицію при 2 орудіяхъ, но многочислен-

ный непріятель задержалъ и его на дорогѣ. Тогда оставшійся при главныхъ силахъ подполковникъ Лерхе приказалъ сбросить съ телѣгъ всю кладь, посадилъ на нихъ полуроту стрѣлковъ и поѣхалъ вмѣстѣ съ ними впередъ. Съ прибытіемъ пѣхоты, наступленіе возобновилось, и непріятель отступилъ. Сибирцы потеряли около 20 чел. убитыми и ранеными. Командовавшій ими маіоръ былъ крайне озадаченъ такими потерями и при встрѣчѣ съ Черняевымъ воскликнулъ: „Ужь какая это война! Это просто смертоубійство, а не война!“

По окончаніи дѣла, отрядъ, страшно измученный усталостью, въ седьмомъ часу вечера остановился на ночлегъ, не далеко отъ Чемкента, впереди котораго было расположено два большихъ непріятельскихъ лагеря. Пальба со стороны колонны Мейера стихла. Своимъ движеніемъ Черняевъ оттянулъ на себя большую часть кокандцевъ, и Мейеръ получилъ возможность, хотя и съ большими потерями, отступить [1]).

Посланный на разсвѣтѣ съ небольшой колонной Лерхе нагналъ его на первомъ ночлегѣ по пути къ Туркестану и передалъ ему приказаніе вернуться обратно. Подтянувъ къ себѣ такимъ образомъ колонну Мейера, Черняевъ укрѣпился на занимаемой имъ позиціи и устроилъ шалаши для раненыхъ. Положеніе было довольно затруднительное: брать Чемкентъ съ наличными силами было невозможно; уходить тоже было нельзя. Тогда генералъ Черняевъ рѣшилъ, оставивъ для прикрытія лагеря отрядъ Мейера, съ 10-ю орудіями произвести диверсію къ сторонѣ Чемкента, въ разсчетѣ вызвать Алимкула на состязаніе въ полѣ, которое наиболѣе соотвѣтствовало обстановкѣ и наличнымъ средствамъ.

Разсчетъ этотъ оправдался. Кокандцы въ огромномъ числѣ вышли изъ Чемкента. Черняевъ построилъ каре, поставивъ казаковъ въ середину, а артиллерію по угламъ. Когда нестройныя массы непріятеля подошли на пушечный выстрѣлъ, наша артиллерія открыла огонь. Алимкулъ съ своей стороны выставилъ 12 орудій и тоже началъ обстрѣливать наше каре, но вслѣдствіе неумѣлой стрѣльбы ихъ гранаты и ядра или не долетали, или перелетали наши войска, не нанося вреда. Затѣмъ вся непріятельская конница, махая разноцвѣтными знаменами и оглашая визгомъ воздухъ, бросилась сразу на нашу

[1]) Всего подъ Акъ-Булакомъ мы потеряли около 80 чел убитыми и ранеными.

пѣхоту. Черняевъ, подбодривъ войска, приказалъ сложить заряды на землю, около орудій, и встрѣтить кокандцевъ картечью. Кокандцы выдержали первый выстрѣлъ, но отъ втораго дали тылъ. Это былъ самый критическій моментъ боя. Отрядъ ободрился. Вторая атака непріятельской конницы уже была несравненно слабѣе; непріятель утратилъ одушевленіе и самоувѣренность и разбѣгался въ безпорядкѣ во всѣ стороны, оставивъ на полѣ сраженія огромное число убитыхъ. Послѣ этого дѣла Черняевъ уже смѣло двинулся обратно, по дорогѣ къ г. Туркестану, проводилъ колонну Мейера и затѣмъ вернулся въ Ауліэта. Къ Чемкенту же онъ предполагалъ двинуться опять тогда, когда черезъ лазутчиковъ будутъ получены извѣстія, что скопища, собранныя въ крѣпости, разошлись.

Хотя іюньское наступленіе къ Чемкенту и не повлекло за собой занятія этого города, но оно несомнѣнно принесло свою долю пользы. Оно выяснило довольно наглядно боевыя свойства и нравственныя качества непріятеля, а кромѣ того, показало весь вредъ, проистекающій отъ двойственности начальствованія на одномъ и томъ же театрѣ войны. Пользуясь личнымъ расположеніемъ и довѣріемъ къ себѣ военнаго министра, генералъ Черняевъ непосредственно писалъ тогда Милютину о положеніи дѣлъ въ краѣ. Возстаніе было весьма серьезное и имѣло религіозный характеръ, такъ какъ съ паденіемъ города Туркестана въ наши руки перешла такая уважаемая мѣстнымъ населеніемъ святыня, какъ великолѣпная мечеть временъ Тимура съ могилою Азретъ-Султана, всѣми почитаемаго за святаго. Единственнымъ средствомъ къ возстановленію спокойствія на линіи Черняевъ признавалъ занятіе Чемкента. При этомъ онъ указывалъ на необходимость объединенія власти, т. е. подчиненія ему оренбургскаго отряда.

Въ началѣ сентября испрашиваемыя мѣры были разрѣшены, и Черняевъ тотчасъ же приступилъ къ выполненію своего плана. Соединивъ оба отряда и оставивъ въ Ауліэта 1 роту, а въ Туркестанѣ 2 роты, онъ двинулся съ остальными силами впередъ [1]). 19 сентября отрядъ подошелъ къ Чемкенту. Гарнизонъ крѣпости въ то время состоялъ изъ 10 тысячъ чело-

---

[1]) Всего у Черняева было подъ Чемкентомъ $10^1/_2$ рота, 13 орудій, 5 мортиръ, $2^1/_2$ сотни казаковъ и 1000 милиціонеровъ-киргизъ.

вѣкъ при 32 орудіяхъ; стѣны вездѣ были исправлены и имѣли при значительной толщинѣ высоту около трехъ саженъ. Штурмовать ее было трудно и опасно. „Послѣ рекогносцировки", разсказывалъ намъ Михаилъ Григорьевичъ, „я нѣсколько поколебался, не зная, на какомъ способѣ овладѣнія крѣпостью остановиться, и чтобы что-нибудь дѣлать, выдвинулъ впередъ, въ разстояніи 350 саженъ отъ стѣны 8 орудій, приказалъ ихъ окопать и связать ложементы пѣхотными траншеями. Кокандцевъ однако погубила „военная наука". Въ Чемкентѣ была такъ-называемая золотая рота изъ бѣглыхъ русскихъ, и между ними выискался бѣглый полякъ, который принялъ на себя управленіе обороной. Онъ вздумалъ идти противъ насъ контръ-апрошами, т.-е. распорядился передъ воротами, противъ нашихъ окоповъ, устроить длинную траншею. Это ихъ и погубило"... Замѣтивъ непріятельскія работы, Лерхе, исправлявшій должность траншей-маіора, прислалъ къ генералу Черняеву адъютанта за разрѣшеніемъ ударить въ штыки на кокандскія траншеи, послѣ чего, по его мнѣнію, можно будетъ на плечахъ непріятеля ворваться въ городъ... Черняевъ разрѣшилъ и,ославъ къ Лерхе 2 роты на подкрѣпленіе, съ другими 2 ротами лично пошелъ на цитадель, расположенную сбоку крѣпости, надъ рѣчнымъ обрывомъ. Цитадель оказалась неприступна со всѣхъ сторонъ, и черезъ глубокій ровъ можно было пробраться только по водопроводу, представлявшему изъ себя деревянный ящикъ, аршина полтора ширины и саженъ десять длины. Водопроводъ этотъ проходилъ черезъ сводчатое отверстіе въ стѣнѣ, по счастью ничѣмъ не закрытое. Черняевъ подбѣжалъ къ водопроводу и первый бросился по немъ къ сводчатому проходу въ стѣнѣ, а за нимъ солдаты. Проходъ оказался сажени три длины и настолько низкій, что приходилось пробѣгать его сильно наклонившись.

Эта беззавѣтная отвага увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Гарнизонъ цитадели, числомъ до 300 человѣкъ, до такой степени растерялся, что не сдѣлалъ ни одного выстрѣла. Многіе изъ кокандцевъ въ охватившей ихъ паникѣ бросались со скалы и разбивались на смерть; остальные были перебиты нашими солдатами.

Не менѣе удачна была атака колонны Лерхе. Находившіеся въ траншеяхъ кокандцы, при первыхъ же крикахъ „ура", бросились къ воротамъ, а вслѣдъ за ними ворвались и наши; затѣмъ внутри крѣпости началась страшная бойня. Часть гарнизона

осталась на мѣстѣ, другая бросилась бѣжать по ташкентской дорогѣ, поражаемая вслѣдъ выстрѣлами нашей конной артиллеріи. Непріятель оставилъ въ нашихъ рукахъ 11 бунчуковъ, 4 знамени, 27 значковъ и 3 большихъ орудія, 8 мортиръ и массу ружей и холоднаго оружія.

Сарты, побросавъ оружіе и спасаясь отъ своихъ преслѣдователей, взлѣзали на деревья. На слѣдующій день, утромъ, генералъ Черняевъ вывелъ отрядъ изъ города и наиболѣе виновныхъ, замѣченныхъ въ грабежѣ или пьянствѣ, немедленно предалъ суду товарищей. По его приказанію каждая рота выбрала изъ своей среды по пяти человѣкъ, которые и должны были судить арестованныхъ. Собравъ этихъ импровизованныхъ судей, Черняевъ сказалъ имъ нѣсколько словъ, указывая на все безобразіе поведенія ихъ товарищей и на страшныя послѣдствія, которыя можетъ повлечь за собой упадокъ дисциплины. Слова эти произвели глубокое впечатлѣніе на выборныхъ солдатъ, и виновные были наказаны. Дисциплина поднялась.

Отъ Чемкента до Ташкента оставалось всего 114 верстъ. Генералъ Черняевъ хотѣлъ воспользоваться тѣмъ впечатлѣніемъ, которое должна была произвести его побѣда на населеніе, и на другой же день двинулся къ Ташкенту, но вслѣдствіе указанныхъ прискорбныхъ недоразумѣній въ отрядѣ, могъ выступить только 26 сентября.

Дорога была населенная и довольно удобная для движенія. Отрядъ дѣлалъ верстъ по тридцати въ сутки и на разсвѣтѣ 1 октября подошелъ къ Ташкенту. Затѣмъ, въ городъ былъ отправленъ парламентеръ. Городъ, однако, не сдался и отпустилъ парламентера съ неопредѣленнымъ отвѣтомъ. Видя, что переговоры ни къ чему не ведутъ, Черняевъ приказалъ поставить на высоту, отстоявшую отъ города на разстояніи хорошаго орудійнаго выстрѣла, 4 пушки, по которымъ ташкенцы первые открыли огонь. Въ то же время была выслана на рекогносцировку небольшая колонна, состоявшая изъ 2 ротъ и 4 орудій, подъ начальствомъ начальника штаба отряда, подполковника Обуха, съ цѣлью отыскать мѣсто, удобное для штурма. Обухъ подошелъ очень близко, открылъ огонь и затѣмъ вскорѣ донесъ, что ему удалось сбить находившееся противъ него артиллерійское вооруженіе стѣнъ, а потому и спрашивалъ разрѣшенія штурмовать. Черняевъ разрѣшилъ и самъ пошелъ во слѣдъ за колонной своего начальника штаба, но засталъ уже печальную картину отбитаго штурма. Храбрый

Обухъ, увлекшій за собой войска на штурмъ, заплатилъ жизнью за свою отвагу. Отброшенныя съ большою потерею роты [1]) толпились въ безпорядкѣ во рву и, лишенныя большей части своихъ начальниковъ, не рѣшались оттуда выйти. Черняевъ приказалъ стрѣлять по барбету и, ослабивъ, такимъ образомъ, огонь изъ крѣпости, далъ возможность штурмовой колоннѣ отступить. Понятно, что немедленное повтореніе штурма было немыслимо; въ передовомъ нашемъ отрядѣ насчитывалось не болѣе 1.500 штыковъ и сабель, а съ такими ничтожными средствами нечего было и помышлять объ овладѣніи Ташкентомъ. Отрядъ отступилъ въ Чемкентъ въ довольно непріятномъ расположеніи духа. Генералъ Черняевъ ожидалъ, что его смѣнятъ за неудачу, но на этотъ разъ все кончилось благополучно. Военный министръ въ отвѣтъ на донесеніе прислалъ довольно ласковое письмо, въ которомъ извѣщалъ, что Государю Императору было очень прискорбно читать о неудачѣ, постигшей отрядъ, но что унывать все-таки не слѣдуетъ. Далѣе военный министръ рекомендовалъ Черняеву замѣнить недостатокъ силъ энергіей, тѣмъ болѣе, что 2 роты, двинутыя въ Чемкентъ изъ Казанскаго округа, составляютъ ничтожное подкрѣпленіе.

Послѣ этого Черняевъ простоялъ цѣлую зиму въ Чемкентѣ, собирая свѣдѣнія и переговариваясь черезъ мѣстныхъ купцовъ съ Ташкентомъ. Скука отъ бездѣйствія въ этой невѣроятной глуши была страшная. Почта приходила разъ въ мѣсяцъ. Къ довершенію всего, все серебро, находившееся въ отрядной кассѣ, было израсходовано, и оставалось только на 100 тысячъ рублей бумажекъ. Между тѣмъ, въ Вѣрномъ саранча съѣла хлѣба, и подвозъ провіанта надо было ожидать изъ Омска. Являлась настоятельная потребность въ покупкѣ хлѣба на мѣстѣ. Для пополненія мелкой монеты въ кассѣ, Черняевъ приказалъ взимать съ приходящихъ каравановъ зякетъ въ размѣрѣ 5%, но такъ какъ этого было недостаточно, то черезъ старшинъ города (акъ-сакаловъ) было предложено принимать за деньги наши сторублевыя бумажки; но первое время наши бумажныя деньги не внушали довѣрія населенію, и оно охотнѣе принимало личныя росписки Черняева.

Въ ноябрѣ было получено извѣстіе, что Алимкулъ, собравъ опять до 10 тысячъ человѣкъ, двинулся въ обходъ Чем-

[1]) 4 офицера и 78 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными.

кенту съ цѣлью ударить на г. Туркестанъ. Комендантъ Туркестана, полковникъ Жемчужниковъ, не увѣдомивъ о своемъ намѣреніи Черняева, выслалъ на развѣдку сотню уральскихъ казаковъ при 2 орудіяхъ подъ начальствомъ эсаула Сѣрова. Сотня эта, на первой же станціи отъ Туркестана, подъ Иканомъ, 4 декабря нарвалась на многочисленнаго непріятеля. Казаки спѣшились, сбатовали коней и залегли за завалами изъ мѣшковъ съ провіантомъ. Всѣ попытки непріятеля смять эту горсть храбрецовъ были отбиваемы съ большимъ урономъ. Казаки дрались, какъ львы, въ теченіе двухъ сутокъ. Въ это время Жемчужниковъ, узнавъ объ ихъ положеніи, высылалъ на помощь отрядъ изъ 1 роты при 2 орудіяхъ, но начальникъ колонны, встрѣченный сильнымъ огнемъ кокандцевъ, не рѣшился продолжать наступленіе и вернулся съ полдороги, предоставивъ казаковъ самимъ себѣ. Видя, что держаться болѣе невозможно, Сѣровъ рѣшился или погибнуть или пробиться обратно къ Туркестану. Заклепавъ пушки, оставшіеся казаки бросились съ крикомъ „ура“ на кокандцевъ; изумленный непріятель далъ имъ сначала дорогу, но потомъ, ожесточенный потерями, снова насѣлъ на несчастную горсть героевъ и провожалъ ихъ 8 верстъ огнемъ, отрубая головы тяжело раненымъ, которыхъ по необходимости пришлось бросать на дорогѣ. На 8-й верстѣ подошла наконецъ выручка, вторично высланная изъ Туркестана, но въ это время изъ 130 человѣкъ, составлявшихъ колонну Сѣрова, осталось въ живыхъ только 52 человѣка, изъ коихъ только 12 нераненыхъ. При такой тревожной обстановкѣ наступила весна 1865 года. Изъ Петербурга пришло приказаніе не отваживаться вторично на штурмъ Ташкента; въ то же время нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ было сообщено въ Лондонъ, что мы дальше Чемкента не пойдемъ. Между тѣмъ, держаться въ Чемкентѣ, не владѣя Ташкентомъ, было крайне затруднительно. Городъ Ташкентъ, съ своимъ стотысячнымъ населеніемъ и съ густо населенными окрестностями, представлялъ превосходную базу для наступательныхъ дѣйствій непріятеля. Въ то же время купцы, приходившіе изъ Ташкента, давали знать Черняеву, что кокандцы завязываютъ сношенія съ Бухарой и хотятъ сообща идти на русскихъ; поэтому совѣтовали не медлить и, пользуясь удобнымъ временемъ, занимать городъ. Наконецъ, генералъ Черняевъ не выдержалъ и рѣшился, на свой страхъ, преступить данныя ему полномочія и вторично пойти на Таш-

кентъ. Въ эти минуты его одушевляла увѣренность, „что отданныя въ его начальствованіе войска съ малымъ числомъ патроновъ и снарядовъ, съ малыми запасами довольствія, безъ денегъ, способны подъ его начальствомъ сдѣлать большія дѣла, ибо сильны духомъ, сильны увѣренностью въ своей непобѣдимости, въ своемъ превосходствѣ надъ противникомъ, сильны вѣрою въ своего начальника“ [1])...

На этотъ разъ, кромѣ указанныхъ нравственныхъ причинъ, Черняевъ имѣлъ болѣе шансовъ на успѣхъ, такъ какъ ознакомился съ путями наступленія и болѣе слабыми сторонами Ташкента. Прежде всего онъ овладѣлъ укрѣпленіемъ Ніазъбекъ на рѣкѣ Чирчикѣ, захвативъ при этомъ верховья каналовъ, снабжавшихъ Ташкентъ водою (Боссу-арыкъ, въ 35-ти верстахъ отъ города).

Гарнизонъ въ этомъ укрѣпленіи состоялъ изъ 400 сарбазовъ; упрямый командиръ отказывался сдать крѣпость и положилъ оружіе только тогда, когда, пущенными съ нашей стороны, нѣсколькими пудовыми ракетами съ близкаго разстоянія въ стѣнѣ былъ произведенъ обвалъ. Хотя арыкъ и былъ запруженъ, но этимъ Ташкентъ не былъ лишенъ воды, потому что въ городѣ были ключи. Для жителей воды хватало, но скотъ приходилось выгонять за стѣны. Авангардъ Черняева отогналъ непріятельскія стада. Подойдя 7 мая къ Ташкенту съ отрядомъ численностью около 2 тысячъ человѣкъ при 12 орудіяхъ, Черняевъ расположился въ 9 верстахъ отъ города на курганѣ Сары-Тюбэ, окруженномъ рисовыми полями. Тѣмъ временемъ, мулла Алимкулъ, собравъ новое скопище въ Коканѣ, привелъ его поспѣшно въ Ташкентъ и на разсвѣтѣ 9 мая всѣми силами атаковалъ Черняева. Кромѣ 15.000 человѣкъ всякаго сброда, у него подъ начальствомъ находилась золотая рота изъ русскихъ бѣглецовъ и 48 вновь отлитыхъ орудій. Орудія эти были сдѣланы по образцу взятыхъ у насъ подъ Иканомъ, но увеличенныхъ размѣровъ; отливалъ ихъ какой-то бѣглый сипай. На отливку пошло огромное число всякой мѣдной посуды. Поставивъ еще ночью свою артиллерію саженяхъ въ четырехстахъ отъ нашего лагеря, Алимкулъ приказалъ на разсвѣтѣ стрѣлять по насъ залпами. Одно ядро сорвало верхъ у кибитки начальника отряда, но по счастью потери были ничтожны. Отрядъ немедленно выстроился. Съ фронта, прямо

[1]) Очеркъ военныхъ дѣйствій въ средней Азіи. *А. Н. Куропаткина.*

черезъ рисовыя поля, было двинуто на непріятеля 4 роты и дивизіонъ артиллеріи, а другая колонна ударила съ фланга. Только-что мы открыли огонь, какъ храбрый Алимкулъ былъ смертельно раненъ. Это ускорило развязку боя. Непріятель въ большой суматохѣ отступилъ, оставивъ въ нашихъ рукахъ 2 орудія. Послѣ пораженія войскъ Алимкула, кокандскій ханъ уѣхалъ изъ Ташкента, а въ городъ вступила партія бухарцевъ, подъ начальствомъ Искандеръ-бека, обѣщавшаго населенію скорую помощь отъ своего эмира.

Осада столь населеннаго города, окруженнаго стѣною протяженіемъ въ 24 версты, представлялась крайне затруднительной для ничтожнаго численностью русскаго отряда. Черняевъ прибѣгъ къ другой тактикѣ; онъ рѣшился ходить вокругъ города и тѣмъ, отвлекать вниманіе непріятеля въ различныя стороны. Рядъ такихъ движеній дѣйствительно ввелъ непріятеля въ обманъ; гарнизонъ разбросался по всей стѣнѣ и въ каждой точкѣ былъ сравнительно слабъ. Между тѣмъ, было получено извѣстіе, что бухарскія войска идутъ на помощь къ Ташкенту. Это вынудило Черняева ускорить штурмъ. На совѣщаніи съ частными начальниками, Михаилъ Григорьевичъ встрѣтилъ со стороны нѣкоторыхъ возраженія: полковникъ Жемчужниковъ былъ вовсе противъ штурма; Абрамовъ совѣтовалъ устроить сначала брешь, а потомъ уже штурмовать. Но на устройство бреши генералъ Черняевъ не согласился, такъ какъ брешь указала бы мѣсто приступа, что́ вызвало бы со стороны непріятеля своевременное сосредоточеніе силъ, чего Черняевъ боялся больше всего. Рѣшивъ поставить на своемъ, онъ отложилъ, однако, штурмъ на десять дней, чтобы дать частнымъ начальникамъ и войскамъ свыкнуться съ мыслью объ этомъ отважномъ предпріятіи. Въ это время производились постоянныя рекогносцировки, готовились штурмовыя лѣстницы, а солдаты практиковались въ примѣрномъ штурмѣ. Стѣны Ташкента были высотою около $3^1/_2$ саженъ, лѣстницы были длинныя и тяжелыя, и каждую лѣстницу пришлось тащить 30 человѣкамъ.

Въ ночь съ 14 на 15 іюня отрядъ передвинулся въ сторону на 10 верстъ; обозъ шелъ нѣсколько дальше.

„Въ 2 часа утра, говоритъ одинъ изъ участниковъ славнаго штурма[1]), штурмовая колонна подошла версты на $1^1/_2$

[1]) Южаковъ. Годовщина взятія Ташкента.

къ городской стѣнѣ, сняла штурмовыя лѣстницы съ верблюдовъ и понесла ихъ на рукахъ. Охотники, подъ начальствомъ ротмистра Вульферта, направлены были садами по обѣ стороны дороги, а колонна шла нѣсколько позади, также придерживаясь садовъ. Колонна двигалась съ такой тишиной, что охотники подошли къ самой стѣнѣ незамѣченные непріятельскимъ карауломъ, выставленнымъ впереди воротъ, который открылъ движеніе колонны, когда она уже, такъ-сказать, наткнулась на него съ лѣстницами. Въ одно мгновеніе раздалось общее „ура“—и караула какъ не бывало, а охотники въ мигъ поставили лѣстницы и уже лѣзли на стѣну. Все это совершилось такъ быстро, что защитники воротъ до 500 человѣкъ регулярной пѣхоты, никакъ не ожидавшіе такого удара, со сна были охвачены паникой и оказали весьма слабое сопротивленіе; большая часть бѣжала, и только незначительная часть ея легла на мѣстѣ“.

Вслѣдъ за охотниками наступали 2 роты подъ начальствомъ капитана Абрамова, а за ними главныя силы. Вульферта ранили, но вскорѣ подоспѣлъ Абрамовъ съ своей колонной. Ворота были открыты, и наступленіе продолжалось по стѣнамъ безостановочно.

Когда обнаружилось, что внѣ города все спокойно, генералъ Черняевъ приказалъ второй колоннѣ полковника Краевскаго (2 роты, 2 орудія и 1 сотня казаковъ) оставить наблюденіе за кокандской дорогой и идти прямо на урду (цитадель), войдя по пути въ связь съ колонной Абрамова. Ворвавшись въ крѣпость, отрядъ совершенно потонулъ въ огромномъ городѣ среди стотысячнаго населенія. Тѣмъ не менѣе, небольшія колонны храбрецовъ, одушевляемыя своимъ отважнымъ вождемъ, смѣло продолжали наступать, штурмуя баррикады, овладѣвая орудіями и уничтожая на своемъ пути всѣ препятствія. Шагъ за шагомъ пробивали они себѣ штыками путь впередъ, пока не соединились наконецъ у ханской ставки; но въ это время прискакалъ гонецъ садами съ конвоемъ казаковъ съ приказаніемъ отъ Черняева вернуться назадъ къ Камеланскимъ воротамъ, гдѣ храбрый начальникъ отряда, разославъ всѣ имѣвшіяся на лицо силы по окружающимъ садамъ, самъ остался съ 18 человѣками конвоя! Съ этими людьми онъ держался до 5 часовъ пополудни.

Прибывшія войска быстро очистили всю мѣстность, окружающую Камеланскія ворота.

„Въ это время явилась депутація отъ торговцевъ и аксакаловъ города съ изъявленіемъ покорности отъ торговцевъ и хлѣбопашцевъ. Но тогда же получено было свѣдѣніе, что на базарѣ, въ центрѣ города, собралось до 15 тысячъ защитниковъ, которые клялись на коранѣ умереть за вѣру и за городъ. Тогда Черняевъ рѣшилъ зажечь сакли и дома полукругомъ отъ Камеланскихъ воротъ, чтобы отдѣлить себя ночью огненной полосой отъ центра города. Эта мѣра была необходима: весь отрядъ былъ утомленъ до крайности. Предыдущую ночь никто не спалъ и цѣлый день были всѣ на ногахъ; дрались съ непріятелемъ и естественно утомились до изнеможенія. Окруживъ Камеланскія ворота со стороны города густой цѣпью стрѣлковъ съ резервами, Черняевъ расположилъ отрядъ на ночлегъ въ очень тѣсномъ пространствѣ вокругъ воротъ; едва люди могли перехватить горячей пищи, какъ отрядъ храпѣлъ богатырскимъ сномъ, между тѣмъ какъ артиллерійскій огонь съ нашей стороны не умолкалъ... Непріятель нѣсколько разъ порывался напасть на утомленный русскій отрядъ, — и вотъ тутъ оправдалась вполнѣ предусмотрительность Черняева. Непріятель, бросаясь изъ центра города черезъ огненную полосу, совершенно обнаруживалъ себя и попадалъ подъ пули нашихъ стрѣлковъ, которые, напротивъ, оставались въ тѣни и были для него совершенно замаскированы. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ, непріятель прекратилъ серьезныя наступленія, но перестрѣлка не прекращалась всю ночь; по временамъ непріятель пытался тушить горящія сакли и дома и прорваться чрезъ освѣщенную полосу болѣе или менѣе значительными партіями, но попытки эти не удавались“.

Слѣдующія сутки бой продолжался, но уже съ меньшей энергіей со стороны защитниковъ, и 17-го іюня почетные люди въ большомъ числѣ явились къ Черняеву съ изъявленіемъ покорности. Вслѣдъ за этимъ въ городѣ водворилось полное спокойствіе. Желая показать свое довѣріе, Михаилъ Григорьевичъ тотчасъ же, безъ конвоя, въ сопровожденіи однихъ почетныхъ людей, отправился черезъ самыя населенныя части города въ мѣстныя бани. Послѣ этого случая Черняевъ сдѣлался окончательно въ глазахъ туземцевъ, пораженныхъ его смѣлостью, сказочнымъ героемъ. Въ теченіе двухъ дней боя отрядъ нашъ потерялъ 157 человѣкъ убитыми и ранеными. Трофеи были громадны: намъ досталось 63 орудія, 16 боль-

шихъ знаменъ, множество ружей, 2000 пудовъ пороху и 10 тысячъ снарядовъ. Такъ кончилась блистательная экспедиція Черняева, расходы по которой, вмѣстѣ съ занятіемъ Ташкента, не превосходили 250 тысячъ рублей. „Съ покореніемъ Ташкента, какъ совершенно справедливо доносилъ онъ, мы пріобрѣли положеніе въ средней Азіи, сообразное съ достоинствомъ Имперіи и мощью русскаго народа“...

На этомъ мы прерываемъ наше воспоминаніе о походахъ М. Г. Черняева. Позволяемъ себѣ, однако, думать, что событія, изложенныя здѣсь въ краткихъ чертахъ, наполнятъ сердце русскаго читателя гордостью и удивленіемъ передъ подвигами небольшаго отряда и ихъ доблестнаго предводителя, самоотверженно боровшихся съ многочисленнымъ врагомъ во славу нашего знамени на далекихъ окраинахъ великаго русскаго государства...

А. М.

* * *

Предъутрѣннимъ пахнуло холодкомъ,
И бѣлый паръ надъ рѣчкой потянулся,
Но лѣсъ не дрогнулъ ни однимъ листкомъ
И ни одною пташкой не проснулся—
Онъ спитъ еще... Таинственная тишь,
Таинственная мгла его объемлетъ.
Подъ сводами недвижными стоишь—
Душа ясна, душа чему-то внемлетъ...
Вотъ-вотъ промчится лѣшихъ странный рой,
Раздастся плачъ, пронзительный и жалкій
Или всплеснутъ холодною волной
Стыдливыя и грустныя русалки...
Но мракъ рѣдѣетъ. Призраки чудесъ
Несбыточнѣй въ сіяніи разсвѣта.
Такъ простъ въ своей красѣ могучій лѣсъ,
Такъ много въ немъ спокойствія и свѣта!
Ночные образы бѣгутъ за роемъ сновъ,
Идетъ жизнь дня—безъ сказочныхъ видѣній.
Нѣтъ призраковъ и тѣней въ мглѣ кустовъ—
Измѣнчивыхъ, невѣрныхъ ночи тѣней.

М. К.

Нѣмцы-инструкторы въ китайской арміи.

I.

Государственные дѣятели Германіи издавна мечтаютъ о всевозможныхъ союзахъ для своей имперіи, созданной на скорую руку побѣдоносной войной 1870 года. Хлопочутъ дѣятельно, энергично и настойчиво, упорно преслѣдуя намѣченную цѣль. На первомъ планѣ—„мирное завоеваніе“ Россіи—для созданія прочнаго базиса для будущихъ возможныхъ движеній на востокъ.

Объ этомъ уже довольно говорено на страницахъ „Русскаго Вѣстника“. Одновременно, такъ же настойчиво и упорно, дѣйствуютъ нѣмцы всюду, гдѣ возможно, и всюду стараются создать намъ всевозможныя политическія, экономическія и всякія затрудненія. При этомъ дальновидность дѣятелей Германіи заслуживаетъ вниманія. Такъ, въ послѣднее время среди нихъ начало циркулировать весьма откровенное мнѣніе, что естественнымъ союзникомъ Германіи противъ Россіи является также отдаленный Китай. Тотъ же Китай, создавая намъ различныя затрудненія на всемъ громадномъ протяженіи пограничной черты, можетъ-де причинить не меньшія затрудненія и Франціи. Поэтому Китай можетъ-де стать также союзникомъ, но такой Китай, который обладалъ бы солидною, хорошо подготовленною арміею, а не мало дисциплинированными, плохо вооруженными скопищами, едва годными для подавленія внутреннихъ безпорядковъ. И вотъ задались широкой задачей реорганизовать хотя часть китайской арміи и подготовить ее для наступательныхъ дѣйствій, при энергичномъ содѣйствіи опытныхъ и надежныхъ нѣмецкихъ инструкторовъ. По состоявшемуся соглашенію, Германія послала значительное количество различныхъ

спеціальностей офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, съ точными инструкціями, въ Китай. Эта грандіозная задача не можетъ не занимать наше вниманіе. Насколько могутъ быть успѣшны дѣйствія нѣмецкихъ инструкторовъ и совпадаютъ ли они съ возложеннымъ на нихъ важнымъ дѣломъ? Для выясненія этого вопроса скажемъ нѣсколько словъ о томъ матеріалѣ, который переработывается ими въ настоящее время.

До прибытія въ Китай нѣмецкихъ инструкторовъ, китайская армія имѣла совершенно особую организацію. Она подраздѣлялась на три категоріи: на „знаменныя“ войска, на войска „зеленаго штандарта“ и на такъ называемыя провинціальныя войска или милицію. Ядромъ китайской арміи послужили сформированные еще въ началѣ 17 столѣтія восемь маньчжурскихъ корпусовъ или „знаменъ“, съ помощью которыхъ утвердилась на престолѣ нынѣ царствующая маньчжурская династія. Въ половинѣ того же столѣтія были сформированы шестнадцать новыхъ „знаменъ“: восемь монгольскихъ и восемь китайскихъ. Всѣ эти „знамена“ существуютъ до настоящаго времени, причемъ маньчжурскіе корпуса комплектуются исключительно наиболѣе воинственными уроженцами Маньчжуріи — потомками завоевателей Китая, которые пользуются, за славную службу предковъ, особыми правами и преимуществами.

Трудно опредѣлить, хотя приблизительно, дѣйствительную численность всѣхъ вышеупомянутыхъ „знаменъ“. Собственно, въ каждомъ знамени считается отъ двадцати до двадцати пяти тысячъ человѣкъ; но въ дѣйствительности составъ ихъ всегда значительно меньшій, вслѣдствіе злоупотребленій китайскихъ военоначальниковъ. Послѣдніе, пользуясь чрезвычайно рѣдкими инспекторскими смотрами (черезъ три года), распускаютъ часть подчиненныхъ имъ солдатъ по домамъ и на всевозможные заработки, а слѣдуемое имъ содержаніе кладутъ въ карманъ. Такое систематическое грабительство казны еще недавно признавалось весьма обыкновеннымъ и естественнымъ во всѣхъ частяхъ китайской арміи и практикуется до сихъ поръ въ широкихъ размѣрахъ въ войскахъ зеленаго штандарта и въ милиціи, расположенныхъ слишкомъ далеко отъ центральной власти.

Маньчжурскія, монгольскія и китайскія „знамена“ образуютъ, собственно, регулярную китайскую армію. Они всегда занимали гарнизоны въ главнѣйшихъ городахъ имперіи, были,

сравнительно съ другими войсками, лучше вооружены и обучены ратному дѣлу. Нѣмецкіе инструкторы прибыли именно для этой части китайской арміи.

Войска „зеленаго штандарта“ составляютъ какъ бы резервъ знаменныхъ войскъ; они разсѣяны по всему государству, причемъ образуютъ на границахъ имперіи нѣчто въ родѣ военныхъ поселеній. Вооруженіе ихъ—самое примитивное, а военная подготовка—только въ умѣньи стрѣлять изъ лука и, въ рѣдкихъ случаяхъ, изъ фитильнаго ружья. Еще на болѣе низкомъ уровнѣ стоитъ милиція, въ каждой провинціи особая, находящаяся въ полномъ распоряженіи губернаторовъ, которые комплектуютъ ее изъ мѣстныхъ жителей и содержатъ на счетъ доходовъ съ провинцій. Провинціальныя войска несутъ исключительно гарнизонную и полицейскую службы; причемъ, однако, оказывали государству большія услуги во время внутреннихъ безпорядковъ, какъ, напримѣръ, во время возстанія тайпинговъ, усмиреннаго только благодаря добровольно сформировавшимся милиціямъ.

II.

Окраины Россіи, соприкасающіяся на западѣ съ Германіей, а на крайнемъ востокѣ съ Китаемъ, на протяженіи многихъ тысячъ верстъ, представляютъ, довольно странно, вполнѣ тождественное явленіе. Китай подражаетъ Германіи, начиная съ реорганизаціи своей арміи по нѣмецкому уставу и кончая колонизаторскими замыслами. Оба государства дѣйствуютъ, словно по соглашенію, противъ одного, какъ бы общаго врага—Россіи, проявляя настойчивое стремленіе посягнуть на ея границы. Германія, въ силу понятныхъ соображеній, уже издавна стала наводнять нашъ югъ и Польшу своими піонерами, явившимися на берега Вислы подъ видомъ рабочихъ и землевладѣльцевъ. Пришельцы, сравнительно въ короткое время, пустили глубокіе корни. Привислянскій край сталъ быстро терять обликъ славянской земли и можетъ стать какъ бы нѣмецкою провинціею, лишь управляемою русскими чиновниками.

То же самое происходило и происходитъ въ данную минуту на крайнемъ востокѣ. Китай, подражая своей союзницѣ, ведетъ совершенно ту же политику въ отношеніи Приамурскаго и

Уссурійскаго края. Онъ наводняетъ эти края своими выходцами, жестоко эксплоатирующими богатства земли и моря, эксплоатируетъ туземцевъ, уже впавшихъ въ безъисходную, экономическую и нравственную кабалу. Вмѣстѣ съ тѣмъ китайское правительство прилагаетъ энергичныя усилія къ дѣлу колонизаціи земель, прилежащихъ какъ къ Приамурскому краю, такъ и къ Уссурійскому. Эта колонизація ведется въ широкихъ размѣрахъ, заслуживающихъ вниманія. Несомнѣнно слѣдуя чьимъ-то опытнымъ указаніямъ, здѣсь подготовляютъ прочный базисъ для движеній противъ Россіи. Независимо отъ колонизаціи Маньчжуріи, китайцы, руководимые нѣмецкими инструкторами, прилагаютъ усилія къ увеличенію средствъ обороны этой богатой, плодородной провинціи, могущей сдѣлаться первымъ театромъ войны, при столкновеніи съ Россіей. Китай проявляетъ въ данномъ случаѣ энергію, удивляющую нѣкоторыхъ quasi-знатоковъ его. По мнѣнію этихъ знатоковъ, китайцы положительно будто бы неспособны къ ассимиляціи, и объ одинъ ихъ культъ предковъ разобьются, будто бы, въ дребезги всѣ стремленія реорганизаторовъ китайской жизни, ни въ чемъ не сходной съ жизнью другихъ народовъ... Правда, еще недавно Китай дѣйствительно представлялъ для иностранцевъ едва доступный край и ревниво, настойчиво охранялъ свою жизнь, общественный и государственный строй отъ надвигавшейся волны „европейской цивилизаціи“. Китайское правительство теперь воочію убѣдилось въ необходимости нѣкоторыхъ реформъ, ранѣе ему ненавистныхъ, но ставшихъ неотложными въ силу стремленія европейцевъ наложить свою тяжелую руку на Поднебесную имперію. И вотъ поспѣшили открыть для торговли свои портовые города, приступили къ реорганизаціи арміи и флота, къ устройству арсеналовъ, пушечныхъ и ружейныхъ заводовъ и т. п. Чтобы осуществить народившіяся потребности, китайцы, еще недавно обзывавшіе иноземцевъ „заморскими чертями“, рѣшились принять къ себѣ на службу этихъ пришлыхъ людей, оказавшихся столь свѣдущими въ изготовленіи всѣхъ ужасныхъ орудій истребительныхъ и разрушительныхъ, а также въ техникѣ, коммерціи и т. п. Въ Китай хлынули американцы, англичане и наконецъ нѣмцы, воспользовавшіеся крупными окладами. Американцы и англичане начали создавать пароходныя общества, строить таможни, доки, телеграфы, желѣзныя дороги, заводы, разработывать угольныя копи и т. д. Нѣмцы-инструкторы занялись реорга-

низаціей китайской арміи, съ цѣлью подготовить ее къ борьбѣ съ Россіей, на сѣверѣ имперіи, и съ Франціей, на югѣ, съ цѣлью отвлечь часть ихъ силъ съ европейскаго материка на отдаленный востокъ.

Помимо уже состоявшагося вторженія европейскихъ техниковъ и коммерсантовъ въ самыя отдаленныя мѣстности Поднебесной имперіи, китайское правительство посылаетъ своихъ подданныхъ заграницу, и „европейская культура", несмотря на энергическое противодѣйствіе партіи недовольныхъ новшествами, проникаетъ во всѣ слои китайскаго общества. Въ Китаѣ начинаетъ поднимать голову партія, состоящая изъ людей, уже ознакомившихся съ европейскимъ строемъ жизни. Эта партія, руководимая нѣкоторыми энергичными высшими сановниками имперіи, прилагаетъ усилія сломить маньчжурскую, господствующую партію. Чтобы удержаться во власти, маньчжурская, въ высшей степени консервативная, партія страшитъ народъ ужасными послѣдствіями вторженія въ китайскую жизнь европейской культуры. Но это не помогаетъ.

III.

Въ виду указанной способности китайцевъ къ ассимиляціи, задача нѣмецкихъ инструкторовъ значительно облегчается. Народъ имѣетъ здѣсь всѣ данныя, чтобы выработать изъ него энергичныхъ и серьезныхъ намъ противниковъ. Крѣпкіе физически, выносливые, китайцы отличаются большою умѣренностью привычекъ, понятливостью и привычкою къ безусловному повиновенію. Къ этому пріучаетъ ихъ съ пеленокъ весь строй жизни, въ основѣ которой лежитъ суровая дисциплина. Если прибавить къ всему этому равнодушіе къ жизни, свойственное китайцамъ, то надо придти къ убѣжденію, что сыны Поднебесной имперіи обладаютъ всѣми данными сдѣлаться превосходными солдатами. Всего тридцать лѣтъ назадъ китайцы не могли справиться съ горстью европейцевъ, овладѣвшихъ Пекиномъ, черезъ нѣсколько дней послѣ объявленія войны и разграбившихъ богатства богдыханскихъ дворцовъ. Во время возстанія тайпинговъ, военныя качества знаменныхъ войскъ, даже маньчжурскихъ, отличавшихся воинственностью и храбростью, стояли такъ низко, что мѣстныя регулярныя войска терпѣли отъ инсургентовъ пораженіе за пораженіемъ. Въ это критическое для государства вре-

мя, населеніе провинцій, оставшихся вѣрными маньчжурской династіи, начало формировать, ради собственной безопасности, ополченскіе отряды, дѣйствія которыхъ противъ мятежниковъ оказались столь успѣшными, что возстаніе было остановлено въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи и затѣмъ прекращено окончательно. Возстаніе тайпинговъ и первыя, неудачныя столкновенія съ европейцами заставили китайское правительство приступить къ реорганизаціи своихъ силъ на европейскій образецъ; но дѣло это не имѣло первое время осязательнаго успѣха. Правда, было создано нѣсколько отрядовъ, вооруженныхъ по-европейски; но войска эти продолжали отличаться такими военными качествами, что Китай не былъ въ силахъ справиться даже съ маленькой, сравнительно, Японіей, когда возникли неожиданныя затрудненія изъ-за Ліу-Кійскихъ острововъ. Прошло всего нѣсколько лѣтъ, и уже въ тонкинскую войну китайскія войска проявили воинскій духъ и предпріимчивость. Они выдерживали съ сравнительнымъ успѣхомъ серьезную борьбу съ довольно значительными силами Франціи, той Франціи, которая въ 1860 году выслала, для взятія столицы богдыхана, ничтожную горсть солдатъ. Въ тонкинскую войну французы убѣдились, что китайцы—враги энергичные, настойчивые и серьезные, могущіе создать въ будущемъ затрудненія. Китай не достигъ бо́льшихъ успѣховъ во время своего столкновенія съ республикой, только благодаря разстройству своихъ финансовъ, которые представляютъ самое больное мѣсто, ахиллесову пяту могущественной Поднебесной имперіи. Поправить эти финансы въ скоромъ времени трудно. Почти ежегодныя наводненія, засухи, безснѣжія, довели страну до дурнаго состоянія. Кромѣ того большинство провинцій не успѣло еще оправиться отъ продолжительныхъ инсуррекціонныхъ движеній, составляющихъ вторую, трудно излѣчимую, язву страны. Во всякомъ случаѣ, Китай въ недалекомъ будущемъ станетъ могущественной военной державой, его силы растутъ у насъ подъ бокомъ съ фантастической быстротой. На это обстоятельство слѣдуетъ обратить особенное вниманіе, имѣя въ виду, что наше тихоокеанское прибрежье принадлежитъ къ наиболѣе важнымъ владѣніямъ имперіи и притомъ къ наиболѣе уязвимымъ и угрожаемымъ со стороны нашихъ враговъ, какъ явныхъ, такъ и тайныхъ. Мы уже говорили, что наиболѣе энергичная дѣятельность идетъ именно въ Маньчжуріи, соприкасающейся съ нашими владѣніями на отдаленномъ востокѣ.

Войска, расположенныя въ Маньчжуріи, постепенно доведенныя до значительныхъ силъ (50 тыс. человѣкъ), уже достаточно вымуштрованы, вооружены скорострѣльными ружьями новѣйшихъ системъ, усовершенствованною артиллеріею и ознакомлены съ европейской тактикой. Одновременно, доведена до того же и армія, расположенная въ провинціи Чжи-ли. Русскимъ войскамъ, въ случаѣ столкновенія съ Китаемъ, придется прежде всего имѣть дѣло съ маньчжурской арміей и затѣмъ съ Чжи-лійской. Такимъ образомъ, дѣйствія готовятся явно противъ Россіи. Конечно, цѣль этого—отвлечь наши силы съ европейскаго материка на отдаленный востокъ. Цѣль этого отвлеченія слишкомъ ясна, чтобы распространяться о ней. Обращено также особенное вниманіе на транспортныя средства маньчжурской арміи. Одинъ англичанинъ издалъ въ прошедшемъ году, въ Шанхаѣ, воинственную, фантастическую брошюру, въ которой подробно описываетъ весь ходъ возможныхъ военныхъ дѣйствій Китая противъ русскихъ владѣній на крайнемъ востокѣ, причемъ русскія войска, несмотря на свою храбрость, терпятъ рядъ позорныхъ пораженій и, наконецъ, попадаютъ въ плѣнъ при поспѣшномъ отступленіи изъ Владивостока въ Иркутскъ. Маньчжурская армія, по фантазіи автора, беретъ съ бою не только Владивостокъ, но даже возвращаетъ Китаю Уссурійскій и Приамурскій край, совершенно уничтоживъ на берегахъ Великаго океана всѣ слѣды русскаго владычества, которое такъ колетъ глаза Англіи и Германіи. По окончаніи этой фантастической войны, Россія, побѣжденная и обезсиленная, подписываетъ позорныя условія мира съ Китаемъ, который, пользуясь правомъ побѣдителя, беретъ большую контрибуцію, а также всѣ наши азіятскія владѣнія, расположенныя по Уссури и Амуру... Эта фантастическая брошюра показываетъ, однако, настроеніе умовъ...

IV.

На нѣмецкихъ инструкторовъ Китай не жалѣетъ, нужно сказать, денежныхъ затратъ. Нѣмецкіе майоры, прибывшіе на службу въ Китай, получаютъ жалованье по 4000 тэлей (8000 руб. сер.); простые поручики, довольствовавшіеся въ фатерландѣ нѣсколькими сотнями талеровъ, попали прямо на окладъ до 3000 тэлей, а унтеръ-офицеры, не ѣдавшіе, до прибытія въ

Китай, ничего кромѣ гороховой колбасы, стали получать отъ 600 до 900 тэлей въ годъ. Деньги, несомнѣнно большія, но и трудъ нѣмецкихъ инструкторовъ довольно великъ—нельзя не согласиться. Имъ пришлось начать съ азбуки европейской тактики и строя, и не только для солдатъ, но и для офицеровъ, столь же малосвѣдущихъ и болѣе распущенныхъ. Китайскіе офицеры, до прибытія нѣмецкихъ инструкторовъ, были вполнѣ неудовлетворительны. Офицерскія должности раздавались зря, по протекціи, происхожденію или за бравый внѣшній видъ и физическую силу. Такое чинопроизводство практикуется даже до настоящаго времени въ тѣхъ частяхъ китайскихъ войскъ, куда еще не успѣло проникнуть нѣмецкое обученіе. При этомъ кандидаты на званіе командировъ большихъ частей пускаются на всевозможныя продѣлки, о чемъ много говорятъ и китайскія газеты. Напримѣръ, газета „Shên Pao“ разоблачаетъ въ статьѣ, напечатанной въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ, одного изъ такихъ кандидатовъ, рискнувшаго надуть цѣлую экзаменную коммисію. Большинство китайскихъ офицеровъ невѣжественно, не имѣетъ никакого понятія о военномъ дѣлѣ, къ которому относятся только, какъ ремесленники. Понятно, сколько надо было приложить нѣмецкимъ инструкторамъ трудовъ, чтобы реорганизовать армію, во главѣ которой стояли подобные начальники, отличающіеся еще и хищеніемъ и жаждой къ наживѣ. Хищеніе пустило въ китайской арміи глубокіе корни. Начальники частей обираютъ казну вполнѣ беззастѣнчиво; они, какъ мы выше сказали, нерѣдко распускаютъ солдатъ по домамъ, оставляя подъ знаменами самое ограниченное число, а деньги кладутъ въ карманъ. Отпущенные солдаты возвращаются въ свои части только ко времени смотровъ, назначаемыхъ, обыкновенно, разъ въ три года. Въ случаѣ же какой-либо неисправности или внезапнаго приказанія о выступленіи въ походъ, военоначальники пополняютъ свои ряды насильственнымъ вербованіемъ мирныхъ гражданъ, которые, опасаясь наказаній, покорно несутъ солдатскую службу, пока ихъ не отпустятъ. Подобный порядокъ существуетъ до настоящаго времени въ частяхъ китайской арміи, расположенныхъ во внутреннихъ провинціяхъ или на отдаленной окраинѣ. Но этого нѣтъ ни въ маньчжурской арміи, сосредоточенной на русской границѣ, ни въ чжи-лійской, предназначенной для защиты Пекина. Онѣ вполнѣ уже реорганизованы по нѣмецкому образцу. Офицеры въ нихъ люди уже при-

годные для командованія своими частями, согласно требованіямъ европейской тактики. Особенно много трудовъ пришлось приложить въ дѣлѣ перевооруженія однообразными ружьями и артиллеріей. До прибытія нѣмцевъ въ Китай, пѣхота маньчжурской и чжи-лійской армій была вооружена энфильдскими ружьями, заряжавшимися съ дула, ружьями Винчестера, Снайдера, Ремингтона, Шасспо, игольчатыми Маузера, Альбини и магазинными. Вооруженіе кавалеріи состояло изъ магазинныхъ карабиновъ Шарпа, револьверовъ Ремингтона и пикъ. Артиллерія была снабжена пушками Армстронга, Круппа, Бохума и Вавассера, девяти и двѣнадцати фунтовыми, наконецъ картечницами Гатлинга и французскими. Такое разнообразіе вооруженія было невозможно оставить. Кромѣ того обученіе такихъ войскъ представляетъ нѣмцамъ большія затрудненія. И нѣмцы начали настаивать, чтобы арміи были вооружены *исключительно нѣмецкими* скорострѣльными ружьями. Китайское правительство долгое время не рѣшалось на это, но въ позапрошедшемъ году, наконецъ, уступило настойчивымъ требованіямъ нѣмцевъ и ассигновало значительныя суммы на пріобрѣтеніе нѣмецкихъ винтовокъ. Это распоряженіе вызвало взрывъ неудовольствія въ средѣ консервативной партіи, не допускающей вывоза своихъ денегъ за предѣлы Китая; но правительство все же разрѣшило расходъ, сознавая неизбѣжность исполненія требованій.

Нѣмцы военные, вообще, ведутъ себя въ Китаѣ очень самостоятельно и не стѣсняясь. Они — настоящіе военоначальники, а китайскіе офицеры — ихъ подчиненные, не смѣющіе шагнуть безъ ихъ вѣдома. Внѣ контроля нѣмцевъ находится развѣ только главнокомандующій арміи, но и тотъ нравственно имъ подчиненъ.

V.

Въ заключеніе нашей замѣтки о нѣмцахъ-инструкторахъ въ китайской арміи, замѣтки по необходимости неполной, вслѣдствіе невозможности найти гдѣ-либо болѣе подробныя свѣдѣнія, намъ остается сказать нѣсколько словъ о той грозовой тучѣ, которая постепенно скопляется въ сосѣдней Маньчжуріи, благодаря усиліямъ все тѣхъ же нѣмцевъ. Какъ извѣстно, Россія пріобрѣла по пекинскому договору (окончательно) богатый Уссурійскій край, со множествомъ заливовъ и бухтъ—прекрасныхъ пристанищъ для судовъ нашего активнаго флота, на который возложена охрана достоинства и чести

Россіи на берегахъ Восточнаго океана. Мы достигли давно лелѣянной, завѣтной своей мечты — свободнаго моря, на которомъ могли бы развиваться наши морскія силы; но, одновременно, мы отрѣзали пять шестыхъ всей Маньчжуріи отъ моря и подчинили эту многолюднѣйшую и богатѣйшую китайскую провинцію нашему экономическому вліянію. Въ политическомъ отношеніи этотъ шагъ слѣдуетъ признать безпримѣрнымъ; но въ то же время мы сами какъ бы создали этимъ шагомъ постоянный поводъ къ серьезному столкновенію съ Китаемъ. Возможность этого столкновенія усиливается съ каждымъ годомъ, въ виду постепенно наростающаго въ китайскомъ правительствѣ сознанія необходимости открыть замкнутой Маньчжуріи доступъ къ морю. Нельзя бы было исполнить столь завѣтное желаніе китайскаго правительства, такъ какъ, ради его исполненія, намъ пришлось бы оставить Уссурійскій край, добытый двухъ-вѣковыми усиліями, и возвратиться къ устью Амура. Въ силу такой дилеммы, Китай будетъ постоянно точить оружіе противъ Россіи, лелѣя себя призрачной надеждой расширить Маньчжурію до тихоокеанскаго прибрежья. Поэтому, на горизонтѣ нашихъ отношеній къ Китаю всегда будетъ эта грозовая туча, которая легко можетъ разразиться, вслѣдствіе настойчивой бдительности нѣмцевъ и, кромѣ того, англичанъ, поставившихъ, повидимому, въ основу своихъ политическихъ задачъ на далекомъ востокѣ изгнаніе Россіи съ береговъ Великаго океана. Ради достиженія этой то цѣли, Англія всегда готова заключить союзъ съ Китаемъ, отчего наше положеніе въ Уссурійскомъ краѣ становится еще болѣе затруднительнымъ, если мы не примемъ соотвѣтствующихъ мѣръ къ огражденію себя. Мы должны создать на Тихомъ океанѣ, создать во что бы то ни стало, такой флотъ, опираясь на который, могли бы достигнуть политическаго вліянія, необходимаго великой державѣ. При одновременномъ развитіи нашихъ сухопутныхъ силъ какъ въ Уссурійскомъ, такъ и въ Приамурскомъ краѣ, развитіи, идущемъ параллельно развитію китайской арміи въ Маньчжуріи, мы можемъ стать на берегахъ Великаго океана твердой ногой. Только при осуществленіи этихъ условій, намъ не будутъ страшны ни нѣмцы-инструкторы, ни маньчжурская, по-европейски организованная, армія, ни союзъ Китая съ Англіей, которымъ стараются иногда пугать насъ.

А. МАКСИМОВЪ.

*
* *

(Съ нѣмецкаго.)

—Въ путь не одинъ я иду, дорогая,
Вмѣстѣ съ тобой я пойду
Къ милому, мрачному, полю пустому,
Къ вѣчно холодному, грустному дому,
Гдѣ моя мать у порога сидитъ,
Сгорбившись, сына домой сторожитъ.

„Призракъ, оставь меня, сумрачный, темный,
Кто тебя вызвалъ, скажи?
Дышешь огнемъ—руки льда холоднѣе,
Очи горятъ—самъ ты снѣга блѣднѣе,
Въ сердцѣ жъ моемъ жизнь и сила кипитъ..
Розы душисты и солнце блеститъ".

—Что тебѣ солнце, оставь эти розы,
Вѣчно любимая мной!
Бѣлымъ покровомъ одѣнься блестящимъ,
И по струнамъ ударяя звенящимъ,
Пѣсню, подъ звуки, вѣнчальную пой,
Вѣтеръ тебѣ ее свищетъ ночной.

Н. П—во.

ли прочитано многими, да многимъ ли извѣстно хотя бы по имени. Но мы собрались говорить не объ этомъ произведеніи, а о томъ сборникѣ, заглавіе котораго выписали.

Второе изданіе разбираемаго сборника отличается отъ перваго: въ него вошло нѣсколько новыхъ статей и исключено нѣсколько старыхъ, отложенныхъ до другаго предполагаемаго сборника. Изъ вновь перепечатанныхъ статей, всѣ тѣ, которыя составляютъ опроверженіе критикъ, направленныхъ противъ сочиненій Данилевскаго, такъ недавно появились въ „Русск. Вѣстникѣ“, что незачѣмъ останавливаться на нихъ, ибо читатели сами должны были оцѣнить тонкость и послѣдовательность аргументаціи, ихъ отличающую, блестящую діалектику, проникающую во всѣ извивы возраженій и неоставляющую возможности уйдти отъ логической послѣдовательности. Обратимся къ другимъ статьямъ.

Сборникъ открывается статьею „Ходъ нашей литературы, начиная съ Ломоносова“, перепечатанной уже и въ первомъ изданіи. Статья эта написана по поводу извѣстной книги П. К. Полеваго, но въ сущности она служитъ возраженіемъ на ходячіе взгляды касательно русской литературы. Авторъ болѣе всего возстаетъ на высокомѣрное отношеніе къ прошлому. „Развѣ Державинъ писалъ что-нибудь кромѣ глупостей“, говорила мнѣ молодая дѣвушка, ученица одного изъ нашихъ знаменитыхъ педагоговъ. Дѣвушка была умна; когда я прочелъ ей наизусть „Властителямъ и Судіямъ“, она согласилась со мной; виноватъ былъ педагогъ, переходившій отъ народной поэзіи прямо къ Пушкину и тѣмъ прерывавшій цѣпь естественнаго развитія, ибо еще Бѣлинскій отмѣтилъ связь Пушкина съ предшествующими ему дѣятелями, хотя иногда и грѣшилъ противъ правилъ здравой критики, судя старыхъ писателей по воззрѣніямъ своего времени. Н. Н. Страховъ чуждъ этихъ увлеченій. Его очеркъ полонъ благоговѣйной любви къ старой литературѣ. Оттого онъ такъ умно понялъ подвигъ Ломоносова, такъ хорошо оттѣнилъ радостное чувство, охватившее поэтовъ времени Екатерины, оттого онъ правильно взглянулъ на Карамзина, понялъ связь его сентиментальности съ основнымъ характеромъ русскаго народа, оцѣнилъ великій подвигъ, совершенный „Исторіей Государства Россійскаго“, чѣмъ напомнилъ намъ вдохновенные стихи Языкова:

Великій подвигъ свой онъ совершилъ со славой!
О, сколько думъ рождаетъ въ насъ,
И задушевныхъ думъ, текущій величаво
Его плѣнительный разсказъ,
И ясный и живой, какъ волны голубыя
Рѣки, царицы русскихъ водъ,
Между холмовъ и горъ, откуда онъ впервые
Увидѣлъ солнечный восходъ!
Онъ будитъ въ насъ огонь прекрасный и высокій,
Огонь чистѣйшій и святой,
Уже недвижный въ насъ, заглохшій въ насъ глубоко
Отъ жизни блудной и пустой,—
Любовь къ своей землѣ. Насъ, преданныхъ чужбинѣ,
Краснорѣчиво учитъ онъ
Не рабствовать ея презрительной гордынѣ,
Хранить въ душѣ родной законъ,
Надежно уважать свои родныя силы,
Спасенья чаять только въ нихъ,
Въ себѣ, и не плевать на честныя могилы
Могучихъ прадѣдовъ своихъ!

Мы позволили себѣ такую большую выписку потому, что думаемъ (желаемъ въ этомъ ошибиться), что Языковъ мало знакомъ современнымъ читателямъ. Пушкина авторъ нашъ понялъ превосходно, что̀ доказалъ своимъ сборникомъ „Замѣтки о Пушкинѣ“. Статья оканчивается грустнымъ размышленіемъ о современномъ упадкѣ поэзіи. Въ 1888 году, въ „отчетѣ о присужденіи Пушкинской преміи“, напечатано было блистательное сужденіе Н. Н. Страхова о поэзіи послѣдняго времени.

„Письма о нигилизмѣ“, нѣкогда напечатанныя въ „Руси“ и перепечатанныя въ первомъ изданіи разбираемаго сборника, составляютъ важное дополненіе къ извѣстной статьѣ Н. Я. Данилевскаго. Данилевскій, охарактеризовавъ непослѣдовательность нигилизма, обращается къ тѣмъ общимъ причинамъ, которыя его породили на Западѣ, и къ нашей подражательности. Н. Н. Страховъ, исходя изъ той же точки зрѣнія, посвящаетъ главное вниманіе психологіи, такъ сказать, нигилизма, указываетъ главныя черты его духовнаго настроенія: гордость просвѣщеніемъ, политическое честолюбіе и т. д. Говоря о Данилевскомъ, мы уже указывали на замѣчаніе И. С. Аксакова, что необходимо изслѣдовать еще спеціально-русскія причины успѣха нигилизма, т. е. представить анализъ подражательности въ другихъ сферахъ. Это не сдѣлано, по нашему

мнѣнію, и Н. Н. Страховымъ, что̀, разумѣется, не мѣшаетъ намъ признать точность и справедливость его анализа.

„Роковой вопросъ“, помѣщенный вслѣдъ за упомянутой статьей, имѣетъ свою нелишенную интереса исторію. Авторъ имѣлъ въ виду показать, что внѣшняя цивилизація Польши должна была уступить внутренней духовной силѣ русскаго народа. Въ сущности онъ сказалъ то же, что̀ Тютчевъ своимъ великолѣпнымъ стихотвореніемъ:

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа!
Не поймет̀ъ и не оцѣнитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Что̀ сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.
Удрученный ношей крестной
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ, Царь Небесный
Исходилъ благословляя.

Но не такъ въ жару полемики приняла это тогдашняя журналистика: и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и въ „Днѣ“ появились громкія статьи. Администрація запретила „Время“, гдѣ былъ напечатанъ „Роковой вопросъ“, и самое заступничество М. Н. Каткова оказалось безсильнымъ передъ рѣшеніемъ министерства. Статьи, написанныя авторомъ въ защиту, только теперь появляются въ печати. Такъ въ горячія времена бываетъ всегда и вездѣ! такова ужь природа человѣческая!

Пожелаемъ, чтобы успѣхъ не только книгъ Н. Н. Страхова, а тѣхъ мыслей, которыя онъ проводитъ, возрасталъ все болѣе и болѣе, и чтобы дѣятельность его получала все болѣе и болѣе общественное признаніе.

К. БЕСТУЖЕВЪ-РЮМИНЪ.

II.

Русскія Юридическія Древности. Томъ первый. Территорія и населеніе. В. Сергѣевича, ординарнаго профессора С.-Петербургскаго Университета. 517 стр.

Новый трудъ профессора Сергѣевича заслуживаетъ вниманія не только занимающихся исторіей русскаго права, но и

всѣхъ образованныхъ людей, интересующихся нашей стариной. Эта книга составляетъ какъ бы документальное дополненіе къ извѣстнымъ „*Лекціямъ и Изслѣдованіямъ*“ уважаемаго ученаго, представляя детальную разработку древняго юридическаго быта—она знакомитъ какъ съ этимъ бытомъ, такъ и съ источниками изученія его. „Только чтеніе подлинныхъ памятниковъ можетъ дать живое пониманіе древности“, говоритъ авторъ въ предисловіи къ своей книгѣ. „Въ издаваемомъ нынѣ трудѣ мы дѣлаемъ попытку представить желающимъ ознакомиться съ русскими юридическими древностями рядъ характерныхъ мѣстъ изъ источниковъ по двумъ вопросамъ: о *территоріи и населеніи*. Наша древность представляетъ медленную, но постоянную смѣну явленій. Въ юридическомъ бытѣ Московскаго государства можно найти слѣды глубокой старины, но въ цѣломъ московскіе порядки отрицаютъ старину“ (?).

Упомянувъ вскользь объ отрицаніи, въ московскій періодъ нашей исторіи, старины, почтенный авторъ даетъ, къ сожалѣнію, поводъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ. Очевидно, онъ хотѣлъ сказать только то, что юридическій и общественный строй Московскаго государства не является чѣмъ-либо неподвижнымъ и представляетъ много и существеннаго, отличнаго отъ быта удѣльнаго, до московскаго порядка вещей, но, тѣмъ не менѣе, его слова могутъ быть истолкованы иначе.

Вышедшій теперь первый томъ „*Русскихъ Юридическихъ Древностей*“ состоитъ изъ двухъ книгъ: первая посвящена государственной территоріи, вторая населенію. Говоря о территоріи, авторъ выставляетъ основнымъ положеніемъ, что наша древность не знаетъ единаго „*государства россійскаго*“, напротивъ, имѣетъ дѣло со множествомъ единовременно существовавшихъ небольшихъ государствъ, которыя назывались: волостями, землями, княженіями, удѣлами, отчинами, уѣздами: всего позднѣе, по его замѣчанію, возникаетъ для нихъ наименованіе государства. Значеніе всѣхъ этихъ названій профессоръ Сергѣевичъ объясняетъ по памятникамъ, приводя характерные тексты, излагаетъ судьбу этихъ волостей, уѣздовъ и т. д., и наконецъ, переходитъ къ образованію Московскаго государства. Также говоря о населеніи, авторъ исчисляетъ всѣ извѣстныя категоріи жителей древней русской земли и позднѣйшаго государства, со всѣми видоизмѣненіями ихъ состоянія. На Руси, какъ и во всѣхъ древнихъ обществахъ, основное дѣленіе населенія

является въ видѣ свободныхъ и несвободныхъ людей или рабовъ. Такимъ образомъ, авторъ останавливается на формахъ рабства (холопы полные и кабальные) и на различныхъ видахъ свободныхъ людей: смерды, закупы, крестьяне, изгои, числяки (т. е. численные люди, попавшіе въ послѣднюю татарскую перепись и обложенные татарской данью, они сидѣли на своей землѣ и, вѣроятно, были освобождены отъ другихъ повинностей. Эта часть тяглаго чернаго населенія утрачиваетъ въ XVI в. свое отличительное наименованіе), ордынцы и делюи. *Ордынцы* и „*делюи*“, по разъясненію автора, основанному на памятникахъ, хотя упоминанія объ нихъ источниковъ крайне кратки и отрывочны, представляли разрядъ людей, образовавшихся вслѣдствіе татарскаго завоеванія. Они исчезли съ прекращеніемъ зависимости Московскаго государства отъ Орды. Упоминается объ нихъ въ церковныхъ грамотахъ и договорахъ князей Московскаго дома съ XIV по начало XVI вѣка. Въ „Памятникахъ“ ордынцы и делюи нерѣдко упоминаются вмѣстѣ. На ордынцахъ и делюяхъ лежала особая служба; по мнѣнію пр. Сергѣевича, эта служба касалась содержанія ордынскихъ пословъ, доставленія имъ проводниковъ, подводъ и т. д. Въ Рязанскомъ княжествѣ былъ особый разрядъ людей, обложенный повинностями въ пользу татарскихъ пословъ. Они назывались то „*кладенные люди*“, то просто „*тяглые люди, кои пословъ кормятъ*“ (Румян. Собр. I № 127 и 1496). Карамзинъ считаетъ *ордынцевъ* татарами, поселившимися въ Россіи, Соловьевъ—русскими плѣнниками, выкупленными въ Ордѣ и поселенными на княжескихъ земляхъ. *Делюевъ* Соловьевъ считаетъ ремесленными людьми, поселенными тоже на княжескихъ земляхъ (Исторія Россіи, т. IV стр. 145, 245).

Далѣе слѣдуютъ: закладни, купцы, гости, посадскіе люди, бояре, вольные слуги, дѣти боярскія, путные бояре. Состояніе и характеръ каждаго изъ этихъ разрядовъ вольныхъ слугъ Древней и Московской Руси изложены подробно въ книгѣ автора, на основаніи документальныхъ выписокъ изъ источниковъ, причемъ онъ указываетъ на этимологію вышеозначенныхъ названій, такъ и различныя мнѣнія нашихъ ученыхъ относительно этихъ разрядовъ населенія по нѣкоторымъ спорнымъ вопросамъ. Комментируя источники, проф. Сергѣевичъ постоянно, въ спорныхъ случаяхъ, приводитъ мнѣнія другихъ

изслѣдователей, хотя бы и весьма неодобряемыя имъ. Самъ онъ—это характерная черта его научныхъ работъ—врагъ слишкомъ поспѣшныхъ обобщеній, рѣшительно отвергающій всякіе недоказательные выводы и рискованныя гипотезы, прикрывающія „красивымъ языкомъ“ изложенія скудность фактическихъ документальныхъ аргументовъ.

Общій взглядъ автора на старую Россію, тѣмъ не менѣе, можетъ быть принятъ лишь съ нѣкоторыми оговорками,—онъ нѣсколько увлекается полемическимъ отношеніемъ къ мнѣніямъ славянофиловъ, настаивая на томъ, что Русь допетровская вовсе не представляетъ какой-либо твердой, неизмѣнной старины, и что въ такомъ видѣ ея нельзя противупоставлять новѣйшей Россіи, измѣнившей старому быту въ подражаніе чужимъ образцамъ. Заканчивая свою книгу, авторъ говоритъ: „Отъ московскихъ дьяковъ въ наше время и памяти не осталось. А для Москвы они были новостью, а не древностью. Наша исторія за послѣднія два столѣтія далеко ушла отъ московскихъ порядковъ. Но она не стояла неподвижно до Петра Великаго. Москва второй половины XV, XVI и XVII вѣковъ еще менѣе походитъ на Русь до-московскую, чѣмъ на Имперію Россійскую временъ Екатерины II. Но и екатерининское время на нашихъ глазахъ отходитъ уже въ вѣчность. Реформа второй половины истекшаго столѣтія опять двинула насъ въ новое, хотя не вполнѣ опредѣлившееся будущее“.

Третья глава второй книги „Юридическихъ Древностей“ посвящена дворовымъ чинамъ, какими были: бояре введенные, окольничьи, дворецкіе, конюшіе, кравчіе, казначей, дворяне думные, окружничіе, постельничіе, стряпчіе съ ключемъ, ловчіе и сокольничіе, печатники и стольники.

Въ предисловіи авторъ объясняетъ, что вводитъ подробное разсмотрѣніе дворовыхъ чиновъ потому, что дворъ московскихъ государей является дѣятельнымъ факторомъ, существенно измѣнившимъ обликъ высшихъ классовъ населенія. Придворная служба, привлекающая къ себѣ все бо́льшія и бо́льшія силы, перерабатываетъ старыхъ вольныхъ слугъ въ тѣ чиновные разряды населенія, которые наполняютъ города и уѣзды Московскаго государства въ XVI и XVII вѣкѣ.

„Нашей древности, говоритъ В. И. Сергѣевичъ [1]), было со-

[1]) Стр. 350 и 351.

вершенно чуждо принципіальное различіе органовъ государственнаго управленія отъ органовъ управленія частными дѣлами князя. Кто входилъ въ составъ княжескаго двора, тотъ по этому самому уже считался годнымъ и для отправленія публичныхъ функцій. Назначенные къ публичнымъ должностямъ, чины двора удерживали за собой тѣ наименованія, которыя принадлежали имъ въ частномъ хозяйствѣ князя".

„Дворъ князя, мѣсто его постояннаго жительства и центръ всѣхъ хозяйственныхъ операцій былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и древнѣйшимъ присутственнымъ мѣстомъ, мѣстомъ суда и управленія".

Въ этой главѣ авторъ по документальнымъ источникамъ излагаетъ первоначальный составъ княжескаго двора и составъ двора московскихъ государей. Затѣмъ слѣдуютъ различные чины или разряды этого двора, вышеисчисленные.

Особенно интересно изслѣдованіе автора о такъ называемыхъ введенныхъ боярахъ, которые судили. Судьи князя и были ближайшими его совѣтниками.

Терминъ „введенный" бояринъ встрѣчается въ жалованныхъ грамотахъ на разныя льготы и между прочимъ на освобожденіе отъ мѣстнаго суда. Такимъ пожалованнымъ предоставляется обыкновенно право судиться передъ самимъ княземъ или бояриномъ его введеннымъ. Дошедшія до насъ грамоты этого рода не восходятъ далѣе половины XV вѣка. Но это, конечно, не значитъ, что введенные бояре возникли только въ это время. Объ нихъ упомпнается въ грамотахъ, какъ объ учрежденіи, существующемъ уже и общеизвѣстномъ. Жалованная грамота великаго князя Василія Васильевича Ивану Петелину (А. Э. II № 46), упоминающая о введенномъ боярпнѣ, есть только повтореніе грамотъ его отца, дѣда и прадѣда. Это даетъ основаніе думать, что введенные бояре были уже у первыхъ московскихъ князей въ началѣ XIV вѣка.

Но авторъ идетъ далѣе и высказываетъ предположеніе, что бояре для суда, или какъ ихъ иначе называютъ памятники, съ XIV вѣка начиная, введенные бояре принадлежатъ къ древнѣйшимъ суднымъ учрежденіямъ.

Кому было поручать князьямъ тотъ судъ, который они лично оставляли за собой, какъ не лучшимъ людямъ волости, каковыми и были, какъ мы знаемъ, бояре? Какъ лучшіе и старѣйшіе люди земли, они должны были знать обычаи и дѣла, а потому и могли замѣнять князя. Въ одномъ судномъ дѣлѣ

начала XVI вѣка вмѣсто доклада великому князю или боярину введенному говорится о докладѣ „Великому князю или человѣку старѣйшему“ (Рус. Истор. Сборникъ V, В. 1501).

Думаемъ, что „мужи“ сыновей Ярослава: Коснячько, Перенѣгъ, Никифоръ Кыянинъ, Чюдинъ и Микула, о которыхъ упоминаетъ Русская Правда (Акад. сл. ст. 17—18 Тр. ст. 2), и были древнѣйшими введенными боярами, имена которыхъ дошли до насъ. Князья Ярославичи совѣщаются съ ними о порядкѣ суда, на тотъ, конечно, случай, что этимъ мужамъ придется рѣшать дѣла вмѣсто князя и, такимъ образомъ, давать направленіе тогдашней юрисдикціи. Въ это отдаленное время, какъ и въ московское, князья судили лично не только въ случаяхъ привилегированной подсудности, но и во всѣхъ тѣхъ, когда низшіе судьи находили почему-либо невозможнымъ рѣшать дѣло и обращались съ докладомъ къ князю или „человѣку старѣйшему“. И такъ дѣло, для котораго существовали бояре введенные, принадлежитъ отдаленнѣйшей древности. Но мы не имѣемъ достаточныхъ основаній утверждать то же и о самомъ терминѣ. Терминъ „*введенные*“, можетъ быть, не старѣе XIV вѣка. Въ болѣе отдаленное время такихъ бояръ, въ отличіе отъ бояръ вообще, могли называть просто „княжими боярами“, или, какъ ихъ называетъ Русская Правда, „княжими мужами“. Съ XIV вѣка ихъ стали называть „введенными“, потому что они вводились въ особое довѣріе къ князю. Но и въ памятникахъ послѣ XIV вѣка, вмѣсто „введенный бояринъ“, говорится иногда тоже „княжой бояринъ“ (Ѳед. Чеховской № 66). Съ половины XV вѣка намъ уже извѣстны имена всѣхъ введенныхъ бояръ, и мы можемъ изъ года въ годъ слѣдить за каждымъ измѣненіемъ въ ихъ составѣ, до самаго конца XVII вѣка.

Введенные бояре это суть тѣ бояре, которымъ *сказывается* боярство. Сказывается не просто боярство, которое есть ничто иное, какъ бытовое наименованіе лучшихъ или старѣйшихъ людей, а *введенное* боярство. Княжеская служба создаетъ не бояръ вообще, а *введенныхъ бояръ*, иначе—придворныхъ бояръ, всегда состоящихъ при князѣ и дѣлающихъ его дѣло (Русскія Юрид. Древности, стр. 361, 362).

Далѣе проф. Сергѣевичъ даетъ перечень введенныхъ бояръ, по суднымъ дѣламъ XIV и XV вѣковъ, имена которыхъ встрѣчаются въ извѣстномъ боярскомъ спискѣ М. П. Шереметевой

съ обозначеніемъ года, когда имъ сказано боярство. Князь Даніилъ Васильевичъ Щеня, въ 6984 г. Князь Даніилъ Александровичъ Пенько-Ярославскій въ 7008 г. Князь Дмитрій Владиміровичъ Ростовскій въ 7009 г., Юрій Константиновичъ Сабуровъ въ 7014 г. и т. д.

Четвертая и послѣдняя глава второй книги посвящена дьякамъ, письменнымъ людямъ нашей древности. Въ памятникахъ XIII вѣка они называются писцами. Пространная Русская Правда знаетъ *писца*, сопровождавшаго *вирника* и получавшаго за свой трудъ 10 кунъ. (Тр. 67). Мстиславъ Даниловичъ, возложившій на берестянъ, за ихъ коромолу ловчее, приказываетъ написать объ этомъ грамоту писцу своему (Ипат. 1289). Но въ XIV вѣкѣ русское слово „писецъ“ вытѣсняется греческимъ діакъ. Грамоты московскихъ князей, съ Ивана Калиты начиная, пишутся дьяками.

Соціальное положеніе дьяковъ было очень различно. Между ними встрѣчаются рабы и свободные. Свободные занимались не только письмоводствомъ, но и преподаваніемъ грамотности. Таковъ былъ дьякъ, у котораго учился въ юности новгородскій митрополитъ Іона; архіепископъ говоритъ, что въ училищѣ его наставника было множество учащихся дѣтей. Изслѣдованіе автора о дьякахъ представляетъ научный интересъ и послѣ появленія недавно вышедшаго спеціальнаго труда молодаго казанскаго ученаго г. Лихачева, разработавшаго этотъ вопросъ по архивнымъ матеріаламъ.

Вообще книга пр. Сергѣевича представляетъ цѣнный вкладъ въ нашу литературу по исторіи права.

Она составлена по плану и образцу извѣстныхъ „Нѣмецкихъ Юридическихъ Древностей“ Якова Гримма. Ждемъ продолженія этого полезнаго и почтеннаго труда, котораго вышелъ пока только первый томъ.

III.

Ѳ. И. Булгаковъ. Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства. Томъ I. Съ изобрѣтенія книгопечатанія по XVIII вѣкъ включительно. С.-Петербургъ. Изданіе А. Суворина, 1890 г.

До книги г. Булгакова, заглавіе которой выписано выше, не было еще на русскомъ языкѣ такого подробнаго и полнаго

сочиненія по исторіи книгопечатанія вообще и русскаго въ особенности.

„Исторія книгопечатанія“ раздѣлена на два тома, изъ которыхъ каждый представляетъ собой самостоятельное цѣлое. Въ общемъ изданіе г. Булгакова заключаетъ въ себѣ сжатое резюме всѣхъ важнѣйшихъ фактовъ изъ исторіи развитія типографскаго искусства съ первыхъ его зачатковъ до нашего времени. Первый томъ посвященъ обзору успѣховъ книгопечатанія за первые четыре вѣка его существованія, съ XV по XVIII вѣкъ включительно. Во второмъ томѣ, еще имѣющемъ выйти, будетъ подведенъ „итогъ успѣхамъ книгопечатанія въ нашемъ вѣкѣ, ознаменованнымъ колоссальнымъ развитіемъ типографской техники, многочисленными усовершенствованіями въ способахъ печатанія, богатствомъ разнообразнѣйшихъ шрифтовъ, типографскихъ украшеній и другихъ частностей дѣла“.

Содержаніе нынѣ вышедшаго перваго тома интересно и разнообразно. Тутъ отмѣчены заслуги первыхъ типографій, указаны условія, въ какихъ работали типографщики въ разныя времена, перечислены предпріятія, служившія къ усовершенствованію типографскаго искусства, и достопамятныя произведенія печатнаго дѣла съ XV по XVIII вѣкъ. Особенное вниманіе обращено на возможно наглядное уясненіе дѣла, собраны образцы замѣчательныхъ шрифтовъ первоначальныхъ изданій, типографскихъ украшеній, заглавныхъ буквъ, титуловъ, издательскихъ гербовъ, гравюръ и пр.

Вообще „иллюстрированная“, такъ сказать, сторона изданія представлена въ книгѣ прекрасно. Это и заинтересовываетъ читателя и весьма облегчаетъ чтеніе текста. Теперь, когда мы привыкли къ печати, когда, вслѣдствіе чрезвычайнаго развитія особенно журнальнаго и газетнаго дѣла, мы видимъ продукты печати буквально на каждомъ шагу, когда типографское искусство преслѣдуетъ въ большинствѣ случаевъ чисто утилитарныя цѣли и постепенно все болѣе и болѣе отбрасываетъ излишнія украшенія—намъ странно кажется видѣть всѣ эти украшенія, заставки, орнаменты, заглавные листы, фамильные гербы и изъ поражающихъ зачастую оригинальностью, а иногда рѣзкостью и силою формъ, контуровъ и красокъ. Младенческій періодъ типографскаго искусства, благодаря множеству иллюстрацій, проходитъ передъ нами какъ живой. Всѣ эти украшенія оно унаслѣдовало по прямой ли-

нiи отъ предшествовавшаго „рукописнаго“ періода, когда различные переписчики, раскрасчики, „рубрикаріи“ и пр. въ тиши монастырей просиживали надъ ними цѣлые годы.

Что касается собственно до древне-русскаго книгопечатанія, то Русь первой четверти XVI вѣка все еще довольствовалась книгописаніемъ. Это книгописаніе не прекращалось даже съ открытіемъ книгопечатанія, и въ то время переписывались не только рукописныя, но—какъ это ни странно покажется—даже и печатныя рѣдкія книги. По-настоящему, должно было бы быть наоборотъ. Но не надо забывать, что книгописаніе было сильно развито въ тогдашней Руси, изстари считалось дѣломъ богоугоднымъ, которымъ занимались не только монахи, но и мірскіе люди, не рѣдко высшіе государственные люди и высокопоставленныя духовныя лица. Въ старину учили, что „отъ книгописанія трое благо получали: первое—отъ своихъ трудовъ питаешися, второе—празднаго бѣса изгониши, третіе—съ Богомъ бесѣдовать имаши“.

Такое развитіе книгописной дѣятельности могло только отдалить время появленія книгопечатанія въ Россіи. Тогда какъ въ другихъ странахъ къ типографскому искусству обратились вслѣдствіе недостатка въ книгахъ, въ Россіи не чувствовалось такого недостатка, и книгопечатаніе могло водвориться лишь подъ дѣйствіемъ совершенно инаго рода обстоятельствъ. Оно и появилось впервые въ западной части Россіи, гдѣ католицизмъ стремился подавить православіе. Православному люду, въ виду того, что противники его опирались на книжность въ распространеніи своихъ ученій, необходимо было обладать тѣмъ же оружіемъ для успѣшности борьбы.

Первымъ дѣятелемъ въ этомъ просвѣтительномъ направленіи и явился докторъ Франциск Скорина, которымъ и изданы въ Прагѣ первенцы русскаго книгопечатанія—„Псалтирь“ и „Библія руска“,—въ 1525 году положено начало русскаго книгопечатанія въ Вильнѣ, въ то время столицѣ литовско-русской.

Появившись въ русскихъ краяхъ, столь близкихъ къ Московской Руси, книгопечатаніе скоро проникло и въ Великороссію. Здѣсь оно учредилось прямо починомъ правительства для однообразнаго и правильнаго изданія церковныхъ книгъ.

Въ книгѣ г. Булгакова читатель найдетъ подробное изложеніе исторіи книгопечатанія въ Россіи. Остается только желать скорѣйшаго появленія втораго тома. Въ типографскомъ

отношеніи книга издана прекрасно, что̀ и понятно, такъ какъ она вышла изъ типографіи г. Суворина, изданія которой не нуждаются въ рекомендаціи.

IV.

Программа для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ. Сбп. 1890.

Послѣ крестьянской реформы изученіе народныхъ юридическихъ обычаевъ получило живое практическое значеніе, ими стали заниматься не одни этнографы, но и юристы, среди которыхъ и созрѣла мысль о спеціализаціи матеріала для ближайшаго ознакомленія съ этой стороной народнаго быта. Предсѣдатель Этнографическаго Отдѣленія нашего Географическаго Общества, столь много сдѣлавшаго для изученія Россіи, нашъ извѣстный юристъ Н. В. Калачевъ, при содѣйствіи другихъ лицъ и, между прочимъ, П. А. Муллова, издалъ въ 1864 году первую программу для собиранія юридическихъ обычаевъ, которая дала замѣтный толчокъ тому движенію въ этой области, которое обнаружилось въ 60-хъ и 70-хъ годахъ. Эта первая программа вызвала не мало новыхъ дѣятелей, изъ которыхъ достаточно назвать П. С. Ефименко, кн. Н. А. Кострова и другихъ.

П. А. Матвѣевъ, въ статьѣ „*Что сдѣлано у насъ по обычному праву*“, напечатанной въ Запискахъ Этнографическаго Отдѣленія за 1867 годъ, представилъ очеркъ нашей литературы по этому предмету, указавъ, что эта программа Этнографическаго Отдѣленія хотя и представляетъ несомнѣнную заслугу въ дѣлѣ изученія народныхъ обычаевъ, тѣмъ не менѣе, грѣшитъ книжностью изложенія, слишкомъ придерживаясь системы и порядка Свода Законовъ, не всегда соотвѣтствующихъ характеру юридическихъ обычаевъ. П. С. Ефименко и другіе собиратели, съ своей стороны, также указывали на многіе недостатки этой программы.

Такимъ образомъ, Этнографическое Отдѣленіе скоро пришло къ сознанію въ неудовлетворительности этой программы и необходимости ея радикальнаго пересмотра. При составленіи этой программы наша литература обычнаго права была крайне бѣдна, ограничиваясь преимущественно свѣдѣніями, касающимися юридическаго обычая нашихъ окраинъ, какъ это видно

изъ образцовъ обычаевъ, приведенныхъ въ примѣчаніяхъ къ программѣ, содержащихъ указаніе на юридическій бытъ остзейскихъ губерній и Сибири. Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ юридическомъ народномъ бытѣ центральныхъ губерній были собраны въ концѣ сороковыхъ годовъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, только относительно порядка наслѣдованія и раздѣловъ, въ сорока четырехъ губерніяхъ, у государственныхъ крестьянъ. Усилившаяся практическая потребность въ знаніи народныхъ юридическихъ обычаевъ и изданные, въ 1874 году, „Труды коммисіи о волостныхъ судахъ“ вызвали въ Этнографическомъ Отдѣленіи, наконецъ, мысль объ изданіи новой программы. Въ 1876 году была образована при сказанномъ Отдѣленіи коммисія, подъ предсѣдательствомъ покойнаго сенатора Н. В. Калачева, которая и занялась составленіемъ новой программы.

На этотъ разъ въ распоряженіи составителей былъ значительно болѣе обширный матеріалъ. Научная разработка обычнаго права ушла впередъ, область изслѣдованія замѣтно раздвинулась. Поднятъ былъ вопросъ о трудовомъ началѣ въ организаціи семьи, о большихъ и малыхъ семьяхъ и ихъ вліяніи на юридическія отношенія членовъ семьи, были констатированы до того времени мало извѣстныя формы договоровъ и сдѣлокъ въ крестьянскомъ быту и т. д. Наконецъ явилось не мало новыхъ терминовъ, свидѣтельствовавшихъ о богатствѣ народнаго юридическаго языка, требовавшаго болѣе точнаго опредѣленія ихъ значенія (напр. раздѣлы, отдѣлы, выдѣлы и отходы при дѣлежѣ имуществъ въ крестьянской семьѣ).

Коммисія Н. В. Калачева, принявъ во вниманіе всю литературу нашего обычнаго права, а также работы въ этой области у родственныхъ намъ славянскихъ племенъ, именно извѣстные труды славянскаго юриста В. В. Богишича, издавшаго въ 1865 г. программу собиранія юридическихъ обычаевъ на сербскомъ языкѣ, рѣшилась всесторонне разработать вопросъ о составленіи новой программы, поставивъ ее въ уровень научныхъ требованій и того развитія, которое получило за послѣднее время изученіе этого предмета. Съ этой цѣлью коммисія пригласила къ участію въ своей работѣ какъ лицъ заявившихъ себя по части собиранія юридическихъ обычаевъ, такъ и многихъ изъ нашихъ извѣстныхъ юристовъ.

Въ 1877 году ихъ работы были внесены въ коммисію и

разсмотрѣны ею. Отвѣты на эту программу, доставленные въ 1883 г. Волостными Правленіями Саратовской губерніи, представляютъ нѣсколько свѣдѣній о „выводныхъ деньгахъ", платимыхъ женихомъ семьѣ невѣсты, размѣръ которыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вмѣстѣ съ свадебнымъ даромъ доходитъ до 200 руб., бракахъ между раскольниками и православными и существующихъ на этотъ счетъ обычаяхъ (такіе браки совершаются убѣгомъ, хотя бы и съ тайнаго согласія родителей невѣсты раскольниковъ, которые такимъ образомъ избѣгаютъ упрека въ измѣнѣ старой вѣрѣ) и т. д.

Изслѣдователь быта Смоленской губерніи г. Добровольскій въ представленномъ имъ въ прошломъ году въ Географическое Общество рукописномъ Этнографическомъ Сборникѣ посвятилъ цѣлую главу отвѣтамъ на вышесказанную программу,—представивъ весьма обстоятельную картину народнаго юридическаго быта этой губерніи [1]). Кромѣ того программа по гражданскому праву была переведена на болгарскій языкъ С. С. Бобчевымъ съ нѣкоторыми измѣненіями. Изъ отвѣтовъ на эту программу г. Бобчевъ составилъ обширный Сборникъ болгарскихъ Народныхъ Юридическихъ обычаевъ, который имъ не давно доставленъ нашему Географическому Обществу.

Послѣ нѣкотораго перерыва въ своихъ занятіяхъ, комиссія по изученію народныхъ обычаевъ, въ 1885 году, когда на мѣсто умершаго Н. В. Калачева предсѣдателемъ былъ избранъ сенаторъ С. В. Пахманъ, снова занялась составленіемъ общей программы для собранія юридическихъ обычаевъ.

Въ составѣ своего предсѣдателя, его помощника и нѣкоторыхъ новыхъ членовъ, между прочимъ извѣстнаго изслѣдователя крестьянскаго общиннаго владѣнія П. А. Соколовскаго комиссія, разсмотрѣвъ всѣ имѣвшіяся въ ея распоряженіи программы, поручила С. В. Пахману принять на себя окончательную редакцію общей программы.

Минувшимъ лѣтомъ она наконецъ издана и разослана во всѣ статистическіе комитеты. Эта программа состоитъ изъ трехъ главъ: гражданское право, уголовное право и судопроизводство. Первая глава распадается на три отдѣла: 1) родъ,

---

[1]) Сборникъ г. Добровольскаго, цѣнный вкладъ въ нашу этнографическую литературу, въ настоящее время печатается Географическимъ Обществомъ.

семья и наслѣдство, 2) владѣніе и собственность; въ этомъ отдѣлѣ помѣщенъ также вопросъ объ общинномъ владѣніи, на сколько это было необходимо для указанія особенностей этого рода владѣнія, 3) договоры и обязательства. Вторая глава, уголовное право, распадается также на три отдѣла: 1) Преступленіе и наказаніе вообще, 2) Преступленія религіозныя и общественныя, 3) Преступленія противъ семьи, личности и собственности. Третья глава. *Судопроизводство*, состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: 1) Суды и подсудность и 2) Порядокъ производства и рѣшенія дѣлъ.

Программа изложена весьма ясно и отчетливо. Она и заключаетъ въ себѣ всю систему такъ называемаго частнаго права, всѣ юридическія понятіи переданы въ ней русскими словами, и всѣ ея вопросы доступны пониманію сельскаго обывателя, отнюдь не искусившагося въ инословіи нашей книжной юридической терминологіи. Можно надѣяться, что эта программа, многолѣтній коллективный трудъ нашихъ юристовъ и этнографовъ, послужитъ прочнымъ основаніемъ для дальнѣйшаго хода разработки нашего обычнаго права.

Наши суды и администрація постоянно наталкивались и наталкиваются жизнью на необходимость болѣе точнаго знанія бытовыхъ условій народной жизни. Приходя въ соприкосновеніе съ своеобразными особенностями нашего сельскаго быта, представители власти, согласно многократнымъ указаніямъ опыта, испытываютъ потребность въ изученіи той или другой отрасли народныхъ юридическихъ обычаевъ.

Въ 40 годахъ Министерство Государственныхъ Имуществъ, въ виду устраненія отставныхъ солдатъ отъ наслѣдованія имуществомъ дома въ крестьянскихъ семьяхъ, собирало свѣдѣнія объ обычаяхъ, касающихся порядка наслѣдованія у государственныхъ крестьянъ.

Въ 1878 году Министерство Внутреннихъ Дѣлъ собирало свѣдѣнія о порядкѣ наслѣдованія усадебной земли по крестьянскимъ обычаямъ въ 36 великорусскихъ губерніяхъ и т. д.

Въ настоящее время, съ введеніемъ въ дѣйствіе закона 12 іюля 1889 г., расширяющаго между прочимъ компетенцію волостныхъ судовъ, приведеніе въ извѣстность крестьянскихъ юридическихъ обычаевъ весьма желательно. Конечно, земскіе начальники, какъ мѣстныя лица, сами достаточно знакомы съ бытовыми условіями сельской народной жизни. Но въ

уѣздныхъ съѣздахъ юридическій формализмъ и книжныя теоріи столкнутся съ обычаями. Къ тому же, даже мѣстные земскіе дѣятели, постоянные деревенскіе жители, близко знающіе народные обычаи, въ отношеніи сдѣлокъ и договоровъ, не всегда въ той же степени знакомы съ довольно сложными правилами въ крестьянскомъ быту при раздѣлахъ и съ порядкомъ наслѣдованія.

Наконецъ, собираніе и изученіе народныхъ юридическихъ обычаевъ имѣетъ весьма живое и серьезное значеніе въ виду составленія нашего гражданскаго кодекса.

Иностранной.

I.

Russia Iaphet, or the Muscovite, the Cossack and the Mongol. A detailed Identification of the Power whose Doom is foretold in Ezeekiel XXXVIII, by Oxonian. Lond. 1890.

Какой-то бывшій Оксфордскій студентъ путемъ изученія Библіи нашелъ возможность изобразить весьма обстоятельно событія, непосредственно предшествующія появленію антихриста. Оказывается, на основаніи 38 главы пророчества Іезекіиля, что вскорѣ имѣетъ послѣдовать рѣшительное столкновеніе между Гогомъ, царемъ Русса, Моска и Тубаля (Тобольскъ) и Израилемъ. Уже и теперь могущественный монархъ обращаетъ свои жадные взоры на Іерусалимъ. Но Іегова поразитъ его, и тогда наступитъ осуществленіе пророчества Даніила о 10 государствахъ, послѣ чего и появится антихристъ. Предшественникъ послѣдняго уже существуетъ. Это папа римскій.

Разумѣется, что царство Гога ничто другое, какъ Россія, Израиль же не одни евреи и Англія, семитическое происхожденіе которой авторъ силится доказать quasi-филологическими интерпретаціями. Тѣмъ же путемъ авторъ дошелъ до убѣжденія, что москхи т. е. великороссы, туранцы Іафетова потомства. Уже Ноемъ предсказано было, что потомки Іафета будутъ расширять предѣлы своихъ владѣній, и Россія буквально осуществляетъ это предсказаніе.

Авторомъ наговорено много странностей въ томъ же родѣ, какъ и теорія семитическаго происхожденія Британіи. Такъ напримѣръ, онъ убѣждаетъ насъ, что Араратъ вовсе не гора въ Арменіи, а Тибетъ, и что большинство жителей юго-западной Европы семиты. Къ семитамъ принадлежатъ и германцы, и славяно-литовцы, но отнюдь не мосхи, т. е. великороссы. Поселенія туранцевъ онъ видитъ въ теперешней Россіи вездѣ, гдѣ въ географическихъ названіяхъ встрѣчается корень Моск или Месх (Mesh). Къ числу таковыхъ принадлежатъ у насъ Москва, Можайскъ, Мещера (Meschchera), Meschirecz, Новомосковскъ и много другихъ. Ученому автору, разумѣется, и въ голову не приходитъ мысль, что нѣкоторыя изъ этихъ названій продуктъ весьма недавняго времени, другія же происходятъ отъ слова межа (междурѣчіе и т. п.). Попадись ему какое-нибудь поселеніе въ сѣверной Америкѣ, носящее названіе Москвы, онъ бытъ можетъ призналъ бы и тамъ слѣды туранцевъ.

Весь этотъ вздоръ въ состояніи лишь вызвать улыбку. Странно, однако, представить себѣ, съ какимъ нелѣпымъ фанатикомъ мы можемъ еще встрѣтиться въ средѣ англійскаго образованнаго общества и къ какимъ злоупотребленіямъ можетъ повести стремленіе искать въ Библіи разрѣшенія вопросовъ, составляющихъ злобу дня.

II.

Quellen zur Geschichte der Deutschen Kaiserpolitik Oesterreichs während der französischen Revolutionskriege (1790—1801). Herausg. von Alfred Ritter von Vivenot, fortgesetzt von der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften durch Dr. Heinrich v. Zeissberg. V Band. Wien. 1890.

Это сборникъ дипломатическихъ документовъ, объясняющихъ не одну темную доселѣ страницу австрійской политики конца XVIII столѣтія. Въ настоящемъ томѣ собранъ матеріалъ, касающійся заключенія Базельскаго мира между прусской и французской республикой. Оказывается, что поводомъ этого событія, которому республика обязана своимъ спасеніемъ, и которое поэтому имѣло значеніе необыкновенной важности, былъ неумолкавшій въ теченіе всего XVIII столѣтія антагонизмъ между Австріей и Пруссіей. Пруссія имѣла по-

стоянно въ виду свои непосредственные территоріальные интересы и не могла не воспользоваться удобнымъ случаемъ поставить въ затруднительное положеніе своего всегдашняго соперника.

Пораженный неожиданнымъ для него шагомъ Пруссіи, Императоръ Францъ II и его министръ Тугутъ должны были употребить всѣ усилія, чтобы заручиться помощью какъ противъ Франціи, такъ и Пруссіи, показавшей явное недоброжелательство и не сведшей еще съ Императорскимъ кабинетомъ всѣхъ счетовъ по послѣднему раздѣлу Польши. Помощь эту могла дать лишь Россія, и Екатерина II быстро поняла выгоды своего положенія. Читая помѣщенныя въ названномъ нами сборникѣ донесенія австрійскаго посланника въ С.-Петербургѣ, графа Кобенцля, нельзя не отдать полной справедливости нашей Государынѣ и ея дипломатическимъ совѣтникамъ. Они, не вовлекая государства въ какія-либо могущія принести въ будущемъ затрудненія, добыли для себя немаловажныя выгоды. Такъ, досталась намъ Волынь, часть которой занялъ было уже австрійскій корпусъ графа Гарнонкура съ цѣлью округлить для Австріи ея галиційскія владѣнія. Въ настоящее время можно съ достовѣрностью сказать, что, не будь для насъ упомянутыя удобныя обстоятельства, послѣдній раздѣлъ Рѣчи Посполитой окончился бы далеко не очень мирно, и намъ пришлось бы пожалуй имѣть столкновеніе съ Австріей, которая по обыкновенію не прочь была попользоваться выгодами, добытыми чужими руками. Такова была политика этой державы сто лѣтъ тому назадъ, такова она и нынѣ.

Небезъинтересно узнать для русскаго читателя, что Императоръ Павелъ I уже и въ то время, относительно польскаго вопроса, не раздѣлялъ воззрѣній своей матери. Оказывается, что наслѣдникъ престола, какъ видно изъ донесенія Кобенцля своему двору отъ 6 іюля 1795 г. (м. стр. 284 изданія), былъ всегдашнимъ противникомъ какого бы то ни было раздѣла польскихъ областей. И въ данномъ случаѣ онъ оказывался таковымъ. Не присоединеніе Волыни, требовавшее осторожнаго и выжидательнаго образа дѣйствій, интересовало его, а война съ революціей. Въ виду этого Вел. Князь Павелъ Петровичъ не прочь былъ отдать нашу политику въ служеніе Австріи и требовалъ, чтобы нашъ дворъ заговорилъ съ Пруссіей рѣши-

тельнымъ языкомъ по поводу заключенія Базельскаго мира. Къ счастью, однако, подобное мнѣніе не было принято въ уваженіе.

VIII.

Friedrich Paulsen. System der Ethik mit einem Umriss der Staatsund Gesellschaftslehre. Berlin. 1889.

Названное сочиненіе представляетъ попытку построить этическое ученіе на матеріалистическомъ основаніи. Авторъ указываетъ намъ на то, что всѣ практическія свѣдѣнія должны быть продуктомъ теоретическихъ выводовъ, и согласно этому этика должна опирать свои положенія на антропологіи и психологіи. Задача ея рѣшить вопросъ, какія представленія отдѣльной личности или общественныя формы помогаютъ или препятствуютъ совершенствованію человѣческой природы и общественной жизни. Мы знаемъ однако изъ опыта, что правильная семейная жизнь, исполненіе призванія, обдуманный образъ дѣйствій, честность въ выполненіи обязательствъ являются благопріятными условіями для правильно-здороваго развитія жизни. Отсюда слѣдуетъ заключить, по мнѣнію автора, что этическій методъ опирается на эмпиризмѣ, и нравственные законы—тѣ же законы природы. Это—правила, соблюденіемъ которыхъ достигается человѣческое благосостояніе.

Ясно однако, что при подобномъ узко-утилитарномъ взглядѣ на этическіе законы остался большой пробѣлъ, а именно побужденія, руководящія поступками отдѣльнаго лица. Нужно ли ихъ принимать во вниманіе и ставить на первый планъ при оцѣнкѣ нравственнаго значенія дѣянія или нѣтъ? Авторъ при рѣшеніи этого вопроса оставляетъ насъ не совсѣмъ удовлетворенными. Онъ признаетъ, конечно, нравственную цѣну побужденій, но тѣмъ не менѣе указываетъ, что побужденія эти не представляютъ значенія въ этихъ случаяхъ; простое желаніе помочь ближнему не можетъ получить практическаго осуществленія. Такимъ образомъ отношеніе къ благосостоянію является во всякомъ случаѣ исходнымъ, рѣшающимъ въ опредѣленіи пунктомъ.

Понятно, что при общемъ матеріалистическомъ взглядѣ авторъ долженъ оставаться вѣрнымъ себѣ и въ частностяхъ. „Откуда получаютъ свой авторитетъ“, спрашиваетъ онъ, „нрав-

ственность, сознаніе долга и совѣсть?" На это дается слѣдующій отвѣтъ. „То, что постепенно вырабатывается и укрѣпляется въ качествѣ нравственности, есть лишь приведенный къ сознанію инстинктъ. Подобно тому, какъ животныя, на основаніи эволюціонной теоріи, лишь постепенно, примѣняясь къ обстоятельствамъ жизни, развиваютъ въ себѣ инстинкты, неспособные къ подобному примѣненію погибаютъ, и остаются лишь породы съ соотвѣтственно цѣли развитыми инстинктами, такъ и въ человѣческомъ обществѣ окончательно сохраняютъ свое существованіе лишь тѣ, для которыхъ нравственность и нравственные законы направлены къ достиженію всеобщаго благосостоянія".

И такъ, настоящій принципъ нравственности—это благосостояніе всѣхъ, а въ томъ числѣ и каждой отдѣльной личности. Все, что служитъ этому принципу, должно быть названо нравственнымъ. Понятно, что, держась подобнаго взгляда, авторъ не можетъ согласиться ни съ Кантомъ, ни съ Шопенгауеромъ. Первый не удовлетворяетъ Паульсена въ томъ отношеніи, что указываетъ на необходимость бороться съ склонностью къ личному благу. Противъ Шопенгауера авторъ вооружается потому, что если считать за нимъ истину—не было бы ни счастія, ни блага, и всякое къ нимъ стремленіе было бы тщетнымъ.

Изъ стремленія къ благосостоянію выводятся и отдѣльныя обязанности каждаго. Заботиться о другихъ нужно въ виду собственнаго блага, ибо эгоизмъ порождаетъ вражду и несчастіе. Благодарность нужна для подобной же цѣли. Ложь разрушаетъ довѣріе и дѣлаетъ лжеца изолированнымъ. Также и понятія о правѣ и о законности наказанія выводятся изъ той же идеи. Общество имѣетъ право карать, ибо должно заботиться о собственномъ самосохраненіи, которое подвергается опасности отъ неправды.

Изъ сказаннаго доселѣ вполнѣ ясно, какъ мало общаго въ ученіи Паульсена съ понятіями нашей религіи объ источникѣ нравственности. Оставаясь послѣдовательнымъ, авторъ вооружается жаркой филиппикой противъ христіанства за то, что оно ищетъ благополучія не въ этомъ мірѣ, а въ загробномъ. Въ этомъ отношеніи, сравнивая христіанство съ результатами классической философіи, Паульсенъ видитъ шагъ не впередъ, а назадъ. Но почему же въ такомъ случаѣ христіанство одер-

жало столь рѣшительную побѣду надъ античнымъ міромъ и его воззрѣніями. Она была бы немыслима, еслибы послѣднія заключали бы удовлетворительный отвѣтъ на всѣ вопросы, интересующіе духовную природу человѣка. Исторія въ этомъ отношеніи даетъ намъ столь ясныя указанія, что никакія искусственныя объясненія ни въ чемъ, въ данномъ случаѣ, не помогутъ. Они лишь укажутъ намъ лишній разъ на неправильность постановки вопроса.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Наша внѣшняя торговля въ 1889 году. — Ликвидація дѣлъ общества взаимнаго поземельнаго кредита.—Итоги преобразованія пятипроцентнаго государственнаго долга.—Отмѣна почтовой автономіи Финляндіи.

Приведенные нынѣ въ окончательную извѣстность и на дняхъ обнародованные результаты за 1889 г. нашей внѣшней торговли по европейской границѣ представляются въ высшей степени благопріятными въ фискальномъ отношеніи. Всего таможенныхъ сборовъ поступило въ прошломъ году: 79.784.976 металл. р. и 2.460.733 кред. р. По перечисленіи кред. рублей въ золотую валюту по среднему годовому курсу (151,6), общій итогъ сборовъ выразится суммою въ 81.863.613 рубл. золотомъ. Никогда ранѣе таможенный доходъ казны не достигалъ такихъ размѣровъ. Движеніе этого дохода въ предшествовавшіе отчетному году семь лѣтъ видно изъ слѣдующихъ цифровыхъ данныхъ:

Поступило таможенныхъ сборовъ:

Въ 1882 году . . .	65.490.441	рубл.	золотомъ.
„ 1883 „ . . .	66.898.816	„	„
„ 1884 „ . . .	66.127.761	„	„
„ 1885 „ . . .	64.848.048	„	„
„ 1886 „ . . .	69.303.731	„	„
„ 1887 „ . . .	64.542.316	„	„
„ 1888 „ . . .	79.261.894	„	„

Уже въ 1888 году таможенный доходъ быстро возросъ, что̀ не помѣшало его дальнѣйшему росту и въ минувшемъ году. Если мы возьмемъ среднее за послѣдніе два года и эту среднюю величину (80.562.704) сравнимъ съ среднею величиною дохода за предшествовавшіе 6 лѣтъ (66.218.519), то уви-

димъ, что средній приростъ таможеннаго дохода за послѣднее двухлѣтіе опредѣляется цифрою 14,3 милл. рубл. золотомъ.

Въ уплату таможенныхъ сборовъ въ минувшемъ году поступило:

Золотою монетою	10.053.653
Депозитными квитанціями. .	2.684.900
Горными ассигновками. . .	21.937.004
Всего золотомъ. .	34.675.557 р.

Сверхъ того внесено:

Купонами и вышедшими въ тиражъ облигаціями.	25.287.588
Иностранными банков. билетами. . .	20.193.527
Серебряными рублями	91.540
Кредитными билетами	2.460.733

Несоразмѣрно велика, по сравненію съ предшествовавшими годами, сумма, уплаченная иностранными банковыми билетами, т. е. размѣнными на звонкую монету иностранными бумажными деньгами. За всѣ 13 лѣтъ примѣненія закона о взиманіи таможенныхъ пошлинъ золотою валютою, поступило, въ уплату этихъ пошлинъ, иностранныхъ банковыхъ билетовъ на 70 милл. р., слѣдовательно въ минувшемъ году платежи иностранными денежными знаками болѣе чѣмъ *вчетверо* превысили средній годовой размѣръ такихъ платежей за предшествовавшіе двѣнадцать лѣтъ. Иностранные банковые билеты явились на смѣну нашихъ купоновъ и вышедшихъ въ тиражъ облигацій, коихъ въ уплату таможенныхъ пошлинъ поступило, противъ 1888 года, менѣе на 17,4 милл. р. и вообще менѣе, чѣмъ поступало въ теченіе ряда лѣтъ, начиная съ 1879 года. Явленіе это стоитъ въ прямой зависимости отъ произведенной въ 1888 году переоцѣнки для таможенныхъ платежей металлическихъ купоновъ и вышедшихъ въ тиражъ облигацій, а равно отъ состоявшихся въ 1888 и 1889 гг. конверсій государственныхъ займовъ. Платить пониженными въ цѣнѣ купонами и вышедшими въ тиражъ облигаціями было невыгодно, а купоны отъ новыхъ 4%-ныхъ займовъ не замѣнили купоновъ конвертированныхъ бумагъ, такъ какъ новые займы помѣщены, главнымъ образомъ, во Франціи, гдѣ не принято отрѣзывать купоны до наступленія имъ срока, вслѣдствіе чего, и въ виду установившагося обычая пріобрѣтать необходимыя для разсчетовъ съ таможнями металлическія цѣнности въ Берлинѣ, было

употреблено для означенныхъ разсчетовъ небывалое количество билетовъ германскаго имперскаго банка. Покуда названный банкъ пользуется довѣріемъ финансоваго міра, наплывъ его билетовъ въ нашу казну не представляетъ, разумѣется, опасности, но извѣстно, что золотой монометаллизмъ германской денежной системы не имѣетъ подъ собою твердой реальной почвы: значительная часть размѣннаго фонда имперскаго банка состоитъ изъ старыхъ талеровъ; изъ 1.857,4 милл. марокъ изготовленной до конца ноября 1883 года новой золотой монеты не менѣе 300 милл. (по счету нѣкоторыхъ даже 500 милл.) ушло во Францію и перечеканено въ двадцатифранковики, а одной новой серебряной монеты (кромѣ никкелевой и мѣдной) выпущено въ народное обращеніе почти на 436 милл. марокъ. Но независимо отъ соображеній о большей или меньшей степени обезпеченности въ данное время размѣна означенныхъ банковыхъ билетовъ на *золото*, мы не видимъ ни финансовой, ни экономической необходимости поддерживать торговлю Берлина металлическими цѣнностями, необходимыми для разсчетовъ съ нашими таможнями, и ради такого „обычая“, во многихъ отношеніяхъ для насъ неудобнаго и даже вреднаго, оказывать важную услугу имперскому банку, допуская оплату таможенныхъ пошлинъ его билетами, вмѣсто наличнаго золота, которое, вслѣдствіе этого, на значительныя суммы остается неистребованнымъ изъ его кладовыхъ. Подобная любезность, казалось бы, весьма мало соотвѣтствуетъ той Sperrpolitik, которой упорно придерживается германскій имперскій банкъ въ своихъ ссудныхъ операціяхъ по отношенію къ русскимъ металлическимъ цѣнностямъ. Позволимъ себѣ замѣтить еще, что билеты германскаго имперскаго банка вовсе не пользуются значеніемъ міровой цѣнности, всѣми признаннаго, несомнѣннаго паритета съ золотомъ, подобно билетамъ англійскаго банка.

Въ торговлѣ драгоцѣнными металлами цѣнность общаго оборота за 1889 г. хотя и была меньше, чѣмъ за 1888 г. [1]), но все-таки оказалась гораздо болѣе значительною, чѣмъ за 1884—1887 гг. [2]). При этомъ за 1889 г. превышеніе отпуска заграницу надъ привозомъ изъ-за границы составляетъ 8 милл. р. мет. противъ 5 милл. за 1888 г. Вывозится отъ насъ по евро-

---

[1]) Въ этомъ году оборотъ въ торговлѣ драгоцѣнными металлами былъ максимальный и равнялся 64 милліонамъ рубл.

[2]) 26,7 мил. противъ 16,2 мил. въ среднемъ выводѣ.

пейской границѣ почти исключительно золото, а серебро, наоборотъ, привозится, главнѣйше, въ слиткахъ [1]). Затѣмъ значительная часть (за послѣдніе три года до 42,5%, въ среднемъ выводѣ) привознаго серебра отправляется въ среднюю Азію (преимущественно въ Персію) и оттуда, въ сравнительно небольшомъ количествѣ, возвращается къ намъ въ видѣ монеты. Отправка серебра въ Персію для вычеканки и затѣмъ обратный привозъ въ Баку въ видѣ персидскихъ монетъ составляетъ особый промыселъ кавказскихъ мѣнялъ. Таможенный департаментъ оговаривается, однако, что приводимыя имъ данныя о внѣшней торговлѣ драгоцѣнными металлами не могутъ считаться полными, главнымъ образомъ, по двумъ причинамъ: 1) по тѣмъ участкамъ государственной границы, гдѣ установленъ таможенный надзоръ, не малая часть драгоцѣнныхъ металловъ перевозится черезъ границу безъ объявленія въ таможенныхъ учрежденіяхъ (пассажирами), и 2) до сихъ поръ на значительномъ протяженіи государственной границы (съ Китаемъ и пр.) не ведется никакой записи о привозѣ и вывозѣ товаровъ (въ томъ числѣ и драгоцѣнныхъ металловъ), хотя не безъизвѣстно, что обороты нашей внѣшней торговли достигаютъ здѣсь нѣсколькихъ милліоновъ рублей въ годъ. Неполнота таможенной статистики въ этомъ отношеніи особенно нежелательна именно теперь, когда серебряный рубль, по количеству содержимаго въ немъ чистаго серебра, стоитъ не дороже 71 копѣйки золотомъ, слѣдовательно, при нынѣшнемъ вексельномъ курсѣ, на двѣ золотыхъ копѣйки дешевле кредитнаго рубля, а между тѣмъ котируется на биржѣ на 8—10 кред. копѣекъ дороже [2]). Подобныя аномаліи лучше всего устраняются точными свѣдѣніями о торговлѣ драгоцѣнными металлами и возможными облегченіями ея оборотовъ. Не пора ли обратить на это вниманіе и нашему государственному банку, который можетъ быть поставленъ въ затрудненіе, если платежи по его обширнымъ учетнымъ и ссуднымъ операціямъ станутъ производить серебряными рублями, какъ *болѣе дешевыми* деньгами, а такой способъ разсчетовъ съ государствен-

---

[1]) Привезено серебра по европейской границѣ, болѣе чѣмъ вывезено:
въ 1887 году 3.451 пуд.
„ 1888 „ 11.072 „
„ 1889 „ 10.681 „

[2]) См. бюллетень гофъ-маклера о курсахъ на с.-петерб. биржѣ 18-го мая.

нымъ банкомъ, да и со всѣми другими кредитными установленіями, не говоря уже о частныхъ долговыхъ обязательствахъ, окажется несомнѣнно выгоднымъ для всѣхъ должниковъ, не смотря даже на относительную у насъ дороговизну чеканки, какъ скоро курсъ кредитнаго рубля повысится до цѣны 3-хъ франковъ. Достигнуть же такой высоты онъ можетъ на дняхъ.

По значительности поступленія таможенныхъ пошлинъ съ привозныхъ товаровъ Россія занимаетъ *пятое* мѣсто въ ряду всѣхъ государствъ земнаго шара, уступая въ этомъ отношеніи Соединеннымъ Штатамъ сѣверной Америки, Великобританіи, Франціи и Германіи; но нельзя не замѣтить, что весьма крупная доля таможеннаго дохода трехъ послѣднихъ государствъ, Германіи же въ особенности, доставляется главнѣйшими предметами нашего отпуска заграницу: хлѣбомъ, лѣсомъ, нефтяными продуктами, сахаромъ, табакомъ и хлѣбнымъ виномъ.

Въ прошломъ году нами было отпущено товаровъ на 452,3 милл. мет. р., а привезено къ намъ на 246,5 милл. Цѣнность общаго оборота товарами во внѣшней торговлѣ нашей по европейской границѣ (за исключеніемъ торговли съ Финляндіей и по Кавказско-черноморской границѣ) увеличилась, сравнительно съ 1888 годомъ, на 70,1 милл. мет. р. или на 11%; изъ этой цифры 49,2 милл. приходится на увеличеніе привоза и только 20,9 милл. на увеличеніе отпуска, что составляетъ для привоза увеличеніе на 25%, а для отпуска — на 5%. Необходимо, однако, имѣть въ виду, что привозъ 1888 г. былъ однимъ изъ наименѣе значительныхъ за цѣлый рядъ годовъ, и что, по цѣнности отпуска, 1888 г. превзошелъ всѣ предъидущіе года. При сопоставленіи 1889 года съ предшествовавшимъ пятилѣтіемъ, оказывается, что цѣнность нашего отпуска непрерывно возрастаетъ, а цѣнность привоза, сокращавшаяся до 1888 года включительно, въ минувшемъ году снова нѣсколько увеличилась, не достигнувъ размѣровъ 1884 года, когда къ намъ было привезено иностранныхъ товаровъ на сумму 308,2 милл. мет. р., а отпущено нами своихъ произведеній всего на 348,9 милл.

Изъ жизненныхъ припасовъ въ минувшемъ году уменьшился отпускъ почти всѣхъ хлѣбовъ, за исключеніемъ кукурузы, сравнительно съ максимальными за всѣ времена цифрами отпуска 1888 года. Уменьшился также вывозъ яицъ, сахара и спирта и въ менѣе значительной степени—табака; увеличился же вывозъ коровьяго масла, рыбнаго товара и въ особенности

всякаго мяса: свѣжаго, соленаго и копченаго. Всего мяса вывезено 296 тысячъ пудовъ [1]); въ томъ числѣ свѣжей свинины 167 тысячъ пудовъ, соленой и копченой 74 тыс. пуд. [2]). Свѣжая свинина направляется заграницу преимущественно изъ Привислинскаго края.

Изъ сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ значительно увеличился вывозъ лѣснаго товара (со 122 до 155 милл. пудовъ), пеньки, мягкой рухляди, щетины, шерсти и въ менѣе значительной степени — льнянаго сѣмени, выжимокъ изъ сѣмянъ и выдѣланныхъ кожъ; уменьшился въ особенности отпускъ льна и льняной кудели и пакли.

Главнѣйшимъ образомъ лѣсъ вывозится въ видѣ сосновыхъ и еловыхъ досокъ (86 милл. пуд.), размѣры которыхъ колеблются по длинѣ отъ 5 до 30 фут., по ширинѣ—отъ 4 до 16 дюйм. и по толщинѣ—отъ полудюйма до 4 дюйм. Затѣмъ, въ значительномъ количествѣ идутъ преимущественно сосновыя (29 милл. пуд.) и рѣже еловыя (5 милл. пуд.) бревна, т. е. не обтесанные и часто не лишенные даже коры стволы, длина которыхъ колеблется отъ 14 до 17 (мачтовый лѣсъ) футовъ, при діаметрѣ отъ 5 до 17 дюймовъ въ верхнемъ отрубѣ, и брусья, которые обыкновенно обтесываются съ четырехъ сторонъ, такъ что представляютъ въ разрѣзѣ квадратъ; длина ихъ колеблется отъ 14 до 50 футовъ, при діаметрѣ отъ 5 до 14 дюймовъ въ верхнемъ отрубѣ. Большая часть вывозимаго заграницу лѣснаго товара идетъ изъ Полѣсья рѣками Березиной и Припетью, а оттуда путемъ каналовъ переправляется въ З. Двину, Нѣманъ и Вислу. Порты С.-Петербургско-Кронштадтскій, Нарвскій и Архангельскій, по отпуску лѣса, занимаютъ второстепенное мѣсто и почти совсѣмъ не отправляютъ бревенъ и брусьевъ. Извѣстно, что наиболѣе цѣнными лѣсами Полѣсья завладѣли иностранцы, которые и даютъ направленіе нашей заграничной лѣсной торговлѣ, доводя, при содѣйствіи евреевъ, естественныя богатства края до совершеннаго истощенія. По-

---

[1]) Отпускъ мяса за прежнее время исчисленъ въ слѣдующихъ размѣрахъ:

За пятилѣтіе 1884—1888 гг. по 115 тыс. пуд. въ годъ.
„ „ 1879—1883 „ „ 69 „ „ „
„ „ 1874—1878 „ „ 44 „ „ „
„ „ 1869—1873 „ „ 54 „ „ „

[2]) Въ 1888 году отпущено: свѣжей свинины 34 тыс. и копченой и соленой 42 тыс. пуд.

этому насъ не радуетъ значительное увеличеніе за послѣдніе годы отпуска лѣснаго товара. Казалось бы, что въ интересахъ народнаго хозяйства всего важнѣе обуздать хищничество и позаботиться о возможно большемъ развитіи лѣснаго промысла на сѣверѣ, гдѣ громадныя пространства вѣковыхъ лѣсовъ не имѣютъ выхода къ морю.

Отпускъ сырой нефти почти вовсе прекратился по всѣмъ таможнямъ, кромѣ расположенныхъ по русско-персидской границѣ, а по этимъ таможнямъ (главнѣйше по Бакинской) вывозъ сырой нефти, вслѣдствіе начавшейся въ Персіи переработки ея, достигъ за 1888 и 1889 гг. максимума (209 и 205 тыс. пуд.). Освѣтительныхъ маслъ по одной Батумской таможнѣ вывезено, въ минувшемъ году, 29,4 милл. пуд., т. е. болѣе, чѣмъ когда-либо ранѣе, всего же освѣтительныхъ маслъ въ 1889 г. вывезено до 35 милл. пудовъ. Непрерывно ростетъ вывозъ смазочныхъ маслъ [1]) и нефтяныхъ остатковъ [2]), въ особенности чрезъ Батумскую таможню. Незначительный и прежде вывозъ минеральнаго жира (максимумъ 84 тыс. пуд.) въ прошломъ году совсѣмъ прекратился.

Между товарами, отпускъ которыхъ начинаетъ только зарождаться, нельзя не отмѣтить ртути и фосфора.—До послѣдняго времени мы получали ртуть изъ-за границы, со времени же разработки ртутныхъ мѣсторожденій близъ Бахмута, русская ртуть не только вытѣснила привозную, но даже сдѣлалась предметомъ вывоза заграницу. Ртути за 1889 годъ вывезено 7.803 пуда. Положено начало вывозу заграницу и фосфора въ количествѣ 3.150 пудовъ.

По отдѣлу животныхъ увеличился отпускъ домашнихъ птицъ и разнаго рода дичи, но уменьшился отпускъ скота и лошадей.

Отпускъ главнѣйшихъ издѣлій вообще увеличился.

Привозъ иностранныхъ товаровъ увеличился по всѣмъ отдѣламъ, за исключеніемъ отдѣла животныхъ. Цѣнность привезенныхъ за 1889 г. жизненныхъ припасовъ была выше цѣнности привезенныхъ такихъ же товаровъ за 1888 г , но меньше, чѣмъ въ среднемъ за пятилѣтіе 1884—1888 гг.; что же касается сырыхъ издѣлій, то цѣнность привоза по этимъ двумъ отдѣ-

---

[1]) Въ 1888 г. 2,8 милл. пуд., въ 1889 г. 3,5 милл. пуд., при среднемъ за четырехлѣтіе 1885—1888 гг. въ 2,5 милл. пудовъ.

[2]) Въ 1888 г. 4,5 милл. пуд., въ 1889 г. 6,1 милл. пуд., при среднемъ за четырехлѣтіе 1885—1888 гг. въ 2,6 милл. пудовъ.

намъ уступаетъ лишь 1884 году, превосходя всѣ промежуточные года.

По количеству привозъ увеличился въ менѣе сильной степени, чѣмъ по цѣнности, какъ для общаго итога товаровъ, такъ и по каждому изъ отдѣловъ, за исключеніемъ животныхъ, привозъ которыхъ уменьшился почти исключительно отъ сокращенія количества привоза, а это значитъ: или что поднялись цѣны на привозный товаръ, или что изъ-за границы стали ввозить къ намъ товары высшихъ сортовъ. Повидимому, дѣйствовали обѣ причины. Нѣкоторые товары дѣйствительно вздорожали нѣсколько на всемірныхъ рынкахъ, напр. кофе цейлонскій, пенька манильская, рисъ Рангунъ, чай Конгу, хлопокъ Упландъ, шелкъ Тцатли, чугунъ шотщъ, желѣзо полосовое и пр. [1]). Несомнѣнно также, что съ развитіемъ отечественной промышленности въ числѣ привозимыхъ изъ-за границы товаровъ съ теченіемъ времени все бо́льшая доля приходится на предметы болѣе цѣнные. Департаментъ таможенныхъ сборовъ приводитъ слѣдующіе примѣры въ подтвержденіе высказанной имъ мысли: вина привозятся нынѣ только болѣе высокихъ сортовъ, такъ какъ русскія вина уже успѣли вытѣснить дешевыя иностранныя, то же безусловно относится къ разнаго рода издѣліямъ и въ особенности къ разнымъ тканямъ; „вообще при высокихъ пошлинахъ привозъ дешевѣйшихъ товаровъ становится безвыгоднымъ и потому усиленіе (относительное) привоза болѣе цѣнныхъ товаровъ прямо вызывается всякимъ повышеніемъ таможенныхъ пошлинъ“. Наши фискальныя и охранительныя пошлины подняли среднюю цѣнность пуда всѣхъ вообще привозимыхъ товаровъ со 105,7 мет. коп. въ 1887 году до 107,4 мет. коп. въ 1888 г. и до 120,8 мет. коп. въ 1889 г.

На увеличеніе привоза вліяли въ совокупности: хорошіе урожаи 1887 и 1888 гг., подъемъ денежнаго курса, успѣхи нашей обрабатывающей промышленности и нѣкоторыя временныя, совершенно исключительныя, обстоятельства.

Увеличеніе привоза косъ, серповъ, молотилокъ и др. сельскохозяйственныхъ орудій и машинъ—прямое слѣдствіе двухъ подъ-рядъ удовлетворительныхъ урожаевъ. Къ тому же, благо-

[1]) Департаментъ таможенныхъ сборовъ ссылается въ доказательство на таблицы среднихъ цѣнъ, составленныя Зауербекомъ (Journal of the Royal Statistical Society, 1890, March, p.p. 144—145).

*

даря улучшенію курса, цѣна на иностранныя машины въ Россіи понизилась, что̀ не мало должно было способствовать пріобрѣтенію ихъ сельскими хозяевами, особенно при недостаточномъ развитіи у насъ самихъ производства земледѣльческихъ орудій, дороговизны изготовленія и доставки нѣкоторыхъ сложныхъ машинъ, иногда же и плохаго ихъ качества.

Средній курсъ кредитнаго рубля, почти безъ колебаній повышающійся нынѣ, уже въ 1883 г. превзошелъ средніе курсы за всѣ предшествовавшіе ему восемь лѣтъ, т. е. начиная съ 1881 г., а это, само собою разумѣется, не могло не усилить потребленія продуктовъ, вовсе не производящихся въ странѣ или превосходящихъ, по качеству, мѣстныя произведенія.

По справедливому замѣчанію таможеннаго вѣдомства, непрекращающееся усиленіе привоза шерсти, кислотъ, инструментовъ, разныхъ паровымъ двигателей и проч. можетъ служить указаніемъ на прогрессивное развитіе русской промышленности.

Возростаніе привоза каменнаго угля по черноморской границѣ послѣ 1887 года обратило на себя, въ свое время, всеобщее вниманіе. Благодаря установленію таможенной пошлины въ 3 коп. зол. съ пуда, привозъ каменнаго угля по названной границѣ не превзошелъ за 1887 г. 3.332.000 пуд., но уже въ слѣдующемъ 1888 г. онъ превысилъ 15 мил. пуд., а въ 1889 г.— 18,4 милл. пуд. Совершенно исключительныя и временныя обстоятельства были тому причиною: во-первыхъ, неурядица въ снабженіи углемъ юга Россіи (въ особенности Одессы), причинившая необыкновенное его вздорожаніе; во-вторыхъ, паденіе цѣнъ на каменный уголь въ Нью-Кэстлѣ.

Въ числѣ товаровъ иностраннаго происхожденія, успѣшно вытѣсняемыхъ на русскихъ рынкахъ товарами мѣстнаго производства, нельзя не отмѣтить поваренной соли, привозъ которой съ 11,4 милл. пуд. за 1881 г. сократился до 0,7 милл. пуд. въ 1888 г. и до 1,4 милл. пуд. въ 1889 году, что̀ несомнѣнно свидѣтельствуетъ о развитіи нашихъ соляныхъ промысловъ. И дѣйствительно: добыча соли въ 1881 году не превышала 50,7 пуд., а за 1887 г. она достигла 70,6 милл. пуд. Превышеніе это значительнѣе уменьшенія цифры ввоза иностранной соли, стало быть, за послѣднее десятилѣтіе, потребленіе соли въ Россіи должно было увеличиться.

Постепенно падаетъ и цифра привоза сыру и табаку, что̀

также объясняется не уменьшеніемъ потребленія, а вытѣсненіемъ иностранныхъ продуктовъ русскими.

Мы не можемъ входить въ дальнѣйшее разсмотрѣніе интересныхъ и поучительныхъ данныхъ таможеннаго отчета, освѣщенныхъ многими сопоставленіями цифръ, разсчетами и выводами, но и сказаннаго нами достаточно, кажется, для обрисовки въ общихъ и главныхъ чертахъ того положенія, въ какомъ находится нынѣ наша внѣшняя торговля въ связи съ производительными силами страны и въ тѣсной зависимости отъ уровня ея промышленнаго развитія, отъ степени и способовъ разработки ея естественныхъ богатствъ, духа предпріимчивости и трудовой энергіи народа. Таможенная политика играетъ несомнѣнно важную роль въ успѣхахъ и направленіи этой торговли къ выгодѣ государства и народа, но сфера ея вліянія ограничена: внутреннее промышленное благоустройство, умѣлое пользованіе дарами природы, наиболѣе производительное примѣненіе труда, словомъ сказать, техническія и соціальныя условія производства находятся внѣ этой сферы, а потому было бы крайне неосновательно требовать отъ таможенной политики устраненія такихъ золъ торговли, которыя коренятся въ отсутствіи порядка (примѣромъ могутъ служить наши желѣзнодорожныя неурядицы и неудовлетворительное состояніе водныхъ путей сообщенія), въ косности (сказывающейся, между прочимъ, въ неразвитости сельско-хозяйственнаго машиностроенія) и въ хищничествѣ (на которое мы указали въ торговлѣ лѣсомъ). Высокія таможенныя пошлины, какъ мы видѣли, вытѣсняютъ дешевые иностранные товары, но онѣ не останавливаютъ привоза товаровъ высокихъ сортовъ и даже прямо способствуютъ увеличенію этого привоза. Даже болѣе: онѣ задерживаютъ техническія усовершенствованія, покровительствуя сбыту плохой доморощенной дешевки. Такъ же точно никакія охранительныя пошлины не въ состояніи восполнить недостатокъ правильно организованнаго промышленнаго кредита и при его отсутствіи легко порождаютъ монополіи въ производствѣ и торговлѣ, а монополисты не только собираютъ дань съ потребителей, но угнетаютъ и самый трудъ.

Рядомъ охранительныхъ мѣръ нашъ торговый балансъ приведенъ, можно сказать, въ блестящее состояніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, таможенные сборы служатъ крупнымъ источникомъ государственнаго дохода. Дальнѣйшее упорядоченіе нашей внѣшней торговли и ея возможное развитіе зависятъ, по на-

шему мнѣнію, не столько отъ пересмотра таможенныхъ тарифовъ (необходимыя поправки, разумѣется, всегда полезны), сколько отъ нашего внутренняго экономическаго благоустройства, отъ прямой созидательной работы въ области промышленныхъ производствъ, отъ умѣнія пользоваться дарами природы и располагать своими силами, отъ степени напряженности организаціонныхъ способностей и энергіи правительства и общества, наконецъ, отъ собственной самодѣятельности торговыхъ предпринимателей [1]).

Въ области долгосрочнаго кредита произошло важное событіе: такъ называемый золотой банкъ ликвидируетъ свои дѣла и передаетъ ихъ въ вѣдѣніе государственнаго дворянскаго земельнаго банка. Судьба общества взаимнаго поземельнаго кредита рѣшена еще 16 апрѣля постановленіемъ общаго собранія его заемщиковъ, которые признали невозможность самостоятельнаго существованія общества, не смотря на недавно произведенную конверсію его металлическихъ листовъ,—а также на значительную, въ послѣднее время, высоту курса кредитнаго рубля и на вѣроятность его дальнѣйшаго повышенія въ ближайшемъ будущемъ. Повышеніе курса важно тѣмъ именно, что послѣ конверсіи и при обязательномъ платежѣ по 6 р. 90 коп. кредитныхъ съ каждой сотни первоначальной металлической ссуды, улучшенный курсъ даетъ возможность не только уравновѣсить срочными платежами заемщиковъ платежи общества по его металлическимъ обязательствамъ, но и образовать еще значительные остатки, которые подлежатъ обращенію въ срочные платежи заемщиковъ, т. е. понизятъ эти платежи [2]). Уже при среднемъ курсѣ 140 кред. коп. за 1 золотой рубль получается избытокъ въ 1.037.000 кред. рублей, слѣдовательно, общая сумма срочныхъ платежей заемщиковъ (8.340.000 кред. р.) можетъ быть уменьшена на 12,43% или почти на 86 коп. съ каждой сотни первоначальной ссуды, такъ что заемщикъ, вмѣсто 6 р. 90 коп., платилъ бы всего 6 р. 4 коп., если же курсъ кредитнаго рубля удержится на нынѣшней высотѣ (138), то срочный платежъ опустится ниже 6 р. въ годъ. При такихъ обстоятельствахъ, металлическіе заем-

---

[1]) Можемъ отмѣтить какъ отрадное явленіе, что на-дняхъ, въ Петербургѣ, образовалось товарищество для внѣшней торговли.

[2]) См. нашу статью „Преобразованіе долга общ. вз. поз. кред.“ въ февр. книжкѣ „Русск. Вѣстн.“ за 1888 г.

щики общества взаимнаго кредита могли бы желать только одного: чтобы правительство списало со счетовъ долгъ общества по займу 1884 г. и за израсходованный имъ на конверсію, принадлежащій казнѣ, запасный капиталъ въ 3.451.300 р. металл. и 1.000.000 кред. р., съ наросшими на этотъ капиталъ за два года процентами,—всего 6 милл. р.,—ибо впредь до погашенія означеннаго долга остатки отъ срочныхъ платежей не могутъ быть употреблены на уменьшеніе послѣднихъ. Въ помощь 7.000-мъ семействъ [1]) землевладѣльцевъ, заложившихъ свои имѣнія въ „золотомъ банкѣ“, государство тѣмъ съ большею готовностію могло бы принести подобную жертву, что заемщики общества поставлены были въ крайне тяжелое положеніе единственно разстройствомъ нашей денежной системы, въ чемъ не они повинны. Но дѣло рѣшено нѣсколько иначе, и рѣшено, кажется, окончательно. По крайней мѣрѣ, одна изъ столичныхъ газетъ объявила, что „вопросъ объ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита перешелъ съ субботы 12 мая въ область фактовъ совершившихся“.

Съ 1-го іюля прекращается дѣятельность всѣхъ исполнительныхъ и распорядительныхъ органовъ общества, но его правленію дается по 1-ое ноября время для составленія отчета за 1889—1890 операціонный годъ. Все имущество общества, всѣ его дѣла и счеты сдаются дворянскому банку, въ составѣ котораго учреждается, для дальнѣйшаго завѣдыванія ими, особый отдѣлъ, штаты коего подлежатъ утвержденію въ законодательномъ порядкѣ. Долги общества правительству единовременно погашаются, изъ суммъ выигрышнаго займа, дворянскимъ банкомъ и возмѣщаются сему послѣднему изъ будущихъ прибылей „особаго отдѣла“, т. е., главнымъ образомъ, изъ суммъ, остающихся отъ взносовъ заемщиковъ за уплатою срочныхъ купоновъ и погашенія по закладнымъ листамъ и за покрытіемъ текущихъ расходовъ по управленію. На позаимствованныя дворянскимъ банкомъ, для разсчетовъ съ казною, суммы выигрышнаго займа, впредь до ихъ возврата изъ доходовъ особаго отдѣла, начисляется, несложнымъ порядкомъ, $4^1/_2$% годовыхъ.

Годовые платежи заемщиковъ ликвидированнаго общества

[1]) Вѣроятно, по недосмотру корректора, въ брошюрѣ г. М—ѣева „Золотой банкъ и его судьба“, довольно вѣрно изображающей прошлое этого банка, цифра его заемщиковъ исчислена въ „700 тысячъ (!) семействъ“ (предисл., стр. II).

опредѣляются въ 7 р. 15 коп. съ сотни металлической ссуды, но потомственнымъ дворянамъ, которые обяжутся не продавать имѣній лицамъ другихъ сословій или продавать подъ условіемъ возврата ссуды въ пятилѣтній срокъ, дается еще премія въ 25 коп., такъ что платежи ихъ ограничиваются 6 р. 90 коп. въ годъ. Сумма металлическихъ ссудъ, съ которой будутъ взиматься платежи, исчисляется впредь въ размѣрѣ *остатка капитальнаго долга* (на 1 іюля 1890 г.?), а всѣ дополнительные долги заемщиковъ разнымъ капиталамъ и по уплатѣ курсовыхъ разницъ за прежнее время (составлявшіе 8 р. 63 коп. на сотню первоначальной ссуды) окончательно списываются съ лицевыхъ счетовъ. Краткосрочныя ссуды могутъ быть либо погашены, либо обращены въ долгосрочныя. „Предусмотрѣна возможность дальнѣйшаго облегченія платежей", говоритъ газета, изъ которой мы заимствуемъ приводимыя свѣдѣнія, но, вѣроятно, эта возможность наступитъ не ранѣе окончательной уплаты дворянскому банку суммы, позаимствованной имъ изъ выигрышнаго займа для погашенія упомянутаго выше долга казнѣ.

Досрочное погашеніе ссудъ установлено на будущее время $4^1/_2$ % металлическими листами по ихъ нарицательной цѣнѣ, звонкою монетою или по курсу ея кредитными билетами, а также кредитными билетами, независимо отъ курса, по разсчету такъ называемаго ануитета, т. е. капитализаціи годоваго платежа изъ $4^1/_2$ % въ порядкѣ, установленномъ Высочайше утвержденнымъ 15 мая 1887 г. положеніемъ особаго комитета [1]). Если заемщикъ производитъ досрочное погашеніе неконвертированными 5-типроцентными листами общества, то принимается въ платежъ, рубль за рубль, и квитанція на принадлежащую ему долю въ складочномъ капиталѣ.

Всѣ правила и законоположенія, касающіяся кредитныхъ ссудъ, остаются безъ измѣненій.

Разрѣшается государственному дворянскому банку и частнымъ земельнымъ банкамъ выдавать дополнительныя ссуды подъ имѣнія бывшихъ заемщиковъ общества взаимнаго поземельнаго кредита, но съ тѣмъ, что долгъ по ранѣе выданной подъ имѣніе металлической ссудѣ, за которымъ сохраняется право преимущественнаго взысканія, долженъ быть опредѣленъ въ кредитныхъ рубляхъ. Частнымъ земельнымъ банкамъ предоставлена возможность производить подобныя операціи

[1]) См. цитированную статью въ „Русскомъ Вѣстникѣ", стр. 264.

потому, вѣроятно, что дворянскій банкъ не можетъ выдавать новыя ссуды лицамъ, не принадлежащимъ къ сословію потомственныхъ дворянъ, а между тѣмъ для многихъ изъ нихъ было бы большимъ облегченіемъ освободиться отъ долговъ по вторымъ закладнымъ, выданнымъ на имя частныхъ капиталистовъ. Освобождая бывшихъ заемщиковъ общества отъ необходимости обращаться къ услугамъ ростовщиковъ, дворянскій банкъ тѣмъ самымъ въ значительной мѣрѣ обезпечиваетъи справность платежей своихъ новыхъ кліентовъ,—помогая имъ, охраняетъ свои собственные интересы и, конечно, упрочиваетъ важное для государства и народнаго хозяйства дѣло долгосрочнаго кредита на правильныхъ основаніяхъ.

Существенныя улучшенія въ нашей системѣ государственнаго кредита въ свою очередь были предметомъ общественнаго вниманія и возбудили даже противорѣчивые толки въ печати. Произведенное въ теченіе 16 мѣсяцевъ, съ ноября 1888 по мартъ 1890 г., преобразованіе пятипроцентнаго государственнаго долга въ четырехпроцентный вызвало не однѣ только похвалы умѣнію финансоваго вѣдомства пользоваться обстоятельствами для пониженія срочныхъ платежей государственнаго казначейства. Нашлись математики, взявшіе на себя трудъ доказать ариѳметическими выкладками невыгодность подобныхъ финансовыхъ операцій. Дѣло въ томъ, что, вслѣдствіе заключенія новыхъ займовъ на 81 годъ, тогда какъ прежніе, нынѣ конвертированные, займы подлежали окончательному погашенію въ промежутокъ времени между 1902 и 1966 годами, государственному казначейству предстоитъ болѣе продолжительный платежъ. И если сложить всѣ уменьшенные срочные платежи, за 81 годъ, по новымъ займамъ и полученную сумму сравнить съ суммою всѣхъ оставшихся до окончательнаго срока погашенія платежей по займамъ конвертированнымъ, то окажется, что казна, благодаря конверсіямъ, израсходуетъ, въ общей сложности, больше денегъ. Справедливо-де, что въ настоящее время, вслѣдствіе преобразованія пятипроцентныхъ фондовъ въ четырехпроцентные, сокращеніе расходовъ по смѣтѣ системы кредита достигаетъ 7,5 милл. рубл. золот. [1]); но такой раз-

[1]) На уплату процентовъ и погашенія по старому пятипроцентному долгу (остававшемуся въ размѣрѣ 681.560.570 р. золот. капитальной суммы требовалось 39.868.360 р. зол., а теперь, на соотвѣтственные платежи по новому четырехпроцентному долгу (чистая выручка отъ реализаціи 680.856.848 р. золот.), расходуется всего 32.327.112 рубл. золотомъ.

мѣръ бюджетнаго сбереженія продолжится безусловно лишь до 1902 г., когда долженствовало наступить окончательное погашеніе одного изъ англоголландскихъ займовъ, нынѣ отсроченное. Потому что сдѣлана пересрочка капитальнаго долга, съ 1902 года сумма сбереженія начнетъ постепенно уменьшаться и составитъ въ 1914 г. всего 1,5 милл. рубл. мет.; съ 1915 г., вслѣдствіе долженствовавшаго быть погашенія англоголландскихъ займовъ и 5% внѣшняго займа 1877 г., сбереженіе перейдетъ въ убытокъ, размѣръ котораго съ 2,6 милл. рублей, въ теченіе восьмилѣтія 1915—1922 гг. увеличится до 27,5 милл. рубл. золот. ежегодно въ промежутокъ времени съ 1966 по 1969 г.; въ 1970 г., за погашеніемъ части новыхъ займовъ, убытокъ уменьшится до 22,9 милл. рубл. золотомъ. Яснѣе: бюджетныя сбереженія, достигнутыя преобразованіемъ пятипроцентнаго внѣшняго долга въ четырехпроцентный посредствомъ новыхъ займовъ на 81 годъ, съ теченіемъ времени переходятъ въ убытокъ, и вся эта блистательная финансовая операція оказывается на повѣрку невыгодною, ибо сумма, получаемая отъ капитализаціи убытковъ въ послѣдніе 56 лѣтъ платежа по новымъ займамъ, превышаетъ сумму, получаемую отъ капитализаціи сбереженій въ первые 25 лѣтъ. Остроумнымъ математикамъ возразили, что сравненіе вообще умѣстно лишь въ отношеніи величинъ однородныхъ,—невозможно-де сравнивать между собою разныя монетныя единицы, если предварительно не указать на внутреннее ихъ достоинство; для правильной оцѣнки результатовъ, достигнутыхъ произведенною конверсіей 5% внѣшняго долга, необходимо разсмотрѣть, что было бы, еслибы, не прибѣгая къ выпуску 4% займовъ, т. е. не дѣлая собственно конверсій, финансовое вѣдомство ограничилось лишь пересрочкою 5% внѣшнихъ займовъ на 81 годъ, т. е. на тотъ же срокъ, на который заключены новые 4% займы. Только при такой постановкѣ вопроса можно судить о выгодности или невыгодности конверсій, такъ какъ 5% и 4% займы, съ разными сроками погашенія, будучи приведены къ одному знаменателю, т. е. къ одинаковому сроку погашенія, дѣлаются уже величинами однородными, вполнѣ соизмѣримыми [1]).

Сдѣлавъ соотвѣтственныя выкладки, получимъ 34.946.615 р. золот. ежегоднаго платежа на остатокъ пятипроцентнаго долга (681.560.570 р. золот.), разсроченный на 81 годъ, а такъ какъ

[1]) „Нов. Время“ № 5089 и „Гражданинъ“ № 126.

этотъ остатокъ погашенъ полностію выручennыми суммами (всего 680.856.848 р. золот.) отъ новыхъ 4% займовъ съ небольшою приплатою (въ размѣрѣ 703.722 р. золот.) изъ наличныхъ средствъ государственнаго казначейства, и по всѣмъ этимъ займамъ приходится платить ежегодно въ теченіе 81 года лишь 32.327.112, да 35.853 р. за добавочную сумму, выданную изъ государственнаго казначейства [1]), всего 32.362.965 р. золотомъ, то очевидно, что произведенныя конверсіи, т. е. преобразованіе пятипроцентнаго государственнаго долга въ четырехпроцентный выгоднѣе простой пересрочки перваго, и что размѣръ выгоды опредѣляется разностью между платежами по пятипроцентнымъ фондамъ, разсроченнымъ на 81 годъ, и суммою обязательныхъ платежей по новому четыхпроцентному долгу, а эта разность равна 2.583.650 р. золотомъ. Капитализація послѣдней суммы изъ 5%, съ погашеніемъ въ 81 годъ, даетъ 50.680.046 р. зол., что при нынѣшнемъ курсѣ (138 кред. коп. за 1 золотой рубль) составитъ безъ малаго 70 милл. кредитныхъ рублей: таковъ капиталъ, дѣйствительно сбереженный государству конверсіями 1888—1890 гг.

Едва-ли основательно и предположеніе, что конверсіи произведены за счетъ будущихъ поколѣній. Нужды нѣтъ, что этимъ поколѣніямъ придется приплатить съ 1915 до 1970 г. включительно болѣе, чѣмъ будетъ сбережено съ 1890 по 1914 г. включительно. Сбереженія первыхъ 25-ти лѣтъ, оставаясь въ народѣ или давая возможность усиливать производительныя затраты государства, создаютъ лучшія условія жизни для будущихъ поколѣній. Затрата сбереженій на усиленную разработку природныхъ богатствъ, на техническія улучшенія, устройство дорогъ, портовъ, каналовъ, школъ и т. д. кладетъ прочную основу благосостоянія именно будущихъ поколѣній, которыя воспользутся плодами трудовъ нашего времени. Если ожиданіями пользы въ будущемъ оправдываются всякіе производительные займы, то тѣмъ паче должна быть свободна отъ нареканій финансовая мѣра, которая открываетъ источникъ для производительныхъ затратъ въ ежегодномъ сбереженіи расходовъ по системѣ государственнаго кредита. Нельзя не замѣтить еще, что съ увеличеніемъ народонаселенія бремя обязательныхъ платежей по ранѣе заключенному государственному

[1]) Предполагается, что упомянутые 703.722 р. для приплаты казначейства тоже заняты, и притомъ не изъ 4-хъ, а изъ 5-ти процентовъ.

займу распредѣляется между бо́льшимъ числомъ лицъ и, слѣдовательно, облегчается для каждаго плательщика податей въ отдѣльности и для всей ихъ совокупности. Наконецъ, будущія поколѣнія могутъ, въ свою очередь, при благопріятныхъ условіяхъ денежнаго рынка и прочности государственнаго кредита, дѣлать пересрочки и понижать проценты, доводя такимъ образомъ расходы государственнаго казначейства по системѣ кредита до возможнаго минимума. Конверсіи 1888 — 1890 гг. расчистили имъ путь въ этомъ направленіи: онѣ подняли реализаціонную [1]) и биржевую цѣну нашихъ фондовъ, установили болѣе выгодныя для насъ монетные паритеты [2]) и ослабили нашу финансовую зависимость отъ Берлина, открывъ для сбыта нашихъ цѣнностей богатый французскій рынокъ.

Въ настоящее время преобразованіе государственнаго внѣшняго пятипроцентнаго долга въ четырехпроцентный можетъ считаться законченнымъ, ибо первый и второй голландскіе займы не подлежатъ никакимъ измѣненіямъ по условіямъ выпуска облигацій сихъ займовъ, а конверсія пятипроцентныхъ облигацій Харьково-Кременчугскаго участка Харьково-Николаевской ж. д. не могла бы дать существенныхъ результатовъ по незначительности этого долга.

На ближайшей очереди стоитъ выкупъ шестипроцентной золотой ренты.

Въ нашемъ журналѣ своевременно было сообщено, въ отдѣлѣ внутренняго обозрѣнія и въ особой статьѣ К. Ф. Ордина [3]), объ открытіи въ Петербургѣ дѣятельности трехъ комитетовъ подъ предсѣдательствомъ финляндскаго генералъ-губернатора графа Гейдена. Комитетамъ этимъ было Высочайше повелѣно „выработать проекты для приведенія таможенной, монетной и почтовой части въ Великомъ Княжествѣ въ сообразность съ системою соотвѣтствующихъ учрежденій въ Имперіи“. По свѣдѣніямъ газетъ, вопросъ объ объединеніи финляндскихъ почтовыхъ учрежденій съ русскими окончательно рѣшенъ въ среду 16-го мая. Постановлено: почтовое вѣдомство Финляндіи под-

---

[1]) Новые 4% внѣшніе займы реализованы, въ среднемъ, по 87,8 за 100 $\left(\frac{680.856.848}{775.498.000} = 0{,}878.\right)$

[2]) 125 р. зол.=19 ф. ст. 15 шилл. 6 пенс.=404 марк., вмѣсто прежнихъ: 125 р. зол.=20 ф. ст.=410 марокъ.

[3]) См. март. кн. „Русск. Вѣстн.“ за текущій годъ.

чиняется главному управленію почтъ и телеграфовъ; главный директоръ почтовыхъ учрежденій Финляндіи назначается Высочайшею властью по представленію министра внутреннихъ дѣлъ, который по этому предмету входитъ въ предварительное соглашеніе съ финляндскимъ генералъ-губернаторомъ; названныя почтовыя учрежденія руководствуются тѣми инструкціями и правилами, какія будутъ даны имъ отъ главнаго управленія почтъ и телеграфовъ, этому же управленію предоставляется производить ревизію почтовыхъ учрежденій Финляндіи; служащіе въ финляндскихъ почтовыхъ учрежденіяхъ обязательно должны владѣть русскимъ языкомъ; для оплаты почтовой корреспонденціи въ Финляндіи обязательно употребляются почтовые знаки, обращающіеся во всей Имперіи. Такимъ образомъ состоялась отмѣна почтовой автономіи Финляндіи.

Не странно ли, что въ провинціи русскаго государства, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ его столицею и въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нею, могутъ существовать должностныя лица, для которыхъ не обязательно знаніе русскаго языка? Почтовое вѣдомство Финляндіи уже вынуждено отказаться на будущее время отъ такой удивительной прерогативы своихъ служащихъ, за нимъ, вѣроятно, послѣдуетъ и вѣдомство таможенное, а тамъ сами же финляндцы поймутъ, наконецъ, что основательное обученіе русскому языку станетъ настоятельною необходимостью для ихъ молодаго поколѣнія, для котораго, въ противномъ случаѣ, закроется путь къ службѣ во многихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Наше правительство не стремится къ замѣщенію должностей въ княжествѣ уроженцами другихъ мѣстъ, но ему ничего болѣе не останется, какъ прибѣгнуть къ этой крутой мѣрѣ, если финляндцы, несмотря на даваемыя имъ предостереженія, не придутъ къ сознанію, что, занимая должности въ своихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ, они служатъ русскому государству, а потому должны удовлетворять кореннымъ условіямъ государственной службы, къ числу коихъ относится и знаніе государственнаго (т. е. русскаго) языка.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Тейфенбахъ въ Штиріи, 20 мая (1 іюня) 1890 г.

Сессія вновь избраннаго нѣмецкаго Рейхстага открыта императорскою рѣчью, содержащею перечисленіе предстоящихъ ему трудовъ.

Всего болѣе мѣста отведено въ ней внутреннимъ вопросамъ и въ частности цѣлому ряду новыхъ законовъ, признанныхъ „неотложными“ и направленныхъ къ улучшенію быта и положенія рабочихъ. Назначеніе ихъ—дать удовлетвореніе тѣмъ изъ притязаній рабочаго сословія, которыя представляются справедливыми и совмѣстимыми съ существующимъ въ Германіи государственнымъ строемъ. Въ этомъ отношеніи проекты имперскаго правительства идутъ гораздо далѣе пожеланій недавней Берлинской международной конференціи, въ той надеждѣ, что нѣмецкіе рабочіе удовольствуются ими и откажутся отъ требованій чрезмѣрныхъ и неисполнимыхъ. Въ противномъ случаѣ, заявилъ Вильгельмъ II, всякая попытка съ ихъ стороны нарушить законный порядокъ будетъ подавлена съ непоколебимою твердостью.

Утвержденіе мира на прочныхъ основаніяхъ провозглашается молодымъ германскимъ императоромъ главною цѣлью всѣхъ его усилій. Средствами къ ея достиженію онъ считаетъ сохраненіе союзовъ, заключенныхъ Германіею для своей защиты, и поддержаніе дружественныхъ отношеній съ иностранными правительствами. Но все же надежнѣйшее ручательство мира усматриваетъ онъ въ развитіи военныхъ силъ нѣмецкой имперіи.

„Всякое измѣненіе, въ относительномъ могуществѣ государствъ“ – исповѣдуетъ Вильгельмъ II,—„грозитъ опасностью политическому равновѣсію“, другими словами, настоящее поли-

тическое положеніе Европы представляется ему вполнѣ удовлетворительнымъ и не подлежащимъ какимъ-либо перемѣнамъ. Германія, достигнувъ полнаго осуществленія своихъ національныхъ задачъ и стремленій, не признаетъ того же права за другими народами. Довольная своимъ преобладаніемъ среди прочихъ европейскихъ государствъ, она намѣрена сохранить его за собою и становится на стражѣ международнаго status quo столь для нея благопріятнаго.

Но если другія державы, не раздѣляя такого односторонняго мнѣнія, пожелаютъ выйдти изъ зависимаго положенія, въ которое поставило ихъ чрезмѣрное усиленіе Пруссіи, разросшейся въ могущественную Германскую имперію, являющуюся только по виду союзомъ государствъ, а въ дѣйствительности управляемую единымъ умомъ и единою волею главы имперіи, императора; если онѣ сознаютъ потребность дать миру Европы болѣе устойчивыя ручательства, чѣмъ обильное въ словѣ, но далеко еще недоказанное на дѣлѣ миролюбіе наслѣдника Гогенцоллерновъ; если, наконецъ, онѣ откажутся признать начало равновѣсія въ перевѣсѣ одной державы надъ всѣми прочими? Въ такомъ случаѣ на нихъ будутъ обращены соединенныя силы Германіи и ея союзниковъ. Не слѣдуетъ ли изъ этого однако, что подъ охраною всеобщаго мира нѣмецкій императоръ въ сущности разумѣетъ ни что иное, какъ утвержденіе собственнаго преобладанія въ Европѣ на вѣки вѣковъ?

А пока европейскія государства обречены на неподвижность, Германія станетъ настойчиво и безпрепятственно распространять свою власть въ другихъ частяхъ свѣта, на первый разъ въ Восточной Африкѣ, но и тамъ хищническія цѣли, земельные захваты прикрываются благовидными предлогоми: преслѣдованіемъ торговли рабами, содѣйствіемъ торжеству цивилизаціи.

Такова программа внѣшней политики Вильгельма II, возвѣщенная собственными его устами представителямъ нѣмецкаго народа. Еслибы она была искренно миролюбива, то не зачѣмъ, казалось бы, прибѣгать къ новымъ вооруженіямъ. Мира одинаково жаждутъ всѣ правительства и всѣ народы. Никого изъ нихъ не требуется принуждать къ миру силою. Но въ томъ-то и дѣло, что охрана мира въ Европѣ и насажденіе гражданственности въ Африкѣ суть не болѣе, какъ предлоги для прикрытія видовъ, внушаемыхъ преемственнымъ и безмѣрнымъ честолюбіемъ берлинскаго двора. Отсюда необходимость под-

держать ихъ вооруженною рукою, влекущая за собою крайнее напряженіе боевыхъ средствъ имперіи. Недостаточно поддерживать нѣмецкую армію на прежней внушительной высотѣ: нужно расширить кадры, увеличить наличность не только военнаго, но и мирнаго времени; словомъ, необходимо довести армію до такого состоянія, чтобы она обезпечивала за Германіей численный перевѣсъ надъ арміями всѣхъ прочихъ великихъ державъ.

И вотъ, на обсужденіе нѣмецкаго Рейхстага представленъ законопроектъ, предлагающій увеличить численность арміи въ мирное время на 18.574 человѣка, съ ассигнованіемъ на этотъ предметъ лишнихъ 18 милліоновъ марокъ въ годъ, всего же съ прочими чрезвычайными расходами на 31 милліонъ болѣе, чѣмъ въ предшедшіе годы.

Но это еще не все. Военный министръ, генералъ Верди дю-Вернуа, съ чисто солдатскою откровенностью объявилъ, что это только первый шагъ по пути, вступивъ на который, нѣмецкое военное вѣдомство непремѣнно дойдетъ до конца. Предполагается со временемъ включить въ ряды арміи всѣхъ нѣмцевъ, обязанныхъ нести военную службу, безъ малѣйшаго исключенія, что повлечетъ за собою усиленіе мирнаго состава арміи уже не на 18.000, а на 55.000 человѣкъ. Вожакъ свободомыслящей партіи, Рихтеръ, вычислилъ, что полное осуществленіе выработаннаго военнымъ министерствомъ плана выразится черезъ десять лѣтъ въ слѣдующихъ цифрахъ: численный составъ арміи въ мирное время, вмѣсто нынѣшнихъ 468.000 человѣкъ, дойдетъ до 1.032.000, въ военное время—вмѣсто нынѣшнихъ 3.350.000 человѣкъ—6.566.000; военный бюджетъ возрастетъ до 970.000.000 марокъ ежегодно, не считая единовременныхъ чрезвычайныхъ затратъ въ два милліарда.

Защитникомъ этого колоссальнаго плана, предъ которымъ нѣмѣетъ воображеніе, выступилъ въ Рейхстагѣ престарѣлый фельдмаршалъ Мольтке, согласно обычаю, усвоенному всѣми нѣмецкими государственными людьми, искавшій доказать его настоятельную необходимость ссылкою на вооруженія сосѣдей со стороны Запада и Востока, какъ будто не Пруссіи принадлежитъ починъ введенія всеобщей воинской повинности въ Европѣ. Военный министръ пошелъ еще далѣе, заявляя, что Германія должна дать своимъ вооруженнымъ силамъ такое развитіе, чтобы другія державы лишены были возможности обогнать, ниже догнать ее. Ни тотъ, ни другой, какъ будто и

не подозрѣваютъ, что подобное чудовищное приращеніе боевыхъ средствъ имперіи, если и обезпечитъ Германію отъ опасности нападенія, то въ то же время подвергнетъ этой самой опасности всѣ сопредѣльныя съ нею страны.

Дабы разсѣять довольно естественное опасеніе „безпокойныхъ и недовѣрчивыхъ сосѣдей", новый имперскій канцлеръ, генералъ Каприви, счелъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько успокоительныхъ заявленій. По поводу недавно появившейся въ Берлинѣ брошюры: *Videant consules*, онъ отрицалъ проповѣдуемыя авторомъ ея онѣмеченіе славянъ и распространеніе владычества Германіи на все балтійское побережье. Но вѣдь стремленіе нѣмцевъ на Востокъ—историческое явленіе, дѣйствующее въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, совершенно независимо отъ произвола государственныхъ людей Германіи, явленіе стихійное, зародившееся задолго до генерала Каприви и которое, конечно, переживетъ его, а потому мы въ полномъ правѣ отвѣтить ему, что, при всей искренности завѣренія его, территоріальное безкорыстіе Германіи—не болѣе, какъ *слова-слова-слова*! тогда какъ потребованные отъ Рейхстага кредиты—*мечи-мечи-мечи*! И неужели намъ, русскимъ людямъ, непозволено усвоить разсужденіе, которымъ фельдмаршалъ Мольтке заключилъ такъ убѣдительно послѣднюю рѣчь свою: „миролюбивыя заявленія иностранныхъ правительствъ имѣютъ, конечно, очень высокую цѣну; но безопасность свою можемъ мы обрѣсти только въ самихъ себѣ".

Убѣжденіемъ этимъ вполнѣ прониклась современная Франція, спокойно, безъ шума и задора, но твердо и неуклонно совершающая преобразованіе военныхъ силъ своихъ. Совершенно справедливо замѣтилъ въ рѣчи, произнесенной въ Бордо, президентъ палаты депутатовъ, г. Флокэ, что главная задача правительства республики можетъ считаться осуществленною. Тому назадъ двадцать лѣтъ, послѣ роковаго разгрома 1870—71 годовъ, она выражалась въ двухъ словахъ: образованіе народа и вооруженіе его. Нынѣ всѣ французы обучены грамотѣ, народное просвѣщеніе широкою струею разлилось по странѣ, и Франція обладаетъ арміею, несравненно многочисленнѣйшею и сильнѣйшею, чѣмъ та даже, которою располагали Людовикъ XIV, Конвентъ и Наполеонъ, не говоря уже о Реставраціи, іюльской монархіи или второй имперіи. Неутомимый организаторъ, нынѣшній военный министръ, г. де-Фрейсинэ, завершилъ на дняхъ ея переустройство приня-

тіемъ мѣры, необходимость которой давно была сознана высшими военными авторитетами: назначеніемъ безсмѣннаго начальника главнаго штаба всѣхъ французскихъ войскъ, который при объявленіи войны становится начальникомъ главнаго штаба совокупности дѣйствующихъ армій. Призваніе на этотъ важный отвѣтственный постъ самаго дѣятельнаго и способнаго изъ французскихъ военачальниковъ, генерала Мирибеля, дѣлаетъ большую честь независимости образа мыслей и воинской прозорливости „гражданскаго" военнаго министра республики.

Не менѣе превосходнаго состоянія войска содѣйствуетъ возростанію международнаго значенія Франціи внутреннее замиреніе страны. Страсти улеглись и успокоились, смута и раздоръ если не вполнѣ исчезли, то все же не проявляются болѣе въ буйныхъ нарушеніяхъ общественнаго порядка, въ отчаянныхъ попыткахъ къ насильственному ниспроверженію государственнаго строя. Зловѣщій призракъ буланжизма, болѣе двухъ лѣтъ тяготѣвшій надъ Франціей, разсѣялся, не оставя и слѣда. Правительство обрѣло, съ давно небывалою устойчивостью, твердость и энергію, необходимыя принадлежности власти. Президентъ республики, въ путешествіяхъ по различнымъ областямъ, пожинаетъ плоды своихъ примирительныхъ посѣвовъ. Всюду населеніе заявляетъ ему сочувствіе, восторженно привѣтствуетъ его.

Немудрено, что всѣ эти признаки возрожденія отечества вызываютъ снова во французахъ самоувѣренность, утраченную ими со временъ злополучной войны, и которая проявляется въ образѣ дѣйствій дипломатіи, въ настроеніи политическихъ дѣятелей, въ тонѣ и рѣчахъ различныхъ органовъ печати. На дняхъ въ Парижѣ раздался даже голосъ, прямо требующій возсоединенія съ Франціей отторженныхъ отъ нея нѣмцами Лотарингіи и Эльзаса.

Требованіе это изложено въ брошюрѣ, озаглавленной: „Необходимая война" (La guerre nécessaire). Принадлежитъ она перу депутата Дрейфуса, члена радикальной фракціи республиканскаго большинства. Мысль свою почтенный авторъ формулуетъ въ слѣдующемъ положеніи: Настало время для Франціи добиться пересмотра франкфуртскаго мирнаго договора или разорвать его.

Г. Дрейфусъ находитъ, что Франція не будетъ въ безопасности, пока не возвратитъ утраченныхъ областей. На обратную уступку ихъ Германія никогда не согласится добровольно, а пока

она не состоится тѣмъ или другимъ способомъ, нельзя и помышлять о разоруженіи. Между тѣмъ развитіе и пріумноженіе боевыхъ средствъ страны стоитъ ей страшныхъ жертвъ, истощаетъ ея производительныя силы. Исходъ изъ такого положенія можетъ быть только одинъ: война, къ которой Франція въ настоящую минуту лучше подготовлена, чѣмъ ея соперница. Союзницы Германіи, Австро-Венгрія и Италія, крайне ненадежны, тогда какъ Франція можетъ положиться на Россію. Авторъ брошюры допускаетъ пользу заключенія франко-русскаго союзнаго договора, „но“, прибавляетъ онъ—„мы не придаемъ подписанію его того значенія, которое приписывалъ ему Катковъ и продолжаетъ приписывать г. Татищевъ“. Лучшее ручательство совокупнаго дѣйствія обѣихъ державъ — общность ихъ интересовъ. Чего хочетъ Франція? спрашиваетъ г. Дрейфусъ.— Возвратить себѣ Эльзасъ и Лотарингію.— Чего хочетъ Россія?— Разорвать Берлинскій трактатъ; возвратиться къ трактату Санъ-стефанскому, расширивъ его; вступить въ Константинополь. „Въ наше время“—продолжаетъ онъ,—Константинополь не есть уже путь въ Индію; со времени открытія Суэцскаго канала онъ уже не представляетъ прежней важности для Европы. Для Россіи же Константинополь—это дверь въ Средиземное море, переставшее быть французскимъ озеромъ и обратившееся въ англійскій прудъ, съ тѣхъ поръ какъ Великобританія овладѣла Кипромъ и Египтомъ. Она уже обладала Мальтою и Гибралтаромъ. Нынѣ она полновластно господствуетъ на всемъ Средиземномъ морѣ. „А потому“,—заключаетъ г. Дрейфусъ,—въ интересахъ Франціи открыть доступъ въ это море Россіи, флотъ которой чрезъ Дарданеллы присоединится къ французскому флоту, дабы противустоять сообща, въ случаѣ надобности, англійскимъ судамъ, во всякомъ случаѣ — нѣмецко-итальянскимъ эскадрамъ“.

Такимъ образомъ, всѣ шансы побѣды на сторонѣ Франціи, въ союзѣ или даже безъ союза съ Россіей, противъ Германіи и ея союзницъ. Армія ея пока многочисленнѣе, лучше вооружена; въ Тунисѣ и Тонкинѣ ея солдаты и генералы освоились съ войною, тогда какъ нѣмцы не были въ огнѣ цѣлыхъ двадцать лѣтъ. Общій выводъ автора: Пробилъ часъ войны; два года назадъ было бы слишкомъ рано; черезъ два года, быть можетъ, будетъ слишкомъ поздно.

Здраво мотивированное и смѣло выраженное мнѣніе г. Дрейфуса противорѣчитъ, правда, миролюбивому настроенію фран-

*

цузскаго правительства и общества, но оно все же представляетъ несомнѣнное „знаменіе времени“ и свидѣтельствуетъ о подъемѣ національнаго духа французовъ. На нашъ взглядъ, его еще недостаточно, чтобы побудить Францію принять на себя отвѣтственность за починъ въ борьбѣ, исхода которой никому не дано предвидѣть, и которая неизбѣжно повлечетъ за собою неисчислимыя бѣдствія для той или другой стороны, быть можетъ, и для обѣихъ. Но ободряющее дѣйствіе его несомнѣнно обращаетъ французовъ въ столь же полезныхъ и желательныхъ союзниковъ, сколько и въ опасныхъ враговъ.

Мы, русскіе люди, можемъ только искренно порадоваться такому обороту во внутреннемъ и внѣшнемъ положеніи дружественной намъ державы, возрожденіе которой, матеріальное и нравственное, представляется явленіемъ въ высшей степени благопріятнымъ для Россіи. Образуя вмѣстѣ съ нею на двухъ противуположныхъ окраинахъ Европы противовѣсъ Германской имперіи, опирающейся на Австро-Венгрію и Италію и поддержанной морскими силами Великобританіи, Франція, въ единеніи съ Россіей, обезпечиваетъ не только цѣлость и безопасность обоюдныхъ владѣній, но также и миръ и спокойствіе вселенной. Эта несомнѣнная истина давно уже сознана и оцѣнена какъ въ С.-Петербургѣ, такъ и въ Парижѣ, столько же общественнымъ мнѣніемъ обѣихъ странъ, сколько и государственными людьми, призванными руководить ихъ внѣшнею политикою. Но чѣмъ болѣе дорожимъ мы добрымъ согласіемъ съ французскою республикою, тѣмъ строже должны относиться къ такимъ заявленіямъ въ печати, которыя, въ корнѣ подрывая установившіяся между Россіею и Франціею узы взаимнаго довѣрія и уваженія, наносятъ неисправимый вредъ тому самому дѣлу, которому они, повидимому, хотѣли бы служить. Таково именно впечатлѣніе, вынесенное нами изъ прочтенія брошюры д-ра Ціона, недавно вышедшей въ Парижѣ на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: *Франція и Россія*, и посвященной дорогой намъ памяти М. Н. Каткова.

Не мы, конечно, станемъ оспаривать основное положеніе автора, заключающееся въ томъ, что франко-русское соглашеніе должно быть непремѣнно опредѣлено оборонительнымъ союзнымъ договоромъ, который не только не подвергнетъ опасности миръ Европы, но напротивъ будетъ служить наилучшимъ для него залогомъ и ручательствомъ. Положеніе это мы впервые установили въ январской книжкѣ „*Русскаго*

Вѣстника", пять мѣсяцевъ назадъ, и съ тѣхъ поръ неоднократно возвращались къ нему, развивая и уясняя его въ послѣдующихъ нашихъ бесѣдахъ. Мы раздѣляемъ также съ г. Ціономъ усвоенное уже—какъ мы видѣли выше—и нѣкоторыми французскими публицистами мнѣніе, что Франціи не страшно распространеніе господства Россіи на Дарданеллы и Босфоръ и что свободный проходъ русскаго флота изъ Чернаго моря въ Архипелагъ какъ нельзя лучше отвѣчаетъ французскимъ интересамъ въ Средиземномъ морѣ. Спѣшимъ, однако, оговорить, что намъ рѣшительно непонятна хитроумная комбинація автора, оставляющаго султана въ Царьградѣ, въ качествѣ халифа и повелителя правовѣрныхъ, подъ властью и покровомъ Россіи. Комбинація эта представляется намъ совершенно несогласуемою съ національными стремленіями русскаго народа, полагающаго свое историческое призваніе въ водруженіи креста надъ полумѣсяцемъ на куполѣ Софійскаго храма, какъ знаменіе торжества Православія надъ Мусульманствомъ. Оговариваемъ также фантастическое привлеченіе императора австрійскаго, короля венгерскаго, въ составъ франко-русскаго союза подъ тѣмъ изумительнымъ предлогомъ, что-де между Россіей и Австро-Венгріей не существуетъ никакой противуположности интересовъ, ни малѣйшаго разумнаго повода къ пререканіямъ или раздору.

Сдается намъ, однако, что даже для защиты положеній, общихъ намъ съ г. Ціономъ, онъ прибѣгаетъ въ своей брошюрѣ къ доводамъ крайне неудачнымъ и нецѣлесообразнымъ.

Бывшему профессору физіологіи, быть можетъ, извинительно не твердо знать исторію, но зачѣмъ же тогда и браться за передачу историческихъ фактовъ, плохо ему извѣстныхъ, и которые, будучи переданы въ искаженномъ видѣ, могутъ только поколебать довѣріе читателей и къ выводимымъ изъ нихъ заключеніямъ. Изъ многочисленныхъ промаховъ д-ра Ціона укажемъ здѣсь на главнѣйшіе.

Онъ называетъ князя Курбскаго родственникомъ Іоанна Грознаго и выдаетъ за „штатскаго" генерала Савари. Гамбеттѣ онъ вмѣняетъ въ вину отправленіе, пять мѣсяцевъ по своей кончинѣ, г. Ваддингтона въ качествѣ чрезвычайнаго представителя Франціи на коронацію въ Москву. Во время коронаціонныхъ празднествъ, утверждаетъ далѣе г. Ціонъ, кронпринцъ Фридрихъ-Вильгельмъ вступилъ-де въ переговоры, подготовившіе возобновленіе тройственнаго союза. Мы позволимъ себѣ

замѣтить, что это было бы для него тѣмъ труднѣе, что вовсе не онъ, а другой принцъ королевскаго дома представлялъ императора Вильгельма I на этомъ торжествѣ.

Авторъ довольно развязно, хотя и безсвязно, разсуждаетъ о тайныхъ дипломатическихъ актахъ, какъ напримѣръ, австро-русская конвенція 1877 года, или никому, кромѣ его одного, невѣдомый договоръ трехъ императорскихъ дворовъ, представляющій, по собственному его признанію, ту характерную особенность, что, будучи якобы подписанъ 15 марта 1886 года, онъ „окончательно“ ратификованъ при свиданіи въ Скерневицахъ, происходившемъ 3 (15) и 4 (16) сентября 1884 года, т. е. за два съ половиною года до заключенія самаго договора.

Не болѣе свѣдущимъ является авторъ въ своихъ оцѣнкахъ общественныхъ явленій, каковы славянофильство или развитіе въ сознаніи русскаго общества идеи соглашенія съ Франціей. Въ послѣднемъ движеніи онъ хотя и отводитъ Каткову подобающее ему мѣсто, но совершенно умалчиваетъ о дѣятельномъ участіи въ немъ Аксакова и Скобелева. За то съ нескрываемымъ самодовольствомъ посвящаетъ онъ насъ въ собственное свое вмѣшательство въ дѣло, приписывая едва-ли не себѣ одному всѣ политическіе и финансовые результаты, достигнутые, какъ извѣстно, дружными усиліями цѣлаго ряда дѣятелей, какъ русскихъ, такъ и французовъ, въ области дипломатіи, народнаго хозяйства и литературы.

Чрезмѣрная притязательность автора довольно невиннаго свойства и можетъ вызвать только улыбку на устахъ читателей, хорошо знакомыхъ съ обстоятельствами дѣла. Къ сожалѣнію, совершенно иное, прямо удручающее впечатлѣніе производятъ тѣ мѣста его брошюры, въ которыхъ онъ пытается очернить и смѣшать съ грязью политическихъ дѣятелей обѣихъ странъ, почему-либо лично ему неугодныхъ. Ни мало не задумываясь, онъ обвиняетъ ихъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ забвеніи долга и даже въ государственной измѣнѣ; но давая волю пылкому своему воображенію, онъ и не трудится надъ приведеніемъ какихъ-либо доказательствъ. Оставляемъ на его отвѣтственности, за невозможностью для насъ провѣрить разсказъ его о мнимо-враждебныхъ, по отношенію къ Россіи, замыслахъ и поступкахъ большинства министерствъ, смѣнявшихся у власти во Франціи со времени основанія третьей республики, хотя намъ извѣстно не малое число фактовъ изъ жизни и дѣятельности Гамбетты и даже Жюля Ферри, прямо несогласныхъ съ

его утвержденіями. Но мы исполняемъ нашъ долгъ, свидѣтельствуя, что изложеніе имъ печальнаго случая въ Сагалло совершенно противорѣчитъ дѣйствительности. Кабинетъ Флокэ-Гобле, подозрѣваемый г. Ціономъ въ умышленномъ пролитіи русской крови на африканскомъ берегу въ угоду Италіи, и былъ именно тѣмъ изъ французскихъ министерствъ, что дало русскому правительству наиболѣе доказательствъ желанія своего упрочить дружественную съ нимъ связь, а въ дѣлѣ Ашинова онъ не сдѣлалъ ни одного распоряженія, не заручившись согласіемъ и разрѣшеніемъ Императорскаго кабинета.

Наконецъ, въ отзывахъ автора о русскихъ дипломатахъ замѣчается нѣчто глубоко оскорбляющее наше народное чувство и возбуждающее въ насъ нелицемѣрное патріотическое негодованіе. Пишущаго эти строки никто не заподозритъ, конечно, въ снисходительномъ или льстивомъ отношеніи къ отечественной дипломатіи, которую онъ безпощадно обличалъ, каждый разъ, когда, по крайнему его разумѣнію, образъ мыслей и дѣйствій центральнаго вѣдомства или мѣстныхъ дипломатическихъ агентовъ не отвѣчалъ государственнымъ пользамъ Россіи. Выражая въ печати взгляды наши по вопросамъ внѣшней политики, мы по мѣрѣ силъ исполняли нашу вѣрноподданническую обязанность, по завѣту незабвеннаго Каткова, „не допуская никакого лицепріятія, не впадая ни въ какіе торги съ совѣстью, не давая сбить себя никакимъ прельщеніямъ, съ одной стороны, никакимъ вынужденіямъ—съ другой“. Порою мы высказывали наше мнѣніе съ тою рѣзкостью, что находитъ себѣ оправданіе въ ревности о благѣ отечества. Но никогда, даже въ пылу самой ярой полемики, не позволяли мы себѣ, не позволимъ и впредь, бросать неблаговидную тѣнь на личный характеръ или достоинство русскихъ дипломатовъ, искать уронить въ общественномъ уваженіи лицъ, имѣющихъ честь представлять предъ Европою Государя и Россію. Напротивъ, мы почитали себя счастливыми, каждый разъ, когда имѣли возможность гласно признать ихъ заслуги, привѣтствовать ихъ успѣхи, въ славу престола, на пользу родинѣ.

Таково именно въ настоящую минуту положеніе русскаго дѣла во Франціи. Идея всюду пролагаетъ путь факту. Не подлежитъ сомнѣнію, что горячая дѣятельность въ литературѣ и въ частности въ повременной печати подготовила почву для дипломатическаго сближенія Россіи съ Франціей. Но, повторяемъ, истина эта одинаково сознана въ политическихъ сфе-

рахъ, какъ въ Парижѣ, такъ и въ С.-Петербургѣ. Державный Вождь Русской земли прозорливымъ окомъ измѣрилъ и оцѣнилъ всю пользу для Россіи отъ добраго согласія ея съ Франціей. Да и могъ ли онъ не быть убѣжденъ трогательными выраженіями сочувствія и преданности французскаго правительства и общества къ Нему и къ Его народу? Ближайшій исполнитель Высочайшихъ предначертаній, министръ иностранныхъ дѣлъ, также имѣлъ не разъ уже случай на опытѣ провѣрить благопріятныя послѣдствія единомыслія кабинетовъ петербургскаго и парижскаго по главнымъ международнымъ вопросамъ. Франко-русское соглашеніе перешло, такимъ образомъ, изъ области предположеній въ область дѣйствительности. Ко благу обѣихъ странъ, оно господствуетъ надъ судьбами Европы и всего міра.

Ревностнымъ послѣдователемъ этого политическаго направленія представляется намъ посолъ нашъ въ Парижѣ, на котораго въ особенности обрушиваются громы г. Ціона. Русскій душою, питомецъ московскаго университета, товарищъ юности Каткова и Аксакова, баронъ А. П. Моренгеймъ сумѣлъ въ продолженіе пятилѣтняго своего пребыванія въ столицѣ Франціи снискать всеобщее уваженіе, какъ достойный представитель величія Государя и Россіи, вѣрный истолкователь благорасположенія ихъ къ французскому народу. Можно не раздѣлять всѣхъ политическихъ мнѣній барона Моренгейма, можно расходиться съ нимъ въ воззрѣніяхъ на тотъ или другой частный вопросъ; но нельзя не воздать ему должной справедливости за то, что онъ проявляетъ много ума и такта въ вѣрномъ исполненіи державной воли, въ рвеніи, съ которымъ онъ оберегаетъ государственную честь и народныя пользы Россіи. Никогда нравственное обаяніе русскаго посла не сказывалось во Франціи съ бо́льшею силою, никогда личность его не была окружена бо́льшимъ почетомъ. „Видѣвшій свидѣтельствуетъ и истинно свидѣтельство его“. Утверждаемъ это съ патріотическою гордостью, испытываемою нами всякій разъ, когда за отечественнымъ рубежемъ видимъ священное знамя Россіи высоко и широко развѣвающимся въ твердыхъ и достойныхъ рукахъ.

Но если такъ—возразятъ намъ—то почему не заключенъ еще нами же признаваемый столь необходимымъ, въ виду непрерывающихся грозныхъ вооруженій Германіи и ея подручницъ, оборонительный союзный договоръ Россіи съ Франціей?

Отвѣтъ нашъ простъ: во-первыхъ, мы не можемъ ни утверждать, ни отрицать того, чего не знаемъ, а заключеніе договора не влечетъ еще за собой обязательнаго его обнародованія; во-вторыхъ, всякому мало мальски знакомому съ дипломатическою практикою ясно, что, направляясь къ извѣстной цѣли, дипломатамъ приходится считаться съ противными теченіями и лавировать, соображаясь съ ними иногда даже въ направленіи ей противуположномъ. Важно лишь никогда не упускать ее изъ виду, выжидать попутнаго вѣтра, и тогда уже идти къ ней подъ всѣми парусами, прямымъ путемъ.

Такъ, надѣемся, и дѣйствуетъ наша дипломатія во Франціи. Почему же не такъ поступаетъ она въ Болгаріи, гдѣ каждый день, едва-ли не каждый часъ, все болѣе и болѣе отдаляетъ ее отъ того, что должно было бы служить ей неизмѣнною цѣлью: возстановленія нормальныхъ отношеній между страною, искупленной русскою кровью, и ея освободительницей—Россіей? Судить приходится по результатамъ, да по отзывамъ иностранныхъ газетъ, такъ какъ азіятскій департаментъ давно уже не дѣлился съ русскимъ обществомъ оффиціальными свѣдѣніями о Болгаріи.

Результаты, что у всѣхъ на виду, самые безотрадные. Цѣлые пять лѣтъ Болгарія обходится безъ Россіи. Отчужденіе состоялось полное. Порядокъ, непризнанный русскимъ дворомъ, упрочился, пустилъ глубокіе корни въ странѣ. Мы твердо убѣждены, что при наступленіи внѣшней бѣды Болгарія почувствуетъ весь вредъ, проистекающій для ея національныхъ интересовъ отъ порванія узъ, связывающихъ ее съ державой-благодѣтельницей, и даже дорого поплатится за свою неблагодарность, но пока не пробилъ этотъ часъ, она—надо сознаться—испытываетъ мало или вовсе не испытываетъ неудобствъ отъ разрыва съ нами. Вины г. Стамбулова предъ Россіей не препятствуютъ намъ признать, что въ управленіи княжествомъ онъ обнаруживаетъ замѣчательныя способности, разсудительность, твердость. Въ Болгаріи строится желѣзная дорога; государственные финансы находятся въ цвѣтущемъ состояніи, судя по той легкости, съ какою софійское правительство внесло русской казнѣ запоздалые взносы по уплатѣ своего долга; армія соблюдаетъ строгую дисциплину и не мѣшается въ политику; наконецъ, посреди самыхъ трудныхъ обстоятельствъ общественный порядокъ и спокойствіе нигдѣ не подвергались серіозному нарушенію. Намъ хорошо извѣстны возгласы и причитанія эмигран-

товъ, что-де населеніе стонетъ и страдаетъ подъ невыносимымъ деспотизмомъ правителей, но такъ всегда и вездѣ отзываются политическіе выходцы о положеніи родины, а до сихъ поръ выходцы болгарскіе не привели еще ни одного факта въ подтвержденіе своихъ нареканій.

Таково настоящее положеніе Болгаріи. Какъ же относится къ нему русская дипломатія въ настоящемъ, что̀ намѣрена она предпринять въ будущемъ?

Если вѣрить газетамъ, получающимъ внушенія отъ нашего дипломатическаго вѣдомства или выдающимъ себя за его органы, положеніе русскаго двора по отношенію къ Болгаріи продолжаетъ быть *выжидательнымъ*. Россія не признаетъ законнымъ настоящее болгарское правительство и не допускаетъ мысли о примиреніи съ нимъ. Она спокойно ждетъ, пока народное негодованіе низвергнетъ его и снова возвратитъ болгарамъ свое благоволеніе, какъ только они, умудрясь опытомъ, возвратятъ ей почтеніе и преданность.

Такая политика могла бы быть до извѣстной степени оправдана, еслибы дѣйствительно въ средѣ болгаръ существовало то недовольство противъ людей, находящихся у власти, о которомъ неустанно твердятъ эмигранты и котораго на самомъ дѣлѣ нѣтъ и слѣда. Но допустимъ, что въ Болгаріи произойдетъ переворотъ, и г. Цанковъ замѣнитъ г. Стамбулова во главѣ управленія. Конечно, онъ не поскупится, на первыхъ порахъ, на льстивыя увѣренія русской дипломатіи, но еслибы даже дѣло было доведено имъ до полнаго возстановленія status quo ante, съ русскимъ военнымъ министерствомъ и русскими офицерами во главѣ болгарскаго войска, то развѣ порядокъ этотъ можетъ быть признанъ достаточно обезпечивающимъ интересы Россіи и Болгаріи? Оттого-то онъ и привелъ обѣ страны къ нынѣшнему разладу, что, съ одной стороны, налагая на Россію тяжкія жертвы, не приносилъ ей въ сущности ни малѣйшей пользы, съ другой только раздражалъ болгаръ, уязвлялъ ихъ самолюбіе и вселялъ въ нихъ ненависть къ русскимъ. При такомъ порядкѣ азіятскій департаментъ разыгрывалъ предъ Болгаріей роль bourru bienfaisant, а болгарскіе дѣятели то и дѣло переходили отъ подобострастнаго заискиванія, пока находились въ оппозиціи, къ наглой и вызывающей враждебности, когда достигали власти. Между тѣмъ русская дипломатія распиналась за Болгарію предъ Европой,

даже и не помышляя объ огражденіи пользъ Россіи въ этой странѣ надежными матеріальными ручательствами.

Выжидательная политика имѣетъ еще другое важное неудобство, о которомъ считаемъ нравственнымъ долгомъ высказаться съ полною откровенностью. Ставя перемѣну внѣшнихъ отношеній Россіи къ Болгаріи въ зависимость отъ внутренней перемѣны въ самомъ княжествѣ, она предполагаетъ послѣднюю желательной для Россіи. Этимъ ловко пользуются всѣ тѣ, кто заинтересованы въ продленіи русско-болгарской междоусобицы, дабы навязать русскому правительству отвѣтственность за всякую попытку болгарскихъ выходцевъ насильственнымъ путемъ низвергнуть установившійся въ княжествѣ порядокъ. За послѣдніе пять лѣтъ произошло не мало такихъ попытокъ, и всѣ, за исключеніемъ послѣдней.—съ кровавымъ исходомъ: Силистрія, Рущукъ, Бургасъ! Заговоръ маіора Паницы относится къ той же категоріи, столь же безплодныхъ, сколько и безцѣльныхъ предпріятій.

Мы не удостоимъ враговъ и недоброжелателей Россіи опроверженіемъ гнусной и бездоказательной клеветы, дерзко взводимой ими на руководителей внѣшней политикой нашего отечества. Усвоивъ извѣстное положеніе князя Бисмарка о томъ, что чувству нѣтъ мѣста въ политикѣ, которую слѣдуетъ вести безстрастно и разсчетливо, какъ торговое дѣло, мы хотимъ видѣть въ нашемъ посольскомъ Приказѣ торговую фирму безукоризненной честности, единственно приличествующей достоинству Царя и народа. Пусть другіе кабинеты прибѣгаютъ къ темнымъ и нечистымъ средствамъ. Премственныя начала русскаго двора исключаютъ ихъ изъ его обихода. Но еслибы такія средства и не осуждались совѣстью, то разумъ все же бы призналъ ихъ безразсудными, до такой степени они на дѣлѣ приводятъ къ результатамъ прямо противуположнымъ тѣмъ, что имѣются въ виду. Вмѣсто того, чтобы ниспровергнуть порядокъ, противъ котораго направлены, нелѣпыя частныя вспышки, безъ труда подавляемыя, только содѣйствуютъ вящему его упроченію.

Единственная выгода, представляемая выжидательною политикой, та, что она не требуетъ покаянія въ ошибкахъ и промахахъ, совершенныхъ нашими дипломатическими дѣятелями, того покаянія, безъ котораго нечего и думать объ ихъ исправленіи и о вступленіи на новый дѣятельный путь.

Цѣлый рядъ внушительныхъ уроковъ далъ въ этомъ отно-

шеніи современнымъ дипломатамъ великій политическій учитель нашихъ дней, недавно сошедшій съ арены, желѣзный канцлеръ Германской имперіи. Такъ, въ столкновеніи съ Испаніей изъ-за Филиппинскихъ острововъ, онъ, не колеблясь, сознался въ своемъ заблужденіи и выдалъ головою главнаго виновника, введшаго его въ заблужденіе, мѣстнаго нѣмецкаго агента.

Намъ кажется, что и въ русско-болгарскихъ недоразумѣніяхъ, независимо отъ провинностей болгаръ, которыхъ намъ и въ голову не приходитъ отрицать, не мало зла причинила такъ называемая febris consularis, та консульская лихорадка, что охватываетъ мѣстныхъ дѣятелей, а ими сообщается и столичному начальству. Зараженные ею дипломаты пренаивно смѣшиваютъ уколы личнаго самолюбія съ посягательствомъ на достоинство Россіи и, вопреки очевидности и здравому смыслу, не только хотятъ быть правыми въ настоящемъ, но и не допускаютъ, чтобъ когда-либо и въ чемъ-либо они могли погрѣшить или ошибиться даже въ прошедшемъ.

Отречемся же отъ догмата дипломатической непогрѣшимости, и тогда Россіи незачѣмъ будетъ упорствовать въ заколдованномъ кругѣ выжидательной политики, осужденной опытомъ и несомнѣнно обреченной на безплодіе. Она получитъ возможность быстро и смѣло выступить на широкій путь политики дѣятельной, разумной, живой. Тогда представится ей такая дилемма: Болгарія или станетъ искреннимъ другомъ и союзницей Россіи, или сотрется съ лица земли. Третьяго рѣшенія роковаго вопроса нѣтъ и быть не можетъ. Противъ него возопила бы къ небу русская кровь, въ такомъ изобиліи пролитая за свободу политическую и за духовную самобытность нашихъ братьевъ по крови и по вѣрѣ.

С. ТАТИЩЕВЪ.

Сообщенія и извѣстія.

Неудачная защита „литературнаго друга“ (собщ. М. И. Сухомлиновымъ). Въ литературѣ нашей большою извѣстностью пользовались, въ былыя времена, произведенія Булгарина. Они имѣли многочисленный кругъ читателей, вслѣдствіе чего и являлись попытки идти по слѣдамъ этого автора нравоописательныхъ романовъ. Популярность любимаго дѣтища Булгарина: „Иванъ Ивановичъ Выжигинъ“ видна между прочимъ изъ того, что въ одинъ и тотъ же годъ явилосьчетыре „Выжигина“, изъ которыхъ только одинъ принадлежитъ самому Булгарину. Въ 1831 году вышли въ свѣтъ:

— Смерть Ивана Выжигина, нравственно-сатирическій романъ, соч. А. Орлова, съ родословною Ивана Выжигина.

— Хлыновскіе степняки Игнатъ и Сидоръ, или дѣти Ивана Выжигина, соч. А. Орлова.

— Хлыновскія свадьбы Игната и Сидора, дѣтей Ивана Выжигина; сатирическій романъ, соч. А. Орлова.

— Петръ Ивановичъ Выжигинъ, нравоописательный историческій романъ XIX вѣка, соч. Ѳ. Булгарина.

Такое изобиліе „Выжигиныхъ“ послужило поводомъ къ статьѣ, написанной въ юмористическомъ тонѣ и помѣщенной въ журналѣ Надеждина „Телескопъ“. Въ этой статьѣ говорится: „Быстрое распространеніе фамиліи Выжигиныхъ есть натуральное слѣдствіе давно признаннаго въ основателѣ ея достоинства, что онъ приходится не только *по сердцу*, но и *по плечу* читающей нашей публикѣ. *Иванъ Выжигинъ* умѣлъ найти чувствительную струну въ каждомъ сословіи русскаго народа и пошевелить ее пріятнымъ щекотаньемъ. Само собою разумѣется, что на это не требовалось большаго искусства. Зани-

мательность представляемыхъ имъ каррикатуръ состояла не въ вѣрности, а въ уродливости. Обыкновенно, чѣмъ безобразнѣе и отвратительнѣе фигуры, выставляемыя на посмѣшище, тѣмъ хохотъ громче и продолжительнѣе. Попробуйте развѣсить подъ Новинскимъ характеристическія картины нравовъ, написанныя самою вѣрною и богатою кистью: ихъ никто не замѣтитъ. Но вокругъ паяца, въ дурацкомъ колпакѣ, съ ослиными ушами, краснымъ носомъ, кривыми ногами и огромнымъ брюхомъ, всегда толпится и зрителей и слушателей видимо и невидимо! *Иванъ Выжигинъ* зналъ хорошо эту слабость, воспользовался ею какъ нельзя лучше, и награжденъ за то какъ нельзя больше. Отъ выставленнаго имъ райка не было отбоя. Но простота и ничтожность употребляемыхъ имъ средствъ не могли долго оставаться тайною для русской смышлености. Въ Москвѣ скоро сыскались мастера, которые взялись сдѣлать то же скобелью и топоромъ, безъ всякаго иноземнаго пособія, не выписывая изъ Вѣны гравюръ и изъ разныхъ книгъ всякой всячины... *Петръ Ивановичъ Выжигинъ* не въ батюшку пошелъ. Тотъ по крайней мѣрѣ умѣлъ позабавить; этотъ наводитъ только зѣвоту своею жалкою сухостію и бездѣйственностію. Тотъ былъ говорунъ и краснобай: любилъ самъ разсказывать и охотно слушалъ чужія рѣсказни; у этого напротивъ слова своего не добьешься: либо самъ читаетъ газеты и записки, либо слушаетъ, какъ другіе ихъ читаютъ. У того не было внутренняго единства, но между тѣмъ части цѣплялись одна за другую, не прерываясь; отъ этого, какъ отъ полипа, можно оторвать любую часть—и цѣлое не потерпитъ никакого ущерба. Нѣтъ, это не *Выжигинъ*! Даже сдается, что этотъ рыцарь печальнаго образа совсѣмъ не русскій. Онъ не знаетъ русскихъ нравовъ и обычаевъ; онъ идетъ совершенно вопреки русскому духу, ибо результатъ всей его безжизненной жизни есть положеніе, что *гласъ народа*—наперекоръ исконной русской пословицы—*не есть гласъ Божій*. Положеніе ложное и выгодное развѣ только для фимиліи *Выжигиныхъ*“, и т. д. [1]).

Подобные отзывы взволновали Булгарина и его литературнаго друга Греча. Въ приливѣ негодованія Гречъ написалъ къ предсѣдателю московскаго цензурнаго комитета князю С. М. Голицыну слѣдующее письмо:

---

[1]) Телескопъ 1831 г. № 9. Библіографія стр. 98—110.

Милостивый государь
князь Сергій Михайловичъ!

Позвольте мнѣ обратить вниманіе вашего сіятельства на происходящее въ московскомъ цензурномъ комитетѣ злоупотребленіе власти цензорской и совершенное упущеніе изъ виду правилъ высочайше утвержденнаго устава о цензурѣ.

Въ Москвѣ нѣкто Надеждинъ издаетъ журналъ подъ заглавіемъ „Телескопъ“, разсматриваемый и одобряемый къ печатанію цензоромъ Аксаковымъ. Въ семъ журналѣ, подъ именемъ критикъ, помѣщаются самыя гнусныя и непозволительныя ругательства на сотрудника моего, 8-го класса, Ѳ. В. Булгарина, который, не зная издателя „Телескопа“, никогда не видавъ его и не имѣя съ нимъ никакихъ сношеній, не могъ подать ему ни малѣйшаго повода къ оскорбленію его лица и характера.

Потрудитесь, ваше сіятельство, прочитать статью въ IX книжкѣ „Телескопа“, на стр. 98—110, и извольте рѣшить, можно ли позволить печатаніе подобныхъ статей въ благоустроенномъ, нереволюціонномъ государствѣ. Г. Булгаринъ, писатель, пользующійся справедливо заслуженною извѣстностью въ Россіи, приносящій честь русской литературѣ и въ чужихъ краяхъ, удостоенный за свои сочиненія неоднократнаго благоволенія государя императора, обруганъ въ сей книжкѣ самымъ площаднымъ и постыднымъ образомъ. Онъ живетъ теперь въ деревнѣ своей, въ Лифляндской губерніи, и не имѣетъ возможности, бывъ окруженъ холерными карантинами, прибыть сюда для преслѣдованія сего дѣла. Но я, какъ сотрудникъ и товарищъ его, долгомъ поставляю за него вступиться. Въ первую минуту справедливаго негодованія, я написалъ было жалобу на высочайшее имя, всеподданнѣйше прося правосуднаго монарха о дарованіи честнымъ литераторамъ благотворной его защиты, и былъ твердо увѣренъ, что просьба моя будетъ услышана; но разсудивъ потомъ, что сіе нарушеніе закона произошло отъ незнанія или злоупотребленія цензоромъ правилъ устава, и что у него есть непосредственное свое начальство, рѣшился обратиться къ вашему сіятельству, какъ предсѣдателю московскаго цензурнаго комитета, и всепокорнѣйше васъ просить о прекращеніи сихъ непозволительныхъ ругательствъ надъ честными людьми, силою высочайше предоставленной вамъ власти. Что будетъ съ просвѣщеніемъ и литературою Россіи, если всякій наглецъ, всякій дерзкій неучъ будетъ имѣть право всенародно ругать и безчестить писателей, достойныхъ ува-

женія и благодарности отечества? Сдѣлайте милость, сіятельнѣйшій графъ (sic), прекратите сіе зло въ самомъ корнѣ, ибо если помянутыя ругательства дойдутъ до свѣдѣнія самого г. Булгарина, онъ станетъ искать правосудія выше и конечно найдетъ его. Тогда раскаются гнусные клеветники и друзья—покровители ихъ, цензора, забывающіе долгъ свой, но это будетъ уже поздно.

Утруждая ваше сіятельство симъ письмомъ, я исполняю сугубую священную для меня обязанность: во-первыхъ вступаюсь за друга и товарища, во-вторыхъ обращаю вниманіе благонамѣреннаго начальства на непростительное упущеніе долга подчиненными.

Въ ожиданіи благосклоннаго рѣшенія вашего сіятельства въ семъ дѣлѣ, имѣю честь пребыть съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію,

милостивый государь,
вашего сіятельства
всепокорнѣйшій слуга
Николай Гречъ.

10 іюня 1831.

Жалобу Греча кн. Голицынъ передалъ на разсмотрѣніе членамъ цензурнаго комитета. Одобрившій статью къ напечатанію Двигубскій заявилъ, что онъ не находитъ въ ней ничего противнаго цензурному уставу, потому что „въ ней не г. Булгаринъ, но вымышленное имъ лицо въ его романѣ, *Выжигинъ*, представленъ въ смѣшномъ видѣ, а особливо въ сравненіи съ другими *Выжигиными*, сочиненія г. Орлова, что вѣроятно и показалось очень обиднымъ г. Гречу; о сочинителѣ же Выжигина *Булгаринѣ* нѣтъ во всей статьѣ ни слова, выключая имени его, поставленнаго въ заглавіи его сочиненія". Съ мнѣніемъ Двигубскаго согласились и всѣ члены цензурнаго комитета, и кн. Голицынъ, и министръ народнаго просвѣщенія кн. Ливенъ. Узнавши, что жалоба дошла до кн. Ливена, Гречъ обратился къ нему съ такого рода письмомъ:

Свѣтлѣйшій князь,
милостивый государь!

Получивъ увѣдомленіе его сіятельства, г. попечителя московскаго императорскаго университета, князя С. М. Голицына, о томъ, что письмо, написанное мною къ его сіятельству отъ 10-го сего іюня, препровождено имъ къ вашей свѣтлости, при-

нимаю смѣлость представить вамъ объясненіе мое по сему случаю.

Я написалъ сказанное письмо къ его сіятельству отнюдь не съ тѣмъ, чтобы причинить ему неудовольствіе или побудить его къ принятію какихъ-либо мѣръ взысканія противъ московскихъ цензоровъ, а только хотѣлъ обратить вниманіе его, какъ начальника благонамѣреннаго, на то, что печатается въ московскихъ журналахъ, и полагалъ еще, что князь Сергій Михайловичъ не только не приметъ сего въ дурную сторону, а будетъ мнѣ еще благодаренъ, ибо я никакъ не могъ думать, чтобы статьи бранчивыя и оскорбительныя для почтенныхъ писателей могли быть терпимы начальствомъ. Я думалъ, что начальству московской цензуры пріятнѣе будетъ частное увѣдомленіе, не могущее имѣть никакихъ послѣдствій, нежели формальная жалоба, принесенная въ главное правленіе цензуры или даже на Высочайшее имя, къ чему г. Булгаринъ имѣлъ все право, на основаніи цензурнаго устава. Я увѣренъ былъ, что ваша свѣтлость, въ случаѣ подачи таковой жалобы, приказали бы изслѣдовать дѣло и упустили бы безъ взысканія съ того, кто оказался бы виновнымъ въ неисполненіи предписаній цензурнаго устава. Но такъ какъ обиженъ былъ въ семъ случаѣ не я, а другъ и товарищъ мой, то и думалъ я, что частнымъ письмомъ къ г. попечителю могу, обративъ его вниманіе на сіе дѣло, остановить хотя на будущее время сіи оскорбительныя статьи, которыя, какъ мнѣ извѣстно, весьма непріятны и высшему правительству.

Ѳ. В. Булгаринъ, имѣя счастіе служить подъ начальствомъ вашей свѣтлости и пользуясь лестною вашею благосклонностію, вамъ довольно извѣстенъ. Литературными трудами своими обратилъ онъ на себя Высочайшее вниманіе государя императора и пріобрѣлъ въ Европѣ славу, которая падаетъ на отечество наше. Можно ли послѣ сего видѣть равнодушно, что люди, ничѣмъ непзвѣстные въ литературѣ, не написавшіе ничего порядочнаго, осыпаютъ сего отличнаго писателя самыми площадными ручательствами и тѣмъ безславятъ нашу словесность? Вотъ причины, побудившія меня отнестись письменно къ его сіятельству князю С. М. Голицыну и просить его убѣдительнѣйше о предупрежденіи на будущее время подобныхъ нарушеній устава, которые, въ случаѣ формальной жалобы, могутъ имѣть для виновныхъ въ попущеніи оныхъ непріятныя слѣдствія. Письмо мое было написано съ жаромъ, причинен-

нымъ чувствами справедливаго негодованія по случаю обиды, нанесенной моему другу и товарищу, но отнюдь не могло быть ни для кого оскорбительно.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть,

милостивый государь,
вашей свѣтлости
всепокорнѣйшій слуга
Николай Гречъ.

27 іюля 1831.

Въ дерзкихъ выраженіяхъ письма Греча къ кн. Голицыну московскій цензурный комитетъ увидѣлъ тяжкую для себя обиду и просилъ законной защиты противъ несправедливыхъ и оскорбительныхъ навѣтовъ. Вслѣдствіе этого министръ, кн. Ливенъ, представилъ письмо Греча на благоусмотрѣніе государя. Прочитавъ письмо Греча, императоръ Николай Павловичъ написалъ: „*Письмо дерзко, но не зная статьи, объ которой идетъ рѣчь, не могу судить, справедлива ли жалоба: прошу прислать*“. Статья была представлена, и государь написалъ на докладѣ, при которомъ препровождалась она: „*Читалъ и нашелъ, что кромѣ глупой, скучной нелѣпицы ничего въ сей статьѣ нѣтъ; она подобна тому, что въ нашихъ журналахъ считается умомъ, а должно бъ было почитаться глупымъ вздоромъ. Напрасно г. Гречъ изволитъ симъ обижаться; на это лучшій отвѣтъ — презрѣніе,*

maïs qui se sent morveux se touche.

Вы призовите его къ себѣ, вымойте голову и объявите, что ежели впредь осмѣлится дерзко писать, такъ вспомнилъ бы, что журналисты сиживали уже на гауптвахтахъ, и что за подобныя дерзости можно и подъ судъ отдать“.

Министръ народнаго просвѣщенія сдѣлалъ Гречу строгое замѣчаніе, чѣмъ дѣло и окончилось.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМА ДВѢСТИ ВОСЬМАГО.

МАЙ.

стр.

Представители державъ въ прежнемъ Константинополѣ *В. А. Теплова* 1

Неизданныя письма А. А. Иванова. I—VII. *Н.* 38

На рудникѣ. Очерки. *Л. И. Осташева* 57

Ахалъ-текинская экспедиція I—III. *П. О. Калитина* . . 79

Изъ записокъ сельскаго учителя. III *С. А. Рачинскаго* . 113

О финляндской монетѣ. (Историч. справка). *К. Ф. Ордина.* 126

Въ лѣсу. I—II. Повѣсть. *Н. И. Северина* 159

Семейные участки въ бытовомъ отношеніи. *Н. Е. Баратынскаго* 194

Духовная жизнь нашихъ нѣмецкихъ колоній. *А. А. Велицына* 212

„10-е апрѣля“. Стихотв. *Гр. А. А. Голенищева-Кутузова* . 235

Тамара Бендавидъ. Романъ (продолженіе романа „Тьма Египетская“). Главы XXXIV—XXXV. *Вс. В. Крестовскаго* 237

„Желалъ бы я“. Стихотв. *К. К. Случевскаго* 239

Критика. *Д. Щегловъ.*—Исторія соціальныхъ системъ отъ древности до настоящихъ дней. Т. I. Критическое обозрѣніе соціальныхъ ученій Платона, Сенъ-Симона, Сенъ-Симонистовъ, Р. Оуэна, Спб. 1870.—Т. II. Критическое обозрѣніе соціальныхъ ученій Фурье, Кабе, Л. Блана, Ламене, П. Леру, Бюше, Отта, Ог. Конта и Литтре. Спб. 1889. *Н. Н. Страхова* 265

Новости литературы. *Русской:* I. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимірское наслѣдіе. Историческіе очерки И. П. Филевича. Спб. 1890 г. *К. Н. Бестужева-Рюмина.* — II. Энциклопедическій словарь подъ редакціею профессора И. Е. Андреевскаго. Т. I. А — Алтай. Издатели Ф. Брокгаузъ (Лейпцигъ) и И. Ефронъ (Петербургъ). Спб. 1890 г. — III. К. Ѳ. Орловскій. Молодежь. Романъ въ четырехъ частяхъ. 2 тома. Спб. 1890 г. — IV. Генералъ-фельдмаршалъ графъ Паскевичъ, его жизнь и дѣтельность. По неизданнымъ источникамъ составилъ генеральнаго штаба генералъ лейтенантъ князь Щербатовъ. Томъ II-й, съ 8-ю картами и планами. Августъ 1826—октябрь 1827 гг. Спб. 1890 г. — V. А. Харузинъ—„Курганы Букеевской орды". Москва. 1890 г. — *Иностранной:* I. Varietés revolutionnaires (troisième serie) par Marcelin Pellet. Paris. 1890. — II. Das Staatsrecht des Russischen Reiches. a) Das Staatsrecht des Kaiserthums Russland bearbeitet von Dr. J. Engelmann, ord. Prof. an der Universität Doprat. b) Das Staatsrecht des Grossfürstenthums Finland bearbeitet von Dr. L. Mechelin, Senator in Helsingfors (aus Marquardsen's Handbuch des oeftentlichens Rechts Freiburh i. B. 1889) 277

Письма объ искусствѣ. III. Мейнингенская труппа. *Д. К—за.* 295

Внутреннее обозрѣніе. *Новый органическій законъ.* — Губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе. — Измѣненіе основныхъ началъ первоначальнаго проекта. — Земскіе исполнительные органы. — Выборы и дискреціонныя назначенія. — Усиленіе предсѣдательской власти. — Внутренній распорядокъ занятій. — Урегулированіе важнѣйшихъ предметовъ земскаго вѣдѣнія. — Устраненіе евреевъ отъ участія въ земствѣ. — Основанія къ опредѣленію состава и числа гласныхъ. — Добавочные гласные по назначенію отъ правительства. — Власть министра внутреннихъ дѣлъ и губернатора. — Повинность гласнаго. — Взысканія. — Ослабленіе сословнаго начала. — *Иностранныя страховыя общества въ Россіи* 313

Политическое обозрѣніе. Парижъ, 19-го апрѣля (1 мая) 1890 г. *С. С. Татищева* 349
Объявленія.

Приложенія: I. **Парія.** Романъ въ шести частяхъ. Часть I. *Ф. Анстн.* — II. **Два брата.** Историч. романъ *Р. Л. Стивенсона* . . . . . 1—84

ІЮНЬ.

Представители державъ въ прежнемъ Константинополѣ. (Окончаніе). *В. А. Теплова* 1
Старина и мое дѣтство. Гл. IX—XIV. (Продолженіе). *Я. П. Полонскаго* 38
Въ лѣсу. Повѣсть. III—VII. (Окончаніе). *Н. П. Севернна.* 56
Записки Грязева, сподвижника Суворова въ итальянскомъ походѣ. 1779 г. (Продолженіе) 115
Вечерній звонъ. Стихотв. *Я. П. Полонскаго.* 158
Подлинное дѣло о смерти Грибоѣдова *А. П. Мальшинскаго.* 160
Тамара Бендавидъ. Романъ. (Продолженіе романа „Тьма Египетская". Гл. XXXVI—XXXIX. *Вс. В. Крестовскаго* 176
Двадцатипятплѣтіе взятія Ташкента (1865—1890 гг.) *А. М.* 211
Предъутреннимъ пахнуло холодкомъ. Стихотв. *М. К.* . 233
Нѣмцы-инструкторы въ китайской арміи. *А. Я. Максимова.* 234
Въ путь не одинъ я иду, дорогая. Стихотв. *Н. П—во* . . 244
Анализъ, стиль и вѣянія. Критическій этюдъ. О романахъ гр. Л. Н. Толстаго. *К. Н. Леонтьева.* 245
Новости литературы. *Русской:* I. *Н. Страховъ.* Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ. Историческіе и критическіе очерки. Книжка вторая. Изд 2-е. Спб. 1890. *К. Н. Бестужева-Рюмина.* — II Русскія Юридическія Древности. Томъ I, Территорія и населеніе проф. *В. Сергѣевича.*—III. *Ѳ. И. Буслаковъ.* Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства. Т. I, Съ изобрѣтенія книгопечатанія по XVIII вѣкъ включительно. Спб. Изд. А. Суворина.

1890.—IV. Программа для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ.—*Иностранной*: I. Russia Iaphet, or the Muscovite, the Cossack and the Mongol. A detailed Identification of the Power whose Doom is foretold in Ezeekiel XXXVIII, by Oxonian. Lond. 1890.—II. Quellen zur Geschichte der Deutschen Kaiserpolitik Oesterreichs während der französischen Revolutionskriege (1790—1801). Herausg. von Alfred Ritter von Vivenot, fortgesetzt von der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften durch Dr. Heinrich v. Zeissberg V Band. Wien. 1890.—III. Friedrich Paulsen, System der Ethik mit einem Umriss der Staatsund Gesselschaftslehre. Berlin. 1889 278

Внутреннее обозрѣніе. Наша внѣшняя торговля въ 1889 г.—Ликвидація дѣлъ общества взаимнаго поземельнаго кредита.—Итоги преобразованія пятипроцентнаго государственаго долга. — Отмѣна почтовой автономіи Финляндіи 300

Политическое обозрѣніе. Тейфенбахъ въ Штиріи, 20 мая (1 іюня) 1890 г. *С. С. Татищева*. 318

Сообщенія и извѣстія. Неудачная защита. (Сообщ. *М. И. Сухомлиновымъ*) 333

Объявленія.

Приложенія: I. **Парія.** Романъ въ шести частяхъ. Ч. I. *Ф. Анстн.*—II. **Два брата.** Историческій романъ *Р. Л. Стивенсона* 1-90

ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ ВЪ

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“.

С.-Петербургъ, Невскій пр., домъ № 38. Телефонъ № 1652.

Москва, Кузнецкій мостъ, д. Шорина.

Харьковъ, Екатеринославская ул., д. Руфа. Одесса, Дерибасовская ул., д. № 11.

АВЕРКІЕВА, Е. Клубника и земляника. Съ рисунками Спб. 1890 г. Ц. 25 к.

«АРТИСТЪ». Театральный, музыкальный и художественный журналъ. Кн. 7-я. М. 1890 г. Ц. отдѣл. № 2 р.

БАКСТЪ, Н. По вопросу о переутомленіи учениковъ гимназій. Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

ВРИКНЕРЪ, А. Матеріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина (1770—1837). Т. II. Спб. 1890 г. Ц. 5 р.

БУЛГАКОВЪ, Ѳ. И. «Наши художники» на академическихъ выставкахъ послѣдняго 25-ти-лѣтія. Т. II. Спб. 1890 г. Ц. за 2 т. 17 р.

ВЕБЕРЪ, К. К. Практическое руководство по лѣсопильному производству. Спб. 1890 г. Ц 1 р. 50 к.

ГРОТЪ, Н. Я. Критика понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности. 1889 г. Ц. 65 к.

*) ИШИМОВА, А. Исторія Россіи въ разсказахъ для дѣтей. 3 части. Изданіе 6-е, исправл. Спб. 1890 г. Ц. за 3 ч. 3 р. 50 к.

*) КАЙГОРОДОВЪ. Д. «Изъ царства пернатыхъ». Популярные очерки изъ міра русскихъ птицъ. Вып. I Спб. Ц. вып. 75 к.

КРУГЛОВЪ, А. На исторической рѣкѣ. (Путевые негативы). 1. Женскій Аѳонъ.— 2. Вѣчевой городъ. М. 1890 г. Ц. 1 р.

ЛАМАНСКІЙ, ВЛАДИМІРЪ. Измаилъ Ивановичъ Срезневскій. (1812—1880). М. 1890 г. Ц. 60 к.

ЛАНДЦЕРТЪ, В. П. Спутникъ по Россіи. Лѣтнее движеніе. 1890 г. Спб. Ц. 60 к.

ЛАТКИНЪ, Н. В. Красноярскій округъ Енисейской губ. Очеркъ. Спб. 1890 г. Ц. 75 к.

ЛЕВЕДА, Л. Молодецъ-конь. Разсказъ-быль, съ рисунками Н. С. Самокишъ. Издан. 2-е. Спб. 1890 г. Ц. 10 к.

М—ѢВЪ, Золотой Банкъ и его судьба. Эпизодъ изъ исторіи нашего Поземельнаго Кредита. Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

НЕЙМАНЪ, М. М. Календ. и памятная книжка для натаріусовъ на 1890 г. Дубно. Ц. 1 р.

ОБРУЧЕВЪ, В. А., Закаспійская низменность Геологическій и орографическій очеркъ. Спб. 1890 г. Ц 2 р.

ПАРЛЯНДЪ, А. А. Храмы древней Греціи. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

ПОГОДИНЪ, А. Какъ живется червонно-русамъ (быль, разсказанная Цѣневичемъ). Спб. 1890 г. Ц. 30 к.

*) ПОЛЕВОЙ, Н. А. Повѣсть о суздальскомъ князѣ Симеонѣ. Изданіе 2-е («Дешевая Библіотека»). Спб. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

ПОЛНЫЙ карманный путеводитель по Россіи. Лѣто и осень 1890 г. Спб. Ц. 50 к.

ПТИЦЫНЪ, Вл. Этнографическія свѣдѣнія о тибетской медицинѣ въ Забайкальѣ. Спб. 1890 г. Ц. 35 к.

РАСТОПЧИНА, Е. П., графиня. Сочиненія Съ портретомъ автора. Т. I. Стихи. Т. II. Проза. Спб. 1890 г. Ц. за 2 тома 5 р.

САМАРИНЪ, Ю. Ѳ. Сочиненія. Т. VIII. Окраины Россіи. М. 1890 г. Ц. 2 р.

САПУНОВЪ, А. Двинскіе или Борисовы камни. Изслѣдованіе. Витебскъ. 1890 г. Ц. 50 к.

СВѢДѢНІЯ о внѣшней торговлѣ по Европейской границѣ и о таможенныхъ сборахъ за 1889 г. Спб. Ц 1 р. 50 к.

«СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ», Еженедѣльное иллюстрированное изданіе К. И. Масленникова. № 29. Спб. 1890 г. Ц. отд. №-ра 20 к.

СЕРГѢЕВИЧЪ, В. И. Лекціи по исторіи русскаго права. Спб. 1890 г. Ц. 5 р.

ТУРЫГИНА, Л. Мысли о музыкѣ писателей древнихъ и новыхъ. Съ двумя гравюрами. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

ТЫСЯЧА ОДНА НОЧЬ. Арабскія сказки. Новый полный переводъ. Съ 129 рисунками въ текстѣ. Т. III. М. 1890 г. Ц. 2 р. 75 к.

ФЕДОРОВЪ, Е. С. Геологическія изслѣдованія въ Сѣверномъ Уралѣ въ 1884—1886 гг. Съ геологическою картою, гравюр. и политипажами Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

ЭММИНГГАУЗЪ. Психическія разстройства въ дѣтскомъ возрастѣ. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

*) Изданія А. С. Суворина.

ПЕЧАТАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ А. С. СУВОРИНА:

Собраніе сочиненій Н. С. Лѣскова въ десяти томахъ. Т. X.

Древняя исторія К. С. Беккера. Съ рис. и картами. Часть II.

Художественная энциклопедія (Иллюстрированный словарь искусствъ и художествъ). Состав. **Ѳ. И. Булгаковъ.** Т. III.

Историческая портретная галлерея. В. 36-й.

Народовѣдѣніе Оскара Пешеля. Переводъ подъ редакціею **Э. Ю. Петри.** Выпускъ IV.

Д. Н. Кайгородовъ. Изъ царства пернатыхъ. Популярные очерки изъ міра русскихъ птицъ. Съ 16-ю хромолитографир. таблицами и многочисленными рис. въ текстѣ. Вып. 2-й.

Гюйо. Воспитаніе и наслѣдственность.

Кн. Одоевскій. Пов. (Дешев. библіотека).

Фаустъ. Драматическая поэма. Переводъ **Н. Холодковскаго** (Дешевая Библіотека).

НОВАЯ БРОШЮРА

ЗОЛОТОЙ БАНКЪ И ЕГО СУДЬБА.

(Эпизодъ изъ исторіи нашего Поземельнаго Кредита).

П. М—ѣева.

Цѣна **50** коп.

Продается въ книжныхъ магазинахъ: „Новаго Времени", Карбасникова, Попова, Вольфа и у Салаева въ Москвѣ. Выписывающіе брошюру черезъ контору газеты „Свѣтъ" за пересылку ничего не платятъ.

ВАЖНО КЪ ЭКЗАМЕНАМЪ

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

словъ и выраженій, имѣющихъ неправильности или особенности при переводѣ на греческій языкъ.

Составилъ **Н. И. Кашкадамовъ.** 308 стр. въ 32 д. л. Цѣна 1 р.

Книга содержитъ расположенныя въ алфавитномъ порядкѣ всѣ (по возможности) слова, имѣющія неправильности какъ въ *этимологическомъ*, такъ и въ *синтаксическомъ* отношеніяхъ. Въ ней учащійся найдетъ разрѣшеніе всѣхъ, могущихъ встрѣтиться, затрудненій при переводѣ *съ русскаго на греческій*: при *глаголахъ* выписаны всѣ формы и конструкціи, при *предлогахъ*—важнѣйшія *особыя выраженія*, при *другихъ частяхъ рѣчи*—всѣ неправильности. Эта книга можетъ отчасти замѣнить учебникъ и русско-греческій карманный словарь.

Рекомендуется для письменныхъ работъ (extemporalia).

Главный складъ въ Типографіи Товарищества „Общественная Польза", С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, д. № 39. **Продается** во всѣхъ книжныхъ магазинахъ **Петербурга и Москвы.** Книгопродавцамъ уступка 20%. *Выписывающіе изъ СКЛАДА за пересылку ничего неплатятъ.*

ПРИГОТОВЛЕНЪ КЪ ПЕЧАТИ И ВЫЙДЕТЪ НЕ ПОЗЖЕ СЕНТЯБРЯ

УКАЗАТЕЛЬ

съ русскаго на латинскій.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПАРІЯ.

Романъ въ шести частяхъ. Часть первая.

Ф. Ансти.

ДВА БРАТА.

ИСТОРИЧ. РОМАНЪ. **Р. Л. Стивенсона.**

ПАРІЯ.

Романъ въ шести частяхъ.

Соч. **Ф. Анстн.**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

VI.

Ноджентъ Ормъ остался въ Трувилѣ по приглашенію м-ра Чадвика въ качествѣ гостя, но ему не удалось, какъ онъ надѣялся, поближе познакомиться съ миссъ Чевенингъ. Мать ея была съ нимъ особенно любезна и представила его многимъ изъ своихъ знакомыхъ; въ томъ числѣ и миссъ Уипль. Стулъ его за table d'hôte оказался рядомъ съ миссъ Магноліей, и это обстоятельство было пріятно этой дѣвицѣ. Но его никогда не сажали рядомъ съ Марго, и онъ могъ только изрѣдка перебрасываться съ ней короткими и незначащими словами.

Что касается Марго, то противъ ея воли и желанія, она постоянно оказывалась въ обществѣ несноснаго Аллена, отъ котораго не знала, какъ отдѣлаться: послѣдній рѣшительно не замѣчалъ, какъ ей непріятно его общество. Онъ сталъ менѣе застѣнчивъ, но отъ этого былъ ей только ненавистнѣе. Она бѣсилась въ душѣ и наконецъ рѣшилась объясниться съ матерью.

— Онъ очень измѣнился къ лучшему, милая — вотъ все, что сумѣла отвѣтить м-съ Чевенингъ.

— На *мой* взглядъ онъ сталъ хуже... и я просто съ ума схожу. Я рѣшительно его не выношу, мамаша.

— Ты бы такъ не говорила, еслибы знала, какъ радъ отецъ тому, что его сынъ пользуется твоимъ обществомъ: онъ чув-

ствуетъ, что въ воспитаніи его сына существуютъ большіе пробѣлы, и счастливъ, что онъ можетъ исправиться въ твоемъ обществѣ.

— Съ какой стати я должна воспитывать чужихъ сыновей? и какое вамъ дѣло, доволенъ или нѣтъ м-ръ Чадвикъ?

— Тебѣ довольно того, что я это желаю, отвѣчала миссъ Чевенингъ съ слабой попыткой пустить въ ходъ материнскій авторитетъ. У насъ не такъ много друзей, чтобы мы могли отталкивать людей, расположенныхъ къ намъ. Еслибы ты была добрая, Марго, то, право, не могла бы не тронуться страстнымъ желаніемъ этого мальчика угодить тебѣ!

— Должно быть, я зла, потому что это только раздражаетъ меня. И хуже всего то, что я не могу этого ему не показывать. Когда-нибудь я выскажу ему это безъ обиняковъ, такъ что и онъ долженъ будетъ понять.

М-съ Чевенингъ покраснѣла отъ гнѣва.

— Выслушай меня, безтолковая дѣвчонка, закричала она, я запрещаю тебѣ, слышишь, запрещаю оскорблять этого молодаго человѣка! Думай о немъ, какъ хочешь, если ужь ты рѣшила его ненавидѣть, но веди съ нимъ себя прилично. Ты это обязана сдѣлать, и я вправѣ этого отъ тебя требовать послѣ всѣхъ издержекъ, какихъ мнѣ стоилъ пріѣздъ сюда... и все это ради тебя. Я думала, что ты будешь рада пріятному разнообразію... а вмѣсто того, вотъ моя и награда.

Марго испугалась, что за тѣмъ послѣдуютъ слезы, и сдалась на капитуляцію.

— Хорошо, дорогая мама, не браните меня. Я право вовсе не хочу огорчать васъ. Если вы пожелаете, то я буду съ медвѣдемъ ходить по Трувилю. Право же, славный бурый медвѣженокъ былъ бы не такъ... ну, хорошо, хорошо... Я постараюсь примириться съ тѣмъ... другимъ звѣремъ... *ma bête noire*. Но вы должны позволить мнѣ бранить его за глаза.

Она была такъ мила въ эту минуту, не то извиняясь, не то протестуя, что мать смягчилась.

— Ахъ, Марго! сказала она со страхомъ, еслибы ты только знала свою силу.

— Это какъ разъ говорятъ и про дикихъ звѣрей въ клѣткахъ, дорогая мамаша. Почему вы не посадите меня въ клѣтку?

— Ты не вправѣ говорить такія вещи, когда ты знаешь, что всѣ мои помыслы и заботы сосредоточены на твоемъ благѣ...

твоемъ и твоихъ сестеръ и брата... Ты не добра и не благодарна, что говоришь со мной о клѣткахъ.

Марго вытаращила глаза.

— Помилуйте, я ничего не хотѣла этимъ сказать дурнаго... я только пошутила. Очевидно, сегодня мнѣ не везетъ. Пойдемте и присядемъ гдѣ-нибудь на морскомъ берегу; вы увидите, какая я бываю добрая.

Въ настоящемъ случаѣ миссъ Чевенингъ не пришлось доказывать своихъ словъ на дѣлѣ. Подъ однимъ изъ гигантскихъ зонтиковъ, они нашли чету Спокеръ.

— Я старалась уговорить Альфреда выкупаться, объявила миссъ Спокеръ, но онъ боится, что я увижу, какъ онъ плохо плаваетъ. Онъ говоритъ, что беретъ ванну каждое утро, но я думаю, что онъ стоитъ около ванны и плещется въ водѣ.

— Морское купанье мнѣ вредно, замѣтилъ м-ръ Спокеръ.

— Кажется, онъ говоритъ правду, объявила безпристрастно жена, потому что онъ купался разъ, когда мы были въ Торкэ въ нашъ медовый мѣсяцъ, и ходилъ потомъ весь день совсѣмъ зеленый. Я никогда не забуду его лицо: блѣдно-зеленаго цвѣта съ ярко пунцовымъ носомъ, весело продолжала она; да, мой другъ, у тебя было именно *такое* лицо. Я чуть было не уложила свои вещи и не уѣхала обратно домой.

— Почему ты мнѣ объ этомъ не сказала, я бы помогъ тебѣ укладываться, отвѣтилъ мужъ.

— Я считала своимъ долгомъ терпѣть твое общество, не смотря на цвѣтъ лица; но должна сознаться, что съ тѣхъ поръ ты никогда больше не былъ похожъ на умирающаго дельфина. Но ты вообще ужасно странный и оригинальный человѣкъ, Альфредъ, во многихъ отношеніяхъ.

Она принялась описывать свое удивленіе при видѣ того, какъ ея мужъ чистилъ голову скребницей, когда одна изъ комическихъ *cabanes*, скрипя и раскачиваясь по песку, остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ.

— Вотъ юный м-ръ Чадвикъ, сказала м-съ Чевенингъ; м-съ Спокеръ, знаете ли, что сегодня ярмарка? не хотите ли вы подъ руку съ м-ромъ Спокеромъ, а Марго съ...

— О! вонъ идетъ милый м-ръ Ормъ, закричала м-съ Спокеръ, вотъ чудесно.

— Нѣтъ, Альфредъ, оставайся, а то ты будешь пятой спицей въ колесницѣ. Оставайся и занимай м-съ Чевенингъ; ты

ей еще не пересказалъ всѣхъ своихъ исторій. М-ръ Ормъ будетъ моимъ кавалеромъ.

По всей вѣроятности, м-съ Спокеръ догадывалась о правдѣ и изъ злорадства хотѣла разстроить планы м-съ Чевенингъ. А можетъ быть и то, что она по выраженію лица миссъ Чевенингъ поняла, что той пріятно было бы отдѣлаться хоть на время отъ общества юнаго Чадвика, и по добродушію захотѣла ей помочь.

Какъ бы то ни было, а всѣ четверо не далеко прошли, какъ уже м-съ Спокеръ произвела обмѣнъ кавалерамъ, и Ормъ очутился кавалеромъ Марго.

— Я думала, вы уѣхали вчера или третьяго дня; я васъ нигдѣ не видѣла.

— Потому вѣроятно, что не искали меня. Я обѣдалъ за *table d'hôte*.

— О! да, дѣйствительно. Припоминаю теперь... вы сидѣли около Уиплей. Что, вы нашли ихъ занимательными?

— Очень.

— Миссъ Уипль занимательна... если вамъ нравится такой *genre*. Я бы желала, чтобы и у меня сосѣди были поинтереснѣе. Мнѣ было совсѣмъ не весело, м-ръ Ормъ, увѣряю васъ. Скажите мнѣ, неужели вы остались затѣмъ, чтобы пользоваться обществомъ м-ръ Аллена Чадвика?

— Я остался по его приглашенію, отвѣчалъ онъ.

— Я бы желала, чтобы вы побольше находились въ его обществѣ, а то выходитъ, что я какъ будто монополизирую его, а я вовсе не хочу быть такой эгоисткой.

— Если я мало бывалъ въ его обществѣ до сихъ поръ, то право не по моей винѣ.

— Вы хотите сказать, что по моей. Какъ это дурно съ моей стороны въ самомъ дѣлѣ лишать васъ его общества. Вы очень огорчены?

— Долженъ вамъ сознаться, что боюсь, что заставилъ васъ думать, что онъ мнѣ антипатиченъ. Прежде это было такъ, но въ послѣднее время я увидѣлъ, что былъ несправедливъ. Я увидѣлъ въ немъ достоинства, какихъ сначала не замѣчалъ.

— Ахъ! вздохнула она, я думаю, что онъ выигрываетъ на разстояніи... какъ горы. Но сама я еще этого не успѣла замѣтить. Къ несчастію, я постоянно вижу его на слишкомъ близкомъ разстояніи. Но мнѣ любопытно было бы узнать, какія добродѣтели открыли вы въ немъ? Не проявилъ ли онъ

способности къ юмору, не доказалъ ли, что знаетъ, какъ надо себя вести? Можетъ быть, до сихъ поръ онъ только морочилъ насъ своей безтактностью и невоспитанностью? Или же, быть можетъ, онъ скучнѣйшее ихъ всѣхъ скучнѣйшихъ существъ— а именно: неотдѣланный алмазъ? Пожалуйста просвѣтите меня!

— Я думаю, что это было бы безполезно, не перемѣнить ли лучше предметъ разговора?

— А не лучше ли обойтись безъ всякаго разговора, отвѣтила она и пошла дальше въ величественномъ безмолвіи, гордо закинувъ голову назадъ.

На него опять произвели отталкивающее впечатлѣніе эти презрительныя мины, но было что-то дѣтски привлекательное въ ея своенравіи, такъ что онъ не могъ вполнѣ серьезно къ нему относиться.

— А что разговоры совсѣмъ запрещены? спросилъ онъ наконецъ, и она очаровательно улыбнулась въ отвѣтъ.

— Я была сердита? Да, я знаю, что была. Но вы такъ подавляли меня своимъ превосходствомъ. Ну, оставимъ это. Вотъ и ярмарка; докончимъ прогулку не ссорясь.

Глаза ея опять стали привѣтливыми и откровенными, и во все остальное время эта прихотливая и перемѣнчивая молодая особа была необыкновенно мила и любезна. Ормъ шелъ рядомъ съ нею мимо старухъ въ бѣлыхъ чепцахъ, засѣдавшихъ передъ корзинами и столами, заваленными всякаго рода товаромъ: масломъ, разложеннымъ на зеленыхъ листьяхъ, живыми кроликами въ клѣткахъ и различными деревенскими произведеніями.

Все время онъ испытывалъ удовольствіе отъ ея присутствія, но съ примѣсью какой-то досады отъ того, что удовольствіе это было все-таки не такое сильное, какъ онъ ожидалъ.

Около набережной помѣстился странствующій дантистъ въ раззолоченномъ фургонѣ, въ родѣ дилижанса; одѣтый въ ярко красное платье, онъ расхваливалъ цѣлебныя свойства своихъ капель отъ зубной боли, между тѣмъ какъ молодая женщина, помѣщавшаяся на имперіалѣ дилижанса, аккомпанировала наиболѣе краснорѣчивыя изъ его фразъ игрой на кимвалахъ. Когда они проходили мимо, онъ брызгалъ каплями въ собравшуюся публику, для большей убѣдительности.

— Еслибы они дурно пахли, объяснялъ онъ, я бы не смѣлъ вамъ ихъ предложить.

Но вниманіе миссъ Чевенингъ было привлечено небольшимъ

деревяннымъ ящикомъ, подвѣшеннымъ къ фургону и въ которомъ была стеклянная дверца.

Въ эту дверцу глядѣла меланхолическая и циническая обезьянка, возбудившая ея симпатію. Толпа осклабляющихся рыбаковъ и старыхъ, сморщенныхъ крестьянъ и крестьянокъ раступилась передъ ней, когда она подходила къ клѣткѣ.

— О! поглядите, м-ръ Ормъ, жалобно вскричала она, на это бѣдное созданьице. Что онъ, одинъ изъ пацiентовъ, какъ вы думаете? Что, милочка, они пробуютъ свои лѣкарства на васъ, бѣдняжка? Нѣтъ, ваши зубки слишкомъ бѣлы и здоровы.

И нагнувшись къ обезьянѣ, она болтала всякій ласковый вздоръ, между тѣмъ какъ Ормъ дивился: утѣшаетъ ли плѣнницу видъ хорошенькаго личика у окошка ея темницы.

По всей вѣроятности идеалъ у обезьянки былъ совсѣмъ иной, потому что она только мигала усталыми глазами и съ подозрительнымъ и скучающимъ видомъ чесала ухо.

Дантистъ приглашалъ всѣхъ страдающихъ зубами взойти къ нему въ фургонъ и получить облегченiе отъ боли, какой-то наемный пацiентъ взошелъ и получилъ исцѣленiе при звукахъ кимвала.

— Vous êtes concole, n'est ce pas? величественно освѣдомился профессоръ, послѣ драматической паузы, во время которой лѣкарство должно было возъимѣть свое дѣйствiе.

— Mais oui, отвѣчалъ пацiентъ съ такой готовностью, что она наводила на мысль, что утѣшенiе было заранѣе обезпечено.

Такъ какъ дантистъ выказалъ опасную склонность къ анатомiи и собирался показывать разныя непрiятныя вещи, то Ноджентъ счелъ за лучшее удалиться, и они пошли вдоль набережной, гдѣ рыбные садки были нагружены громадными и безобразными плоскими рыбами, грудами маленькихъ креветокъ (которыхъ время отъ времени тревожила кончикомъ зонтика какая-нибудь *bonne*, закупавшая провизiю) и синими омарами, безпомощно разверзавшими клещи, алкая отмщенiя.

Миссъ Чевенингъ замѣтила, что преобладающее выраженiе у рыбы было какое-то забавно удивленное, точно онѣ думали, что вотъ въ концѣ концовъ ихъ все-таки поймали, и посредствомъ такой же старой, какъ само море, уловки.

— Я помню, что разъ чувствовалъ себя совсѣмъ виноватымъ, поймавъ рыбу, сказалъ Ормъ. Мы поѣхали на рыбную ловлю въ открытое море и поймали громадную треску. Она лежала на кормѣ, тяжело дыша и фыркая, точно негодующiй старый

джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ; недоставало, только золотой цѣпочки. Мнѣ право хотѣлось извиниться передъ ней, что я осмѣлился ее поймать.

— Но вы однако не бросили ее обратно въ море?

— Я... нѣтъ, но избѣгалъ ея взгляда. Она испустила послѣдній вздохъ съ спокойнымъ достоинствомъ, отъ котораго мои угрызенія совѣсти усилились.

— Угрызенія совѣсти нераскаяннаго грѣшника. Поглядите, какая поразительная наружность у этой рыбы... ее здѣсь зовутъ „Сен-Пьеръ“; одна сторона ея профиля набожная и покорная, а другая злобная и насмѣшливая. Хотѣла бы знать, какую сторону онъ показываетъ своему семейству.

Все это пустая болтовня, и не стоило бы ее приводить, если-бы именно она не болѣе сближала людей въ одинъ какой-нибудь часъ, чѣмъ иное знакомство, длящееся нѣсколько мѣсяцевъ. Ормъ узналъ новую миссъ Чевенингъ, съ нѣжнымъ сердцемъ, полную кроткой веселости, простую и естественную, совсѣмъ не похожую на презрительную, саркастическую молодую особу, какой она была полчаса тому назадъ.

Совсѣмъ нечаянно она заговорила съ нимъ о своей семьѣ и о старинномъ домѣ на берегу рѣки въ Чисвикѣ.

— Такой странный, старенькій домикъ, совсѣмъ въ сторонѣ; къ нему ведетъ узенькая тропинка и передъ переднимъ фасадомъ растетъ нѣсколько тополей, дороги совсѣмъ нѣтъ, и сейчасъ же у дома рѣка. Но все же чудесный старый домикъ, въ особенности лѣтомъ, когда можно сидѣть на балконѣ и видѣть, какъ плывутъ мимо лодки, а народъ идетъ по мосту въ Нью-Гарденсъ. Даже и зимой, когда кругомъ грязь и туманъ, я люблю его. Я всегда съ удовольствіемъ въ него возвращаюсь. Сначала, когда мы въ немъ поселились, я его ненавидѣла... мы всѣ его ненавидѣли... но теперь я бы не хотѣла промѣнять его ни на какое другое мѣсто въ мірѣ.

Такимъ образомъ въ эту прогулку онъ узналъ отъ нея многое о ней самой и ея жизни, и все время провелъ съ нею, потому что м-съ Спокеръ продержала Аллена Чадвика около себя и на почтительномъ разстояніи, до возвращенія домой, когда она присоединилась къ нимъ, выражая свое восхищеніе дантистомъ, которому собиралась, какъ говорила, представить мужа съ научными цѣлями.

Ормъ, какъ уже сказано, разстался съ миссъ Чевенингъ, унося болѣе благопріятное, чѣмъ до сихъ поръ, впечатлѣніе, но

онъ все еще ни сколько не былъ въ нее влюбленъ; онъ говорилъ себѣ, что она—интересный этюдъ, пріятный товарищъ, когда этого захочетъ. Она, конечно, очень хороша собой, но ему нравятся совсѣмъ инаго типа женщины: меньше ростомъ, болѣе бѣлокурыя и менѣе своенравныя, гораздо мягче и скромнѣе, чѣмъ Марго, съ ея гордой красотой, массой каштановыхъ волосъ съ бронзовымъ отливомъ и энергическимъ, капризнымъ лицомъ. Нѣтъ, опасности влюбиться не существовало; тѣмъ болѣе, что даже въ то короткое время, какъ онъ ее зналъ, она успѣла выказать качества, которыя ему были не по душѣ. Онъ не былъ въ нее влюбленъ, конечно, но тѣмъ не менѣе постоянно о ней думалъ.

Ему теперь чаще приходилось наблюдать за ней, такъ какъ послѣ этой прогулки вошло въ привычку, чтобы онъ вмѣстѣ съ Алленомъ гулялъ съ миссъ Чевенингъ. Мать ея, хотя и неизмѣнно присутствовавшая въ этихъ случаяхъ, ничего не возражала противъ этого: потому ли, что устала воевать съ дочерью или потому, что не знала, не разсердитъ ли ея вмѣшательство Чадвика, а этого она очень тщательно избѣгала.

Но частыя свиданія доставляли Орму въ общей сложности больше мученія, чѣмъ радости, хотя съ каждымъ днемъ Марго сильнѣе нравилась ему, какъ женщина, да и она нисколько не скрывала, что его общество ей очень пріятно.

Алленъ обыкновенно игралъ пассивную роль въ ихъ прогулкахъ, и ея обращеніе съ нимъ почти лишало ее всякой прелести въ глазахъ Орма. Обыкновенно она не удостоивала замѣчать Аллена; если же заговаривала съ нимъ, то тономъ глубокаго презрѣнія. Въ его отсутствіе, она выражалась о немъ еще презрительнѣе.

Нѣкоторымъ мужчинамъ очень бы польстила такая разница въ обращеніи; но у Орма были на этотъ счетъ нѣсколько аскетическіе взгляды, и восхищеніе красотой этой дѣвушки ни сколько не мѣшало ему строго относиться къ ея недостаткамъ. Онъ не могъ допустить, чтобы красота давала ей право обращаться такъ жестоко съ такимъ безпомощнымъ и безобиднымъ существомъ, какъ бѣдный Алленъ. Каждый разъ какъ она говорила какую-нибудь колкость Аллену, ему было больно, и тотъ фактъ, что Алленъ не понималъ замаскированныхъ насмѣшекъ, служилъ только отягчающимъ обстоятельствомъ въ глазахъ его пріятеля. Къ чему, думалъ онъ, она, такая привлекательная, проявляетъ такую скверную черту своего характера? А

такъ какъ протестовать было безполезно, то онъ старался по крайней мѣрѣ ничѣмъ не показать, что сочувствуетъ такому поведенію и не давать юнаго Чадвика въ обиду при публикѣ.

И вѣроятно, чтобы облегчить себѣ эту задачу, онъ устраивалъ постоянно для себя и для Аллена экспедиціи на различные пункты морскаго берега, благодаря которымъ они проводили большую часть дня вдали отъ всей остальной компаніи.

Но разъ эта предосторожность не удалась. Онъ съ Алленомъ отправился по желѣзной дорогѣ въ *Pont-l'Eveque*, а оттуда они возвращались пѣшкомъ въ Трувиль черезъ Бонвиль, красивую старинную нормандскую крѣпость, гдѣ герцогъ Вильгельмъ оказывалъ сомнительное гостепріимство саксонцу Гарольду, Матильда развлекала себя въ одиночествѣ вышиваньемъ, а Беренгарія оплакивала Ричарда-Львиное-Сердце. Массивныя ворота и старинныя стѣны съ полуобрушенными башнями — вотъ все, что осталось теперь отъ крѣпости, хотя какое-то выштукатуренное зданіе съ зелеными ставнями выросло, точно паразитъ, среди развалинъ.

Около воротъ стояла большая почтовая карета, а во дворѣ— гдѣ проведены были дорожки, посыпанныя пескомъ, и устроены зеленыя лужайки и клумбы съ цвѣтами, и посажены фруктовыя деревья—наши путники увидѣли партію туристовъ

— О, да! услышалъ Ормъ знакомый голосъ, я хорошо знаю, что все это прекрасно и величественно, но мнѣ кажется, что мое воображеніе утомлено старинной святыней. Я столько уже осмотрѣлъ древнихъ замковъ съ рыцарями, пажами, châtelaine и трубадурами, что не чувствую больше охоты осматривать эту развалину. О! м-ръ Ормъ! какая пріятная встрѣча! надѣюсь, что и вы находите ее также пріятной? Да, мы всѣ здѣсь; остальные обходятъ башни. Пойдемъ и мы, если вы ничего противъ этого не имѣете.

— Мысль пріѣхать сюда цѣлой компаніей принадлежитъ м-ру Чадвику, объясняла миссъ Уипль Орму, когда они шли рядомъ; онъ все и устроилъ... онъ отличный распорядитель.

Ормъ увидѣлъ впереди остальную компанію: Чадвика, Спокеровъ, Уиплей и м-съ Чевенингъ... и съ волненіемъ, котораго не могъ сдержать, глядѣлъ на стройную высокую фигуру, которая могла принадлежать только миссъ Чевенингъ.

— Какъ это интересно! говорилъ м-ръ Спокеръ, въ то время какъ всѣ они стояли вокругъ какого-то темнаго погреба, не правда ли, какъ это интересно? Въ гидѣ сказано, что это та

самая *oubliette*, куда Ричардъ I посадилъ де-Шомона; это переноситъ въ давно прошедшія времена, не правда ли? Посмотрите, тамъ горитъ лампа.

— Прежде чѣмъ ты совсѣмъ унесешься въ древность, мой милый, сказала нѣжная супруга, быть можетъ, ты будешь такъ добръ и сообщишь намъ, кто былъ де-Шомонъ и что онъ сдѣлалъ? Ахъ! *Я знала*, что онъ этого не знаетъ! закричала она, онъ слишкомъ сильно восторгался.

— Я знаю достаточно, чтобы находить это интереснымъ для себя, если не для тебя, отрѣзалъ онъ. Вотъ тоже курьезное мѣсто; это та самая часовня, гдѣ Гарольдъ поклялся торжественно помочь Вильгельму взойти на англійскій престолъ.

— Помилуйте, замѣтила миссъ Уипль, да здѣсь нѣтъ мѣста даже, чтобы составить простую довѣренность, не мудрено, что онъ нарушилъ клятву. Пойдемте отсюда; я совсѣмъ разочарована.

— Миссъ Чевенингъ, говорилъ юный французъ, великій англоманъ,—хотите взойти со мной на башню? съ вершины ея открывается великолѣпный видъ.

Марго была не въ духѣ; она замѣтила съ нѣкоторыхъ поръ, что Ормъ ея избѣгаетъ, и это ее больно задѣвало. Она находила его пріятнымъ и интереснымъ, уважала его и дорожила его добрымъ мнѣніемъ. А теперь выходитъ такъ, что онъ какъ-будто предпочитаетъ ей общество этого дурно воспитаннаго идіота. Конечно, она притворялась, что ей это все равно, но сердилась не только на Аллена, но и на его пріятеля и ребячески готова была чѣмъ-нибудь отплатить обоимъ.

Она сдѣлала видъ, что не замѣчаетъ вновь прибывшихъ, и чтобы избѣжать ихъ, поднялась по избитымъ каменнымъ ступенькамъ вмѣстѣ съ французомъ на верхнюю площадку, откуда открывался красивый видъ на окрестность.

— Не правда ли, великолѣпно? спросилъ ея спутникъ.

— Видъ?... разсѣянно переспросила она; она почти и не замѣтила его, — о, да...

— Я въ восторгѣ, продолжалъ тотъ.—Нѣкоторыя находятъ природу грустною и нуждаются въ развлеченіяхъ. Я, нѣтъ. Я похожъ на васъ, англичанъ. Я люблю тишину, живописное мѣстоположеніе. Я пріѣхалъ въ Трувиль не затѣмъ, чтобы жить, какъ въ Парижѣ, а для перемѣны, для простоты. Мнѣ нравятся всѣ ваши англійскія манеры и образъ жизни, охота на лисицъ, ваши романы... ахъ! я обожаю „Vicair of Wackfield“ и „Кла-

риссу Гарло", и вашъ „home", и ваши семейныя игры. Есть одна, о которой я часто слыхалъ, но нигдѣ не видалъ, ее зовутъ, кажется, „Kiss at a Ring"; не можете ли вы сказать мнѣ, какъ въ нее играютъ?

— Боюсь, что не сумѣю; но внизу есть одинъ, онъ навѣрное разскажетъ вамъ это. Спустимся и спросимъ его.

На дворѣ она увидѣла Аллена и Орма и всю остальную компанію, кромѣ матери и m-ра Чадвика, которые глядѣли, какъ сторожъ бросалъ обрывки подожженыхъ газетъ съ верхушки стѣны.

— М-ръ Чадвикъ, произнесла Марго кроткимъ и нѣжнымъ голоскомъ, обращаясь къ Аллену,—м-ру очень хочется знать, какъ играютъ въ „Kiss in the Ring". Я полагаю, что вы часто играли въ эту игру по праздникамъ, когда васъ отпускали изъ банка, и можете считаться авторитетомъ: объясните пожалуйста ему.

— Это очень просто, отвѣчалъ, ничего не подозрѣвающій Алленъ,—мы можемъ сыграть ее здѣсь, если это вамъ угодно.

— Благодарю, намъ это не угодно. Видите ли, m-er, англійскія лэди не имѣютъ обыкновенія играть въ „Kiss in the Ring".

— Значитъ, эта игра только для англійскихъ джентльменовъ? спросилъ озадаченный французъ.

Миссъ Чевенингъ засмѣялась.

— Я должна предоставить м-ру Чадвику отвѣтить на это, *онъ* во всякомъ случаѣ играетъ. Гдѣ вы въ нее играете, м-ръ Чадвикъ: въ загородныхъ садахъ и тому подобныхъ мѣстахъ? Пожалуйста объясните, m-er.

— Очень благодаренъ, галантно отвѣчалъ послѣдній,—я не желаю научиться игрѣ, въ которую я не могу играть съ англійскими лэди.

— Пожалуй, что вы правы, замѣтила Марго,—это не аристократическое занятіе, не смотря на то, что оно нравится м-ру Чадвику.

Она съ удовольствіемъ видѣла, что Ноджентъ Ормъ стоялъ возлѣ, и по его выраженію заключила, что онъ очень разсерженъ. Но тѣмъ лучше: все лучше, чѣмъ его досадное равнодушіе къ ея особѣ.

Остальная компанія разбрелась въ разныя стороны въ поискахъ за новыми развлеченіями, и она готовилась идти вслѣдъ за ними, когда ее остановилъ Ормъ.

— Не уходите, миссъ Чевенингъ, сказалъ онъ. Я долженъ съ вами поговорить.

Его тонъ былъ такой авторитетный, что она покорилась.

— Найдите мнѣ въ такомъ мѣстѣ стулъ или скамейку, отвѣчала она.

Подъ деревьями была скамейка, и она сѣла на нее.

— Вы предпочитаете объясняться стоя? спросила она Орма, который стоялъ съ нахмуренными бровями.

— Да, предпочитаю, коротко отвѣтилъ онъ.—Миссъ Чевенингъ, началъ онъ секунду спустя,—почему, ради самого неба, не можете вы оставить въ покоѣ бѣднаго Чадвика?

Она прикинулась невинной и удивленной:

— Что я сдѣлала? Я только предположила, что онъ играетъ въ вульгарную игру и оказалось, что я права.

— Вы спросили объ этомъ, чтобы унизить его и сдѣлать смѣшнымъ въ глазахъ общества.

— Онъ ничего не замѣтилъ.

— Такое оправданіе хуже, чѣмъ никакое. Я думалъ, что если я буду на сколько можно держаться подальше отъ васъ, вы будете обращаться съ нимъ по-человѣчески при встрѣчахъ.

— Я этого не могу, и не понимаю, зачѣмъ я должна терпѣть общество такого... но вы никогда не поймете, что я чувствую. Я не могу быть съ нимъ вѣжлива; одинъ видъ его...

— Не понимаю и надѣюсь, что никогда не пойму. Чѣмъ бы вы ни были, и чѣмъ бы ни былъ онъ, вы не вправѣ такъ презрительно обращаться съ нимъ. Это дерзко, дурно; вамъ бы не слѣдовало такъ поступать ради васъ самихъ, миссъ Чевенингъ. Если вы такъ сильно его презираете, то это лишняя причина оставить его въ покоѣ.

Она покраснѣла; она знала, хотя онъ-то этого не подозрѣвалъ, какой мотивъ заставилъ ее напасть въ данномъ случаѣ на его protégé; очевидно, что она достигла того, чего желала.

— Вы очень жаркій партизанъ, лукаво замѣтила она;—недаромъ говорятъ, что новообращенные всегда особенно заражены духомъ прозелитизма? А вѣдь вы очень недавно обратились, м-ръ Ормъ?

— По крайней мѣрѣ я не могу сказать про себя, что подчиняюсь предубѣжденіямъ, сердито отвѣтилъ онъ.

— А я развѣ подчиняюсь? Я не допускаю, что это предубѣжденіе; я называю это инстинктомъ, м-ръ Ормъ, инктинктомъ, который намъ данъ для обороны отъ всякихъ вредныхъ су-

ществъ. Но что бы это ни было, прибавила она своенравно, а я такъ чувствую, нравиться вамъ это или нѣтъ. Поэтому боюсь, что ваши наставленія не принесутъ пользы.

— Очевидно, отвѣтилъ онъ.

Онъ былъ раздосадованъ и огорченъ. Онъ только ухудшилъ дѣло своимъ вмѣшательствомъ и все-таки, даже сердясь на нее, не могъ не находить, что дерзкая мина удивительно какъ шла къ ея личику.

— Кончили вы съ вашими нотаціями? освѣдомилась она,— потому что въ такомъ случаѣ я пойду и погляжу, что дѣлаютъ другіе. Пожалуйста не безпокойтесь.

Онъ поглядѣлъ ей вслѣдъ, но не пошелъ за нею; она весело напѣвала про себя, уходя. У нея нѣтъ сердца, думалъ онъ; она такъ же невмѣняема въ своей безпечной жестокости, какъ ребенокъ.

Но, чтобы быть справедливымъ къ Маргò, слѣдуетъ упомянуть, что у нея были новые резоны въ послѣднее время, усиливавшіе ея антипатію къ Аллену. Она болѣе чѣмъ подозрѣвала, что мать тайно поощряетъ мысль соединить ихъ узами брака. Она не разъ слышала свое имя въ разговорахъ матери съ м-ромъ Чадвикомъ, съ которымъ она теперь была во всемъ согласна.

Ничто не заставитъ Маргò согласиться на такую ужасную и отвратительную вещь—въ этомъ она была вполнѣ увѣрена; но тѣмъ временемъ она желала, чтобы не оставалось ни у кого никакихъ сомнѣній на счетъ ея намѣреній.

Она не очень разсердилась на Ноджента. Маленькая ссора съ нимъ была пріятнымъ развлеченіемъ, и онъ былъ особенно милъ, когда сердился. Она предвидѣла такія же сцены впереди. Съ его стороны было крайне нелѣпо и неприлично читать ей наставленія и порицать ее, но лучше это, нежели равнодушіе.

Стоило ей только захотѣть, думалось ей, и она сейчасъ заставитъ его перемѣнить мнѣніе: немыслимо, чтобы онъ въ самомъ дѣлѣ предпочиталъ ей Аллена.

Ормъ соображалъ, какъ бы сократить свое пребываніе въ Трувилѣ, не обидѣвъ Чадвиковъ, когда мистрисъ Чевенингъ устранила всѣ его сомнѣнія на этотъ счетъ. Она подошла къ нему, улыбаясь самымъ неискреннимъ образомъ.

— Какъ жаль, дорогой м-ръ Ормъ, что вы такъ скоро покидаете насъ! М-ръ Чадвикъ сейчасъ сказалъ мнѣ, что вы

уѣзжаете завтра утромъ. Я не знала, что вы рѣшили пробыть здѣсь только одну недѣлю.

Теперь уже—развѣ только желаніе остаться побѣдило бы чувство самоуваженія,—нельзя было игнорировать такого безцеремоннаго *congé*; на мистрисъ Чевенингъ очевидно была возложена эта щекотливая миссія. При существующихъ обстоятельствахъ Ормъ былъ радъ своему освобожденію.

— Да, я долженъ завтра уѣхать, сказалъ онъ; я и безъ того здѣсь зажился.

— Мы этого вовсе не находимъ, любезно заговорила она, но конечно ваша профессія... вы адвокатъ, не правда ли? и чтобы составить карьеру, вы должны очень трудиться. Я вполнѣ понимаю, что вы не хотите позволить себѣ болѣе продолжительнаго отдыха... вполнѣ, вполнѣ понимаю, м-ръ Ормъ.

— Гдѣ м-ръ Алленъ Чадвикъ и м-ръ Ормъ? спросила нѣсколько позднѣе мистрисъ Уипль.

— Они пошли пѣшкомъ въ Трувиль, сказала м-съ Чевенингъ; м-ръ Ормъ не захотѣлъ сѣсть въ почтовую карету; это такъ безразсудно съ его стороны, потому что онъ долженъ рано выѣхать поутру, и ему еще предстоитъ уложиться.

— Какъ? м-ръ Ормъ уѣзжаетъ?

— О! я думала, что вы это знаете; онъ говорилъ мнѣ, что больше недѣли никакъ не можетъ здѣсь пробыть; адвокатура—такое поглощающее занятіе!

Всѣ принялись обсуждать этотъ вопросъ на разные лады, и нѣкоторые выразили сожалѣніе объ его отъѣздѣ. Только миссъ Чевенингъ ничего не говорила; быть можетъ, она не слышала объ отъѣздѣ Орма, потому что все это время старательно занималась вычисленіями дѣйствительной высоты крѣпостныхъ стѣнъ.

VII.

Въ этотъ вечеръ Ормъ, окончивъ укладку своихъ вещей, вышелъ изъ отеля на террасу, господствовавшую надъ песчанистымъ берегомъ. Терраса была въ это время безлюдна: пустыя кофейныя чашки и ликерныя рюмки стояли на маленькихъ круглыхъ столикахъ. Онъ былъ одинъ.

Онъ прислонился къ периламъ балкона и глядѣлъ на море, на которомъ быстро сгущались сумерки. Далеко, направо, двѣ яркихъ точки показывали мѣсто, гдѣ находился Гавръ,

куда онъ направится завтра; слѣва сверкали красные и желтые фонари набережной и электрическое солнце надъ Казино.

Онъ думалъ немножко печально о миссъ Чевенингъ. Онъ больше съ нею не разговаривалъ послѣ послѣдняго объясненія въ Бонвилѣ. Онъ видѣлъ ее изъ table d'hôte издалека по обыкновенію—и вѣроятно въ послѣдній разъ. Быть можетъ, думалось ему, такъ лучше. Въ такой дружбѣ всегда есть опасность: онъ чуть-чуть не влюбился въ нее. Онъ невольно восхищался ею, хотя и не сочувствовалъ ея характеру.

Но послѣдній разговоръ, думалось ему, образумилъ, разочаровалъ его. Эта дѣвушка не только легкомысленна, но и жестока, безпощадна ко всякому, кто не угождаетъ ея прихотливому нраву; упреки, просьбы надъ нею безсильны.

Спаси Богъ человѣка, который полюбитъ такую женщину!

Что касается его, онъ предупрежденъ и уѣдетъ завтра безъ сожалѣнія... развѣ въ томъ, что такъ разочаровался.

Въ то время, какъ онъ размышлялъ такимъ образомъ, онъ услышалъ скрипъ двери и шорохъ платья за спиной, и затѣмъ голосъ миссъ Чевенингъ, которая окликнула его. Онъ повернулся и увидѣлъ ее около себя: глаза ея сіяли, лицо казалось блѣднымъ.

— Вы хотите мнѣ сказать что-нибудь? спросилъ онъ, очень удивленный.

— Прежде всего я хочу спросить васъ, правда ли, что вы завтра уѣзжаете?

— Правда. Было и рѣшено, что я проживу здѣсь только недѣлю.

— Я этого не знала. Еслибы я знала, то не говорила бы съ вами такъ, какъ сегодня.

— Я, право, не помню, чтобы вы сказали что-нибудь для меня обидное.

— Ахъ, пожалуйста не отталкивайте меня холодной вѣжливостью, м-ръ Ормъ; я не могу вынести мысли, чтобы нашъ послѣдній разговоръ былъ недружелюбенъ. Я не хочу, чтобы вы были дурнаго обо мнѣ мнѣнія... и я боюсь... боюсь, что вы уже составили себѣ такое мнѣніе.

Она говорила съ такимъ кроткимъ смиреніемъ, что никакой мужчина не могъ бы не смягчиться, и только фатъ могъ перетолковать ея слова.

— Вы очень добры, что дорожите моимъ мнѣніемъ, сказалъ Ормъ.

— Конечно, дорожу; развѣ мы не были друзьями? и даже, принимая во вниманіе, какъ мало времени мы знакомы, можно сказать, что мы были добрыми друзьями... до послѣдняго времени. И, хотя я не думаю, чтобы мы когда-нибудь еще встрѣтились, но мнѣ хочется, чтобы мы разстались друзьями. Я не хочу, чтобы знакомство было испорчено.

Она была теперь опаснѣе для него, чѣмъ когда-либо. Онъ долженъ былъ держать себя въ рукахъ, чтобы не сказать чего-нибудь безразсуднаго.

— Я знаю, продолжала она, что я испортила наши отношенія, но я думаю, что и вы были слишкомъ строги! Вы не хотите понять, какъ тяжело мнѣ общество такого человѣка; вѣдь положеніе мужчины въ этомъ случаѣ совсѣмъ иное... право же такъ! Чадвикъ дѣйствуетъ мнѣ на нервы... онъ дѣлаетъ меня непохожей на самоё себя. Я не зла вообще, а только съ тѣми, кто окончательно мнѣ противенъ. Сегодня, сознаюсь, я была виновата... это было низко съ моей стороны, но увидя его такъ неожиданно передъ собой... я просто разсердилась. Мнѣ хотѣлось дать ему это почувствовать, но онъ ничего не чувствуетъ... и стыдно стало мнѣ, а не ему. Оттого я такъ съ вами и говорила. Вы знаете, какъ я не люблю сознаваться въ томъ, что виновата, но на этотъ разъ, такъ и быть, сознаюсь.

Ормъ не могъ не улыбнуться и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не быть слегка затронутымъ, хотя раскаяніе миссъ Чевенингъ очевидно было не очень глубоко.

— Ну, что жъ, это очень хорошо съ вашей стороны, съ улыбкой отвѣтилъ онъ.

— Это еще не все, торопливо подхватила она. Быть можетъ, такъ какъ вы принимаете въ немъ участіе, то васъ безпокоитъ мысль, что онъ останется на моемъ суровомъ попеченіи? Ну, такъ не безпокойтесь. Я надѣюсь, что мы не долго здѣсь пробудемъ, а пока обѣщаюсь обращаться съ нимъ такъ, какъ только могу. Довольны вы?

— Я увѣренъ, что вы объ этомъ не пожалѣете.

— Въ самомъ дѣлѣ? ну я не такъ въ этомъ увѣрена... но не бѣда. И вы теперь довѣряете мнѣ немножко больше, чѣмъ прежде, не правда ли?

Что могъ онъ, какъ не протестовать противъ предполагаемаго къ ней недовѣрія. Тѣмъ болѣе, что въ эту минуту какъ разъ больше довѣрялъ ей, чѣмъ когда-либо. Невозможно было видѣть ее въ эту минуту и думать о ней дурно.

— Ну вотъ и все... мама дожидается меня въ салонѣ; я должна идти къ ней, м-ръ Ормъ; мы, можетъ быть, больше не увидимся, поэтому позвольте пожать вамъ руку на прощанье... чтобы доказать, что мы друзья.

— Я радъ быть вашимъ другомъ, если только вы позволите... теперь и всегда, отвѣчалъ онъ; и съ секунду продержалъ ея руку въ своей.

Затѣмъ она ушла, ожививъ въ немъ сожалѣніе объ отъѣздѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и проливъ какой-то цѣлебный бальзамъ въ его сердце. Онъ теперь уѣдетъ, не унося никакой горечи съ воспоминаніемъ о ней. Знакомство съ ней не болѣе какъ эпизодъ его жизни, и эпизодъ законченный; но онъ не скоро о немъ позабудетъ, и останется навсегда съ мучительнымъ вопросомъ, чего именно избѣжалъ онъ: величайшаго ли счастія или глубокаго несчастія въ жизни?

. . . . . .

На слѣдующее утро миссъ Чевенингъ, которая была въ въ группѣ компаніи, провожавшей Орма, стояла у маяка, слѣдя глазами за пароходомъ, отплывавшимъ изъ бухты въ Гавръ, пока онъ не скрылся изъ виду въ дымѣ. Ей было немного грустно; она только теперь поняла, какъ Ормъ наполнялъ ея жизнь въ послѣднее время. На минуту ей стало больно при взглядѣ на Roches Noires и при воспоминаніи о первой прогулкѣ съ нимъ. Трувиль совсѣмъ какъ будто перемѣнился съ его отъѣздомъ... онъ сталъ совсѣмъ неинтереснымъ.

— Ормъ очень поторопился съ отъѣздомъ, сказалъ Алленъ, подходя къ ней. Мнѣ жаль, что онъ уѣхалъ, а вамъ, миссъ Чевенингъ?

Миссъ Чевенингъ отдѣлалась дипломатическимъ отвѣтомъ, что всегда грустно провожать людей, даже если они и совсѣмъ чужіе.

— Послушайте! какъ можете вы называть его чужимъ! закричалъ Алленъ. Вы очень коротко съ нимъ познакомились... почти такъ же, какъ и со всѣми нами. Ну, по крайней мѣрѣ, *насъ* вамъ не придется такъ скоро провожать, прибавилъ онъ ей въ утѣшеніе.

— Весьма возможно, замѣтила Маргò, что мы первыя уѣдемъ... чтобы избѣжать ненужнаго огорченія...

— А не то мы могли бы вмѣстѣ уѣхать, поспѣшно заявилъ онъ.

*

— Конечно, могли бы, но только я не вижу въ этомъ ни малѣйшей надобности.

Нельзя сказать, чтобы это было любезно, но ей стоило большихъ усилій вообще отвѣчать ему, и она на этотъ разъ дѣйствительно держала языкъ на привязи. Еслибы она не обѣщала Орму хорошо обращаться съ Алленомъ и еслибы не боялась огорчить мать, то не относилась бы такъ терпѣливо къ Аллену во всѣ послѣдующіе дни.

Сожалѣніе Маргò объ Ормѣ было преходящимъ, сердце ея еще было свободно, и ее сердилъ даже этотъ мимолетный проблескъ чувства. Ормъ былъ только другомъ, и она не хотѣла, чтобы онъ сталъ чѣмъ-нибудь инымъ; по всей вѣроятности она его больше не увидитъ, и эта мысль не возбуждала въ ней особеннаго огорченія. Но все же она съ удовольствіемъ о немъ думала.

Тѣмъ временемъ трувильскій сезонъ подходилъ къ концу; взрывы хохота и визги купальщиковъ и купальщицъ въ клеенчатыхъ головныхъ уборахъ становились все тише и рѣже; стало сравнительно легко добыть стулъ и даже полосатый зонтикъ на пескѣ; общество стало болѣе буржуазно: яхтмены въ бѣлыхъ карлистскихъ шапкахъ попадались рѣже, и преобладали толстяки въ черномъ альпака, водившіе на веревочкѣ очень маленькихъ собачекъ, украшенныхъ громадными розетками.

Въ отеляхъ tables-d'hôtes общество уменьшалось, и остающаяся публика мрачно подтрунивала надъ своей малочисленностью; полоски ковровъ, которые кладутся около кроватей, высовывались точно больные языки изъ оконъ верхнихъ этажей, а въ игрушечныхъ виллахъ, вдоль plage, ставни были закрыты, и швейцарскія веранды пусты.

Дальнѣйшимъ признакомъ окончанія сезона оказалось, что однажды, когда Марго съ матерью и обоими Чадвиками катались послѣ полудня, они повстрѣчали наконецъ оберъ-кельнера „Калифорніи“ и его двухъ главныхъ помощниковъ верхомъ на лошадяхъ, съ которыми повидимому тѣ плохо справлялись.

— Эге! да это тотъ молодецъ, который подаетъ мнѣ вино, закричалъ Чадвикъ, онъ непремѣнно хлопнется о земь, попомните мое слово, если не будетъ внимателенъ.

— Никто изъ нихъ и сидѣть-то на лошади не умѣетъ, сказалъ Алленъ, поглядите, вонъ тотъ потерялъ стремена!

— Вы такъ говорите, какъ будто бы были знатокомъ верховой ѣзды, замѣтила Марго кротко; развѣ вы ѣздите верхомъ?

— О, да! отвѣчалъ онъ, я очень это люблю. Я каждый день ѣзжу верхомъ дома.

Это заявленіе хотя и удивило ее, но вмѣстѣ съ тѣмъ и возвысило его въ ея глазахъ. Она очень уважала мужество и никакъ не думала, чтобы Алленъ обладалъ такимъ искусствомъ, какъ верховая ѣзда. Счастіе для него, что она не знала точные размѣры его искусства, потому что въ противномъ случаѣ отношеніе ея измѣнилось бы.

Теперь же она стала обращаться съ нимъ съ бо́льшимъ уваженіемъ, такъ что когда они вернулись домой, м-съ Чевенингъ довольно безтактно похвалила дочь за ея обращеніе съ Алленомъ.

— Мнѣ такъ пріятно видѣть, что ты хорошо относишься теперь къ молодому м-ру Чадвику, сказала она; ты совсѣмъ отдѣлалась отъ своего предубѣжденія на его счетъ, не правда ли, милая Марго?

— Если вы хотите знать правду, милая мамаша, спокойно отвѣчала Марго, то мнѣ кажется, что я съ каждымъ днемъ сильнѣе его ненавижу и презираю, но только я устала это показывать.

— Какъ это не любезно съ твоей стороны все испортить какъ разъ въ ту минуту, когда я чувствовала себя такой счастливой.

— Счастливой! по какому случаю вы чувствовали себя счастливой, мама? спросила Марго, въ эту минуту вынимавшая булавку, которою приколота была ея шляпа, и поворачиваясь къ матери.

— Вполнѣ естественно, я радовалась, что моя дочь... хорошо относится къ сыну человѣка, который сталъ короткимъ знакомымъ.

— У васъ есть другая, болѣе сильная причина, чѣмъ эта; скажите мнѣ, какая?

— Ты говоришь странныя вещи иногда, протестовала м-съ Чевенингъ; какія могутъ быть у меня болѣе сильныя причины.

— Ахъ! вы забываете, что я уже больше не ребенокъ! я могу связывать факты и дѣлать выводы и вижу, что вы уже построили разныя надежды на этой дружбѣ.

— Какъ ты смѣешь!.. начала было м-съ Чевенингъ, но дочь ее перебила.

— Безполезно хитрить, милая мама; вы знаете такъ же хорошо, какъ и я, что вамъ кажется, что было бы прекрасно, еслибы этотъ ужасный олухъ сдѣлалъ честь предложить мнѣ свою руку. Слава Богу, что такая мысль не приходитъ ему въ голову... онъ не посмѣетъ даже подумать объ этомъ... но еслибы посмѣлъ, неужели вы думаете, что я согласилась бы... ни за что, милая, это просто немыслимо!

— Хорошо, душа моя, отвѣтила мать, помолчавъ, нечего такъ волноваться. Онъ не предлагалъ пока тебѣ руки, и будетъ время волноваться, когда онъ ее предложитъ.

— Онъ будетъ дѣйствительно очень глупъ, если предложитъ; но лишь бы вы только убѣдились, что этого быть не можетъ, а до остальнаго мнѣ нѣтъ дѣла. Къ счастію, времени остается немного; полагаю, что мы вѣдь скоро уѣдемъ отсюда; всѣ вѣдь уѣзжаютъ; даже Спокеры уѣзжаютъ послѣ завтра. Когда мы уѣдемъ?

— Когда я найду это нужнымъ, былъ сердитый отвѣтъ.

— Здѣсь вѣдь очень дорого жить.

— И это опять-таки мое дѣло.

Миссъ Чевенингъ пожала плечами, собираясь выдти изъ комнаты.

— Хорошо, дорогая мама, но только предупреждаю васъ, что не могу вѣчно быть любезной съ Чадвикомъ. Я не могу поручиться, что мое терпѣніе не лопнетъ очень скоро... онъ не долженъ подвергать его слишкомъ большому испытанію.

М-съ Чевенингъ не отвѣчала. Когда ея дочь ушла, она подошла къ окну и раскрыла его точно ей было мало воздуху.

— Еслибы только она была разсудительнѣе! еслибы только она видѣла вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ! громко разсуждала она. Но я боюсь ея... да! я боюсь, что она все испортитъ.

Марго осталась очень недовольна этимъ разговоромъ: во-первыхъ, ей непріятно было, что онѣ еще остаются въ Трувилѣ— онъ ей порядкомъ надоѣлъ; во-вторыхъ, у нея были и другія причины безпокоиться. Она не довѣряла матери; послѣдняя, хотя и вялая и даже слабохарактерная женщина, способна была иногда хитрить и добиваться достиженія какой-нибудь цѣли съ удивительной энергіей и настойчивостью. Въ послѣднее время Марго инстинктивно чувствовала, что мать все ведетъ къ тому, чтобы Алленъ Чадвикъ сталъ ея зятемъ, и что это дѣлается съ согласія отца, и при его содѣйствіи.

Это не пугало миссъ Чевенингъ, такъ какъ она вполнѣ

была увѣрена, что сумѣетъ противустоять всякимъ доводамъ, просьбамъ или настояніямъ; но она негодовала на то, что родная мать такъ плохо ее знаетъ. И кромѣ того она чувствовала, что поддерживала эту иллюзію въ послѣднее время своимъ болѣе мягкимъ обращеніемъ съ ненавистнымъ ей юношей. *Этой* ошибки она рѣшила во всякомъ случаѣ избѣгать на будущее время.

Поэтому вечеромъ, когда она, по установившемуся теперь порядку, шла рядомъ съ Алленомъ въ Казино, позади родителей, то ею опять овладѣлъ духъ мятежа и неповиновенія. Какъ долго, думала она, продлится это? Какъ долго еще онъ не доставитъ ей случая отказать ему? правда, что до сихъ поръ онъ еще не принималъ вида поклонника... въ сущности онъ слишкомъ ея боялся для этого.

— Хорошо я отдѣлалъ кельнеровъ, не правда ли, миссъ Чевенингъ? спросилъ онъ. Вы слышали?

— Вы постарались, чтобы я услышала, отвѣтила она.

Проходя мимо оберъ-кельнера въ сѣняхъ, Алленъ, въ подражаніе отцу, подтрунилъ на его счетъ.

— Вы думаете, что онъ обидѣлся? спросилъ Алленъ, встревоженный ея тономъ. Онъ вѣдь разсмѣялся во весь ротъ.

— Вы несомнѣнно очень его позабавили, но извините, если я попрошу васъ на будущее время, когда вамъ вздумается забавлять кельнеровъ веселыми шутками, дѣлать это не въ моемъ присутствіи.

— Да что жъ такое? я только сказалъ ему...

— Покорнѣйше прошу васъ замолчать, произнесла миссъ Чевенингъ съ грозной отчетливостью. Я сегодня не особенно хорошо настроена и не расположена разговарить.

Онъ искоса поглядѣлъ на нее, не вѣря, что она говоритъ серьезно, но сердито сдвинутыя брови и грозно стиснутыя губы убѣдили его, хотя онъ былъ и не уменъ, что лучше послѣдовать ея совѣту, пока они не дойдутъ до Казино.

Придя туда, м-съ Чевенингъ, усѣвшись на площадкѣ вмѣстѣ съ Чадвикомъ, шутливо предложила, чтобы Алленъ пошелъ и проигралъ немного денегъ въ „Petits Chevaux“, потому что Маргò всегда такъ забавляетъ глядѣть на эту игру. И такъ, если они пообѣщаютъ пробыть тамъ не очень долго, то могутъ идти... и они пошли, потому что Маргò разсчитывала, что тамъ по крайней мѣрѣ она будетъ избавлена отъ его разговоровъ.

„*Les Petits-Chevaux*“—наиболѣе извѣстная изъ всѣхъ французскихъ игръ, которыя въ употребленіи на водахъ,—не особенно разорительное развлеченіе... въ Трувилѣ по крайней мѣрѣ. То обстоятельство, что управленіе не имѣетъ никакого интереса въ ставкахъ, обезпечиваетъ безусловную добросовѣстность игры; каждая изъ маленькихъ оловянныхъ лошадокъ „пускается на призъ“, и самый азартный игрокъ не можетъ проиграть или выиграть больше нѣсколькихъ франковъ. Для большинства спортсменовъ, которые, по выраженію одного романиста, „не умѣютъ отличить лошади отъ сандвича съ ветчиной“, *Les Petits-Chevaux* представляютъ высшій родъ призовыхъ скачекъ, при чемъ входъ на нихъ даровой, и скачка происходитъ черезъ каждыя четыре минуты вмѣсто того, чтобы происходить черезъ каждыя четверть часа.

У спекулятора всегда есть шансъ изъ восьми, что онъ выиграетъ въ семеро противъ своей ставки—и отъ этого-то игра такъ популярна у людей всѣхъ возрастовъ, начиная со стариковъ и старухъ, и кончая молоденькими дѣвушками и даже дѣтьми, которыя толпятся вокругъ зеленаго сукна, съ такимъ же волненіемъ, съ какимъ зрители окружаютъ ипподромъ Дерби или Grand Prix.

Марго стояла и глядѣла на это зрѣлище, которое всегда занимало ее на продолжительное время. Всѣ игроки были такъ удивительно серьезны; всѣ такъ отчаянно протискивались впередъ, чтобы успѣть схватить билетикъ съ лопаточки, на концѣ палки, съ которою крупьѐ обходилъ всѣхъ; горькая зависть и протесты неслись съ той стороны, куда онъ не успѣлъ повернуть, такъ какъ въ Трувилѣ число билетовъ, продаваемыхъ на каждую скачку, ограничено. Крупьѐ игнорируетъ десятки протягиваемыхъ рукъ и противится самымъ обольстительнымъ просьбамъ съ полнымъ сознаніемъ своего значенія; затѣмъ слышится желанный звукъ спущенный пружины, и вотъ ярко раскрашенныя „лошади“ завертятся, завертятся и затѣмъ мало по малу разрознятся, замедлится ходъ и останавливаются, одна за другой, пока судья тріумфально не возвѣститъ выигрышные нумера, а кассиръ не уплатитъ деньги по соотвѣтствующему билету.

Марго видала много постоянныхъ посѣтителей, которые проходили на открытіе скачки въ половинѣ девятаго и оставались до десяти или одиннадцати часовъ; такъ напримѣръ одна сердитая старая дама, у которой ротъ былъ похожъ на

кошелекъ, и мужъ которой платилъ проигрышъ, тогда какъ она клала выигрышъ себѣ въ карманъ; другой такой посѣтитель былъ старикъ англо-парижанинъ, усаживавшійся напротивъ зеленаго сукна съ безстрастнымъ видомъ и очень рѣдко рѣшавшійся попытать счастіе; наконецъ одна очень полная дамочка, съ хорошенькимъ лицомъ, голыми руками и удивительными, вульгарными манерами. Возлѣ помѣщались парочка новобрачныхъ и черезъ чуръ нарядная дѣвочка, которой мать въ эксцентрической шляпѣ и туалетѣ, давала франкъ, чтобы она попытала счастія.

Около Марго стоялъ старикъ-французъ, который отъ постояннаго присутствія такъ изучилъ металлическихъ коней, что въ самомъ началѣ скачки могъ сказать, которая изъ лошадей остановится раньше и на какомъ мѣстѣ, онъ безразлично волновался, была у него ставка или нѣтъ, и походилъ на другихъ спортсменскихъ пророковъ въ томъ отношеніи, что его предсказанія не всегда оправдывались.

— Хотите попытать счастія! спросилъ Алленъ, я достану вамъ билетъ.

Миссъ Чевенингъ отказалась; ей непріятно было принять отъ него малѣйшую услугу, да и гордость мѣшала участвовать въ неприличной погонѣ за франками въ этой смѣшанной компаніи.

— Хорошо, а я такъ попытаюсь, отвѣтилъ Алленъ, если вы согласны побыть одна.

— Сюда, *ici!* закричалъ онъ, и когда крупьѣ подошелъ съ лопаточкой, схватилъ билетъ.

— Нумеръ третій, произнесъ Алленъ, онъ не выходилъ во все время, какъ мы тутъ находимся. Я очень счастливъ въ игрѣ. Намедни выигралъ всю ставку.

— Еще бы, отвѣтила Марго, презрительно кривя ротъ, вы такъ тщательно избѣгаете проигрыша.

— О! у меня есть голова на плечахъ, согласился онъ. Что такое кричитъ этотъ субъектъ?

— Онъ говоритъ, что кто-то не заплатилъ за свой билетъ, сказала Марго. Не очень честный поступокъ, если сдѣланъ нарочно, не правда ли?

— О! многіе изъ этихъ французовъ на все способны, отвѣчалъ онъ; и кассиръ, не получая отвѣта на свой вопросъ, кто не заплатилъ за билетъ, высыпалъ деньги въ кассу, пожавъ плечами.

Кудрявый мальчикъ съ невиннымъ лицомъ, точно у примѣрнаго мальчика въ нравственныхъ гравюрахъ, разставлялъ лошадей въ позицію для новой скачки, и послѣдняя началась.

— Le quatre est bon! сказалъ старикъ французъ покровительственно сосѣду, le quatre est très bon.

Но № 4 остановился подъ одной изъ мѣдныхъ арокъ на другомъ концѣ отъ дистанціоннаго столба.

— Ce sera le sept, возвѣстилъ французъ съ авторитетомъ, когда № 7 все ближе и ближе подвигался къ столбу.

— Ah, non, il a passé (съ глубочайшей меланхоліей), il va mourir... il est mort!

— Я вамъ говорилъ! закричалъ Алленъ. Поглядите на третій нумеръ, онъ выиграетъ непремѣнно... вотъ увидите.

Марго не слушала его.

— Ce sera le deux, объявилъ непогрѣшимый французъ, ou le trois! прибавилъ онъ.

— Какая жара! говорилъ Алленъ, который повидимому очень волновался. Вотъ что называется дикое счастіе, не правда ли?

Но она не отвѣчала.

Судья веревочкой измѣрялъ разстояніе между носами лошадей и столбомъ.

— Le trois! объявилъ онъ съ усмѣшкой, l'excellent trois, messieurs et mesdames; и онъ презрительнымъ щелчкомъ поставилъ неудачный № 2 на прежнее мѣсто.

— Сюда! завопилъ Алленъ кассиру, ici avec la monnaie— c'est moi j'ai le trois: regardez!

— Я бы такъ не волновалась на вашемъ мѣстѣ, презрительно сказала Марго, они здѣсь не обманываютъ... они ведутъ игру вполнѣ честно!

— Клянусь Юпитеромъ! вдругъ воскликнулъ онъ, мнѣ сдается, что это я забылъ заплатить два франка за билетъ... вотъ они здѣсь у меня въ карманѣ.

— Я знала, что это вы, отвѣтила Марго, я за вами наблюдала.

Онъ засмѣялся.

— Хорошо я ихъ провелъ. Но я это сдѣлалъ нечаянно, знаете. Я такъ спѣшилъ. Но все-таки это недурная шутка.

— Понятія о шуткахъ бываютъ разныя, отвѣтила Марго. Довольно съ васъ? спросила она, въ то время, какъ онъ клалъ выигрышъ въ карманъ.

— Подождите немножко, я хочу еще разъ попытаться. Послушайте, что они кричатъ: Qui désire de la monnaie? Я думаю, что намъ всѣмъ нужны деньги, какъ вы думаете?

— Онъ предлагаетъ размѣнять деньги на мелочь, отвѣтила Марго съ усталымъ отвращеніемъ.

Главный крупьѐ и судья, который повидимому легкомысленно относился къ своимъ обязанностямъ, держалъ послѣдній билетъ на лопаточкѣ.

— C'est le huit, messieurs, le beau huit, l'excellent huit. Qui veut le huit?

— Вотъ, давайте его сюда, сказалъ Алленъ и захватилъ билетъ. Вы видѣли, что теперь я заплатилъ за него, обратился онъ къ Марго, которая ничего не видѣла и не слышала.

Снова мальчикъ съ невиннымъ лицомъ пустилъ лошадей вскачь.

Восьмой нумеръ, какъ замѣтилъ опытный французъ, очень лѣнивое животное, и на этотъ разъ онъ оправдалъ свою репутацію, потому что остановился на полдорогѣ отъ столба.

Алленъ проговорилъ:—Ну, на этотъ разъ неудача! и разорвалъ свой билетъ, въ то время какъ другія лошади скакали съ бо́льшей или мѐньшей быстротой. Но вотъ совершился неожиданный поворотъ колеса фортуны... всѣ лошади остановились позади восьмаго нумера, такъ что презираемый восьмой оказался побѣдителемъ въ концѣ концовъ.

Алленъ разорвалъ свой билетъ, но полъ былъ усыпанъ упраздненными билетами всѣхъ нумеровъ, и онъ поднялъ такой, на которомъ стоялъ выигрышный нумеръ, хотя онъ былъ другаго цвѣта, чѣмъ тотъ, который ему достался первоначально!

— Voilà! c'est moi... j'ai gagné! завопилъ онъ въ то время, какъ кассиръ—не тотъ, который продавалъ билеты—взглянувъ на билетъ, презрительно оттолкнулъ его.—Сюда! продолжаетъ вопить Алленъ, заплатите мнѣ, слышите! Скорѣе! говорю вамъ, что у меня былъ восьмой нумеръ, вотъ эта молодая особа скажетъ вамъ, какъ было дѣло. Миссъ Марго, скажите имъ...

Онъ оглянулся, говоря это, но увидѣлъ, что онъ одинъ.

Около одной изъ большихъ стеклянныхъ дверей салона, отведеннаго для *Petits Chevaux*, сидѣли на террасѣ м-съ Чевенингъ и м-ръ Чадвикъ.

— Вы знаете, говорилъ послѣдній, отряхивая пепелъ сигары

въ кадку съ апельсиннымъ деревомъ, я не утверждаю, что мой малый такой ловкій, какимъ бы мнѣ желательно было его видѣть, но я не могу позволить, чтобы на него смотрѣли свысока.

— Но право же, дорогой м-ръ Чадвикъ, бормочетъ сконфуженно м-съ Чевенингъ, право же, никто и не думаетъ глядѣть на него свысока. И когда онъ пробудетъ въ обществѣ приличныхъ молодыхъ англійскихъ дѣвицъ...

— Прекрасно, отвѣтилъ онъ, вотъ ваша миссъ Марго... очень приличная дѣвица, но мнѣ сдается, что она совсѣмъ не такъ дружелюбно къ нему относится, какъ мнѣ бы хотѣлось.

— Какъ вы можете это говорить! вскрикиваетъ м-съ Чевенингъ. Марго такая оригинальная дѣвушка; она дружится очень не легко... она въ меня... но за то на ея дружбу можно положиться. Я могла бы привести вамъ много доказательствъ того, что она и Алленъ очень подружились... развѣ вы не замѣтили, что они почти неразлучны. Увѣряю васъ, что я еще не видѣла, чтобы она съ кѣмъ-либо проводила такъ много времени. Меня, по правдѣ сказать, это даже удивляетъ.

— Они дѣйствительно часто бываютъ вмѣстѣ, согласился и онъ; очень можетъ быть, что, какъ вы говорите, они короче познакомились, чѣмъ это кажется.

— Безъ сомнѣнія, вы сами видите, на сколько его манеры измѣнились къ лучшему... дружба съ откровенной, здоровой, хорошо воспитанной дѣвушкой—какова моя дочь... я не могу этого не замѣтить, хотя и мать... уже сама по себѣ можетъ перевоспитать человѣка. А тутъ кромѣ дружбы ничего и нѣтъ. Марго нисколько не желаетъ вскружить ему голову... не бойтесь.

— Еслибы она вскружила ему голову и вышла за него замужъ—я ничего бы противъ этого не имѣлъ, сказалъ Чадвикъ; но полагаю, что это будетъ *вамъ* не по сердцу... вы не захотите водиться съ нами въ иномъ мѣстѣ... но разъ уже зашла объ этомъ рѣчь, то по-моему это было бы хорошо.

— Вы очень, очень несправедливы! отвѣчала м-съ Чевенингъ. Съ какой стати я буду питать такія нелѣпыя идеи? Неужели вы думаете... неужели вы не видите, какъ я... какъ я цѣню ваше знакомство. Я почти боюсь того, что оно такъ скоро кончится.

— Какъ кончится? мы не такъ далеко живемъ отъ Лондона. Я буду часто пріѣзжать; а не то найму домъ на весь сезонъ. Наше знакомство будетъ продолжаться, если вы этого хотите.

— Это всегда такъ говорится; но вы найдете себѣ новыхъ знакомыхъ въ своемъ графствѣ, и вамъ скоро надоѣстъ пріѣзжать въ Чисвикъ. Я увѣрена, что Марго будетъ скучно безъ своего пріятеля Аллена... она такъ привыкла къ нему, бѣдняжка.

— Если вы дѣйствительно такъ думаете, наклонился онъ къ ней, то...

Но м-съ Чевенингъ не суждено было услышать окончанія этой фразы, потому что какъ разъ въ эту минуту передъ ними выросла тѣнь, и, поднявъ глаза, они увидѣли передъ собой Марго.

— М-ръ Чадвикъ, сказала она съ спокойствіемъ, которое очевидно, стоило ей усилія, мнѣ кажется, вамъ лучше пойти къ сыну. Онъ завелъ тамъ исторію.

— Что такое? Алленъ? спросилъ Чадвикъ, вставая; въ чемъ дѣло?

— Спросите лучше его самого; но не теряйте времени.

Онъ сейчасъ же пошелъ, а Марго взяла мать за руку.

— Пойдемте, мамаша, поскорѣе... прежде чѣмъ они вернутся! Я не могу съ нимъ говорить, не могу! торопливо прибавила она.

Брови ея были сдвинуты, и глаза горѣли мрачнымъ огнемъ. М-съ Чевенингъ сразу увидѣла, что дѣло неладно.

— Не разспрашивайте меня здѣсь; уйдемте, уйдемте отсюда! твердила Марго.

— Конечно, лучше уйдти, отвѣчала мать, скрывая свое неудовольствіе, какъ умѣла.

Когда они отошли отъ Казино и остались вдвоемъ, м-съ Чевенингъ спросила:

— Теперь, можетъ быть, ты скажешь мнѣ, въ чемъ дѣло.

— Онъ хотѣлъ сплутовать, мамаша! *два раза*! Въ первый разъ, я думала, это случилось по ошибкѣ... но во второй разъ они уличили его, и онъ осмѣлился... онъ осмѣлился требовать, чтобы я покрывала его.

— Что ты ему сказала? Что ты сдѣлала?

— Я? Ничего! Я оставила его и пришла къ вамъ; онъ такую сдѣлалъ сцену, что всѣ на насъ глядѣли! О, мамаша, еслибы вы знали, какъ мнѣ было стыдно!

Негодованіе и отвращеніе Марго были понятны въ данномъ случаѣ, она не видѣла, какой нумеръ достался Аллену; она слышала только, какъ онъ сказалъ, что лошадь проиграла

и разорвалъ свой билетъ, и съ ужасомъ увидѣла, что онъ поднялъ съ полу другой и представилъ его вмѣсто своего.

Дипломатія заставила м-съ Чевенингъ снисходительно и—хотя она того и не подозрѣвала,—вѣрно понять фактъ.

— Ты, должно быть, ошиблась; нелѣпо думать, чтобы такой богатый молодой человѣкъ сталъ обманывать изъ-за нѣсколькихъ жалкихъ франковъ.

— Я не ошибаюсь. Я стояла тутъ и все видѣла. Что онъ богатъ, такъ это тѣмъ хуже. Но я знала, что онъ такой. Я заставляла себя переносить его общество потому, что вы этого желали; но послѣ этого вы не станете требовать, чтобы я долѣе унижала себя, не правда ли?

— Я увѣрена, что все объяснится.

— Если вамъ угодно, то вы можете слушать объясненія, но я не стану. Я больше въ жизнь свою не скажу съ нимъ ни слова. Я это говорю серьезно, мамаша. Я слишкомъ долго терпѣла. Скажите ему, что я больше знать его не хочу.

— Это нелѣпо. Какъ избѣжишь ты его въ такомъ мѣстѣ, какъ Трувиль?

— А вотъ увидите. Я лучше буду сидѣть весь день у себя въ комнатѣ, чѣмъ встрѣчаться и разговаривать съ нимъ. Если онъ осмѣлится ко мнѣ подступиться, я выскажу ему напрямки, какого я о немъ мнѣнія! объявила сердито Марго.

— Въ такомъ случаѣ, моя душа, отвѣтила м-съ Чевенингъ, ты надѣлаешь большихъ бѣдъ, хотя и не подозрѣваешь объ этомъ.

VIII.

М-съ Чевенингъ на этотъ разъ ничего больше не сказала, а Марго, высказавъ свое негодованіе, тоже была такъ благоразумна, что удовольствовалась этимъ. И обѣ дошли до „Калифорніи“ молча.

Двое усталыхъ слугъ, быть можетъ, изъ числа утреннихъ всадниковъ, отдыхали на диванахъ въ залѣ и вскочили, какъ виноватые, при ихъ появленіи.

Увидя лицо матери при яркомъ освѣщеніи, Марго нашла, что оно какъ будто похудѣло и утомлено.

— Я устала, мама, сказала она, да и вы также. Я сейчасъ лягу спать.

— Подожди нѣсколько минутъ, отвѣчала м-съ Чевенингъ,

снимая пальто дрожащими руками. Мнѣ надо съ тобой переговорить сначала... о Чадвикахъ.

Марго сѣла съ покорнымъ видомъ.

— Развѣ мы недостаточно о нихъ говорили, протестовала она.

— Я хочу знать: серьезно ли то, что ты мнѣ сейчасъ сказала. Должна ли я понять, что ты отказываешься отъ всякаго общенія съ этимъ мальчикомъ... или какъ ты тамъ сказала?

— Я бы хотѣла этого, но вѣроятно этого нельзя сдѣлать безъ исторіи. Но я положительно отказываюсь куда-либо съ нимъ отправляться вдвоемъ.

— Ты прекрасно знаешь, что я никогда этого не допускала. Я всегда была по близости.

— Но мнѣ приходилось гулять съ нимъ, сидѣть рядомъ, разговаривать. Я больше этого не хочу.

— Ты хочешь сказать, что намѣрена публично заявить, что не считаешь его достойнымъ своего общества?

— Онъ не достоинъ моего общества, гордо произнесла Маргò. Даже, еслибы не было послѣдняго обстоятельства, то вы должны, право, согласиться, что нельзя же заставлять меня обращаться съ нимъ, какъ съ равнымъ. Одного его произношенія достаточно; онъ безнадежно вульгаренъ и неблаговоспитанъ. Я все терпѣла до сегодняшняго вечера; но неужели же вы хотите, чтобы я показывалась въ общественныхъ мѣстахъ съ человѣкомъ, который способенъ плутовать въ игрѣ.

— Я освобождаю тебя на будущее время отъ всякихъ подобныхъ непріятностей, но ты должна обѣщать мнѣ вести себя разсудительно на этотъ разъ. Бѣдный мальчикъ дурно воспитанъ, и это очень жаль, конечно; но мы должны жалѣть его. Я не могу повѣрить, что ты не ошибаешься касательно своего послѣдняго утвержденія; но, подумай, что почувствуетъ его бѣдный отецъ, если ты будешь такъ уничтожать его сына?

— Развѣ я виновата, что онъ своимъ поведеніемъ заслужилъ это?

— М-ръ Чадвикъ можетъ оказаться очень полезнымъ для насъ другомъ современемъ. Ты не знаешь жизни, Марго, ни того, какъ мнѣ трудно жить и не дѣлать долговъ, братъ и сестры твои ростутъ, и я не сплю ночи напролетъ, раздумывая, какъ мнѣ обезпечить ихъ отъ нужды и что съ ними будетъ, если вдругъ я умру. Но ты ни о комъ не думаешь, кромѣ себя самой... ты предоставляешь мнѣ всѣ жертвы, хочешь,

чтобы я одна несла все бремя заботъ, а сама ничѣмъ не хочешь помочь мнѣ.

— Вы хотите этимъ сказать, что разсчитываете занять денегъ у м-ра Чадвикъ? вскричала Марго, неужели мы такъ низко пали?

— Ты, кажется, намѣрена только оскорблять меня! страстно отвѣтила м-съ Чевенингъ. Какъ мнѣ заставить тебя понять, что долгъ ко мнѣ и къ твоимъ сестрамъ и брату обязываетъ тебя слушаться моихъ приказаній. Не смѣй выказывать никакого неуваженія этому молодому человѣку, слышишь? онъ не долженъ замѣтить никакой перемѣны въ твоемъ обращеніи! я тебѣ это приказываю и не выпущу отсюда до тѣхъ поръ, пока ты не дашь мнѣ слово.

Марго нервно теребила руками бархатную скатерть на столѣ.

— Дорогая мама, серьезно проговорила она, безполезно требовать этого отъ меня; если я и дамъ обѣщаніе, то не сдержу его; вы слишкомъ многаго отъ меня требуете! Я знаю, чего вы хотите: вы надѣетесь, что я привыкну къ нему и затѣмъ соглашусь выйдти за него замужъ. Я вамъ уже говорила раньше, что не могу этого сдѣлать ни для васъ, ни для кого на свѣтѣ. Вы должны отказаться отъ этой мысли... ничто не заставитъ меня покориться ей.

— Ну, а я опять повторяю тебѣ, нетерпѣливо отвѣтила мать, что никто отъ тебя ничего такого не требуетъ. Я просто прошу тебя быть снисходительной и терпѣливой и ничего не говорить и не дѣлать такого, что можетъ вызвать разрывъ. Неужели ты будешь такъ упряма и неблагоразумна, что откажешь мнѣ въ этомъ.

Марго казалось, что, если она сдастся на этомъ пунктѣ, то впослѣдствіи отъ нея потребуютъ больше того, что она въ состояніи выполнить. Она чувствовала, что безусловно не можетъ обѣщать не высказывать своего презрѣнія Аллену Чадвику, послѣ того, что случилось... и что несправедливо и требовать отъ нея этого.

— Я отказываю, твердо отвѣчала она; я ненавижу его и хочу, чтобы онъ объ этомъ зналъ.

— Если такъ, то ты больше здѣсь не останешься; я завтра отошлю тебя отсюда.

Если она надѣялась запугать этимъ дочь, то ошиблась.

— Неужели это правда, закричала Марго. Я завтра вернусь въ Литльгамптонъ къ сестрамъ и брату... не буду

больше видѣть этихъ Чадвиковъ? Мама, это слишкомъ большое счастіе; мнѣ не вѣрится, чтобы это могло быть.

— Счастіе или нѣтъ, отвѣтила ледянымъ тономъ м-съ Чевенингъ, но будетъ такъ, какъ я говорю. Я доведу тебя сама до Гонфлера завтра и посажу на пароходъ, который идетъ въ Литльгамптонъ. Поэтому тебѣ лучше уже съ вечера уложить свои вещи.

— Значитъ, сами вы не поѣдете въ Литльгамптонъ? съ удивленіемъ вскричала Марго.

— Разумѣется, теперь не поѣду. Мнѣ очень хорошо и здѣсь, въ Трувилѣ. На себя-то вѣдь я могу положиться, если и не могу положиться на то, что дочь моя сумѣетъ пробыть нѣсколько дней, не оскорбляя людей, дружбой которыхъ я дорожу. Мнѣ нѣтъ ни малѣйшаго удовольствія путешествовать съ непослушной, неблагодарной дѣвочкой, увѣряю тебя.

Марго старалась выказать должное огорченіе, но радость отъ неожиданнаго избавленія была такъ велика, что она не въ силахъ была ее скрыть и только опасалась одного, какъ бы м-съ Чевенингъ не перемѣнила мнѣнія на утро.

Но та очевидно составила безповоротное рѣшеніе: она взяла мѣсто въ дилижансѣ и послала телеграмму миссъ Гендерсонъ, гувернанткѣ, и такъ все уладила, что Марго и она усѣлись въ жалкій дилижансъ Гонфлера, въ то время какъ м-ръ Чадвикъ съ Алленомъ дѣятельно разыскивали ихъ на *plage*.

Марго съ облегченіемъ вздохнула, когда онѣ оставили за собой Трувиль и Довиль, сверкавшіе на солнцѣ. Какъ ни были пріятны нѣкоторыя воспоминанія о пребываніи въ Трувилѣ, послѣднія событія заставили ее желать какъ можно скорѣе съ нимъ раздѣлаться. Она горячо благодарила Бога за то, что ей не придется больше гулять съ Алленомъ Чадвикъ.

Литльгамптонскій пароходъ стоялъ на одной изъ набережныхъ и отплывалъ въ сумерки; и м-съ Чевенингъ, все время обиженно молчавшая во время дороги, взяла мѣсто на пароходѣ для Марго. Обѣ дамы вмѣстѣ пообѣдали въ одномъ изъ отелей, прежде чѣмъ Марго отправилась на пароходъ; но обѣдъ тоже прошелъ въ молчаніи и взаимномъ неудовольствіи.

— Я должна теперь съ тобой проститься, холодно сказала м-съ Чевенингъ. Я бы желала не отсылать тебя, но ты меня къ этому принудила; я говорила, впрочемъ, съ буфетчицей парохода, и миссъ Гендерсонъ встрѣтитъ тебя въ Литльгамптонѣ,

такъ что твое путешествіе обойдется благополучно. Прощай, Марго. Я надѣюсь, что по зрѣломъ размышленіи ты поймешь, какъ ты была глупа и безразсудна.

— Прощайте, милая мама, жалобно отвѣтила Марго, не сердитесь на меня и... и поскорѣе возвращайтесь къ намъ.

— Ты услышишь... то-есть я дамъ знать миссъ Гендерсонъ, когда меня ждать.

И м-съ Чевенингъ, проводивъ Марго на пароходъ и рекомендовавъ ей какъ можно больше сидѣть въ своей каютѣ, вернулась на берегъ, чтобы во-время поспѣть къ отходу дилижанса въ Трувиль.

Ей не очень пріятно было отпускать такимъ образомъ дочь, но дѣлать было нечего, такъ какъ самой ей никакъ нельзя было, по ея соображеніямъ, уѣхать изъ Трувиля. Марго, кромѣ того, была вполнѣ способна позаботиться о самой себѣ, а гувернантка встрѣтитъ ее на набережной на другое утро, тотчасъ по прибытіи парохода.

Марго сознавала, что попала въ немилость и хотя по гордости не хотѣла этого выказать, но ей было больно, что мать такъ холодно простилась съ нею. Тѣмъ не менѣе преобладающимъ въ ней чувствомъ была радость... радость отъ того, что между нею и ея *bête noire*, Алленомъ Чадвикъ, будетъ теперь Ла-Маншъ. Она не раскаявалась въ твердости, благодаря которой добилась освобожденія. И теперь ѣхала къ сестрамъ и брату—то-есть тѣмъ существамъ, которыя были ей дороже всего другаго на свѣтѣ.

Такимъ образомъ, прежде чѣмъ пароходъ вышелъ изъ гавани, миссъ Чевенингъ уже забыла обо всемъ непріятномъ и заснула въ полномъ довольствѣ своей судьбой.

Тѣмъ временемъ м-ръ Чадвикъ тщетно искалъ глазами изящнаго фуляроваго платья, которое обыкновенно носила по утрамъ м-съ Чевенингъ. Ему было скучно безъ нея; онъ привыкъ къ ея обществу, и присутствіе сына не могло разсѣять его скуки.

За *dejeuner* ея мѣсто и мѣсто дочери оставались незанятыми, но онъ все еще думалъ, что она отправилась куда-нибудь по близости.

— Еслибы она сказала мнѣ, что ей нужно съѣздить куда-то, повторялъ онъ, мы могли бы вмѣстѣ отправиться.

Алленъ ничего не говорилъ сначала, но позднѣе выразилъ въ словахъ опасеніе, овладѣвшее имъ.

— Вы не думаете, что онѣ *совсѣмъ* уѣхали? спросилъ онъ.

— Какъ? даже не попрощавшись и послѣ того какъ мы такъ сдружились въ послѣднее время! Нѣтъ, разумѣется, не думаю, отвѣчалъ отецъ. Но это странно, потому, что прошлымъ вечеромъ, въ Казино...

— Вы не думаете... что онѣ разсердились на меня за то, что я повздорилъ съ кассиромъ? спросилъ Алленъ, краснѣя. Я тутъ въ послѣдній разъ видѣлъ миссъ Марго. Я оглянулся, а ея ужь и нѣтъ. Я потомъ все дивился, почему она ушла.

— Знаешь, гдѣ она была? Она приходила ко мнѣ сказать, что ты поссорился, и просила сходить выручить тебя. Что ты *объ этомъ* скажешь. Она была такъ взволнована и такъ раскраснѣлась, точно ты ей былъ роднымъ братомъ. Я думаю, что она боялась, что управленіе надѣлаетъ тебѣ большихъ непріятностей.

Большая тяжесть свалилась съ плечъ Аллена. Онъ былъ внѣ себя отъ радости, что величественная миссъ Чевенингъ удостоила безпокоиться о немъ; это поддало новаго жару его обожанію. Онъ, значитъ, терзался фантастическимъ страхомъ, что она сердится на него за игру въ *Petits-Chevaux* и уѣхала отъ негодованія и отвращенія къ нему.

— И такъ, она присутствовала при началѣ сцены? воскликнулъ онъ; я бы желалъ, чтобы она видѣла, чѣмъ дѣло кончилось. Они сейчасъ же уступили, когда увидѣли, что одинъ я заявляю требованіе на билетъ. Я бы ни за что не уступилъ имъ мой выигрышъ, нужды нѣтъ, что разорвалъ билетъ!

— Хорошо, ты сегодня за обѣдомъ разскажешь ей объ этомъ. Она меня просто напугала. Я ожидалъ, что ты сегодня поутру первымъ дѣломъ будешь драться на дуэли — на пистолетахъ или на сабляхъ! Она такъ была взволнована, что уговорила мать идти домой, и вотъ почему мы ихъ уже не застали, когда вернулись.

Но въ этотъ вечеръ за *table-d'hôte* м-ръ Чадвикъ увидѣлъ, какъ одинъ изъ кельнеровъ бралъ стулья м-съ и миссъ Чевенингъ, чтобы подать ихъ двумъ постороннимъ лицамъ.

— Постойте, гарсонъ, остановилъ его м-ръ Чадвикъ, эти стулья заняты... тутъ всегда сидятъ двѣ дамы... развѣ вамъ это неизвѣстно?

— Pardon, но онѣ уѣхали; я самъ видѣлъ, какъ ихъ багажъ ставили въ омнибусъ, чтобы отвести въ дилижансъ, который

ходитъ въ Гонфлеръ. Я присутствовалъ при отъѣздѣ, отвѣчалъ тотъ.

М-ръ Чадвикъ очевидно былъ смущенъ этимъ извѣстіемъ, хотя и не выразилъ этого тутъ же.

— Прекрасно, сказалъ онъ, мнѣ все-равно, не люблю только, когда людей сгоняютъ съ ихъ мѣста, вотъ и все.

Но позднѣе онъ съ необыкновенной горечью заговорилъ объ этомъ съ Алленомъ:

— Я рѣшительно не понимаю этого, повторялъ онъ; это меня поражаетъ. Должно быть, я слишкомъ долго пробылъ внѣ Англіи. Но если женщина была со мной любезна,— такъ это она. И сколько денегъ я издержалъ, чтобы доставить ей удовольствіе. Не то, чтобы я жалѣлъ ихъ; вовсе нѣтъ; но уѣхать, ни слова не сказавъ и даже не оставивъ записки, въ которой бы говорилось, что ей жаль, что она уѣзжаетъ или что она надѣется, что мы снова увидимся, или что-нибудь въ этомъ родѣ! Если это свѣтскія манеры, то покорно васъ благодарю! Пока удобно—съ вами знакомы, а затѣмъ выбросятъ васъ, какъ поношенныя перчатки! Онѣ меня возмущаютъ! я думалъ, что онѣ не такія неблагодарныя.

— Быть можетъ, что-нибудь ихъ заставило уѣхать... такъ неожиданно, предположилъ Алленъ.

Ему самому хотѣлось такъ думать, и всякія размышленія о Марго причиняли ему удивительную боль.

Но это предположеніе только навлекло гнѣвъ отца на его собственную голову.

— Что-нибудь заставило? ты самъ не знаешь, что говоришь. Говорю тебѣ, что еслибы онѣ захотѣли, то все было бы иначе. Кстати, теперь, когда я объ этомъ подумалъ, то пожалуй, вѣдь эта проклятая сцена въ Казино ихъ выжила отсюда!

— Но, пролепеталъ Алленъ,—вѣдь сами же вы говорили, что миссъ Марго пришла и послала васъ ко мнѣ? Я ничего худаго не сдѣлалъ!

— Матери могли совсѣмъ иначе представить все дѣло! Она женщина гордая, и натурально ей непріятно, чтобы дочь ея видѣли въ каретѣ съ человѣкомъ, который дѣлаетъ исторіи. Да еще изъ-за какихъ-то жалкихъ двухъ или трехъ франковъ! разразился онъ, радуясь, что можетъ хоть на комъ-нибудь выместить свой гнѣвъ.—Я бы право хотѣлъ, чтобы ты бросилъ свои низкія привычки и велъ себя, какъ джентльменъ! я бы охотнѣе далъ тебѣ въ десять разъ больше того, что ты вы-

игралъ, лишь бы этого не случилось! Какой толкъ въ томъ, что я завожу знакомыхъ, если ты будешь выживать ихъ?

Еще впервые м-ръ Чадвикъ заговорилъ съ сыномъ въ сердцахъ и впервые также открыто упрекнулъ его въ дурныхъ манерахъ. Алленъ молчалъ, почти оглушенный этой тирадой. Но всего больнѣе было ему жестокое опасеніе, что отецъ правъ.

Ударъ былъ тяжкій и безъ того; онъ все еще никакъ не могъ опомниться, что лишился общества красавицы дѣвушки, и такъ внезапно; но мысль, что его собственная глупость тому причиной—была нестерпима. Но онъ не пробовалъ защищаться; онъ чувствовалъ странное нежеланіе говорить съ отцомъ про миссъ Чевенингъ, и кромѣ того, боялся, что если заговоритъ, то послѣдняя надежда на то, что онъ не виноватъ въ ея внезапномъ отъѣздѣ—разсѣется.

Миссъ Чевенингъ была довольно вѣжлива съ нимъ въ послѣднее время и, къ счастію для его душевнаго спокойствія—онъ не подозрѣвалъ, какая антипатія и презрѣніе скрываются подъ ея пассивной снисходительностью. По мѣрѣ того, какъ онъ освоивался съ нею, онъ сталъ пускаться и въ разговоры, но ея отвѣты не вызывали въ немъ никакой другой мысли, кромѣ того, что она бываетъ иногда очень разсѣянна.

Такимъ образомъ Алленъ, впервые въ жизни, пребывалъ точно въ сказочномъ царствѣ, гдѣ пользовался привилегіей изо дня въ день сопровождать очаровательную принцессу, которую трудно было причислить къ простымъ смертнымъ, и отъ которой онъ и не ждалъ, чтобы она обращалась съ нимъ, какъ съ равнымъ. Достаточно, если она позволяла ему быть при ней, время отъ времени удостоивала сама разговаривать съ нимъ и улыбаться, хотя изрѣдка и равнодушно.

Она уѣхала; всѣ люди и вещи, которыя онъ видѣлъ, имѣли какое-нибудь къ ней отношеніе. Онъ про себя отмѣчалъ это въ то время, какъ шелъ около отца, и на сердцѣ у него становилось все тяжелѣе и тяжелѣе, и онъ почти не слушалъ бурныхъ упрековъ отца, гнѣвъ котораго переходилъ поочередно съ м-съ Чевенингъ на ея дочь и затѣмъ на сына. Всякій, кто поглядѣлъ бы на нихъ со стороны, увидѣлъ бы мужчину съ побагровѣвшимъ лицомъ, читающаго нотаціи некрасивому, грубоватому на видъ, юношѣ, на котораго эти нотаціи нисколько, повидимому, не дѣйствуютъ. Той мучительной ду-

шевной боли, того внутренняго терзанія, какія испытывалъ Алленъ, онъ ничѣмъ не проявлялъ наружу.

Такимъ образомъ, весь остатокъ того дня м-ръ Чадвикъ облегчалъ свою душу, а Алленъ молчалъ съ такимъ чувствомъ, что теперь уже все равно: онъ охотнѣе согласился бы теперь сидѣть за конторкой въ торговомъ складѣ, чѣмъ терзаться такъ, какъ терзался здѣсь.

На слѣдующее утро, когда они сошли къ dejeuner, м-ръ Чадвикъ, все еще поглощенный нанесенной ему обидой, увидѣлъ м-съ Чевенингъ на обычномъ мѣстѣ, свѣжую, улыбающуюся и спокойную! Сердце у Аллена ёкнуло. Неужели чудо свершилось? Неужели онъ увидитъ Марго?

Отецъ его вытаращилъ глаза, точно увидѣлъ привидѣніе; но не могъ сразу отдѣлаться отъ чувства досады... оно слишкомъ глубоко засѣло... и молча кивнулъ головой, садясь на мѣсто.

— Мнѣ говорили, что вы уѣхали изъ Трувиля? сказалъ онъ.—Что же вы раздумали? или какъ?

— Право, вамъ слѣдовало бы лучше меня знать! жалобно вскричала м-съ Чевенингъ.—Неужели я бы уѣхала, не поблагодаривъ васъ за вашу доброту? Что вы должны были обо мнѣ подумать?

— Ну, разъ вы не уѣхали, такъ нечего и толковать, сказалъ Чадвикъ, и лицо его прояснилось; мы съ сыномъ не могли постичь вчера, что съ вами сталось.

— Все это случилось такъ неожиданно, отвѣчала м-съ Чевенингъ, которая приготовила цѣлую исторію.—Вы знаете, что я оставила младшихъ дѣтей въ Литльгамптонѣ. Моя вторая дочь очень слабаго здоровья, и вотъ вчера Марго получила письмо, въ которомъ Ида такъ трогательно просила ее поскорѣе вернуться, что Марго подумала, что вѣрно ей стало хуже, и пожелала немедленно уѣхать. Милая Марго такъ привязана къ Идѣ, а та къ ней; и вотъ, хоть я убѣждала, и что это нелѣпо, и что я рѣшительно не могу уѣхать изъ Трувиля, если только не окажется въ томъ настоятельной необходимости, я увидѣла, что было бы жестоко удерживать Марго, и отвезла ее въ Гонфлеръ и посадила на пароходъ, который отходилъ въ Литльгамптонъ. Бѣдняжка! только чувство долга заставило ее уѣхать. Она была очень огорчена, когда дѣло дошло до прощанья!

Подобно многимъ показаніямъ м-съ Чевенингъ, и въ этомъ

послѣднемъ заключалась нѣкоторая доля правды, письмо было дѣйствительно получено въ моментъ ихъ отъѣзда, и въ немъ Ида выражала желаніе поскорѣе увидѣть сестру.

Надежды Аллена были побиты въ самомъ цвѣтѣ, но худшія опасенія разсѣялись; она уѣхала не изъ-за него.

— Очень жаль, что она насъ покинула, сказалъ его отецъ,— не дѣлаетъ чести ея сердцу. Аллену будетъ безъ нея скучно.

— Милая Марго очень просила меня хорошенько разъяснить причину ея отъѣзда, отважно отвѣчала м-съ Чевенингъ;— она надѣялась, что увидитъ Аллена до отъѣзда. И поручила мнѣ хорошенько ему поклониться. Она такая сердечная дѣвушка; и такъ боялась, какъ бы ее не сочли неблагодарной. Я увѣрена, что и ей будетъ скучно безъ ея трувильскаго собесѣдника, любезно прибавила она.

Алленъ покраснѣлъ до ушей.

— Мнѣ будетъ очень *безъ нея* скучно, ma'am, неловко отвѣтилъ онъ.

Но въ душѣ онъ почти утѣшился... она велѣла ему кланяться и лучше относилась къ нему, чѣмъ можно было думать... и при этой мысли имъ овладѣлъ неописанный восторгъ.

Позднѣе, когда онъ ушелъ и м-ръ Чадвикъ остался въ большой залѣ вдвоемъ съ м-съ Чевенингъ, онъ все еще подозрительно спросилъ:

— Почему вы такъ неожиданно ушли въ тотъ вечеръ изъ Казино?

Но у м-съ Чевенингъ уже былъ готовъ отвѣтъ:

— Да, это было очень глупо съ моей стороны, но я не могла успокоить Марго. Она такъ испугалась за Аллена, что пришлось увести ее домой. Вы знаете... или можетъ быть не знаете, что она смотритъ на него, какъ на старшаго брата, и съ самаго начала очень заинтересовалась имъ. Я надѣюсь, прибавила она, чувствуя, что касается очень щекотливаго пункта, что никакихъ непріятностей не было?

— О! Боже мой, нѣтъ! отвѣтилъ м-ръ Чадвикъ. Крупьѐ ошибся... и все уладилось, прежде чѣмъ я пришелъ.

И онъ объяснилъ, чѣмъ кончилось дѣло.

— Бѣдный Алленъ! замѣтила м-съ Чевенингъ; какъ дерзки эти крупьѐ! Марго будетъ рада, когда узнаетъ, чѣмъ все кончилось. Она ни о чемъ другомъ не говорила весь вечеръ. Какъ

это хорошо со стороны Аллена, что онъ настаиваетъ на своемъ правѣ и не позволяетъ себя обманывать!

— О! онъ не глупый малый... въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, сказалъ отецъ, въ добромъ мнѣніи котораго Алленъ снова занялъ прежнее мѣсто. Это происходитъ, видите ли, отъ того, что онъ получилъ дѣловое воспитаніе. Оно научаетъ цѣнить деньги и не даваться въ обманъ. И такъ ваша миссъ Марго испугалась за него. Ну что жъ, мнѣ пріятно это слышать; между нами, я не думалъ, чтобы она особенно имъ интересовалась.

— Вы не знаете Марго! она не легко привязывается; но разъ привяжется... можетъ быть, это покажется самонадѣянностью во мнѣ... но не могу не сказать, что каждый молодой человѣкъ можетъ гордиться, если Марго будетъ его другомъ. Ей не легко понравиться... можетъ быть, вы замѣтили, что она почти не разговаривала съ этимъ молодымъ... какъ его м-ромъ Ормомъ... хотя тотъ и уменъ и самонадѣянъ.

— Я этого не замѣтилъ, отвѣчалъ напрямки м-ръ Чадвикъ; но какъ вы думаете, есть шансы для Аллена... ну, понимаете, что я хочу сказать?

— Нѣтъ, отвѣчала м-съ Чевенингъ такъ же прямодушно, пожалуйста и выкиньте это изъ головы. Какъ я вамъ уже сказала, она смотритъ на него, какъ на старшаго брата, у котораго нѣтъ родной сестры... а общество сестры такъ полезно для молодаго человѣка. Я всегда думала, что ничто не можетъ замѣнить женскаго вліянія для мальчика.

— Онъ жилъ съ теткой, сказалъ м-ръ Чадвикъ; но я понимаю, что вы хотите сказать... онъ грубоватъ, бѣдняга; онъ не чувствуетъ себя въ гостиной какъ дома, даже со мной вдвоемъ. Я бы желалъ, какъ для него, такъ и для себя, чтобы мой путь былъ яснѣе для меня!

Больше онъ ничего пока не прибавилъ, но м-съ Чевенингъ поняла, что слова ея произвели свое дѣйствіе.

Марго отлично выспалась на пароходѣ, чего, конечно, не было бы, знай она, какого рода окраску придала мать ея прощальнымъ словамъ.

Она встала, однако, рано поутру и пошла наверхъ на палубу; но когда она поднялась на послѣднюю ступеньку лѣстницы, то увидѣла передъ собой лицо, которое не сразу узнала, хотя особа, которой оно принадлежало, очевидно, обладала лучшей памятью.

— Вы знаете, кто я, миссъ, хотя вамъ и неугодно въ этомъ сознаться, сказала женщина и, при звукахъ этого голоса, Марго сейчасъ же узнала злую няньку, Сусанну.

Сусанна была растрепана и неприглядна и знала это, между тѣмъ какъ Марго была такъ же свѣжа и красива, какъ еслибы провела ночь на твердой землѣ. Можетъ быть, это подбавило новую каплю горечи къ чувствамъ няньки.

— У меня есть причины помнить васъ, миссъ, прибавила она, и я не такъ-то скоро васъ позабуду.

— Я отлично васъ помню, отвѣчала Марго, и если память обо мнѣ будетъ служить къ тому, чтобы напоминать вамъ также, что вы должны мягче обращаться съ несчастными дѣтьми, которыхъ довѣряютъ на ваше попеченіе, то я желаю, чтобы вы меня никогда не забывали.

Она отвернулась и хотѣла пройти мимо, но дѣвушка преградила ей дорогу, и Марго увидѣла, что она вся трясется отъ злости.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ не лицемѣрила, миссъ; я бы имѣла смѣлость признаться въ своемъ поступкѣ.

Глаза миссъ Чевенингъ надменно расширились.

— Я не имѣю никакого понятія, о чемъ вы говорите, произнесла она твердо и внушительно, но не трудитесь объясняться, потому что я и не желаю знать.

— Ахъ! но я желаю, чтобы вы знали. Вы меня не проведете своимъ невиннымъ видомъ и притворнымъ невѣдѣніемъ. Вы такъ горды на видъ, а не сочли ниже себя выжить бѣдную дѣвушку съ мѣста. Моя госпожа—настоящая барыня, хоть и француженка—никогда бы не отказала мнѣ, еслибы на меня не насплетничали. Пожалуйста, не отнѣкивайтесь.

— И не намѣрена, отвѣчала Марго.

— Нѣтъ, вы не смѣете мнѣ въ лицо взглянуть, и немудрено, потому что вы отняли у меня кусокъ хлѣба... какъ это гадко и низко съ вашей стороны.

Миссъ Чевенингъ начинала опасаться, какъ бы вокругъ нихъ не собралась толпа, но къ счастію немногіе пассажиры, бывшіе на палубѣ, ушли дальше, на другой конецъ, а голосъ Сусанны, хотя и громкій и рѣзкій, заглушался и относился вѣтромъ.

— Выслушайте меня, глупая женщина, проговорила Марго, если ваша барыня отказала вамъ отъ мѣста за дурное обращеніе съ ея сыномъ, то вы получили только то, что заслуживали,

и я этому рада. Но все же, если вамъ не къ кому обратиться за помощью, пока вы не найдете себѣ другаго мѣста, то я охотно...

— Взять отъ васъ деньги, послѣ того, что вы сдѣлали! да я скорѣе умру въ рабочемъ домѣ! Къ счастію, у меня есть и друзья, и деньги, и я не нуждаюсь въ вашей помощи: вы, должно быть, сами понимаете, что поступили дурно, иначе не сдѣлали бы такого предложенія!

Терпѣніе Марго лопнуло.

— Вы неблагодарная дура! презрительно сказала она; иначе не могли бы такъ думать; но если вамъ утѣшительно думать, что я тайкомъ нажаловалась на васъ, сдѣлайте одолженіе, думайте; мнѣ это рѣшительно все равно; только потрудитесь оставить меня въ покоѣ.

— Это легко сказать, но подождемъ, можетъ быть, придетъ и вашъ чередъ, и тогда я погляжу: понравится-ли вамъ такое обращеніе. Я сказала вамъ все, что хотѣла сказать, и теперь вы знаете, что я о васъ думаю, а потому прощайте; благодарю за добрыя услуги и желаю дожить до того, чтобы отплатить вамъ тѣмъ же.

Марго негодовала; хотя вмѣстѣ съ тѣмъ ее забавляла мысль, что эта злобная женщина воображаетъ, что она тайно преслѣдуетъ ее. Вмѣстѣ съ тѣмъ она была слишкомъ равнодушна къ ея мнѣнію, чтобы попытаться убѣдить ее въ томъ, что она ошибается.

Такимъ образомъ, Сусанна ушла, болѣе чѣмъ когда-либо увѣренная, что обязана потерей мѣста у богатыхъ парижанъ миссъ Чевенингъ, а не подругѣ-служанкѣ, какъ это было на самомъ дѣлѣ.

IX.

Прошла недѣля послѣ внезапнаго отъѣзда Марго изъ Нормандіи, и однако мать ея до сихъ поръ еще не назначила дня, когда она пріѣдетъ къ своему семейству въ Литльгамптонъ, или когда они вернутся въ Лондонъ.

Правда, она писала, но одной миссъ Гендерсонъ, и то только о томъ, что она должна удержать свою теперешнюю квартиру еще на нѣкоторое время.

— Со стороны мамаши слишкомъ эгоистично держать насъ въ этомъ скучномъ мѣстишкѣ, жаловалась капризно Ида. Я

теперь совсѣмъ поправилась, и нѣтъ никакого резона намъ тутъ оставаться.

Она гуляла вмѣстѣ съ Марго и съ миссъ Гендерсонъ по морскому берегу, говоря это.

— Ида, милая, протестовала гувернантка, не будьте неблагодарной... припомните, какою вы сюда пріѣхали и какою стали теперь.

Дѣйствительно, Ида Чевенингъ не походила больше на больную. Высокая—немного даже слишкомъ высокаго роста для шестнадцатилѣтней дѣвушки—она обѣщала со временемъ превратиться въ такую же безукоризненно стройную дѣвушку, какою была ея старшая сестра. Она обѣщала такъ же быть очень хорошенькой, когда вполнѣ разовьется, хотя лицо ея не могло быть такимъ оживленнымъ и энергическимъ, какъ у Марго.

Ида была лѣнива и слабохарактерна по природѣ, а слабое здоровье только усиливало въ ней эти качества и заставляло ее льнуть къ другимъ, ища въ нихъ поддержки.

Она была очень впечатлительна, а общество миссъ Гендерсонъ, особы рѣшительно сантиментальной, чтобы не сказать аффектированной, заразило и ее сантиментальностью.

Миссъ Гендерсонъ была типъ гувернантки, наименѣе пригодной опекать дѣвушку характера и возраста Иды. Она была сама молода и не дурна собой—Ида находила ее очаровательной и постоянно твердила ей объ этомъ.

У ней не было никакихъ талантовъ и очень поверхностное образованіе. Она умѣла прилично вести себя, въ особенности въ присутствіи м-съ Чевенингъ, но это было приличное поведеніе, а не настоящая благовоспитанность, какъ отлично понимала сама хозяйка дома, хотя и не считала этого достаточной причиной, чтобы отказать ей отъ мѣста.

— Гендерсонъ нетребовательна и дешева; она не жалуется, если жалованье не совсѣмъ аккуратно ей выплачивается (какъ это часто бывало); дѣти любятъ ее, и она хорошо справляется съ своимъ дѣломъ, думала м-съ Чевенингъ, которая въ сущности не имѣла возможности быть черезъ-чуръ требовательной.

Но между Марго и миссъ Гендерсонъ было постоянно нѣкоторое отчужденіе: миссъ Чевенингъ инстинктивно не нравились нѣкоторые слабые, но несомнѣнные признаки дурнаго воспитанія, проглядывавшіе у гувернантки, когда она бывало не остережется; а гувернантка замѣчала и досадовала на холодность Марго, объясняя ее завистью.

За то Ида была восторженной поклонницей гувернантки и не замѣчала никакихъ въ ней недостатковъ.

— Если я теперь совсѣмъ здорова, сказала она въ отвѣтъ на замѣчаніе миссъ Гендерсонъ, то обязана этимъ вамъ, дорогая Генни. Я думаю, еслибы не вы, то я умерла бы.

— Вы были, конечно, очень больны, когда мы сюда пріѣхали, и въ ту ночь, когда я сидѣла около васъ, дорогая Ида, мы всѣ очень тревожились. Это было послѣ того, какъ вы уѣхали въ Трувиль, объяснила она, обращаясь къ Марго.

— Очень жаль, что вы не сообщили намъ объ этомъ тогда же, отвѣчала Марго. Докторъ увѣрилъ насъ, что ты внѣ опасности, Ида; въ противномъ случаѣ я бы тебя не оставила.

— Я не хотѣла, чтобы тебѣ говорили, сказала Ида; не брани бѣдную Генни.

И она взяла гувернантку за руку и съ нѣжностью стала ее гладить.

Марго сильно сомнѣвалась въ томъ, чтобы состояніе здоровья сестры дѣйствительно ухудшилось послѣ ея отъѣзда; все это казалось притворнымъ и преувеличеннымъ; но она слишкомъ горячо любила сестру, чтобы мѣшать ея изліяніямъ, и кромѣ того понимала, что это лишитъ ее послѣдняго вліянія на Иду.

— Но мнѣ такъ хочется уѣхать изъ этого ужаснаго мѣста, продолжала Ида. Здѣсь такъ скучно. Неужели тебѣ здѣсь не несносно, Марго? Но нѣтъ... тебѣ, кажется, здѣсь нравится?

— Да, нравится, засмѣялась Марго и сказала правду.

Послѣ шума и трувильской суеты было нѣчто успокоительное въ скромномъ приморскомъ мѣстечкѣ графства Суссексъ, не говоря уже о невыразимомъ удовольствіи, испытываемомъ ею отъ того, что она избавилась отъ общества Аллена и Чадвика.

День былъ такой чудный, море, залитое пурпуромъ, лѣниво раскидывалось кругомъ и уходило далеко, далеко, а надъ головами стояло синее небо, отражавшееся въ безчисленныхъ лужицахъ на приморскомъ пескѣ.

Въ воздухѣ уже чувствовалась осенняя свѣжесть, и кусты, попадавшіеся на низкомъ берегу, уже пожелтѣли, но Марго чувствовала себя въ настоящую минуту слишкомъ хорошо, чтобы сожалѣть о протекшемъ лѣтѣ. Даже встрѣча съ Ноджентомъ Ормъ, не оставила въ ней неизгладимаго впечатлѣнія. Если въ этой встрѣчѣ и было что-либо романическое, то другія воспоминанія, связанныя съ Трувилемъ, сгладили это. И

при томъ м-ръ Ормъ находился гдѣ-то въ Англіи. И хотя въ этомъ фактѣ ничего не было особенно отраднаго, но и онъ какимъ-то образомъ пріободрялъ ее.

— Не понимаю, какъ ты это переносишь, особенно послѣ Трувиля, говорила Ида. Я увѣрена, что въ Трувилѣ было очень весело. Я бы ни за что оттуда не уѣхала, пока бы меня не увезли. Ты намъ еще не разсказывала, Марго, какъ ты проводила тамъ время. Это довольно дурно съ твоей стороны.

— Да, право, очень мало есть, что поразсказать. Я очень рада, что уѣхала оттуда.

— Но почему? Должно же быть тамъ веселѣе, чѣмъ здѣсь. Развѣ общество въ отелѣ было *непріятное*? или мама... или что-нибудь такое?

— Нѣкоторые изъ общества были очень непріятны.

— Мама не станетъ знакомиться съ такими людьми. Вѣдь ты знаешь, какъ мама разборчива.

— Она была знакома съ ними. Они почтенные люди. Онъ былъ плантаторомъ индиго и очень, кажется, богатъ... но... они мнѣ не нравились.

— А была ли также и мистрисъ Индиго? спросила Ида. Какова она?

— Нѣтъ, не было. Былъ только самъ м-ръ Чадвикъ, отвѣчала Марго, глядя на волны и... и его сынъ...

— Ну вотъ, наконецъ, вы намъ кое-что и сообщили, продолжайте, сказала миссъ Гендерсонъ.

— Больше сказать нечего, Камилла, представьте!

— Но сынъ былъ въ васъ влюбенъ... Я увѣрена—развѣ неправда?

— Слава Богу, нѣтъ. Онъ бы не посмѣлъ. Вы очень романичны, Камилла. Но и безъ того было непріятно. Пожалуйста не будемъ объ этомъ говорить. Слава Богу, все прошло.

— Разскажи намъ только о немъ, и мы больше ни про что другое спрашивать не станемъ, приставала Ида. Что, онъ красивъ? Я увѣрена, что онъ красивъ и при этомъ фатъ большой, не правда ли?

— Ты настоящая колдунья, милочка, отвѣчала Марго съ лукавымъ смѣхомъ.

— Бѣдная Марго! сочувственно произнесла Ида; не горюй, все обойдется.

— Да уже и обошлось, отвѣчала Марго безпечно. А теперь бросимъ этихъ Чадвиковъ. Пора вернуться домой.

Они пошли вдоль берега, и когда достигли Литльгамптона и пошли по его скромной эспланадѣ, хорошенькая маленькая фигура побѣжала имъ на встрѣчу.

— Летиція, это ты? сказала Марго, которую дѣвочка ухватила за руку. А гдѣ же нянька?

— Нянька? о! она играетъ въ крокетъ съ Реджи. А я бѣгала съ собакой и, знаешь, Марго, у меня было приключеніе! Я играла съ Реджи въ крокетъ и три раза выиграла подъ рядъ, а онъ разсердился (вѣдь это не хорошо съ его стороны, не правда ли?), ну я его и бросила и убѣжала, и вотъ тогда-то и случилось со мной приключеніе. Я бросила мячъ, знаешь, чтобы Ярроу догналъ его и принесъ мнѣ, но онъ не хотѣлъ оставить меня одну... а тамъ былъ еще кто-то.. какой-то мужчина... совсѣмъ не старый... онъ лежалъ на пескѣ... и мячъ! представь себѣ, попалъ ему прямо въ глазъ... о! Марго, право, я сдѣлала это нечаянно!.. и мнѣ, право, было такъ стыдно... но я подошла къ нему тотчасъ же и извинилась, конечно, а онъ сказалъ, что ушибся небольно (мячикъ былъ резиновый) и затѣмъ спросилъ, какъ меня зовутъ... я сказала, а онъ... (тутъ Летиція широко раскрыла глаза), представь себѣ, спросилъ: есть ли у меня сестра, которую зовутъ Марго, и сказалъ мнѣ, что съ тобой познакомился во Франціи... ты была съ нимъ знакома во Франціи, Марго?

Марго вдругъ покраснѣла. Неужели то былъ Ноджентъ Ормъ? Неужели онъ пріѣхалъ сюда, чтобы съ нею видѣться, и если да, то....

— Я не могу сказать этого, пока его не увижу, отвѣчала она. Весьма вѣроятно, я его встрѣчала.

— Но это не все, продолжала Летиція, онъ спросилъ меня... это послѣ того какъ мы разговорились... хочу ли я стать современемъ его сестрой.

— Онъ... спросилъ тебя это? воскликнула Марго съ негодованіемъ.

Какъ могъ себѣ позволить Ормъ сказать такую вещь ребенку!

— Ты, должно быть, не хорошо поняла его, Летиція?

Летиція покачала головой.

— Нѣтъ, поняла, Марго. Онъ это повторилъ нѣсколько разъ... и говорилъ мнѣ, что все уже улажено. Только я никакъ не понимаю, какъ же это я вдругъ стану его сестрой? а ты, Марго, понимаешь?

— Нѣтъ, милочка. Съ его стороны было очень глупо говорить это.

Ее разбирала досада, что Ноджентъ Ормъ былъ такъ самонадѣянъ, что разсчитывалъ на согласіе, даже не спросившись ее. Если такъ, то она съ горечью почувствовала, что дружеское чувство, какое онъ ей внушалъ, уступаетъ мѣсто положительной антипатіи. Что она сказала или сдѣлала, чтобы дать ему право такъ говорить? Ну, что жъ, онъ убѣдится на дѣлѣ, что вовсе не такъ неотразимъ, какъ думаетъ.

— На кого похожъ этотъ таинственный господинъ? спрашивала Ида, лукаво радуясь смущенію старшей сестры. Опиши его намъ, Летиція.

Описывать Летиція была не мастерица.

— Онъ похожъ... онъ собственно говоря ни на кого не похожъ, объявила она, но увѣрялъ, что мамаша и его отецъ уже все рѣшили, и что я скоро буду его сестрой.

— Его отецъ! воскликнула Марго, внезапно осѣненная мыслью.

Оказывается, что *она* самонадѣянна, а не Ноджентъ Ормъ, который вѣроятно забылъ и думать о ней, послѣ того какъ уѣхалъ изъ Трувиля.

Лицо же, которое такъ увѣрено въ ея согласіи, — это ея *bête noire*, противный мальчишка, отъ котораго, она воображала, что навсегда отдѣлалась.

— Сдается мнѣ, обратилась къ ней миссъ Гендерсонъ, что вы разсказали намъ не весь трувильскій романъ, моя дорогая. Когда же мы узнаемъ его въ подробности?

— Бѣги домой, душа моя, и скажи прислугѣ, что мы возвращаемся, обратилась Марго къ Летиціи.

И когда дѣвочка скрылась, повернулась къ гувернанткѣ съ надменнымъ видомъ и сказала:

— Мнѣ нечего больше разсказывать. Я терпѣть не могу такого рода шутокъ, Камилла. Еслибы вы видѣли его, вы бы поняли, какъ это мнѣ непріятно. Но къ чему толковать объ этомъ? что бы кто ни говорилъ, мое мнѣніе отъ того не перемѣнится. Если этотъ мальчишка Чадвикъ здѣсь — онъ просто мальчишка и ничего больше, — то вы сами увидите его рано или поздно. Тогда и узнаете.

— Открытое письмо отъ мамаши! объявилъ Реджи, который уже засѣдалъ за чайнымъ столомъ. Она прибудетъ сюда завтра утромъ на пароходѣ и желаетъ, чтобы ее встрѣтила

Марго и никто больше. Не понимаю, почему намъ всѣмъ нельзя отправиться ей на встрѣчу.

Ида почти съ завистью поглядѣла на Марго. Ея красавица сестра была героиней любовнаго романа: ее принуждаютъ выйдти замужъ за нелюбимаго человѣка... совсѣмъ какъ въ романахъ, которые она читала съ Генни въ послѣднее время. Уступитъ Марго или нѣтъ? Во всякомъ случаѣ это очень интересно, думала Ида. Она была увѣрена, что сынъ плантатора очень интересенъ... и что Марго только капризничаетъ... они навѣрное поссорились.

Марго не безъ волненія ожидала встрѣчи съ матерью. Очевидно, что проектъ выдать ее замужъ за юнаго Чадвика не оставленъ. Самъ Алленъ считалъ, что дѣло улажено. Марго не испугалась: она знала, что никакими аргументами мать не поколеблетъ ея рѣшенія.

Бываютъ случаи, когда дочь обязана пожертвовать собой для семьи; но это не такой случай. Да еслибы и былъ, то она не чувствовала въ себѣ никакой охоты приносить себя въ жертву. Нѣтъ! ничто не вынудитъ ее выдти замужъ противъ воли.

И однако, когда они остались одни въ эту ночь и лежали въ своей комнатѣ, прислушиваясь къ монотонному ропоту волнъ, ею вдругъ овладѣлъ страхъ при мысли, что пароходъ, на которомъ плыветъ ея мать, бороздитъ собою въ эту минуту эти самыя волны. Какое-то рѣшеніе везетъ онъ? ну если вдругъ такое, что она, при всемъ своемъ мужествѣ, не въ силахъ будетъ ему воспротивиться? Она встала наконецъ подъ вліяніемъ какого-то суевѣрнаго страха и подошла къ окну.

Луна озаряла спокойное море, заливая яркимъ свѣтомъ маленькую гавань и набережную, но вдали, тамъ, гдѣ виднѣлась линія французскаго берега, сбиралось темное облако и какъ будто протягивало грозную руку черезъ небо по направленію къ ней.

Посмѣявшись надъ собственной слабостью, Марго задвинула ставни и легла спать.

(*До слѣд. №*).

ДВА БРАТА.

Историческій романъ

Р. Л. Стивенсона.

(Продолженіе).

III.

Отрывокъ изъ мемуаровъ кавалера Борка.

... Я оставилъ Рутверъ (врядъ-ли стоитъ даже объ этомъ упоминать) съ бо́льшимъ удовольствіемъ, чѣмъ туда пріѣхалъ: самъ ли я заблудился, или товарищи покинули меня, но только вскорѣ я очутился одинъ въ этой пустынѣ. Это обстоятельство было мнѣ крайне непріятно, потому что я не зналъ ни этой отвратительной мѣстности, ни ея дикихъ обитателей, а послѣднее отступленіе еще усилило непопулярность насъ, ирландцевъ. Я размышлялъ о своей злосчастной судьбѣ, какъ вдругъ увидѣлъ другаго всадника на холмѣ, котораго сначала принялъ за привидѣніе, такъ какъ мы всѣ считали, что онъ палъ въ битвѣ при Куллоденѣ, то былъ м-ръ Баллантри, старшій сынъ милорда Дэрисдира, юный нобльменъ рѣдкой храбрости и талантовъ и созданный природой служить украшеніемъ двора или собирать лавры на полѣ битвы. Наша встрѣча была пріятна обоимъ, такъ какъ онъ былъ одинъ изъ немногихъ шотландцевъ, относившихся къ ирландцамъ съ уваженіемъ, и кромѣ того могъ быть мнѣ весьма полезенъ въ моемъ бѣгствѣ.

Но обстоятельство, послужившее главнымъ основаніемъ для нашей дружбы, само по себѣ такъ же романично, какъ любая изъ басенъ о королѣ Артурѣ.

То было на другой день послѣ нашего бѣгства, когда мы провели ночь подъ дождемъ, на склонѣ холма. Случилось, что мимо насъ прошелъ по той же дорогѣ одинъ человѣкъ по имени Аленъ-Блокъ Стюартъ, который былъ на ножахъ съ моимъ спутникомъ. Они обмѣнялись очень невѣжливыми выраженіями, и Стюартъ предложилъ м-ру Баллантри сойти съ лошади и вступить въ поединокъ.

— Видите ли, м-ръ Стюартъ, сказалъ Баллантри. Въ настоящую минуту я предпочитаю пуститься съ вами на перегонки.

И съ этими словами пришпорилъ коня.

Стюартъ съ милю бѣжалъ за нами, и конечно, это было большимъ ребячествомъ съ его стороны; и я не могъ не посмѣяться, когда, оглянувшись назадъ, увидѣлъ, какъ онъ стоялъ, приложивъ руку къ груди и едва переводя духъ отъ усталости.

— Однако,—не могъ я удержаться, чтобы не сказать своему спутнику,—я бы не заставилъ бѣжать за собой человѣка, который хотѣлъ со мной драться, и не давъ ему удовлетворенія. Это забавная шутка, но не хорошая.

Онъ повернулся ко мнѣ.

— Я доказываю свою храбрость уже тѣмъ, что ѣду рядомъ съ самымъ непопулярнымъ человѣкомъ въ Шотландіи.

— О! отвѣчалъ я, я могъ бы показать вамъ въ зеркалѣ другаго, еще болѣе непопулярнаго человѣка, чѣмъ я. Но если вамъ не нравится мое общество, то можете поискать себѣ другаго спутника.

— Полковникъ Боркъ, возразилъ онъ, не будемъ ссориться и позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что я совсѣмъ не изъ терпѣливыхъ людей.

— Я самъ такъ же нетерпѣливъ, какъ и вы, сказалъ я, было бы вамъ извѣстно.

— Въ такомъ случаѣ, проговорилъ онъ, пріостанавливая коня, мы далеко не уѣдемъ. А потому я предлагаю одно изъ двухъ: или поссориться и разойтись, или обязаться все переносить терпѣливо другъ отъ друга.

— Какъ два брата? сказалъ я.

— Я не говорилъ такой глупости, отвѣтилъ онъ; у меня есть братъ, но я о немъ столько же думаю, какъ о прошлогоднемъ снѣгѣ. Но если мы должны вмѣстѣ спасаться бѣгствомъ, то дадимъ слово другъ другу вести себя дикарями и пусть каждый поклянется, что не будетъ ни обижаться, ни осуж-

дать другаго. Я по натурѣ человѣкъ довольно вспыльчивый и не люблю притворяться добродѣтельнымъ.

— О! я такъ же вспыльчивъ, какъ и вы; въ жилахъ у Френсиса Борка течетъ не парное молоко. Но что же мы выберемъ? вражду или дружбу?

— Бросимъ жребій, это будетъ всего лучше.

Предложеніе было черезъ-чуръ рыцарское, чтобы не плѣнить мое воображеніе, и какъ это ни покажется страннымъ для современныхъ джентльменовъ, но мы предоставили полкронѣ рѣшить (точно пара древнихъ паладиновъ), перерѣжемъ ли мы другъ другу горло, или будемъ закадычными друзьями. Болѣе романическое обстоятельство рѣдко можно встрѣтить, и это одинъ изъ пунктовъ въ моихъ мемуарахъ, по которому мы можемъ судить, что древнія сказки Гомера и другихъ поэтовъ остаются вѣрными и по сіе время... по крайней мѣрѣ въ томъ, что касается благородныхъ людей. Полкрона возвѣстила миръ, и мы пожали другъ другу руки.

Послѣ того мой спутникъ объяснилъ мнѣ, что̀ именно заставило его бѣжать отъ м-ра Стюарта, и объясненіе безъ сомнѣнія доказывало его политическій тактъ. Слухи объ его смерти были для него очень выгодны; а такъ какъ м-ръ Стюартъ узналъ его, то сталъ для него опаснымъ, а потому онъ избралъ самый короткій путь заткнуть этому джентльмену глотку.

— Аленъ Блокъ слишкомъ тщеславный человѣкъ, чтобы разсказать про себя такую исторію.

Послѣ полудня мы добрались до берега того залива, къ которому направлялись, и тамъ стоялъ корабль, только-что бросившій якорь. То былъ *Sainte-Marie-des-Anges* изъ порта *Havre-de-Grace*. Баллантри, послѣ того какъ мы потребовали лодку, спросилъ меня: знаю ли я капитана. Я отвѣчалъ ему, что онъ мой соотечественникъ и честнѣйшій человѣкъ, но, боюсь, не изъ очень храбрыхъ.

— Не бѣда, отвѣтилъ онъ, тѣмъ не менѣе ему надо будетъ сообщить правду.

Я спросилъ его: хочетъ ли онъ этимъ сказать, что разскажетъ о проигранной битвѣ? вѣдь если капитанъ узнаетъ, что мы разбиты, то тотчасъ же снимется съ якоря.

— А хотя бы и такъ! сказалъ онъ; прибѣгать къ оружію теперь было бы безполезно.

— Милый мой, отвѣтилъ я, кто вамъ говоритъ про оружіе?

*

Но вѣдь должны же мы подумать о своихъ друзьяхъ. Они навѣрно прибудутъ вслѣдъ за нами, быть можетъ, самъ принцъ, и если корабль уплыветъ, то много драгоцѣнныхъ жизней погибнетъ.

— Но вѣдь жизнь капитана и экипажа тоже чего-нибудь да стоитъ, отвѣтилъ Баллантри.

Но я заявилъ, что это пустыя отговорки и что я ни за что не хочу, чтобы капитану говорили правду; и тутъ Баллантри далъ мнѣ остроумный отвѣтъ, ради котораго (а также и потому, что меня самого осуждали за этотъ пассажъ съ *Sainte-Marie des-Anges*) я и записалъ весь разговоръ, какъ онъ происходилъ.

— Франкъ, сказалъ онъ, вспомни нашъ уговоръ. Я не буду мѣшать тебѣ держать языкъ за зубами и даже приглашаю тебя къ этому; а ты не долженъ мѣшать мнѣ говорить.

Я не могъ не разсмѣяться, хотя продолжалъ выставлять ему на видъ, что изъ этого можетъ произойти.

— А чортъ ли мнѣ въ томъ, что произойдетъ, отрѣзалъ этотъ безпутный малый. Я всегда дѣлаю то, что хочу.

Какъ хорошо извѣстно, мое предсказаніе оправдалось. Лишь только капитанъ услышалъ вѣсть о пораженіи, какъ снялся съ якоря и вышелъ въ открытое море, и до наступленія утра мы уже были въ Гретъ-Минхѣ.

Корабль былъ очень старъ; а шкиперъ, хотя и честнѣйшій изъ людей (и тоже ирландецъ), но вмѣстѣ съ тѣмъ и неспособнѣйшій. Вѣтеръ дулъ отчаянно, а море бурлило до-нельзя. Весь день мы почти ничего не ѣли и не пили и рано улеглись спать; ночью же буря разыгралась не на шутку. Насъ пробудилъ шумъ вѣтра и топотъ ногъ матросовъ на палубѣ; я подумалъ, что наступилъ мой послѣдній часъ, и страхъ мой усилился отъ того, что Баллантри потѣшался надъ моими молитвами.

Впродолженіи трехъ дней мы лежали въ потемкахъ, въ своей каютѣ и грызли только сухари. На четвертый, вѣтеръ стихъ, оставивъ корабль безъ мачтъ и съ оборванными снастями. Капитанъ не имѣлъ никакого понятія о томъ, куда насъ загнало бурей: онъ ничего ровно не смыслилъ въ своемъ дѣлѣ и только взывалъ къ св. Дѣвѣ. Вся наша надежда заключалась въ томъ, что насъ подберетъ какой-нибудь корабль, да и то, еслибы онъ оказался англійскимъ, то намъ съ Баллантри пришлось бы плохо.

Пятый и шестой день мы безпомощно носились по волнамъ. На седьмой показался вдали парусъ, и мы обрадовались, завидя на горизонтѣ небольшой корабль и замѣтя, что онъ направляется въ нашу сторону. Но наша радость длилась не долго, потому что, когда онъ нагналъ насъ и спустилъ лодку, то она немедленно наполнилась растрепанными и растерзанными людьми, которые играли пѣсни и ругались и вскочили къ намъ на палубу съ обнаженными ножами. Ихъ предводитель былъ ужасный негодяй съ вымазаннымъ сажею лицомъ и завитыми усами, по имени Тичъ—извѣстнѣйшій пиратъ. Онъ ураганомъ носился по палубѣ, неистовствуя и вопя, что его зовутъ Сатаной, а корабль его „Адомъ“.

Въ немъ было что-то напоминавшее капризнаго ребенка или помѣшаннаго человѣка, поразившее меня. Я шепнулъ Баллантри, что соглашусь поступить къ нимъ въ шайку и только молю Бога, чтобы у нихъ былъ недостатокъ въ людяхъ. Баллантри одобрилъ мое рѣшеніе кивкомъ головы.

— Послушайте, сказалъ я м-ру Тичу, если вы Сатана, то вотъ вамъ чортъ.

Эти слова ему понравились, и Баллантри, я и еще двое другихъ (упоминаю объ этомъ коротко, чтобы не вдаваться въ тяжелыя подробности) были приняты въ число экипажа, а остальныхъ вмѣстѣ со шкиперомъ побросали въ море. Въ первый разъ я присутствовалъ при такомъ зрѣлищѣ, и сердце у меня замерло. М-ръ Тичъ или одинъ изъ его подручныхъ обратилъ вниманіе на мое блѣдное лицо съ угрожающимъ видомъ.

Я нашелъ въ себѣ силы прокричать какое-то ругательство, и это спасло мою жизнь. Но ноги подгибались подо мной, когда я сходилъ въ лодку вмѣстѣ съ этими разбойниками, и только благодаря своему ирландскому языку могъ я шутить и острить, несмотря на внутренній ужасъ.

Благодареніе Богу, на кораблѣ пирата оказалась скрипка, и не успѣлъ я ее увидѣть, какъ завладѣлъ ею и въ качествѣ музыканта имѣлъ неописанное счастіе заслужить ихъ благоволеніе. *Пѣвчая ворона*—прозвали они меня; но мнѣ было все-равно, какъ они меня ни величаютъ, лишь бы шкура была цѣла.

Не могу описать, что-за адъ въ самомъ дѣлѣ былъ этотъ корабль; но командиромъ на немъ былъ помѣшанный, и его можно было бы назвать пловучимъ Бедламомъ. Пьянство, пѣніе пѣсенъ, драка, пляска — экипажъ никогда не бывалъ

трезвымъ весь заразъ и бывали дни, въ дурную погоду, когда мы всѣ могли пойти ко дну, или же попадись королевскому кораблю—то не могли бы оказать никакого сопротивленія.

Разъ или два намъ попадалось на пути судно, и если мы были хоть частію трезвы, то губили его—прости насъ Господи! а если были всѣ пьяны, то оно уходило отъ насъ, и я благословлялъ въ душѣ всѣхъ святыхъ угодниковъ. Тичъ управлялъ кораблемъ,—если только можно назвать управленіемъ такую безурядицу,—посредствомъ страха, который внушалъ и, сколько я замѣтилъ, очень гордился своимъ положеніемъ.

Въ самомъ дѣлѣ: чѣмъ долѣе мы живемъ на свѣтѣ, тѣмъ болѣе убѣждаемся въ проницательности Аристотеля и другихъ философовъ; и хотя я всю жизнь свою стремился къ законнымъ отличіямъ, но положа руку на сердце и доживъ до конца своего поприща, объявляю, что ни одно—ни даже самая жизнь—не стоили, чтобы имъ было принесено въ жертву чувство собственнаго достоинства.

Много времени прошло, прежде чѣмъ я могъ конфиденціально переговорить съ Баллантри; но наконецъ одной ночью мы сошлись на бугшпритѣ въ то время, какъ остальные были чѣмъ-то заняты и стали жаловаться на свое положеніе.

— Только святые могутъ выручить насъ, говорилъ я.

— Я совсѣмъ иного мнѣнія, отвѣчалъ Баллантри, и намѣреваюсь выручить себя. Этотъ Тичъ—ничтожнѣйшее созданіе, мы никакого барыша отъ него не видѣли, и каждую минуту подвергаемся опасности быть захваченными. А я вовсе не намѣренъ, прибавилъ онъ, разыгрывать пирата задаромъ или быть закованнымъ въ цѣпи безвинно.

И сообщилъ мнѣ, что составилъ планъ дисциплинировать команду, и этимъ обезпечить пока нашу безопасность, а затѣмъ уже дать имъ надежду на избавленіе, когда они наживутъ столько добра, что имъ можно будетъ разойтись въ разныя стороны и покончить съ пиратствомъ.

Я откровенно признался ему, что нервы мои очень потрясены окружающими ужасами и чтобы онъ на меня не разсчитывалъ.

— Меня не легко запугать, объявилъ онъ, и не легко оставить въ дуракахъ.

Нѣсколько дней спустя произошелъ случай, который чуть было не погубилъ всѣхъ насъ и служитъ наилучшимъ доказательствомъ безумія, съ какимъ велось наше дѣло. Мы всѣ бы-

ли довольно пьяны, и кто-то изъ полоумныхъ высмотрѣлъ парусъ вдали, а Тичъ не глядя приказалъ гнаться за нимъ, и мы всѣ приготовили оружіе и стали хвастаться, какихъ натворимъ сейчасъ ужасовъ. Я хлопоталъ пуще всѣхъ и все время смѣшилъ ихъ ирландскими прибаутками.

— Выкинуть флагъ, закричалъ Тичъ. Покажемъ силу чортову...

Это было просто дурацкое хвастовство и могло лишить насъ дорогаго приза. Но я подумалъ, что не мое дѣло разсуждать и развернулъ чортовъ флагъ.

Баллантри выступилъ въ эту минуту впередъ съ улыбкой на губахъ.

— Знаешь ли ты, пьяный песъ, что ты гонишься за королевскимъ кораблемъ? обратился онъ къ Тичу.

Тичъ завопилъ, что онъ вретъ, но тѣмъ не менѣе побѣжалъ къ бульверку, и всѣ побѣжали за нимъ. Никогда въ жизни не видѣлъ я, чтобы столько пьяныхъ людей вдругъ отрезвились.

Крейсеръ повернулъ въ нашу сторону, послѣ того какъ мы такъ непріятно выкинули нашъ флагъ. Королевскій гербъ былъ явственно виденъ, и въ то время какъ мы таращили на него глаза, показался дымокъ, раздался выстрѣлъ, и ядро упало въ воду, совсѣмъ неподалеку отъ насъ. Нѣкоторые побѣжали къ снастямъ и съ невѣроятной быстротой поворотили „Сару“. Одинъ изъ людей бросился къ боченку съ ромомъ, стоявшему на палубѣ и вышвырнулъ его за бортъ. Что касается Тича, то онъ поблѣднѣлъ, какъ смерть, и немедленно ушелъ къ себѣ въ каюту. Въ этотъ день, онъ всего раза два показывался на палубѣ, подходилъ къ гаканборту и подолгу глядѣлъ на королевскій корабль, все еще гнавшійся за нами и затѣмъ ни слова не говоря опять скрывался въ своей каютѣ. Можно сказать, что онъ бросилъ насъ и еслибы у насъ не было на кораблѣ одного искуснаго матроса, да еслибы не попутный вѣтеръ, дувшій весь день, то мы безъ сомнѣнія попали бы на галеры.

Надо предполагать, что Тичъ былъ униженъ, а можетъ быть и встревоженъ за свое положеніе передъ экипажемъ, и способъ, какимъ онъ вздумалъ вернуть потерянное значеніе въ высшей степени характеризуетъ этого человѣка. Рано поутру слѣдующаго дня мы услышали запахъ сѣры, которую онъ сжегъ въ своей каютѣ и затѣмъ крикъ: — адъ! адъ! который былъ хорошо понятъ экипажемъ и наполнилъ его страхомъ.

Вслѣдъ затѣмъ онъ появился самъ на палубѣ, настоящимъ шутомъ гороховымъ, съ вымараннымъ сажею лицомъ, съ завитыми волосами и усами, съ цѣлымъ рядомъ пистолетовъ за поясомъ и размахивая кинжаломъ. Не знаю, перенялъ онъ эти манеры отъ индійцевъ Америки, гдѣ родился, но только такъ онъ постоянно дѣлалъ, и это обозначало, что онъ намѣренъ совершить цѣлый рядъ злодѣйствъ. Первымъ ему попался на дорогѣ тотъ самый матросъ, который выкинулъ боченокъ съ ромомъ за бортъ наканунѣ. Онъ проткнулъ его кинжаломъ въ самое сердце, ругая бунтовщикомъ, и затѣмъ сталъ топтать мертвое тѣло, неистовствуя, ругаясь и вызывая подступиться къ нему. То была глупѣйшая комедія, но и опасная все-таки, такъ какъ онъ очевидно готовъ былъ еще убить кого угодно.

Но вдругъ Баллантри выступилъ впередъ.

— Перестаньте ломать комедію, сказалъ онъ. Неужто вы воображаете, что напугаете насъ гримасами? Вчера васъ не было, когда вы были нужны, и, какъ видите, мы прекрасно обошлись безъ васъ.

Среди экипажа послышался ропотъ удовольствія и страха, въ равной, кажется, мѣрѣ. Что касается Тича, то онъ дико заоралъ и собрался метнуть кинжалъ,—искусство, въ которомъ (подобно многимъ морякамъ) онъ былъ большой мастеръ.

— Выбейте у него изъ рукъ кинжалъ! сказалъ Баллантри такъ неожиданно и строго, что моя рука повиновалась, прежде нежели умъ понялъ, въ чемъ дѣло.

Тичъ стоялъ, какъ олухъ, забывъ про пистолеты.

— Ступай въ свою камеру, закричалъ Баллантри и возвращайся на палубу, когда будешь трезвъ. Неужели ты воображаешь, что мы станемъ плясать по твоей дудкѣ, черномазый, полоумный, пьяный скотъ и палачъ? Убирайся!

И съ этими словами Баллантри такъ грозно топнулъ ногой, что Тичъ пустился бѣжать.

— А теперь, товарищи, поговоримъ, обратился Баллантри къ экипажу, я не знаю, вы, можетъ быть, изъ любви къ искусству занимаетесь морскимъ разбоемъ, я же отнюдь нѣтъ. Я хочу нажить денегъ и высадиться на берегъ. И твердо рѣшилъ одно: я не хочу попасть на висѣлицу, если этого можно избѣжать. Послушайте: посовѣтуйте, что дѣлать; я еще новичокъ! Нѣтъ ли возможности внести нѣкоторую дисциплину и здравый смыслъ въ наше дѣло?

Одинъ изъ экипажа заговорилъ: что слѣдуетъ имъ имѣть квартирмейстера, и не успѣлъ онъ выговорить это, какъ всѣ съ нимъ согласились. Всѣ единодушно провозгласили Баллантри квартирмейстеромъ; ромъ переданъ былъ ему на храненіе; установлены законы въ подражаніе тѣмъ, какихъ придерживался пиратъ, по имени Робертъ, и напослѣдокъ предложено было покончить съ Тичемъ. Но Баллантри побоялся искуснаго капитана, который могъ бы пересилить его вліяніе, а потому твердо воспротивился этому. Тичъ, говорилъ онъ, хорошъ для абордажей, чтобы пугать дураковъ вымазанной сажей рожей и руганью; для этого намъ не найти лучше человѣка, чѣмъ Тичъ, и кромѣ того, такъ какъ человѣкъ этотъ теперь обезоруженъ и лишенъ своего вліянія, то можно урѣзать его долю въ добычѣ. Это предложеніе было принято.

И теперь оставалось только два пункта: согласится ли онъ на это и кого послать къ нему для переговоровъ.

— Не безпокойтесь объ этомъ, заявилъ Баллантри: я самъ пойду.

И онъ сошелъ въ каюту пьянаго безумца, чтобы переговорить съ нимъ одинъ на одинъ.

— Вотъ человѣкъ, какого намъ было надо: закричалъ экипажъ. Провозгласимъ троекратное ура! нашему квартирмейстеру!

Что произошло, въ точности этого мы никогда не узнали, но кое-что изъ этого всплыло наверхъ впослѣдствіи; всѣ мы были удивлены и обрадованы, когда Баллантри появился на палубѣ подъ руку съ Тичемъ.

Я коснусь лишь вскользь того времени что, мы провели въ сѣверной части Атлантическаго океана, получая воду и съѣстные припасы съ тѣхъ кораблей, которыми мы завладѣвали, и въ общемъ ведя очень благопріятную кампанію.

Безъ сомнѣнія, никто не захочетъ читать такую непорядочную книгу, какъ мемуары пирата, хотя бы даже подневольнаго, какимъ былъ я! Дѣла пошли очень удачно, и Баллантри оставался съ тѣхъ поръ нашимъ предводителемъ. Я готовъ былъ бы предположить, что джентльменъ вездѣ долженъ быть первымъ, даже среди разбойниковъ, но мое происхожденіе такое же благородное, какъ и любаго шотландскаго лорда, и однако я не стыжусь признаться, что до послѣдняго времени оставался *пѣвчей вороной* и просто-на-просто шутомъ экипажа. Да и въ самомъ дѣлѣ не такая это была арена, чтобы мнѣ проявлять

на ней свои достоинства. Здоровье мое пострадало отъ множества причинъ; я былъ гораздо болѣе въ своей тарелкѣ верхомъ на лошади, чѣмъ на палубѣ корабля, и, говоря правду, боялся моря не меньше, чѣмъ своихъ сотоварищей. Мнѣ нѣтъ надобности хвастаться храбростью. Я дрался на многихъ поляхъ битвъ на глазахъ у знаменитыхъ генераловъ и получилъ свой послѣдній чинъ въ награду за храбрость, выказанную на глазахъ у многихъ свидѣтелей. Но когда намъ приходилось идти на абордажъ, душа Френсиса Борка уходила въ пятки; крошечное суденышко, на которомъ мы приставали къ кораблю, высота бортовъ того, на который намъ приходилось лѣзть, мысль о томъ, какъ велико можетъ быть число его защитниковъ, мрачное небо надъ головой, которое какъ будто хмурилось на наши дѣянія, и даже вой вѣтра въ моихъ ушахъ— все это были обстоятельства, съ которыми я не считалъ достойнымъ мѣряться храбростью. Кромѣ того, я всегда отличался большой чувствительностью, и сцены, которыя слѣдовали за нашей побѣдой, такъ же мало соблазняли меня, какъ и шансы на пораженіе.

Два раза на захваченныхъ корабляхъ мы находили женщинъ и хотя я видалъ города, разграбленные непріятелемъ, а въ послѣднее время во Франціи многія ужасныя уличныя бойни, но отъ того ли, что дѣло происходило на болѣе тѣсной аренѣ и при меньшемъ числѣ людей, но только эти дѣянія пиратовъ превосходили все своею омерзительностью.

Сознаюсь откровенно, что я не могъ дѣйствовать, не пьяный; да то же самое и съ остальнымъ экипажемъ; даже Тичъ никуда не годился, если не наливался предварительно ромомъ, и самой трудной частью для Баллантри было дать намъ ровно столько рому, сколько требовалось. Но и это онъ исполнялъ превосходно, будучи однимъ изъ талантливѣйшихъ людей, какихъ я встрѣчалъ въ жизни и природнымъ геніемъ. При этомъ онъ вовсе не искалъ популярности у экипажа, какъ я, напримѣръ, постоянными буфонадами, хотя на сердцѣ у меня скребли кошки. Напротивъ того, онъ держался чинно и важно; и походилъ на отца семейства среди дѣтей или на школьнаго учителя среди учениковъ.

Что особенно затрудняло его дѣло, это — что люди эти были закоренѣлые бродяги; какъ ни слаба была сама по себѣ дисциплина, введенная Баллантри, она тяготила ихъ, а хуже всего то, что, будучи трезвыми, они могли размышлять.

Поэтому нѣкоторые изъ нихъ начинали тогда раскаяваться въ своихъ ужасныхъ преступленіяхъ. Одинъ въ особенности, будучи добрымъ католикомъ, часто украдкой молился вмѣстѣ со мной; главнымъ образомъ въ дурную погоду, во время тумана, дождя и тому подобное, когда мы могли скорѣе остаться незамѣченными. И я увѣренъ, что преступники, которыхъ везутъ на казнь, не могли искреннѣе обращаться къ Богу.

Что касается остальныхъ, то, не будучи религіозны, они предавались другому времяпровожденію: считали барыши.

Какъ я уже говорилъ, наше дѣло шло очень удачно. Но вотъ наблюденіе, сдѣланное мной: въ здѣшнемъ мірѣ человѣкъ никогда не получитъ столько дохода отъ своего занятія, сколько надѣется.

Мы встрѣчали много кораблей и многіе забирали, но денегъ на нихъ было мало, а ихъ товары были намъ непригодны.

Что бы мы стали дѣлать съ грузомъ плуговъ, напримѣръ, или табаку?.. И грустно подумать, сколько народу мы потопили изъ-за какого-нибудь запаса сухарей или одного или двухъ боченковъ спирта.

Тѣмъ временемъ корабль пришелъ въ негодность, и надо было подумать, какъ привести его въ нашъ *port de carrénage*, который находился въ устьяхъ одной рѣки, среди болотъ. Мы рѣшили, что тамъ мы подѣлимъ добычу и разойдемся въ разныя стороны, но каждому хотѣлось заработать какъ можно больше, а потому намѣреніе наше откладывалось со дня на день.

Обстоятельство, заставившее насъ окончательно рѣшиться, было совсѣмъ пустое, и невѣжественный человѣкъ могъ бы даже счесть его совсѣмъ случайнымъ.

Но тутъ я долженъ объясниться: только на одномъ изъ всѣхъ кораблей, которые мы брали абордажемъ, на первомъ, гдѣ мы нашли женщинъ, встрѣтили мы настоящее сопротивленіе. Въ этомъ случаѣ у насъ было убито двое людей и нѣсколько ранено, и еслибы не храбрость Баллантри, то мы были бы побиты. На всѣхъ другихъ корабляхъ оборона (если только таковая бывала) была такъ слаба, что худшія войска въ Европѣ надъ нею посмѣялись бы; такъ что самою опасною частью нашего ремесла было взбираться на бортъ корабля, и я часто видѣлъ, какъ бѣдные люди на кораблѣ бросали намъ веревки, чтобы мы могли за нихъ ухватиться, до такой степени

имъ не хотѣлось быть потопленными, и они предпочитали завербоваться въ пираты.

Такая безнаказанность очень разнѣжила нашъ экипажъ, и я понимаю, почему Тичъ произвелъ такое глубокое впечатлѣніе на ихъ умъ: присутствіе этого съумасшедшаго было единственной опасностью въ нашемъ образѣ жизни.

Мы натолкнулись какъ-то на корабль, на которомъ пушки оказались больше, а пушкари искуснѣе нашихъ и аваріи, претерпленныя нами, были такъ велики, что Балантри на этотъ разъ убѣдилъ экипажъ, что „*Сара*“ не можетъ долѣе держаться на водѣ, а потому мы и направились въ нашъ портъ. Странно было видѣть при этомъ радость экипажа: разсчитывали, что доля каждаго въ добычѣ стала больше, благодаря тому, что у насъ убили двоихъ пушкарей.

Мы цѣлыхъ девять дней плыли къ нашему порту, до такой степени слабъ былъ вѣтеръ, и такъ плохъ былъ нашъ корабль. Но наконецъ, на десятый, передъ разсвѣтомъ, въ легкой дымкѣ тумана мы вошли въ устье. Немного спустя туманъ разсѣялся было, но опять сгустился, успѣвъ показать намъ по близости военный крейсеръ. Это былъ тяжелый ударъ, и такъ близко отъ нашего убѣжища. Мы долго спорили о томъ: видѣли ли они насъ и если видѣли, то узнали ли „Сару“. Мы очень тщательно истребляли весь экипажъ захваченныхъ нами кораблей, чтобы не оставалось свидѣтелей противъ насъ лично; но наружность „Сары“ трудно было замаскировать и опасность была тѣмъ значительнѣе, что въ послѣднее время, когда она стала такъ плоха, намъ случалось нѣсколько разъ безуспѣшно гоняться за кораблями, и ясно, что ея описаніе было опубликовано.

Полагаю, что эта опасность насъ побудила бы немедленно разстаться. Но тутъ оригинальный геній Балантри снова заявилъ себя. Онъ и Тичъ (и это была самая замѣчательная черта его успѣха) шли рука объ руку съ перваго же дня ихъ соглашенія. Я часто спрашивалъ его, какъ онъ этого добился, но не получалъ никакого отвѣта. Только разъ онъ мнѣ объявилъ, что „у Тича есть планъ, который очень удивилъ бы экипажъ, еслибы онъ о немъ узналъ, и очень удивилъ бы его самого, еслибы онъ былъ приведенъ въ исполненіе“.

Ну вотъ въ этомъ случаѣ онъ и Тичъ опять оказались заодно, и по ихъ настоянію якорь былъ брошенъ, и весь экипажъ предался невообразимому пьянству.

Къ полудню нашъ корабль представлялъ горсть полоумныхъ людей, выбрасывавшихъ добро за бортъ, ревѣвшихъ пѣсни, ругавшихся и въ то же время обнимавшихся.

Баллантри приказалъ мнѣ не пить, но притворяться пьянымъ, если мнѣ жизнь дорога; и я никогда еще не проводилъ такого нестерпимо скучнаго дня, и большую часть времени лежалъ на кормѣ и наблюдалъ за болотами и густыми зарослями кустовъ, которые окружали нашъ маленькій бассейнъ.

Немного спустя по наступленіи темноты Баллантри свалился съ ногъ около меня съ пьянымъ смѣхомъ и шепнулъ мнѣ, чтобы я дополз до каюты и тамъ притворился, что сплю, такъ какъ я скоро понадоблюсь. Я сдѣлалъ, что было приказано, и придя въ каюту, гдѣ было темно, свалился на первую койку. Тамъ уже кто-то лежалъ; и потому, какъ онъ двинулъ плечомъ и столкнулъ меня съ койки, я замѣтилъ, что онъ не очень пьянъ; однако, когда я улегся на другомъ мѣстѣ, онъ продолжалъ, повидимому, спать. Сердце мое сильно билось, потому что я понималъ, что предстоитъ нѣчто отчаянное. Но вотъ въ каюту пришелъ Баллантри, засвѣтилъ лампу, оглядѣлъ каюту и, кивнувъ головой съ довольнымъ видомъ, опять ушелъ на палубу.

Я поглядѣлъ сквозь пальцы и увидѣлъ, что насъ въ каютѣ трое, которые дремлютъ или притворяются, что дремлютъ: я— самъ, нѣкто Доттонъ и нѣкто Греди — оба люди очень рѣшительные. На палубѣ остальные предавались оргіи, не имѣвшей уже въ себѣ ничего человѣческаго, такъ что не найти словъ въ человѣческомъ языкѣ, чтобы описать звуки, издававшіеся ими теперь. Я много слышалъ пьянаго галдѣнья въ жизни, между прочимъ, и на нашемъ кораблѣ, но никогда не слыхивалъ ничего подобнаго, и подумалъ, что, должно быть, въ вино что-нибудь подсыпано. Много времени прошло, прежде чѣмъ эти дикіе вопли перешли въ слабые стоны и наконецъ совсѣмъ затихли.

И вскорѣ затѣмъ Баллантри сошелъ внизъ, на этотъ разъ вмѣстѣ съ Тичемъ. Послѣдній выругался при видѣ насъ троихъ на койкахъ.

— Тсъ! сказалъ Баллантри, — вы можете теперь стрѣлять имъ въ уши. Вы знаете, какого снадобья они наглотались.

Въ полу каюты была сдѣлана подполица и туда складывалась главная часть добычи до дня дѣлежа. Подполица замы-

калась кольцомъ съ тремя замками, и ключи, для большей безопасности, находились въ рукахъ троихъ людей: одинъ у Тича, другой у Баллантри, и третій у человѣка, по имени Гаммондъ. И я очень удивился, увидя, что всѣ три ключа теперь въ однѣхъ рукахъ (я продолжалъ глядѣть сквозь пальцы), и удивился еще сильнѣе, когда увидѣлъ, что Баллантри и Тичъ вынесли нѣсколько свертковъ, четыре счетомъ, тщательно запакованныхъ и приготовленныхъ для навьючиванія ихъ на спину.

— А теперь, сказалъ Тичъ, — идемъ!

— Постойте, отвѣчалъ Баллантри.—Я открылъ, что кромѣ васъ, есть еще одинъ, который знаетъ тропинку черезъ болото, и даже болѣе короткую, чѣмъ ваша.

— Въ такомъ случаѣ, мы пропали, закричалъ Тичъ.

— Я въ этомъ не увѣренъ, отвѣчалъ Баллантри,—потому что есть еще нѣсколько обстоятельствъ, съ которыми я долженъ васъ познакомить. Во-первыхъ, въ ваши пистолеты (которые я былъ такъ добръ, что взялся сегодня по-утру зарядить для васъ) не положено пуль. Во-вторыхъ, такъ какъ есть другое лицо, которое знаетъ тропинку, то вы должны понять, что я не буду такъ глупъ, чтобы связываться съ такимъ полоумнымъ, какъ вы. Въ третьихъ, эти джентльмены (которымъ незачѣмъ больше прикидываться спящими) мои сторонники и сейчасъ свяжутъ васъ и привяжутъ къ мачтѣ, а когда ваши люди проснутся (если только они проснутся послѣ того снадобья, какое мы съ вами подмѣшали къ вину), то будутъ такъ обязательны—я въ томъ увѣренъ—что освободятъ васъ, а вамъ не трудно будетъ объяснить имъ исторію съ тремя ключами.

Тичъ ни слова не промолвилъ, но глядѣлъ на него, какъ испуганный ребенокъ, въ то время какъ мы связывали его и привязывали къ мачтѣ.

— Вотъ теперь вы видите, глупый теленокъ, сказалъ Баллантри, — почему мы приготовили четыре свертка. До сихъ поръ васъ звали капитанъ *Тичъ*, а теперь вы будете капитаномъ *Лёрнъ* [1]).

То были послѣднія слова, сказанныя нами на „Сарѣ“. Мы всѣ четверо съ нашими четырьмя свертками тихонько спусти-

---

[1]) Тутъ непередаваемая игра слова: *Teach* (Тичъ) значитъ по-англійски *учить*, а *learn* (Лёрнъ)—*учиться*.

лись съ корабля и оставили его за собой безмолвнымъ, какъ могила.

Надъ водой носился туманъ, доходившій до высоты груди, такъ что Доттонъ, знавшій проходъ, долженъ былъ управлять лодкой стоя, и это обстоятельство, заставлявшее насъ грести тихонько, было средствомъ нашего избавленія. Мы не далеко еще отплыли отъ корабля, когда стало разсвѣтать, и птицы принялись летать надъ водой. Вдругъ Доттонъ пріостановился и шепотомъ велѣлъ намъ перестать грести и затаить дыханіе, если жизнь намъ дорога. И дѣйствительно мы услышали слабый звукъ веселъ по одну сторону нашей лодки, а затѣмъ и по другую. Ясно, что насъ вчера замѣтили, и мы теперь окружены шлюбками съ крейсера.

Безъ сомнѣнія, никогда еще люди не подвергались такой огромной опасности; и въ то время какъ мы придерживали весла, моля Бога о спасеніи, потъ выступилъ на моемъ лбу.

Вдругъ мы услышали на одной изъ шлюбокъ (она была такъ близко отъ насъ, что мы могли бы перебросить въ нее сухарь), офицеръ шепотомъ говорилъ матросамъ:—тише, тише.

И я удивился, какъ это они не слышатъ, какъ бьется мое сердце.

— Ну ужь о тропинкѣ надо оставить всякое попеченіе, сказалъ Баллантри; намъ слѣдуетъ прежде всего какъ-нибудь укрыться, подплыть прямо къ берегу.

Это мы сдѣлали съ величайшими предосторожностями, пробираясь, какъ умѣли, сквозь туманъ, въ которомъ собственно говоря и была вся наша надежда на спасеніе. Но небо руководило нами; мы добрались до берега и высадились въ густыхъ тростникахъ, осторожно захвативъ съ собой и свои сокровища. Такъ какъ другаго способа спрятаться у насъ не было, а туманъ началъ уже разсѣяваться, то мы перевернули лодку и потопили ее. Мы все еще находились въ тростникахъ, когда взошло солнце, и въ то же время изъ центра залива раздалось матросское ура, и мы догадались, что „Сара“ взята. Я слышалъ впослѣдствіи, что офицеръ, взявшій ее, получилъ большія почести, и безъ сомнѣнія онъ очень ловко подкрался къ кораблю, но полагаю, ему не стоило большихъ трудовъ захватить его.

Но насъ ждали опасности инаго рода.

Мы высадились у края обширнаго и опаснаго болота и добраться до тропинки представлялось дѣломъ до крайности труд-

нымъ, утомительнымъ и опаснымъ. Доттонъ, правда, былъ того мнѣнія, что намъ слѣдуетъ подождать, пока уйдетъ корабль, и тогда выловить лодку, такъ какъ всякая отсрочка будетъ благоразумнѣе, чѣмъ идти по болоту. Одинъ изъ насъ пошелъ обратно къ краю берега и, выгляну въ сквозь тростникъ, увидѣлъ, что туманъ уже разсѣялся, а на „Сарѣ" развѣвается англійскій флагъ, но никакихъ приготовленій къ отплытію не видно.

Наше положеніе стало теперь весьма сомнительнымъ. Оставаться вблизи болотъ было нездорово; мы такъ поглощены были заботой о своихъ сокровищахъ, что мало захватили съ собой съѣстныхъ припасовъ, и кромѣ того было необходимо выбраться изъ этой мѣстности, прежде нежели извѣстіе о захватѣ разбойничьяго корабля разойдется, и въ параллель со всѣми этими соображеніями шло только одно: опасность перехода черезъ болото. Мы рѣшились на послѣднее.

Было уже нестерпимо жарко, когда мы пустились въ путь, отыскивая тропинку по компасу. Доттонъ взялся за компасъ, а двое изъ насъ поочереди несли его казну. Онъ зорко слѣдилъ за арьергардомъ, потому что довѣрилъ намъ то, что ему было дороже души. Тростникъ былъ очень густъ; почва предательская, и мы часто проваливались самымъ ужаснымъ образомъ; зной стоялъ удушливый, воздухъ былъ тяжелъ, а комары вились такими миріадами надъ нами, что каждый изъ насъ шелъ какъ бы окруженный тучей.

Часто замѣчали, что джентльмены по рожденію гораздо лучше переносятъ усталость, тѣмъ простолюдины, такъ что пѣхотные офицеры, шлепающіе по грязи передъ солдатами, часто стыдятъ ихъ своей выносливостью. Это же самое было и въ настоящемъ случаѣ, когда съ одной стороны были Балантри и я—два высокорожденныхъ джентльмена, а съ другой Греди, простой матросъ и почти великанъ по физической силѣ. Доттона я не беру въ разсчетъ; онъ держался почти также хорошо, какъ и мы.

Что касается Греди, то онъ скоро началъ жаловаться на усталость, отставалъ, отказывался въ очередь нести свертокъ Доттона, просилъ безпрестанно рома (у насъ было его очень небольшое количество) и наконецъ сталъ грозить, что выстрѣлитъ намъ въ спину изъ пистолета, если мы не позволимъ ему отдохнуть.

Балантри вѣроятно поставилъ бы на своемъ, но я угово-

рилъ его дозволить намъ отдохнуть; и мы сдѣлали привалъ и поѣли. Но это мало помогло Греди, и онъ опять поплелся за нами, стеня и жалуясь на судьбу. Наконецъ по неосторожности, и невнимательно слѣдя за тропинкой, онъ провалился въ ту часть болота, гдѣ была глубокая вода, страшно заоралъ, но прежде чѣмъ мы подоспѣли къ нему на помощь, пошелъ ко дну вмѣстѣ съ своей казной. Его участь, а пуще всего крики напугали насъ до глубины души, и однако это было счастливымъ для насъ обстоятельствомъ и послужило средствомъ къ нашему избавленію, такъ какъ побудило Доттона взлѣсть на дерево, откуда онъ увидѣлъ рощу, служившую границей для безопасной тропинки. Онъ пошелъ впередъ болѣе безпечно, должно быть, потому что мы вдругъ увидѣли, что онъ погрузился въ болото, выдернулъ одну ногу, но ушелъ еще глубже и такъ до двухъ разъ.

Тогда онъ повернулъ помертвѣлое лицо къ намъ.

— Протяните мнѣ руку, сказалъ онъ, я попалъ на топкое мѣсто.

— Не можетъ быть! отвѣчалъ Баллантри, не двигаясь съ мѣста.

Доттонъ сталъ отчаянно ругаться, но ушелъ еще глубже, такъ что грязь доходила ему уже до груди и, выхвативъ пистолетъ изъ-за пояса, закричалъ:

— Помогите или умрите и будьте прокляты!

— Нѣтъ, отвѣтилъ Баллантри, я пошутилъ. Сейчасъ иду.

И положилъ свой свертокъ и свертокъ Доттона, который несъ.

— Не подходите ко мнѣ, пока я васъ не кликну, сказалъ онъ мнѣ, и пошелъ одинъ къ тому мѣсту, гдѣ погрузился въ трясину Доттонъ. Тотъ былъ теперь спокоенъ, хотя и держалъ пистолетъ, и выраженіе ужаса на его лицѣ было тяжело видѣть.

— Ради Бога, произнесъ онъ,—поторопитесь.

Баллантри былъ около него.

— Не шевелитесь, сказалъ онъ, и какъ-будто что-то соображалъ. Протяните обѣ руки.

Доттонъ положилъ пистолетъ на землю, но она была до того пропитана водой, что пистолетъ немедленно засосало. Съ проклятіемъ нагнулся онъ за нимъ, а въ это время Баллантри ударилъ его кинжаломъ между плечъ.

Доттонъ поднялъ руки надъ головой, отъ боли или желая

оградить себя—не знаю. Въ слѣдующій мигъ онъ погрузился въ трясину.

Баллантри тоже ушелъ въ нее по щиколку, но выкарабкался и вернулся къ тому мѣсту, гдѣ я стоялъ, чувствуя, что колѣни подо мной подгибаются.

— Чортъ бы васъ побралъ, Френсисъ! сказалъ онъ,—я думаю, что вы просто малодушный человѣкъ. Помилуйте, я вѣдь въ сущности только наказалъ пирата. И теперь мы отдѣлались отъ „Сары". Мы выйдемъ чисты изъ этого дѣла; кому доказывать наше участіе?

Я увѣрялъ его, что онъ ко мнѣ несправедливъ, но чувство гуманности было такъ во мнѣ задѣто ужаснымъ зрѣлищемъ, котораго я только-что былъ свидѣтелемъ, что я съ трудомъ переводилъ духъ.

— Полноте, убѣждалъ онъ,—вы должны быть рѣшительнѣе. Человѣкъ этотъ пересталъ быть намъ нуженъ, какъ только указалъ то мѣсто, гдѣ начинается тропинка, и вы не станете отрицать: я былъ бы олухъ, еслибы упустилъ такой удобный случай.

Я не могъ отрицать, что въ принципѣ онъ былъ правъ, но не могъ не пролить слезъ, которыхъ ни одинъ мужественный человѣкъ не долженъ стыдиться, и, только глотнувъ рому, могъ идти дальше. Повторяю: я нисколько не стыжусь своего великодушнаго волненія; состраданіе—почтенное качество въ воинѣ, и однако я не могу вполнѣ порицать Баллантри, которому, вообще, везло, такъ какъ мы безъ всякихъ злоключеній достигли тропинки и въ тотъ же вечеръ, передъ солнечнымъ закатомъ, пришли къ концу болота.

Мы слишкомъ утомились, чтобы идти дальше; на сухомъ пескѣ, согрѣтомъ лучами солнца, и около самаго зосноваго лѣса, мы улеглись и немедленно заснули.

На слѣдующее утро мы проснулись очень рано и завели споръ, который чуть-было не окончился дракой. Мы находились теперь на берегу одной изъ южныхъ провинцій, за тысячи миль отъ какого-либо французскаго селенія; намъ предстояло трудное путешествіе и тысячи опасностей, и безъ сомнѣнія, если когда-либо нужно намъ было доброе согласіе, такъ это теперь. Я долженъ предположить, что Баллантри потерялъ привычку къ вѣжливости, и въ этой мысли нѣтъ ничего страннаго, послѣ того какъ мы такъ долго вели жизнь морскихъ

волковъ. Какъ бы то ни было, онъ такъ грубо обошелся со мной, что каждый джентльменъ обидѣлся бы.

Я сказалъ ему, въ какомъ свѣтѣ мнѣ представляется его поведеніе; онъ отошелъ подальше, я послѣдовалъ за нимъ, осыпая его упреками, и наконецъ, онъ остановилъ меня движеніемъ руки.

— Франкъ, сказалъ онъ,—вы знаете, что мы дали клятву; но еще не выдумана такая, которая заставила бы меня проглотить подобныя выраженія, еслибы я не относился къ вамъ съ искренней привязанностью. Вы не можете въ ней сомнѣваться, потому что я вамъ ее доказалъ. Доттона я взялъ потому, что онъ зналъ тропинку, а Греди потому, что Доттонъ не хотѣлъ безъ него идти. Но зачѣмъ мнѣ было васъ брать? Вы представляете постоянную опасность для меня со своимъ проклятымъ ирландскимъ жаргономъ. По всей справедливости, вы должны бы быть теперь въ оковахъ на крейсерѣ, а вы ссоритесь со мной, какъ ребенокъ изъ-за нѣсколькихъ бездѣлушекъ.

Я нашелъ, что это самая неблагородная рѣчь, какую я только слышалъ въ жизни, и по истинѣ говорю, что до сихъ поръ не могу совмѣстить ее съ понятіемъ о джентльменѣ, какимъ былъ мой другъ. Я возразилъ ему, что его шотландскій акцентъ, хотя и менѣе замѣтенъ, чѣмъ у другихъ, но все же очень варварскій и отвратительный, и дѣло приняло бы худой оборотъ, еслибы не появленіе третьяго лица.

Мы немного отошли отъ того мѣста, гдѣ спали, оставивъ свертки распакованными и золото блестѣвшимъ наружу. Они остались между нами и соснами, и должно быть изъ-за сосенъ и вышелъ незнакомецъ. То былъ мѣстный простолюдинъ съ большимъ топоромъ на плечѣ и глядѣлъ розиня ротъ то на сокровища, то на насъ, какъ мы ссорились, причемъ дошло уже до того, что схватились за оружіе. Не успѣли мы замѣтить его, какъ онъ бросился со всѣхъ ногъ бѣжать и скрылся въ лѣсу.

Такое зрѣлище отрезвило насъ: вооруженные люди въ матросскомъ одѣяніи, которые ссорятся изъ-за казны неподалеку отъ того мѣста, гдѣ захваченъ пиратъ—этого было достаточно, чтобы спустить на насъ все населеніе. Мы не только забыли про ссору, но даже ея какъ-будто бы совсѣмъ и не бывало: въ одно мгновеніе ока мы упаковали свои свертки и пустились бѣжать, что есть духу.

Но бѣда въ томъ, что мы не знали дороги и безпрестанно

*

должны были обращаться вспять. Баллантри разспрашивалъ о дорогѣ Доттона, но трудно путешествовать по слухамъ; и морской берегъ вокругъ залива былъ очень неправильной формы и безпрестанно давалъ новые изгибы.

Мы совсѣмъ выбились изъ силъ, когда, дойдя до верхушки одной дюны, увидѣли, что путь намъ опять отрѣзанъ новымъ развѣтвленіемъ бухты. Но этотъ заливъ очень отличался отъ тѣхъ, какіе мы видѣли раньше; онъ былъ окруженъ скалами и такъ глубокъ, что маленькое какое-то судно въ немъ укрылось, а экипажъ сошелъ на берегъ. Тамъ они развели костеръ и сидѣли за трапезой. Что касается самаго корабля, то онъ былъ изъ тѣхъ, какіе строятся на Бермудскихъ островахъ.

Любовь къ золоту и ненависть, питаемая къ пиратамъ, будучи чрезвычайно сильными мотивами, давали поводъ ждать, что вся страна бросится за нами въ погоню. Кромѣ того, ясно было, что мы находимся на какомъ-то полуостровѣ, имѣющемъ форму разставленныхъ пальцевъ руки, и тотъ переходъ на материкъ, который намъ слѣдовало съ самаго начала избрать, теперь уже зорко охраняется. Всѣ эти соображенія побудили насъ къ смѣлому шагу. Нѣкоторое время, чутко прислушиваясь, нѣтъ ли за нами погони, мы пролежали въ кустахъ на вершинѣ дюны и, отдохнувъ и нѣсколько оправившись, сошли внизъ и съ большой непринужденностью присоединились къ партіи, сидѣвшей у огня.

То былъ купецъ и его негры изъ Альбани, города провинціи Нью-Іорка, и теперь онъ возвращался съ грузомъ изъ Индіи домой: имени его я не припомню. Мы были удивлены, узнавъ, что онъ притаился здѣсь, опасаясь встрѣчи съ „Сарой“, мы никакъ не ожидали, что наши подвиги такъ громки.

Какъ только-что альбанецъ услышалъ, что „Сара“ захвачена, то вскочилъ на ноги и далъ намъ по чаркѣ водки за добрую вѣсть и послалъ своихъ негровъ готовиться къ снятію съ якоря. Мы съ своей стороны воспользовались этимъ для болѣе конфиденціальныхъ переговоровъ и, наконецъ, предложили себя въ пассажиры.

Онъ косо поглядѣлъ на наше просмоленное платье и пистолеты, но вѣжливо отвѣчалъ, что у него очень тѣсно на кораблѣ. Ни просьбами, ни щедрыми посулами, на которые мы не скупились, мы не могли переубѣдить его.

— Я вижу, что вы худаго о насъ мнѣнія, сказалъ Баллан-

три,—но я докажу вамъ, какъ мы высоко васъ цѣнимъ, открывъ вамъ всю истину. Мы якобиты, обратившіеся въ бѣгство, и голова наша оцѣнена.

Это явно тронуло альбанца. Она сталъ насъ разспрашивать про шотландскую войну, и Баллантри терпѣливо отвѣчалъ на его разспросы. Наконецъ, подмигнувъ самымъ вульгарнымъ образомъ, купецъ сказалъ:

— Должно быть вамъ и вашему принцу Чарли задали не то угощеніе, какого вамъ хотѣлось?

— Именно, отвѣчалъ я; — а теперь, милый мой, мы бы хотѣли, чтобы вы угостили насъ по-пріятельски.

Я сказалъ это съ ирландской манерой, которая считается очень привлекательной. И замѣчательное дѣло, такая манера всегда увѣнчивается успѣхомъ, а это въ свою очередь доказываетъ, какою любовью пользуется наша нація. Какъ часто видѣлъ я, что солдатъ избѣгалъ розогъ, а нищій вымаливалъ щедрую милостыню, благодаря находчивой шуткѣ.

И дѣйствительно, какъ только альбанецъ разсмѣялся, я успокоился, что наше дѣло въ шляпѣ. Но даже и тутъ онъ поставилъ намъ много условій: и во-первыхъ отобралъ у насъ оружіе, прежде чѣмъ пустить на свой корабль. А затѣмъ далъ знакъ сняться съ якоря, и черезъ минуту мы поплыли по бухтѣ съ хорошимъ попутнымъ вѣтромъ, благословляя Бога за наше избавленіе.

Почти въ самомъ устьѣ залива мы прошли мимо крейсера, а немного далѣе мимо бѣдной „Сары“, съ ея призовымъ экипажемъ, и оба эти зрѣлища заставили насъ трепетать. Бермудскій корабль казался вѣрнымъ убѣжищемъ, и наша смѣлая игра выигранной, по сравненію съ тѣмъ положеніемъ, въ какомъ находились наши товарищи. Но въ сущности, мы попали изъ огня да въ полымя и избѣжали открытой ярости военнаго корабля только за тѣмъ, чтобы очутиться въ полной зависимости отъ сомнительной честности нашего альбанскаго купца.

Но по многимъ обстоятельствамъ оказалось, что мы гораздо безопаснѣе, чѣмъ смѣли надѣяться. Городъ Альбани въ то время велъ обширную контрабандную торговлю съ индѣйцами и французами. Это было беззаконно, а потому ослабило ихъ приверженность къ правительству, а кромѣ того, приводило въ столкновеніе съ самыми вѣжливыми людьми въ мірѣ и производило расколъ въ ихъ симпатіяхъ. Короче сказать, они были подобны контрабандистамъ, шпіонамъ и политическимъ аген-

тамъ всѣхъ странъ, которыя всегда готовы перейти на любую сторону. Кромѣ того, нашъ альбанецъ былъ очень честный человѣкъ и очень алчный, и къ довершенію благополучія, наше общество пришлось ему по нраву. Прежде чѣмъ мы достигли города Нью-Іорка, мы условились, что онъ доставитъ насъ на своемъ кораблѣ въ Альбани, а оттуда дастъ возможность перебраться черезъ границу и присоединиться къ французамъ. За все это мы должны были заплатить очень дорого; но нищіе не имѣютъ выбора, а бродягамъ нельзя заключать выгодныхъ сдѣлокъ.

Мы поплыли по Гудзоновой рѣкѣ, которая, на мой взглядъ, очень хорошая рѣка, и были доставлены въ гостинницу „Гербъ короля“ въ Альбани. Городъ былъ полонъ провинціальной милиціи, жаждавшей крови французовъ.

Самъ губернаторъ Клинтонъ здѣсь находился, очень дѣятельный человѣкъ, и, сколько я могъ узнать, почти доведенный до умопомѣшательства мятежнымъ духомъ своего собранія. Индѣйцы на обѣихъ сторонахъ были на военномъ положеніи, и мы видѣли партіи ихъ, доставлявшія плѣнныхъ, и, хуже того, скальпы женщинъ и мужчинъ, за которыя имъ платили опредѣленную сумму, и увѣряю васъ, это было совсѣмъ не весело видѣть. Вообще, мы не могли бы выбрать для своихъ плановъ худшаго момента; наше положеніе въ гостинницѣ было очень рискованное, а нашъ альбанецъ придумывалъ тысячи проволочекъ и, кажется, готовъ былъ отречься отъ своихъ обязательствъ; опасности со всѣхъ сторонъ окружали насъ, и нѣкоторое время мы искали забвенія въ кутежѣ.

При этомъ мы свели знакомство съ однимъ бойкимъ юношей, по имени Кью. Онъ былъ однимъ изъ отважнѣйшихъ индійскихъ купцовъ, превосходно знакомъ со всѣми тайными тропинками въ пустынѣ, крайне нуждался въ деньгахъ, былъ большой мотъ и къ довершенію благополучія въ ссорѣ съ своимъ семействомъ. Его мы убѣдили придти къ намъ на помощь; онъ частнымъ образомъ доставилъ намъ то, что намъ было нужно для бѣгства, и въ одинъ прекрасный день мы ускользнули изъ Альбани, не попрощавшись съ нашимъ прежнимъ пріятелемъ, и сѣли въ челнокъ.

Чтобы описать трудности и опасности путешествія, требуется болѣе изящное перо, чѣмъ мое. Читатель самъ можетъ себѣ представить ужасную пустыню, сквозь которую мы должны были пробираться: ея лѣсныя дебри, болота, крутыя скалы,

бѣшеные потоки и чудовищные водопады. Среди этой варварской природы мы весь день трудились: то волокли нашъ челнокъ, то несли его на плечахъ; а по ночамъ спали вокругъ костровъ, окруженные ревомъ волковъ и другихъ дикихъ звѣрей. Нашъ планъ былъ подняться до верховья Гудзона въ сосѣдство Краунъ-Пойнта, гдѣ у французовъ была выстроена крѣпостца въ лѣсу на озерѣ Чамплень.

Но сдѣлать это прямымъ путемъ было бы опасно, а потому мы пробирались черезъ цѣлый лабиринтъ рѣкъ, озеръ и небольшихъ заливовъ, при воспоминаніи о которыхъ у меня голова идетъ кругомъ.

Эти пути бываютъ обыкновенно совсѣмъ пустынны, но въ настоящее время страна была въ смятеніи, индійскія племена на военномъ положеніи, и лѣса полны индійскихъ развѣдчиковъ. Мы постоянно натыкались на нихъ тамъ, гдѣ всего менѣе ихъ ожидали, разъ въ особенности—я никогда этого не забуду—какъ на разсвѣтѣ, мы вдругъ были окружены пятью или шестью такими раскрашенными дьяволами, вопившими во все горло и размахивавшими топорами. Мы вышли изъ этой встрѣчи цѣлы и не вредимы, какъ и изъ всѣхъ остальныхъ, такъ какъ Кью былъ хорошо знакомъ и очень любимъ различными племенами.

И дѣйствительно, онъ былъ очень храбрый, почтенный человѣкъ, но даже пользуясь привилегіей его товарищества, мы не могли разсчитывать на полную безопасность при этихъ встрѣчахъ. Чтобы доказать свою дружбу, мы должны были прибѣгать къ запасу рома—въ самомъ дѣлѣ, подъ какой бы личиной ни дѣйствовалъ индійскій торговецъ, а истинное занятіе его—это содержать подвижной питейный домъ въ лѣсу,—а затѣмъ, спасаться со всѣхъ ногъ, во избѣжаніе скальпированія: когда у индійцевъ зашумитъ въ головѣ, они теряютъ всякое чувство приличія; у нихъ тогда только одна мысль: раздобыть еще scaura, такъ они называютъ этотъ проклятый напитокъ. Конечно, они могли бы очень легко насъ поймать. И еслибы это случилось, мнѣ бы не писать этихъ мемуаровъ.

Мы достигли самаго опаснаго пункта нашего пути, гдѣ могли одинаково попасть въ руки какъ англичанъ, такъ и французовъ, когда насъ постигла жестокая катастрофа. Кью вдругъ заболѣлъ съ такими симптомами, какіе бываютъ при отравленіи, и по истеченіи нѣсколькихъ часовъ умеръ на днѣ челнока.

Мы такимъ образомъ лишились нашего путеводителя, пе-

реводчика, шкипера и паспорта—потому что всѣмъ этимъ онъ намъ служилъ, и оказались въ отчаянномъ, безвыходномъ положеніи.

Кью, очень гордившійся своими познаніями, часто читалъ намъ лекція географіи, и Баллантри, кажется мнѣ, слушалъ его. Но я съ своей стороны всегда находилъ такія свѣдѣнія очень скучными и кромѣ того факта, что мы находимся теперь въ странѣ Адирондакскихъ индійцевъ и не очень далеко отъ мѣста своего назначенія — еслибы только знали, какъ туда пройти—ровно ничего не вѣдалъ.

Мудрость моего поведенія не замедлила обнаружиться, потому что при всѣхъ своихъ стараніяхъ, Баллантри, оказалось, не дальше ушелъ, чѣмъ я. Немудрено поэтому, если онъ былъ въ очень мрачномъ настроеніи; привычка же его сваливать всю вину на другихъ была менѣе извинительна, а ругательства совсѣмъ нестерпимы. Въ самомъ дѣлѣ, онъ усвоилъ себѣ среди пиратовъ такой способъ обращенія, какой вовсе неприличенъ между джентльменами и теперь дошелъ въ этомъ до апогея.

Труды Геркулеса, описываемые Гомеромъ, ничто сравнительно съ тѣмъ, что мы испытывали. Нѣкоторыя части лѣса были такъ густы, что мы должны были продираться сквозь чащу, какъ мыши въ кругъ сыра. Мѣстами мы должны были пробираться по болоту, и окружающій лѣсъ былъ совсѣмъ гнилой. Я споткнулся о большую карягу, валявшуюся на землѣ, и ушелъ по колѣно въ истлѣвшую древесную пыль; хотѣлъ, падая, ухватиться за твердый, казалось на видъ, стволъ, но при моемъ прикосновеніи онъ весь разсыпался, точно песокъ. Спотыкаясь, падая, пробираясь на колѣняхъ, рискуя выколоть себѣ глаза о вѣтки, обдирая объ нихъ свое платье, мы шли весь день и врядъ-ли прошли двѣ мили. Что всего хуже, это что намъ очень рѣдко попадались просвѣты на окружающую насъ мѣстность, и мы безпрестанно должны были сходить съ пути, который преграждался намъ различными препятствіями, такъ что въ сущности нельзя было даже сообразить, въ какомъ направленіи мы двигаемся.

Не задолго до солнечнаго заката, когда мы выбрались на открытое мѣсто и рѣку, окруженныя высокими горами, Баллантри сбросилъ свой багажъ и объявилъ:

— Я дальше не пойду, и велѣлъ мнѣ разложить костеръ,

ругаясь такими словами, которыя неудобно приводить въ печати.

Я сказалъ ему, чтобы онъ постарался забыть, что былъ пиратомъ, и припомнилъ бы, что онъ джентльменъ.

— Съ ума вы сошли? закричалъ онъ, что сердите меня въ такую минуту.

И затѣмъ, грозя кулакомъ, заоралъ:

— Подумать, что я долженъ сложить свои кости въ этой проклятой пустынѣ! Лучше бы мнѣ было умереть на плахѣ, какъ джентльмену!

Говоря это, онъ ломался, какъ актеръ, а затѣмъ принялся кусать пальцы, уставясь въ землю, и представляя собой весьма неприглядное зрѣлище.

Я просто былъ возмущенъ этимъ человѣкомъ, потому что думалъ, что солдату и джентльмену подобаетъ не такъ относиться къ своему концу. Поэтому я ничего ему не отвѣтилъ, а такъ какъ вечеръ былъ прохладный, то для собственнаго удобства нашелъ нужнымъ разложить костеръ. И однако Богу извѣстно, что на такомъ открытомъ мѣстѣ и въ странѣ, гдѣ кругомъ рыскали дикари, это былъ совсѣмъ безумный поступокъ. Баллантри какъ будто не замѣчалъ меня, но наконецъ спросилъ:

— Есть у васъ братъ?

— По милости Божіей, цѣлыхъ пятеро, отвѣчалъ я.

— У меня только одинъ братъ, проговорилъ онъ страннымъ голосомъ и затѣмъ прибавилъ: — Онъ мнѣ заплатитъ за все это.

А когда я спросилъ, чѣмъ виноватъ его братъ въ нашей бѣдѣ: — Какъ? закричалъ онъ, — онъ сидитъ на моемъ мѣстѣ, носитъ мое имя, ухаживаетъ за моей женой, а я здѣсь одинъ въ этой проклятой пустынѣ съ окаяннымъ ирландцемъ. О! я поступилъ, какъ набитый дуракъ!

Еще два дня провели мы при такихъ точно обстоятельствахъ, и затѣмъ Баллантри рѣшилъ бросить жребій, въ какую сторону намъ повернуть, и когда я сталъ доказывать, что это ребячество, отвѣчалъ:

— Я не знаю лучшаго способа выразить мое презрѣніе къ человѣческому разуму.

Кажется, на третій день мы нашли тѣло христіанина, съ оскальпированной головой, плавающаго въ лужѣ крови, а надъ нимъ птицы пустыни вились, какъ туча мухъ.

Не могу описать, какое страшное впечатлѣніе произвело на насъ это зрѣлище; но оно лишило меня послѣднихъ силъ и надежды на спасеніе въ здѣшней жизни.

Въ тотъ же день, только немного позднѣе, мы брели черезъ такую часть лѣса, которая была сожжена, какъ вдругъ Баллантри, державшійся впереди, спрятался за пень. Я послѣдовалъ его примѣру, и оттуда мы могли наблюдать, не будучи сами замѣченными; мы увидѣли въ глубинѣ ближайшаго оврага большую партію дикарей, переходившихъ поперегъ нашего пути... Баллантри повернулся ко мнѣ, и все лицо его выразило одинъ страшный вопросъ.

— Они, можетъ быть, на сторонѣ англичанъ, шепнулъ я.

— Знаю, знаю, но вѣдь надо же когда-нибудь кончить.

И вдругъ схвативъ монету, сталъ трясти ее въ рукѣ и затѣмъ подбросилъ на воздухъ...

Примѣчаніе м-ра Макъ-Келлара.

Я прерываю на этомъ пунктѣ разсказъ кавалера, потому что оба пріятеля въ этотъ день поссорились окончательно и разстались; а разсказъ кавалера о причинахъ ссоры кажется мнѣ (сознаюсь) совсѣмъ несовмѣстнымъ съ характеромъ обоихъ людей.

Послѣ того они странствовали каждый особнякомъ и пережили страшныя мученія, пока ихъ не подобралъ, сначала одного, а потомъ и другаго, отрядъ изъ форта св. Фредерика. Только двѣ вещи необходимо отмѣтить. Первую (и самую важную для моей исторіи), что м-ръ Баллантри во время пути зарылъ свою казну въ мѣстѣ, которое съ тѣхъ поръ такъ и не было открыто, но съ котораго онъ снялъ планъ своей кровью на подкладкѣ шляпы.

А второе, что, придя безъ копѣйки денегъ въ фортъ, онъ былъ встрѣченъ м-ромъ Боркомъ, какъ братъ, и тотъ на свой счетъ перевезъ его во Францію. Простота характера м-ра Борка заставляетъ его чрезвычайно хвалить въ этомъ мѣстѣ м-ра Баллантри, хотя для болѣе разсудительнаго ума казалось бы, что тутъ одинъ только Боркъ достоинъ похвалы. Я съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ отмѣчаю эту, по-истинѣ благородную, черту характера моего уважаемаго корреспондента, что вслѣдъ затѣмъ долженъ осудить его.

Я воздерживался отъ всякихъ комментарій на счетъ его необычайныхъ и—по моему мнѣнію—безнравственныхъ воззрѣній, потому что знаю, онъ очень ревнивъ къ своей чести. Но его разсказа о ссорѣ я право же не могу привести, потому что это мнѣ кажется совсѣмъ невѣроятнымъ. Я самъ хорошо знаю м-ра Баллантри и долженъ сказать, что нельзя себѣ и представить человѣка болѣе недоступнаго страху...

IV.

Продолженіе разсказа управителя.

Читатели легко поймутъ, что полковникъ распространялся далеко не обо всѣхъ своихъ приключеніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы мы услышали о нихъ во всей подробности, то ходъ послѣдующихъ событій могъ бы получить совсѣмъ иное направленіе. Такимъ образомъ, напримѣръ, онъ только слегка коснулся похожденій на кораблѣ пиратовъ. Къ тому же я не дослушалъ до конца и того, что полковникъ былъ не прочь сообщить. М-ръ Генри съ озабоченнымъ и пасмурнымъ видомъ всталъ наконецъ съ мѣста и, объявивъ полковнику, что его отзываютъ неотложныя дѣла, приказалъ мнѣ слѣдовать за собой въ контору.

Придя туда, онъ уже не старался скрыть своего волненія и расхаживалъ по комнатѣ взадъ и впередъ съ искаженнымъ лицомъ, безпрестанно проводя рукой по лбу.

— Надо заняться дѣломъ, началъ онъ наконецъ, но умолкъ и объявилъ немного спустя, что слѣдуетъ сперва выпить, и велѣлъ принести бутылку лучшаго вина. Это было совсѣмъ не въ его обычаяхъ, тѣмъ болѣе, что когда вино подали, онъ выпилъ одну рюмку за другой, какъ человѣкъ равнодушный къ тому, что скажутъ. Но какъ бы то ни было, а вино подкрѣпило его.

— Васъ, конечно, не удивитъ, Макъ-Келларъ,—сказалъ онъ, когда я вамъ скажу, что братъ мой, спасенію котораго мы всѣ такъ рады, нуждается въ деньгахъ.

Я отвѣчалъ, что догадывался объ этомъ, но что времена тяжелыя, и денегъ у насъ мало.

— Только не у меня, сказалъ онъ. А тѣ деньги, которыя приготовлены въ уплату процентовъ по залогу имѣнія?

Я напомнилъ ему, что это деньги м-съ Генри.

— Я отвѣчаю передъ женой, рѣзко крикнулъ онъ.

— И кромѣ того ими нужно уплатить долгъ.

— Я знаю, сказалъ онъ, а потому и хочу посовѣтоваться съ вами.

Я объяснилъ ему, какъ неудобно давать этимъ деньгамъ не то назначеніе, которое имѣлось въ виду, и что, поступивъ такимъ образомъ, мы можемъ лишиться всѣхъ плодовъ нашей экономіи и снова разорить помѣстье. Я даже взялъ смѣлость убѣждать его не дѣлать этого, и когда на всѣ мои доводы онъ только покачалъ головой и горько улыбнулся, усердіе завлекло меня слишкомъ далеко, и я закричалъ:

— Это чистое безуміе, и я въ этомъ дѣлѣ умываю руки.

— Вы говорите такъ, какъ еслибы я сдѣлалъ это ради своего удовольствія. Вѣдь у меня есть ребенокъ, и къ тому же я люблю порядокъ. И сказать по совѣсти, Макъ-Келларъ, я начиналъ уже гордиться помѣстьемъ.

Онъ мрачно помолчалъ.

— Но что же прикажете дѣлать? продолжалъ онъ. Вѣдь моего тутъ нѣтъ ничего. Сегодняшнее извѣстіе перевернуло вверхъ дномъ всю мою жизнь. Я пользуюсь тѣнью имени и вещей... только тѣнью. Мои права основаны на пескѣ.

— Ихъ можно безспорно доказать передъ судомъ.

Онъ поглядѣлъ на меня горящимъ взглядомъ, но сдержался и ничего не сказалъ; а я раскаялся въ своихъ словахъ, потому что увидѣлъ, что хотя онъ говорилъ только о помѣстьи, но въ мысляхъ держалъ и свой бракъ.

И вотъ вдругъ онъ вытащилъ смятое письмо изъ кармана и, изо всей силы швырнувъ его на столъ, прочиталъ мнѣ первыя слова дрожащимъ голосомъ:

„Любезный Іаковъ!“ — вотъ оно... началось! закричалъ онъ.—„Любезный Іаковъ, ты припомнишь, что я уже называлъ тебя такъ, а теперь ты и впрямь сталъ Іаковомъ и отнялъ у меня мое первородство!“.. Что вы скажете на это, Макъ-Келларъ? и это отъ роднаго брата! Богу извѣстно, что я любилъ его и всегда былъ ему вѣренъ, и вотъ какъ онъ мнѣ пишетъ—говоря это, м-ръ Генри безпокойно расхаживалъ по комнатѣ—я такъ же хорошъ, какъ и онъ; я лучше его и Бога призываю въ томъ въ свидѣтели! Я не могу дать ему чудовищной суммы, какую онъ проситъ; онъ самъ знаетъ, что все помѣстье того не стоитъ; но я отдамъ ему все, что имѣю, и это болѣе того, что онъ ожидаетъ. Я слишкомъ долго вы-

носилъ все это. Поглядите, что онъ дальше пишетъ; прочтите сами:—„я знаю, что ты скупой пёсъ“... Скупой пёсъ! Я—скупой... развѣ это правда, Макъ-Келларъ! Вы такъ думаете!—Право, мнѣ показалось, что онъ готовъ прибить меня!—О! вы всѣ такъ думаете! Хорошо же! вы увидите, и онъ увидитъ, и самъ Богъ увидитъ! Хотя бы я разорилъ помѣстье и ходилъ босой, а я напою этого кровопійцу. Пусть онъ беретъ все... все! Это все ему принадлежитъ! ахъ! закричалъ онъ, я все это предвидѣлъ, и даже хуже того, когда онъ не хотѣлъ меня отпустить.

Онъ налилъ еще рюмку вина и хотѣлъ поднести ко рту, когда я осмѣлился взять его за руку.

Онъ остановился.

— Вы правы, сказалъ онъ и бросилъ вино вмѣстѣ съ рюмкой въ каминъ.

— Пойдемте, сосчитаемъ деньги.

Я не смѣлъ долѣе сопротивляться ему; въ самомъ дѣлѣ, меня очень разстроило отчаяніе человѣка, котораго я привыкъ видѣть всегда спокойнымъ. Мы сѣли и стали считать деньги, раскладывая ихъ по сверткамъ для пущаго удобства полковника Борка, который долженъ былъ отвезти ихъ.

Послѣ этого м-ръ Генри вернулся въ залу, гдѣ вмѣстѣ съ милордомъ просидѣлъ всю ночь съ гостемъ.

Незадолго до разсвѣта меня позвали и велѣли сопровождать полковника.

Онъ не соглашался ѣхать съ менѣе отвѣтственнымъ провожатымъ, такъ какъ очень высоко цѣнилъ себя. Мы не могли предложить ему болѣе почетный конвой, потому что м-ръ Генри не хотѣлъ связываться съ контрабандистами.

Утро было очень холодное и вѣтряное, когда мы выходили, и полковникъ кутался въ плащъ.

— Сэръ, сказалъ я, вашъ другъ потребовалъ очень большую сумму денегъ и, должно быть, онъ очень нуждается.

— Должно быть, отвѣтилъ онъ, какъ мнѣ показалось, сухо, но можетъ быть и то, что плащъ мѣшалъ ему говорить.

— Я только слуга фамиліи, и вы можете откровенно говорить со мной. Я думаю, что намъ мало будетъ отъ него радости.

— Любезный, сказалъ полковникъ, м-ръ Баллантри джентльменъ необыкновенно даровитый и человѣкъ, котораго я почитаю и которому поклоняюсь.

Послѣ этого онъ замолчалъ какъ бы въ затрудненіи.

— Все это прекрасно, но все же радости намъ отъ него будетъ мало.

— Очень можетъ быть, любезный, но вы можете принять свои мѣры.

Тѣмъ временемъ мы подъѣхали къ той части бухты, гдѣ его дожидалась лодка.

— Ну, сказалъ онъ, я у васъ въ долгу за вашу вѣжливость, м-ръ, какъ-васъ-звать, и на прощанье скажу вамъ одно послѣднее словечко, такъ какъ вы интересуетесь фамильными дѣлами. Мнѣ сдается, что другъ мой позабылъ упомянуть въ письмѣ, что онъ получаетъ больше всѣхъ другихъ эмигрантовъ въ Парижѣ пенсію изъ шотландскаго фонда, и это тѣмъ подлѣе, сэръ, закричалъ полковникъ, внезапно разгорячившись, что мнѣ не даютъ ни одного мѣднаго гроша.

Онъ махнулъ шляпою въ мою сторону, какъ будто бы я былъ виноватъ въ этой несправедливости; затѣмъ опять впалъ въ обычный тонъ разгильдяйской любезности, пожалъ мнѣ руку и сѣлъ въ лодку, съ деньгами подъ мышкой и насвистывая жалобную пѣсню „Shule Aroon“.

Эту пѣсню я услышалъ тутъ впервые, но мнѣ пришлось вновь выслушать ее всю отъ начала до конца, а при какихъ обстоятельствахъ, читатель узнаетъ о томъ въ свое время.

. . . . . .

Дефицитъ въ нашемъ хозяйственномъ бюджетѣ поставилъ насъ въ очень затруднительное положеніе и въ числѣ иныхъ послѣдствій имѣлъ слѣдующее: я долженъ былъ съѣздить въ Эдинбургъ и тамъ заключить новый заемъ на весьма невыгодныхъ условіяхъ, чтобы покрыть старый. Я пробылъ въ отсутствіи около трехъ недѣль.

О томъ, что произошло въ этотъ промежутокъ времени, мнѣ некому было сообщить, но я нашелъ по возвращеніи большую перемѣну въ поведеніи м-съ Генри. Старинныя бесѣды съ милордомъ почти не возобновлялись, и замѣчалась нѣкоторая ласковость съ ея стороны къ мужу, съ которымъ она теперь разговаривала чаще, чѣмъ прежде; а пуще всего она вся предалась любви къ дочери, миссъ Катрейнъ.

Можно было бы подумать, что перемѣна пріятна м-ру Генри—ничуть не бывало. Напротивъ того: всякая перемѣна была для него ножемъ острымъ въ сердце: онъ читалъ въ ней признаніе ея любви къ отсутствующему. Это постоянство къ стар-

шему брату, которымъ она гордилась, когда считала его умершимъ, теперь заставляло ее краснѣть, когда она узнала, что онъ живъ, и этотъ стыдъ былъ главной пружиной въ перемѣнѣ ея поведенія. Я не хочу ничего утаивать, а потому скажу, что въ этотъ періодъ времени м-ръ Генри показалъ себя въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ. Въ публикѣ онъ сдерживался; но все же можно было замѣтить, что онъ раздраженъ.

Со мной онъ менѣе чѣмъ съ кѣмъ-либо стѣснялся, онъ бывалъ часто грубо-несправедливъ и даже женѣ ему случалось отвѣчать очень рѣзко; быть можетъ, она раздражала его непривычной ласковостью; быть можетъ, порою онъ просто не въ силахъ былъ сдержать дурное расположеніе духа. Когда онъ такимъ образомъ выдавалъ свое раздраженіе, милордъ и м-съ Генри взглядывали другъ на друга съ горестнымъ удивленіемъ.

И въ то время какъ онъ вредилъ себѣ проявленіями своей досады, онъ портилъ свое положеніе тѣмъ, что молчалъ о своихъ денежныхъ затрудненіяхъ, ужь не умѣю сказать, изъ гордости или изъ великодушія.

Котрабандисты являлись не разъ, привозя пословъ отъ м-ра Баллантри, и ни одинъ не уходилъ съ пустыми руками. Я не могъ переубѣдить м-ра Генри. Онъ отдавалъ все, чего отъ него требовали, съ какой-то благородной яростью.

Быть можетъ, отъ того, что онъ сознавалъ въ себѣ склонность къ скупости, ему нравилась безпечная расточительность, къ которой его вынуждалъ братъ. Быть можетъ, фальшивое положеніе подѣйствовало бы точно также и на болѣе смирнаго человѣка. Но какъ бы то ни было, а помѣстье (если можно такъ выразиться) кряхтѣло подъ бременемъ; наши ежедневныя издержки постоянно урѣзывались; конюшни опустѣли, слуги были распущены, что̀ вызвало большой ропотъ въ околодкѣ и подогрѣло старую ненависть къ м-ру Генри, и наконецъ пришлось отмѣнить ежегодную поѣздку въ Эдинбургъ.

Это было въ 1756 году. Подумайте, что цѣлыхъ семь лѣтъ кровопійца высасывалъ всю кровь изъ Дэрисдира и что все это время мой господинъ молчалъ объ этомъ. Чертовская хитрость м-ра Баллантри заставляла его обращаться за деньгами исключительно къ м-ру Генри, и никогда ни единымъ словомъ не обмолвиться передъ милордомъ. Фамилія съ удивленіемъ взирала на нашу экономію. Они плакались, я увѣренъ, на то, что мой хозяинъ сталъ такимъ скрягой... Порокъ вообще

очень противный, но въ такомъ молодомъ человѣкѣ — м-ру Генри не было еще и тридцати лѣтъ—просто отвратительный. Но все же онъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ управлялъ Дэрисдиромъ, и они подчинялись перемѣнамъ въ молчаніи, такомъ же гордомъ и горькомъ, какъ и его собственное. Но поѣздки въ Эдинбургъ оказались камнемъ преткновенія.

Въ это время хозяинъ съ женой почти никогда не видѣлись, кромѣ какъ за столомъ. Тотчасъ послѣ отъѣзда полковника Борка, м-съ Генри замѣтно старалась сблизиться съ мужемъ; можно, право, сказать, что она какъ бы ухаживала за мужемъ, хотя застѣнчиво и осторожно. У меня никогда не хватало духу порицать м-ра Генри за то, что онъ не сдался на такое ухаживаніе; или осуждать его жену за то, что она обидѣлась его холодностью; но въ результатѣ явилось полное отчужденіе между ними, такъ что они, кажется, рѣдко и говорили другъ съ другомъ, кромѣ какъ за столомъ. Даже вопросъ о поѣздкѣ въ Эдинбургъ впервые поднялся за обѣдомъ, и случилось какъ нарочно, что въ этотъ день м-съ Генри нездоровилось, и она была сердита. Не успѣла она услышать отъ мужа, что поѣздка не состоится, какъ вся такъ и вспыхнула.

— Это, наконецъ, слишкомъ! — закричала она. — Богу извѣстно, что жизнь моя слишкомъ скучна, чтобы меня лишали единственнаго утѣшенія. Этой позорной скупости долженъ быть положенъ конецъ; и безъ того мы стали сказкой для нашихъ сосѣдей. Я больше не въ силахъ выносить такое безуміе.

— У меня нѣтъ средствъ для этой поѣздки, — отвѣтилъ м-ръ Генри.

— Нѣтъ средствъ! стыдитесь! Но у меня есть свои деньги!

— Онѣ стали моими послѣ того, какъ вы вышли замужъ,— отрѣзалъ онъ и немедленно вышелъ изъ комнаты.

Милордъ поднялъ руки къ небу и, удалившись съ невѣсткой къ камину, намекнулъ очень прозрачно, что мнѣ слѣдуетъ ихъ оставить вдвоемъ.

Я нашелъ м-ра Генри въ его обычномъ убѣжищѣ, въ конторѣ управителя, гдѣ онъ сидѣлъ на концѣ стола и тыкалъ въ него перочиннымъ ножичкомъ съ очень злымъ видомъ.

— М-ръ Генри, вы себя губите; пора положить этому конецъ.

— О!—закричалъ онъ,—никому нѣтъ до этого дѣла. Они

находятъ, что это такъ и слѣдуетъ. У меня позорныя наклонности. Я скупой пёсъ, и онъ ткнулъ ножемъ въ столъ по самую рукоятку. Но я покажу этому молодцу,—прибавилъ онъ съ бранью,—я покажу ему, кто изъ насъ двоихъ великодушнѣе.

— Это не великодушіе, это только гордость.

— Вы думаете, кажется, что я нуждаюсь въ нравоученіяхъ?

Я думалъ, что онъ нуждается въ помощи и что я окажу ее ему, хочетъ онъ того или нѣтъ; а потому какъ только-что м-съ Генри ушла къ себѣ въ комнату, я подошелъ къ ея двери и попросилъ позволенія ее видѣть.

Она открыто выразила свое удивленіе.

— Что вамъ нужно, м-ръ Макъ-Келларъ?

— Богу извѣстно, что я до сихъ поръ не позволялъ себѣ никакихъ вольностей, но это бремя слишкомъ тяжело для моей совѣсти, а потому я хочу его свергнуть. Неужели возможно, чтобы люди были такъ слѣпы, какъ вы и милордъ? Неужели возможно, что вы столько лѣтъ прожили съ такимъ благороднымъ джентльменомъ, какъ м-ръ Генри, и такъ мало понимаете его натуру.

— Что это значитъ?—закричала она.

— Развѣ вы не знаете, куда идутъ всѣ деньги? его... и ваши... и даже деньги за то вино, которое слѣдовало бы подавать за нашимъ столомъ? Въ Парижъ... этому человѣку! Восемь тысячъ фунтовъ вытянулъ онъ изъ насъ въ семь лѣтъ, и мой хозяинъ такъ безуменъ, что держитъ это въ тайнѣ!

— Восемь тысячъ фунтовъ! — повторила она. — Это невозможно; помѣстье этого не выдержитъ.

— Богу извѣстно, что мы изъ кожи лѣзли, чтобы добыть эти деньги. Но мы выслали ему восемь тысячъ шестьдесятъ фунтовъ, не считая. И если, послѣ этого, вы будете все еще считать моего хозяина скупцомъ, то я больше не во что не вмѣшиваюсь въ жизни.

— Не говорите такъ, м-ръ Макъ-Келларъ,—сказала она.— Вы поступили очень хорошо, хотя по скромности своей и называете это вмѣшательствомъ съ своей стороны. Я очень виновата; вы должны считать меня, въ самомъ дѣлѣ, за очень невнимательную жену (при этомъ она поглядѣла на меня съ очень странной улыбкой), но я все это немедленно улажу. Мистеръ Баллантри былъ всегда очень безпечнымъ человѣкомъ, но сердце

у него прекрасное; онъ— воплощенное великодушіе; я сама напишу ему. Вы не можете себѣ представить, какъ вы огорчили меня своимъ сообщеніемъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? А я думалъ, что обрадую васъ, — сказалъ я, бѣсясь на то, что м-ръ Баллантри все еще дорогъ ея сердцу.

— И обрадовали, конечно; конечно, и обрадовали,— прибавила она.

Въ тотъ же самый день я имѣлъ удовольствіе видѣть, что м-ръ Генри вышелъ изъ комнаты жены совсѣмъ на себя непохожимъ: лицо его было все въ пятнахъ и заплаканное, но, несмотря на то, онъ, казалось, былъ на седьмомъ небѣ.

На этомъ основаніи я подумалъ, что жена повинилась передъ нимъ.

— Ахъ! - подумалъ я,—сегодня я сдѣлалъ доброе дѣло.

На завтра, когда я сидѣлъ за книгами, м-ръ Генри потихоньку подкрался ко мнѣ, взялъ меня за плечи и потрясъ въ видѣ дружеской шутки.

— Я узналъ, что вы предатель,—сказалъ онъ.

И это былъ единственный его намекъ на мое вмѣшательство, но тонъ, съ какимъ онъ это сказалъ, стоилъ самыхъ жаркихъ заявленій въ благодарности.

Но это былъ не единственный результатъ, какого я достигнулъ, потому что когда слѣдующій посолъ отъ м-ра Баллантри (онъ явился вскорѣ послѣ того) уѣзжалъ отъ насъ, то ничего съ собой не увезъ, кромѣ письма.

Послѣ того дѣла пошли лучше въ домѣ, хотя и нельзя было утверждать, что они шли совсѣмъ хорошо. По крайней мѣрѣ не было больше несправедливыхъ подозрѣній съ одной стороны; и всѣ стороны относились другъ къ другу ласково, и мнѣ кажется, что мой хозяинъ и его жена могли бы опять сойтись, еслибы только онъ могъ припрятать подальше свою гордость, а она бросила бы печалиться (что естественно и было причиной всему) по другомъ человѣкѣ.

Удивительно, какъ у человѣка сквозитъ его задушевная мысль; удивительно для меня теперь, какъ могли мы такъ слѣдить за полетомъ ея чувствъ; а хотя она держала себя очень спокойно и была даже ровнаго характера, но мы всѣ знали, когда она мысленно уносилась въ Парижъ.

И пусть не думаютъ, что мое открытіе низвергло идола! Я думаю, что въ женщинахъ сидитъ чортъ: всѣ эти годы она

не видѣла человѣка, ласки особенной отъ него никогда не видала и, наконецъ, его алчность была обнаружена передъ нею, что же? несмотря на все это, она продолжала предпочитать этого негодяя; и понятно, что это могло хоть кого довести до бѣшенства. Я никогда по природѣ не питалъ особой симпатіи къ страсти, именуемой любовью; но безразсудство жены моего патрона отвратило меня отъ нея окончательно.

Несмотря на то, что мать моя была, такъ сказать, солью земли, а тетушка Диксонъ, платившая за мое ученіе въ университетѣ,—весьма замѣчательная женщина, я никогда не любилъ женщинъ, плохо ихъ понималъ, конечно, и, будучи далеко не смѣлымъ человѣкомъ, избѣгалъ ихъ общества. И не только не имѣлъ я причины раскаяваться въ такомъ образѣ дѣйствій, а, напротивъ, всегда видѣлъ, что тѣ, которые были менѣе благоразумны, всегда платились за это очень жестоко.

Всѣ эти мысли я считалъ нужнымъ высказать, чтобы не подумали, что я несправедливъ къ м-съ Генри. И кромѣ того, замѣчанія эти естественнымъ образомъ пришли ко мнѣ при пересмотрѣ письма, полученнаго мною въ тѣ поры, и къ величайшему моему изумленію приватнымъ образомъ вскорѣ послѣ отъѣзда послѣдняго посла.

Письмо отъ полковника Борка (впослѣдствіи кавалера) къ м-ру Макъ-Келлару.

Труа въ Шампаньи,
12 іюля 1756 г.

„Дорогой сэръ,—вы конечно удивитесь, получивъ это письмо отъ человѣка, мало вамъ знакомаго; но въ тотъ разъ, какъ мнѣ довелось съ вами встрѣтиться въ Дэрисдирѣ, я замѣтилъ, что вы солидный и степенный молодой человѣкъ: качества, которыя я цѣню наравнѣ съ природными дарованіями и смѣлымъ рыцарскимъ духомъ воина. Кромѣ того, я заинтересованъ въ судьбѣ благородной фамиліи, которой вы имѣете честь служить (выражаясь по-книжному) или быть ея смиреннымъ и уважаемымъ другомъ, а разговоръ, какой я имѣлъ удовольствіе вести съ вами рано по-утру, запечатлѣлся въ моемъ умѣ.

„Будучи намедни въ Парижѣ, проѣздомъ отъ знаменитаго города, гдѣ я теперь состою въ гарнизонѣ, я воспользовался случаемъ узнать ваше имя (которое, сознаюсь, позабылъ) у моего друга м-ра Б., и такъ какъ представилась оказія вамъ написать, то я и пользуюсь ею, чтобы сообщить вамъ о нашихъ новостяхъ.

*

„М-ръ Б. (какъ я вамъ говорилъ въ прошлый разъ) получалъ весьма значительную пенсію изъ шотландскаго фонда. Вскорѣ затѣмъ онъ получилъ роту, а наконецъ и полкъ. Дорогой сэръ, я не берусь объяснять это обстоятельство; равно какъ и то, что я, бывшая правая рука принцевъ, отправленъ жить въ провинціальную глушь. Какъ ни привыкъ я ко двору, но не могу не сознаться, что его атмосфера не годится для солдатъ, и я не могъ бы надѣяться составить карьеру такимъ путемъ, еслибы даже онъ мнѣ и представился. Но у нашего друга особенный даръ успѣвать въ жизни посредствомъ дамъ, и если то, что я слышалъ справедливо, то онъ пользуется очень высокой протекціей. Но должно быть въ концѣ концовъ ему это повредило, потому что, когда я имѣлъ честь пожать ему руку, онъ только-что былъ выпущенъ изъ Бастиліи, куда его посадили по lettre de cachet, и хотя онъ теперь и выпущенъ на свободу, но лишился разомъ и полка, и пенсіи. Дорогой сэръ, м-ръ Б. человѣкъ, котораго я уважаю и почитаю безконечно, и, кромѣ того, онъ мой другъ. Но такая перемѣна счастія довела его до отчаянія. Онъ толковалъ, когда я видѣлъ его, о поѣздкѣ въ Индію (куда я самъ надѣюсь сопровождать моего знаменитаго соотечественника м-ра Лалли); но для этого (сколько я понялъ) ему не хватаетъ денегъ. Вы, можетъ быть, слыхали военную поговорку: „хорошо убѣгающему врагу перекинуть золотой мостъ“? Надѣюсь, что вы поймете, что я хочу сказать и передадите вмѣстѣ съ симъ мое почтеніе милорду Дэрисдиру, его сыну и красавицѣ м-съ Дэри.

Мой дорогой сэръ, вашъ
покорный слуга Френсисъ Боркъ“.

Это посланіе я немедленно снесъ м-ру Генри, и его мысль была та же, что и моя, а именно: что оно опоздало на цѣлую недѣлю. Я поспѣшилъ отвѣчать полковнику Борку и проспилъ его, если онъ увидитъ м-ра Баллантри, то увѣрить его, что слѣдующій его посолъ не уѣдетъ съ пустыми руками. Но при всей своей поспѣшности я не могъ предотвратить неизбѣжнаго: стрѣла была пущена и должна была летѣть. Не удивительно ли, что мы сами накликали катастрофу въ слѣпомъ невѣдѣніи того, что дѣлаемъ.

Послѣ полученія письма отъ полковника, я завелъ подзорную трубу у себя въ комнатѣ, сталъ разспрашивать арендаторовъ, и такъ какъ тайны большой изъ этого не дѣлали, а контрабанда въ нашихъ мѣстахъ процвѣтала, то я вскорѣ узналъ

всѣ сигналы и могъ съ точностью знать, когда ожидался какой-нибудь вѣстникъ.

И вотъ въ злосчастный день 7-го ноября, того же злополучнаго года, я увидѣлъ дымъ отъ костра въ Мукльросѣ. Мнѣ пора было возвращаться домой, но тревога, овладѣвшая мною, была такъ велика, что я прокрался сквозь кусты, которые росли на берегу такъ называемой главной бухты.

Солнце уже зашло, но на западѣ было свѣтло, и это показало мнѣ, что браконьеры зажгли свои сигнальные огни, а въ бухту пришелъ корабль. И дѣйствительно онъ стоялъ на якорѣ, и уже спущена была съ него лодка, направлявшаяся къ берегу.

Я зналъ, что это означаетъ только одно, а именно: гонца, направляющагося въ Дэрисдиръ.

Я отбросилъ весь страхъ и вскарабкался на утесъ—вещь, на которую раньше никогда не отваживался, и тамъ, спрятанный въ кустахъ, увидѣлъ, какъ лодка причалила къ берегу. Самъ капитанъ Крель сидѣлъ у руля—вещь не обычная, а рядомъ съ нимъ сидѣлъ пассажиръ; матросы же съ трудомъ выбрались изъ лодки, такъ какъ имъ мѣшала куча саквояжей, большихъ и малыхъ. Но высадка все же совершилась, и багажъ былъ благополучно доставленъ на берегъ, лодка поплыла обратно къ кораблю, а на берегу остался только пассажиръ, высокій, стройный джентльменъ, весь въ черномъ, со шпагой на боку и съ тросточкой въ рукахъ. Стоя на берегу, онъ махалъ ею, какъ бы салютуя капитану Крелю жестомъ, исполненнымъ граціи и насмѣшки и запечатлѣвшимся у меня въ памяти.

Не успѣла лодка съ браконьерами отплыть отъ берега, какъ я окончательно расхрабрился и вылѣзъ изъ кустовъ съ темнымъ предчувствіемъ истины. Я бы простоялъ такъ, чего добраго, всю ночь, еслибы незнакомецъ не повернулся, не увидѣлъ меня сквозь туманъ, начинавшій сгущаться, и не подозвалъ къ себѣ.

Я подошелъ съ тяжелымъ какъ свинецъ сердцемъ.

— Вотъ, любезный, сказалъ онъ съ англійскимъ акцентомъ вещи, которыя слѣдуетъ доставить въ Дэрисдиръ.

Я былъ такъ близко, что могъ уже разглядѣть очень красивое лицо и фигуру смуглаго, худощаваго, высокаго человѣка, съ живыми, быстрыми, черными глазами съ повелитель-

нымъ выраженіемъ, какъ у бойца, привыкшаго, чтобы ему оказывали повиновеніе.

На одной щекѣ у него была бородавка, но это его не портило; большой бриліантъ сверкалъ на пальцѣ; платье, хотя и черное, было щегольское и французскаго покроя; манжетки, болѣе длинныя, чѣмъ обыкновенно, были изъ прекраснѣйшаго кружева, и я дивился, видя его такимъ щеголемъ, когда онъ только-что высадился изъ грязной, контрабандистской лодки.

Въ то же время онъ самъ осмотрѣлъ меня съ головы до ногъ и улыбнулся.

— Я догадываюсь, кто вы такой, сказалъ онъ. Я по почерку вашему угадалъ, какъ вы должны быть одѣты, м-ръ Макъ-Келларъ.

При этихъ словахъ я затрясся.

— О! сказалъ онъ, вамъ нечего меня бояться. Я не сержусь на васъ за ваши скучныя письма; и очень разсчитываю на ваши добрыя услуги. Зовите меня м-ръ Балли; это мой псевдонимъ. Ну скорѣе возьмите это и это—онъ указалъ на два саквояжа—больше вамъ не снести, а остальное можетъ и тутъ полежать пока. Скорѣе, не будемъ терять времени, прошу васъ.

Тонъ его былъ такъ повелителенъ, что я исполнилъ его приказаніе совсѣмъ машинально. Не успѣлъ я взять саквояжи, какъ онъ пошелъ вдоль рощи, такъ какъ уже стемнѣло, а лѣсъ былъ густъ и пробраться черезъ него было не легко.

Я шелъ сзади, сгибаясь подъ своей ношей, хотя, по правдѣ сказать, ее и не чувствовалъ, я былъ подавленъ ужасомъ отъ его возвращенія, и мой умъ былъ въ оцѣпенѣніи.

Вдругъ я поставилъ саквояжи на землю и остановился. Онъ повернулся и взглянулъ на меня.

— Ну? сказалъ онъ.

— Вы м-ръ Баллантри?

— Замѣтьте, что я не таюсь отъ м-ра Макъ-Келлара.

— Ради Бога, зачѣмъ вы сюда пріѣхали? уѣзжайте пока не поздно.

— Благодарю васъ. Вашъ хозяинъ всему причиной, а не я; но такъ какъ онъ такъ захотѣлъ (да и вы также), то долженъ нести и послѣдствія. А теперь подбирайте эти вещи, которыя вы сложили на очень мокромъ мѣстѣ, и дѣлайте то, что вамъ приказываютъ.

Но я больше не думалъ его слушаться; я подошелъ къ нему и сказалъ:

— Если ничѣмъ нельзя убѣдить васъ уѣхать обратно, хотя безъ сомнѣнія, при существующихъ обстоятельствахъ, каждый христіанинъ, или просто даже джентльменъ, посовѣстился бы идти впередъ...

— Какія любезныя выраженія, замѣтилъ онъ.

— Если ничѣмъ нельзя убѣдить васъ уѣхать обратно, продолжалъ я, то все же необходимо соблюсти извѣстныя приличія. Подождите здѣсь съ багажемъ, а я пойду впередъ и предупрежу вашу фамилію. Вашъ отецъ старый человѣкъ и... я смутился... нужно соблюсти извѣстныя приличія.

— Вѣрно, сказалъ онъ, Макъ-Келларъ выигрываетъ при ближайшемъ знакомствѣ. Но послушайте, любезный, и поймите разъ навсегда—вы даромъ тратите свое краснорѣчіе со мной, а я поступаю всегда по-своему.

— Ахъ! такъ-то! увидимъ же, если такъ!

И съ этими словами я пустился бѣжать со всѣхъ ногъ въ Дэрисдиръ.

Онъ сердито сталъ звать меня назадъ, затѣмъ мнѣ показалось, что онъ засмѣялся, затѣмъ побѣжалъ было за мной, но скоро отсталъ.

Одно вѣрно, что когда нѣсколько минутъ позже я добѣжалъ до дверей дома, весь запыхавшись, я былъ одинъ. Я бросился со всѣхъ ногъ по лѣстницѣ и влетѣлъ въ залу, остановился передъ фамиліей, не въ силахъ сказать слова. Но, должно быть, лицо говорило за меня, потому что всѣ они вскочили съ мѣстъ и уставились на меня, какъ на привидѣніе.

— Онъ пріѣхалъ, промолвилъ я наконецъ.

— Онъ? спросилъ м-ръ Генри.

— Самолично! отвѣчалъ я.

— Мой сынъ! закричалъ милордъ.

— Ахъ! какой неосторожный мальчикъ! зачѣмъ онъ не остался тамъ, гдѣ былъ въ безопасности!

М-съ Генри ни слова не сказала; да я и не глядѣлъ на нее; самъ не знаю почему.

— Ну? сказалъ м-ръ Генри, съ трудомъ переводя духъ; а гдѣ же онъ?

— Я оставилъ его у рощи.

— Пойдемте къ нему.

Итакъ мы пошли вмѣстѣ и на полдорогѣ встрѣтили м-ра Балландри, который шелъ посвистывая и размахивая тросточ-

кой. Было еще на столько свѣтло, чтобы различить человѣка, но нельзя было разглядѣть выраженія его лица.

— Ага! Іаковъ, сказалъ м-ръ Баллантри, вотъ Исавъ-то и вернулся!

— Джемсъ! отвѣчалъ м-ръ Генри, ради Бога, зови меня по имени. Я не стану увѣрять, что радъ тебя видѣть, но добро пожаловать въ домъ нашихъ предковъ.

— Или въ *моемъ* домѣ? или въ *твоемъ*? отвѣчалъ Баллантри. Какъ прикажешь звать? Но это старая болячка, и лучше ее не трогать. Если ты не хотѣлъ содержать меня въ Парижѣ, то, конечно, не откажешь въ уголкѣ старшему брату въ Дэрисдирѣ?

— Все это праздныя рѣчи, и ты отлично понимаешь всѣ преимущества своего положенія.

— Да, кажется, отвѣчалъ тотъ съ легкимъ смѣхомъ.

И такъ кончилось свиданіе двухъ братьевъ, которые, надо замѣтить, даже не пожали другъ другу руки.

Баллантри повернулся ко мнѣ и приказалъ доставить его багажъ въ домъ.

Я съ своей стороны повернулся къ м-ру Генри за подтвержденіемъ, быть можетъ, не безъ досады.

— Пока м-ръ Баллантри будетъ здѣсь, м-ръ Макъ-Келларъ, вы премного обяжете меня, если будете исполнять его желанія, какъ и мои собственныя, сказалъ м-ръ Генри. Мы постоянно безпокоимъ васъ: будьте такъ добры, пришлите одного изъ слугъ...

Онъ сдѣлалъ удареніе на послѣднемъ словѣ. И вообще, его замѣчаніе заключало заслуженный упрекъ нахальству нашего гостя; но не произвело на него никакого впечатлѣнія...

И я ушелъ съ сердцемъ полнымъ гнѣва и отчаянія.

Когда я пришелъ въ залу, вся церемонія свиданія была окончена, и всѣ уже сѣли ужинать.

По разсѣянности, которая поразила меня въ сердце, мнѣ позабыли поставить приборъ за столомъ. Я видѣлъ одну сторону возвращенія Баллантри, теперь мнѣ предстояло узнать и другую. Онъ первый замѣтилъ, что я вошелъ въ комнату и остановился въ досадѣ. Онъ вскочилъ съ своего мѣста.

— А я, кажется, занялъ мѣсто добраго Макъ-Келлара! закричалъ онъ.—Джонъ, накрой еще приборъ для м-ра Балли; увѣряю, что онъ никому не помѣшаетъ, и вашъ столъ достаточно великъ; за нимъ найдется мѣсто для всѣхъ.

Я едва вѣрилъ своимъ ушамъ и глазамъ, когда онъ взялъ меня за плечи и усадилъ на мое мѣсто, смѣясь... такая ласковая шутка звучала въ его тонѣ. И пока Джонъ ставилъ ему приборъ, онъ подошелъ къ стулу отца и облокотился на него, а старикъ повернулся и поглядѣлъ на сына. И такая взаимная нѣжность выражалась въ каждомъ жестѣ обоихъ, что я могъ отъ удивленія только ухватиться за голову.

Онъ отлично игралъ комедію. Ни одного рѣзкаго слова не сорвалось съ его губъ; ни одного насмѣшливаго замѣчанія! Онъ отбросилъ даже свой рѣзкій англійскій выговоръ и говорилъ съ мягкимъ шотландскимъ акцентомъ. И хотя манеры его отличались изяществомъ, незнакомымъ Дэрисдиру, все же въ немъ была степенная величавость, которая намъ льстила, а не обижала насъ. И все это онъ дѣлалъ такъ ловко, а самъ былъ такъ красивъ, что я не удивлялся тому, что милордъ и м-съ Генри сидѣли съ сіяющими лицами, а Джонъ подавалъ кушанья со слезами на глазахъ.

Какъ скоро ужинъ кончился, м-съ Генри встала, чтобы уйти.

— Вы прежде никогда не уходили, Элейзонъ, замѣтилъ онъ.

— Но теперь всегда ухожу, отвѣтила она—и соврала.— Желаю вамъ покойной ночи, Джемсъ, и рада вашему воскресенію изъ мертвыхъ.

При этомъ голосъ ея задрожалъ и понизился.

Бѣдный м-ръ Генри. Онъ былъ мрачнѣе, чѣмъ когда-либо за ужиномъ, и хотя радъ былъ тому, что жена уходитъ, но недоволенъ причиной ея ухода; а слова ея поразили его въ самое сердце.

Съ своей стороны я тоже счелъ себя лишнимъ и хотѣлъ уйти вслѣдъ за м-съ Генри, но м-ръ Баллантри замѣтилъ это.

— Ай, ай, м-ръ Макъ-Келларъ, вотъ это нелюбезно съ вашей стороны, сказалъ онъ.—Я не хочу, чтобы вы уходили, вы какъ-будто считаете чужимъ блуднаго сына въ домѣ его отца. Придите, сядьте съ нами и выпейте еще рюмку вина вмѣстѣ съ м-ромъ Балли.

— Да, да, м-ръ Макъ-Келларъ, вступился милордъ; ни онъ, ни вы не чужіе въ этомъ домѣ. Я только-что говорилъ моему сыну—и голосъ его по обыкновенію зазвучалъ радостью при этомъ словѣ,—какъ много цѣнимъ мы ваши дружескія услуги.

И такъ я сѣлъ на мѣсто и молча сидѣлъ, пока всѣ не разошлись. Я могъ бы даже обмануться насчетъ характера этого человѣка, еслибы коварство его не проявилось въ одномъ пассажѣ.

Вотъ этотъ пассажъ: и читатель, которому извѣстно, какова была встрѣча между обоими братьями, самъ пойметъ все его значеніе. М-ръ Генри сидѣлъ нѣсколько мрачный, несмотря на всѣ усилія не показать и виду при милордѣ объ истинномъ положеніи вещей, какъ вдругъ Баллантри вскакиваетъ и хлопаетъ брата по плечу.

— Полно, полно, дружокъ, не вѣшай носа отъ того, что братъ вернулся. Все твое, и я тебѣ ни въ чемъ не завидую. Но и ты не долженъ завидовать тому, что для меня нашлось мѣстечко у комелька моего отца.

— Это вѣрно, Генри, сказалъ милордъ, слегка нахмурясь,— вещь очень рѣдкая въ немъ. Ты былъ добрымъ сыномъ притчи въ хорошемъ значеніи слова, а потому будь внимателенъ къ другимъ.

— Меня легко сдѣлать виноватымъ, замѣтилъ мистеръ Генри.

— Кто винитъ тебя? закричалъ милордъ, довольно рѣзко для такого мягкаго человѣка.—Ты заслужилъ мою благодарность и благодарность брата, и можешь на нее разсчитывать. Довольно съ тебя.

— Ай, Гарри, можешь, можешь разсчитывать на мою благодарность! подтвердилъ Баллантри.

И мнѣ показалось, что м-ръ Генри съ озлобленіемъ поглядѣлъ на него.

(*До слѣд.* №).

537/3

Въ конторѣ редакціи журнала „РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ“,

БОЛЬШАЯ МОРСК., № 30.

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

	цѣна.
ОДИНЪ ИЗЪ „БЕЗСМЕРТНЫХЪ“. Иллюстрированное изданіе. Романъ *Альфонса Доде*. Съ 38 рисунками въ текстѣ и 6 разсказовъ: **Дневникъ отшельника.— Бандитъ Квастана.—Сцены изъ парижскихъ нравовъ.— Звѣзды.—Кадуръ и Катель.—Подъ Рождество.** . . .	1 р. 50 к.
АПОЛЛОНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ МАЙКОВЪ. По поводу его пятидесятилѣтней литературной дѣятельности. Съ портретомъ	— „ 50 „
ГОРНАЯ ИДИЛЛІЯ. Повѣсть *Бретъ-Гарта*	— „ 40 „
ЛОНДОНЦЫ. Романъ въ 2-хъ частяхъ. *Э. Х. Муррея*.	— „ 50 „
ПРОРИЦАТЕЛЬ. Романъ въ трехъ частяхъ. *Вальтера Безанта*.	— „ 75 „
МИХАИЛЪ НИКИФОРОВИЧЪ КАТКОВЪ и его историческая заслуга. По документамъ и личнымъ воспоминаніямъ. *Н. А. Любимова*. Съ портр. и факсимиле.	1 „ 50 „
„ВЪ ЦАРСТВѢ РАЗУМНАГО“. Романъ Вальтера Безанта. Переводъ съ англійскаго	— „ 75 „

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Пріобрѣтенъ нами отъ прежнихъ издателей въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ журналъ „Русскій Вѣстникъ“, который и поступилъ въ продажу за 1858, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 68, 69 и 70 гг.—по **5** р. за годъ; за 1871, 72, 73, 74, 76, 77, 78, 79 и 80 гг.—по **7** р. за годъ, за 1881, 82, 83, 84 и 85—по **10** р. за годъ, за 1886, 87—по **14** р. за годъ съ пересылкою и доставкою. Подписчикамъ журнала дѣлается уступка 10%. Отдѣльные №№ журнала продаются по особому соглашенію съ конторою Редакціи.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

на 1890 годъ.

Годовое изданіе „Русскаго Вѣстника“, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1890 году стоитъ въ Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки и пересылки **15** р. **50** к., съ доставкою **16** р., съ пересылкою во всѣ города Россіи **17** р.

☞ Допускается взносъ въ два срока, только черезъ Контору Редакціи Журнала „Русскій Вѣстникъ“, а именно: при подпискѣ девять рублей, а остальная сумма къ 1-му Іюня. ☜

Заграницу принимается подписка въ государства, входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Данію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Румынію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты — **18** руб. Въ прочія мѣста заграницей подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка на „Русскій Вѣстникъ“ принимается въ Петербургѣ: для городскихъ — **въ Конторѣ Журнала „Русскій Вѣстникъ“ (Большая Морская, 30)**, въ Книжн. Магаз. „Новаго Времени“ (Невск., 38) и въ Конторѣ Тов. „Общ. Польза“ (Большая Подъяческая, д. 39); въ Москвѣ: въ Редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“—на Страстн. бульв., въ Книжн. Магаз. „Новаго Времени“ (Кузнецк. м., д. Третьякова) и у Н. Н. Печковской (Петровскія линіи).

☞ **И городскихъ и иногородныхъ просятъ покорнѣйше адресоваться прямо въ Контору „Русскаго Вѣстника“, Спб., Большая Морская, д. 30.**

Примѣчаніе. — 1) Почтовый адресъ долженъ заключать въ себѣ: имя отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) допускается выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) Перемѣна адреса должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе— 40 коп.— 3) Жалобы на неисправность доставки доставляются исключительно въ Контору Редакціи журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.

Редакторъ-издатель **Ф. Бергъ.**

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Спб., Больш. Подъяч., № 39.